ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ

ВЪ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XX-го ВѢКА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова.

Томъ IV.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ИЗМѢНЕНІЯ ЭКОНОМИЧЕСКАГО И ПОЛИТИЧЕСКАГО СТРОЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЯ ОТНОШЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъяческая, 39.
1910.

Оглавленіе.

т. IV, ч. I.

стр.

I. Измѣненія въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній.

П. МАСЛОВЪ. Земледѣльческое хозяйство послѣ революціи . . . 1— 32

М. БАЛАБАНОВЪ. Промышленность въ 1904—1907 гг. . . . . 33—135

1) Война и канунъ 1905 г. 33
2) Періодъ наибольшей промышленной депрессіи . . . 44
3) Промышленность и забастовки 1905—06 гг. . . . 49
4) Промышленная депрессія 1905—06 гг. 63
5) По пути къ «успокоенію» 110
6) Нѣкоторыя измѣненія въ строѣ капиталистическихъ отношеній 122

II. Измѣненія въ сферѣ финансовъ и государственнаго хозяйства.

В. МУКОСѢЕВЪ. Государственное хозяйство . . . . . 137—195

В. МУКОСѢЕВЪ. Кредитъ, биржа и денежное обращеніе . . . 196—220

III. Международныя отношенія.

М. ПАВЛОВИЧЪ. Внѣшняя политика Россіи отъ Портсмутскаго мира до нашихъ дней . . . . . 222—278

1. Англо-русское соглашеніе и средне-азіатскій вопросъ (Россія въ Средней Азіи) 224
2. Россія на Дальнемъ Востокѣ 249
   а) Россія и Японія 249
   б) Россія и Китай 256
3. Россія на Балканахъ 260

IV. Общая политика правительства.

Ф. ДАНЪ. Общая политика правительства и измѣненія въ государственной организаціи въ періодъ 1905—1907 гг. . . . . 279—392

1. 9 января—6 августа 1905—1907 гг. 281
2. 6 августа—27 октября 1905 г. 320
3. «Дни свободы» 342
4. Передъ Думой 365

Измѣненія въ сферѣ хозяйственныхъ отношеній.

П. МАСЛОВЪ.

Земледѣльческое хозяйство послѣ революціи.

I.

Аграрныя отношенія дореволюціонной Россіи накладывали отпечатокъ на всѣ соціальныя отношенія ея общественныхъ классовъ въ дореволюціонную эпоху. Ими опредѣлялись какъ положеніе и политическая роль дворянства и крестьянства, такъ и отношеніе дворянства и правительства къ крестьянамъ и крестьянскимъ учрежденіямъ, особенно къ общинному землевладѣнію.

Какъ извѣстно, огромное мѣсто въ помѣщичьемъ и крестьянскомъ хозяйствѣ занимала аренда помѣщичьихъ земель, распространенная по всей центральной Россіи.

Аренда, вызванная крестьянскимъ малоземельемъ и отсутствіемъ другихъ заработковъ въ центральной черноземной Россіи, носила характеръ *продовольственной* аренды, т. е. аренды, имѣющей цѣлью не полученіе прибыли арендатора, а полученіе средствъ, необходимыхъ для существованія, для уплаты налоговъ и проч.

Сдача въ мелкую продовольственную аренду крестьянамъ помѣщичьихъ земель установляла между крестьянами и землевладѣльцами своеобразную связь, напоминающую связь между помѣщикомъ и крѣпостными крестьянами. Землевладѣлецъ эксплоатировалъ крестьянъ, какъ мелкихъ самостоятельныхъ хозяевъ. Онъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы мелкое крестьянское хозяйство сохранялось, такъ какъ крестьянинъ является арендаторомъ и плательщикомъ только при условіи сохраненія его хозяйства. Окончательно разорившійся крестьянинъ уже не можетъ быть арендаторомъ и стремится уйти въ городъ на заработки.

Въ экономической борьбѣ изъ за аренды земель между мелкимъ продовольственнымъ и капиталистическимъ хозяйствомъ побѣждало мелкое хозяйство, но побѣждало цѣною своего собственнаго раззоренія. Вслѣдствіе конкурренціи съ капиталистическимъ хозяйствомъ и вслѣдствіе взаимной конкурренціи арендныя цѣны на помѣщичьи земли такъ поднялись, что крестьяне не только не получали отъ аренды и отъ своихъ земельныхъ надѣловъ необходимыхъ средствъ существованія, но должны были сокращать сред-

ства производства,—главнымъ образомъ скотъ,—чтобы продолжать вести свое продовольственное хозяйство [1]). Военно-конскія переписи констатируютъ колоссальное сокращеніе скота у крестьянъ въ теченіе девяностыхъ годовъ вплоть до начала революціи. Такимъ образомъ, крестьяне непомѣрнымъ повышеніемъ арендной платы захватили въ мелкую аренду огромную часть помѣщичьихъ земель, не дали возможности развиваться на нихъ капиталистическому батрацкому хозяйству, но тѣмъ самымъ подготовили кризисъ своего собственнаго продовольственнаго хозяйства. Ибо повышеніе арендной платы происходило на счетъ сокращенія необходимаго для сельскаго хозяйства живого инвентаря, а такое сокращеніе не могло продолжаться безконечно. У нѣкоторыхъ группъ крестьянъ кризисъ наступилъ раньше, у нѣкоторыхъ нѣсколько позже, но въ началѣ текущаго столѣтія раззореніе захватило уже такіе широкіе круги крестьянъ, что для нихъ все яснѣе и яснѣе обнаруживалась безвыходность положенія. Безъ аренды помѣщичьихъ земель вести свое хозяйство оказывалось невозможнымъ, а между тѣмъ арендныя цѣны были такъ вздуты, что продолжать дальше аренду оказывалось невозможнымъ. Какъ мы указали, уже въ 90-хъ годахъ аренда поддерживалась лишь при медленномъ „проѣданіи" скота. Дальше сокращать свои средства производства оказалось невозможно, такъ какъ безъ скота невозможна и аренда. Крестьянамъ представлялось только два выхода: или насильственное пониженіе арендной платы, или экспропріація помѣщичьей земли. Революціонное движеніе началось прежде всего съ требованія понизить арендную плату и съ насильственнаго захвата тѣхъ земель, которыя землевладѣльцы не хотѣли продолжать сдавать раззореннымъ арендаторамъ.

При такихъ условіяхъ наступилъ на ряду съ кризисомъ крестьянскаго хозяйства и кризисъ продовольственной аренды: мелкій арендаторъ уже не могъ платить вздутыя арендныя цѣны и конкуррировать съ капиталистическимъ хозяйствомъ.

Охарактеризованными выше условіями опредѣлялось и отношеніе класса землевладѣльцевъ къ крестьянамъ.

Пока „самостоятельный" крестьянинъ, имѣя надѣлъ, арендовалъ землю помѣщика по вздутымъ арендным цѣнамъ, при чемъ собственный крестьянскій надѣлъ давалъ возможность повысить арендную плату до колоссальныхъ размѣровъ, до тѣхъ поръ землевладѣлецъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы крестьянинъ имѣлъ собственный надѣлъ и собственное хозяйство. Ибо, получая часть средствъ существованія со своего надѣла, крестьянинъ могъ довольствоваться меньшей долей продукта съ арендуемой земли. Какъ рабочій или

[1]) По словамъ докладчика Херсонскому губернскому собранію, въ послѣдніе годы арендаторъ долженъ былъ доплачивать за снятую землю изъ своихъ сбереженій за прежніе годы, а эти „сбереженія" заключались, главнымъ образомъ въ скотѣ.

кустарь, имѣя небольшой клочекъ земли, можетъ работать за болѣе низкую заработную плату, такъ и крестьянинъ, имѣя свой клочекъ земли, можетъ довольствоваться меньшей долей продукта съ арендуемой земли.

Такимъ образомъ, до революціи землевладѣльцы были заинтересованы въ томъ, чтобы крестьяне имѣли надѣльную землю и свое хозяйство, потому что только при этомъ условіи они могли быть наиболѣе выгодными арендаторами и конкуррентами другъ другу. Безземельный и безхозяйный крестьянинъ уже плохой арендаторъ. Напротивъ, крестьянинъ-пролетарій для землевладѣльца, сдающаго земли въ мелкую аренду, является ненужнымъ, вреднымъ элементомъ, потому что при сдачѣ земли въ аренду потребности въ батракахъ нѣтъ.

Разумѣется, и до революціи нѣкоторые помѣщики вели батрацкое хозяйство, но эта группа землевладѣльцевъ была, главнымъ образомъ, въ западномъ и юго-западномъ краѣ, гдѣ не было общины.

Итакъ, заботливость землевладѣльцевъ о сохраненіи общины, какъ оплота противъ пролетаризаціи крестьянства, заботливость о сохраненіи крестьянскаго мелкаго хозяйства, либеральныя мѣры земцевъ, направленныя къ поддержанію крестьянскаго хозяйства, имѣли почву въ соціальныхъ отношеніяхъ, сложившихся до революціи.

Кризисъ крестьянскаго хозяйства, вызвавшій революціонное движеніе крестьянъ, попытки или понизить арендныя цѣны, или отобрать у помѣщиковъ земли, показалъ, что существованію продовольственной аренды наступаетъ конецъ, что можно разсчитывать или на аренду только со стороны „сильныхъ“ хозяевъ крестьянъ, или нужно вести батрацкое хозяйство. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ не только нѣтъ необходимости въ сохраненіи „самостоятельнаго“ хозяйства массы обѣднѣвшихъ крестьянъ, а, напротивъ, обезземеленіе части крестьянъ, съ одной стороны, укрѣпитъ „сильныхъ“ хозяевъ, съ другой стороны, дастъ безчисленные кадры батраковъ, дастъ дешевый батрацкій трудъ.

Разумѣется, переворотъ во взглядахъ землевладѣльцевъ и правительства на крестьянскій вопросъ произошелъ не благодаря правильнымъ теоретическимъ соображеніямъ, а на почвѣ практической, экономической и политической борьбы, которая привела къ такому пониманію сложившагося положенія вещей. Изъ этого мы видимъ, что историческія событія имѣютъ свою „логику“, что экономическое развитіе съ фатальной неуклонностью направляетъ борьбу общественныхъ классовъ въ опредѣленномъ направленіи, что и правительство и землевладѣльцы должны были пойти по тому пути, куда толкала ихъ экономическая необходимость: внести капиталистическія отношенія въ сельское хозяйство, дольше всего хранившее пережитки крѣпостного права...

II.

Крестьянское движеніе 1905—6 гг. заставило правительство и первую и вторую, и даже третью Государственную Думу обратить особенное вниманіе на аграрный вопросъ.

Государственная Дума перваго и второго созыва, благодаря лучшему избирательному цензу, не смотря на всяческія препятствія со стороны администраціи, лучше отражала интересы и настроенія демократическихъ слоевъ населенія и особенно крестьянства, чѣмъ Дума третьяго созыва. Первая Гос. Дума проектировала принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель въ пользу крестьянъ. Это, какъ извѣстно, и было главной причиной роспуска правительствомъ первой Гос. Думы.

Не желая, чтобы интересы землевладѣльцевъ потерпѣли какой нибудь ущербъ, правительство тѣмъ не менѣе не могло не предпринять какихъ либо мѣръ по земельному вопросу, такъ какъ было очевидно, что причиной крестьянскаго движенія являются сложившіяся земельныя отношенія.

Поэтому одновременно съ жестокими репрессіями, которыя обрушились на крестьянъ въ видѣ карательныхъ экспедицій, введенія „усиленной охраны" и т. п., правительство уже съ конца 1905 года пытается нѣкоторыми законодательными мѣрами удовлетворить и успокоить крестьянъ.

Манифестомъ 3 ноября 1905 года были уменьшены на половину съ 1 января 1906 года выкупные платежи съ крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, государственныхъ и удѣльныхъ, а съ 1 января 1907 года эти платежи прекращались совсѣмъ. Но значительная часть крестьянъ въ это время совсѣмъ не платила никакихъ налоговъ и крестьянскія волненія заставили правительство взиманіе этихъ платежей, давно уже превысившихъ выкупную ссуду, прекратить съ января 1906 года.

Тѣмъ же манифестомъ крестьянамъ обѣщано расширить операціи крестьянскаго банка и сдѣлать болѣе льготнымъ полученіе изъ него ссудъ посредствомъ увеличенія ихъ размѣра. Но это было время разцвѣта надеждъ крестьянъ на даровую прирѣзку помѣщичьихъ земель. Естественно, что манифестъ не произвелъ никакого впечатлѣнія на крестьянъ; но для землевладѣльцевъ расширеніе операцій крестьянскаго банка имѣло огромное значеніе, такъ какъ крестьянскія волненія понизили доходность и цѣны помѣщичьихъ земель. „Льгота", данная якобы крестьянамъ, не увеличила ихъ покупки, но привела къ дальнѣйшему повышенію цѣнъ на землю, и безъ того поднявшихся наканунѣ революціи. Ростъ среднихъ цѣнъ на земли, покупаемыя банкомъ, выразился въ слѣдующихъ цифрахъ [1]):

---

[1]) См. П. Масловъ. „Аграрн. вопр." т. II.

съ 1883 по 1895 г.	средняя цѣна десятины была		44,7	руб.
„ 1896 по 3 ноября 1905 г.	„	„	91,2	„
„ 3 ноября 1905 по 1 янв. 1907 г.	„	„	127	„
въ 1907 г.	„	„	139,7	„

Несмотря на „льготы“, покупки крестьянами земель черезъ крестьянскій банкъ сократились.

За время съ 3 ноября 1905 года по 1 янв. 1907 г. крестьянами пріобрѣтено было всего 532.846 дес. или за 14 мѣсяцевъ на 34.782 дес. менѣе, чѣмъ было куплено въ теченіе одного только 1904 года, хотя тотъ годъ, благодаря военному времени, далъ наименьшую площадь покупокъ за весь предшествующій періодъ, начиная съ 1898 г. Въ теченіе первыхъ 6 мѣсяцевъ 1907 года куплено крестьянами 377.880 дес., что по разсчету на годъ опять таки составляетъ менѣе покупокъ періода 1900—1901 года. Такимъ образомъ, указъ не только не „облегчилъ“ крестьянамъ возможности расширить свое землевладѣніе, но, благодаря повышенію цѣнъ, рѣзко сократилъ крестьянскія покупки, сдѣлавъ ихъ недоступными для массы „нуждающагося въ землѣ“ сельскаго населенія.

Но для землевладѣльцевъ расширеніе операцій крестьянскаго банка оказалось чрезвычайно выгоднымъ. Многіе землевладѣльцы, передъ тѣмъ запродавшіе земли крестьянамъ по болѣе низкимъ цѣнамъ, уничтожили сдѣлку, такъ какъ продажа крестьянскому банку по вздутымъ цѣнамъ оказалось гораздо выгоднѣе.

Правительство черезъ крестьянскій банкъ энергично занялось скупкой помѣщичьихъ земель, особенно у землевладѣльцевъ имѣвшихъ „хорошія связи“.

Въ революціонный періодъ, какъ увидимъ, арендныя цѣны понизились, а заработная плата сельскохозяйственныхъ рабочихъ повысилась. Это, разумѣется, повліяло на доходность земли, и землевладѣльцы охотно стали продавать крестьянскому банку свои земли по повышеннымъ цѣнамъ. Поэтому въ теченіе 1906-7 годовъ происходитъ огромный ростъ предложеній на продажу имѣній со стороны помѣщиковъ. Къ половинѣ 1907 года землевладѣльцами было заявлено къ продажѣ банку колоссальное количество земли, достигающее 12 милліоновъ десятинъ, тогда какъ еще къ 1 января 1907 года этотъ фондъ по даннымъ банка не составлялъ и 8 милл. десятинъ.

Правительству казалось, что продать по высокой цѣнѣ земли помѣщиковъ и этимъ успокоить крестьянъ,—операція очень выгодная и въ экономическомъ, и въ политическомъ отношеніи. Крестьяне, купившіе землю, должны принять сторону существущаго порядка. Вмѣстѣ съ тѣмъ землевладѣльцы получали колоссальную подачку, которая въ нѣкоторой степени должна была удовлетворить аппетиты, по крайней мѣрѣ, болѣе вліятельныхъ изъ нихъ.

Но оказалась, что эта операція имѣла и невыгодныя для правительства стороны. Покупка помѣщичьихъ земель по вздутымъ цѣнамъ ложилась всей тяжестью на государственный бюджетъ, такъ какъ крестьяне покупали земли вяло, а доходъ съ купленныхъ банкомъ земель не покрывалъ процентовъ на затраченный капиталъ.

Правительство принуждено было поторопиться съ распродажей скупленнаго имъ земельнаго фонда. Совѣтъ министровъ въ 1907 году рѣшилъ пріостановить покупку земель и заняться усиленной распродажей земельнаго фонда, пріобрѣтеннаго банкомъ. По мнѣнію совѣта министровъ, „всякое промедленіе въ распродажѣ принадлежащихъ крестьянскому банку земель одинаково нежелательно, какъ съ финансовой точки зрѣнія, такъ и съ точки зрѣнія землеустроительной". До перваго мая 1907 года банкъ располагалъ земельнымъ фондомъ въ 2.092.365 дес., стоимостью въ 215.401.337 руб., между тѣмъ какъ за время съ 3 ноября 1905 года по тотъ же срокъ было продано, какъ самимъ банкомъ, такъ и черезъ землеустроительныя комиссіи всего 170.119 дес. Такая медленная ликвидація земельнаго фонда „сказывается весьма неблагопріятно на финансовыхъ результатахъ дѣятельности банка", имѣнія банка даютъ „ничтожный доходъ (менѣе 0,15 проц. годовыхъ), далеко недостаточный для уплаты процентовъ по выпущеннымъ для покупки земли обязательствамъ". Въ 1906 году купленныя банкомъ земли давали также только 1,36 проц. дохода.

До 1 января 1907 года крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ было разрѣшено къ продажѣ за свой счетъ 2.383 имѣнія площадью въ 3.252 тыс. десятинъ и стоимостью въ 368,9 милл. рублей. За первое полугодіе 1907 года количество запроданныхъ имѣній доходило уже до 3.620, съ общей площадью въ 4.335 тыс. десятинъ на сумму около 480,5 милл. рублей.

Для скупки земель крестьянскій банкъ выпускалъ 6% обязательства, по которымъ онъ долженъ былъ уплачивать деньги, получаемыя съ покупателей крестьянъ. Но крестьяне, какъ замѣчено, неохотно покупали дорогія банковскія земли, а, купивши, еще неохотнѣе уплачивали ссуды. Крестьянскій банкъ оказался въ затруднительномъ положеніи. „Въ его кассу крайне неисправно поступаютъ какъ платежи по выданнымъ ссудамъ, такъ и арендные платежи за земли, сданныя крестьянамъ въ пользованіе изъ имѣній банка. Министръ вн. дѣлъ П. А. Столыпинъ циркулярно предложилъ губернаторамъ сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы крестьянскія учрежденія и полицейскія власти оказывали полное содѣйствіе чиновникамъ банка въ дѣлѣ взысканія съ крестьянъ недоимокъ. Кромѣ того, министръ вн. дѣлъ находитъ полезнымъ, чтобы чины полиціи также со своей стороны принимали необходимыя мѣры къ побужденію крестьянъ исправно выполнять свои обязанности

передъ банкомъ. При этомъ П. А. Столыпинъ указываетъ, что правительство придаетъ большое значеніе настойчивому взысканію съ крестьянъ платежей. Правительство озабочено ликвидаціей находящагося въ распоряженіи крестьянскаго банка обширнаго земельнаго фонда. Въ виду этого, представляется особенно своевременнымъ и необходимымъ укрѣпить въ заемщикахъ банка и съемщикахъ его земель правильную точку зрѣнія (!) на ихъ обязательства передъ этимъ учрежденіемъ".

Въ связи съ операціями крестьянскаго банка находится дѣятельность землеустроительныхъ комиссій, которыя были организованы на основаніи закона 4 марта 1906 года.

Передъ созывомъ первой Государственной Думы, правительство издало законъ объ организаціи уѣздныхъ землеустроительныхъ комиссій, въ обязанность которыхъ „вмѣняется выясненіе положенія крестьянскаго землевладѣнія для содѣйствія крестьянскому банку въ его операціяхъ". Кромѣ того, этимъ комиссіямъ поручается „обсужденіе вопросовъ о цѣлесообразности пріобрѣтенія банкомъ предполагаемыхъ къ покупкѣ имѣній и о порядкѣ ликвидаціи ихъ, установленіе степени нужды крестьянъ въ продаваемой землѣ и къ выясненію ея дѣйствительной стоимости, а равно посредничество между продавцами ея и покупателями крестьянами и помощь имъ въ сношеніяхъ съ банкомъ и въ выполненіи необходимыхъ формальностей". Губернскія комиссіи должны объединять дѣятельность уѣздныхъ, наблюдать за ними и разрѣшать разногласія.

Уѣздныя землеустроительныя комиссіи состоятъ подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства изъ предсѣдателя комиссіи, а въ случаѣ его отсутствія лица, назначеннаго главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія, уѣзднаго члена окружного суда или предсѣдателя мировыхъ судей, члена отъ удѣльнаго вѣдомства въ уѣздахъ, гдѣ имѣются удѣльныя земли, податнаго инспектора и земскаго начальника или соотвѣтствующаго должностного лица, къ раіону которыхъ относятся подлежащіе обсужденію вопросы, трехъ членовъ по избранію отъ уѣзднаго земскаго собранія и трехъ представителей отъ крестьянъ, назначаемыхъ по жребію изъ числа кандидатовъ, избираемыхъ по жребію волостными сходами уѣзда.

Въ губернскихъ комиссіяхъ засѣдаютъ предсѣдатели отъ такихъ же учрежденій, но губернскихъ. Кромѣ этого, присутствуетъ губернаторъ, въ качествѣ предсѣдателя, и управляющіе мѣстными отдѣленіями дворянскаго и крестьянскаго банковъ.

Землеустроительныя комиссіи должны были насаждать хуторское землевладѣніе на купленныхъ крестьянами земляхъ. Устраивались даже поѣздки крестьянъ изъ раіоновъ общиннаго землевладѣнія въ раіоны хуторского землевладѣнія для ознакомленія съ нимъ.

Какъ и всякое бюрократическое начинаніе, землеустроительныя комиссіи не считались со всей сложностью и разнообразіемъ жизни и экономическихъ условій, стараясь насаждать хуторское землевладѣніе вездѣ, по всей Россіи, каковы бы ни были мѣстныя условія.

III.

Дѣятельность землеустроительныхъ комиссій находилась въ тѣсной связи съ закономъ 9 ноября 1906 года о выдѣлѣ изъ общины, имѣющимъ наиболѣе важное значеніе, съ указомъ 12 августа о продажѣ черезъ крестьянскій банкъ удѣльныхъ земель, по мѣрѣ прекращенія арендныхъ договоровъ, и указомъ о распродажѣ крестьянамъ оброчныхъ казенныхъ земель.

Всѣхъ казенныхъ земель въ Европейской Россіи насчитывается около 140 милл. десятинъ, но большая часть изъ нихъ расположена въ рѣдко населенныхъ губерніяхъ и состоитъ изъ лѣсовъ и болотъ въ Архангельской, Вологодской, Олонецкой, Пермской и Вятской губерніяхъ. Изъ всѣхъ государственныхъ земель предполагалось распродать 4 милліона десятинъ оброчныхъ статей, да около трехъ милліоновъ десятинъ занятыхъ лѣсомъ. Но большая часть этихъ земель расположена въ такихъ губерніяхъ, гдѣ малоземелье у крестьянъ не такъ чувствительно. Больше всего казенныхъ оброчныхъ земель находится въ губерніяхъ Саратовской (болѣе 200 тыс. дес.), Самарской (1.350 тыс. д.), Астраханской (840 т. д.), Таврической (214 т. д.), Пермской (257 т. д.), Оренбургской (225 т. д.), Херсонской (218 т. д.) Уфимской (190 т. д.). Всѣ эти губерніи и уѣзды, въ которыхъ находятся казенныя оброчныя земли, имѣютъ большое количество крестьянской надѣльной земли на дворъ и въ нихъ, какъ видно изъ приведенныхъ во второмъ томѣ данныхъ [1]), въ этихъ раіонахъ кризисъ крестьянскаго хозяйства или совсѣмъ не проявился, или проявился наиболѣе слабо. Такимъ образомъ, продажа казенныхъ земель не могла имѣть большого экономическаго значенія, кромѣ формальнаго превращенія арендаторовъ казенныхъ земель въ собственниковъ.

Такое же значеніе имѣетъ и продажа удѣльныхъ земель. Удѣльныя земли расположены также въ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ губерній и въ губерніяхъ Кіевской, Подольской и Симбирской. Въ раіонахъ югозападномъ, малороссійскомъ, среднечерноземномъ, балтійскомъ и промышленномъ черноземномъ крестьянами наиболѣе сильно чувствовался недостатокъ земли, наибольшая доля которой принадлежитъ здѣсь помѣщикамъ и меньше всего казнѣ и удѣламъ.

Огромное соціально-экономическое значеніе имѣлъ указъ 9 ноября 1906 г. Сущность указа сводится къ слѣдующему:

---

[1]) См. „Обществ. движ. въ XX в.“, т. II. Крестьянское движеніе.

Выкупные платежи крестьянъ за надѣльныя земли прекращаются съ 1-го января 1907 года. „Съ этого срока, говорится въ указѣ, означенныя земли освобождаются отъ лежащихъ на нихъ, въ силу выкупного долга, ограниченій, и крестьяне пріобрѣтаютъ право свободнаго выхода изъ общины, съ укрѣпленіемъ въ собственность отдѣльныхъ домохозяевъ, переходящихъ къ личному владѣнію участковъ изъ мірского надѣла". Исходя изъ этого, указъ постановляетъ слѣдующія правила:

1) Каждый домохозяинъ, владѣющій надѣльною землею на общинномъ правѣ, можетъ во всякое время требовать укрѣпленія за собою въ личную собственность причитающейся ему части изъ общинной земли.

2) Если въ общинѣ въ послѣдніе 24 года не было передѣловъ, то за каждымъ домохозяиномъ, по его желанію, укрѣпляются въ личную собственность, сверхъ усадебнаго участка, всѣ участки общинной земли, находящіеся въ его постоянномъ пользованіи.

3) Если въ теченіе 24 лѣтъ, предшествовавшихъ заявленію отдѣльныхъ домохозяевъ о выходѣ изъ общины, были передѣлы, то въ личную собственность укрѣпляются тѣ участки земли, которые находятся въ пользованіи послѣ послѣдняго передѣла. При этомъ, если въ пользованіи домохозяина находится излишекъ, то онъ отдается въ личную собственность при уплатѣ за него выкупной цѣны. За отдѣлившимися отъ общины домохозяевами признается право пользоваться общинными угодьями, которыя используются или передѣляются на особыхъ условіяхъ (общее пользованіе выгонами, особые передѣлы луговъ, лѣса и проч.). Если въ мѣсячный срокъ со дня заявленія сельское общество не составитъ приговора о выдѣленіи пожелавшаго выдѣлиться домохозяина, то указъ предоставляетъ земскому начальнику право выдѣлить домохозяина, указать размѣръ и родъ отдѣляемыхъ угодій и т. д. [1]).

Это мѣропріятіе правительства имѣетъ большое и политическое, и экономическое значеніе. Покровительствуя болѣе зажиточнымъ слоямъ крестьянства, правительство разсчитывало привлечь симпатіи этого наиболѣе вліятельнаго слоя деревенскаго населенія, чтобы опереться на него противъ менѣе „благонадежныхъ" бѣднѣйшихъ слоевъ. И несомнѣнно, поскольку правительству удалось обострить борьбу внутри крестьянства, постольку оно ослабило демократію.

Изъ характеристики крестьянскаго движенія 1905-7 г. видно, что крестьянское движеніе противъ помѣщиковъ перешло въ взаимную борьбу различныхъ слоевъ крестьянства, несомнѣнно, въ значительной степени подъ вліяніемъ этого правительственнаго мѣропріятія. Въ началѣ крестьянскаго движенія только въ Польшѣ и отчасти въ Малороссіи отмѣчалась борьба

---

[1]) См. П. Масловъ „Аграрн. Вопр." т. II, стр. 336—9.

между беднѣйшими крестьянами съ одной стороны и богатыми крестьянами — съ другой.

Въ 1907 году эта борьба разгорается и въ центральной Россіи, особенно тамъ, гдѣ сильнѣе проявилось стремленіе части крестьянъ укрѣпить за собой свои надѣлы по закону 9 ноября.

Но стремленіе крестьянъ къ укрѣпленію своихъ долей при черезполосномъ владѣніи вызывается не желаніемъ укрѣпить за собой опредѣленныя конкретныя полосы земли, черезполосно съ другими такими же полосами, а стремленіемъ лишь фиксировать свою *долю* въ общинной землѣ, чтобы избѣжать ея сокращенія при передѣлахъ, или для того, чтобы ее продать. Между тѣмъ правительство во что бы то ни стало хочетъ закрѣпить черезполосно опредѣленныя конкретныя полосы земли. Въ циркулярѣ земск. отд. М. Вн. дѣлъ № 24, 1907 года, разъясняется, что „согласно точному смыслу указа 9 ноября 1906 года... *въ полевыхъ и другихъ передѣляемыхъ на общихъ основаніяхъ угодьяхъ укрѣпленію подлежатъ тѣ самые опредѣленные въ натурѣ участки (полосы), которые состоятъ въ дѣйствительномъ пользованіи переходящихъ къ личному владѣнію домохозяевъ, а отнюдь не души*, паи или надѣлы, понимаемые въ смыслѣ долей участія домохозяевъ въ пользованіи этими угодьями". Но крестьяне лучше чиновниковъ понимаютъ нелѣпость укрѣпленія мелкихъ полосокъ, черезполосныхъ съ другими владѣніями, и *въ дѣйствительности* укрѣпляютъ за собою и даже *продаютъ* свои доли или паи участія въ общинной землѣ, и, такимъ образомъ, отчасти препятствуютъ образованію той черезполосной путаницы, которая образовалась бы отъ укрѣпленія конкретныхъ полосъ земли. Теперь пока еще трудно рѣшить, удастся ли крестьянамъ, при существованіи приведенныхъ разъясненій мин. вн. дѣлъ, избѣжать фиксаціи черезполосныхъ участковъ и найденъ ли будетъ иной выходъ (обмѣна полосами и проч.), для соединенія полосъ и предохраненія ихъ отъ дальнѣйшаго раздробленія безъ выхода на отрубные участки.

Во всякомъ случаѣ изъ приведеннаго разъясненія мин. вн. дѣлъ видно, что правительство не особенно заботится объ удобствахъ землепользованія, фиксируя черезполосное владѣніе въ предѣлахъ общины.

Правительство, издавая законъ 9 ноября, совершенно не считалось съ конкретными хозяйственными условіями въ различныхъ пунктахъ страны, и, признавши общину вредной, стало такъ же настойчиво и насильственно ее разрушать, какъ раньше насильственно ее сохраняло.

Въ данномъ случаѣ правительство обнаружило такое же плохое пониманіе хозяйственныхъ отношеній, какое, между прочимъ, обнаружили и либеральные безусловные защитники общины, для которыхъ община имѣетъ

абсолютную цѣнность независимо отъ различія хозяйственныхъ условій, въ которыхъ она существуетъ.

Не трудно, однако, видѣть, что общинное землевладѣніе имѣетъ значеніе въ зависимости отъ хозяйственныхъ условій. Напримѣръ, тамъ, гдѣ населеніе рѣдкое и выгоднѣе вести переложное хозяйство, общинное землевладѣніе съ общимъ выгономъ является необходимымъ для веденія наиболѣе раціональнаго переложнаго хозяйства, когда необходимо запускать пашню подъ общій выгонъ и распахивать старый выгонъ. При стойловомъ содержаніи скота существующая теперь общинная форма землевладѣнія вредна, такъ какъ при интенсивномъ хозяйствѣ не даетъ возможности наиболѣе раціонально использовать земельную площадь. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что нельзя говорить о вредѣ общины вообще, независимо отъ хозяйственныхъ условій, или что ее нужно во что бы то ни стало сохранять: при однихъ условіяхъ она необходима, при другихъ—вредна.

Мѣстная администрація, поощряемая центральнымъ правительствомъ, приложила всѣ условія къ тому, чтобы побудить крестьянъ выдѣляться изъ общины.

Но до созыва и роспуска второй Государственной Думы широкаго примѣненія правительственные указы не имѣли, не смотря на усилія мѣстной и центральной администраціи. Крестьяне, питая надежды на Государственную Думу, упорно не желали воспользоваться предлагаемыми „льготами“ и не вѣрили въ благожелательность правительства. Кое гдѣ крестьяне выдѣлялись изъ общины, кое гдѣ они обращались къ содѣйствію крестьянскаго банка при покупкѣ земли, но эти случаи не имѣли еще большого значенія. Въ большей части отвѣтовъ Вольному Экономическому Обществу (1907 годъ) на вопросъ въ его анкетѣ, какъ крестьяне относятся къ аграрнымъ мѣропріятіямъ правительства, корреспонденты отвѣчаютъ: „съ недовѣріемъ“, „враждебно“ и т. д.

Послѣ указа 9 ноября былъ опубликованъ 17 ноября сенатскій указъ, которымъ предоставляется право закладывать свои надѣлы.

Совокупность этихъ правительственныхъ мѣропріятій, по мѣрѣ усиленія реакціи и ослабленія надеждъ крестьянъ расширить свое землепользованіе, повела къ постепенному усиленію мобилизаціи не только земли, но и населенія.

IV.

Въ первое время послѣ изданія закона 9 ноября, какъ мы замѣтили, крестьяне неохотно пользовались имъ. Однако, постепенно мобилизація надѣльной земли начинаетъ усиливаться.

До 1 мая 1909 года, по свѣдѣніямъ Земскаго Отдѣла, подали заявленія объ укрѣпленіи надѣльной земли въ личную собственность 1.352.036

домохозяевъ. Изъ нихъ 778.263 уже окончательно перешли къ личной собственности. Площадь окончательно укрѣпленной въ личную собственность земли достигла къ этому времени 5.917.030 дес., т. е. безъ малаго 6 милл. десятинъ... Но укрѣпленіе въ теченіе протекшихъ 28 мѣсяцевъ шло далеко неравномѣрно: темпъ его все время возрасталъ. Такъ, если мы раздѣлимъ этотъ періодъ на части, то получимъ слѣдующія цифры.

	Въ среднемъ въ мѣсяцъ укрѣплялось (въ тысячахъ)	
	домохозяевъ	десятинъ.
Съ 1 янв. 1907 по 1 февр. 1908 г.	8,5	66,5
Съ 1 февр. 1908 по 1 март. 1909 г.	35,5	273,3
Съ 1 март. „ по 1 мая 1909 г.	55,3	386,0

Въ 1909 году процессъ выдѣленія крестьянъ изъ общины происходитъ въ 7 разъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ 1907 году, и, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, неуклонно прогрессируетъ. Но число выдѣлившихся изъ общины лицъ еще не указываетъ на число хозяйствъ, организованныхъ на выдѣленныхъ земляхъ. Значительную часть крестьянъ, потребовавшихъ выдѣла своей земли, составляютъ „отбившіеся“ отъ земли пролетаріи, служащіе и проч., получившіе выдѣлъ исключительно для продажи. По словамъ тов. министра вн. дѣлъ, „контингентъ лицъ, который продаетъ участки,— это лица, отбившіеся отъ земли, всякіе швейцары, дворники, у которыхъ гуляла земля въ арендѣ, которые пользовались ею, получая арендныя деньги, и которые, воспользовавшись этимъ закономъ, освобождаются отъ земли, такъ какъ она имъ не нужна, земледѣліемъ они не занимаются. Въ значительной части случаевъ пользуются этимъ переселенцы... Наконецъ, воспользовались этою возможностью укрѣплять свои участки и очень малоземельные крестьяне, которые обратились затѣмъ къ землеустроительнымъ комиссіямъ для того, чтобы купить земли черезъ посредство Крестьянскаго Банка“. Такъ какъ надѣльныя земли продаются за безцѣнокъ—въ два, три раза дешевле, чѣмъ помѣщичьи земли въ томъ же раіонѣ, и такъ какъ крестьянскій банкъ покупаетъ и продаетъ крестьянамъ земли въ „тридорога“, то можно по этому судить, на какую выгодную операцію толкаетъ крестьянъ администрація, рекомендуя ее. Продавши дешево надѣльную землю и купивши дорого землю у крестьянскаго банка, крестьянинъ въ концѣ концовъ запутывается въ долгахъ и теряетъ и ту, и другую землю. Корреспонденты изъ различныхъ раіоновъ Европейской Россіи подтверждаютъ, что отъ земли „освобождаются“ не только крестьяне, „отбившіеся“ отъ земледѣлія, но и наименѣе зажиточный слой крестьянъ земледѣльцевъ.

Разрушеніе общины происходитъ, главнымъ образомъ, въ раіонахъ, гдѣ

она и раньше не была прочной и гдѣ преобладали переходныя формы къ подворному землевладѣнію. По даннымъ „Извѣстій земскаго отдѣла“ 1909 г., процессъ выдѣленія изъ общины идетъ особенно быстро въ Могилевской губерніи, а также въ Екатеринославской, Таврической, Херсонской, Самарской и Саратовской и въ трехъ центральныхъ губерніяхъ (Курской, Орловской и Харьковской).

Съѣздъ непремѣнныхъ членовъ губернскихъ присутствій съ удовольствіемъ констатируетъ, что въ 1908—9 году число укрѣпленныхъ участковъ быстро увеличивается. Такъ въ 1908 году противъ 1907 года число укрѣпленій въ Псковской губ. возросло болѣе, чѣмъ въ 25 разъ, почти въ 20 разъ оно увеличилось въ губерніяхъ Екатеринославской, Вятской, Бессарабской, Курской, Московской, Казанской, Симбирской, Тамбовской и др.

Но число отрубныхъ участковъ, гдѣ, по мнѣнію правительства, должна процвѣтать земледѣльческая культура, увеличивается далеко не такъ быстро. Отрубные участки нарѣзаются, главнымъ образомъ, въ районахъ подворнаго владѣнія (въ Витебской, Могилевской, Волынской, Смоленской губерніяхъ).

Укрѣпленіе земли въ личную собственность отдѣльныхъ домохозяевъ, по мысли правительства, составляетъ лишь первую стадію перехода къ новому хозяйству, которое должно быть основано на выдѣленныхъ къ одному мѣсту участкахъ. Но такого рода выдѣлъ совершается гораздо медленнѣе. На 1 мая 1909 г. участки отведены къ одному мѣсту только 28.059 домохозяевамъ, на пространствѣ 307.314 дес. Такимъ образомъ, выдѣлилось къ одному мѣсту только всего 3,6 проц. всѣхъ домохозяевъ, укрѣпившихъ за собою земли, а выдѣленная площадь составляетъ только 5,2% всей укрѣпленной по закону 9 ноября площади земли. При этомъ къ выдѣлу участковъ къ одному мѣсту прибѣгаютъ, главнымъ образомъ, многоземельные крестьяне, средній размѣръ отрубныхъ участковъ равняется 10,9 дес., между тѣмъ какъ средній размѣръ укрѣпленныхъ участковъ только 7 дес. Въ виду того, что большая часть крестьянъ только укрѣпляютъ за собой землю и не выдѣляются на хутора, очевидно, что выдѣляются крестьяне большею частью не для веденія хозяйства „на новыхъ началахъ“, а для продажи или для сохраненія старыхъ размѣровъ надѣла изъ опасенія уменьшенія вслѣдствіе передѣла. На первое сентября 1909 года, по даннымъ „Извѣстій земскаго отдѣла“, домохозяевъ, продавшихъ свои надѣлы, насчитывалось 82.274 съ площадью проданной ими земли въ 419.788 десятинъ. Слѣдовательно, обезземелилось свыше 10% домохозяевъ, укрѣпившихъ по 1-е мая 1909 года свои надѣлы. „Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ продажа укрѣпленныхъ въ личную собственность земель приняла уже очень широкіе размѣры. Такъ, въ Екатеринославской губ. продали свои участки 19 проц. домохозяевъ, укрѣпившихъ землю за собою, въ Таврической—24,2%, Рязанской—25,6%, Черниговской

говской—26,8 проц. [1]). Такимъ образомъ, укрѣпленіе общинныхъ земель ведетъ не столько къ улучшенію хозяйства выдѣлившихся крестьянъ, сколько къ ихъ обезземеленію.

Переходъ къ хуторскому хозяйству происходитъ, какъ мы замѣтили, гораздо медленнѣе, такъ какъ онъ недоступенъ для малоземельныхъ и менѣе зажиточныхъ крестьянъ. Образованіе отрубовъ связано съ довольно значительными затратами дежежныхъ средствъ. Характерныя въ этомъ отношеніи цифры находятся въ запискѣ г. Н. Салова, „Къ вопросу землеустройства", представляющей отчетъ о землеустройствѣ въ Балашевскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи. Устройство здѣсь 102 хуторовъ (каждый въ среднемъ по 18,7 дес.) обошлось,—съ покупкой земли, землемѣрными работами, ссудами на переселеніе и т. д.—въ 263,3 тыс. рублей, въ среднемъ по 2.581 р. 56 к. на хуторъ.

Изъ другого участка земли въ 1.914 дес. образованы хутора, на которыхъ поселились 81 отрубщикъ съ переселеніемъ и 20 безъ переселенія, при чемъ израсходовано 253,1 тыс. рублей, или на каждаго покупщика въ среднемъ по 2.490 руб. 65 коп. [2]).

Вполнѣ понятно, почему *число крестьянъ, укрѣпившихъ и продавшихъ свои надѣлы, значительно превышаетъ число крестьянъ, выдѣлившихся въ отруба. Т. е. процессъ пролетаризаціи крестьянъ идетъ быстрѣе, чѣмъ* процессъ организаціи хуторскаго хозяйства.

Изъ 2.090 обществъ, разверставшихся на отдѣльные участки въ теченіе двухъ лѣтъ, приходится:

на Витебскую	губ.	591
„ Смоленскую	„	322
„ Псковскую	„	254
„ Могилевскую	„	163
„ Ковенскую	„	146
„ Виленскую	„	99

Итого на 6 губерній приходятся 1.575 обществъ изъ 2.090, т. е. 75% общаго числа [3]).

Въ среднемъ на каждое разверставшее земли селеніе приходится 25 дворовъ. Слѣдовательно, разверстываются мелкія селенія и главный недостатокъ общиннаго землевладѣнія—отдаленность полей въ *крупныхъ* селеніяхъ не устраняется, потому что крупныя селенія не переходятъ къ хуторскому хозяйству.

---

[1]) Н. Кутлеръ. Земельный вопросъ. „Рѣчь". № 1, 1910 г.
[2]) Б. Веселовскій. Утопизмъ и реальная политика. „Совр. Міръ" I, 1910 г.
[3]) Тамъ же стр. 8.

Въ 1909 году Государственная Дума приняла „Положеніе о землеустройствѣ", которое является дальнѣйшимъ развитіемъ закона 9 ноября. „Положеніемъ" предполагается уничтожить черезполосицу между домохозяевами, выдѣлившимися изъ общины, объединять участки въ отруба и образовывать хутора. Кромѣ того „Положеніемъ" предполагается уничтожить черезполосицу у подворныхъ владѣльцевъ, разверстывать землю между отдѣльными селеніями, дробить крупныя селенія и т. д.

Но „землеустроительствомъ" на крестьянскихъ надѣльныхъ земляхъ правительство занималось и до принятія Государственной Думой „Положенія о землеустройствѣ". За 1907 и 1908 года землемѣрныя работы были произведены на надѣльныхъ земляхъ на 1.154.470 дес., на земляхъ крестьянскаго банка — на 1.143.177 дес. и на казенныхъ земляхъ на 251,343 дес. Разумѣется, такого рода „землеустройство", заключающееся въ землемѣрныхъ работахъ, ничуть не рѣшаетъ аграрнаго вопроса, хотя правительство старается подчеркнуть особенное значеніе именно этого рода мѣропріятій. Малоземельные одинаково останутся малоземельными, какія бы землемѣрныя работы не предпринимались для разверстанія угодій.

V.

Но, можетъ быть, въ хозяйствахъ, организованныхъ на отрубныхъ участкахъ, земледѣліе стало процвѣтать и крестьяне стали обогащаться, перейдя къ хуторскому владѣнію?

Въ настоящее время еще мало точныхъ изслѣдованій о состояніи хозяйства крестьянъ, перешедшихъ къ хуторскому владѣнію, тѣмъ не менѣе кое-что имѣется. Такъ, „согласно циркуляру главноуправляющаго землеустройствомъ и земледѣліемъ", верхнеднѣпровской земской управой было сдѣлано обслѣдованіе хуторскихъ хозяйствъ уѣзда. При изслѣдованіи „во время производства работы у обслѣдователей получилось довольно опредѣленное впечатлѣніе, что общая масса хуторовъ въ агрономическомъ и техническомъ отношеніяхъ не представляютъ рѣзкой разницы отъ общиннаго хозяйства, что какъ тѣ, такъ и другія страдаютъ отсутствіемъ знанія, агрономическихъ улучшеній... Кромѣ того, получилось впечатлѣніе, что (хутора) не представляютъ вполнѣ оформившейся категоріи землевладѣнія... Даже *купившіе* землю компаніей въ собственность такъ мало цѣнили округленность участка, что разверстывали ее между собою черезполосно. Такимъ образомъ, большинство хуторовъ оказалось не въ одной межѣ".

Несмотря на болѣе удобное расположеніе угодій на хуторахъ, „эти удобства не въ состояніи радикально повліять на доходность хозяйства. При обслѣдованіи мелкихъ хуторовъ... обыкновенно констатировалось, что

въ большинствѣ случаевъ при современномъ уровнѣ техники малоземельные хозяева не живутъ на хуторахъ, а въ селахъ".—Между хуторянами, имѣющими свыше 50 дес., напротивъ, уже рѣдко встрѣчается черезполосица; они хозяйствуютъ съ наемнымъ трудомъ и ихъ хозяйства снабжены полнымъ комплектомъ инвентаря. „Уже при 20-десятинномъ хозяйствѣ—обычны жнеи, молотилки, конныя грабли, вѣялки, разбросныя сѣялки, бункера, катки, а въ колонистскихъ хозяйствахъ даже сноповязалки".

Казалось бы, хуторяне, имѣющіе небольшіе участки земли и имѣющіе возможность прилагать больше труда на меньшую площадь земли, должны были бы получать болѣе высокіе урожаи и большій доходъ съ десятины земли. Такъ по крайней мѣрѣ утверждаютъ всѣ защитники мелкаго хозяйства, указывая на это, какъ на главное преимущество передъ крупнымъ. Однако и это предположеніе не оправдывается. Валовой доходъ съ десятины пашни отъ полеводства у колонистовъ достигаетъ 75 руб. 48 коп., у крупныхъ хуторянъ—48 руб. 82 коп., у среднихъ—42 руб. 30 коп., у общинниковъ—42 руб. 30 коп. и у мелкихъ хуторянъ—38 руб. 90 коп.

Валовой доходъ съ десятины пашни отъ продуктовъ земледѣлія лучше всего показываетъ степень культуры обрабатываемой земли. Но этотъ показатель говоритъ за то, что только въ крупныхъ хуторскихъ хозяйствахъ культура земли выше, чѣмъ у общинниковъ. У среднихъ хуторскихъ хозяйствъ она одинакова съ культурой на общинныхъ земляхъ, а у мелкихъ землевладѣльцевъ—хуторянъ даже ниже, чѣмъ на общинныхъ земляхъ. Между крупными и мелкими хуторами разница въ доходности земли равняется 12 рублямъ съ десятины.

Денежныя поступленія отъ скота на десятину пашни располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ. У колонистовъ по 10 руб. 72 коп. на десятину, у крупныхъ хуторянъ 7 руб. 50 коп., у мелкихъ 3 руб. 68 коп., у общинниковъ—3 руб. 40 коп. и у среднихъ хуторянъ 2 руб. 71 коп. Такимъ образомъ, если сложить доходъ отъ полеводства и отъ скотоводства, то мы найдемъ, что только крупные хуторяне и колонисты получаютъ значительно большій доходъ съ десятины земли, чѣмъ общинники. Средніе же и мелкіе хуторяне получаютъ меньшій доходъ. Хваленая культура отрубныхъ участковъ оказывается у мелкихъ хуторянъ хуже, чѣмъ у общинниковъ.

Сумма денежныхъ поступленій изъ всѣхъ источниковъ на хозяйство у колонистовъ равняется 1.248 руб., у крупныхъ хуторянъ—664 руб. 50 коп., среднихъ—261 руб. 80 коп., общинниковъ—96 руб. 50 коп. и у мелкихъ хуторянъ—57 руб. 60 коп.

Мелкіе хуторяне, какъ и общинники, должны пополнять свой бюджетъ личнымъ заработкомъ на сторонѣ; и у той, и у другой категоріи заработная плата „составляетъ преобладающій источникъ денежныхъ поступленій, самое

же земледѣліе, главнымъ образомъ, натурой удовлетворяетъ потребностямъ семьи хозяина". При этомъ хуторяне меньше зарабатываютъ, что объясняется скорѣе меньшимъ удобствомъ для хуторянъ въ пріисканіи заработка, чѣмъ меньшею въ немъ потребностью.

Итакъ, мы видимъ, что малоземельные крестьяне не улучшаютъ и не могутъ улучшить своего хозяйства благодаря тому, что они выдѣлили свои надѣлы въ отрубные участки. Повидимому, и правительство не питало особенныхъ иллюзій относительно того, что малоземельнымъ хуторянамъ предстоитъ блестящее будущее.

По крайней мѣрѣ предсѣдатель совѣта министровъ, говоря о „ставкѣ на сильныхъ", имѣлъ въ виду только ту часть крестьянъ, которые, имѣя большіе участки, будутъ въ состояніи раціонально поставить свое хозяйство. И въ этомъ отношеніи предположенія правительства, судя по имѣющимся немногимъ даннымъ, оправдываются. Если массѣ малоземельныхъ хуторянъ и предстоитъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ полная пролетаризація, то, съ другой стороны, какъ видно изъ приведенныхъ данныхъ, доходность хозяйства немногочисленной группы многоземельныхъ хуторянъ значительно повышается. Хуторское хозяйство является благопріятной почвой для процвѣтанія „крѣпкаго" крестьянства, крестьянской буржуазіи на почвѣ разложенія стараго общиннаго уклада.

Самый типъ хозяйства такихъ крестьянъ рѣзко отличается отъ типа хозяйства общинниковъ-кулаковъ и міроѣдовъ.

Между тѣмъ, какъ послѣдніе основывали свое благополучіе не столько на улучшеніи культуры земли и эксплуатаціи наемнаго труда, сколько на ростовщическихъ и иныхъ операціяхъ, эксплуатирующихъ сосѣдей, многоземельные хуторяне улучшаютъ культуру земли и эксплуатируютъ наемный трудъ. И то, и другое для нихъ оказывается выгоднѣе. Происходитъ европеизація земледѣлія на счетъ массы раззоряющагося крестьянства, которому при обезземеленіи грозитъ голодъ и безработица...

„Ставка на сильныхъ" пока привела къ образованію относительно небольшого количества крѣпкихъ домохозяевъ-хуторянъ и значительно большаго числа бездомныхъ пролетаріевъ.

Въ южныхъ степныхъ губерніяхъ примѣненіе закона 9-го ноября уже вызвало появленіе бездомной и безземельной голытьбы, которую мѣстные жители называютъ „шатунами". „Шатуны", которымъ, по предположенію начальства, надлежало превратиться въ зажиточныхъ хуторянъ, „бросаютъ насиженныя мѣста и бродятъ со своимъ скарбомъ по степнымъ дорогамъ въ поискахъ мѣста, гдѣ можно было бы „приткнуться" и начать новую жизнь"... Но „приткнуться" никуда не удается и „шатуны" посылаютъ своихъ женъ и дѣтей въ „кусочки", или, доведенные до отчаянія голодомъ и безрабо-

*

тицей, принимаются грабить осѣдлое населеніе. „Совершенное отсутствіе надежды и вѣры въ лучшее будущее рѣзко отличаетъ „шатуновъ“ отъ переселенцевъ, которые колесили когда-то по степнымъ дорогамъ въ поискахъ свободныхъ земель. Какъ ни тяжело было положеніе переселенца, но онъ рѣдко доходилъ до того отчаянія, которое составляетъ характерную черту „шатуновъ“.

Образованіе „класса“ „шатуновъ“ происходитъ на почвѣ примѣненія закона 9 ноября обыкновенно такимъ путемъ. „Мѣстные богатѣи и кулаки при помощи водки склонили мужиковъ къ составленію приговора о выходѣ на отрубные участки и немедленно вслѣдъ за этимъ началась распродажа земли за безцѣнокъ. Деревенская бѣднота, вѣчно нуждающаяся въ рублѣ и кругомъ задолжавшая, поддалась большому соблазну получить разомъ крупныя, сравнительно, деньги, и въ нѣсколько недѣль было продано въ селѣ до двухсотъ надѣловъ по безобразно низкимъ цѣнамъ отъ 40 до 80 рублей за десятину“. Оставшись въ концѣ концовъ безъ денегъ и безъ земли, крестьяне, продавшіе землю, превратились въ „шатуновъ“. „Легче помереть, безъ земли намъ не жить“, говорила голытьба. Но и кулаки, и зажиточные крестьяне, скупившіе за безцѣнокъ „души“, въ свою очередь жалуются, что имъ „житья не стало,—либо убьютъ либо сожгутъ“. Создалось невыносимое положеніе и для тѣхъ, и для другихъ.

На почвѣ складывающихся новыхъ хозяйственныхъ отношеній въ средѣ крестьянства происходитъ новая классовая группировка деревенскаго населенія, которая выражается прежде всего въ рѣзкомъ антагонизмѣ двухъ новыхъ общественныхъ слоевъ: крѣпкаго крестьянства—съ одной стороны и безземельныхъ пролетаріевъ — съ другой. „Отчаяніе“, которое находитъ корреспондентъ у „шатуновъ“, характерно именно для полныхъ пролетаріевъ, потерявшихъ надежду сдѣлаться самостоятельными хозяевами, въ отличіе отъ переселенцевъ, надѣющихся устроить свое хозяйство.

Но, потерявши крестьянскую идеологію, крестьянскія надежды, обезземелившіеся пріобрѣтаютъ другую идеологію, другія надежды, общія съ городскими рабочими...

VI.

Кризисъ крестьянскаго хозяйства, вызванный земельной тѣснотой, могъ разрѣшиться только расширеніемъ крестьянскаго землепользованія. Правительство, закрывши доступъ къ помѣщичьей землѣ, искало другихъ выходовъ. Кромѣ расширенія операцій крестьянскаго банка, продажи казенныхъ и удѣльныхъ земель, возможенъ былъ еще одинъ путь,— разрѣженіе земледѣльческаго населенія посредствомъ переселеній на окраины. На этотъ путь

правительство усиленно пыталось толкнуть крестьянъ и не безъ успѣха. Между тѣмъ какъ въ теченіе 19 столѣтія переселенію крестьянъ оказывались всяческія препятствія, такъ что число „самовольныхъ“ переселенцевъ далеко превышало число переселенцевъ, воспользовавшихся разрѣшеніемъ, послѣ революціи началось поощреніе переселенія. Съ цѣлью ослабить крестьянское движеніе и разрѣдить земледѣльческое населеніе, правительство разослало по деревнямъ 400 тысячъ громадныхъ плакатовъ, на которыхъ огромными буквами стоялъ заголовокъ „о свободномъ переселеніи на казенныя земли въ азіатской Россіи и правительственной помощи переселенцамъ“. Въ этихъ плакатахъ сообщается: „чтобы добыть деньги, слѣдуетъ укрѣпить за собой надѣлы по закону 9 ноября и продать ихъ или же заложить крестьянскому банку, который охотно придетъ на помощь переселенцу“. Тѣ крестьяне, которые повѣрили такимъ обѣщаніямъ, горько обманулись. Переселяться на казенныя земли двинулось огромное количество крестьянъ. Такъ какъ для переселенцевъ не было заготовлено достаточное количество участковъ, на которыхъ можно было бы поселиться, то почти вся масса переселенцевъ 1907 года оказалась раззоренной и голодала въ различныхъ пунктахъ по линіи Сибирской жел. дороги. Вскорѣ правительство испугалось результатовъ принятой мѣры и стало создавать препятствія вызванному имъ же движенію. Напримѣръ, изъ Полтавской губерніи телеграфируютъ отъ 28-го апрѣля 1907 года: „Переселеніе изъ Полтавской губ. приняло въ текущемъ году огромные размѣры, благодаря агитаціи земскихъ начальниковъ и агентовъ земства. Главное переселенческое управленіе принуждено теперь принять мѣры къ сокращенію переселенческой волны. Губернаторъ получилъ увѣдомленіе, что необычайно ранній многочисленный наплывъ переселенцевъ въ Сибирь, гдѣ рѣки еще не вскрылись, привелъ къ переполненію узловыхъ станцій. По недостатку помѣщеній, переселенцы ютятся подъ открытымъ небомъ, что вызываетъ усиленныя заболѣванія, особенно среди дѣтей. Принимаются спѣшныя мѣры для убѣжденія переселенцевъ отложить поѣздку до осени. Между тѣмъ многіе изъ нихъ распродали все имущество и положеніе ихъ отчаянное“.

Такъ какъ переселенческихъ участковъ не было достаточно заготовлено, то администрація и не знала, что дѣлать съ вызваннымъ ею же переселенческимъ движеніемъ. Послѣдовали циркуляры, которыми администрація стремилась остановить потокъ переселенцевъ. Главное управленіе землеустройства и земледѣлія выработало и внесло на одобреніе совѣта министровъ рядъ предположеній, направленныхъ „къ упорядоченію переселенческаго движенія“. Предложенія эти сводились къ слѣдующему: 1) выдача ходаческихъ свидѣтельствъ въ губерніи Тобольскую и Томскую, въ генералъ-губернаторства Иркутское и Степное и въ области Тургайскую и Уральскую прекращается впредь до отвода достаточнаго запаса переселенческихъ участковъ; 2) начиная

съ 15 августа 1907 года, въ эти мѣстности допускаются посылки только групповыхъ партій ходоковъ, образуемыхъ землеустроительными комиссіями или земскими учрежденіями; 3) выдача проходныхъ свидѣтельствъ въ области Дальняго Востока семейнымъ переселенцамъ, предварительно не зачислившимъ тамъ за собою земель, прекращается...

Побуждаемое безысходной нуждой, напуганное жестокими репрессіями, разочарованное въ возможности дома добиться земли, крестьянство массами устремилось въ Сибирь въ поиски за землей. Въ теченіе 1907 года до перваго сентября число переселенцевъ достигло колоссальной цифры 498.843 человѣка.

Для сравненія приведемъ число переселенцевъ въ предыдущіе годы. Прошло въ Сибирь:

Въ 1897	году	86.676	душъ.	
„ 1898	„	202.720	„	
„ 1901	„	120.259	„	
„ 1902	„	110.930	„	
„ 1904	„	36.487	„	годъ войны.
„ 1905	„	33.062	„	„ „
„ 1906	„	200.794	„	
„ 1907	„	576.979	„	

Въ слѣдующемъ 1908 году переселеніе достигло еще небывалой цифры въ 758.812 человѣкъ.

Въ 1909 году, повидимому, разочарованіе въ прелестяхъ переселенія успѣло проникнуть и въ широкіе круги крестьянства. Основаніемъ такого утвержденія служитъ сопоставленіе данныхъ 1908 и 1909 гг. Въ эти годы за время съ 1 января по 21 ноября прошло черезъ Челябинскъ и Сызрань:

Переселенцевъ . . .	въ 1908 г.	—649.210	въ 1909	—607.906
Ходоковъ . , ...	„ 1908 г.	— 90.258	„ 1909	— 86.959

„Характерно, что разочарованіе проникло въ самыя разнородныя группы крестьянства: уменьшились размѣры не только самовольнаго движенія, но сократилось движеніе и переселенцевъ легальныхъ, идущихъ на зачисленныя уже земли. И въ отношеніи этой послѣдней группы характерно, что въ то время, какъ правительство на основаніи имѣющихся у него данныхъ о количествѣ зачислившихъ землю семей имѣетъ основаніе ожидать движенія въ Сибирь ста тысячъ семей, уже получившихъ землю за Ураломъ, ихъ проходитъ менѣе пятидесяти тысячъ. Массовой отказъ отъ переселенія семей, уже получившихъ землю въ Сибири, говоритъ объ этомъ разочарованіи.

О наступившемъ разочарованіи свидѣтельствуетъ и рѣзкій ростъ обратнаго движенія въ 1909 году. Въ 1908 году на 649.210 семейныхъ переселенцевъ обратно прошло только 39.449 или 6%, въ 1909 же году на 607.906 возвратилось 74.948, или 12%".

„По мнѣнію людей, близко стоящихъ къ переселенческому дѣлу..., теперь среди семейныхъ переселенцевъ преобладаютъ семьи, до переселенія ликвидировавшія на родинѣ все свое хозяйство, сжегшія всѣ корабли, вынужденныя тѣмъ самымъ, худо ли, хорошо ли, но устраиваться на новыхъ мѣстахъ. Только полное разочарованіе, только полная невозможность устроиться хоть кое-какъ можетъ заставить большинство такихъ современныхъ переселенцевъ двинуться обратно. Это мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе въ фактѣ *проживанія сейчасъ за Ураломъ не одной сотни тысячъ неустроенныхъ*, такъ называемыхъ неприписныхъ, переселенцевъ. Годами живутъ эти переселенцы въ условіяхъ чрезвычайно тяжелыхъ, въ ожиданіи зачисленія на участки, твердо рѣшившись не возвращаться". Тѣмъ не менѣе число обратныхъ переселенцевъ возрастаетъ.

Въ 1908 году правительство фактически отмѣнило свободное переселеніе, свободное ходачество, такъ какъ посылка ходоковъ, а слѣдовательно, и самое переселеніе поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія мѣстныхъ землеустроительныхъ учрежденій. Издавая свои ограничительныя правила о порядкѣ ходачества, правительство мотивировало ихъ стремленіемъ „предупредить заведомо безплодную отправку въ Сибирь ходоковъ въ количествѣ, несоотвѣтствующемъ возможности пріисканія ими земель". Хотя количество ходоковъ по сравненію съ 1907 годомъ сократилось, но число ходоковъ безъ проходныхъ свидѣтельствъ въ огромномъ количествѣ увеличилось. Въ 1907 году только 3.736 ходоковъ прошли безъ проходныхъ свидѣтельствъ, не пользуясь льготнымъ переселенческимъ тарифомъ. Въ 1908 году такихъ ходоковъ было около $57^1/_2$ тыс., а въ 1909 г. около 58 тыс. человѣкъ.

Вслѣдствіе препятствій со стороны землеустроительныхъ комиссій, многіе переселенцы отправляются за Уралъ, не получивши предварительнаго разрѣшенія, безъ посылки ходоковъ, хотя и рискуютъ на новомъ мѣстѣ остаться безъ земли. Въ 1907 году только около $15^1/_2$ тыс. семей (82.692 души) переселенцевъ прошли въ Сибирь безъ разрѣшенія, по дорогому тарифу, въ 1908 году такихъ семей было 56 тыс. (310.216 человѣкъ), а въ 1909 году около 48 тыс. семей—286.509 человѣкъ. Дѣлая огромныя затраты на переселеніе въ Сибирь, эти сотни тысячъ земледѣльцевъ рискуютъ и на новомъ мѣстѣ остаться безъ земли и безъ хозяйства. Переселенцы, которые имѣютъ возможность, или приписываются къ обществамъ въ Сибири, уплачивая за приписку по 40—50 рублей, или селятся на мѣстахъ, занятыхъ туземцами: киргизами (Степной край), бурятами (Алтай), китайцами

(Уссурійскій край). На этой почвѣ происходили столкновенія, часто оканчивавшіяся сраженіями переселенцевъ съ туземцами, неожиданными нападеніями другъ на друга и т. д. Тщетно туземцы во второй Государственной Думѣ и въ спеціальныхъ депутаціяхъ просили правительство не разорять ихъ, не уничтожать насиженныхъ мѣстъ. Собственность туземцевъ остается „прикосновенной", чтобы остались „неприкосновенными" помѣщичьи земли: правительство въ отливѣ „избыточнаго населенія" видѣло возможность направить по другому руслу крестьянское движеніе, не заботясь ни о переселенцахъ, ни о туземцахъ...

Главный контингентъ переселенцевъ составляли крестьяне изъ Малороссіи, Юго-западнаго края и Бѣлоруссіи. Кромѣ того, изъ этихъ же районовъ отмѣчается увеличеніе эмиграціи заграницу, вызванное безвыходнымъ положеніемъ крестьянъ, а также реакціей и еврейскими погромами.

VII.

Непосредственнымъ экономическимъ результатомъ крестьянскаго движенія явилось измѣненіе (правда, временное) арендныхъ цѣнъ и повышеніе заработной платы.

Экономическіе результаты крестьянскаго движенія въ различныхъ районахъ Россіи были не одинаковы и зависѣли отъ сложившихся до революціи экономическихъ отношеній.

По способу обработки владѣльческихъ земель Европейская Россія дѣлится на двѣ части. Въ нестепной черноземной полосѣ, къ востоку отъ Днѣпра (центральныя земледѣльческія, малороссійскія и приволжскія губерніи), въ заволжскихъ губерніяхъ, съ присоединеніемъ къ этой полосѣ Нижегородской, Смоленской и Калужской губ., а также лежащей особнякомъ Бессарабской, всего въ 20 губерніяхъ,—владѣльцы держатъ слишкомъ мало рабочаго скота и большая часть посѣвовъ на владѣльческихъ земляхъ обрабатывается крестьянскимъ скотомъ, при чемъ крестьяне или снимаютъ эти земли въ аренду, или обрабатываютъ ихъ по найму въ пользу владѣльцевъ.

Западныя и южныя губерніи (Прибалтійскія, Сѣверо-западныя, съ присоединеніемъ Псковской, юго-западныя и новороссійскія безъ Бессарабской)—всего 18 губерній отличаются значительнымъ распространеніемъ обработки владѣльческихъ посѣвовъ при помощи собственнаго скота.

Обѣ эти части почти равновелики по общей площади посѣвовъ на владѣльческихъ земляхъ: на первую падаетъ 49% общей суммы посѣвовъ на владѣльческихъ земляхъ въ Европейской Россіи, на вторую 48%. Въ остальныхъ 12 губерніяхъ сѣверо-востока Европейской Россіи, о которыхъ не упомянуто выше, посѣвы на владѣльческихъ земляхъ развиты крайне слабо:

всего на эти 12 губерній приходится 3% посѣва на владѣльческихъ земляхъ.

По количеству владѣльческаго скота можно предполагать, что въ центральной и восточной части Россіи въ собственной обработкѣ находится около $^2/_5$ владѣльческихъ посѣвовъ, а на западѣ и югѣ до $^3/_4$.

Въ районахъ преобладанія мелкой продовольственной аренды, гдѣ крестьянское продовольственное хозяйство пришло къ кризису и гдѣ крестьяне боролись за землю, произошло временное пониженіе арендной платы и усилилось предложеніе помѣщичьихъ земель крестьянскому банку. И то, и другое явленіе находилось въ тѣсной связи съ кризисомъ крестьянскаго хозяйства и съ размѣрами и силой крестьянскаго движенія.

Въ Саратовской губерніи, гдѣ движеніе крестьянъ было наиболѣе сильнымъ, наиболѣе рѣзко проявляется и мобилизація земельной собственности.

„Всего въ Саратовской губ. за время съ 3 ноября 1905 года по 1-е января 1907 года предложено крестьянскому банку купить 503 имѣнія съ площадью въ 707 тыс. дес. По всему восточному району (Саратовской, Пензенской, Уфимской, Симбирской и Казанской губ.) соотвѣтствующія цифры будутъ: 1.306 имѣній съ 1.559 тыс. дес.

Такимъ образомъ, операціи въ Саратовской губ. охватываютъ почти $^4/_{10}$ (38,5%) продаваемыхъ имѣній и почти половину (44,6%) отчуждаемыхъ земель всего района.

Но процессъ мобилизаціи дворянскихъ земель значительно шире приведенныхъ цифръ. Кромѣ продажи банку, существуетъ путь непосредственныхъ сдѣлокъ съ окружающими крестьянами, которые сами уже обращаются за ссудой къ банку. За тотъ же періодъ времени банкъ получилъ заявленій о ссудѣ отъ 26 тыс. домохозяевъ на 150 тыс. десятинъ земли. Считая, что изъ 150 тыс. десятинъ также 80% принадлежатъ дворянамъ, получимъ, что саратовскимъ дворянствомъ уже сдѣланы шаги къ ликвидаціи 686 тыс. десятинъ или цѣлой половины ихъ „историческихъ владѣній“ или „культурныхъ очаговъ“.

При этомъ происходитъ процессъ ликвидаціи наиболѣе крупныхъ имѣній [1]).

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что процессъ ликвидаціи дворянскаго землевладѣнія, несмотря на то, что крестьянское движеніе было подавлено, идетъ своимъ, хотя и обходнымъ, путемъ. Въ революціонномъ движеніи крестьяне стремились или понизить арендныя цѣны, или отобрать помѣщичьи земли. Какъ увидимъ далѣе, арендныя цѣны временно дѣйствительно понизились, а владѣльческія земли, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, хотя

[1]) П. Масловъ. Аграрный вопросъ, т. II, стр. 444—5.

и по дорогой цѣнѣ—переходятъ къ крестьянамъ. Во время революціи питались иллюзіи, что *всѣ* крестьяне, и бѣдные, и богатые, получатъ землю и *всѣ* въ состояніи будутъ вести самостоятельное хозяйство. Если бы даже революціонное движеніе оказалось сильнѣе и владѣльческія земли всѣ перешли безвозмездно въ руки крестьянъ, эти иллюзіи были бы разбиты сложившейся экономической дѣйствительностью, такъ какъ землей могли бы воспользоваться все-таки экономически наиболѣе сильные крестьяне. Но процессъ пролетаризаціи части крестьянства происходилъ бы болѣе безболѣзненно. Теперь, несмотря на полную побѣду дворянства и реакціи, дворянскія земли все же переходятъ къ крестьянамъ. Но этотъ процессъ ликвидаціи старыхъ отношеній крестьянъ и землевладѣльцевъ происходитъ при условіяхъ наиболѣе тягостныхъ для малоимущаго крестьянства. Даже временное пониженіе арендной платы не облегчило положенія малоимущихъ крестьянъ, такъ какъ арендаторами являются болѣе зажиточные. По даннымъ „Сборника стат. свѣд. по Сарат. губ. за 1906 г.“ арендныя цѣны въ 1904, 5 и 6 годахъ были слѣдующія:

УѢЗДЫ:	Арендная цѣна 1 казенной десят. озими въ рубляхъ.		
	1904 г.	1905 г.	1906 г.
Аткарскій	16,17	12,90	10,45
Балашевскій . . .	17,73	16,70	14,95
Вольскій	10,85	10,55	11,55
Камышинскій . . .	8,48	7,30	7,70
Кузнецкій	10,41	13,10	10,65
Петровскій	13,03	15,0	11,10
Саратовскій . . .	10,22	11,60	8,30
Сердобскій	17,84	16,75	14,20
Хвалынскій . . .	10,95	11,45	10,65
Царицынскій . . .	6,17	3,90	4,40

Пониженіе арендныхъ цѣнъ произошло въ раіонахъ наиболѣе сильнаго аграрнаго движенія. Такъ, по даннымъ анкеты В.-Э. О., пониженіе арендной платы произошло въ Донской области во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ было аграрное движеніе, въ Екатеринославской губ. произошло пониженіе только въ нѣсколькихъ случаяхъ. Также мѣстами понизились арендныя цѣны въ Самарской, Таврической, Херсонской и др. губ.

„Для болѣе зажиточныхъ крестьянъ такое пониженіе арендныхъ цѣнъ было, разумѣется, выгодно и должно было ослабить экономическое движеніе; но пониженіе арендныхъ цѣнъ нельзя считать прочнымъ“, писалъ я еще въ 1907 году [1]). Дѣйствительно, арендныя цѣны послѣ „успокоенія“ снова

1) Тамъ же, стр. 447.

стали подниматься. Такъ, въ Харьковской губ. при погодной арендѣ арендныя цѣны на землю были слѣдующія:

въ 1905 году [1]) 13,1 руб. за десятину
„ 1906 „ [2]) 13,55 „ „ „
„ 1907 „ [3]) 14,83 „ „ „

Временное пониженіе арендныхъ цѣнъ въ періодъ революціи дало возможность наиболѣе зажиточнымъ слоямъ крестьянства использовать временно сложившіяся благопріятныя обстоятельства для своего хозяйства. Когда этотъ слой крестьянъ увидѣлъ безнадежность попытокъ отобрать даромъ владѣльческія земли, и въ то же время увидѣлъ возможность продолжать ихъ аренду, зажиточные крестьяне стали враждебно относиться къ бѣднѣйшимъ слоямъ, которымъ терять было нечего. Этотъ естественный антагонизмъ, вытекающій изъ различія интересовъ различныхъ слоевъ крестьянъ, обострился еще болѣе проведеніемъ въ жизнь закона 9 ноября, благодаря которому для зажиточныхъ крестьянъ открылась возможность расширить свое землевладѣніе на счетъ обѣднѣвшихъ сосѣдей.

Дальнѣйшее повышеніе арендныхъ цѣнъ должно постепенно суживать кругъ конкуррентовъ арендаторовъ крестьянъ и еще болѣе ускорить процессъ ликвидаціи слабыхъ крестьянскихъ хозяйствъ, толкать ихъ на продажу своихъ надѣловъ и проч.

VIII.

Движеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ въ 1905—6 годахъ было вызвано не только общей атмосферой недовольства и движеніемъ городского населенія, но и измѣненіемъ экономическихъ условій, вызваннымъ повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ въ 1905 году. Одинъ изъ русскихъ экономистовъ [4]) (Билимовичъ) „съ научной добросовѣстностью“, прислуживаясь къ господамъ современнаго положенія, доказываетъ, что стачки ни къ чему хорошему не ведутъ, такъ какъ вызываютъ повышеніе цѣнъ на продукты. Въ дѣйствительности стачки сельскохозяйственныхъ рабочихъ были вызваны *уже* совершившимся повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ и, благодаря этому, относительнымъ *пониженіемъ* заработной платы. Цѣны на хлѣбъ въ 1905 году поднялись на 15—20% [5]) и благодаря этому реальная заработная плата упала на соот-

[1]) Статистич. ежегодн. 1906 г. Изд. харьк. губ. зем. упр., стр. 15.

[2]) Статистич. ежегодн. 1907 г., стр. 104.

[3]) Статистич. ежегодн. 1908 г., стр. 25.

[4]) Ал. Билимовичъ. Подъемъ товарныхъ цѣнъ въ Россіи. Кіевъ, 1909 г.

[5]) Средніе цѣны на хлѣбъ были въ Козловѣ въ 1904 г.—59,7 въ 1905 г.—74,1, въ Одессѣ въ 1904 г.—69,3, въ 1905 г.—80,6.

вѣтствующую сумму. Естественно, что сельскохозяйственные рабочіе, при существованіи общаго революціоннаго движенія, не остались пассивными и также приняли участіе въ движеніи, главнымъ образомъ, стачками выставляя требованіе повышенія денежной и реальной (въ снопахъ) заработной платы.

Какъ видно было изъ очерка крестьянскаго движенія въ 1905 году, движеніе сельскохозяйственныхъ рабочихъ сосредоточивалось, главнымъ образомъ, въ западномъ и югозападномъ краѣ, гдѣ преобладало батрацкое помѣщичье хозяйство. Только въ 1906 году забастовки распространяются и на центральный земледѣльческій раіонъ, причемъ здѣсь крестьяне боролись не столько за повышеніе заработной платы, сколько для того, чтобы забастовкой лишить землевладѣльцевъ рабочихъ рукъ и такимъ путемъ „выкурить" ихъ изъ помѣстій. Результаты забастовочнаго движенія оказались неодинаковыми: заработная плата повысилась больше въ многоземельныхъ раіонахъ, гдѣ крестьяне своей конкурренціей не понижали заработной платы.

По раіонамъ измѣненіе заработной платы (средней ариѳметической изъ погубернскихъ данныхъ) выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ [1]):

	Средняя поденная зараб. плата въ копейкахъ.		
	за 1902—4 гг.	въ 1905 г.	въ 1906 г.
Центр. черноз. раіонъ.	55	52	60
Средневолжскій . .	54	56	61
Нижневолжскій . .	61	74	80
Новороссійскій. . .	73	77	102
Юго-западный . . .	43	49	57
Малороссійскій. .	56	61	68
Промышленный .	77	81	86
Бѣлорусскій . . .	55	59	64
Сѣверный	49	50	57
Литовскій	42	42	48
Прибалтійскій . . .	57	57	59

Наибольшее повышеніе заработной платы произошло въ раіонахъ, гдѣ работаютъ пришлые рабочіе. Только въ малороссійскомъ и югозападномъ раіонахъ произошло значительное повышеніе заработной платы благодаря упорнымъ забастовкамъ мѣстныхъ рабочихъ.

Если принять во вниманіе повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ, то, несмотря на повышеніе денежной заработной платы, реальная заработная плата не измѣнилась, а мѣстами даже понизилась.

---

[1]) См. „Аграрный вопросъ" т. II, стр. 448—449.

Періодъ наступившей реакціи, разумѣется, былъ крайне неблагопріятнымъ для дальнѣйшей борьбы сельскохозяйственныхъ рабочихъ за сохраненіе реальной заработной платы и за повышеніе денежной.

Съ другой стороны, быстрый процессъ обезземеленія крестьянъ благодаря проведенію закона 9 ноября усиливалъ и усиливаетъ конкурренцію сельскохозяйственныхъ рабочихъ. При такихъ условіяхъ вполнѣ естественно появленіе „шатуновъ", которые не могутъ „приткнуться" ни къ собственному хозяйству, ни найти заработка въ качествѣ батраковъ.

IX.

Въ исторіи развитія народнаго хозяйства мы не встрѣчаемъ быстраго и рѣзкаго измѣненія хозяйственныхъ формъ, организаціи хозяйства и т. д. Хозяйство развивается постепенно, изживая старыя формы и возникая въ новыхъ. Даже такіе рѣзкіе перевороты въ правовыхъ отношеніяхъ, какъ отмѣна крѣпостного права, сопровождаются лишь медленнымъ измѣненіемъ организаціи стараго крѣпостного хозяйства. Въ Россіи, какъ мы замѣтили, яркіе слѣды крѣпостныхъ отношеній сохранились вплоть до революціи, создавая своеобразное отношеніе землевладѣльцевъ къ крестьянамъ, различныя формы эксплоатаціи, унаслѣдованной отъ крѣпостного права, и т. д.

Въ отношеніи класса землевладѣльцевъ и правительства къ общинѣ, къ крестьянскому хозяйству и т. д. во время революціи произошелъ рѣзкій переворотъ, но онъ не можетъ сразу измѣнить всего строя крестьянскаго хозяйства. Хозяйственный переворотъ подготовлялся десятилѣтіями, въ видѣ обостряющагося кризиса продовольственнаго хозяйства, и совершается постепенно изъ года въ годъ, выражаясь въ увеличеніи обезземеленнаго крестьянства, въ постепенномъ образованіи крестьянской буржуазіи, базирующей не на ростовщической эксплоатаціи крестьянъ, а на хозяйственной эксплоатаціи своей земли и наемнаго труда. Этотъ процессъ превращенія бѣдняка крестьянина въ пролетарія и кулака-міроѣда въ „хозяйственнаго мужика" въ годы, протекшіе съ 1905 года, только еще намѣчается.

Въ сельскомъ хозяйствѣ особенно живучи старыя формы хозяйственныхъ отношеній и измѣненіе ихъ происходитъ значительно медленнѣе, чѣмъ въ индустріи. Поэтому всѣ указанныя выше новыя явленія въ хозяйственной жизни страны имѣютъ лишь симптоматическое значеніе, указываютъ лишь направленіе, въ которомъ происходитъ измѣненіе хозяйственнаго строя страны. „Обновленный" хозяйственный строй грозитъ гибелью милліонамъ крестьянскихъ мелкихъ хозяйствъ и проникаетъ въ деревню не безъ отчаяннаго сопротивленія со стороны крестьянъ.

Масса крестьянства (малодушники), которая рискуетъ потерять отъ

раздѣла земель, пытается сопротивляться разрушенію общины, но такого рода попытки, въ концѣ концовъ, оказываются безуспѣшными. На сторонѣ выдѣляющихся изъ общины крестьянъ стоитъ всесильная администрація, *мѣстами* интересы развитія земледѣльческаго хозяйства. Какъ видно было изъ приведенныхъ выше цифръ, доходность земли въ крупныхъ хуторскихъ хозяйствахъ дѣйствительно повышается. Этотъ фактъ имѣетъ огромное значеніе, такъ какъ открываетъ возможность капиталу постепенно захватывать земледѣліе, увеличивая доходность земли. Но также, какъ до революціи мелкое хозяйство при арендѣ земли боролось съ крупнымъ, напрягая всѣ свои силы, и боролось успѣшно, хотя и цѣною своего собственнаго раззоренія, такъ и теперь процессъ борьбы между крестьянскими хозяйствами происходитъ и будетъ происходить при отчаянной самозащитѣ мелкаго продовольственнаго хозяйства противъ его ликвидаціи. Чѣмъ менѣе благопріятны условія для развитія индустріи и роста городовъ, куда могла бы уйти часть деревенскаго населенія, тѣмъ упорнѣе и крѣпче будутъ раззоренные крестьяне держаться за свои клочки земли, хотя бы община и была окончательно разрушена.

Въ настоящее время процентъ обезземелившихся крестьянъ, выдѣленныхъ изъ общины, очень высокій. Но нужно полагать, что при дальнѣйшемъ раздѣлѣ общинныхъ земель, процессъ обезземеленія крестьянъ будетъ происходить медленнѣе. Въ настоящее время выдѣляется значительная часть общинниковъ, которые уже порвали или порываютъ съ землей *потому*, что въ городѣ имѣютъ болѣе или менѣе прочный заработокъ, потому что земля ихъ уже не кормитъ. По мѣрѣ выдѣленія этого элемента населенія, по мѣрѣ его обезземеленія, дальнѣйшій процессъ обезземеленія значительно замедлится, такъ какъ для крестьянъ, живущихъ въ деревнѣ, земля является кормилицей и порвать съ нею будетъ тѣмъ опаснѣе, чѣмъ медленнѣе будетъ развиваться индустрія, чѣмъ меньше будетъ шансовъ для массы населенія существовать исключительно наемнымъ трудомъ. Правда, процессъ обезземеленія не можетъ остановиться только потому, что этого не хотятъ обезземеливающіеся, но возможность найти другой заработокъ, внѣ своего хозяйства, имѣетъ огромное вліяніе на ускореніе этого процесса.

Съ другой стороны, существованіе мелкихъ продовольственныхъ хозяйствъ, хотя бы на отрубныхъ участкахъ, создаетъ почву для ихъ эксплоатаціи въ старыхъ ростовщическихъ и кабальныхъ формахъ. Отъ того, что крестьянинъ хозяйничаетъ на маленькомъ отрубномъ участкѣ, а не на общинной землѣ, его положеніе не измѣняется. Онъ будетъ такъ же нуждаться въ стороннихъ заработкахъ или въ арендѣ земли, какъ и общинникъ. Разница будетъ заключаться лишь въ томъ, что рано или поздно результатомъ хозяйствованія на „собственной“ землѣ можетъ явиться полное обезземеле-

ніе крестьянина, между тѣмъ, какъ общинникъ, находясь въ экономической кабалѣ и даже лишившись своего хозяйства, сохраняетъ *право* на свой участокъ въ общинной землѣ. Поэтому, часть крестьянскихъ хозяйствъ отпадаетъ и будетъ отпадать отъ продовольственной аренды (съ одной стороны богатые хуторяне, съ другой стороны—обезземелившіеся крестьяне), но масса крестьянства не будетъ въ состояніи порвать со старыми арендными—крѣпостническими отношеніями. Дореволюціонное наслѣдіе въ видѣ продовольственной аренды останется и будетъ исчезать лишь постепенно, по мѣрѣ развитія капитализма въ городѣ и въ деревнѣ. Періодъ революціи и реакціи лишь отчасти расчистилъ путь для дальнѣйшаго развитія капиталистическихъ отношеній въ деревнѣ, но эти отношенія могутъ развиваться только постольку, поскольку общія соціальныя условія благопріятствуютъ развитію капитализма. А періодъ реакціи является для этого крайне неблагопріятнымъ. Поэтому вызывая всѣ отрицательныя стороны развитія капитализма (обезземеленіе крестьянъ), современная дѣйствительность не даетъ его единственной положительной стороны для обезземелившихся крестьянъ—возможности найти заработокъ, достаточный для существованія, въ развивающейся индустріи и сельскомъ хозяйствѣ.

Раздѣлъ крестьянскихъ общинныхъ земель, привязывая каждаго домохозяина къ своему клочку земли, недостаточному для обезпеченія существованія семьи, ставитъ его въ такую же кабальную зависимость отъ сосѣда помѣщика, какъ и раньше, при существованіи общиннаго землевладѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, распыленіе общинныхъ земель (большая часть крестьянъ выдѣляется изъ общины черезполосно со своими сосѣдями) препятствуетъ округленію участковъ въ рукахъ „хозяйственныхъ“ крестьянъ и, такимъ образомъ, будетъ препятствовать тому прогрессу сельскаго хозяйства, который отмѣчается на крупныхъ хуторскихъ участкахъ. Самъ по себѣ раздѣлъ общинныхъ земель безъ устраненія существующей черезполосности крестьянскихъ надѣловъ ничуть не облегчаетъ введенія лучшей земледѣльческой культуры, а, напротивъ, только обезцѣниваетъ крестьянскую землю. Ибо при существованіи права передѣловъ легче отвести къ одному мѣсту скупленные „хозяйственными“ крестьянами надѣлы, чѣмъ при существованіи укрѣпленныхъ черезполосно участковъ, хотя бы и скупленныхъ однимъ лицомъ. Мнѣ лично приходилось наблюдать, что во время передѣловъ зажиточные крестьяне, арендовавшіе земли своихъ сосѣдей, получали арендуемыя полосы рядомъ со своими и, такимъ образомъ, округляли свои полосы. При фиксированіи же опредѣленныхъ полосъ при выдѣлѣ изъ общины фиксируется и черезполосность, которая не можетъ быть уже устранена передѣломъ.

Такимъ образомъ, существующее законодательство о крестьянскомъ землевладѣніи ставитъ огромныя препятствія развитію сельскаго хозяйства, внося одновременно гибельныя послѣдствія быстраго обезземеленія бѣднѣйшихъ кре-

стьянъ, ставя передъ ними дилемму: оставаться кабальнымъ арендаторомъ, или обезземелиться безъ надежды найти заработокъ въ индустріи, обезпечивающій ихъ существованіе.

При такихъ условіяхъ нельзя надѣяться въ ближайшемъ будущемъ на сколько нибудь значительное улучшеніе положенія малоземельныхъ крестьянъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Положеніе же послѣднихъ въ значительной степени опредѣляетъ и положеніе городскихъ рабочихъ, на которыхъ будетъ давить конкурренція дешевыхъ рабочихъ рукъ выходцевъ изъ деревни.

П. Масловъ.

М. С. БАЛАБАНОВЪ.

Промышленность въ 1904—1907 гг.

I.

Война и канунъ 1905 г.

Мы прервали наше изложеніе въ первомъ томѣ настоящаго изданія на выясненіи общаго вліянія, какое оказала на положеніе промышленности война съ Японіей. Детальное изслѣдованіе этого вліянія не входитъ въ нашу задачу, хотя само по себѣ оно и представляетъ значительный интересъ. Въ предѣлахъ, поставленныхъ нашимъ очеркамъ, выясненіе вліянія войны необходимо лишь постольку, поскольку, съ одной стороны, это вліяніе, въ значительную часть перваго года войны, расшатало народное хозяйство наканунѣ революціоннаго взрыва, съ другой, поскольку оно, во второй годъ войны, переплеталось съ вліяніемъ революціонныхъ событій.

Въ предшествующей статьѣ было уже указано, что война нанесла промышленности сильный ударъ. Таковы, впрочемъ, только общіе итоги войны. Въ частности, какъ и слѣдовало ожидать, война на отдѣльныя отрасли промышленности оказала не одинаковое вліяніе. Если въ однихъ случаяхъ, подъ вліяніемъ возросшаго спроса, промышленность проявила признаки значительнаго оживленія, то въ другихъ она, напротивъ, испытала на себѣ всю разрушительную силу наступившаго кризиса.

Война вызываетъ усиленную дѣятельность по преимуществу въ тѣхъ производствахъ, которыя въ той или иной степени связаны съ военными операціями. Перевозка войскъ и доставка на театръ войны провіантскихъ и боевыхъ грузовъ требуетъ увеличенія подвижного состава желѣзныхъ дорогъ, ремонта пути, сооруженія параллельныхъ или новыхъ линій; интенсивно работаютъ во время войны орудійные заводы, а также судостроительные, поскольку представляется необходимость постройки новыхъ или ремонта старыхъ военныхъ судовъ. Оживляются, наконецъ, и тѣ отрасли промышленности (мануфактурная, кожевенная) которыя поставляютъ матеріалъ для амуниціи дѣйствующей арміи.

Всѣ эти факторы сказались, конечно, и въ минувшую войну, прежде

всего на оживленіи металлургической и горной промышленности. III съѣздъ металлозаводчиковъ Сѣвернаго и Прибалтійскаго районовъ, констатируя „общее пессимистическое настроеніе, которое охватило всѣ отрасли промышленности вскорѣ по объявленіи войны", съ чувствомъ удовлетворенія, однако, отмѣчаетъ, что „это настроеніе въ скоромъ времени начало постепенно успокаиваться и мало по малу перешло къ болѣе ясной и опредѣленной дѣйствительности, такъ какъ параллельно съ отрицательными сторонами военнаго времени заводы почувствовали, что ихъ дѣятельность можетъ и должна быть направлена къ удовлетворенію экстренныхъ нуждъ, вызываемыхъ тѣми же военными потребностями. Потребности эти сказались прежде всего въ необходимости увеличенія подвижного состава, двинутаго въ большихъ количествахъ на сибирскую желѣзную дорогу для перевозки войскъ, интендантскихъ грузовъ и для снабженія арміи орудіями и снарядами, затѣмъ въ постройкѣ новыхъ судовъ и, главное, въ экстренномъ оборудованіи и сооруженіи уже строившихся судовъ, которыя составили такъ называемую вторую Тихоокеанскую эскадру. Удовлетвореніе первыхъ потребностей вызвало со второй половины текущаго (1904) года усиленіе дѣятельности вагоно-и паровозостроительныхъ заводовъ, а оборудованіе военныхъ судовъ сильно увеличило заказы машино-строительныхъ и механическихъ заводовъ, которые, благодаря этому, все истекшее лѣто еле справлялись съ экстренной срочной работой". Въ результатѣ „благодаря экстреннымъ и довольно значительнымъ требованіямъ различныхъ вѣдомствъ, вызваннымъ военными событіями, сѣверные и прибалтійскіе заводы были обезпечены заказами значительно болѣе прошлыхъ лѣтъ, а иногда даже въ полномъ размѣрѣ своей производительной способности. Мало того, были такіе заводы, которымъ для удовлетворенія предъявленныхъ къ нимъ экстренныхъ требованій пришлось расширить нѣкоторые отдѣлы своего производства и произвести довольно значительные затраты на спѣшное оборудованіе и усиленіе своихъ мастерскихъ [1]). Такое усиленіе дѣятель-

---

1) Докладъ комиссіи о положеніи металлургич и машиностроит. промышленности. Труды III съѣзда металлозаводчиковъ сѣвернаго и прибалтійскаго районовъ. СПБ. 1906, стр. 235—240. Почти въ такихъ же выраженіяхъ говоритъ о вліяніи войны на металлургическую промышленность XXX съѣздъ горнопромышленниковъ Юга Россіи: „Въ лицѣ манчжурской арміи явился новый крупный потребитель всевозможнаго товара, а въ томъ числѣ такъ или иначе, посредственно или непосредственно связанные съ изготовленіемъ и производствомъ его—расходъ и потребленіе металловъ; все требовалось спѣшно, все производилось и перевозилось ускореннымъ темпомъ". Докладъ съѣзду о современ. положеніи желѣзной промышленности въ „Трудахъ" XXX съѣзда. Въ качествѣ иллюстраціи количества заказовъ, вызванныхъ войною, приведемъ слѣдующія данныя объ изготовленныхъ заводами рельсахъ, вагонахъ и паровозахъ (по матеріаламъ, составленнымъ отдѣломъ промышленности для междувѣдомственнаго совѣщанія о мѣрахъ къ улучшенію металлургической и машиностр. промышленности):

ности заводовъ должно было, естественно, вызвать усиленный спросъ на продукты металлургической промышленности, а въ связи съ послѣдней и на минеральное топливо. И въ самомъ дѣлѣ, въ 1904 г., послѣ ряда лѣтъ кризиса, мы наблюдаемъ въ металлургической промышленности, необычайное усиленіе производства: 1904 годъ оказался рекордным по добычѣ чугуна, производству полупродукта и готоваго продукта, рекордным по отношенію не только къ предыдущимъ годамъ, но и къ послѣдующимъ, вплоть до 1907 г. Достигнувъ въ 1900 г. 176,8 м. п., выплавка чугуна падаетъ въ ближайшіе за этимъ годы, но въ 1904 г. поднимается до 180,4 м. п., давъ увеличеніе на 20,8% по сравненію съ 1903 г. Производство полупродукта, послѣ максимальнаго подъема 1900 г. (160,7 м. п.), такъ же падаетъ и поднимается въ 1904 г. до 178,2 м. п., съ увеличеніемъ противъ 1903 г. на 14%. Точно такова же и эволюція производства готоваго продукта: послѣ максимума 1900 г. (132,5 м. п.) паденіе въ послѣдующее время и сильное увеличеніе въ 1904 г. (162,9 м. п., увеличеніе противъ 1903 г. на 22,3%). При этомъ,—что особенно существенно,—накопленіе запасовъ въ 1904 г. идетъ медленно, временами даже переходя въ уменьшеніе, что, въ связи съ увеличеніемъ производства, указываетъ на успѣшный сборъ произведенныхъ продуктовъ. Такъ, запасы чугуна, съ 42,2 м. п. въ январѣ падаютъ до 37,7 м. п. въ маѣ и затѣмъ, постепенно увеличиваясь, доходятъ до 45,2 м. п. въ концѣ года; запасы готоваго продукта, достигнувъ минимума въ іюнѣ (21,2 м. п.), начинаютъ увеличиваться только съ ноября, запасы же полупродукта въ теченіе всего года остаются на одномъ уровнѣ. Вообще, вторая четверть года даетъ какъ наибольшее увеличеніе производства, такъ и наименьшее накопленіе запасовъ, т. е., является временемъ, наиболѣе благополучнымъ въ металлургической промышленности. Это обстоятельство свидѣтельствуетъ какъ о непосредственномъ вліяніи войны на оживленіе промышленности, такъ и о томъ, что такое вліяніе не было длительнымъ и прочнымъ, и, во всякомъ случаѣ, не было единственнымъ факторомъ, опредѣлившимъ судьбу промышленности. Какъ только выяснилось, что война принимаетъ затяжной характеръ и для нуждъ ея потребуется усиленная дѣятельность ряда производствъ, металлургиче-

---

	Изготовлено:		
	рельсовъ.	вагоновъ.	паровозовъ.
1899 г.	22.545	25.638	903
1900 „	22.444	32.620	1.055
1901 „	22.817	25.100	1.226
1902 „	19.048	23.695	992
1903 „	17.962	21.070	904
1904 „	21.680	24.271	1.110

Количество изготовленныхъ въ 1904 г. рельсовъ, вагоновъ и паровозовъ, сильно поднявшись по сравненію съ двумя предшествовавшими годами, достигло почти максимальнаго повышенія періода промышленнаго подъема.

*

ская промышленность обнаружила признаки необычнаго оживленія. Но достаточно было 3—4 мѣсяцевъ, чтобы подъемъ смѣнился паденіемъ, правда, не столь значительнымъ, какъ въ годы предшествовавшаго кризиса, но все же знаменательнымъ при продолжающемся, казалось бы, вліяніи войны. Очевидно, уже въ концѣ 1904 г. воздѣйствіе войны на промышленность должно было столкнуться съ другими факторами, а въ 1905 г. и совсѣмъ уступить имъ мѣсто. Неустойчивое положеніе металлургической и желѣзодѣлательной промышленности, несмотря на благопріятное вліяніе войны, подтверждается и движеніемъ цѣнъ на горнозаводскіе продукты. Цѣны на чугунъ и сортовое желѣзо продержались крѣпко только въ первой половинѣ года, а затѣмъ обнаружили наклонность къ пониженію почти повсемѣстно; кровельное желѣзо продолжало неизмѣнно падать въ цѣнѣ, дойдя до убыточныхъ размѣровъ, и лишь толстые сорта листового и отчасти балокъ удержались, благодаря синдикату, на прежнемъ уровнѣ [1]).

Для каменноугольной промышленности 1904 г., хотя и не былъ рекордным, но все же былъ годомъ замѣтнаго оживленія. Какъ спросъ на минеральное топливо, такъ и цѣны были болѣе благопріятны сравнительно съ предшествующимъ годомъ, благодаря возросшему потребленію угля и кокса, главнымъ образомъ, металлургическими заводами. Добыча угля поднялась (въ Донецкомъ бассейнѣ) до 803,3 м. п. противъ 728 м. п. 1903 года и кокса до 146,6 м. п. противъ 112,2 м. п. 1903 г. Потребленіе минеральнаго топлива доменными заводами юга Россіи дало въ 1904 г., послѣ уменьшенія въ теченіе двухъ лѣтъ, увеличеніе противъ 1903 г. на 10,2%, а вывозъ топлива (изъ западной части Донецкаго бассейна) для нуждъ металлургическихъ заводовъ юга увеличился противъ 1903 г. на 21,9%. И здѣсь, какъ и въ металлургической промышленности, мы наблюдаемъ въ 1904 г. благопріятное состояніе запасовъ, причемъ наиболѣе благополучнымъ временемъ для каменноугольной промышленности оказались вторая и особенно третья четверть года: въ іюнѣ запасы пали до 27,8 м. п., въ сентябрѣ до 22,7 м. п., а въ декабрѣ превысили даже уровень начала года (37,5 м. п.).

На состояніе прочихъ отраслей промышленности война оказала неодинаковое вліяніе. Мы уже упоминали въ предыдущей статьѣ объ анкетѣ, предпринятой министерствомъ финансовъ осенью 1904 г. съ цѣлью выясненія производительной силы промышленныхъ заведеній по тремъ признакамъ: количеству рабочаго времени, числу рабочихъ и суммѣ заработной платы. Анкета коснулась всѣхъ промышленныхъ заведеній съ числомъ рабочихъ свыше 50 чел., охвативъ 26% общаго числа заведеній и 70% всего числа

[1]) Сборникъ статистич. свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи въ 1904 г. СПБ. 1907. стр. LXXVIII.

рабочихъ. По количеству рабочаго времени производительность обслѣдованныхъ предпріятій оказалась на 2,5% ниже противъ 1903 г., причемъ по отдѣльнымъ производствамъ установлены были такія колебанія [1]).

	Уменьшеніе.		Увеличеніе.
Обработка шелка	25,7%	Обработка животныхъ продуктовъ	8,9%
„ шерсти . . .	15,4 „	Обработка льна	8,6 „
Смѣшан. произв. по обработкѣ волокн. вещ.	7,1 „	„ металловъ . .	6,3 „
Обраб. минеральн. вещ.	6,8 „	Писчебум. производство .	4,3 „
„ хлопка	5,9 „	Обработка дерева . . .	4,1 „
„ питательн. вещ. и химич. продукт.	2.0 „	Прочія производства . .	9,2 „

Наиболѣе значительное увеличеніе дали производства по обработкѣ животныхъ продуктовъ (выдѣлка кожи) и льна (выдѣлка холста), т. е. матеріаловъ, изготовляемыхъ для арміи; увеличеніе производительныхъ предпріятій по обработкѣ металловъ и дерева, изготовляющихъ вагоны, машины, снаряды, также вызвано потребностями военныхъ дѣйствій. Въ группѣ производствъ, давшихъ уменьшеніе производительности, сильнѣе другихъ пострадала текстильная промышленность и, въ частности, производство галантерейныхъ товаровъ (смѣшанныя производства по обработкѣ волокнистыхъ веществъ). Въ общемъ, какъ показываетъ приведенная таблица, уменьшеніе производства повсюду сказалось болѣе интенсивно, чѣмъ его увеличеніе, т. е. разрушительное вліяніе войны было сильнѣе, чѣмъ благопріятное.

Въ исключительно тяжеломъ положеніи оказалась мануфактурная промышленность, какъ отражающая наиболѣе чувствительно сокращеніе массоваго потребленія. Послѣ незначительнаго повышенія въ 1903 г. общаго количества потребленнаго хлопка (22,1 м. п.) въ 1904 г. оно снова пало (до 20,1 м. п.), одновременно и еще болѣе значительно уменьшился ввозъ англійскихъ машинъ для нуждъ текстильнаго производства: съ 4,18 м. р. въ 1903 г. онъ опустился до 2,96 м. р. въ 1904 г. [2]) Понизился также и вообще привозъ заграничныхъ машинъ для обработки волокнистыхъ веществъ: въ 1903 г. онъ составилъ 254 тыс. п. на сумму 2311 т. р., въ 1904 г.—193 т. п. на 1725 т. р. Если обратиться къ послѣднему привозу по мѣсяцамъ года, то окажется, что переломъ особенно рѣзко обнаружился уже въ маѣ (въ декабрѣ 1903 г. привозъ составилъ 41 т. п., въ маѣ 1904 г.—18 т. п.), переходя въ послѣдующіе мѣсяцы еще въ

---

[1]) См. докладъ министра финансовъ о росписи на 1905 г.
[2]) „Вѣстникъ Финансовъ", № 43. 1907 г.

большее пониженіе [1]): повидимому, разрушительное вліяніе войны начало сказываться на текстильномъ производствѣ во вторую четверть года, т. е. какъ разъ тогда, когда на металлургическую промышленность она стала оказывать благопріятное вліяніе. Насколько можно судить по имѣющимся даннымъ, кризисъ сильнѣе отразился на польскомъ мануфактурномъ районѣ, чѣмъ на московскомъ. Привозъ машинъ понизился для польскихъ губерній съ 110,9 м. п. въ 1903 г. до 42,9 м. п. въ 1904 г. [2]). Варшавскій, лодзинскій и домбровскій районы начали сокращать производство уже съ апрѣля 1904 г., какъ только прекратился экспортъ въ восточныя и сибирскія губерніи. Впослѣдствіи, когда мобилизація охватила внутреннія и южныя губерніи, положеніе стало еще болѣе затруднительнымъ: въ общемъ, производство сократилось, по меньшей мѣрѣ, на 50%, причемъ особенно пострадали средніе и мелкіе торговцы и фабриканты, доказательствомъ чего можетъ служить уменьшеніе количества торговыхъ и промысловыхъ свидѣтельствъ и переходъ многихъ изъ высшаго разряда въ низшій [3]). Въ общемъ, печально обстояло дѣло и въ московскомъ районѣ. Положеніе мануфактурнаго рынка съ началомъ военныхъ дѣйствій на Востокѣ, по сравненію съ 1903 г., еще болѣе ухудшилось. Сжатіе кредита, истощеніе запасовъ, неправильное сообщеніе съ Сибирью—все вносило сильныя осложненія въ торговлю мануфактурой. Въ результатѣ, нижегородская ярмарка 1904 г. закончилась существенной недоторжкой по мануфактурѣ, а цѣны, въ связи съ пониженіемъ расцѣнки хлопка, дали сильное пониженіе, такъ что къ началу 1905 г. въ Москвѣ послѣдовало общее пониженіе цѣнъ: на ситецъ ¾ к. на аршинъ, на тяжелыя бумажныя ткани приблизительно 10% рыночной ихъ стоимости [4]). При этомъ характерно, что обзоры товарныхъ рынковъ офиціальной „Торгово-Промышл. Газеты", всегда изображающіе положеніе дѣлъ въ преувеличенно-розовомъ свѣтѣ и въ самый разгаръ депрессіи мануфактурнаго рынка утверждавшіе, что „вліяніе войны на сбытъ мануфактуры, повидимому, пока меньше, нежели, напр., вліяніе неурожая, или эпидеміи, или колебанія цѣнъ на сырье", должны были признать, что операціонный 1904—1905 годъ по оборотамъ былъ „вполнѣ благопріятнымъ". „причемъ они хотя оказались меньше прошлогоднихъ, но ничуть не меньше среднихъ оборотовъ предшествовавшихъ лѣтъ. Это въ особенности, продолжаетъ органъ министерства финансовъ, касается московскихъ ситцевъ, главный потребитель которыхъ городской житель; въ городахъ же спросъ не подвергается такимъ измѣненіямъ, какъ въ деревнѣ, куда идутъ главнымъ

[1]) Текстильная промышленность и привозъ машинъ, „Вѣстникъ Фин." № 48. 1907 г.

[2]) Для московскаго района опредѣлить ввозъ трудно, т. к. онъ обслуживается рижской таможней, обслуживающей также сѣверный районъ.

[3]) Торг.-Пром. Газ. № 16, 1905 г.

[4]) „Торгово-Пром. Газ." № 69. 1905 г.

образомъ ивановскіе ситцы; послѣдними торговали нѣсколько хуже, чѣмъ московскими" [1]). Такимъ образомъ, въ представленіи офиціоза мирно уживается „вполнѣ благопріятное" состояніе мануфактурнаго рынка съ меньшими, противъ прошлогодняго, оборотами и съ сокращеніемъ сбыта предметовъ массоваго потребленія! Во всякомъ случаѣ, угнетенное настроеніе рынка не могло не повлечь за собою сокращенія производства и въ московскомъ районѣ; въ первомъ очеркѣ мы упоминали уже о случаяхъ закрытія фабрикъ и сокращеніи производства въ московскомъ районѣ [2]).

Кризисъ, пережитый во время войны мануфактурной промышленностью, отразилъ, какъ указано выше, сокращеніе массоваго потребленія, которое должно было дать знать о себѣ и другимъ отраслямъ производства. Въ этомъ сокращеніи массоваго потребленія—или иначе въ дезорганизаціи внутренняго рынка—наиболѣе существенная и острая сторона разрушительнаго вліянія войны. Крупная промышленность, сосредоточенная въ промышленныхъ центрахъ, обладающая кредитомъ и организованными торговыми связями, конечно, также поддается воздѣйствію войны, но не въ такой степени и не въ такихъ формахъ, какъ мелкіе крестьянскіе промыслы, всегда жившіе подъ знакомъ упадка и разрушенія. Передъ раззореніемъ крестьянскаго хозяйства—земледѣльческаго и промысловаго,—которое несетъ съ собою война, блѣднѣютъ бѣдствія собственно т. н. промышленнаго кризиса. Замираніе экономической жизни достигаетъ здѣсь корней народнаго хозяйства, а кризисъ переходитъ въ тяжелое заболѣваніе внутренняго рынка—какъ производственнаго, такъ и потребительскаго,—что, въ свою очередь, обостряетъ кризисъ промышленности.

Эта сторона разрушительнаго дѣйствія войны настолько очевидна, что ее не смѣютъ отрицать и офиціальные ея истолкователи. „По единогласному свидѣтельству казенныхъ палатъ, читаемъ, напр. въ „Сводѣ данныхъ о поступленіи казенныхъ окладныхъ сборовъ за 1904 — 1906 гг.", такое явленіе (недоборъ окладовъ при сравнительно удовлетворительномъ урожаѣ) объясняется возникшою въ этомъ году войной съ Японіей. Массовой призывъ запасныхъ нижнихъ чиновъ на театръ военныхъ дѣйствій, неувольненіе въ запасъ нижнихъ чиновъ, отслужившихъ обязательный срокъ пребыванія на военной службѣ, и усиленный наборъ новобранцевъ призыва 1904 г., лишивъ крестьянскія семьи множества молодыхъ, здоровыхъ и наиболѣе работоспособныхъ членовъ, сильно ослабилъ рабочую и платежную силу населенія. Многія хозяйства остались безъ работника въ семьѣ съ одними женщинами и стариками, неспособными къ труду, отчего хозяйства пришли въ упадокъ и не могли исправно нести лежавшихъ на нихъ денеж-

---

[1]) „Торг.-Пром. Газ." № 48. 1905 г.

[2]) См. „Обществ. движ." т. I, стр. 86.

ныхъ повинностей" [1]). Въ этомъ—только непосредственное дѣйствіе войны,—изъятіе, такъ сказать, изъ экономическаго оборота наиболѣе производительной рабочей силы. Въ опустошенной деревнѣ гибнетъ не только земледѣльческое хозяйство. Рушится кустарное производство, истощается промысловый отходъ, подрываются послѣдніе остатки крестьянскаго благополучія.

Изъ множества фактовъ, свидѣтельствующихъ о такого рода вліяніи войны, мы приведемъ только главнѣйшіе и наиболѣе достовѣрные. Во Владимірской губ., по даннымъ земской статистики [2]), 1904 годъ былъ крайне неблагополученъ какъ для отхожихъ, такъ и для мѣстныхъ промысловъ. Еще съ лѣта, подъ вліяніемъ начавшейся войны, получались отовсюду въ губерніи крайне неутѣшительныя вѣсти о промыслахъ крестьянскаго населенія. Болѣе $^2/_3$ корреспондентовъ статистическаго отдѣленія отмѣчали, что промыслы пали, что подрядчики сократили штаты набираемыхъ рабочихъ, ожидая уменьшенія строительныхъ работъ. Послѣдующее превзошло самыя мрачныя ожиданія: казенныя и частныя постройки въ столицахъ и по линіямъ желѣзныхъ дорогъ сократились, фабрики стали уменьшать производство, домашніе кустарные промыслы, подъ вліяніемъ угнетеннаго настроенія рынки, также сократились. Все это произвело такое потрясеніе въ хозяйственной жизни деревни, что, по словамъ многихъ корреспондентовъ, „нѣкоторымъ приходилось на подати продавать хлѣбъ", котораго всегда не хватаетъ у владимірскаго крестьянина. Особенно пострадалъ строительный промыселъ, которымъ занято во Владимірской губ. до 100 тыс крестьянъ: заработная плата понизилась противъ обычной чуть-не вдвое: 3 р. 75 к.—4 р. 50 к. плотнику въ недѣлю вмѣсто обычныхъ 5—6 р. и даже 6 р. 50 к.; 3 р. 50 к. и самое большое 5 р. 50 к. въ недѣлю столяру вмѣсто 6—7 р. Не лучше обстояло дѣло и съ кустарными промыслами: въ началѣ 1905 г. ровно половина корреспондентовъ говоритъ объ ихъ дальнѣйшемъ паденіи противъ 1904 г. и только 13% упоминаютъ объ улучшеніи кустарныхъ промысловъ. 30—40 тысячная армія ручныхъ ткачей лишена была въ значительной мѣрѣ всякой работы [3]). Въ Московской губ.,

---

[1]) Сводъ данныхъ о поступленіи казенныхъ окладныхъ сборовъ по Имперіи за 1904 06 г. СПБ. 1908. стр. 23.

[2]) А. Смирновъ. Положеніе мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ въ Владимірской губ. въ 1905 г. Вѣстн. Фин. № 29, 1906 г.

[3]) Вотъ нѣсколько сообщеній, иллюстрирующихъ положеніе кустарныхъ промысловъ. „Выработка миткаля кустарнымъ способомъ, практиковавшаяся раньше въ селѣ въ большомъ размѣрѣ (домовъ 30 изъ общаго числа 100) совсѣмъ прекратилась; раздатчикъ Хрѣновъ изъ сосѣдняго села и другіе прекратили свои дѣла, какъ говорятъ, по случаю войны" (Сузд. у.). „Всѣ промыслы плохи, жить очень трудно безъ доходности. Въ нашемъ селѣ раньше существовало три ткацкихъ ручныхъ свѣтелки, а теперь осталась одна, и та стоитъ уже болѣе года безъ дѣловъ". (Юрьев. у.). „Въ нашей мѣстности, гдѣ въ деревняхъ ткутъ шелковую матерію, работая на фабрикантовъ, дѣла очень скверны. Нѣкоторые мелкіе фабриканты „про-

по словамъ 75% земскихъ корреспондентовъ, война отразилась на состояніи отхожихъ промысловъ неблагопріятно, 22% отвѣтили, что вліянія войны незамѣтно и только 3% констатировали улучшеніе отхода [1]). „Уходили въ Москву, сообщаютъ, напр., изъ рузск. у., на фабрики и заводы, а также много типографщиковъ, но многимъ пришлось вернуться назадъ; причина—война". „Вернулось больше половины ушедшихъ, потому что хозяева мастерскихъ уменьшили число рабочихъ рукъ по случаю плохого сбыта товаровъ"—пишетъ корреспондентъ изъ другой мѣстности того-же уѣзда [2]). Относительно кустарныхъ промысловъ 58% корреспондентовъ отмѣчаютъ ухудшеніе ихъ, благодаря войнѣ. Изъ Богородск. у. пишутъ, что „ткачество падаетъ: минувшая зима дала заработки еще низшіе, чѣмъ предыдущая, цѣны были наполовину противъ прежняго, было много прогуловъ, въ большихъ семьяхъ изъ 5 становъ работали только два; за одинъ аршинъ атласа, за который прежде платили 8—10 к., теперь получали 4—5 к. Такого заработка не хватаетъ на одинъ черный хлѣбъ". Подъ вліяніемъ войны рядъ другихъ промысловъ дошелъ до полнаго паденія. Портные Богородск. и Верейскаго уѣздовъ занялись возкой дровъ; третья часть сусальщиковъ Ильинской волости (Дмитровск. у.) сидѣли безъ дѣла или собирали булыжный камень съ крестьянскихъ земель; кустари Аксиньинской волости (Звенигородск. у.) обратились въ чернорабочихъ; кустари, работавшіе гильзы (Московск. у.) занялись тканьемъ возжевой тесьмы, а часть фабричныхъ (Дмитровск. у.), за отсутствіемъ работы, перешли къ шорному ремеслу, которое, вслѣдствіе войны, шло хорошо" [3]). Въ Ярославской губ. „по случаю войны отхожіе

горѣли", а рабочіе остались безъ заработка совсѣмъ и сейчасъ не работаютъ. Другіе, говоря, что по случаю войны дѣла идутъ плохо, стали давать въ началѣ зимы работы въ мѣсяцъ только на 10 р., а потомъ и это сократили. Стали давать одну основу на 5—7 р. и, сработавъ основу, заставляли ждать другую 3 недѣли, т. е. давали рабочимъ гулять 3 недѣли и заработать въ мѣсяцъ 5—7 р. (Покров. у.). Точно такіе-же сообщенія идутъ изъ другихъ уѣздовъ и о всѣхъ почти промыслахъ.

[1]) Статистич. Ежегодникъ Московск. губ. за 1905 г. М. 1906 г., стр. 24.

[2]) Аналогичныя сообщенія въ изобиліи имѣются изъ другихъ уѣздовъ Москов. г. „Война сильно повліяла на отхожіе промыслы такъ что уходъ на заработки сократился; рабочая плата понизилась на треть". (Верейск. у.). „Хотя число рабочихъ и не сократилось, но заработки сдѣлались много меньше; прежде небольшіе церковные праздники почитались, теперь же стали чтить всѣ, лишь бы поменьше работать". (Коломен. у.). И т. д.

[3]) Вотъ еще нѣсколько примѣровъ. „Столярный промыселъ совсѣмъ упалъ по случаю войны, многіе столяры ходятъ безъ дѣла; трудно сказать, что будетъ, если такое затишье въ дѣлахъ продолжится еще хотя одинъ годъ" (изъ разныхъ уѣздовъ Моск. губ.). Въ с. Кутузовѣ (Звенигор. у.) „работали ключники для часовъ на варшавскіе магазины; съ весны 1904 г. промыселъ началъ падать, заказы уменьшались, и хозяева стали расчитывать подмастерьевъ. Нѣкоторые изъ разсчитанныхъ отправились въ Москву, но и оттуда принуждены были вернуться въ деревню, гдѣ работали поденщину у помѣщиковъ". Плохо шло тарантасное дѣло: „нѣкоторые изъ

промыслы сократились въ ближайшія мѣстности на 20%, а въ столицы на 30%. Отхожники въ ближайшіе города заработали рублей на 30, а столичные рублей на 60 меньше прежнихъ лѣтъ... Заработокъ въ столицѣ находятъ не всѣ: многіе возвращаются буквально нищими и приходятъ пѣшкомъ" [1]). Далѣе идутъ аналогичныя свѣдѣнія о паденіи мѣстныхъ промысловъ, особенно кузнечно-слесарнаго. Въ Саратовской губ., по сравненію съ 1903—1904 г. заработки 1904—1905 г. были, по проценту показаній корреспондентовъ, ниже въ 79%, одинаковы въ 14,7 и выше въ 13,3 [2]). Въ Петербургской губ. земская статистика констатируетъ паденіе мѣстныхъ промысловъ, особенно сильное въ годъ войны, результатомъ чего явилось стремленіе искать заработки на сторонѣ, въ отходѣ [3]).

Приведенныя данныя, кажется, въ достаточной степени иллюстрируютъ опустошеніе, произведенное войною въ крестьянскомъ промысловомъ хозяйствѣ. Если, съ одной стороны, на состояніи промысловъ сказался общій кризисъ промышленности,—поскольку отходъ и кустарные промыслы связаны съ фабрикой,—то, съ другой стороны, въ цѣломъ рядѣ промысловъ кризисъ носилъ совершенно самостоятельный характеръ, явившись результатомъ сокращенія сбыта кустарныхъ издѣлій какъ въ городахъ, такъ и особенно среди крестьянскаго населенія. Въ 1904 г. острота положенія нѣсколько смягчилась относительно хорошимъ урожаемъ, давшимъ переборъ противъ предыдущаго года на 15,6%, но по мѣрѣ того, какъ улетучивалось, вообще въ достаточной степени эфемерное, значеніе урожая, вліяніе войны давало себя чувствовать все сильнѣе. Въ началѣ 1905 г. картина становится угрожающе мрачной. Отходъ палъ, кустарныя свѣтелки стоятъ безъ работы, торговля замерла [4]). Отовсюду усиливаются вѣсти о застоѣ въ дѣлахъ, нуждѣ въ

кустарей совершенно прекратили работу, а другіе, если и продолжаютъ работать, то больше по привычкѣ". (Подольск. у.). „Война отразилась очень плачевно на мѣстныхъ кустарныхъ промыслахъ (производство щетокъ и др.), такъ что многіе мелкіе хозяева принуждены прекратить свою работу вовсе" (Верейск. у.). Имѣются также свѣдѣнія о паденіи мѣднаго производства, изготовленія сбруйнаго товара и др.

[1]) Статистическій сборникъ по Ярослав. губ. Сельско-хозяйств. обзоръ за 1905 г. Яр. 1907, стр. 134.

[2]) Сборникъ свѣдѣній по Саратовской губ. В. III. Сар. 1906.

[3]) Статистич. сборникъ по С.-Петербургской губ. 1906 г. В. I. Спб. 1907. По проценту показаній мѣстные промыслы уменьшились въ 1904 г. по сравненію съ 1903 г.: зимой—38, весной—42, лѣтомъ—45, осенью—66. Соотвѣтствующій процентъ показаній для отхожихъ промысловъ даетъ уменьшеніе для зимы (3) и весны (9), увеличеніе для лѣта (11) и осени (16). Сборникъ стр. 109.

[4]) „Война отразилась въ нашей мѣстности на торговлѣ весьма замѣтно, торговля сократилась на треть", сообщается изъ Коломенск. у. „Вообще чувствуется недостатокъ въ деньгахъ; народъ лишенъ кредита, также какъ и торговцы; торговля идетъ вяло" (Рузскій у.). „Торговля вообще въ настоящее время замѣтно упала, на ярмаркахъ и базарахъ покупаютъ только крайне необходимое" (Верейск. у.).

деньгахъ, отсутствіи кредита. Емкость внутренняго рынка сильно сократилась, внося еще большую остроту въ общій промышленный кризисъ.

Угнетательное состояніе внутренняго рынка наиболѣе рельефно сказалось на результатахъ Нижегородской ярмарки, которая въ общемъ прошла вполнѣ вяло. Мы уже отмѣтили, что ярмарка закончилась существенной недоторжкой по мануфактурѣ. Столь-же печальнымъ оказался исходъ торговли желѣзными товарами. Незначительная наличность сортоваго желѣза окрылила было торговцевъ надеждой на устойчивыя цѣны и на возможность ихъ повышенія, но надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться. „Война на Дальнемъ Востокѣ, читаемъ въ офиціальномъ отчетѣ [1]), сильно понизила покупательную силу; еще до ярмарки многіе переживали затрудненія въ платежѣ; всюду былъ застой въ торговлѣ. Далѣе шло сокращеніе кредита въ банкахъ при крайней осторожности послѣднихъ. Само собою понятно, что и въ ярмаркѣ продавцы по необходимости сокращали кредитъ, были осторожны въ выборѣ покупателей; отсюда возникло значительное сокращеніе общаго оборота желѣзомъ". Несмотря на небольшую наличность сортоваго желѣза, оживленнаго сбыта не было, цѣны не повысились. Съ кровельнымъ желѣзомъ ярмарка прошла „болѣе, нежели сдержанно, и добрая половина осталась не размѣщенной; цѣны понизились не только противъ прошлаго года, но и противъ отмѣтокъ, объявленныхъ въ началѣ ярмарки". Въ конечномъ итогѣ, благодаря столь угнетенному состоянію торговли, протестъ векселей на ярмаркѣ увеличился на 20%, учетъ векселей, по сравненію съ предшествующимъ годомъ, понизился на 6.500 т. р., а общій оборотъ ярмарки палъ на 20%.

Мы будемъ еще имѣть случай коснуться нѣкоторыхъ сторонъ вліянія войны на промышленность, но и сказаннаго пока достаточно, чтобы признать, что положеніе промышленности наканунѣ 1905 г. было, по истинѣ, безотраднымъ. Война сказалась благопріятно только на немногихъ отрасляхъ производства, да и здѣсь она не могла удержать ихъ на должномъ уровнѣ сколько-нибудь продолжительное время. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ война вызвала ухудшеніе торговаго сбыта и сокращеніе производства. Ослабивъ крестьянское хозяйство, война подорвала крестьянскіе промыслы и обезсилила внутренній рынокъ, вообще чрезвычайно скудный. При этомъ необходимо помнить, что къ 1904 г. промышленность далеко еще не оправилась отъ тяжелаго кризиса начала 900-хъ годовъ. Въ 1903 г., какъ мы указывали въ предыдущемъ очеркѣ, лишь слабо намѣчались пути къ улучшенію,

---

„Кредитъ уменьшился, вѣрнѣе сказать, прекратился; даже изъ фабричной лавки не даютъ въ долгъ рабочимъ". (Дмитр. у.). И т. д. см. Статистическій Ежегодникъ Московск. губ. 1905 г.

[1]) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о горнозав. промышл. въ Россіи въ 1904 г., стр. LXXX.

но не было никакой увѣренности въ томъ, что улучшеніе это, наконецъ, наступитъ. Война, внеся общую дезорганизацію въ народное хозяйство, круто повернула курсъ къ ухудшенію и подставила обезсиленную промышленность подъ удары, которые неизбѣжно несла съ собою революція.

II.

Періодъ наибольшей промышленной депрессіи.

Прежде, чѣмъ перейти къ изученію условій, въ какихъ находилась промышленность во время революціи, необходимо бросить общій взглядъ на положеніе промышленности въ 1904—1907 г., чтобы этимъ выяснить періодъ, когда, подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, промышленность пережила наибольшія потрясенія.

Общее положеніе промышленности въ 1904—1907 г. иллюстрируется діаграммой № 1. При хаотическомъ состояніи нашей промышленной статистики, приходится, для характеристики общаго положенія, довольствоваться имѣющимися данными, примиряясь какъ съ случайнымъ, въ значительной мѣрѣ, ихъ выборомъ, такъ и, временами, ихъ сомнительною точностью. Въ нашей діаграммѣ данныя о добычѣ каменнаго угля, выплавкѣ чугуна, производствѣ полупродукта и готоваго продукта и суммѣ основныхъ капиталовъ акціонерныхъ горнопромышленныхъ предпріятій могутъ иллюстрировать положеніе въ 1904—1907 г г. горнозаводской промышленности; данныя объ основныхъ капиталахъ акціонерныхъ предпріятій, занятымъ обработкой волокнистыхъ вещей, могутъ свидѣтельствовать о положеніи текстильной промышленности, а данныя о капиталахъ акціонерныхъ предпріятій металлической группы—о металлообрабатывающей промышленности; движеніе суммы основныхъ капиталовъ акціонерныхъ предпріятій, какъ и данныя о числѣ выданныхъ промысловыхъ свидѣтельствъ на промышленныя предпріятія указываютъ на общій темпъ промышленнаго развитія, а данныя о ввозѣ и вывозѣ по внѣшней торговлѣ, перевозкѣ грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ и о промысловыхъ свидѣтельствахъ на торговыя предпріятія до нѣкоторой степени освѣщаютъ положеніе внѣшней и внутренней торговли.

Какъ ни разнородны эти данныя, но приведенныя къ очной ставкѣ на діаграммѣ, они даютъ единодушныя показанія, заслуживающія полнаго довѣрія. По сравненію съ 1903 г., когда общее положеніе нѣсколько улучшилось, въ 1904 г. положеніе остается въ значительной степени неопредѣленнымъ: съ одной стороны, повидимому, продолжается благопріятное вліяніе условій предшествующаго года, удерживающее торгово-промышленную жизнь отъ рѣзкаго паденія, съ другой—сказывается вліяніе войны, такъ неожиданно пере-

путавшей всѣ карты. Добыча каменнаго угля и выплавка чугуна, а равно производство полупродукта и готоваго продукта, даютъ въ 1904 сильное повышеніе, въ чемъ, какъ мы видѣли, сказалось непосредственное вліяніе войны. Увеличеніе даютъ также въ 1904 г. перевозки грузовъ,—приростъ послѣднихъ долженъ быть отнесенъ главнымъ образомъ на счетъ усиленной перевозки для нуждъ войны,—и число выданныхъ свидѣтельствъ на торговыя и промышленныя предпріятія; почти безъ измѣненія остаются основные капиталы акціонерныхъ предпріятій волокнистой и металлической группъ, а общая сумма основныхъ капиталовъ всѣхъ предпріятій дала незначительный приростъ. Ввозъ по внѣшней торговлѣ сильно падаетъ, являясь серьезнымъ признакомъ экономическаго неблагополучія. Въ общемъ, настроеніе, несмотря на оживленіе въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, остается вялымъ. Въ 1905 г. картина рѣзко измѣняется: почти по всѣмъ показателямъ діаграммы намѣчается общее ухудшеніе. Падаютъ добыча каменнаго угля и выплавка чугуна, производство полупродукта и готоваго продукта, сильно понижаются перевозка грузовъ, число выданныхъ свидѣтельствъ на торговыя и промышенныя предпріятія, обнаруживается дальнѣйшее уменьшеніе по ввозной внѣшней торговлѣ; основной капиталъ акціонерныхъ предпріятій горнопромышленной и металлической группъ увеличился, особенно первой, очевидно въ преувеличенномъ расчетѣ на дальнѣйшій ростъ производства подъ вліяніемъ войны; капиталъ волокнистой группы остается безъ движенія, а общая сумма основныхъ капиталовъ, въ особенности благодаря увеличенію капитала горнопромышленной группы, дала незначительное повышеніе. Въ 1906 г. положеніе остается критическимъ. Основные капиталы интересующихъ насъ группъ предпріятій, за исключеніемъ волокнистой, понижаются, нѣсколько понижается общая сумма основныхъ капиталовъ; сильно увеличиваются перевозка грузовъ, добыча твердаго топлива и ввозно-внѣшняя торговля, немногимъ повышается число свидѣтельствъ на промышленныя предпріятія; пониженіе показываютъ выплавка чугуна и число свидѣтельствъ на торговыя предпріятія. Въ 1907 г. замѣчается повышеніе по всѣмъ показателямъ діаграммы. Въ сторонѣ отъ общей тенденціи остается только вывозъ по внѣшней торговлѣ: онъ повышается въ то время, какъ всѣ прочія данныя понижаются, и падаетъ, когда тѣ начинаютъ повышаться. Очевидно, здѣсь сказалось исключительное значеніе въ вывозной торговлѣ хлѣбовъ, весьма слабо связанной съ общей экономической конъюнктурой въ странѣ.

Такимъ образомъ въ интересующее насъ четырехлѣтіе 1904—1907 г. годомъ сплошной депрессіи былъ 1905 г. Если, однако, принять во вниманіе, что въ отдѣльныхъ случаяхъ улучшеніе 1906 г. вызывалось усиленнымъ восполненіемъ дефектовъ предыдущаго года — повышеніе перевозки грузовъ и ввоза по внѣшней торговли—или исключительными обстоятельствами — увеличеніе добычи твердаго минеральнаго топлива взамѣнъ

нефти, — то придется и 1906 г. отнести къ періоду наибольшей депрессіи. Но и съ такой поправкой выясненіе времени наиболѣе сильной депрессіи нуждается въ дальнѣйшей детализаціи. По силѣ разразившихся событій 1905 и 1906 гг. не были, конечно, на всемъ своемъ протяженіи однородными; если въ одни періоды революціонная волна поднималась, то въ другіе она, напротивъ, обнаруживала замѣтное паденіе. Кромѣ того, въ первую половину 1905 г. проявлялось еще всецѣло вліяніе войны, а во вторую половину этого же года должно было дать себя почувствовать и прекращеніе военныхъ дѣйствій. Можно, такимъ образомъ, предположить, что на протяженіи 1905—1906 гг., отмѣченныхъ наибольшей депрессіей, выдѣлялись, въ свою очередь, моменты наибольшаго промышленнаго угнетенія. Детализація сдѣланной выше общей картины необходима еще и для того, чтобы тѣмъ рельефнѣе выдѣлить причины, породившія депрессію.

Цѣлямъ такой возможной детализаціи служитъ составленная нами діаграмма № 2. Къ сожалѣнію, неполнота и несовершенство промышленной статистики сказались на этой діаграммѣ еще въ большей степени, чѣмъ на разсмотрѣнной выше. Изъ показателей, начертанныхъ въ первой діаграммѣ, пришлось оставить немногія, именно тѣ, которые даютъ помѣсячную группировку данныхъ; въ дополненіе къ нимъ введены новые показатели, не включенные въ первую діаграмму. Въ діаграммѣ № 2 приведено движеніе по четвертямъ года добычи твердаго минеральнаго топлива (въ Донецкомъ б.), выплавки чугуна, производства полупродукта и готоваго продукта (по всей Имперіи); эти данныя могутъ служить для иллюстраціи положенія горнозаводской промышленности; общія данныя по ввозной и вывозной торговлѣ замѣнены данными по ввозу и вывозу только сырья и полуфабрикатовъ, какъ имѣющихъ болѣе непосредственное отношеніе къ промышленности; введенныя въ діаграмму данныя о ввозѣ текстильныхъ машинъ могутъ служить для характеристики положенія текстильной промышленности; перевозка грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ и здѣсь, конечно, имѣетъ такое же значеніе, какъ въ первой діаграммѣ.

Переходя къ ознакомленію съ діаграммой № 2, необходимо, прежде всего, замѣтить, что добыча минеральнаго топлива, само по себѣ, при болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ, обнаруживаетъ такія колебанія по временамъ года: наименьшая интенсивность падаетъ на вторую треть года (лѣтніе мѣсяцы), наибольшая — на третью, средняя — на первую треть, вообще же каменноугольная промышленность въ первое полугодіе развивается менѣе интенсивно, чѣмъ во второе полугодіе [1]). Изъ четырехъ лѣтъ, показанныхъ на діаграммѣ, отклоненіе отъ нормальныхъ колебаній даетъ только 1905 годъ:

[1]) Каменноугольная промышленность Россіи въ 1904 г. Вып. I. Изд. Статист. Бюро Совѣта Съѣздовъ Горнопром. Юга Россіи. X. 1906. стр. 9.

здѣсь, наоборотъ, первое полугодіе проявляетъ большую интенсивность (403,3 м. п.), чѣмъ второе (392,1 м. п.), или иначе говоря—второе полугодіе заканчивается значительной недохваткой въ производствѣ, при чемъ наибольшее паденіе добычи (по отношенію къ тому, что должно было быть добыто) замѣчается въ четвертой четверти года. Въ 1906 г. нормальныя колебанія добычи по временамъ года возстанавливаются: вторая половина года оказывается болѣе продуктивной, чѣмъ первая. Но, несмотря на недоборъ добычи во вторую половину 1905 г., добыча первой половины 1906 г. не показываетъ повышенія, какъ этого слѣдовало бы ожидать: въ первой половинѣ 1906 г. добыто всего на 14 м. п. больше, чѣмъ во вторую половину 1905 г., при чемъ добыча первой четверти 1906 г. всего на 2 м. п. выше добычи послѣдней четверти 1905 г. Такимъ образомъ, для горнозаводской промышленности періодъ наибольшей депрессіи намѣчается во второй половинѣ 1905 и первой половинѣ 1906 г., съ наибольшимъ угнетеніемъ въ послѣдней четверти перваго и первой четверти второго года. Выплавка чугуна, производство полупродукта и готоваго продукта не даютъ такихъ сильныхъ колебаній, какъ добыча твердаго минеральнаго топлива, потому что производство здѣсь вообще держится въ довольно скромныхъ предѣлахъ. Однако, наибольшія колебанія все же можно установить для 1905 г. Добыча чугуна, сильно опустившись въ первую четверть 1905 г., нѣсколько поднимается во вторую и затѣмъ снова опускается, достигнувъ наибольшаго паденія въ послѣднюю четверть года. Въ первую четверть 1906 г. добыча держится почти на уровнѣ конца предыдущаго года и, поднявшись немного во вторую четверть, въ дальнѣйшемъ обнаруживаетъ незначительныя колебанія, оставаясь, однако, все время на уровнѣ болѣе низкомъ, чѣмъ въ 1906 г. и въ первую половину 1905 г. Приблизительно такія же колебанія наблюдаются въ производствѣ полупродукта и готоваго продукта: сильное паденіе въ первую четверть 1905 г., повышеніе во вторую и третью четверти года и максимумъ паденія въ послѣдней четверти, затѣмъ послѣ незначительнаго повышенія снова паденіе во вторую четверть (для полупродукта) или третью четверть (для готоваго продукта) 1906 года съ послѣдующимъ повышеніемъ въ 1907 г. Такимъ образомъ, къ періоду наибольшей депрессіи, помимо конца 1905 г. и первой половины 1906 г., установленнаго для добычи минеральнаго топлива, здѣсь присоединяется первая четверть 1905 г., а депрессія второй половины 1906 г. охватываетъ часть третьей четверти, т. е. продолжается приблизительно до начала осени 1906 г.

Прочіе показатели діаграммы даютъ въ общемъ такую же картину, какъ и только что разсмотрѣнные. Перевозка грузовъ, послѣ незначительнаго паденія во вторую четверть 1905 г. и небольшого подъема въ третью четверть стремительно опускается въ послѣднюю четверть года; поднявшись затѣмъ съ такой же

стремительностью въ первую четверть 1906 г., она остается на одномъ уровнѣ во вторую четверть и поднимаетъ только съ третьей четверти года. Если принять во вниманіе, что подъемъ начала 1906 г. вызванъ исключительно усиленной перевозкой залежавшихся грузовъ, то повышенный темпъ начала года придется сильно умѣрить. Ввозъ и вывозъ сырья и полуфабрикатовъ послѣ пониженія первой четверти 1905 г. и послѣдующаго повышенія даютъ сильное паденіе въ послѣднюю четверть 1905 г., а затѣмъ продержавшись на пониженномъ уровнѣ, начинаютъ повышаться только со второй (вывозъ) или третьей (ввозъ) четверти 1906 г. Ввозъ текстильныхъ машинъ, послѣ подъема конца 1905 г., достигаетъ максимума паденія въ серединѣ 1906 г.

Сводя, такимъ образомъ, во-едино данныя діаграммъ и учитывая отклоненія, характерныя только для отдѣльныхъ показателей, мы можемъ принять, что періодъ наибольшой депрессіи падаетъ на послѣднюю четверть 1905 г. и первую половину 1906 г., причемъ депрессіей отмѣчена также первая четверть 1905 г., а періоду наибольшей депрессіи предшествовала депрессія третьей четверти 1905 г. и заключила его депрессія начала третьей четверти 1906 г.

Такой выводъ не является, конечно, ни въ какой степени неожиданнымъ. Для всѣхъ, кто пережилъ недавнія еще событія, памятно, что подъемъ революціонной волны палъ на конецъ 1905 и первую половину 1906 г., и что, въ частности, забастовочное движеніе рабочихъ достигло наибольшаго напряженія также въ концѣ 1905 г. и первой половинѣ 1906 г., причемъ предшествовали ему январьскія событія 1905 г. и завершило его движеніе конца лѣта 1906 г. Графическая иллюстрація забастовочнаго движенія вполнѣ подтверждаетъ несомнѣнную связь его съ промышленной депрессіей. На діаграммѣ № 3 начертано движеніе стачечной волны въ 1905 — 1907 г.г какъ по общему числу бастовавшихъ рабочихъ, такъ и по числу рабочихъ участвовавшихъ въ политическихъ и экономическихъ забастовкахъ. Забастовочная волна, какъ это видно на діаграммѣ, даетъ слѣдующія точки наибольшаго повышенія: первая и послѣдняя четверть 1905 г., вторая четверть 1906 г. и вторая четверть 1907 г. Моментами паденія стачечной волны остаются: въ 1905 г. вторая и третья четверти, въ 1906 г.—первая, третья и особенно четвертая и въ 1907 г.—первая и третья. Оставляя пока безъ разсмотрѣнія 1907 г., мы видимъ что въ 1905—1906 г.г. кривая забастовочнаго движенія вполнѣ совпадаетъ съ кривою промышленной депрессіи.

Приводила-ли забастовка 1905—1906 г.г. къ промышленной депрессіи и, если приводила, то какими путями и къ какой именно депрессіи—вотъ вопросъ, на который мы должны теперь, прежде всего, отвѣтить, чтобы учесть вліяніе наиболѣе яркаго въ эти годы революціоннаго фактора и вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣлить вліяніе факторовъ другого порядка.

III.

Промышленность и забастовки 1905—1906 г.г.

Стачки рабочихъ пріостанавливаютъ производство: машины стоятъ, новые продукты не выбрасываются на рынокъ, рабочіе не получаютъ заработной платы. Отсюда ущербъ, который стачки приносятъ промышленности, выражается въ ущербѣ предпринимателей отъ остановки фабрикъ и рабочихъ отъ неполученія заработной платы. Г. Варзаръ, офиціальный изслѣдователь стачечнаго движенія въ Россіи, насчиталъ такого „видимаго" ущерба промышленности въ 1905 г. для предпринимателей свыше 127 м. р., для рабочихъ, свыше $17^1/_2$ м. р. [1]). Конечно, этотъ ущербъ, въ особенности ущербъ рабочихъ, имѣетъ очень важное значеніе, но все же отношеніе его къ экономическому вліянію стачекъ не столь непосредственное, какъ полагаютъ. Какъ ни значительны видимыя потери предпринимателей и рабочихъ, онѣ остаются, въ концѣ концовъ, потерями, такъ сказать, субъективнаго порядка. Теряютъ предприниматели, теряютъ рабочіе, но это вовсе не означаетъ, что подобнаго рода убытками ограничивается ущербъ отъ забастовокъ для промышленности вообще или что, даже наоборотъ, убытки рабочихъ и предпринимателей не сведены къ ничтожному значенію благодаря какимъ-либо благопріятнымъ условіямъ, созданнымъ для промышленности стачкою. Забастовка въ данномъ предпріятіи или въ данной отрасли производства можетъ повлечь за собою осложненія и потери для другихъ предпріятій или для другихъ отраслей производства, въ забастовкѣ участія не принимавшихъ. Или наоборотъ: забастовка въ одной группѣ производства, принеся для участвующихъ въ ней тотъ или иной ущербъ, можетъ породить для другой группы производства исключительно благопріятныя условія, создающія для всей вообще промышленности, несмотря на забастовку и видимый ущербъ отъ нея, выгодную конъюнктуру. Очевидно, опредѣленіе видимыхъ потерь еще ровно ничего не говоритъ о дѣйствительномъ вліяніи забастовокъ на промышленность. Да и само по себѣ вычисленіе этихъ потерь имѣетъ какой-нибудь смыслъ въ томъ лишь случаѣ, если оно ставится въ связь съ исходомъ забастовокъ, съ тѣми измѣненіями въ отношеніяхъ предпринимателей и рабочихъ, которыя явились въ результатѣ забастовокъ. Если стачка закончилась, напримѣръ,

---

[1]) Статистика стачекъ рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ за трехлѣтіе 1906—1908 г.г. Составилъ и разработалъ фабричный ревизоръ В. Е. Варзаръ. Изд. Отдѣла промышленности. Спб. 1910 г., стр 36—37. Данныя о стачкахъ 1905—1908 г.г., повсюду ниже приводятся изъ матеріаловъ г. Варзара какъ только что названнаго, такъ и за 1905 г. (Спб. 1909), при чемъ данныя 1905 г. исправлены согласно дополненіямъ, приведеннымъ г. Варзаромъ въ новѣйшей его работѣ.

повышеніемъ заработной платы, то потери рабочихъ за время забастовки могутъ вполнѣ компенсироваться такимъ повышеніемъ, и стачка можетъ принести рабочимъ, вопреки временной видимой потерѣ, вполнѣ осязательную выгоду. Точно также, если забастовка окончилась улучшеніемъ условій труда или уменьшеніемъ рабочаго времени, повысившими производительность труда, то видимыя потери предпринимателя могутъ, въ концѣ концовъ, превратиться въ увеличенную прибыль.

Вліяніе забастовокъ на промышленность идетъ дальше видимыхъ потерь или выгодъ для участвующихъ въ нихъ группъ. Стачки рабочихъ пріостанавливаютъ производство. Но этимъ онѣ не только опустошаютъ карманы предпринимателей или рабочихъ. Пріостанавливая производство, онѣ вносятъ дезорганизацію и въ безъ того дезорганизованное капиталистическое производство. Прекращается невидимая, хотя и прочная, связь между разбросанными по лицу страны промышленными предпріятіями, разрывается токъ, сдерживавшій разбродъ производительныхъ силъ, поддерживавшій стройность и относительную планомѣрность общественнаго производства. Сила такой дезорганизаціи опредѣляется, такъ сказать, количествомъ звеньевъ, выпадающихъ изъ общей цѣпи. Максимальнаго развитія достигаетъ она въ случаяхъ массовыхъ или всеобщихъ забастовокъ, когда работы пріостанавливаются, если не повсемѣстно, то въ многочисленныхъ и разнородныхъ группахъ производства; но не уничтожается ея дѣйствіе и въ случаяхъ одиночныхъ забастовокъ, —въ зависимости, понятно, отъ значенія бастующаго предпріятія въ общемъ строѣ промышленности.

Дезорганизація производства приводитъ къ дезорганизаціи товарнаго обращенія. Общая масса обращающихся товаровъ сильно сокращается, отчего замедляется и осложняется самое обращеніе. Отсюда—рядъ затрудненій на товарномъ рынкѣ, сжатіе предложенія, колебанія товарныхъ цѣнъ, меньшая подвижность денежныхъ сдѣлокъ, заминки въ кредитѣ, усиленіе торговыхъ несостоятельностей. Все это рикошетомъ снова ударяетъ въ производство, усиливая порожденную въ немъ дезорганизацію.

Наконецъ, забастовки, если онѣ повторяются часто и промышленность вынуждена жить подъ угрозою возможнаго ихъ повторенія, приводятъ къ общей промышленной растерянности. Забастовки еще нѣтъ, но одна возможность ея наступленія уже нарушаетъ спокойствіе, вселяетъ неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, приводитъ въ замѣшательство какъ промышленные, такъ и торговые круги.

Само собою разумѣется, что для правильнаго учета вліянія забастовокъ, особенно массовыхъ, это дезорганизующее ихъ дѣйствіе должно быть сопоставлено съ конечными результатами забастовокъ. Если, напримѣръ, всеобщая политическая забастовка сняла политическія путы съ свободнаго развитія производительныхъ силъ, если въ результатѣ массовой экономической борьбы

рабочихъ улучшилось положеніе послѣднихъ и повысилась покупательная сила рабочаго класса, то произведенная забастовкой дезорганизація быстро изгладится и не только рабочіе, но и промышленность, вступятъ въ полосу болѣе благопріятную. Иные результаты, конечно, получатся, если намѣтившіеся, подъ вліяніемъ стачечной борьбы рабочихъ, пути къ улучшенію будутъ уничтожены вмѣшательствомъ другихъ силъ, интересамъ роста производительныхъ силъ враждебныхъ...

Сила экономическаго вліянія забастовокъ опредѣляется силою самого забастовочнаго движенія. Чѣмъ большее число промышленныхъ заведеній и рабочихъ охватываютъ забастовки, чѣмъ онѣ болѣе продолжительны или съ большей настойчивостью поражаютъ одни и тѣ же предпріятія, тѣмъ сила ихъ вліянія значительнѣе. Для учета этого вліянія необходимо, поэтому, прежде всего установить степень, такъ сказать, экстенсивности и интенсивности стачечнаго движенія.

По числу бастовавшихъ заведеній и рабочихъ 1905—1906 годы, какъ извѣстно, рѣзко выдѣляются въ ряду какъ предшествующихъ, такъ и послѣдующихъ лѣтъ [1]). Если, напр. въ 1903 г.—году наибольшаго напряженія стачечной борьбы за все десятилѣтіе 1895—1904 г.г.,—бастовало 550 заведеній (или 3,21% общаго ихъ числа) и 86.832 рабочихъ (или 5,10% всего ихъ числа), то для послѣдующаго времени аналогичныя данныя будутъ:

	Число стачекъ		Число бастовавшихъ рабочихъ	
	абсолютное	въ % къ общему числу заведеній	абсолютное	въ % къ общему числу рабочихъ.
1905 г. .	13.995	93,2	2.863.173	163,8
1906 „ .	6.114	42,2	1.108.406	65.8
1907 „ .	3.573	23,8	740.074	41,9

Очевидно, по степени распространенности стачечное движеніе не только 1905 и 1906 г., но и 1907 г. не поддается никакому сравненію съ движеніемъ 1903 г. Отбрасывая даже стачки повторныя (т. е. повторявшіяся въ одномъ и томъ же заведеніи по нѣсколько разъ) и опредѣляя число дѣйствительно бастовавшихъ рабочихъ, получимъ, что въ 1905 г. бастовало около трети предпріятій и около 60% всего числа рабочихъ. Въ моментъ же наивысшаго напряженія стачечной борьбы (во вторую половину 1905 г. и первую половину 1906 г.) въ стачкахъ принимали участіе свыше двухъ милліоновъ рабочихъ (2.026.318 чел.), при чемъ, въ частности, въ октябрѣ-декабрѣ 1905 г. бастовало свыше милліона рабочихъ (1.277.426 чел.).

Несмотря на грандіозность этихъ цифръ, онѣ, свидѣтельствуя о силѣ классовой сплоченности пролетаріата, еще очень мало говорятъ, сами по себѣ,

[1]) Нижеслѣдующія данныя повсюду относятся только къ предпріятіямъ, подчиненнымъ надзору фабричной инспекціи.

о тѣхъ экономическихъ послѣдствіяхъ, которыя могли принести и принесли съ собой стачки рабочихъ. Дѣло въ томъ, что приведенныя выше суммарныя данныя заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія какъ о политическихъ, такъ и объ экономическихъ забастовкахъ,—между тѣмъ вліяніе тѣхъ и другихъ должно было быть различнымъ. Если мы обратимся къ разсмотрѣнію въ отдѣльности политическихъ и экономическихъ забастовокъ, то убѣдимся, прежде всего, въ меньшей продолжительности первыхъ и большой продолжительности вторыхъ. Изображая продолжительность стачекъ чисто политическихъ (A), политическихъ, осложненныхъ экономическими требованіями (B) и чисто экономическихъ (C) въ процентномъ отношеніи къ общему числу стачекъ каждой группы, получимъ такую таблицу:

	1905 годъ.			1906 годъ.		
	½—5 дн.	5—10 дн.	св. 10 дн.	½—5 дн.	5—10 дн.	св. 10 дн.
A.	63,6	21,4	14,9	98,8	0,6	0,4
B.	40,4	30,9	28,7	60	24	16
C.	47,2	22,4	29,2	53,3	20,0	25,5

Среди политическихъ забастовокъ, какъ это видно изъ таблицы, рѣзко преобладаютъ кратковременныя (до 5 дней) какъ въ 1905 г., такъ и въ особенности въ 1906 году. Присоединеніе къ политическимъ забастовкамъ экономическихъ требованій (въ группѣ B) сразу измѣняетъ картину: увеличивается число стачекъ, протекавшихъ болѣе продолжительное время. И, наконецъ, среди стачекъ экономическихъ явно преобладаютъ стачки болѣе продолжительныя (свыше 5 дней), а въ 1906 г. кратковременныя и продолжительныя распредѣляются почти поровну,—во всякомъ случаѣ, по упорности своей, стачки экономическія во много разъ превышаютъ стачки политическія.

Наоборотъ повторными стачками были, повидимому, главнымъ образомъ стачки политическія. Говоримъ—повидимому, потому что въ опубликованныхъ отдѣломъ промышленности матеріалахъ приводятся только общія данныя о повторныхъ стачкахъ, безъ раздѣленія на экономическія и политическія. По нѣкоторымъ, однако, побочнымъ признакамъ можно предположить, что отдѣльныя заведенія бастовали по нѣсколько разъ, по преимуществу, по мотивамъ политическимъ. Такъ, для 1905 и 1906 гг. повторность стачекъ представляется въ такомъ видѣ:

	Число разъ повторенія стачекъ въ томъ же заведеніи (въ % %).				
	2	3	4	5—7	св. 7
1905 г. . . .	30,2	20,1	19,4	25,0	5,1
1906 г. . . .	50,4	24,2	11,0	11,0	2,9

Такимъ образомъ, въ 1905 г. изъ заведеній, бастовавшихъ въ теченіе года нѣсколько разъ, подавляющее большинство (около 70%) бастовало

отъ 2 до 3 разъ, при чемъ около трети ихъ бастовало по 2 раза; въ 1906 г. половина заведеній бастовала по 2 раза и около $^3/_4$ отъ 2 до 4 разъ. Число повтореній какъ для 1905, такъ и для 1906 г. вполнѣ совпадаетъ съ моментами наиболѣе единодушной политической борьбы рабочаго класса. Въ 1905 г., какъ извѣстно, такими моментами были: январьскія забастовки (бастовало 233.411 челов.), первомайскія (110.690), первая всеобщая въ октябрѣ (365.441), вторая всеобщая въ ноябрѣ, декабрьскія забастовки въ связи съ вооруженными возстаніями (372.528); въ 1906 г. — забастовки начала года въ память 9 января и въ связи съ выборами въ Думу и потомъ — въ связи съ роспускомъ Думы и съ рядомъ бунтовъ въ войскахъ. Очевидно, забастовки повторялись, главнымъ образомъ, въ эти моменты обостренія политической борьбы, и только незначительная часть заведеній бастовала сверхъ того еще по нѣсколько разъ по экономическимъ мотивамъ. Такой выводъ подтверждается и группировкой бастовавшихъ заведеній. Такъ въ 1905 г. бастовали, по абсолютному числу участниковъ стачекъ отъ 2 до 5 разъ полнымъ контингентомъ рабочихъ крупныя фабрики, сосредоточивающія значительное количество рабочихъ и расположенныя преимущественно въ большихъ промышленныхъ центрахъ или населенныхъ городахъ, а также заведенія, хотя и не столь крупныя, но расположенныя главнымъ образомъ въ городахъ [1]), т. е. активно-политическіе кадры рабочихъ, болѣе чутко откликавшіеся на политическія злобы великаго года.

Мы можемъ, такимъ образомъ, установить, что экономическія стачки 1905—1906 гг. были болѣе упорны по своей продолжительности, хотя и менѣе упорны по повторяемости: политическія забастовки, наоборотъ,—кратковременны и повторны. Каково же относительное значеніе тѣхъ и другихъ стачекъ въ общемъ движеніи 1905 и 1906 гг.? Суммарныя годовыя данныя говорятъ, что по числу участвовавшихъ въ стачкахъ рабочихъ политическія и экономическія забастовки играли почти одинаковую роль: въ 1905 г. изъ общаго числа бастовавшихъ рабочихъ 48% участвовало въ политическихъ забастовкахъ и 52% въ экономическихъ, въ 1906 г.—первыхъ было 58,7%, вторыхъ 41,3%. Если, однако, разбить эти общія данныя по четвертямъ каждаго года, то отношеніе существенно измѣнится:

Четверти года:	1905 г.		1906 г.	
	% бастовавшихъ рабочихъ:			
	въ полит. ст.	въ экон. ст.	въ полит. ст.	въ экон. ст.
Первая	45,4	54,6	70,9	27,1
Вторая	59,3	40,7	52,3	47,7
Третья	42,0	58,0	57,9	42,1
Четвертая . . .	74,2	25,8	40,2	59,8

[1]) См. статистика стачекъ рабочихъ 1905 г., стр. 21.

Наиболѣе рѣзкое преобладаніе политическихъ забастовокъ надъ экономическими наблюдается въ послѣдней четверти 1905 г. и первой четверти 1906 г., менѣе рѣзкое—во второй четверти 1905 г. и во второй и третьей четвертяхъ 1906 г. Если мы сопоставимъ эти колебанія преобладающаго значенія политическихъ забастовокъ съ приведенными выше діаграммами, выясняющими періоды промышленной депрессіи, то увидимъ, что періоды депрессіи въ общемъ совпадаютъ съ періодами преобладанія политическихъ стачекъ: время наибольшей депрессіи падаетъ на послѣднюю четверть 1905 г. и первую половину 1906 г., при чемъ депрессіей отмѣчена также первая четверть 1905 г. и третья четверть 1906 г. Такимъ образомъ, политическія забастовки, несмотря на свою меньшую упорность, оказали на экономическую депрессію большее вліяніе, чѣмъ стачки экономическія, вліяніе которыхъ, несмотря на ихъ большую упорность, замѣтно въ болѣе слабой степени и при томъ въ періодѣ, отмѣченномъ наименьшей депрессіей. И въ этомъ нѣтъ ничего непонятнаго, хотя, казалось бы, политическія стачки, протекавшія менѣе продолжительное время, должны были оказать меньшее вліяніе на промышленность, чѣмъ стачки экономическія, болѣе упорныя по своей продолжительности.

Вліяніе политическихъ забастовокъ опредѣляется не столько тою или иною ихъ продолжительностью, сколько массовымъ ихъ характеромъ. Сила и смыслъ политической забастовки заключается въ томъ, что пріостанавливаются работы одновременно во многихъ и разнородныхъ группахъ производства; если забастовка распространяется по возможности на всѣ промышленныя предпріятія, то она разростается во всеобщую политическую забастовку. Послѣдней не только достигается эффектъ классовой солидарности рабочаго класса, но и раскрывается значеніе труда рабочихъ въ общемъ строѣ современнаго хозяйства: политическія забастовки въ наиболѣе яркой формѣ оказываютъ все то разрушительное вліяніе на промышленность, о которомъ мы говорили выше. Уже сравнительно скромныя массовыя забастовки въ январѣ 1905 г. сначала въ Петербургѣ, а затѣмъ въ другихъ мѣстахъ Россіи ударили чувствительно по промышленности, при чемъ ударъ этотъ оказался тѣмъ сильнѣе, что онъ совпалъ съ продолжавшимся неблагопріятнымъ вліяніемъ войны. Максимумъ разрушенія должна была, однако, принести съ собою всеобщая октябрьская забастовка, какъ протекавшая болѣе продолжительное время и охватившая не только фабрично-заводскихъ рабочихъ, но и желѣзнодорожныхъ и торговыхъ служащихъ, т. е. одновременно парализовавшая всю торговопромышленную жизнь страны. Сила этого разрушенія, какъ увидимъ ниже, значительная сама по себѣ, продолжала еще нѣкоторое время тяготѣть надъ промышленностью въ видѣ угрозы возможнаго повторенія всеобщей забастовки, являясь серьезнымъ препятствіемъ къ воз-

вращенію промышленности въ болѣе или менѣе нормальное русло. Не говоря уже о провозглашеніи забастовки, но одного слуха о близкомъ ея провозглашеніи достаточно было, чтобы породить панику какъ въ области производства, такъ и въ области торговли. И только постепенно падавшая энергія рабочаго класса, приводившая къ неудачѣ послѣдующихъ политическихъ забастовокъ, уничтожила это скорѣе отраженное, чѣмъ самостоятельное вліяніе политическихъ забастовокъ 1906 г.

Экономическія стачки, наоборотъ, только въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ бываютъ массовыми или всеобщими. Въ частности, въ 1905 г. экономическая борьба рабочихъ принимала одновременно массовой характеръ только въ періодъ наибольшаго политическаго возбужденія, когда стачки, вызванныя политическими мотивами, осложнялись выставленіемъ экономическихъ требованій. Такой характеръ, въ особенности, носили стачки первой четверти 1905 г., когда, вслѣдъ за январьскими петербургскими днями, прокатились волны массовыхъ и даже всеобщихъ забастовокъ въ цѣломъ рядѣ промышленныхъ областей и городовъ; въ это время экономическая борьба рабочихъ приближалась по своему характеру къ массовой борьбѣ, оставивъ на промышленности чувствительные слѣды въ видѣ усилившейся въ первой четверти 1905 г. депрессіи. За исключеніемъ этого времени, а также конца 1905 г.—времени всеобщей политической забастовки и напряженной политической борьбы—экономическія стачки тянутся непрерывной полосой, переходя отъ одной группы производства къ другой, отъ одного предпріятія къ другому, захватывая то большіе, то меньшіе кадры рабочихъ, но оставаясь все же, такъ сказать, на степени партизанской, хотя и упорной, борьбы отдѣльныхъ, разрозненныхъ группъ рабочихъ съ отдѣльными группами предпринимателей. Не оказать вліянія на положеніе промышленности такія экономическія стачки, хотя и разрозненныя, конечно, не могли: перерывы въ производствѣ, даже если они не носятъ массового характера, сами по себѣ порождаютъ разстройство промышленной дѣятельности. Но разрозненность экономическихъ стачекъ должна была сдѣлать ихъ менѣе чувствительными для промышленности, по сравненію съ массовыми, всеобщими политическими забастовками. Пріостановка работъ въ одной группѣ предпріятій могла вызывать усиленную дѣятельность другой группы, недопроизводство одной пополнялось болѣе энергичнымъ производствомъ въ другой—и такимъ образомъ въ замѣтной степени могъ парализоваться ущербъ, наносимый промышленности разрозненными забастовками.

Но и помимо разрозненности, разрушительное вліяніе экономическихъ стачекъ, несмотря на ихъ упорность, ослаблялось другими причинами и, прежде всего, содержаніемъ стачечной борьбы рабочихъ.

1905 годъ былъ, въ сущности, первымъ годомъ широкой экономической

борьбы русскихъ рабочихъ. Не говоря о болѣе раннихъ временахъ,—стачки 1897 года, начала 900-хъ годовъ и даже 1903 года охватывали ничтожныя группы рабочихъ и приводили къ совершенно скромнымъ результатамъ. Стачечная борьба рабочихъ до 1905 года болѣе успѣшно приводила къ улучшенію фабричнаго законодательства, чѣмъ къ дѣйствительному улучшенію экономическаго положенія рабочихъ массъ — явленіе вполнѣ понятное при торжествѣ на Руси полицейскаго строя, готоваго, ради поддержанія внѣшняго спокойствія и порядка, поступиться нѣкоторыми интересами предпринимателей и пойти на реформы, и при отрицаніи тѣмъ же полицейскимъ государствомъ права коалиціи, сильнѣйшаго въ рукахъ рабочихъ орудія экономическихъ завоеваній. Законодательное ограниченіе рабочаго времени, охрана труда женщинъ, подростковъ и малолѣтнихъ, нормировка договорныхъ отношеній, какъ и все прочее содержаніе рабочаго законодательства оставалось само по себѣ, а фабричная жизнь протекала также сама по себѣ, въ обходъ и помимо закона. Циркулярныя распоряженія ослабляли значеніе закона, фабричная инспекція, съ своей стороны, старалась надъ дальнѣйшимъ его ослабленіемъ, а изворотливость предпринимателей вполнѣ гарантировала рабочихъ отъ сколько-нибудь серьезнаго осуществленія нормъ фабричнаго законодательства. Еще хуже обстояло дѣло въ той области, которой законъ совсѣмъ не касался, — въ области заработной платы и общихъ условій фабричной работы; заработная плата повышалась крайне медленно и для сравнительно немногочисленныхъ группъ рабочихъ, санитарно-фабричныя и жилищныя условія оставались на уровнѣ самомъ примитивномъ. Такимъ образомъ, къ 1905 году положеніе рабочихъ, въ общемъ, было вполнѣ безотраднымъ и что весьма существенно — значительно отставшимъ отъ роста промышленности. Съ одной стороны крупныя предпріятія съ новѣйшими машинами, тысячами рабочихъ, милліонными оборотами; расцвѣтъ промышленнаго капитализма и образованіе новыхъ промышленныхъ областей и крупныхъ промышленныхъ центровъ. Съ другой стороны—многомилліонный по своему составу рабочій классъ, остающійся при низкой заработной платѣ, продолжительномъ рабочемъ днѣ, вполнѣ архаическихъ фабричныхъ порядкахъ. Предприниматели не только не спѣшили съ удовлетвореніемъ хотя бы наиболѣе насущныхъ нуждъ рабочихъ, но въ безправіи и нуждѣ рабочихъ находили только новый источникъ болѣе легкой наживы. Экономическія требованія, которыя могли въ 1905 г. предъявить и въ дѣйствительности предъявили рабочіе, ни съ какой точки зрѣнія не были, поэтому, „чрезмѣрными“, и удовлетвореніе ихъ не могло вызвать никакого замѣшательства въ промышленности. Напротивъ, это было только предъявленіе счета по старому долгу и къ кредитору вполнѣ платежеспособному. Такъ смотрѣли на дѣло сначала и предприниматели, сравнительно быстро удовлетво-

равшіе требованія рабочихъ, конечно, не изъ одного только страха предъ масовою борьбою рабочихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, основательность требованій рабочихъ въ 1905 году признается даже фабричной инспекціей. Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ констатируетъ рѣзкое повышеніе съ 1904 года числа поводовъ жалобъ и просьбъ рабочихъ, признанныхъ основательными: съ 58,5% въ 1903 г. число основательныхъ жалобъ увеличилось въ 1904 г. до 69,7% и въ 1905 г. до 65%. Ничтожное паденіе въ 1905 г. числа основательныхъ жалобъ, однако, вполнѣ компенсируется общимъ увеличеніемъ въ этомъ году числа жалобъ: по сравненію съ 1904 годомъ число жалобъ увеличилось въ $2^1/_2$ раза, между тѣмъ какъ въ 1904 г., по сравненію съ предшествующимъ годомъ, число жалобъ понизилось, т. е., несмотря на видимое паденіе, число основательныхъ жалобъ въ 1905 г. было значительно выше 1904 г. При этомъ, наибольшее число жалобъ (22,8%) падаетъ на низкіе заработки, неправильное исчисленіе и невыдачу заработной платы [1]). Точно также среди экономическихъ требованій, выставленныхъ рабочими въ 1905 г., преобладаютъ требованія, связанныя съ величиной и условіями заработка: почти въ половинѣ всего числа стачекъ (45%) въ видѣ единственной, главной или второстепенной причины отмѣчено требованіе рабочихъ увеличить заработную плату. Въ качествѣ главной причины стачекъ требованія, связанныя съ заработной платой, заявлены были въ 20,4% всѣхъ стачекъ и охватили 22,9% всего числа бастовавшихъ рабочихъ. Требованіе уменьшенія рабочаго времени фигурировало сравнительно рѣже, потому что въ нѣкоторой степени вопросъ этотъ все-таки былъ уже урегулированъ законодательствомъ: въ качествѣ главной или второстепенной причины стачекъ требованія, связанныя съ рабочимъ временемъ, заявлены въ 27,8% всего числа стачекъ, а въ качествѣ только главнаго—въ 10% всѣхъ стачекъ, охвативъ 11,3% бастовавшихъ рабочихъ. Если же взять только экономическія стачки, то окажется, что въ 63,9% всего числа экономическихъ стачекъ и для 60,8% всѣхъ участвовавшихъ въ нихъ рабочихъ требованіе увеличенія заработной платы или урегулированія условій ея выдачи заявлено было въ качествѣ главнаго, требованія же, связанныя съ рабочимъ временемъ, были выставлены въ 31,4% стачекъ, охвативъ 30,7% рабочихъ.

Такимъ образомъ, экономическая борьба рабочихъ была направлена, главнымъ образомъ, на повышеніе заработной платы. Мы уже упоминали, что такой характеръ борьбы рабочихъ вполнѣ оправдывался уровнемъ заработной платы, остававшимся чрезвычайно низкимъ вплоть до 1905 года.

---

[1]) Сводъ отчетовъ фабр. инсп. за 1905 г., стр. XIV.

Г. Пажитновъ, основываясь на соотвѣтствующихъ данныхъ, вполнѣ резонно утверждаетъ, что въ каменноугольной промышленности Юга Россіи до 1905 г. „на протяженіи сорокалѣтняго періода мы не наблюдали сколько-нибудь значительнаго повышенія цѣнъ на трудъ"; столь же незначительно повысилась плата и въ металлургической промышленности Юга Россіи. На Уралѣ только часть цеховыхъ рабочихъ добилась болѣе или менѣе значительнаго повышенія платы, „остальная же часть ихъ, равно какъ и всѣ вспомогательные рабочіе остались при томъ же самомъ заработкѣ (т. е. при платѣ 70 годовъ)". Въ предпріятіяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, за пятилѣтіе съ 1901 г. средняя плата составляла всего 206 р., а въ 1906—1907 гг., въ среднемъ, 244 р., т. е. за время революціи, она повысилась, въ среднемъ, на 19%. [1]) При столь медленномъ повышеніи заработной платы до революціи и незначительномъ увеличеніи за время революціи, неудивительно, если предприниматели чаще всего уступали рабочимъ именно въ требованіяхъ, касавшихся заработной платы. Такъ, изъ всего числа стачекъ 1905 г., въ которыхъ въ качествѣ главнаго требованія фигурировала заработная плата, вполнѣ или отчасти въ пользу рабочихъ окончились 81%, въ пользу предпринимателей 19%; для требованій, касавшихся рабочаго времени, первыхъ было 79,4% и вторыхъ 20,6%, для требованій, связанныхъ съ порядкомъ въ заведеніяхъ, условіями и обстановкой труда—первыхъ 63,8% и вторыхъ 36,2%. Наибольшую уступчивость предприниматели обнаружили, такимъ образомъ, въ повышеніи заработной платы, хотя немногимъ меньшей оказалась ихъ уступчивость и въ вопросахъ рабочаго времени.

---

[1]) К. А. Пажитновъ. Нѣкоторые итоги и перспективы въ области рабочаго вопроса въ Россіи. Спб. 1910 г., стр. 42 и сл. См. его же статью въ „Вѣстн. Финансовъ", 1908 г. № 32. Въ бакинской нефтяной промышленности до начала 1905 года рабочіе буровыхъ командъ получали отъ 15 до 18 р. въ мѣсяцъ, при чемъ съ нихъ взималась плата не только за керосинъ и мазутъ, но и за воду (Ю. Ларинъ. Рабочіе нефтяного дѣла. М. 1909 г.).

Повидимому, процентъ увеличенія заработной платы за время революціи, принятый Пажитновымъ, представляется нѣсколько увеличеннымъ. По крайней мѣрѣ, имѣется не мало свидѣтельствъ о болѣе умѣренномъ повышеніи платы: такъ, въ результатѣ ряда забастовокъ горныхъ рабочихъ Польскаго района заработная плата увеличилась на 4—10% (см. отчетъ Горнаго Департамента за 1905 годъ, стр. 183). Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что цѣны на продукты потребленія значительно повысились уже въ 1905 году, такъ что реальная заработная плата повышалась значительно медленнѣе номинальной. Это обстоятельство служило главнымъ мотивомъ непрестанной борьбы рабочихъ за увеличеніе платы. Если, напр., плату рабочимъ по металлу на Югѣ Россіи привести въ соотвѣтствіе съ повышеніемъ цѣнъ на продукты потребленія, то реальное ея измѣненіе получится такое: въ 1904 г.—392 руб., въ 1905 г.—386 руб., въ 1906 г. 372 руб. (А. Билимовичъ. Подъемъ товарныхъ цѣнъ въ Россіи. Кіевъ, 1909 года, стр. 62). Такимъ образомъ, реальная плата, по сравненію съ 1904 годомъ, понизилась въ 1905 году на 1,5% и въ 1906 году на 5,1%.

Очевидно, требованія уменьшенія рабочаго времени выставлялись рабочими въ предѣлахъ, совершенно осуществимыхъ и ни съ какой стороны не угрожавшихъ промышленности осложненіемъ.

Такимъ же характеромъ борьбы за удовлетвореніе неотложныхъ и вполнѣ осуществимыхъ нуждъ отмѣчены и всѣ прочія стороны экономическаго движенія рабочихъ въ 1905 г. Подъ вліяніемъ политическаго пробужденія на защиту своихъ правъ поднялись группы рабочихъ, до того мало проявлявшія какую-либо активность въ борьбѣ за удовлетвореніе даже экономическихъ нуждъ. Сплошь да рядомъ наблюдались случаи, когда на отдѣльномъ предпріятіи вслѣдъ за одной группой рабочихъ, обыкновенно болѣе передовой, добившейся нѣкоторыхъ улучшеній, бастовали другія группы рабочихъ, ранѣе не предъявлявшія никакихъ требованій. Такія же явленія замѣчались и въ цѣлыхъ группахъ производствъ: кадры забастовщиковъ постепенно увеличивались присоединеніемъ рабочихъ тѣхъ группъ производства, которыя до 1905 года принимали слабое участіе въ стачечномъ движеніи: такъ въ 1905 году увеличилось, по сравненію съ десятилѣтіемъ 1895—1904 г., участіе въ стачкахъ предпріятій группъ производства по обработкѣ шерсти, дерева, бумагомассиаго производства. Выступленіе на борьбу новыхъ слоевъ рабочихъ выразилось и въ участіи въ забастовочномъ движеніи губерній, въ которыхъ ранѣе стачки совсѣмъ не наблюдались или наблюдались въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Конечно, въ 1905—06 году, какъ и въ предыдущіе годы, наиболѣе активное участіе въ стачкахъ принимаютъ губерніи съ значительной концентрированной городской промышленностью, но и въ 1905, и въ 1906 г. къ нимъ постепенно приближается, по проценту бастующихъ рабочихъ, рядъ губерній, до того отмѣченныхъ чрезвычайно слабымъ стачечнымъ движеніемъ. Такъ, въ 1905 году впервые съ небывалой раньше энергіей вступили въ полосу стачечнаго движенія такія губерніи, какъ новгородская, смоленская, таврическая, самарская, саратовская, калужская, тульская; въ 1906 году — къ общему движенію съ запозданіемъ присоединяются губерніи архангельская, вологодская, оренбургская, симбирская, черноморская. Имѣющійся матеріалъ не даетъ возможности съ желательной полнотой выяснить вопросъ о вступленіи въ 1905 г. впервые въ экономическую борьбу многочисленныхъ группъ рабочихъ, но и безъ того ясно, что во многихъ мѣстностяхъ Россіи до 1905 г. о забастовкахъ знали только по наслышкѣ и впервые на практикѣ ознакомились съ ними въ этотъ годъ массоваго движенія рабочихъ. Само собою разумѣется, что такое выступленіе новыхъ кадровъ рабочихъ, ранѣе вынужденныхъ мириться съ самыми тяжелыми формами эксплоатаціи, съ своей стороны, не могло не придать экономиче-

ской борьбѣ рабочихъ характера борьбы за удовлетвореніе требованій, которыя давно уже должны были и могли быть удовлетворены [1]).

Такой характеръ экономической борьбы, какъ упомянуто выше, подтверждается и отношеніемъ предпринимателей къ требованіямъ рабочихъ. Если распредѣлить результаты стачекъ по четвертямъ 1905 г.—въ процентномъ отношеніи къ общему числу стачекъ каждой четверти,—то получится такая картина исхода борьбы рабочихъ:

ЗАБАСТОВКИ ОКОНЧИЛИСЬ ВЪ (%%).

Четверти 1905 г.	Въ пользу рабочихъ.	Добровольн. уступками предприн.	Взаимными уступками.	Въ пользу предпринимателей.
Первая . . .	20,4	8,1	23,0	48,5
Вторая . . .	23,6	0,7	17,3	58,4
Третья . . .	20,4	1,6	20,9	57,1
Четвертая . .	7,1	2,3	9,5	81,1

Подлинные результаты экономическихъ забастовокъ нѣсколько затемняются этой таблицей, такъ какъ въ нее вошли не только чисто-экономическія, но и всѣ вообще стачки, включая демонстративно-политическія, отчего процентъ стачекъ, закончившихся удовлетвореніемъ, полнымъ или частичнымъ, требованій рабочихъ долженъ былъ понизиться. Но для выясненія уступчивости предпринимателей эта таблица наиболѣе пригодна, потому что учитываетъ всю совокупность условій, сопровождавшихъ стачки. Съ этой точки зрѣнія приведенная таблица чрезвычайно поучительна. Оказывается, что наибольшую уступчивость предприниматели обнаружили въ первую четверть 1905 г. и наименьшую—въ послѣднюю четверть; вмѣстѣ съ тѣмъ, исходъ стачекъ какъ съ добровольными уступками предпринимателей, такъ и съ взаимными уступками даетъ наибольшее повышеніе также въ первой четверти года. Значитъ ли это, что уступчивость предпринимателей опредѣлялась наступательнымъ натискомъ рабочихъ, становилась тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе единодушной была борьба рабочихъ? Очевидно—нѣтъ. Наибольшей силы и настойчивости рабочее движеніе достигло въ послѣдней четверти года, но это время оказалось для рабочихъ наименѣе благопріятнымъ: предприниматели уступили всего лишь въ 10,9% всѣхъ случаевъ забастовокъ. Приходится предположить, что на уступчивость предпринимателей вліяла не только сила натиска рабочихъ, но и характеръ требованій, предъявленныхъ рабочими.

[1]) Мы имѣемъ въ виду здѣсь, главнымъ образомъ, фабрично-заводскихъ рабочихъ. Еще болѣе значительнымъ было выступленіе новыхъ группъ рабочихъ, занятыхъ въ другихъ областяхъ примѣненія наемнаго труда. Такъ, въ 1905 году впервые бастовали служащіе желѣзныхъ дорогъ (кромѣ рабочихъ жел.-дорожныхъ мастерскихъ, бастовавшихъ и ранѣе), торговые служащіе, и т. д. См. нѣкоторыя подробности у Д. Кольцова „Рабочіе въ 1905—1907 гг." во II томѣ настоящаго изданія.

Предположеніе это вполнѣ подтверждается слѣдующей таблицей, въ которой изображено распредѣленіе стачекъ по четвертямъ года и по главной причинѣ ихъ возникновенія (въ %% къ общему числу стачекъ каждой четверти года):

ГЛАВНЫЯ ПРИЧИНЫ СТАЧЕКЪ.

Четверти 1905 г.	Зараб. плата.	Рабоч. время.	Порядокъ въ заводѣ.	Разныя, общія-демонстр., полит.
Первая . . .	30,6	14,5	1,4	53,4
Вторая . . .	30,5	15,7	1,9	51,7
Третья . . .	32,2	13,2	2,8	51,0
Четвертая . .	10,4	4,3	0,8	84,5

Въ послѣдней четверти года экономическія требованія, въ качествѣ главной причины стачекъ, составляютъ совершенно ничтожную величину и почти теряются въ массовомъ предъявленіи политическихъ и демонстративныхъ требованій; во всю остальную часть года экономическія требованія остаются на равномъ уровнѣ съ требованіями неэкономическими. Если эти данныя сопоставить съ тѣмъ обстоятельствомъ, что экономическая борьба рабочихъ на протяженіи всего года велась съ неослабѣвающей энергіей и настойчивостью, то придется признать, что уступчивость предпринимателей опредѣлялась, по преимуществу, самимъ характеромъ требованій рабочихъ, вполнѣ отвѣчавшихъ положенію промышленности. Это не значитъ, конечно, что элементъ принужденія не игралъ въ уступчивости предпринимателей никакой роли. Принудительная сила стачекъ имѣетъ значеніе всегда и въ особенности имѣла значеніе въ 1905 г., но за всѣмъ тѣмъ остается достаточный просторъ для того, чтобы проявили свое вліяніе тѣ причины, которыя лежатъ внѣ воли и силы рабочаго класса, а коренятся въ данномъ строѣ промышленности, въ данной экономической конъюнктурѣ. Точно также это не значитъ, что экономическія требованія рабочихъ оставались всегда на уровнѣ, который не могъ породить никакого даже временного замѣшательства въ положеніи промышленности. Не только въ октябрѣ—декабрѣ 1905 г., но и въ остальное время рабочіе неоднократно предъявляли требованія программнаго и демонстративнаго характера, но, во-первыхъ, съ наибольшей настойчивостью эти требованія выставлялись и защищались только въ крупныхъ промышленныхъ центрахъ болѣе передовыми слоями рабочаго класса, а, во-вторыхъ, рабочіе не продолжали настаивать на удовлетвореніи требованій этого рода, если предприниматели уступали имъ въ остальныхъ требованіяхъ, такъ сказать, обычно-экономическихъ. Во всякомъ случаѣ, для нашей цѣли достаточно установить, поскольку это дозволяетъ сдѣлать объективный матеріалъ, что экономическая борьба рабочихъ была направлена на завоеваніе давно назрѣвшихъ экономическихъ улучшеній, что если предпри-

нимателямъ пришлось въ 1905 г. расплачиваться съ рабочими, то это была лишь расплата за чрезвычайную эксплоатацію минувшихъ лѣтъ, что втянутыя политическимъ возбужденіемъ въ экономическую борьбу многочисленныя группы рабочихъ только впервые, за долгіе годы, добились увеличенія заработной платы и фактическаго сокращенія рабочаго дня, и что, такимъ образомъ, осуществленіе всѣхъ этихъ экономическихъ улучшеній, только подгонявшихся къ росту промышленности, не могло, само по себѣ, создать для послѣдней сколько-нибудь серьезныхъ осложненій.

Мы остановились на выясненіи характера экономической борьбы рабочихъ въ 1905 г., потому что установить ея значеніе въ общемъ движеніи 1905—1906 г. слѣдуетъ прежде всего. Въ годы революціи и въ послѣдующее время промышленные и правительственные круги не разъ указывали на рабочія экономическія стачки, какъ на главнѣйшій факторъ „смуты" и главнѣйшую причину промышленной депрессіи. Безпрерывными стачками и чрезмѣрными требованіями рабочіе будто-бы въ конецъ раззорили промышленниковъ и внесли дезорганизацію въ промышленность. Мы пытались показать, что такое утвержденіе не совсѣмъ соотвѣтствуетъ дѣйствительности и что въ оцѣнкѣ факторовъ, породившихъ въ 1905—06 г. промышленную депрессію, нужно, прежде всего, исключить чрезвычайное якобы вліяніе экономической борьбы рабочихъ. Мы видѣли, что моменты наибольшей депрессіи вовсе не совпадаютъ съ моментами наибольшаго напряженія экономической борьбы рабочихъ и что, напротивъ, видимую связь съ депрессіей можно установить скорѣе для моментовъ политическихъ забастовокъ, кратковременныхъ и немногочисленныхъ. Само собою разумѣется, что этимъ не отрицается всякое вліяніе на депрессію экономическихъ стачекъ. Пріостановка работъ, конечно, создаетъ затрудненія для промышленности, а въ общемъ итогѣ приводитъ къ недобору въ производствѣ и временному пониженію производительности промышленныхъ предпріятій. Особенно чувствительною должна была быть такая пріостановка въ годъ войны и революціи, когда всѣ вообще условія складываются для промышленности неблагопріятно. Но за всѣмъ тѣмъ, не слѣдуетъ преувеличивать вліянія экономическихъ забастовокъ, видѣть въ экономической борьбѣ рабочихъ одинъ изъ главныхъ факторовъ, породившихъ промышленную депрессію, и забывать о характерѣ этой борьбы, который самъ по себѣ не могъ угрожать и ничѣмъ не угрожалъ промышленности.

Во всякомъ случаѣ, по своему вліянію экономическія стачки совершенно блѣднѣютъ предъ политическими. Въ непосредственной связи послѣднихъ съ моментами наибольшей депрессіи сомнѣваться не приходится. Но и здѣсь нужно сдѣлать нѣкоторыя оговорки. Прежде всего политическія стачки рабочихъ явились однимъ изъ элементовъ общей политической борьбы; на-ряду съ рабочими въ послѣдней принимали активное участіе и другіе слои народа.

Далѣе, время наибольшаго развитія политическихъ забастовокъ совпало съ другими событіями, вліяніе которыхъ на депрессію также несомнѣнно. Въ послѣдней четверти 1905 г. по значительной полосѣ Россіи прокатились черносотенные погромы, нанесшіе чрезвычайный уронъ торговлѣ и промышленности; въ той же четверти года, помимо забастовокъ фабрично-заводскихъ (о которыхъ, собственно, выше шла рѣчь) бастовали другія пролетарскія группы, и прежде всего, желѣзнодорожные и торговые служащіе. Наконецъ, во второй половинѣ 1905 г. и первой половинѣ 1906 г. наибольшаго напряженія достигло аграрное движеніе, также не прошедшее безъ вліянія на промышленную депрессію. Такимъ образомъ, въ концѣ 1905 и началѣ 1906 г. совпало дѣйствіе нѣсколькихъ силъ, какъ бы конкуррировавшихъ во вліяніи на промышленность; наибольшее угнетеніе промышленности могло, поэтому, явиться только результатомъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ этихъ силъ. И если тѣмъ не менѣе, наиболѣе отчетливо пробивается вліяніе политическихъ рабочихъ забастовокъ, если это вліяніе остается налицо и въ тѣ моменты, когда дѣйствіе остальныхъ факторовъ ослабѣваетъ, то это объясняется не только тѣмъ, что въ общей борьбѣ рабочіе выступали передовымъ и наиболѣе сильнымъ отрядомъ, но и непосредственной связью рабочаго класса съ промышленнымъ строемъ, когда, по природѣ этой связи, политическая забастовка рабочихъ бьетъ одновременно на два фронта—политическій и экономическій. Но сила удара политическихъ стачекъ вообще и удара по промышленности въ частности опредѣлялась общими условіями, при которыхъ происходила стачка, и въ особенности ролью сопутствующихъ факторовъ.

IV.

Промышленная депрессія 1905—1906 гг.

Вся первая половина 1905 г. протекаетъ подъ вліяніемъ войны и потому въ это время въ полной мѣрѣ наблюдается все то разрушительное дѣйствіе ея, о которомъ мы говорили выше въ первой главѣ. Кромѣ того, въ первую половину года разразился рядъ забастовокъ, политическихъ и экономическихъ, и при томъ не только въ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, но и въ горной промышленности и на желѣзныхъ дорогахъ. Экономическія стачки за первую половину года охватили около 670 тыс. рабочихъ и политическія около 620 тыс., при чемъ въ первой четверти года по экономическимъ поводамъ бастовало свыше 440 тыс. рабочихъ и по политическимъ—около 365 тыс. Въ половинѣ февраля забастовки перекинулись въ донецкій горнозаводскій районъ, вызвавъ временную пріостановку работъ на многихъ

рудникахъ [1]). Въ началѣ же февраля забастовалъ рядъ желѣзныхъ дорогъ (московско-виндавская, московско-курская, варшавско-вѣнская и др.), въ мартѣ бастовали кавказскія дороги и въ апрѣлѣ бакинская вѣтвь [2]). Все это, вмѣстѣ взятое, не могло не вызвать значительной промышленной депрессіи, тѣмъ болѣе, что политическое возбужденіе наростало съ каждымъ днемъ во всѣхъ почти слояхъ народа и порождало настроеніе общей неувѣренности.

И, дѣйствительно, какъ въ производствѣ, такъ и въ торговлѣ первая половина 1905 г. отмѣчена застоемъ. Такъ, производствочугуна въ январѣ по Имперіи обнаружило, по сравненію съ декабремъ 1904 г., уменьшеніе на 7,3%, при чемъ запасы увеличились на 2,6%; въ южномъ районѣ производство понизилось на 8,2%, а запасы увеличились незначительно; въ февралѣ выплавка чугуна даетъ дальнѣйшее уменьшеніе—противъ января на 23%, съ увеличеніемъ запасовъ на 2,8%, въ частности на югѣ выплавка понижается почти на 20%; въ мартѣ выплавка повышается почти на 20%, одновременно нѣсколько уменьшаются и запасы; въ апрѣлѣ и маѣ замѣчается дальнѣйшее, хотя и очень скромное повышеніе выплавки, а съ іюня по августъ включительно постепенное, но слабое пониженіе; запасы угля съ мартовскаго уменьшенія понижаются по май, а затѣмъ постепенно увеличиваются, такъ что въ августѣ запасы приближаются къ увеличеннымъ запасамъ начала года. Приблизительно въ такомъ же направленіи измѣняется производство полупродукта и готоваго продукта; послѣ паденія въ январѣ и февралѣ значительное повышеніе въ мартѣ (на 34 и 51%), затѣмъ вслѣдъ за чувствительнымъ пониженіемъ въ апрѣлѣ (на 16 и 12%) повышеніе въ маѣ и вялое состояніе производства въ три послѣдующихъ лѣтнихъ мѣсяца. Офиціальный источникъ объясняетъ сильное пониженіе производства начала года забастовками рабочихъ, а дальнѣйшее увеличеніе—наступившимъ успокоеніемъ рабочихъ [3]). Конечно, таковы „видимые" результаты рабочихъ стачекъ: во время забастовокъ производство падаетъ, съ возобновленіемъ работъ—повышается. Но для правильной оцѣнки положенія промышленности, какъ и вліянія на послѣднюю стачекъ, важно не это „видимое" и естественное колебаніе производства, а характеръ этого колебанія. Сильное повышеніе производства названныхъ продуктовъ въ мартѣ связано, понятно, съ возобновленіемъ рабочими работъ и необходимостью восполнить пробѣлы, образованные въ производствѣ стачками. Но и усиленное такимъ образомъ производство все же не дости-

---

1) См. статью Д. Кольцова во II томѣ настоящаго изданія, стр. 207.

2) ibid, стр. 201.

3) См. Сводъ статистическ. данныхъ по желѣзодѣлательной промышленности, вып. за январь, февраль, мартъ 1905 г.

гаетъ размѣровъ соотвѣтствующихъ мѣсяцевъ предыдущаго года; вмѣстѣ съ тѣмъ запасы либо остаются на прежнемъ уровнѣ, либо даже увеличиваются. Очевидно, здѣсь на состояніи производства сказываются велѣнія рынка, и одного „успокоенія" рабочихъ оказалось недостаточнымъ для того, чтобы успокоилась и промышленность: нѣтъ сбыта продукта—нѣтъ импульса для увеличенія производства. Въ южномъ районѣ, центрѣ чугуноплавильной и желѣзодѣлательной промышленности, торговля почти всю первую половину года шла чрезвычайно вяло. Съ чугуномъ въ январѣ было тихо, въ февралѣ появился слабый спросъ, который, окрѣпнувши нѣсколько въ мартѣ, оставался на одномъ уровнѣ до конца года, при чемъ цѣны не превышали 48 к. Спроса на сортовое желѣзо почти не было и цѣны стояли низкія, послѣ нѣкотораго оживленія въ февралѣ конецъ марта и весь апрѣль прошли совсѣмъ безъ дѣлъ, въ маѣ появился слабый спросъ, и въ такомъ вяломъ настроеніи рынокъ оставался до іюня. Точно такъ же вяло закончилась первая половина года для кровельнаго желѣза, спросъ усилился только въ іюнѣ [1]).

Для нефтяной промышленности первая половина года, по добычѣ нефти, оказалась неблагопріятной: за первые семь мѣсяцевъ было добыто на 43,9 м. п. меньше соотвѣтствующихъ мѣсяцевъ предыдущаго года. И здѣсь паденіе производства обычно объясняется забастовками рабочихъ [2]). Однако, ближайшій анализъ данныхъ едва-ли подтвердитъ такое объясненіе. „Обзоръ бакинской нефтяной промышленности" даетъ, въ противоположность другимъ источникамъ, нѣкоторыя свѣдѣнія о забастовкахъ и потому позволяетъ съ большей ясностью выяснить ихъ вліяніе. Свѣдѣнія эти, прежде всего, показываютъ, что недоборъ нефти далеко не покрывается недоборомъ вслѣдствіе забастовокъ. Такъ, простой производительныхъ скважинъ вслѣдствіе забастовокъ въ январѣ выразился въ 190 скважино-дняхъ, что дало въ результатѣ недоборъ вслѣдствіе забастовокъ немногимъ свыше 200 т. пудовъ, между тѣмъ общій недоборъ нефти въ январѣ около 500 т. пудовъ; въ февралѣ простой составилъ всего 29 скважино-дней съ недоборомъ отъ забастовокъ около 41 т. п., а общій недоборъ достигъ 3,2 м. п.; въ мартѣ забастовокъ совсѣмъ не было, но недоборъ все же равнялся $1^1/_2$ м. п., и даже въ маѣ, когда забастовки охватили 132 промысла съ простоемъ въ скважино-дняхъ 9.702 и съ недоборомъ свыше 10 м. п., общій недоборъ все же составилъ 17,1 м. п. Далѣе „Обзоръ" даетъ чрезвычайно любопытную таблицу числа скважино-дней бездѣйствія скважинъ въ связи съ причинами бездѣйствія [3]), изъ которой приведемъ слѣдующую сводку (по главнымъ причинамъ въ процентахъ):

1) См. отчетъ о торговлѣ горнозаводскими продуктами въ Сборникѣ статист. свѣдѣній о горнозаводской промышленности въ 1905 г.

2) „Обзоръ бакинской нефтяной промышленности за 1905 г.". Т. I. Баку 1906. Введеніе, стр. V и сл.

3) Ibid., стр. 32 33.

Мѣсяцы.	Причина бездѣйствія: Малая производительность скважн.	Забастовки рабочихъ.	Недостатокъ рабочихъ.	Народная смута.
Январь	40,3	2,3	0,6	—
Февраль	42.6	0,1	0,3	6,1
Мартъ	39,7	—	0,2	
Апрѣль	46,9	1,0	0,3	—
Май	35,6	41,1	—	—
Іюнь	60,3	0,1	—	—
Іюль	41,9	1,5	0,2	—

Мы видимъ, что только въ маѣ значительный процентъ скважинъ бездѣйствовалъ по причинѣ забастовокъ, во всѣ остальные мѣсяцы процентъ этотъ ничтоженъ вообще и въ особенности по сравненію съ процентомъ скважинъ, бездѣйствовавшихъ вслѣдствіе ихъ малой производительности. Такимъ образомъ, простой скважинъ и явившееся въ результатѣ его паденіе добычи нефти только въ малой степени можетъ быть поставлено въ связи съ забастовками рабочихъ. Очевидно, на нефтяную промышленность угнетающе дѣйствовали другія причины. Одна изъ нихъ вырисовывается уже изъ только что приведенной таблицы: въ февралѣ 6,1% скважинъ дней простоя вызванъ „народной смутой", т. е. происшедшей въ этомъ мѣсяцѣ такъ называемой рѣзней. Національные раздоры, провоцированные реакціонной агитаціей, создали въ бакинской промышленности тревожное настроеніе, временами переходившее въ панику, исключавшую возможность сколько-нибудь спокойнаго продолженія работъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ забастовкахъ рабочихъ пугали предпринимателей не столько экономическія требованія, выполненіе которыхъ, въ концѣ концовъ, не угрожало промышленности серьезными осложненіями [1]), сколько политическое недовольство рабочихъ, непредвѣщавшее скораго ихъ „успокоенія". „Майская забастовка рабочихъ показала, читаемъ, напр., въ „Обзорѣ", что въ ихъ движеніи не малую роль играли политическіе мотивы, и что они не могутъ совершенно успокоиться въ случаѣ удовлетворенія однихъ экономическихъ требованій" [2]). Послѣ мая забастовки принимаютъ сравнительно скромные размѣры, но паденіе добычи нефти продолжаетъ оставаться даже болѣе значительнымъ, чѣмъ въ первые мѣсяцы года. Очевидно, бакин-

[1]) Отчетъ Горнаго Департамента улучшеніе „въ весьма значительной степени", положенія бакинскихъ рабочихъ, благодаря забастовкѣ, признаетъ „вполнѣ своевременнымъ, такъ какъ условія жизни на бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ, вслѣдствіе роста нефтедобывающей промышленности, измѣнились въ послѣдніе годы весьма замѣтно". (Отчетъ Горн. Департамента за 1905 г., стр. 287).

[2]) „Обзоръ бакинской нефтяной промышленности за 1905 г." Т. II, стр. 138.

ская промышленность находилась все это время подъ сильнымъ вліяніемъ политическихъ событій, создававшихъ атмосферу полной неувѣренности и убивавшихъ всякую предпріимчивость. Вліяніе это было столь велико, что его не могло преодолѣть твердое настроеніе рынка и повышенная, въ виду недостатка на рынкѣ продукта, цѣна. Запасы нефтяныхъ остатковъ на заводахъ въ началѣ года сильно понизились: въ январѣ они равнялись 44,6 м. п. противъ 71,2 м. п. средняго остатка за предыдущее двухлѣтіе, въ февралѣ — 60,7 м. п. противъ 96,2 м. п., въ мартѣ—81,9 м. п. противъ 109,5 м. п. и т. д. Несмотря на столь сильное сокращеніе запасовъ въ Баку и еще большее сокращеніе ихъ на Волгѣ, угнетенное состояніе общаго рынка нѣкоторое время сдерживало повышеніе цѣнъ. „Волненія и забастовки рабочихъ по всей Россіи, говоритъ по этому поводу „Обзоръ", въ связи съ общимъ политическимъ броженіемъ, заставляли думать, что нормальная работа желѣзныхъ дорогъ и различныхъ промышленныхъ предпріятій будетъ невозможна въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени, и что спросъ на топливо будетъ меньше обычнаго; покупатели занимали выжидательное положеніе, сдѣлки налаживались туго до самаго марта, цѣны колебались, слабо проявляя тенденцію къ повышенію" [1]), и только съ открытіемъ навигаціи, когда, по выраженію „Обзора", „дальше ждать нельзя было", сдѣлки становятся болѣе частыми, а цѣны сразу повышаются, такъ что къ концу марта котировка остатковъ достигла 17—17½ к. противъ 14—15 к. въ январѣ; въ дальнѣйшемъ цѣны еще окрѣпли, поднявшись въ іюнѣ до 22,4 к.

Такое вздорожаніе нефти, явившееся, какъ видимъ, результатомъ угнетеннаго состоянія нефтяной промышленности и нефти на рынкѣ, не замедлило отразиться благопріятно на каменноугольной промышленности, въ значительной мѣрѣ ослабивъ въ ней силу кризиса. По даннымъ комитета харьковской каменноугольной биржи, въ началѣ 1905 г. настроеніе рынка было твердое и цѣны были склонны къ повышенію, неосуществившемуся, главнымъ образомъ, благодаря обычной неурядицѣ въ перевозкѣ грузовъ. Всю первую половину года цѣны стояли почти на одномъ уровнѣ и не понижались, какъ того можно было ожидать въ виду общаго промышленнаго угнетенія. Запасы, въ Донецкомъ рынкѣ поднявшись въ февралѣ, въ послѣдующіе мѣсяцы, съ незначительными колебаніями, уменьшаются, въ то время какъ добыча топлива, по размѣрамъ своимъ, измѣняется очень мало. Если исключить апрѣль, когда добыча всегда рѣзко понижается, то окажется, что замѣтное увеличеніе добычи далъ только мартъ, въ остальные мѣсяцы до сентября добыча колеблется между 60 и 70 м. пудовъ въ мѣсяцъ. При этомъ, по сравненію съ 1904 г. добыча не претерпѣла серьезныхъ измѣненій: въ теченіе двухъ

---

[1]) Ibid., стр. 135

мѣсяцевъ 1905 г., она ниже добычи 1904 г., въ теченіе двухъ мѣсяцевъ— выше, а въ остальные (до сентября) остается на томъ же уровнѣ, что въ 1904 г. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что забастовки первой половины года (по преимуществу экономическія) мало отразились на положеніи каменноугольной промышленности, а затрудненія въ нефтяной промышленности и высокая цѣна нефти, повысивъ спросъ на твердое топливо, спасли каменноугольную промышленность отъ обостренія кризиса.

Для мануфактурной промышленности вся первая половина года прошла при такомъ же угнетенномъ состояніи, какъ 1904 годъ. „Просматривая обозрѣніе промысловъ за прошлый годъ,—подводятъ итоги 1905 г. московскіе статистики,—нельзя не видѣть, что положеніе всѣхъ видовъ промышленности находилось почти въ такомъ же тяжеломъ положеніи, какъ въ трудный годъ войны" [1]). Въ частности, положеніе фабричнаго ткачества въ 26 случаяхъ отмѣчается, какъ плохое, въ 27 — одинаковое съ прошлымъ годомъ и въ 13 замѣчается улучшеніе по сравненію съ прошлымъ годомъ. По свидѣтельству другого земскаго источника, „фабричное дѣло въ началѣ 1905 г., подъ вліяніемъ общаго угнетеннаго состоянія промышленности отъ войны, значительно сократилось даже по отношенію къ 1904 г. Изъ отвѣтовъ корреспондентовъ Владимірской губернской земской управы (140 отвѣтовъ) усматривается, что объ улучшеніи фабричныхъ промысловъ говорятъ только 6%, о прежнемъ положеніи 53%, а всѣ остальные отвѣты объ ухудшеніи. Значительная доля этихъ послѣднихъ отвѣтовъ (31%) сваливаютъ всю вину паденія фабричныхъ заработковъ на войну... Въ общемъ первая половина 1905 г. характеризуется большимъ пониженіемъ фабричныхъ заработковъ, сокращеніемъ производства, довольно тяжелымъ положеніемъ рабочаго люда" [2]). Земскіе корреспонденты отмѣчаютъ преобладающее вліяніе войны, а не забастовокъ. Оно и понятно: экономическая забастовка прерываетъ производство на сравнительно непродолжительное время; съ прекращеніемъ забастовки работы возобновляются и продолжаются такимъ же темпомъ, какъ до забастовки. Подъ вліяніемъ же войны и вызваннаго ею затрудненія въ сбытѣ товаровъ производство сокращается, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и совсѣмъ пріостанавливается. Свѣдѣнія подобнаго рода, во все продолженіе первой половины 1905 г., продолжаютъ поступать какъ изъ московской и владимірской, такъ и изъ другихъ губерній съ развитой мануфактурной промышленностью. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря неблагопріятнымъ условіямъ, созданнымъ войною, мануфактурный рынокъ остается въ угнетенномъ настроеніи. Мы уже упоминали, что съ января въ

---

[1]) Статистич. ежегодникъ московской губерніи за 1906 г. Промысл. въ 1905—1906 гг., стр. 22—25.

[2]) А. Смирновъ. Положеніе фабричныхъ промысловъ во владимірской губ., за 1905 г. „Вѣстникъ Фин." 1906 г., № 17.

Москвѣ послѣдовало общее пониженіе цѣнъ — на ситецъ $^{3}/_{4}$ к., на тяжелыя бумажныя ткани приблизительно 10% рыночной цѣны. Весенняя торговля прошла нѣсколько лучше прошлаго года, но все же достаточно вяло. Несмотря на значительное паденіе цѣнъ на хлопокъ и крупныя сбавки съ цѣнъ пряжи и миткаля, мануфактура, по преимуществу ситецъ, удержалась на уровнѣ январьскихъ цѣнъ. Но такое удержаніе явилось результатомъ не улучшеннаго спроса, а негласнаго соглашенія фабрикантовъ. „Возникшее съ начала года рабочее движеніе на фабрикахъ московскаго района, читаемъ въ „Торг.-Пром. Газ.", и вызванныя этимъ движеніемъ осложненія въ нормальной жизни фабрично-заводской дѣятельности оказали вліяніе на производителей въ смыслѣ большей сплоченности и солидарности при рыночной расцѣнкѣ готоваго фабриката" [1]); такая же „солидарность" вызвала и въ красильномъ производствѣ 10% надбавку цѣнъ на окраску, какъ и облегчила неуклонное повышеніе цѣнъ на мануфактуру въ послѣдующее время.

Съ лѣта 1905 г. въ положеніи промышленности намѣчается явный поворотъ къ улучшенію. Окончательный разгромъ на Дальнемъ Востокѣ, предвѣщавшій близкое окончаніе войны, пріостановка мобилизаціи, прекращеніе военныхъ дѣйствій, а затѣмъ и заключеніе мира—постепенно стали оказывать благопріятное вліяніе на настроеніе товарнаго рынка и внесли нѣкоторое оживленіе въ область производства. Въ противоположность первой половинѣ года, во вторую половину промыслы повсюду стали замѣтно оживать. Во владимірской губ. „за вторую половину 1906 г. 40% корреспондентовъ отмѣтили улучшеніе въ отхожихъ промыслахъ, а въ мѣстныхъ промыслахъ—даже 54%: 40% въ первомъ случаѣ и 18% во второмъ повторяли по-старому, что промыслы плохи. Относительно строительныхъ промысловъ, объ ухудшеніи ихъ во вторую половину года говорили только 30% корреспондентовъ, остальные—объ ихъ прежнемъ положеніи и объ улучшеніи; главною причиною подъема ихъ указывали на прекращеніе войны, затѣмъ на открывшіяся работы въ Баку и Сибири" [2]). Цѣны на рабочія руки поднялись у плотниковъ почти до нормальной высоты 5 — 6 р. и даже 6 р. 50 к. въ недѣлю, у столяровъ 6—6 р. 50 к. и даже до 8 р. Кустарные промыслы владимірской губ. во вторую половину года поднялись даже больше, чѣмъ отхожіе—объ улучшеніи ихъ, какъ мы видѣли, говорятъ 54% корреспондентовъ, объ ухудшеніи только 18%. Объ улучшеніи дѣлъ въ домашнемъ ткачествѣ и связанной съ нимъ размоткѣ нитей сообщаютъ 12 корреспондентовъ, объ ухудшеніи 6 и о прежнемъ положеніи одинъ [3]). Что касается

[1]) Торг.-Пром. Газ. 1905 г. № 111 (май).

[2]) А. Смирновъ. Положеніе мѣстныхъ и отхожихъ промысловъ во владимірской губ. въ 1905 г. „Вѣстн. Фин." 1906 г. № 29.

[3]) „Съ августа у ручныхъ ткачей пошла работа очень хорошо у всѣхъ хозяевъ, даже у тѣхъ, которые прошлой зимой закрыли конторы, теперь стали выдавать

фабричныхъ промысловъ, то и здѣсь вторая половина 1905 г. отмѣчена улучшеніемъ: 29% сообщеній свидѣтельствуютъ объ улучшеніи промысловъ, тогда какъ въ первую половину года такихъ сообщеній было только 6% [1]). Въ московской губ. „почти половина корреспондентовъ (46%) говоритъ, что состояніе промысловъ было плохое, однако 27% говоритъ, что промыслы шли средне и 27%—хорошо: въ этомъ отчасти можно усматривать измѣненіе положенія промышленности къ лучшему по сравненію съ временами Японской войны" [2]). Само собою разумѣется, что возвращеніе народнаго хозяйства къ сколько-нибудь нормальному положенію могло совершиться только постепенно и медленно, тѣмъ болѣе, что оно затруднялось неурожаемъ 1905 г. и упадкомъ отхода въ виду непрекращавшихся народныхъ волненій [3]). Но прекращеніе войны, какъ всегда, сразу стало сказываться на положеніи промышленности. Уже нижегородская ярмарка проходитъ въ нѣсколько болѣе твердомъ настроеніи. Правда, товарооборотъ ея колебался между 125—135 м. р. противъ 145—150 м. р.—товарооборота болѣе удачныхъ лѣтъ, но зато развязка съ товарами оказалась довольно удачной: мануфактура во всѣхъ видахъ, сырье, пушнина, выдѣланныя кожи—всѣ эти главнѣйшіе на ярмаркѣ товары прошли почти цѣликомъ. Особенно оживилась мануфактурная промышленность, которая, испытавъ на себѣ наиболѣе чувствительное сокращеніе спроса подъ вліяніемъ войны, должна была столь же чувствительно реагировать на усиленіе спроса. Лѣтомъ цѣны на мануфактуру сразу повысились. По объясненію самихъ мануфактуристовъ, „обыкновенно послѣ войны является оживленіе на томъ или другомъ рынкѣ, и цѣны произвольно повышаются вслѣдствіе усиленнаго спроса, вызываемаго существовавшимъ застоемъ во время войны; если сопоставимъ цѣны на мануфактуру до и послѣ войны, то получимъ разницу въ 31—37%, несмотря на то, что шерсть и прочій сырой

основы, да и погоняютъ съ работой—теперь фабричнымъ стало повеселѣе" (Покровскій у.). „Домашнее ткачество поднялось: раньше ткали 45—50 к. кусокъ, а теперь—75 к." (Вяз. у.). Въ прошлую осень и весну размотка шелка совершенно стала, но нынѣшней осенью зажиточные домохозяева стали радоваться, и жизнь ихъ пошла повеселѣе, такъ какъ порядочно получили шелка сырца для размотки. Женщины и дѣвочки, не живущія на фабрикахъ, тоже стали заниматься размоткой шелка, получивши отъ зажиточныхъ крестьянъ" (Александр. у.).

[1]) А. Смирновъ. Положеніе фабричныхъ промысловъ во владим. губ. за 1905 г. „Вѣстн. Фин." 1906 г. № 17.

[2]) Статистич. ежегодникъ московск. губ. за 1906 г.

[3]) Въ московской губ. „44% ушедшихъ не могли найти работу за сокращеніемъ всѣхъ вообще работъ, 44% вернулись вслѣдствіе начавшихся забастовокъ, 6%—вслѣдствіе болѣзни и 6% по лѣности и пьянству" (Статист. ежегодникъ московск. губ. за 1906 г.). Въ саратовской губ. отхожіе заработки, по проценту сообщеній, выше—6,2, одинаковы—17,7, ниже—76,1; причина — „повсемѣстные неурожаи, скопленіе безработнаго люда и народные безпорядки". (Сборникъ свѣдѣній по саратовск. губ. за 1905 г., стр. 228).

матеріалъ вздорожали только на 1,45%; что касается забастовокъ, то онѣ также безспорно послужили толчкомъ къ поднятію цѣнъ, но не столь значительному, гораздо сильнѣе дѣйствовало вліяніе внезапнаго и сильнаго оживленія на мануфактурномъ рынкѣ, явившагося послѣ войны" [1]). Безспорно, въ поднятіи цѣнъ сыграла крупную роль отмѣченная выше „солидарность" фабрикантовъ, въ особенности поскольку оно должно было компенсировать повышеніе заработной платы, но, какъ это отмѣчаютъ и сами фабриканты, благопріятную почву оно нашло въ усилившемся спросѣ. 12 іюля послѣдовала въ Москвѣ первая прибавка на ситцевые товары въ размѣрѣ полной копѣйки; съ этого дня цѣны на мануфактуру безпрерывно растутъ, такъ что уже 1 сентября сдѣлана была вторая прибавка на ситецъ; на бѣлостокскомъ рынкѣ въ іюнѣ цѣны оказались повышенными на 15—25%. Оживленное настроеніе рынка отразилось и на оживленіи фабричной дѣятельности. Фабрики усилили производство, чтобы пополнить запасы и снабдить рынокъ нужными товарами. Уже въ іюнѣ, какъ сообщали, напр., изъ Лодзи, „фабрики завалены крупными заказами; торговцы быстро соглашаются на повышеніе цѣнъ, лишь бы запастись издѣліями для пополненія распроданныхъ запасовъ" [2]).

Въ меньшей степени оживленіе наблюдалось въ горнозаводской промышленности; но и здѣсь положеніе многимъ улучшилось по сравненію съ первою половиною года. На югѣ уже въ іюнѣ появился значительный спросъ на чугунъ при устойчивыхъ цѣнахъ, рынокъ оставался оживленнымъ и къ іюню настроеніе его стало твердымъ; въ первой четверти іюля спросъ началъ остывать, но цѣны удержались на прежнемъ уровнѣ; къ сентябрю рынокъ окрѣпъ, цѣны проявили тенденцію къ новому повышенію. На нижегородской ярмаркѣ цѣны сортоваго желѣза были очень крѣпкія и свободнаго желѣза у заводчиковъ было весьма мало; этимъ воспользовались, между прочимъ, торговцы-складчики, которые „составили между собою письменное соглашеніе на честное слово не продавать желѣза дешевле 1 р. 30 к. при партіяхъ меньше 3 т. пудовъ, а при болѣе крупныхъ — по свободной цѣнѣ" [3]). Остатковъ сортоваго къ концу ярмарки у заводчиковъ совсѣмъ не было, и нѣкоторые заводы не успѣвали даже выполнить принятыхъ заказовъ — въ результатѣ твердое настроеніе на нижегородскомъ желѣзномъ рынкѣ. На каменноугольномъ рынкѣ въ серединѣ іюня появился усиленный спросъ, который повышался и въ послѣдующее время подъ вліяніемъ бакинскихъ событій. Мы уже отмѣчали, что, въ соотвѣтствіи съ рынкомъ, въ лѣтніе мѣсяцы производство шло относительно ровнымъ темпомъ, а въ сентябрѣ выплавка чугуна

---

[1]) „Торгово-Пром. Газета", 1906 г. № 244.

[2]) „Торгово-Пром. Газета", 1905 г., № 131.

[3]) Сборникъ статистич. свѣдѣній о горнозавод. промышленности въ 1905 г., стр. LXXIV.

повысилась на 1,4%, производство полупродукта на 9 и готоваго продукта на 15%. Добыча минеральнаго топлива въ Донецкомъ бассейнѣ въ третью четверть года, по сравненію со второй, повысилась на 7%.

Въ сторонѣ отъ намѣтившагося оживленія осталась бакинская нефтяная промышленность. Въ августѣ, на почвѣ армяно-татарской рѣзни, значительная часть бакинскихъ промысловъ была уничтожена пожаромъ, на долгое время выбившимъ промышленность изъ строя. На всѣхъ площадяхъ сгорѣло 1.994 вышки, въ томъ числѣ 161 вышка скважинъ заброшенныхъ; средняя суточная добыча сгорѣвшихъ производительныхъ скважинъ составляла 919.447 п. или 57,1% общей добычи скважинъ, бывшихъ въ эксплоатаціи [1]). Въ августѣ добыча падаетъ, по сравненію съ августомъ 1904 г., на 22,5%, при чемъ изъ общаго числа простоя скважинъ 35,5% вызвано „народной смутой" и только 16,1% малой производительностью скважинъ. Послѣ пожаровъ до 1 сентября промысловыхъ работъ не было ни у одной фирмы, въ сентябрѣ въ эксплоатаціи было только 141 скважина, которыя дали 2,1 м. п. добычи (противъ 54 1 м. п. 1904 г.), въ октябрѣ число находящихся въ эксплоатаціи скважинъ повышается до 589 съ добычей 13,4 м. п. (противъ 59,8 м. п. въ 1904 г.), въ ноябрѣ эксплоатировалось 764 скважины при добычѣ 24,5 м. п. (противъ 61 м. п. въ 1904 г.). Такимъ образомъ, къ концу года бакинская промышленность еще далеко не оправилась отъ пожара, а пониженіе добычи за послѣдніе четыре мѣсяца, по сравненію съ соотвѣтствующимъ временемъ 1904 г., составляло 138,7%. Столь сильное паденіе добычи повело къ вздорожанію нефти и къ замѣнѣ ея, во многихъ случаяхъ, твердымъ минеральнымъ топливомъ.

Если подвести итоги сказанному до сихъ поръ объ общемъ положеніи промышленности приблизительно за первыя три четверти 1905 года, то не трудно замѣтить, что, при общемъ подавленномъ настроеніи промышленности, разсмотрѣнное нами время можно раздѣлить на два періода, различающихся по степени промышленной депрессіи. Первый періодъ, совпадающій приблизительно съ первой половиной года, протекаетъ еще всецѣло подъ вліяніемъ войны. Рынокъ угнетенъ, спросъ слабый, производство сжимается. Забастовки рабочихъ, по преимуществу въ этотъ періодъ экономическія, несомнѣнно, усиливаютъ депрессію, сокращая, въ свою очередь, производство; однако, дѣйствительное вліяніе стачечнаго движенія, поскольку его можно учесть на основаніи объективныхъ признаковъ, значительно уступаетъ вліянію войны, подорвавшей покупательную силу населенія и сузившей рынокъ, а также

---

[1]) „Обзоръ бакинск. нефтяной промышленности за 1905 г." т. I. Стоимость сгорѣвшихъ вышекъ опредѣлена въ 12.066 т. р., а общій убытокъ отъ пожара — въ 26 м. р. („Торг.-Пром. Газ." 1905 г. № 215).

вліянію политическихъ событій, исключавшихъ возможность спокойной промышленной дѣятельности. Во второй періодъ начинаетъ сказываться благопріятное вліяніе прекращенія войны. Мѣстные промыслы улучшаются, рынокъ крѣпнетъ, цѣны, благодаря увеличившемуся спросу, повышаются, усиливается работа фабрикъ, особенно мануфактурныхъ. Вліяніе забастовокъ, хотя и сократившихся по сравненію съ предыдущимъ періодомъ, но все же значительныхъ (въ третью четверть года бастовало почти 300 т. рабочихъ, при чемъ въ экономическихъ стачкахъ участвовало 58% ихъ), чувствуется слабѣе, благодаря, главнымъ образомъ, нѣсколько улучшившейся общей промышленной конъюнктурѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ (особенно въ Баку) прорывается разрушительное дѣйствіе организованной реакціонной провокаціи, широко развернувшейся въ послѣдующее время.

Наступившее улучшеніе продолжалось слишкомъ недолго, чтобы оно могло укрѣпить промышленность. Съ сентября революціонное движеніе разгорается, переходя въ октябрѣ во всеобщую забастовку и пріостановивъ почти совершенно на три мѣсяца промышленную жизнь страны.

О характерѣ и силѣ октябрьской забастовки и слѣдовавшихъ за ней историческихъ событій здѣсь нѣтъ нужды говорить подробно [1]). Упомянемъ, однако, что въ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабричной инспекціи, въ октябрѣ бастовало 518.252 раб., въ ноябрѣ 325.534 и въ декабрѣ 433.140. Кромѣ того, какъ извѣстно, забастовка охватила предпріятія горнозаводскія, желѣзнодорожныя, ремесленныя, торговыя и т. д., и т. д. Къ сожалѣнію, привести хотя бы приблизительно достовѣрныя данныя о размѣрахъ, какихъ достигла забастовка во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ, нѣтъ возможности въ виду полнаго отсутствія такихъ данныхъ. Только желѣзнодорожная забастовка поддается нѣкоторому статистическому изученію, впрочемъ, весьма неполному. Мы уже видѣли, насколько сократилась, подъ вліяніемъ забастовки, перевозка грузовъ по желѣзнымъ дорогамъ въ послѣдней четверти 1905 года. Наиболѣе рельефно сокращеніе желѣзнодорожнаго движенія выясняется по сравненію числа отправленныхъ поѣздовъ и количеству сдѣланныхъ ими верстъ послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ 1905 г. съ соотвѣтствующими данными за 1904 г. Что касается числа поѣздовъ торговаго движенія, то въ послѣднюю четверть 1905 г., по сравненію съ 1904 г., послѣдовало ихъ уменьшеніе—для поѣздовъ большой и средней скорости на 20.2% и малой скорости на 32,7%. По отдѣльнымъ мѣсяцамъ число поѣздовъ измѣнялось такимъ образомъ (въ тыс.) [2]):

---

[1]) Объ этомъ см. въ статьяхъ многихъ авторовъ во II т. настоящаго изданія.

[2]) Составлено по статистическому сборнику минист. путей сообщенія, вв. 85—89.

	Больш. и средн. скорости. 1904 г.	1905 г.	Ум. 1905 г. по срав. съ 1904 г. (въ %).	Малой скор. 1904 г.	1905 г.	Ум. 1905 г. прот. 1904 г. (въ %).	ВСЕГО. 1904 г.	1905 г.	Ум. 1905 г. прот. 1904 г. (въ %).
Октябрь . .	93,1	68,3	26,6	195,0	114,3	41,3	288,1	182,6	36,5
Ноябрь. . .	89,0	84,9	4,6	184,3	157,6	14,4	273,3	242,5	14,4
Декабрь . .	91,5	75,1	17,9	170,6	98,3	42,3	262,1	173,4	33,0

Наиболѣе значительно сократилось число поѣздовъ въ октябрѣ (свыше чѣмъ на треть), весьма сильнымъ сокращеніе остается въ декабрѣ и до сравнительно небольшихъ размѣровъ опускается оно въ ноябрѣ. Въ частности, поѣзда большой скорости, какъ и слѣдовало ожидать, въ меньшей степени испытали сокращеніе, чѣмъ поѣзда малой скорости, которыхъ въ октябрѣ и декабрѣ 1905 г. было отправлено почти на половину меньше, чѣмъ въ 1904 г. Такая же картина вырисовывается изъ данныхъ о количествѣ верстъ, сдѣланныхъ поѣздами товарнаго движенія (въ тыс. верстъ).

	Больш. и средн. скорости. 1904 г.	1905 г.	Ум. 1905 г. прот. 1904 г. (въ %).	Малой скор. 1904 г.	1905 г.	Ум. 1905 г. прот. 1904 г. (въ %).	ВСЕГО. 1904 г.	1905 г.	Ум. 1905 г. прот. 1904 г. (въ %).
Октябрь . .	9.818	7.359	25	17.543	10.199	42,1	27.351	17.558	33.2
Ноябрь. . .	9.459	9.013	3,8	16.960	14.072	17,1	26.319	23.165	12,3
Декабрь . .	9.718	8.070	17,1	15.866	9.197	42,0	25 584	17.267	32,5

И здѣсь наибольшее пониженіе наблюдается въ ноябрѣ и декабрѣ, при чемъ для малой скорости движеніе сократилось сильнѣе, чѣмъ для большой скорости. Въ общемъ, за всю послѣднюю четверть года пробѣгъ поѣздовъ большой скорости уменьшается на 15,4%, малой—на 33,6%, Что касается пассажирскаго движенія, то уменьшеніе его видно изъ слѣдующихъ данныхъ:

	Перевезено пассажировъ. (въ мил.). 1904 г.	1905 г.	Уменьш. 1905 г. противъ 1904 (въ %).
Октябрь	9,6	6,5	32,2
Ноябрь	8,1	6,5	19,7
Декабрь	8,2	5,1	37,8

Если даже принять во вниманіе, что въ виду тревожнаго времени перевозка пассажировъ должна была вообще уменьшиться, то и въ такомъ случаѣ общее пониженіе пассажирскаго движенія должно быть отнесено въ значительной степени за счетъ прекращенія желѣзнодорожнаго сообщенія во время забастовокъ.

Приведенныя данныя, въ итогѣ, показываютъ, что желѣзнодорожная забастовка приняла весьма широкіе размѣры. За всю четверть года она понизила торговое движеніе на цѣлую треть, а въ октябрѣ и декабрѣ больше, чѣмъ на $^{2}/_{3}$; сравнительно благополучный ноябрь также закончился умень-

шеніемъ движенія почти на $^1/_5$ [1]). Столь сильное сокращеніе желѣзнодорожнаго сообщенія могло вызвать въ промышленности чрезвычайныя осложненія, если бы даже оно не сопровождалось всеобщей забастовкой; въ связи же съ послѣдней оно должно было совершенно парализовать промышленную жизнь.

Мы уже говорили, что для правильной оцѣнки вліянія на промышленность революціоннаго движенія конца 1905 г. и начала 1906 г., нужно принять во вниманіе разразившіеся въ это время черносотенные погромы и аграрное движеніе, принявшее особенно широкіе размѣры во второй половинѣ 1905 и первой 1906 г. Черносотенные погромы, по преимуществу еврейскіе, нанесли громадный уронъ промышленности и торговлѣ, во многихъ случаяхъ неизмѣримо болѣе тяжкій, чѣмъ всеобщая забастовка. Потери отъ погромовъ исчисляются въ 51.094,705 р. [2]), но несомнѣнно, что даже эти непосредственные убытки отъ погромовъ въ нѣсколько разъ превышаютъ указанную сумму. Такъ, въ одномъ Ростовѣ-на-Дону, по даннымъ биржевого комитета, итогъ убытковъ отъ еврейскаго погрома достигъ 7 м. рублей: грабежемъ и пожарами уничтожено и попорчено товаровъ на 4 м. р; за три дня уничтожено было 511 торговыхъ заведеній, изъ нихъ 500 принадлежащихъ евреямъ, число пострадавшихъ биржевой комитетъ опредѣлилъ въ 30 т. [3]) Въ Кіевѣ управляющій отдѣленіемъ государственнаго банка, г. Афанасьевъ, произвелъ своего рода анкету, которая, впрочемъ, не коснулась одного участка города и одного предмѣстья, населенныхъ евреями; въ результатѣ оказалось, что всего разбито и разграблено 588 магазиновъ и лавокъ, жилыхъ помѣщеній разграблено 188; убытокъ отъ потери товара и разрушеннаго имущества равняется, по меньшей мѣрѣ, 3.800 т. р. [4]) Въ Бѣлостокѣ убытки отъ погрома исчислялись приблизительно въ 1 м. р. [5]). Въ Одессѣ, гдѣ погромъ принялъ исключительный, даже по русскому масштабу, звѣрскій характеръ, убытки исчисляются въ десятки милліоновъ рублей, число пострадавшихъ по самому скромному подсчету, достигло 40 т. чел. [6]). „Первымъ результатомъ безпорядковъ, читаемъ въ отчетѣ одесскаго комитета торговли и мануфактуръ, явилось необычайное сокращеніе оборотовъ торговли. Необходимо имѣть въ виду, что во время безпорядковъ были разгромлены до полнаго опустошенія многіе весьма крупные магазины, въ которыхъ на складахъ лежали товары на сумму въ 200—300 и даже болѣе тысячъ рублей. Достаточно указать

---

1) Составлено по Статистическому сборнику минист. путей сообщенія, вв 85 и 89.

2) По свѣдѣніямъ комитета по оказанію помощи пострадавшимъ отъ погромовъ. Приведено въ статьѣ В. Мукосѣева „Промышленный подъемъ или промышл кризисъ". „Образованіе", 1907 г. августъ.

3) „Торг.-Пром. Газета", 1905 г. № 258.

4) „Торг.-Пром. Газета", 1905 г. № 256.

5) „Торг.-Пром. Газета", 1906 г. № 134.

6) „Торг.-Пром. Газета", 1905 г. № 241.

на уничтоженный дотла мануфактурный магазинъ Фельдмана, дѣлавшій милліонные обороты и поставлявшій товары на весь югъ Россіи... Можно съ увѣренностью сказать, что половина товаровъ, находившихся на мануфактурныхъ складахъ Одессы, были разграблены и уничтожены. То же самое приходится отмѣтить о торговлѣ обувью, галантерейными товарами, ювелирными издѣліями и т. д... Нѣтъ точныхъ данныхъ для окончательнаго подсчета убытковъ отъ расхищенія всѣхъ этихъ товаровъ, но безъ всякаго преувеличенія можно утверждать, что потери эти опредѣляются многими милліонами рублей" [1]). Не выдержавъ столь необычайнаго патріотическаго испытанія, многія фирмы вынуждены были совсѣмъ ликвидировать дѣла, а другія сократить ихъ въ мѣру оставшейся возможности. „При необходимости непрерывнаго обмѣна товаровъ, на который разсчитана торговля, особенно въ такомъ крупномъ центрѣ, какъ Одесса, единовременное внезапное исчезновеніе громаднаго количества товаровъ всегда лишаетъ возможности сразу пополнить образовавшійся пробѣлъ; тѣмъ труднѣе это было сдѣлать въ концѣ 1905 г., въ періодъ общаго потрясенія, когда потерпѣла не одна только Одесса, но и весь югъ и многіе пункты болѣе сѣверныхъ районовъ" [2]).

То, что стряслось надъ Одессой, стряслось надъ очень многими городами и привело къ такимъ же послѣдствіямъ. Разгромленныя до основанія торговыя и промышленныя заведенія, ликвидація фирмъ, массовыя несостоятельности, длительный торгово-промышленный застой. Разрушительное вліяніе погромовъ не ограничились только тѣми мѣстами, которыя контръреволюція избрала мѣстомъ своего дѣйствія. Такіе крупные торговые центры, какъ Одесса, Кіевъ, Екатеринославъ, Ростовъ на Дону, не говоря уже о менѣе крупныхъ центрахъ и массѣ мелкихъ, но оживленныхъ городовъ и мѣстечекъ, слишкомъ тѣсно связаны съ другими торговыми и промышленными центрами, чтобы постигшее ихъ разореніе не отразилось самымъ чувствительнымъ образомъ на положеніи торговли и промышленности вообще. „Ярмарочные города — Нижній, Ярмолинцы и др., — въ этотъ сезонъ съ Бѣлостокомъ сдѣлокъ не заключили изъ-за общаго волненія и погрома въ особенности" — писали изъ Бѣлостока [3]). Гомельскій погромъ, въ свою очередь, „повліялъ на Бѣлостокъ угнетающе" [4]). „Еврейскіе погромы довершили тяжелое положеніе торговли въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они, главнымъ образомъ, сосредоточены въ рукахъ евреевъ", учитываютъ результатъ патріотическаго дѣла московскіе мануфактуристы [5]). „Нижегородская ярмарка, ожидавшая

---

[1]) Отчетъ одесскаго комитета торговли и мануфактуръ за 1903—1905 гг. Од. 1906 г., стр. 212-213.

[2]) Ibid, стр. 213.

[3]) „Торг.-Пром. Газета", 1906 г. № 142.

[4]) „Торг.-Пром. Газета", 1906 г. № 22.

[5]) „Торг.-Пром. Газета", 1905 г. № 241.

много отъ Бѣлостока, врядъ-ли будетъ имѣть съ нимъ хотя бы частичныя сношенія—подъ вліяніемъ происшедшихъ событій"—такъ отразились погромы на всероссійскомъ торжищѣ [1]). Подобныхъ свидѣтельствъ можно было бы привести еще достаточное количество, если бы въ этомъ была какая-либо нужда. Слишкомъ понятна, и безъ дальнѣйшихъ иллюстрацій, вся сила разрушенія, произведеннаго черносотеннымъ движеніемъ не только въ мѣстахъ погромовъ, но и далеко за ихъ предѣлами. Еврейскіе погромы, разорившіе наиболѣе торговые слои населенія въ наиболѣе торговой полосѣ Россіи, должны быть отнесены къ самымъ сильнымъ факторамъ, породившимъ промышленную депрессію въ послѣдней четверти 1905 г. и въ послѣдующее время.

Вліяніе на промышленность аграрнаго движенія, конечно, также не подлежитъ сомнѣнію. По анкетѣ Вольно-Экономическаго общества—источнику наиболѣе достовѣрному—аграрное движеніе, вообще разросшееся наиболѣе сильно во вторую половину 1905 г. и первую половину 1906 г., въ это-же время, особенно осенью 1905 г., приняло наиболѣе тяжелыя формы погромовъ усадьбъ, поджоговъ, рубки лѣса и т. д. [2]). Эти именно формы движенія должны были оказать на промышленную жизнь страны наибольшее воздѣйствіе. Вліяніе аграрнаго движенія на промышленность не можетъ быть, понятно, такимъ-же непосредственнымъ, какъ вліяніе рабочихъ забастовокъ или еврейскихъ погромовъ, потому что крестьяне не связаны такъ непосредственно съ промышленностью, какъ рабочіе или еврейское торговое населеніе. Крестьянское движеніе могло оказать вліяніе на промышленность, главнымъ образомъ, постольку, поскольку крестьянская масса являетъ собою потребительный рынокъ и поскольку движеніе среди крестьянъ является движеніемъ соціально-политическимъ. Крестьянскіе „безпорядки", въ особенности, когда они приняли форму разгрома помѣщичьихъ усадьбъ, должны были быть учтены не одними только промышленниками въ качествѣ грознаго фактора, лишившаго „общественный порядокъ" всякой устойчивости и несущаго съ собой этимъ радикальную перестройку аграрныхъ отношеній. Съ другой стороны, крайнее неспокойствіе деревни, явившееся результатомъ какъ аграрнаго движенія, такъ и суровыхъ формъ его усмиренія, дѣлало цѣлыя губерніи недоступными для сколько-нибудь нормальнаго сбыта товаровъ, до крайности сузивши этимъ объемъ внутренняго рынка. Кромѣ того, имѣются данныя, заставляющія предполагать, что аграрныя волненія отразились неблагопріятно на положеніи мѣстныхъ промысловъ и заработкѣ населенія. Такъ, саратовская земская статистика устанавливаетъ связь сокращенія заработковъ и паденія промысловъ съ массовымъ крестьянскимъ движеніемъ осени 1905 г. Если сравнить

---

[1]) „Торг.-Пром. Газета", 1905 г. № 134.

[2]) Напр., въ центральныхъ земледѣльческихъ и малороссійскихъ губерніяхъ. См. Труды В.-Экон. Общества 1906, № 3-4.

районы, въ которыхъ были аграрные безпорядки, съ районами, въ которыхъ не было безпорядковъ, то положеніе промысловъ и заработковъ опредѣлится такимъ образомъ (въ процентахъ къ числу сообщеній корреспондентовъ) [1]):

	Промыслы.			Заработки промышленниковъ.		
	Увелич.	Не измѣн.	Уменьш.	Увелич.	Не измѣн.	Уменьш.
Районы аграрн. безпор. . .	7,9	58,8	33,3	6,3	31,7	62,0
Остальн. уѣзды.	3,3	80,0	16,7	12,5	47,5	50,0

Въ то время какъ въ районѣ аграрныхъ волненій 33,3% всѣхъ сообщеній констатируютъ сокращеніе промысловъ, въ остальныхъ уѣздахъ о сокращеніи говорятъ только 16,7% сообщеній; паденіе заработковъ для перваго района отмѣчено 62,0% сообщеній, для второго 50%. Еще рельефнѣе выступаетъ вліяніе волненій на сокращеніе заработковъ, въ слѣдующей таблицѣ, въ которой всѣ данныя сгруппированы въ одно цѣлое [2]).

Уѣзды.	Число всѣхъ сообщеній о безпорядкахъ.	Число сообщеній о сокращеніи заработковъ.
Балашовскій . . .	27	17 или 63 %
Петровскій	23	13 „ 56,5 „
Кузнецкій	12	6 „ 50,0 „
Сердобскій	16	7 „ 43,8 „
Аткарскій	21	7 „ 33,3 „
Саратовскій . . .	13	3 „ 23,1 „

Процентъ сообщеній о сокращеніи заработковъ растетъ параллельно увеличенію числа сообщеній о безпорядкахъ. При этомъ сокращеніе коснулось не только собственно сельско-хозяйственныхъ работъ, но и разныхъ заработковъ другого рода,—бондарнаго, котельнаго, пильнаго, швейнаго [3]). Кромѣ того, вліяніе волненій сказалось не только въ тѣхъ селахъ, гдѣ были волненія, но и за предѣлами районовъ безпорядковъ; изъ многихъ мѣстъ подаются сообщенія, что, хотя безпорядковъ не было, но, изъ опасенія возникновенія ихъ, работы въ экономіяхъ многихъ мѣстъ стали сокращаться [4]). Несомнѣнно, аналогичныя явленія имѣли мѣсто и въ другихъ губерніяхъ, понижая покупательную силу населенія и въ значительной мѣрѣ ослабляя торговыя связи деревни съ промышленными центрами. Противоположное вліяніе аграрнаго движенія—повышеніе покупательной силы въ результатѣ увеличенія платы сельскихъ рабочихъ и уменьшенія арендной платы—должно было сказаться позже.

---

[1]) Сборникъ свѣдѣній по Саратовской губ. за 1906 г. В. I., стр. 198.
[2]) Ibid., стр. 200.
[3]) Ibid., стр. 199.
[4]) Ibid., стр. 200.

Такимъ образомъ, въ послѣдней четверти 1905 г. промышленность должна была испытать на себѣ вліяніе совокупнаго дѣйствія такихъ факторовъ, какъ всеобщая политическая забастовка, охватившая и желѣзныя дороги, рядъ декабрьскихъ возстаній, аграрное движеніе и многочисленные еврейскіе погромы. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что въ это время промышленная жизнь совсѣмъ пріостановилась. Фабрики перестали выбрасывать на рынокъ новые товары, желѣзнодорожная забастовка пріостановила подвозъ на фабрики матеріаловъ, почтово-телеграфная забастовка порвала связь между торгово-промышленными центрами, произведя величайшее замѣшательство въ области кредита и торговаго оборота, товарный рынокъ, сдавленный безпрерывной цѣпью неблагопріятныхъ условій, не проявлялъ признаковъ жизни. Промышленныя отрасли, обнаруживавшія еще недавно признаки нѣкотораго оживленія, снова очутились въ полосѣ кризиса, болѣе опустошительнаго, чѣмъ кризисъ времени войны. „Октябрь по торговлѣ былъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ мѣсяцевъ за послѣдніе два года", идутъ въ это время вѣсти съ московскаго мануфактурнаго рынка. Общее стачечное движеніе прекратило всякую торговлю въ первой половинѣ мѣсяца, а во второй—своеобразное толкованіе (?!) манифеста какъ ультрарадикальными, такъ и ультраконсервативными партіями поставило имущіе классы, къ которымъ слѣдуетъ отнести и большинство покупателей московскихъ фабрикантовъ, между двухъ огней" [1]). „Фабрики работаютъ плохо. Въ одномъ Ивановѣ-Вознесенскѣ недоработано около 6 м. кусковъ. Торгуютъ въ Москвѣ, сравнительно съ октябремъ прошлаго года, въ три раза меньше" [2]). Въ декабрѣ обороты крупныхъ московскихъ фирмъ уменьшились больше чѣмъ на 25% противъ средняго оборота за послѣднее трехлѣтіе и до 30% противъ декабря 1904 г. [3]). „Московскія событія отразились на бѣлостокскомъ рынкѣ угнетающе. Послѣ южныхъ погромовъ взоры бѣлостокскихъ промышленниковъ обратились на Москву, являющуюся для Бѣлостока значительнымъ покупателемъ; къ сожалѣнію, надеждамъ, повидимому, не суждено осуществиться. Въ Бѣлостокѣ гостятъ теперь (въ началѣ января 1906 г.) нѣсколько московскихъ покупателей, сдѣлавшихъ чрезвычайно ничтожные, по сравненію съ прошлымъ, заказы" [4]). „Торгово-Промышленная Газета", подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, такъ формулировала вліяніе всеобщей забастовки на мануфактурный рынокъ: „1) послѣдняя желѣзнодорожная забастовка, совпавшая съ предпраздничной расторжкой товарами, скопила на фабрикахъ значительныя количества издѣлій, части же запроданнаго и отправленнаго по назначенію товара застряли въ пути и, такимъ образомъ, не могли

---

[1]) „Торг.-Пром. Газета", 1905 г. № 241.
[2]) „Торг.-Пром. Газета", 1905 г. № 231.
[3]) В. Шімановскій. Мануфактурный рынокъ въ 1906 г. „Вѣстн. Фин." 1907 г. № 46.
[4]) Корреспонденція изъ Бѣлостока въ „Торг.-Пром. Газ." 1906 г. № 6.

быть проданы въ самый горячій торговый періодъ; 2) торговыя фирмы не успѣли во-время запастись свѣжими товарами, такъ какъ еще октябрьская забастовка внесла путаницу въ торговыя дѣла и измѣнила обычные сроки выписки товаровъ. Въ данномъ случаѣ, болѣе удаленные пункты оказались въ лучшемъ положеніи, нежели ближайшіе къ промышленнымъ центрамъ, ибо первые дѣлаютъ выписки товара заблаговременно и могли еще получить свѣжіе транспорты до послѣдняго срока, съ цѣлью выгадать на ускореніи оборота. 3) Отсутствіе достаточнаго подбора товаровъ сдерживало вообще предпраздничныя покупки, а убыль, за выѣздомъ за границу, наиболѣе состоятельныхъ людей въ городскихъ центрахъ и общая осторожность задержали сбытъ предметовъ роскоши (дорогихъ тканей и галантерей), сбываемыхъ, главнымъ образомъ, въ предпраздничное время, что отразилось еще болѣе на сокращеніи оборотовъ магазиновъ. 4) Почтово-телеграфная забастовка совершенно пріостановила поступленія платежей со стороны провинціальныхъ кліентовъ фирмъ, вслѣдствіе чего послѣднія не могли также оправдать своихъ срочныхъ обязательствъ" [1]).

Въ столь же хаотическомъ состояніи оказались и другіе рынки. „За послѣднія 15 лѣтъ, читаемъ, напр., въ земскомъ источникѣ объ одесской хлѣбной торговлѣ, только три хлѣбныхъ кампаніи (въ томъ числѣ двухъ голодныхъ годовъ 1892 и 1899 г.г.) оказались хуже 1905 г. Въ октябрѣ, когда надъ Россіей разразилась первая всеобщая забастовка и повсемѣстные еврейскіе погромы, экспортъ изъ Одессы испыталъ еще большія затрудненія. Торговцы лишились возможности руководствоваться въ своихъ операціяхъ обычными соображеніями — условіями мірового снабженія хлѣбомъ, видами на урожай, высотой цѣнъ, состояніемъ подвоза и пр Необходимо было занять выжидательное положеніе, которое, естественно, привело къ необычной сдержанности и вялости рынка. Въ первый моментъ желѣзнодорожная забастовка привела къ чрезвычайному повышенію цѣнъ въ Соед. Штатахъ и во всемъ международномъ рынкѣ. Хлѣбные продукты котировались по небывало высокимъ цѣнамъ: напр., арнаутка, которой средняя цѣна 85—90 к. доходила на одесскомъ рынкѣ до 1 р. 12 к. и т. д. Но такое небывалое повышеніе цѣнъ держалось не долго, такъ какъ масса грузовъ, назначенныхъ къ отправкѣ изъ Россіи за границу, находилась въ моментъ прекращенія желѣзнодорожной забастовки въ портахъ. Хлѣбные продукты немедленно по возобновленіи желѣзнодорожнаго движенія стали проявлять рѣзкую тенденцію къ пониженію; вскорѣ послѣ ж.-д. забастовки вспыхнули повсемѣстно безпорядки и еврейскіе погромы, подѣйствовавшіе

---

[1]) „Торг.-Пром. Газ." 1906 г. № 6. См. также ст. В. Шимановскаго, „Вѣстн. Фин." 1907 г. № 46.

вообще угнетающе на весь экспортъ въ Россіи, особенно въ южныхъ портахъ. Въ ноябрѣ присоединилась почтово-телеграфная забастовка, продолжавшаяся въ Одессѣ около мѣсяца и совершенно парализовавшая нормальныя сношенія какъ съ внутренними, такъ и съ международными рынками" [1]). Особенно чувствительно задѣла интересы хлѣбной торговли почтово-телеграфная забастовка. „Отсутствіе свѣдѣній о состояніи внутреннихъ и заграничныхъ рынковъ, говоритъ по этому поводу отчетъ одесскаго комитета торговли и мануфактуръ, заставляло хлѣботорговцевъ относиться крайне осторожно ко всякаго рода новымъ сдѣлкамъ и обязательствамъ; неопредѣленность положенія и неизвѣстность предстоящаго будущаго совершенно лишала возможности сдѣлокъ со срочными товарами, такъ какъ исполненію срочныхъ обязательствъ могли встрѣтиться и въ будущемъ непреодолимыя препятствія; наконецъ, даже выполненіе обязательствъ уже по прибывшимъ на рынокъ товарамъ или отправки новыхъ также оказывались невозможными вслѣдствіе того, что накладныя оставались лежать на почтѣ. Кромѣ того, тревожное настроеніе совершенно лишало хлѣботорговцевъ кредита, такъ какъ банки отказывали въ немъ; а такъ какъ вся наша экспортная торговля основана на кредитѣ и учетѣ въ банкахъ коносаментовъ, то положеніе массы хлѣботорговцевъ оказалось весьма критическимъ и грозило громадными убытками, не меньшими, чѣмъ желѣзнодорожная забастовка. Почтово-телеграфная забастовка нанесла тѣмъ большій ущербъ хлѣбной торговлѣ, что въ тотъ періодъ, когда она происходила, Россія обыкновенно является главнымъ международнымъ поставщикомъ зерна" [2]). Въ общемъ, по заключенію комитета, „въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ 1905 г. хлѣбная торговля почти совершенно замерла. Тревога и пріостановка торговой жизни проникла даже въ самые отдаленные

---

[1]) Статистико-экономическій обзоръ херсонской губ. за 1905 г. Од. 1908., стр. 140.

[2]) Отчетъ комитета торговли и мануфактуръ за 1903—1905 г.г., стр. 201—202. Одесса и хлѣбная торговля не явились, конечно, въ этомъ отношеніи исключеніемъ, совершенно такимъ должно было быть вліяніе почтово-телеграфной забастовки повсюду. Вотъ что, напр., писали изъ Екатеринбурга: „забастовка почтъ и телеграфа застигла многихъ совершенно врасплохъ, а частные банки оказались безъ достаточныхъ оборотныхъ средствъ... и прекратили всякій кредитъ и учетъ самыхъ благонадежныхъ векселей, даже не взирая на очень высокій процентъ на короткій срокъ (8% на 4 мѣсяца). Кредитъ въ госуд. банкѣ доступенъ былъ для немногихъ. Между тѣмъ, заводчики и фабриканты не имѣли ни оборотныхъ средствъ, ни матеріаловъ, ни угля; готовые заказы не отсылались, деньги съ заказчиковъ получить было невозможно". Въ началѣ декабря собралось частное совѣщаніе 90 крупнѣйшихъ заводчиковъ, которые рѣшили организовать союзъ уральскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ для „объединенія и противовѣса широко распространившейся пропагандѣ агитаторовъ и представителей крайнихъ партій", а также организовать круговую поруку среди членовъ союза для полученія кредита „Торг.-Пром. Газ." 1906 г. № 1). Организація круговой поруки не удалась „въ виду полнаго отсутствія денегъ какъ у частныхъ лицъ, такъ и въ банкахъ". О судьбѣ „противовѣса пропагандѣ" намъ ничего неизвѣстно, но, нужно полагать, что въ этомъ отношеніи уральскимъ заводчикамъ удалось скорѣе заручиться поддержкой, чѣмъ въ кредитѣ.

районы. Отсутствіе почтово-телеграфныхъ сообщеній, затруднительность желѣзнодорожнаго транспорта, дороговизна денегъ и полное отсутствіе кредита, при крайней неопредѣленности видовъ на будущее—все это вызвало полный застой въ хлѣбной торговлѣ нашего города" [1]). Вполнѣ естественнымъ результатомъ такого положенія явился крахъ многихъ торговыхъ фирмъ и сокращеніе числа торговыхъ предпріятій: такъ въ 1905 г. въ херсонской губерніи, по сравненію съ 1903 г., число торговыхъ предпріятій уменьшилось на 20,4%, сумма ихъ оборотовъ на 35,4% и сумма прибылей на 23,4% [2]).

Одинаково опустошительное дѣйствіе произвели событія конца 1905 г. и въ горнозаводской промышленности. „Октябрьская забастовка, говорится въ докладѣ комиссіи XXX съѣзду горнопромышленниковъ юга Россіи, вызвала столь глубокое разстройство въ жизни и работоспособности желѣзныхъ дорогъ, что еще въ ноябрѣ не все пришло въ порядокъ,—затѣмъ частичными забастовками на южныхъ и центральныхъ желѣзныхъ дорогахъ все, что къ тому времени было налажено, опять разстроилось. Заводскіе запасы сырыхъ матеріаловъ совершенно истощены. Подвозъ слабый или его совершенно нѣтъ, стачки заводскихъ рабочихъ вспыхиваютъ то тутъ, то тамъ, отпускъ издѣлій очень слабый, поступленіе платежей почти совершенно прекратилось, кредитъ затрудненъ и дорогъ. Все это вмѣстѣ взятое заставило нѣкоторые южнорусскіе заводы сильно сократиться, или даже совершенно пріостановиться" [3]). На южныхъ рынкахъ въ началѣ октября спросъ на чугунъ мелкими партіями былъ оживленный, но уже къ концу мѣсяца положеніе рынка стало неопредѣленнымъ, въ началѣ ноября снова появился спросъ на мелкія партіи, который въ серединѣ мѣсяца даже окрѣпъ, но къ концу ноября и въ декабрѣ рынокъ характеризуется полнымъ отсутствіемъ дѣлъ [4]). Каменноугольный рынокъ почти весь октябрь бездѣйствовалъ и лишь въ послѣднихъ числахъ возобновились переговоры о продажѣ значительной партіи угля и кокса; въ ноябрѣ дѣятельность рынка вновь почти прекратилась и до конца года онъ продолжалъ бездѣйствовать [5]). Вывозъ минеральнаго топлива изъ западной части Донецкаго бассейна составилъ за послѣдніе три мѣсяца 1905 г.

---

[1]) Отчетъ одесскаго комитета т. н. м., стр. 202. Отчетъ комитета, между прочимъ, сообщаетъ о слѣдующемъ характерномъ фактѣ. Въ комитетъ поступили ходатайства о признаніи создавшагося положенія стихійнымъ, освобождающимъ отъ исполненія обязательствъ. Хотя арбитражной комиссіей установленъ принципъ force majeure для періодовъ народныхъ волненій, но „принципъ этотъ, какъ извѣстно, не всегда признается заграничными арбитражами, настаивающими на томъ взглядѣ, что, въ виду частыхъ народныхъ волненій въ Россіи, принципъ force majeure не можетъ быть къ нимъ примѣненъ" (ib., стр. 201).

[2]) Статистико-экономическій обзоръ херсонской губ. за 1905 г., стр. 143.

[3]) Труды XXX съѣзда горнопром. юга Россіи. Т. I. Харьковъ 1906.

[4]) Сборникъ статистич. свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи въ 1905 г., стр. LXXVIII.

[5]) Ibid., стр. LXXXIX.

100,5 м. п. противъ 134,1 м. п. 1904 г., т. е. уменьшился на 25%. Въ частности, недогрузка противъ предположеннаго назначенія изъ западной части бассейна достигла въ октябрѣ 35,4%, въ ноябрѣ 20%. изъ восточной части въ октябрѣ 50,5% и въ ноябрѣ 25%, [1]).

Угнетенное состояніе рынка вполнѣ соотвѣтствовало угнетенному состоянію производства. Число дѣйствовавшихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ (по всей Имперіи) понизилось въ октябрѣ 1905 г. противъ октября 1904 г. съ 208 до 203, въ ноябрѣ—съ 206 до 200 и въ декабрѣ съ 206 до 199; также сильно уменьшилось число дѣйствовавшихъ домнъ: въ октябрѣ—съ 153 до 150, въ ноябрѣ—съ 158 до 151 и въ декабрѣ съ 167 до 155 [2]). Если за исходную точку для сравненія взять сумму производства въ сентябрѣ 1905 г., то для послѣдующихъ трехъ мѣсяцевъ уменьшеніе производства выразится въ слѣдующихъ данныхъ [3]):

	Уменьш. въ % по отношенію къ сентябрю.		
	Чугунъ.	Полупродуктъ.	Готовый продуктъ.
Октябрь	5	5	13,2
Ноябрь	9,2	16,2	20,2
Декабрь	22	36,2	40,5

Наибольшаго паденія производство достигло въ декабрѣ, въ октябрѣ же оно уменьшилось сравнительно мало. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что на общемъ характерѣ приведенныхъ данныхъ отразилось положеніе Урала, который работалъ весь конецъ года безъ сколько-нибудь существенныхъ колебаній. Если взять, исключая Уралъ, два другихъ крупныхъ района—южный и польскій,—то получимъ такую картину:

	Южный районъ.			Польскій районъ.		
	Уменьш. въ % по отн. къ сент.			Увел. (+) или уменьш. (—) въ % по отн. къ сент.		
	Чугунъ.	Полупрод.	Готов. прод.	Чугунъ.	Полупрод.	Готов. прод.
Октябрь	8,7	11,5	17,9	—6,6	—86,6	— 40
Ноябрь	7,6	2,5	8,9	+4,1	—86,9	— 31,9
Декабрь	39,5	50	56,7	— 5	—90	— 40

Эти данныя показываютъ, что въ двухъ наиболѣе крупныхъ районахъ производство сократилось сильнѣе, чѣмъ въ среднемъ по всей Россіи; въ декабрѣ на югѣ производство понизилось почти на половину, въ октябрѣ для готоваго продута и полупродукта также уменьшилось больше, чѣмъ по всей Россіи. Больше другихъ пострадалъ Польскій районъ, въ которомъ произ-

[1]) Каменноугольная промышленность Россіи въ 1905 г. Ц. I. X. 1906.

[2]) Свод. статистич. данныхъ по желѣзнодорож. промышл. въ 1905 г. за соотвѣтствующіе мѣсяцы.

[3]) Ibid.

водство полупродукта пало до совершенно ничтожныхъ размѣровъ, а производство готоваго продукта сократилось почти на половину. Если производство декабря 1905 г. сравнить съ производствомъ декабря 1904, то окажется, что послѣдовало сокращеніе для южнаго района въ предѣлахъ отъ 31,6% (полупродуктъ) до 35,5% (готовый продуктъ) и для польскаго въ предѣлахъ отъ 20% (готов. продуктъ) до 57,1% (чугунъ). Сокращеніе производства и почти полное прекращеніе сбыта, естественно, подорвало финансовую силу предпріятій и должно было въ итогѣ уменьшить прибыльность ихъ и повысить убыточность. По даннымъ отчетовъ за 1904/5 и 1905 г., каменноугольныя предпріятія дали 5,3% убытка, желѣзорудныя также закончили ихъ съ убыткомъ въ 2,4%, каменноугольныя же предпріятія съ доменнымъ (но безъ желѣзоруднаго) дали убытка 28,4% на основной капиталъ [1]). По вычисленію г. Расинскаго, прибыльность каменноугольныхъ предпріятій по всѣмъ районамъ въ 1905/6 г. уменьшилась, по сравненію съ 1901/2 г., съ 11,8% до 4,4%, убыточность увеличилась съ 7,1% до 9,1%; въ частности, въ Донецкомъ районѣ прибыльность понизилась съ 3,2% до 0,3%, а убыточность повысилась съ 7,2% до 9% [2]).

Мы приводили выше данныя о сокращеніи желѣзнодорожнаго движенія и отмѣтили вліяніе на промышленность желѣзнодорожной забастовки. Добавимъ здѣсь, что перевозка грузовъ (малой скорости) составила (въ т. п.):

	1904 г.	1905 г.
въ октябрѣ . . .	805,7	481,8
„ ноябрѣ	738,1	614,5
„ декабрѣ . . .	662,9	388,0

—или, иначе говоря, понизилась въ октябрѣ на 40,2%, въ ноябрѣ на 16,2% и въ декабрѣ на 41,4%. Помимо чрезвычайныхъ осложненій на товарномъ рынкѣ, такое уменьшеніе грузового движенія привело къ сокращенію оборотовъ внѣшней торговли и вообще къ значительной пертурбаціи въ сношеніяхъ русскаго рынка съ заграничными. Такъ:

	Вывозъ (въ т. р.) 1904	1905	Уменьш. 1905 противъ 1904 г. въ %	Ввозъ (въ т. р.) 1904	1905	Уменьш. (—) или увелич. (+) 1905 противъ 1904 г. въ %
Октябрь	107,8	97,2	9,8	51,9	49,8	— 4,0
Ноябрь	100,6	77,4	23,0	48,2	41,9	—13,0
Декабрь	91,2	67,9	25,5	46,2	49,4	+ 6,4

[1]) Горнаэов. Листокъ 1906 г. № 31.

[2]) Расинскій. Доходность русскихъ каменноугольныхъ акціонерныхъ предпріятій въ 1905/6 г., „Вѣстн. Фин.“, 1907 г., № 6.

Вывозъ пострадалъ сильнѣе, чѣмъ ввозъ, что и понятно: во-первыхъ, желѣзнодорожныя забастовки сократили подвозъ русскихъ грузовъ къ таможенной границѣ, между тѣмъ какъ подвозъ заграничныхъ грузовъ къ русской границѣ могъ совершаться почти безпрепятственно, а, во-вторыхъ, на сокращеніе вывоза должно было отразиться общее замѣшательство въ торговлѣ и промышленности; на ввозѣ послѣднее обстоятельство не отразилось такъ чувствительно, по крайней мѣрѣ—въ октябрѣ и ноябрѣ онъ палъ сравнительно слабо, а въ декабрѣ даже повысился. Очевидно, импортеры, принимая во вниманіе вызванныя революціей затрудненія въ торговлѣ, учитывали также возможность сбыта своихъ товаровъ въ виду сокращенія производства въ Россіи.

Приведенныя данныя, конечно, далеко не исчерпываютъ матеріала, которымъ можно было бы иллюстрировать силу промышленнаго кризиса конца 1905 г. Но основные моменты его выступаютъ съ совершенной отчетливостью. Внутренняя, какъ и внѣшняя торговля, сократились въ небывалой степени, товарное обращеніе оказалось разрушеннымъ въ самомъ корнѣ, производство почти пріостановилось. Паденіе биржевыхъ цѣнностей, кризисъ въ области кредита и денежнаго рынка должны были внести еще большія осложненія въ промышленную жизнь. Страна, въ экономическомъ отношеніи, представляла собою явленіе совершенно необычное: производительныя силы парализованы, весь народно-хозяйственный организмъ въ состояніи омертвѣнія. Благодаря желѣзнодорожной, а затѣмъ и почтово-телеграфной забастовкѣ, ряду вооруженныхъ возстаній, безпрерывной цѣпи карательныхъ экспедицій, дѣйствовавшихъ по всѣмъ правиламъ войны,—деревня оказалась отрѣзанной отъ города, торговые районы—отъ промышленныхъ, промышленные районы—другъ отъ друга. Вмѣсто единаго народно-хозяйственнаго цѣлаго образовался рядъ какъ бы самостоятельныхъ единицъ, вынужденныхъ налаживать свою жизнь независимо отъ интересовъ цѣлаго, а иногда и вопреки имъ [1]), отчего разрушительныя силы кризиса должны были давать себя чувствовать еще сильнѣе какъ цѣлому, такъ и отдѣльнымъ его частямъ... Всеобщая забастовка и повсемѣстныя волненія отразились неблагопріятно

---

[1]) Управляющій кіевской конторой государств. банка разсказываетъ, между прочимъ, такой фактъ: во время почтово-телеграфной забастовки „на мѣстномъ рынкѣ бумаги продавались и покупались по собственному курсу, устанавливаемому мѣстной конторой госуд. банка на каждый день на основаніи отношенія между спросомъ и предложеніемъ въ предыдущій день. И что же? Когда пришли сразу всѣ курсовыя депеши изъ Петербурга, то оказалось, что въ то время какъ въ Петербургѣ курсъ ренты былъ 74,, въ Кіевѣ она совершенно спокойно продавалась по 78 и даже 80 р." (Операціи госуд. банка въ 1904 и 1905 г. „Вѣстн. Фин." 1906 г. № 18). Конечно, Кіевъ составлялъ только рѣдкое исключеніе. Въ видѣ общаго правила, разобщеніе торгово-промышленныхъ центровъ могло только усилить панику и повести къ стремительному паденію биржевыхъ цѣнностей.

на положеніи крестьянскихъ промысловъ. Кустари, въ виду сокращенія сбыта и пріостановки работъ на фабрикахъ, вынуждены были сократить свое производство [1]). Уменьшился и отходъ: большинство уходившихъ не находили заработка, а многіе совсѣмъ предпочитали сидѣть дома, опасаясь тревожнаго времени [2]). Всѣ эти обстоятельства, въ свою очередь, вліяли угнетающе на настроеніе рынка.

Естественно, что ударъ, нанесенный промышленности, былъ слишкомъ грозенъ для того, чтобы послѣдствія его не сказались и въ 1906 году, если бы даже въ этомъ послѣднемъ и не было на лицо условій, способныхъ сами по себѣ создать промышленную депрессію. Но такія условія въ 1906 г. были. Революціонное движеніе, хотя и значительно ослабѣвшее, продолжалось и временами, до начала осени, сказывалось довольно интенсивно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, первое декабрьское пораженіе революціи дало возможность силамъ, ей враждебнымъ, выступить на борьбу съ большей энергіей; начало года отмѣчено введеніемъ почти повсемѣстно военнаго положенія и чрезвычайныхъ охранъ, истребительнымъ дѣйствіемъ карательныхъ отрядовъ, организаціей черносотенныхъ бандъ, оказавшихся впослѣдствіи полными хозяевами многихъ городовъ и весей россійскихъ. Эта мобилизація реакціонныхъ силъ, проявившая всецѣло свое вліяніе на промышленность позже, ко времени окончательнаго торжества „успокоенія", уже и теперь дезорганизовала промышленную жизнь, отдавая цѣлыя области подъ власть военной диктатуры. Измѣнилась и обстановка, въ которой протекало рабочее движеніе. Оно все еще остается весьма значительнымъ: въ первую половину 1906 г. въ политическихъ забастовкахъ принимаютъ участіе около 450 тыс. рабочихъ, въ экономическихъ — около 300 тыс. Особенно массовой характеръ носила первомайская забастовка, охватившая почти всѣ большіе и малые промышленные города; въ лѣтніе мѣсяцы политическое движеніе широко охватило Донецкій горнозаводскій районъ. Въ общемъ, однако, замѣчается паденіе политической энергіи рабочаго класса; первая годовщина январьскихъ дней 1905 г. вызываетъ однодневную забастовку только въ Петербургѣ и на окраинахъ; политическія стачки, за исключеніемъ немногихъ случаевъ,

---

[1]) „Забастовки, если и улучшили положеніе трудящихся, то это замѣчается лишь на крупныхъ фабрикахъ и заводахъ, на положеніи мелкой кустарной промышленности онѣ отразились неблагопріятно: кустари по большей части не работали лишь въ силу обстоятельствъ и потому отъ забастовки ничего не выиграли. На неблагопріятное вліяніе забастовокъ жалуются 34 корреспондента, 15 говорятъ о прогулахъ". (Статистич. ежегодникъ московск. губ. за 1906 г. Промыслы въ 1905—1906 г.).

[2]) „Боимся идти, говорили крестьяне, времена нынѣ, вишь, какія, вездѣ разнаго рода безпорядки. Посидимъ лучше дома" (Петровск. у. Сборникъ статист. свѣдѣній по саратовской губ.) „Отходъ въ Баку въ виду безпорядковъ уменьшился" (Вольск. у.) и т. д.

собираютъ все меньше рабочихъ и протекаютъ все болѣе кратко; если еще продолжается ихъ удручающее вліяніе на промышленность, то это, какъ мы уже отмѣчали, вліяніе отраженное, какъ рецидивъ паники имущихъ классовъ предъ октябрьской всеобщей забастовкой. Постепенно страшныя воспоминанія сглаживаются, упадокъ энергіи рабочихъ становится несомнѣннымъ и вліяніе политическихъ забастовокъ почти аннулируется.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ совершенно иныхъ условіяхъ начинаетъ протекать и экономическая борьба рабочихъ. Мы видѣли выше, что въ 1905 году борьба эта, въ подавляющемъ большинствѣ, заканчивалась сравнительно быстрой побѣдой рабочихъ, а экономическія требованія, въ массѣ своей умѣренныя, тѣмъ быстрѣе удовлетворялись предпринимателями, что скорѣе отставали отъ положенія промышленности, чѣмъ его опережали. Событія конца года измѣнили общій характеръ экономической борьбы рабочихъ. Красный призракъ, если не революція, то возможности осуществленія революціоннымъ путемъ требованій рабочихъ побуждаетъ предпринимателей выступить съ активнымъ сопротивленіемъ рабочему движенію, на что они осмѣливаются тѣмъ легче, что могутъ дѣйствовать подъ прикрытіемъ наступающей реакціи. Каждая стачка рабочихъ разсматривается не только, какъ обычная борьба рабочихъ за улучшеніе экономическаго положенія, но какъ признакъ возобновляющейся революціи. Отказъ въ удовлетвореніи требованій не прикрывается ссылкой на затруднительное положеніе промышленности, а открыто объявляется какъ актъ, вызванный необходимостью укротить рабочихъ и убить въ нихъ всякую активность. Экономическая борьба принимаетъ самыя ожесточенныя формы классовой борьбы, какихъ почти не зналъ 1905 годъ. Если въ 1905 году закрытіе фабрикъ, исключительно въ виду забастовокъ, наблюдалось сравнительно рѣдко, то теперь предприниматели прибѣгаютъ къ нему съ большой готовностью; если въ 1905 году о локаутахъ ничего не было слышно, то въ 1906 году предприниматели обращаются и къ этому суровому орудію борьбы съ рабочими: уже съ лѣта въ разныхъ мѣстахъ отмѣчается рядъ локаутовъ (типографскіе въ Москвѣ и Кіевѣ, портныхъ въ Москвѣ и т. д.) [1]), закончившіеся въ концѣ года грандіознымъ локаутомъ въ Лодзи. Экономическая борьба рабочихъ становится чрезвычайно трудной; число забастовокъ, оканчивающихся въ пользу рабочихъ, падаетъ: въ 1905 г., напр., рабочими проиграно стачекъ, въ которыхъ въ качествѣ главной причины выставлялась заработная плата, 19%, въ 1906 г. — 24,8%, въ частности, при требованіи увеличенія платы въ 1905 г. рабочіе проиграли 18,6%, въ 1906 г.— 23,7%. Репрессіи со стороны предпринимателей, попытки ихъ возвратиться

---

[1]) Подробности см. у Д. Кольцова, II т. „Обществ. движенія", стр. 296 и сл.

къ до-революціоннымъ фабричнымъ порядкамъ, неудачный исходъ стачекъ приводятъ нѣкоторую часть рабочихъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ, которыя, въ свою очередь, даютъ поводъ предпринимателямъ усилить репрессіи. Въ такомъ, крайне напряженномъ, состояніи протекаетъ фабричная жизнь, пока не разразится локаутомъ, общимъ или частичнымъ разсчетомъ или закрытіемъ фабрики. При тяжеломъ наслѣдіи, полученномъ отъ 1905 г., всѣ эти условія могли только усилить промышленную депрессію.

На протяженіи почти всего 1906 г. рынокъ, за немногими исключеніями, остается вялымъ. Горнозаводскихъ продуктовъ, благодаря забастовкамъ конца 1905 г., на рынкахъ мало, цѣны, вслѣдствіе этого, естественно повышаются, но это не приводитъ къ оживленію ни производства, ни торговли. Особенно тяжелое время выпало на долю Царства Польскаго. Спросъ на продукты желѣзной промышленности падаетъ до крайности. Вслѣдствіе полной пріостановки строительныхъ сооруженій спросъ на балки понизился на 80% противъ обычной нормы [1]). Уменьшеніе казенныхъ заказовъ и значительное сокращеніе экспорта въ имперію желѣзныхъ и стальныхъ издѣлій, достигавшихъ ранѣе 60% годового производства, и, какъ слѣдствіе—сокращеніе работъ на машиностроительныхъ и металлическихъ заводахъ—оказали подавляющее вліяніе на польскій желѣзный рынокъ. Спросъ на всѣ сорта желѣза сильно сократился, въ особенности на сортовое высшихъ размѣровъ. Со стороны складчиковъ совершенно прекратились требованія желѣза на склады для пополненія запасовъ, а выписывалось только такое количество, которое требовалось у нихъ фабриками. Цѣны сильно пали уже въ мартѣ, при чемъ заводы дѣлали скидку до 50%, а въ дальнѣйшемъ основныя цѣны вообще перестали служить руководствомъ при заключеніи сдѣлокъ и уступили мѣсто предѣльной расцѣнкѣ, зависящей всецѣло отъ количества пудовъ и понижающейся въ зависимости отъ величины покупаемой партіи желѣза. Столь необычайное разстройство торговли заставило нѣкоторые заводы перейти на производство тонкосортнаго желѣза, но и эта попытка спасти положеніе закончилась неудачей, какъ и попытка экспортировать желѣзо въ Силезію и Австрію. Въ другихъ районахъ кризисъ не носилъ столь опустошительнаго характера, но все же протекалъ при тяжелыхъ условіяхъ. Цѣны на чугунъ, какъ и на сортовое желѣзо, держались до осени твердо, но все-же на рынкѣ не замѣчалось оживленія и спросъ въ сколько-нибудь удовлетворительномъ масштабѣ отсутствовалъ. Лѣтомъ совѣту съѣздовъ горнопромышленниковъ юга Россіи пришлось констатировать полный застой въ промышленности. „Уже въ настоящее время, писалъ совѣтъ директору горнаго департамента, многіе заводы работаютъ неполное число дней въ недѣлю вслѣдствіе отсутствія за-

[1]) По „Сборнику статистич. свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи въ 1906 г.“ и по Отчету горнаго департамента за 1906 и 1907 г.

казовъ преимущественно на крупносортный товаръ. Особенныя затрудненія испытываетъ производство балокъ вслѣдствіе сокращенія строительной дѣятельности, а также производство рельсовъ вслѣдствіе прекращенія желѣзнодорожнаго строительства. Предвидится въ скоромъ времени сокращеніе сортоваго желѣза вслѣдствіе упадка спроса на него. Уже теперь на многихъ заводахъ работа идетъ на складъ и заводы несутъ при этомъ значительныя финансовыя жертвы, обусловленныя дороговизной денегъ, стѣсненіемъ кредита и полнымъ отсутствіемъ видовъ на будущее" [1]). И, дѣйствительно, соотношеніе между запасами и производствомъ подтверждаетъ наличность серьезныхъ затрудненій въ горнозаводской промышленности. Запасы чугуна съ февраля по май уменьшаются (съ 45,3 м. п. до 40,8 м. п., т. е. почти на 10%), съ мая по конецъ года увеличиваются (съ 40,8 до 49,7 м. п., т. е. почти на 18%), превысивъ въ концѣ года запасы не только конца 1904 г., но и 1905 г. Между тѣмъ, выплавка чугуна, нѣсколько оживившись въ весенніе мѣсяцы, заканчивается превышеніемъ выплавки второго полугодія надъ выплавкой перваго полугодія, т. е. уменьшеніе запасовъ въ первое полугодіе не привело, какъ это было бы въ нормальное время, къ увеличенію выплавки, а увеличеніе запасовъ во вторую половину года не остановило заводы отъ работы надъ пополненіемъ и безъ того возрастающихъ запасовъ. Запасы полупродукта до сентября стоятъ на одномъ уровнѣ, а затѣмъ немного увеличиваются, но и производство также повышается въ концѣ года, оставаясь до того на одномъ уровнѣ, т. е. и здѣсь нѣкоторое увеличеніе производства не вызвано увеличеніемъ спроса. Если мы обратимся, въ частности, къ южному району, то и тамъ увидимъ, что вывозъ полупродукта и готоваго продукта, вообще болѣе слабый, чѣмъ въ 1905 г, падаетъ во вторую половину 1906 г.—и однако производство продолжаетъ оставаться приблизительно на такомъ же уровнѣ, какъ въ первомъ полугодіи. Такія колебанія въ производствѣ и несогласованіе его съ наличностью запасовъ всецѣло отражало отсутствіе на рынкѣ спроса.

Совѣтъ съѣздовъ горнопромышленниковъ юга Россіи уменьшеніе вывоза полупродукта и готоваго продукта ставитъ въ прямую связь какъ съ „уменьшеніемъ заказовъ на рельсы и принадлежности для желѣзныхъ дорогъ вслѣдствіе прекратившагося желѣзнодорожнаго строительства", такъ и съ „сокращеніемъ дѣятельности машиностроительныхъ и механическихъ заводовъ и общимъ значительнымъ ослабленіемъ народнаго спроса" [2]). И, въ самомъ дѣлѣ, число дѣйствовавшихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ въ 1906 г., по сравненію съ 1905 г., испытало существенное сокращеніе: въ декабрѣ 1905 г. насчитывалось дѣйствовавшихъ заводовъ 199, домнъ 155, въ началѣ 1906 г.

---

[1]) „Горнозав. Листокъ", 1906 г. № 28.

[2]) Докладъ совѣта экстренному съѣзду въ маѣ 1907 г.

число ихъ увеличивается (въ мартѣ, напр., дѣйствовало заводовъ 204, домнъ 160), но затѣмъ, все понижаясь, оно опускается въ августѣ до 182 для заводовъ и 112 для домнъ, послѣ августа число дѣйствовавшихъ заводовъ и домнъ немного повышается, но и въ декабрѣ остается меньшимъ, чѣмъ въ декабрѣ 1905 г.; точно также и число рабочихъ съ 263,4 т. чел. въ январѣ опускается до 236,6 т. въ іюнѣ и затѣмъ до конца года остается на уровнѣ болѣе низкомъ (240 – 248 т.), чѣмъ въ началѣ года [1]). По даннымъ фабричной инспекціи, „наибольшее вліяніе неблагопріятныхъ условій отразилось на механическихъ заводахъ, значительно сократившихъ число рабочихъ“ [2]). Такое сокращеніе отмѣчено на Брянскомъ заводѣ (орловск. губ.), на Тульскомъ патронномъ заводѣ, на Сормовскомъ и т. д.; въ харьковскомъ округѣ „наличный составъ рабочихъ далеко не былъ использованъ въ надлежащей нормѣ вслѣдствіе того, что нѣкоторыя промышленныя заведенія, во избѣжаніе сокращенія штата рабочихъ, производили работу при уменьшенной нормѣ рабочаго времени въ продолженіе дня или въ продолженіе недѣли (три, четыре дня въ недѣлю)“.

Надежнымъ показателемъ кризиса горнозаводской промышленности можетъ также служить совершенно исключительное увеличеніе въ 1906 г. вывоза горнозаводскихъ продуктовъ за границу. Такъ, вывезено было (въ тыс. пуд.):

	1903 г.	1904 г.	1905 г.	1906 г.
Желѣзной руды . .	18.988	16.590	13.561	28.765
Чугуна	22	50	59	1.274
Желѣза	530	356	412	1.443
Стали	18	29	454	534

Вывозъ всѣхъ продуктовъ 1906 г. возросъ по сравненію съ 1905 г. чрезвычайно: руды болѣе, чѣмъ въ два раза, чугуна болѣе, чѣмъ въ 20 разъ, желѣза болѣе, чѣмъ въ 3 раза, и стали на 15% больше. Достаточно простого сопоставленія этихъ данныхъ, чтобы убѣдиться, что столь внезапное увеличеніе вывоза явилось результатомъ какихъ-либо исключительныхъ обстоятельствъ. Послѣднія станутъ вполнѣ понятными, если вспомнить, что въ 1906 г. всемірный желѣзный рынокъ находился въ блестящемъ состояніи: германскій стальной синдикатъ, въ виду большихъ заказовъ, отказался отъ дешевой продажи продукта на вывозъ, приблизительно въ такомъ же положеніи находился американскій стальной трестъ и заводы Англіи, Бельгіи и Франціи [3]). Цѣны на міровомъ рынкѣ росли, спросъ на продуктъ не ослабѣвалъ. Неудивительно, если наши горнопромышленники воспользовались

---

[1]) По „Своду статист. данныхъ по желѣзодѣлат. промышленности“ за соотвѣтствующіе мѣсяцы.

[2]) Сводъ отчетовъ фабр. инспекторовъ за 1906 г., стр. III.

[3]) Мукосѣевъ, цит. статья.

столь благопріятными условіями, чтобы сплавить за границу хотя бы часть продуктовъ, не находящихъ сбыта на внутреннемъ рынкѣ. При сколько-нибудь сносномъ состояніи внутренняго рынка они ни когда не пытались овладѣть даже доступными внѣшними рынками и только платонически мечтали о завоеваніи рынковъ Ближняго Востока, и лишь въ годы кризиса естественно старались усиленно сбыть продуктъ за границу: вывозъ чугуна за границу въ 1902 г., т. е. въ годъ кризиса, превысилъ даже (3.348 т. п.) вывозъ 1906 г., а въ слѣдующемъ, сравнительно благополучномъ, 1907 г. сразу палъ до 22 т. п. Такой именно характеръ носилъ и вывозъ 1906 г., на что, помимо прочаго, указываетъ какъ пониженіе русскими заводами цѣнъ на заграничные заказы [1]), такъ и исходатайствованіе ими дешеваго вывозного тарифа. При нормальномъ тяготѣніи къ внѣшнему рынку не было, конечно, нужды понижать цѣны и хлопотать объ удешевленномъ провозѣ.

Нефтяная промышленность въ 1906 г. еще далеко не оправилась отъ августовскаго погрома 1905 г. Несмотря на то, что въ ходъ пущены всѣ скважины, способныя давать нефть (въ декабрѣ число дѣйствовавшихъ скважинъ достигло 1.642—цифры, какая не наблюдалась за все время существованія бакинской промышленности), общая добыча 1906 г. (417,8 м. п.) превысила добычу 1905 г. всего на 87 м. п. и осталась далеко позади добычи 1904 г. (611,6 м. п.). Отчасти добыча нефти понизилась подъ вліяніемъ забастовокъ, которыя въ Баку, какъ и всюду, носили болѣе острый характеръ. Лѣтомъ начались частичныя забастовки, которыя вскорѣ одновременно охватили значительную часть промысловъ. Забастовки были вызваны отступленіемъ предпринимателей отъ декабрьскаго договора 1904 г. [2]), продолжались мѣстами свыше двухъ мѣсяцевъ [3]) и закончились только частичнымъ удовлетвореніемъ требованій рабочихъ. Однако на положеніе нефтяной промышленности въ 1906 г., по преимуществу, вліялъ августовскій погромъ, отъ котораго оправиться было вообще не легко, въ особенности же при крайне напряженной политической атмосферѣ. Въ результатѣ вывозъ нефти на рынокъ палъ значительно ниже 1905 г. (329,0 вмѣсто 376,0 въ 1905 г.), а цѣны на нефть поднялись еще выше.

Недостатокъ на рынкѣ нефти и сильное ея вздорожаніе отразились благопріятно на положеніи каменно-угольной промышленности, сдѣлавъ для нея

---

1) По сообщенію „Петерб. Экономиста", „наши заводы, когда у нихъ были затребованы цѣны на вагоны для итальянскихъ дорогъ, дали такую раскладку, предъ которой не могутъ устоять ни рейнскіе, ни силезскіе заводы".

2) Даже отчетъ Горнаго департамента вынужденъ признать, „что въ нѣкоторыхъ случаяхъ и промышленники своимъ отношеніемъ къ декабрьскому договору 1904 г. способствовали развитію неудольствій среди рабочихъ и этимъ вызывали забастовки" (Отчетъ за 1906 и 1907 г., стр. 437).

3) Забастовка продолжалась у Нобеля 71 день, у Касп. Черноморск. Общ. 62 дня, у Олеумъ 60 дней и т. д.

общій кризисъ менѣе чувствительнымъ. Всѣ потребители жидкаго минеральнаго топлива, и въ особенности желѣзныя дороги, должны были по необходимости перейти на твердое топливо, благодаря чему спросъ на него значительно увеличился. Такъ, потребленіе угля (Донецк. р.) главнѣйшими категоріями потребителей въ 1906 г. по сравненію съ 1905 г. представляется въ такомъ видѣ (въ мил. п.):

	1906 г.	1905 г.
а) Желѣзныя дороги	246	163
въ томъ числѣ взамѣнъ нефти .	41	7
б) Металлургическ. заводы	144,7	141,7
въ томъ числѣ взамѣнъ нефти .	3	0,9
в) Прочіе потребители	257,5	210,1
въ томъ числѣ взамѣнъ нефти .	17	3,1
г) Сахарные заводы	54,8	39
Всего	703	553
въ томъ числѣ взамѣнъ нефти .	61	11

Такимъ образомъ, какъ въ итогѣ, такъ и для отдѣльныхъ потребителей увеличеніе потребленія вызвано почти исключительно переходомъ съ нефти на уголь. Если бы бакинская промышленность могла поставить нужное количество нефти, потребленіе угля, за исключеніемъ сахарныхъ заводовъ, осталось бы на уровнѣ 1905 г.,—иначе говоря, повышенный сбытъ угля былъ вызванъ исключительными обстоятельствами и нисколько не противорѣчилъ общему застою промышленности. Поэтому и общее увеличеніе добычи въ 1906 г. не можетъ быть разсматриваемо, какъ результатъ оживленія каменноугольной промышленности. Въ 1906 г. добыто въ Донецкомъ бассейнѣ 908,6 м. п. противъ 795,9 м. п. 1905 г., т. е. съ увеличеніемъ почти на 113 м. п., но если отсюда исключить потребленіе угля взамѣнъ нефти, то увеличеніе добычи падетъ больше, чѣмъ на половину. Кромѣ того, имѣются и другіе признаки того, что, несмотря на кажущееся оживленіе, положеніе каменноугольной промышленности было далеко не благопріятнымъ. Расходъ угля на коксованіе понизился съ 133,3 м. п. въ 1905 г. до 118,5 м. п. въ 1906 г., въ связи съ чѣмъ и производство кокса упало съ 103 м. п. до 94,2 м. п. Запасы, несмотря на возможность замѣна нефти углемъ, къ концу года понижаются всего на 10 м. п. (съ 63,9 м. п. до 53 м. п.), оставаясь въ такомъ же положеніи, въ какомъ они были въ концѣ 1905 г. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно увеличивается вывозъ минеральнаго топлива за границу (въ 1906 г. 5.709 т. п. противъ 3.252 т. п. 1905 г.—увеличеніе на 75,6%), который, нося такой же характеръ, какъ вывозъ прочихъ горнозаводскихъ продуктовъ, указываетъ только на необходимость вывести на иностранный рынокъ продуктъ, не находящій сбыта на

внутреннемъ рынкѣ. Въ итогѣ можно признать, что общаго кризиса въ 1906 г. не избѣжала и каменноугольная промышленность, при чемъ острота его только смягчалась кризисомъ нефтяной промышленности.

Въ этой картинѣ общаго кризиса особое мѣсто занимаетъ мануфактурная промышленность. Въ началѣ года мануфактурный рынокъ проходилъ въ настроеніи вяломъ. Январьскій пріѣздъ купцовъ въ Москву былъ на 20% меньше противъ пріѣзда 1904 г., горячки въ закупкахъ не замѣчалось; въ виду недостатка товара цѣны стояли крѣпкія, что вызвало прибавку цѣнъ какъ на морозовскій, такъ и на ивановскій товаръ, при чемъ съ лѣта 1905 г. ивановскіе ситцы повысились на $2^1/_4$ к. и морозовскій на 2 к. [1]). Въ Бѣлостокѣ отсутствіе спроса, въ связи съ дороговизной кредита, заставили фабрикантовъ поставить вопросъ, не выгоднѣе ли пріостановить производство на мѣсяцъ-два, а то и на полгода; работы идутъ не полную недѣлю, по 4—3 дня изъ шести [2]). Въ такомъ же угнетенномъ состояніи остается бѣлостокскій рынокъ и въ февралѣ: „если бы не нѣсколько крупныхъ сдѣлокъ, рынокъ находился бы въ состояніи полнаго затишья“ [3]); фабриканты встревожены слухами о весеннихъ забастовкахъ рабочихъ съ цѣлью новаго повышенія платы, при чемъ тревоги эти настолько велики, что фабриканты, во избѣжаніе забастовокъ въ разгаръ сезона, пускаются на надувательство: просятъ крупныхъ покупателей пріѣхать попозже, дабы интенсивной работой накопить побольше товара [4]). Въ Москвѣ февральскій пріѣздъ покупателей хуже двухъ предыдущихъ лѣтъ; отчетъ Цинделя виды на будущее ставитъ въ зависимость „отъ внутренняго политическаго положенія въ странѣ“ [5]). Но уже начало весенняго сезона вноситъ въ мануфактурную торговлю небывалое оживленіе. Въ мартѣ на бѣлостокскомъ рынкѣ „сильное оживленіе; удовлетворить всѣ требованія фабриканты, за отсутствіемъ на складахъ готоваго товара, не въ состояніи“ [6]); въ Лодзи „фабрики завалены заказами, покупатели охотно соглашаются на повышеніе цѣнъ; предусмотрительность фабрикантовъ не спасла ихъ отъ забастовокъ: въ мартѣ рабочіе выставили рядъ экономическихъ требованій—въ результатѣ закрытіе фабрикъ Познанскаго и Шейблера съ 15 т. рабочихъ. Въ Москвѣ майская торговля носитъ лихорадочный характеръ: къ іюню склады очистились, какъ никогда раньше; на ситецъ снова послѣдовала прибавка 1 к., такъ что цѣна его къ 1 іюня повысилась до 14 к.—„такихъ цѣнъ московскій рынокъ не помнитъ современи турец-

---

[1]) „Торг.-Пром. Газ.“, 1906 г. № 6.
[2]) „Торг.-Пром. Газ.“, 1906 г., № 22.
[3]) „Торг.-Пром. Газ.“, 1906 г., № 44.
[4]) „Торг.-Пром. Газ.“, 1906 г., № 35.
[5]) „Торг.-Пром. Газ.“, 1906 г., № 55.
[6]) „Торг.-Пром. Газ.“, 1906 г., № 62.

кой войны" [1]). Въ Лодзи въ іюлѣ „недостатокъ товара небывалый; въ то время, какъ обыкновенно крупнѣйшія фабрики располагали въ отдѣльности по милліону кусковъ, а среднія не менѣе 300 т. штукъ, теперь во всей Лодзи не будетъ 500 штукъ товара" [2]); цѣны повысились на 10%. Къ осени, какъ увидимъ ниже, дѣла становятся хуже, настроеніе рынка сильно понижается. Но въ теченіе весны и всего лѣта рынокъ проходитъ при чрезвычайно напряженномъ состояніи. Усиленный спросъ и систематическій подъемъ цѣнъ вызвали усиленіе производства и даже возникновеніе ряда новыхъ промышленныхъ предпріятій. Такъ, въ владимірской губерніи въ 1906 г. открылось 6 паровыхъ бумаготкацкихъ фабрикъ съ 1.005 ткацкими станками и 3 льноткацкія фабрики съ 148 механическими станками; при этомъ характерно, что основатели новыхъ фабрикъ раньше большей частью занимались раздачею пряжи для ручного ткачества кустарямъ, а теперь, закрывъ свои раздаточныя конторы, перешли на механическое ткачество [3]). На шуйскихъ фабрикахъ въ теченіе года поставлено 200 новыхъ механическихъ станковъ. На ситцепечатныхъ и красильныхъ фабрикахъ усиленіе производства достигалось какъ постановкою новыхъ машинъ, такъ и переходомъ съ денной на суточную работу и вообще усиленіемъ комплекта рабочихъ [4]). Не меньшее оживленіе наблюдалось въ текстильной промышленности московской губерніи; и здѣсь ставились новыя машины, расширялись фабричныя помѣщенія, увеличилось число рабочихъ [5]).

Чѣмъ было вызвано это оживленіе мануфактурной промышленности, вступавшей какъ будто въ полосу подъема въ то время, какъ въ другихъ отрасляхъ промышленности царилъ кризисъ? Несомнѣнно, здѣсь, прежде всего, продолжало сказываться прекращеніе войны. Мы видѣли уже, что лѣтомъ 1905 г. мануфактурная промышленность проявила признаки значительнаго оживленія. Это благотворное вліяніе прекращенія войны было прервано позднѣйшими событіями, когда вся вообще жизнь была выбита изъ колеи, а промышленная жизнь временами и совсѣмъ замирала. Когда же спала наиболѣе бурная волна революціи и жизнь стала хотя бы относительно возвращаться къ нормѣ, вліяніе прекращенія войны должно было возобновиться. Пробѣлы, образовавшіеся въ народномъ потребленіи, могли теперь восполниться; въ теченіе первой половины 1906 г. продолжалась демобилизація арміи, крестьянское хозяйство получило обратно рабочія силы, которыхъ оно лишилось на время войны; нарушенное въ крестьянскомъ хозяйствѣ равновѣсіе по-

1) „Торг.-Пром. Газ.", 1906 г., № 127.

2) „Торг.-Пром. Газ.", 1906 г., № 160.

3) Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1906 годъ, стр. 10.

4) Значительно увеличили число станковъ ткацкія фабрики Шуи, Кохмы, Иванова, Кинешмы и пр. Въ Ивановѣ большинство ситцевыхъ фабрикъ увеличили число печатныхъ машинъ („Торг.-Пром. Газ.", 1906 г. № 217).

5) Сводъ отчетовъ фабр. инспекторовъ за 1906 г., стр. V.

немногу возстанавливалось, въ результатѣ чего крестьянскій потребительный рынокъ могъ только укрѣпиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ на оживленіе мануфактурнаго рынка должно было оказать вліяніе наступившее въ странѣ, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ обостренной борьбы, относительное спокойствіе. Въ разгаръ революціи торговля прекратилась, склады не пополнялись, въ торговыхъ оборотахъ образовалась угрожающая брешь. Поэтому, какъ только представилась возможность, торговцы стали энергично пополнять склады въ разсчетѣ на усиленный сбытъ и въ надеждѣ интенсивной торговлей вознаградить себя за понесенные убытки. Но, помимо того, имѣются основанія предположить, что въ оживленіи рынка начало проявляться положительное вліяніе революціи на промышленность. Въ процессѣ политической борьбы широкія народныя массы боролись и за улучшеніе своего экономическаго положенія; параллельно политической борьбѣ, а часто и въ сторонѣ отъ нея, шла борьба за повышеніе уровня жизни, за лучшее матеріальное существованіе. Несомнѣнно, что эта экономическая борьба на первыхъ порахъ дала благопріятные результаты. Мы видѣли, что заработная плата фабричныхъ рабочихъ повысилась въ среднемъ на 19%, повысилась плата и прочихъ категорій рабочихъ, какъ и торговыхъ служащихъ, портовыхъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и другихъ группъ трудящихся, принимавшихъ участіе въ экономической борьбѣ. Аграрное движеніе, въ свою очередь, привело къ тому, что въ однихъ мѣстахъ повысилась плата сельскихъ рабочихъ, въ другихъ — понизилась арендная плата, въ третьихъ—уменьшились земельныя цѣны [1]). Все это не могло не улучшить до нѣкоторой степени экономическаго положенія нѣкоторыхъ слоевъ населенія и не усилить, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ покупательной способности. Съ этой точки зрѣнія характерно особенное оживленіе тѣхъ именно отраслей мануфактурной промышленности, которыя изготовляютъ продукты массоваго потребленія. Мы отмѣчали уже энергичное повышеніе цѣнъ на ситецъ, выдѣляющееся тоже среди общаго повышенія цѣнъ мануфактурныхъ товаровъ: къ іюню ситецъ поднялся до цѣны, какой не зналъ московскій рынокъ со времени турецкой войны. Усиленіе производства также замѣтно болѣе значительное во владимірской губерніи и, въ частности, въ иваново-вознесенскомъ районѣ, работающемъ, по преимуществу, на народный рынокъ. Характеръ

1) Анкета вольно-экономическаго общества показываетъ, что, напр., въ юго-западномъ краѣ плата сельскихъ рабочихъ мѣстами повысилась на 40—50% (Труды общества, № 4—5 1908 г., стр. 39), для малороссійскихъ губерній измѣненіе платы констатируется „въ благопріятную сторону по всѣмъ тремъ губерніямъ" (ib., стр. 294). Въ центральныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ арендная плата понизилась въ среднемъ на 35%, а земельная цѣна на 16% (Труды, № 3, 1908 г., стр. 53); понизилась арендная цѣна и въ средне-волжскихъ губерніяхъ (ib., стр. 103). Вообще, „въ районахъ преобладанія мелкой продовольственной аренды, гдѣ крестьянство боролось за землю, произошло пониженіе арендной платы и усилилось предложеніе помѣщичьихъ земель крестьянскому банку". (Петръ Масловъ. Аграрный вопросъ въ Россіи. Т. II, стр. 445).

оживленія въ иваново-вознесенскомъ районѣ показываетъ, что оно шло исключительно въ счетъ усиленія ситцебумажнаго производства. Такъ, на ситцепечатныхъ фабрикахъ Иваново-Вознесенска число рабочихъ въ 1906 г., по сравненію съ 1904 г., увеличилось, въ среднемъ, на 18,6%, въ то время какъ на ткацкихъ фабрикахъ число рабочихъ уменьшилось на 0,7%; количество произведеннаго продукта на ситцепечатныхъ фабрикахъ увеличилось на 6,5%, а на ткацкихъ понизилось на 6,01%; точно также и улучшеніе технической стороны производства послѣдовало только на ситцепечатныхъ и ситценабивныхъ фабрикахъ, на ткацкихъ же и прядильныхъ фабрикахъ техника производства не улучшилась или даже понизилась [1]). Очевидно, небывалый подъемъ цѣнъ на ситецъ и усиленіе ситцебумажнаго производства могло явиться результатомъ возросшаго народнаго потребленія, какъ и это послѣднее должно было покоиться на увеличеніи покупательной способности населенія

Оживленіе мануфактурной промышленности продолжалось не долго, потому что непрочнымъ оказалось и вліяніе тѣхъ силъ, которыя его вызвали. Экономическія завоеванія рабочихъ и крестьянъ скоро обнаружили полную свою эфемерность. Сильное вздорожаніе всѣхъ продуктовъ привело, въ концѣ концовъ, къ тому, что реальная плата понизилась; мы видѣли, напр., что реальная заработная плата рабочихъ по металлу въ 1906 г., по сравненію съ 1904 г., уменьшилась на 5,1%, для сельскихъ рабочихъ въ нѣкоторыхъ районахъ реальная заработная плата понизилась на 25% [2]). Уже одно это обстоятельство должно было быстро возвратить покупательную способность къ прежнему низкому уровню. Кромѣ того, положеніе рабочихъ вообще шло на ухудшеніе. Кризисъ промышленности понижалъ заработки: фабрики работали не полнымъ ходомъ и не всѣ дни недѣли, временныя закрытія предпріятій, разсчетъ рабочихъ и локауты увеличивали армію безработныхъ. Работы на помѣщичьихъ поляхъ подъ охраной ингушей и казаковъ едва-ли помогли сельскимъ рабочимъ удержать за собою долго повышенную плату. Уменьшеніе арендной платы и земельныхъ цѣнъ, вообще благопріятное для болѣе состоятельной части крестьянства, было парализовано дѣятельностью крестьянскаго банка, а въ послѣдующемъ и землеустроительной политикой правительства: „ставки на сильныхъ" отбрасывали слабыхъ къ старому разбитому корыту. Въ довершеніе неурожай, поразившій въ 1906 г. рядъ губерній, снова подѣйствовалъ разрушающе на крестьянское хозяйство и ставилъ на очередь вопросъ не объ оживленіи внутренняго рынка, а о прокормленіи милліоновъ россійскихъ гражданъ. Все это не замедлило сказаться на ману-

---

[1]) В. Корде. Отраженіе 1905 г. на состояніи ситцебумажнаго производства Иваново-Вознесенска. „Вѣстн. Фин." 1909, № 52.

[2]) Масловъ. Аграрный вопросъ. Т. II, стр. 450.

фактурной промышленности и сдѣлать ея оживленіе скоропреходящимъ. Въ сентябрѣ и октябрѣ проѣздъ покупателей въ Москву былъ на 50% ниже нормы, а общій оборотъ торговли ниже средняго уровня за три мѣсяца предъидущихъ лѣтъ; тормозили торговлю „переживаемый нѣкоторыми губерніями неурожай и общее невыясненное внутреннее положеніе" страны [1]). Въ Бѣлостокѣ въ это время также наступило затишье: заказовъ мало, съѣздъ покупателей ослабѣлъ, торговля вообще вялая; „застой объясняютъ угнетеннымъ состояніемъ суконно-мануфактурныхъ рынковъ въ Москвѣ, Царствѣ Польскомъ и на Кавказѣ, которые сократили спросъ до минимума, между тѣмъ какъ въ предшествовавшіе годы, къ наступленію зимняго сезона, вывозъ товаровъ въ упомянутые пункты выражался относительно въ 23—31% болѣе" [2]). Въ такомъ положеніи рынокъ оставался до конца года, когда въ Москвѣ снова началось оживленіе, но уже по инымъ причинамъ, чѣмъ раньше.

Положеніе мануфактурной промышленности въ 1906 г., какъ сказано, было только исключеніемъ. Всѣ остальныя отрасли промышленности, какъ и торговли, переживали тяжкій кризисъ. Нижегородская ярмарка этого года получила въ торговыхъ кругахъ кличку „безтолковой"—дотого непостояннымъ и колеблющимся оставалось ея настроеніе. Отчеты „Вѣстн. Финанс.", пытающіеся пріукрасить конечные результаты ярмарки, вынуждены, однако, признать, что „къ 25 іюля, когда уже выясняется болѣе или менѣе опредѣленно физіономія ярмарки, она оставалась столь же невыясненной, какъ и въ началѣ". Въ общемъ ярмарка протекала какъ подъ вліяніемъ кризиса, такъ и подъ опасеніемъ новаго взрыва экономическихъ и въ особенности политическихъ забастовокъ. „Всѣ разсчеты, читаемъ въ „Вѣстн. Фин.", путались вслѣдствіе неизвѣстности: будутъ ли фабрики и заводы работать нормальнымъ ходомъ, слѣдуетъ ли ожидать дальнѣйшаго подъема цѣнъ, и безъ того сильно взвинченныхъ, благодаря недостатку товаровъ. или же произойдетъ обратное движеніе цѣнъ; возникали сомнѣнія относительно своевременной и безпрепятственной доставки товаровъ, не говоря уже объ опасеніяхъ болѣе тревожнаго характера, черпаемыхъ изъ обильнаго источника самыхъ преувеличенныхъ, порою совершенно вздорныхъ, слуховъ, циркулировавшихъ въ обществѣ вслѣдъ за роспускомъ Госуд. Думы" [1]). Благодаря этому, ярмарка носила все время нервный характеръ. Начавшійся съѣздъ покупателей внезапно оборвался, наступило затишье, которое къ концу ярмарки смѣнилось новымъ притокомъ покупателей. Дѣла закончились съ успѣхомъ, какъ и слѣдовало ожидать, только въ торговлѣ мануфактурой; цѣны держались все время высокія: по сравненію съ предыдущей ярмаркой, ситецъ шелъ на 20—25% дороже, лодзинскій

[1]) „Торг.-Пром. Газ." 1906 г. № 253.
[2]) „Торг.-Пром. Газ." 1906 г. № 258.
[3]) «Вѣстн. Фин.» 1906 г. № 44.

товаръ на 20%, московскія сукна на 20—25% дороже. Остальныхъ товаровъ на ярмарку было привезено мало, и только поэтому цѣны стояли высокія, взвинченныя какъ синдикатами, такъ и, въ особенности, скупщиками и складчиками. Въ денежныхъ разсчетахъ замѣчалась крайняя осторожность, сроки кредита сокращались до возможнаго минимума, счетъ векселей во всѣхъ банкахъ къ концу ярмарки достигъ только 24.700.000 р., оказавшись почти на 3 м. р. меньше даже 1905 г. (26.400.000 р.), при чемъ въ учетѣ преобладаютъ мелкіе векселя и замѣтно сократился учетъ крупныхъ суммъ въ однѣ руки. Словомъ, при всей своей нервности, ярмарки протекали въ угнетенной атмосферѣ, при полной неувѣренности въ прочности и цѣлесообразности заключаемыхъ сдѣлокъ.

Нижегородская ярмарка отразила на себѣ положеніе всей торговли въ странѣ. Общіе торговые обороты въ 1906 г. должны были быть ниже оборотовъ 1905 г. Послѣдствія бурныхъ событія конца 1905 г., продолжавшееся революціонное движеніе, постоянный страхъ передъ новыми забастовками, неувѣренность въ спокойствіи завтрашняго дня, усилившіяся административныя репрессіи—все это могло только понизить темпъ торговли и съузить размѣры торговыхъ оборотовъ [1]); сумма основныхъ капиталовъ акціонерныхъ торговыхъ предпріятій остались въ 1906 г. почти безъ движенія (по сравненію съ 1905 г. увеличилось всего на 1,1%), а число выданныхъ промысловыхъ свидѣтельствъ на право торговли понизилось на 1,6% [2]). Особенно сильно должны были тормозить торговлю неимовѣрно поднявшіяся товарныя цѣны. Мы будемъ имѣть еще случай коснуться вопроса, связаннаго съ характеромъ и причинами подъема товарныхъ цѣнъ, здѣсь же упомянемъ, что въ 1906 г. цѣны сдѣлали рѣзкій скачекъ кверху: если уровень цѣнъ на всѣ товары въ среднемъ за періодъ 1890—1899 г.г. при-

---

[1]) Изъ Одессы, напр., въ концѣ іюня писали „Торг.-Пром. Газ." (1906 г., № 141): „торговля въ Одессѣ и вообще на югѣ Россіи ухудшается. Изъ-за границы поступленіе товаровъ сокращается довольно замѣтно въ виду значительнаго сокращенія кредита русскихъ фирмъ. Мѣстный банковый кредитъ также стѣсненъ. Товаръ отпускается по преимуществу съ задаткомъ и подъ наложенный платежъ: мѣстная желѣзнодорожная касса уплачиваетъ теперь по наложеннымъ платежамъ 1½ м. р. ежемѣсячно, тогда какъ въ прошломъ году уплата не превышала 700—800 т. р." Изъ Одессы „за первые 7 мѣсяцевъ было вывезено за границу всего 37 м. п. хлѣба, т. е. даже меньше, чѣмъ въ тотъ же періодъ за предыдущій годъ; въ новую хлѣбную кампанію вступили при полномъ истощеніи хлѣбныхъ запасовъ и при возникновеніи продолжительной забастовки рабочихъ и судовыхъ командъ, сильно тормазившихъ правильное движеніе экспорта" (Стат. Экономическій обзоръ херсонской губ. за 1906 г., стр. 82). Отчетъ управленія петербургскаго торговаго порта за 1906 г. также утверждалъ, что дѣятельность порта „значительно сократилась почти по всѣмъ своимъ отпускнымъ статьямъ, за исключеніемъ лишь лѣсного экспорта, который нѣсколько увеличился; результатомъ такой дѣятельности порта явилось то обстоятельство, что общая сумма сборовъ въ 1906 г. понизилась съ 1.015.228 р. въ 1905 г. до 936.945 р., т. е. въ отчетномъ году недовыручено 78.343 р.» «Вѣстн. Фин.» 1907, № 31).

[2]) По даннымъ „Ежегодника Министерства Финансовъ".

пять за сто, то цѣны окажутся возросшими въ 1904 г. до 110,4, въ 1905 г. до 115,1 и въ 1906 г. до 124,2, то же самое въ 1905 г. онѣ увеличились на 4,7, а въ 1906 г. на 9,1. Если такое повышеніе цѣнъ не находитъ себѣ оправданія въ увеличеніи „издержекъ производства", то еще въ меньшей степени оно могло разсчитывать на укрѣпленіе покупательной силы населенія. Въ условіяхъ матеріальнаго существованія широкихъ слоевъ народа никакихъ существенныхъ измѣненій къ лучшему не произошло, а то, что къ лучшему измѣнилось, удержалось слишкомъ не долго для того, чтобы выдержать давленіе высокихъ товарныхъ цѣнъ. Поэтому уже въ 1906 г. сказывается задерживающее вліяніе возросшихъ цѣнъ на сбытъ товаровъ, а въ послѣдующемъ это вліяніе принимаетъ еще болѣе острый характеръ. Правда, подъемъ цѣнъ далъ возможность крупному торговому капиталу пожать хорошую жатву,— выдачи дивидента повысились почти для всѣхъ группъ акціонерныхъ торговыхъ предпріятій (группа торговли волокн. издѣліями съ 12,08% на основной капиталъ въ 1905 г. до 13,9% въ 1906 г., группа колоніальной торговли съ 7,8% до 9,6%, торговли металлич. издѣліями съ 6% до 9,2% и т. д.), но интересы крупнаго торговаго капитала не покрываютъ еще собою интересовъ всей вообще торговли. Мелкіе и средніе торговцы должны были сильнѣе испытать противодѣйствіе потребительнаго рынка несоотвѣтственно возросшимъ товарнымъ цѣнамъ. По крайней мѣрѣ, положеніе коммерческаго кредита вполнѣ отражало кризисное состояніе торговли: учетъ векселей въ 1906 г. сильно опустился, переучетъ сократился, протестъ значительно возросъ [1]).

Въ частности, внѣшняя торговля проявила въ 1906 г. значительную пассивность какъ въ вывозѣ, такъ и въ привозѣ. Общія данныя, по внѣшней торговлѣ (по границамъ Европейской и Кавказско-Черноморской) представляются въ такомъ видѣ (въ милл. р.):

	Вывозъ			Ввозъ		
	1904	1905	1906	1904	1905	1906
Жизненные припасы .	615,4	685,0	597,4	92,8	98,2	104,5
Сырье, полуфабрикаты.	301,1	292,2	343,5	330,8	307,1	337,4
Животныя	16,1	15,7	27,3	1,6	1,1	0,9
Издѣлія	23,2	24,9	31,1	156,6	158,4	117,1
Всего . .	955,8	1017,8	999,8	581,8	559,4	619,9

Наиболѣе характернымъ для положенія внѣшней торговли въ 1906 г. является пониженіе вывоза и сильное повышеніе привоза. Все десятилѣтіе 1896—1905 гг. отмѣчено увеличеніемъ вывоза при почти полной неподвиж-

[1]) Мукосѣевъ, цит. статья.

*

ности ввоза, при чемъ, въ частности, напр., за пятилѣтіе 1901—1905 гг. вывозъ увеличился на 33%, а ввозъ повысился только на 1%; въ 1906 г., наблюдается, наоборотъ, увеличеніе ввоза на 9,6% противъ 1905 г. и даже на 6,7% противъ 1904 г. Такое нарушеніе обычнаго соотношенія между ввозомъ и вывозомъ уже само по себѣ свидѣтельствуетъ о разстройствѣ народнаго хозяйства. Приведенная таблица подтверждаетъ, однако, и въ деталяхъ пассивность внѣшней торговли и отраженіе его кризиса въ промышленности. Паденіе вывоза объясняется сильнымъ уменьшеніемъ вывоза жизненныхъ припасовъ, т. е. хлѣба; такое уменьшеніе и не удивительно, такъ какъ въ 1906 г. пораженъ былъ неурожаемъ рядъ губерній, а возросшія цѣны на хлѣбъ уничтожали возможность конкурренціи на міровомъ рынкѣ для русскаго хлѣба. Такъ какъ наша вывозная торговля основана на хлѣбномъ экспортѣ, то паденіе послѣдняго не могло быть искуплено даже усиленнымъ вывозомъ всѣхъ остальныхъ товаровъ; если же принять во вниманіе, что усиленіе вывоза сырья, полуфабрикатовъ и издѣлій произошло, главнымъ образомъ, за счетъ повышеннаго вывоза горнозаводскихъ продуктовъ, который, какъ мы видѣли, вызванъ былъ кризисомъ въ промышленности, то вывозную торговлю 1906 г. придется признать сугубо неблагопріятной. Что касается ввоза, то здѣсь нужно отмѣтить, прежде всего, увеличеніе привоза жизненныхъ припасовъ — явленіе вполнѣ понятное при неурожаѣ и дороговизнѣ хлѣба. Увеличился также привозъ сырья и полуфабрикатовъ, но это увеличеніе было вызвано, главнымъ образомъ, недостаткомъ минеральнаго топлива и ввозомъ иностраннаго угля взамѣнъ нефти (въ 1906 г. было привезено свыше 235 т. пудовъ угля противъ 23,0 т. п. 1905 г. и 123,0 т. п. 1904 г.); усиленнаго привоза сырья, годнаго для фабричной переработки, наоборотъ, не наблюдалось, и привозъ, въ частности, хлопка даже понизился (до 8,8 т. п. противъ 9,3 т. п. въ 1905 г.). Можно было, наконецъ, ожидать, что въ виду упавшей производительности русскихъ фабрикъ и высокихъ товарныхъ цѣнъ оживится привозъ заграничныхъ издѣлій. Однако, привозъ ихъ значительно понизился, въ чемъ нельзя не видѣть яркаго показателя крайне вялаго настроенія внутренней торговли. Такимъ образомъ какъ вывозъ, такъ и ввозъ носятъ одинаково пассивный характеръ,—первый, поскольку онъ вообще понизился, второй—поскольку онъ отражалъ на себѣ промышленный кризисъ и нѣсколько пополнялъ пробѣлы, образованные кризисомъ въ народномъ хозяйствѣ.

Мы обозрѣли, въ существенныхъ чертахъ, фактическое положеніе промышленности и торговли въ 1905—1906 гг. Подведемъ теперь нѣкоторые итоги, пользуясь отчасти матеріаломъ, включеннымъ въ приведенную выше діаграмму № 1.

Общіе итоги, относящіеся къ горнозаводской и текстильной промышленности, приведены въ таблицѣ I [1]).

Если данныя 1903 г., какъ года болѣе нормальнаго, принять за 100, то колебанія производительности горнозаводской и текстильной промышленности представятся въ такомъ видѣ:

	Доб. угля.	Выпл. чуг.	Производство. Полупр.	Производство. Гот. прод.	Потр. хлопка.
1903 . .	100	100	100	100	100
1904 . .	110	120	113	122	90
1905 . .	119	111	103	107	77
1906 . .	124	109	101	105	90
1907 . .	145	115	110	110	—

Производство въ горнозаводской промышленности во все четырехлѣтіе 1904—1907 гг. остается на болѣе высокомъ уровнѣ, чѣмъ въ 1903 г. Однако, если исключить каменноугольную промышленность, ростъ производства въ которой вызывался чрезвычайными обстоятельствами, то въ остальныхъ отрасляхъ горнозаводской промышленности, послѣ максимальнаго увеличенія производства въ 1904 г., вызваннаго потребностями войны, въ остальные годы ростъ производства сокращается, при чемъ наибольшее сокращеніе падаетъ на 1906 годъ. Въ текстильной промышленности, наоборотъ, производство съ 1903 г. понижается, достигая минимума въ 1905 г. и повышаясь въ 1906 г. только до уровня 1904 г. Если мы обратимся къ движенію основныхъ капиталовъ акціонерныхъ предпріятій въ горнозаводской и текстильной промышленности, то и въ немъ найдемъ приблизительно такія же погодныя колебанія:

	Группа акціонерныхъ предпріятій Горнопромышл.	Металлич.	Волокнист.
1903 . . .	100	100	100
1904 . . .	87	90,8	102
1905 . . .	109,7	99,7	102
1906 . . .	109,2	97,5	103
1907 . . .	110,8	102,5	115

Въ горнопромышленной, какъ и въ металлической группѣ увеличеніе основныхъ капиталовъ, начавшееся въ 1905 году, пріостановилось въ 1906 году. Въ волокнистой группѣ значительное увеличеніе основныхъ капиталовъ наблюдается только въ 1907 г.,—въ 1906 г., несмотря на оживленіе въ

---

[1]) См. въ приложеніи.

мануфактурной торговлѣ, основные капиталы остаются почти на томъ же уровнѣ, что и въ 1905 г. Такимъ образомъ, какъ эти, такъ и вышеприведенныя данныя показываютъ, что изъ двухъ лѣтъ—1905 и 1906 г. наиболѣе неблагопріятнымъ для промышленности былъ 1906 г.

Изъ остальныхъ отраслей промышленности наибольшій интересъ представляютъ для насъ керамическая и лѣсная группы, поставляющія строительные матеріалы, а также группы по благоустройству городовъ (домостроительныя предпріятія, водоснабженіе, трамваи, освѣщеніе и пр.) и химическая (производство красокъ, лаковъ, асфальта и пр.), изъ которыхъ первая въ большей, а вторая въ меньшей степени связаны съ строительной дѣятельностью.

Движеніе основныхъ капиталовъ въ этихъ группахъ (см. таблицу II), если принять данныя 1903 г. за 100, представится въ такомъ видѣ:

	Группы предпріятій:			
	Керамич.	Лѣсная	Благоустр. город.	Химич.
1903 . .	100	100	100	100
1904 . .	102,8	116,2	114,0	109,8
1905 . .	96,3	106,9	106,8	110,7
1906 . .	78,0	116,7	106,4	106,9
1907 . .	77.4	120,1	108,6	107,8

И въ этихъ группахъ наблюдается, въ общемъ, пониженіе основныхъ капиталовъ въ 1906 г. по сравненію съ 1905 г. Исключеніе составляетъ лѣсная группа, давшая въ 1906 г. повышеніе капиталовъ, но это послѣднее должно быть поставлено въ связь съ усиленнымъ вывозомъ лѣсныхъ матеріаловъ за границу [1]). Особенно стремительно сократились основные капиталы керамической группы, строительной по преимуществу, при чемъ 1906 г. отмѣченъ исключительно рѣзкимъ уменьшеніемъ суммы основныхъ капиталовъ. Сокращеніе строительной дѣятельности—надежный показатель общаго промышленнаго угнетенія,—можетъ быть, такимъ образомъ, для 1906 г. установлено въ большей степени, чѣмъ для 1905 г.

Для общей характеристики положенія промышленности въ 1905—1906 г. могутъ служить также данныя таблицы III о числѣ выданныхъ промысловыхъ свидѣтельствъ для промышленныхъ предпріятій. Если данныя 1903 г. принять за 100, то для послѣдующихъ годовъ колебанія будутъ

---

[1]) Въ 1905 г. въ Германію, напр., было вывезено сырого лѣса 78,5 милл. п., обработаннаго 41,2 м. п.; въ 1906 г.: перваго—111,7 м. п., второго—49,1 м. п. Вообще за послѣдніе годы замѣчается усиленный вывозъ строительнаго лѣса за границу, хотя и раньше онъ составлялъ одинъ изъ главныхъ предметовъ вывозной торговли (см. ст. „Міровая торговля лѣсомъ" въ „Обзорахъ главнѣйшихъ отраслей промышленности и торговли", изд. ред. „Вѣстн. Фин." Спб. 1910).

такія: 1904 г.—121,1; 1905 г.—77,2; 1906 г.—79,1 и 1907 г.—80,8. Наибольшее пониженіе даетъ 1905 г. Однако, если разбить предпріятія на группы соотвѣтственно величинѣ, то картина существенно измѣнится:

	Группы предпріятій:			
	I—II	III—IV	V—VI	VII—VIII
1903	100	100	100	100
1904	93,3	99,4	94,0	91,5
1905	95,0	95,1	86,4	73,4
1906	94,5	90,5	83,7	77,2
1907	97,5	93,8	85,6	78,7

Различныя группы, какъ и слѣдовало ожидать, реагировали на промышленную депрессію неодинаково. Чѣмъ меньше по оборотамъ своимъ предпріятія, тѣмъ большій уронъ понесли они во время революціи: въ то время, какъ колебанія перваго ряда происходятъ въ предѣлахъ отъ 94,5 до 97,5, а второго—въ предѣлахъ отъ 90,5 до 99,4, третій рядъ колеблется уже въ предѣлахъ 83,7—86,4, а четвертый—даже въ предѣлахъ 73,4—78,7. Больше всего, такимъ образомъ, число выданныхъ свидѣтельствъ сократилось для самыхъ мелкихъ предпріятій, менѣе чувствительно—для болѣе крупныхъ предпріятій. При этомъ, въ 1906 г. увеличеніе наблюдается только для VII и VIII группъ, въ остальныхъ же группахъ этотъ годъ, наоборотъ, отмѣченъ наиболѣе значительнымъ уменьшеніемъ числа выданныхъ свидѣтельствъ. Такимъ образомъ, и эти данныя свидѣтельствуютъ о большемъ паденіи промышленности въ 1906 г., чѣмъ въ 1905 г. Значеніе увеличеннаго въ 1906 г. числа выданныхъ свидѣтельствъ для мелкихъ предпріятій парализуется какъ относительно скромными размѣрами увеличенія, такъ и тѣмъ обстоятельствомъ, что мелкія предпріятія вообще пострадали во много разъ сильнѣе, чѣмъ предпріятія прочихъ категорій.

Переходя къ общему положенію торговли, мы, прежде всего, убѣждаемся, что крупный торговый капиталъ перенесъ промышленныя потрясенія сравнительно очень легко. Основные капиталы акціонерныхъ торговыхъ предпріятій въ періодъ 1903—1907 г. (см. таблицу II) изъ года въ годъ повышаются, при чемъ въ 1906 г. замедляется только темпъ увеличенія. Очевидно, такому удачному исходу, какъ и упомянутому выше повышенію дивиденда, содѣйствовалъ, главнымъ образомъ, подъемъ товарныхъ цѣнъ, который больше всего могъ быть использованъ только крупными торговыми предпріятіями. Но мы оговорили уже выше, что интересы крупнаго торговаго капитала не покрываютъ собою интересовъ всей вообще торговли, и потому по успѣхамъ его нельзя еще судить о положеніи торговли вообще. Данныя о числѣ выданныхъ торговыхъ промысловыхъ свидѣтельствъ вполнѣ подтверждаютъ, что,

несмотря на преуспѣяніе крупнаго торговаго капитала, торговыя предпріятія въ массѣ своей находились въ 1905—1906 г. въ крайне угнетенномъ состояніи. Принимая и здѣсь данныя 1903 г. за 100, получимъ, прежде всего, такую таблицу:

	Свидѣт. для торговыхъ предпріятій.	Купеческія свидѣтельства.
1903	100	100
1904	102,3	98,5
1905	100,1	95,3
1906	98,5	86,4
1907	103,9	81,8

Число выданныхъ свидѣтельствъ, понизившись въ 1905 г., особенно уменьшилось въ 1906 г. какъ для торговыхъ предпріятій, такъ и для гильдейскихъ свидѣтельствъ. Замѣшательство, произведенное революціей въ положеніи торговли, выяснится еще болѣе рельефно, если приведенныя общія данныя разбить по группамъ торговыхъ предпріятій и характеру выданныхъ свидѣтельствъ:

	Торговыя предпріятія Разряды				Приказч. свидѣт. класса		Ярмарочн. свидѣт.
	I.	II.	III—IV.	V.	I.	II.	
1903 . .	100	100	100	100	100	100	100
1904 . .	99,8	98,6	103,2	94	102,1	90,8	90,0
1905 . .	97,6	95,6	101,4	81	99,7	101,2	85,0
1906 . .	88,8	92,7	100,2	72	99,1	100,9	75,8
1907 . .	90,3	95,2	110,4	71	—	—	81,8

Всѣ безъ исключенія группы, обозначенныя въ этой таблицѣ, даютъ наибольшее пониженіе въ 1906 г. Относительно незначительныя колебанія наблюдаются въ III и IV группѣ, т. е. группѣ мелкихъ торговыхъ предпріятій. Это и понятно: какія бы внутреннія осложненія ни переживала страна, самыя неотложныя потребности населенія должны быть удовлетворены; поэтому мелочная торговля, какъ наиболѣе приближенная къ населенію и поставляющая предметы необходимаго потребленія, меньше пострадала, чѣмъ прочія торговыя предпріятія,—все же и мелкая торговля въ 1906 г. понизилась. Наиболѣе сократилось число свидѣтельствъ по V разряду (на развозный и разносный торгъ): бурныя событія 1905—1906 г., конечно, должны были затруднить разносную и развозную торговлю. Характерно также сильное уменьшеніе числа выданныхъ ярмарочныхъ свидѣтельствъ. При постепенномъ упадкѣ въ Россіи ярмарочной торговли, ярмарка все еще остается крупнымъ торговымъ факторомъ, а во многихъ мѣстностяхъ сколько-нибудь оживленная

торговля только и замѣчается, что во время ярмарокъ. Сокращеніе ярмарочнаго торга наиболѣе убѣдительно говоритъ, поэтому, объ упадкѣ торговли въ 1905 и, въ особенности, въ 1906 г.

Такимъ образомъ, приведенныя данныя устанавливаютъ наибольшую депрессію для 1906 г. Такой же выводъ, по существу, былъ нами сдѣланъ на основаніи разсмотрѣнной выше діаграммы № 1; если тамъ нѣкоторые показатели обнаружили въ 1906 г., по сравненію съ 1905 г., повышеніе, то это объясняется исключительными обстоятельствами, отмѣченными нами въ своемъ мѣстѣ и нисколько не ослабившими общей картины торгово-промышленнаго угнетенія. Выдѣленіе, въ смыслѣ наибольшей депрессіи 1906 г., бросаетъ достаточно опредѣленный свѣтъ на основныя причины, породившія депрессію въ интересующую насъ эпоху. Казалось бы, 1905 годъ имѣлъ всѣ данныя для того, чтобы тяжелый жребій промышленнаго разстройства палъ именно на него. Продолжавшаяся на протяженіи шести мѣсяцевъ война, безпрерывныя экономическія забастовки рабочихъ, политическое возбужденіе, бурно прорывавшееся наружу, наконецъ, всеобщая забастовка и вооруженныя возстанія конца года—все это должно было создать чрезвычайное замѣшательство въ промышленности. И мы видѣли, какъ изъ приведенныхъ только-что данныхъ, такъ и на діаграммѣ № 1, рѣзкое пониженіе въ 1905 г. показателей по всѣмъ признакамъ. Однако, еще болѣе рѣзкое пониженіе показателей наблюдается въ 1906 г., хотя этотъ послѣдній годъ и не зналъ такого богатаго совпаденія неблагопріятныхъ факторовъ. Несомнѣнно, въ этомъ разнообразіи факторовъ, какъ и въ особенномъ характерѣ ихъ, слѣдуетъ искать причину меньшей депрессіи 1905 г. по сравненію съ депрессіей 1906 г. Вліяніе войны оставалось, конечно, въ 1905 г. достаточно сильнымъ, но въ общихъ итогахъ года оно въ замѣтной степени парализовалось тѣмъ оживленіемъ, какое наступило въ промышленности и торговлѣ послѣ окончанія войны; правда, оживленію этому не суждено было продолжаться долго, но все же оно было временемъ нѣкотораго просвѣтлѣнія на общемъ фонѣ непрекращавшейся промышленной депрессіи. Политическія событія 1905 г. также, несомнѣнно, вызывали осложненія въ промышленной жизни, но и здѣсь вліяніе ихъ отчасти парализовалось самымъ характеромъ политической борьбы. Мы уже отмѣчали, что наиболѣе рѣзкимъ проявленіемъ классовой борьбы отмѣченъ 1906 г., а не 1905 г. Классовой антагонизмъ въ политическомъ движеніи 1905 г. умѣрялся выступленіемъ на борьбу разнообразныхъ слоевъ населенія, что въ извѣстномъ смыслѣ придавало политической борьбѣ общенаціональный характеръ. Каждый новый натискъ боровшихся силъ встрѣчалъ широкое сочувствіе, приближая паденіе стараго режима и наступленіе новой свободной жизни. Поэтому самыя бурныя событія не порождали паники не только въ такъ называемомъ обществѣ, но и въ

промышленно-торговыхъ кругахъ, и проходили для промышленности менѣе болѣзненно, чѣмъ если бы они сопровождались хотя бы пассивнымъ противодѣйствіемъ большинства или его паническимъ страхомъ. Все это не относится, понятно, къ концу 1905 г., когда революціонная волна достигла максимальной точки подъема и когда въ соотношеніи силъ произошелъ коренной переломъ. Но, очевидно, и эти три послѣднихъ мѣсяца года, при всѣхъ своихъ тяжелыхъ для промышленности условіяхъ, не могли сдѣлать 1905 г., въ общихъ его итогахъ, менѣе благопріятнымъ, чѣмъ 1906 годъ. А это означаетъ, что событія первыхъ трехъ четвертей года не всегда и не сплошь неизбѣжно приводили къ депрессіи и что порожденная ими депрессія была, во всякомъ случаѣ, болѣе слабой, чѣмъ 1906 г.

Иныя условія складываются съ конца 1905 г. Если первая всеобщая забастовка еще протекаетъ до нѣкоторой степени подъ знакомъ общенаціональнаго движенія, то третья забастовка и вооруженныя возстанія рѣзко измѣняютъ общую картину революціи. Ярко обнаруживается враждебное отношеніе къ новымъ формамъ движенія промышленной буржуазіи и вообще имущихъ классовъ; на полѣ битвы остается одинъ рабочій классъ. Равнымъ образомъ, экономическая борьба рабочихъ принимаетъ формы ожесточенной классовой борьбы, суровой и мстительной со стороны предпринимателей. Революціонное движеніе теряетъ яркость въ смыслѣ внѣшнихъ эффектовъ, но концентрируется въ области, особенно чувствительной для промышленности,— въ области борьбы предпринимателей и рабочихъ. Общее чрезвычайно напряженное политическое настроеніе тѣмъ легче отражается въ это время на промышленности, что она еще продолжаетъ испытывать на себѣ чрезвычайную депрессію конца 1905 г., отъ которой такъ скоро оправиться не легко было. Съ другой стороны, падаетъ надежда на возможность близкаго обновленія политической жизни, а разгонъ первой Думы окончательно разбиваетъ въ этомъ отношеніи всѣ иллюзіи, вызывая тревожное настроеніе въ торгово-промышленныхъ кругахъ, какъ это мы видѣли, между прочимъ, на примѣрѣ нижегородской ярмарки. Межъ двухъ огней—продолжавшимся, хотя и утихавшимъ, революціоннымъ движеніемъ рабочаго класса и все сильнѣе надвигавшейся контръ-революціей — протекала, такимъ образомъ, въ 1906 году промышленная жизнь, испытывая на себѣ все неблагопріятное вліяніе какъ перваго, такъ и второй. Если бы эту зависимость промышленной депрессіи отъ политическихъ событій мы начертали на діаграммѣ, то въ концѣ 1905 г. получили бы максимальную точку паденія производительныхъ силъ, отъ которой поднимались бы двѣ кривыя —одна въ 1905 г., другая въ 1906 г., при чемъ послѣдняя оставалась бы на уровнѣ болѣе низкомъ, чѣмъ кривая первыхъ трехъ четвертей 1905 г. Наиболѣе ярко вліяніе революціи на промышленность сказалось въ концѣ 1905 г., непосредственнымъ продол-

женіемъ ея, хотя и не столь яркимъ, остается депрессія 1906 г. Разсмотрѣнная нами выше діаграмма № 2 показала, что періодъ наибольшей депрессіи падаетъ на послѣднюю четверть 1905 г. и первую половину 1906 г., т. е. на время, когда только-что нами отмѣченныя соціально-политическія условія проявлялись всего рѣзче.

Эта связь россійской революціи съ промышленной депрессіей не составляетъ, конечно, исключительнаго явленія въ міровой исторіи. Процессъ насильственнаго измѣненія политическихъ формъ не можетъ не сопровождаться болѣе или менѣе серьезными осложненіями въ экономическомъ строѣ страны. Такъ было во время великой французской революціи, революцій 1848 года и при другихъ менѣе значительныхъ политическихъ сотрясеніяхъ [1]). Такъ было, какъ видимъ, и въ годъ россійской революціи, при чемъ наиболѣе ярко вліяніе революціонныхъ событій сказалось въ послѣдніе три мѣсяца 1905 г. и въ первую половину 1906 г. Но дальше этого аналогія между нашей революціей и революціями конца XVIII г. и середины XIX вѣка не идетъ, потому что ближайшій характеръ промышленной депрессіи долженъ былъ опредѣлиться въ зависимости отъ состоянія производительныхъ силъ каждой страны во время революціи. Если въ концѣ XVIII в. преобладало еще ремесленное производство со слабымъ товарообмѣномъ, а въ серединѣ XIX в. только укрѣплялся промышленный капитализмъ, то въ Россіи начала XX в. промышленный капитализмъ и развитой товарообмѣнъ составляютъ преобладающую форму организаціи промышленности. Отсюда—существенное различіе вліянія революціи на промышленность современной Россіи и европейскихъ государствъ прошлыхъ вѣковъ. Капиталистическая организація, связывающая промышленный строй въ одно цѣлое, объединяющая всѣ промышленные и торговые районы сложной сѣтью взаимопереплетающихся интересовъ, должна испытывать вліяніе революціи съ большей чувствительностью, чѣмъ, напр., ремесленная организація или первоначальныя формы капиталистической организаціи, когда хозяйство остается въ значительной степени натурально-изолированнымъ, простымъ и несложнымъ по своему строенію. Въ первомъ случаѣ ударъ, нанесенный въ одномъ мѣстѣ, быстро отдается на всемъ промышленномъ организмѣ, и каждой группѣ производства или каждому про-

---

[1]) Относительно, напр., французской революціи г. Тарле, на основаніи разнородныхъ свидѣтельствъ, устанавливаетъ, что „сильный ударъ былъ испытанъ промышленностью и торговлей въ первые мѣсяцы революціи“ (см. „Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи“. Историческіе очерки. Ч. I. Спб. 1909, стр. 120) Относительно революціи 1848 г. во Франціи Жоржъ Реваръ приходитъ къ такому выводу: „въ 1847 г. экономическій кризисъ увеличился еще благодаря политическому кризису и еще болѣе благодаря соціальной борьбѣ, которая составляла сущность революціи и вовлекла въ борьбу другъ съ другомъ двѣ большія категоріи производителей, нанимателей и нанимаемыхъ“ (Ж. Реваръ. Республика 1848 года. Спб. 1907, стр. 392).

мышленному району приходится испытывать сотрясеніе, не только непосредственно ему причиненное, но и причиненное другимъ группамъ и районамъ; во второмъ случаѣ ударъ локализуется въ одномъ мѣстѣ и слабо передается или совсѣмъ не передается въ другія мѣста. Если это такъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что промышленная депрессія, вызванная россійской революціей, должна была оказаться сильнѣе, чѣмъ депрессія Франціи конца XVIII в. или Германіи и Франціи середины прошлаго вѣка. Но съ другой стороны, тотъ-же характеръ промышленнаго капитализма позволяетъ ему скорѣе оправиться отъ удара и быстрѣе возвратиться къ болѣе или менѣе нормальному порядку. Невозможность длительнаго простоя машинъ, необходимость безпрерывно выбрасывать на рынокъ все новые товары, усовершенствованная техника торговаго оборота, дающая возможность быстро возстановить нарушенныя связи,—все это не только облегчаетъ промышленному капитализму возвращеніе къ нормальному порядку, но и дѣлаетъ для него неизбѣжной интенсивную работу надъ восполненіемъ понесеннаго урона. Иное дѣло, конечно, болѣе отсталыя формы промышленности, которыя могутъ оправляться отъ испытаннаго сотрясенія только постепенно и медленно, долгое время оставаясь какъ-бы оглушенными нанесеннымъ ударомъ. Если и это правильно, тогда правильнымъ будетъ предположеніе, что промышленная депрессія, подъ вліяніемъ нашей революціи, должна была оказаться менѣе продолжительной, чѣмъ депрессія, порожденная революціями былыхъ временъ.

Само по себѣ вліяніе революціи на промышленность, въ смыслѣ ея дезорганизаціи, остается въ значительной мѣрѣ поверхностнымъ и скоропреходящимъ. Вліяніе это, поскольку оно исходитъ отъ политическихъ факторовъ, только слегка затрагиваетъ тѣ внутреннія пружины, которыми опредѣляется бытіе промышленности. Дезорганизація производства и сбыта порождаются внѣшнимъ воздѣйствіемъ—политическимъ возбужденіемъ или паникой, неувѣренностью въ прочности „правопорядка" или непосредственнымъ вліяніемъ „безпорядковъ". Проходятъ эти осложненія—и промышленность возвращается къ обычнымъ своимъ условіямъ, учитывая происшедшія подъ вліяніемъ революціи соціально-политическія измѣненія и такъ или иначе на нихъ реагируя. Въ этомъ смыслѣ депрессія, вызванная революціей, существенно отличается отъ промышленнаго кризиса, вызваннаго общими условіями промышленнаго развитія и порожденнаго основными противорѣчіями капиталистическаго строя. Промышленный кризисъ такого рода протекаетъ въ болѣе сложныхъ и болѣзненныхъ формахъ и оставляетъ по себѣ на промышленности болѣе чувствительные слѣды, чѣмъ осложненія революціоннаго времени. Если мы обратимся къ Россіи, то увидимъ, что депрессія 1905—1906 г. по силѣ своей во многомъ уступаетъ кризису начала 900-хъ годовъ. Такъ, добыча угля въ Донецкомъ бассейнѣ, послѣ максимальнаго подъема

въ 1900 г. (691,4 м. п.) достигла наибольшаго паденія въ 1902 г. (654,9 м. п.), т. е. сократилась во время кризиса на 5,2%; въ годъ же революція (1905 г.) она понизилась (по сравненію съ 1904 г.) всего на 1,6%. Выплавка чугуна во время кризиса пала на 11,5% (maximum 1900 г.—176,9 м. п., minimum 1902 — 156,4 м. п.), въ годы революціи— на 8,7% (выплавка 1906 г. по отношенію къ выплавкѣ 1904 г.). Такая же картина наблюдается и въ движеніи основныхъ капиталовъ акціонерныхъ предпріятій: въ металлической группѣ предпріятій годъ кризиса далъ пониженіе на 5,1%, годъ революціи—на 2,2%, горнопромышленная группа во время кризиса дала пониженіе на 5,3%, а въ годъ революціи неизмѣнно повышалась, точно также и волокнистая группа. Словомъ, почти всѣ показатели даютъ въ годъ революціи меньшее пониженіе, чѣмъ въ годы промышленнаго кризиса. Несомнѣнно, конечно, что въ отдѣльные періоды 1905—1906 г.г., въ особенности въ концѣ 1905 г., когда революціонная борьба достигла наибольшаго напряженія, промышленность переживала моменты болѣе острые, чѣмъ во время кризиса начала 900-хъ годовъ, но острота эта была относительно непродолжительна и оставила сравнительно незначительные слѣды, благодаря чему и общіе итоги революціоннаго времени оказались для промышленности болѣе благопріятными, чѣмъ полоса промышленнаго кризиса девятисотыхъ годовъ.

При этомъ для правильной оцѣнки вліянія минувшей революціи на промышленность не слѣдуетъ упускать изъ виду положенія, въ которомъ находилась промышленность наканунѣ революціи. Въ первомъ томѣ настоящаго изданія мы ознакомили читателей съ опустошеніемъ, произведеннымъ въ промышленности кризисомъ начала девятисотыхъ годовъ. Мы видѣли также, что въ 1903 г. начался слабый поворотъ къ улучшенію, который уже въ 1904 г. прервался неблагопріятнымъ вліяніемъ войны съ Японіей. Такимъ образомъ, въ 1905 годъ промышленность вступила обезсиленной какъ многолѣтнимъ кризисомъ, такъ и продолжавшейся войною и потому должна была особенно чувствительно реагировать на осложняющее вліяніе революціоннаго времени. При такихъ условіяхъ можно было ожидать, что депрессія, вызванная революціей, будетъ особенно острой и длительной, и, если, несмотря на это, на самомъ дѣлѣ, депрессія оказалась не столь острой и менѣе продолжительной, то это свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что вліяніе революціи на промышленность, по существу своему, остается въ значительной степени поверхностнымъ и не приводящимъ къ такимъ осложненіямъ, къ какимъ приводитъ промышленный кризисъ [1]).

---

[1]) *Прим. редакціи.* Болѣе подробный анализъ вліянія революціи на хозяйственный строй страны будетъ данъ въ V т. настоящаго изданія.

V.

По пути къ «успокоенію».

Если съ конца 1906 г. и на протяженіи 1907 г. революціонная волна все больше падала и замирала, то для промышленности уже съ конца 1906 г. начинаются счастливые дни „успокоенія". Реакція возвращается и прочно осѣдаетъ на старыхъ позиціяхъ, „правопорядокъ" неуклонно охраняется „твердой властью", революція ликвидируется со всею жестокостью военно-полевой юстиціи, профессіональныя организаціи рабочихъ, подъ давленіемъ административнаго воздѣйствія, распадаются, экономическая борьба рабочаго класса теряетъ свою интенсивность и силу, вспыхивая только моментами безъ надежды на благопріятный исходъ. Словомъ, по сравненію съ недавнимъ прошлымъ, для промышленности наступило время тишины и глади

Какъ реагировала промышленность на это успокоеніе? Обнаружила ли она какіе-либо признаки оживленія? На этотъ вопросъ можно отвѣтить вполнѣ опредѣленно: нѣтъ. Въ свое время вопросъ о томъ, вступила ли наша промышленность послѣ революціи въ полосу подъема, вызвалъ довольно оживленную полемику [1]). На-ряду съ одними авторами, которые доказывали, что нѣтъ никакихъ признаковъ не только подъема, но даже оживленія, другіе (гг. Пилецій, Гольдбергъ и Новоселовъ), наоборотъ, утверждали, что промышленность вступаетъ въ періодъ подъема. Теперь не можетъ быть, конечно, никакого сомнѣнія въ томъ, что правда была не на сторонѣ послѣднихъ. Ошибки ихъ заключались въ томъ, что они исходили изъ анализа міроваго рынка, игнорируя рѣшающее значеніе состоянія русскаго рынка, либо оживленіе, случайное и вызванное исключительными обстоятельствами, принимали за естественно-необходимое и нормально наступившее оживленіе. На самомъ дѣлѣ промышленность въ 1907 г. находилась въ состояніи застоя, ставшаго хроническимъ состояніемъ русской промышленности.

Для иныхъ заключеній въ соблазнъ могло ввести только положеніе мануфактурной промышленности, но нѣкоторое и частичное оживленіе ея въ московскомъ районѣ вызвано было исключительно лодзинскимъ локаутомъ,

---

[1]) А. Пилецкій. Экономическій кризисъ и его окончаніе. «Образованіе», апрѣль 1906; Г. Гольдбергъ. Промышленный подъемъ и экономическая борьба рабочихъ въ Россіи. «Образованіе», май 1907; А. Финнъ-Енотаевскій. Революція и промышленный кризисъ. «Вѣстникъ Жизни», іюнь 1907; М. Б—овъ. Имѣются ли признаки промышленнаго кризиса? «Отзывы», августъ 1907; М. Новоселовъ. Обостреніе экономической нужды и классовая борьба — въ сборникѣ «Темы дня». Спб. 1907; В. Мукосѣевъ. Промышленный подъемъ или промышленный кризисъ? «Образованіе», августъ—октябрь 1907.

выбившимъ изъ строя польскій мануфактурный районъ. Мы видѣли, что осенью 1906 г., послѣ мѣстнаго оживленія, положеніе мануфактурнаго рынка стало вялымъ и малодѣятельнымъ. Въ декабрѣ начинается лодзинскій локаутъ—и на московскомъ рынкѣ немедленно наступаетъ сильное оживленіе. „Декабрь по дѣламъ былъ яркій мѣсяцъ,—сообщаетъ „Торг.-Пр. Газ.",—а по характеру торговли напоминалъ разгаръ сезона; локаутъ въ Лодзи, несомнѣнно, благопріятно отразился на сбытѣ издѣлій московскаго района" [1]). При этомъ, однако, характерно, что оживленіе замѣчается только въ производствахъ, непосредственно конкуррирующихъ съ Лодзью, въ остальныхъ же производствахъ по-прежнему царитъ застой. Такъ, въ январѣ 1907 года „торговали прекрасно, благодаря лодзинскому локауту, всѣ Морозовы: покупатели замѣнили лодзинскій бѣльевой и одежный товаръ морозовскимъ", но въ общемъ „торговали недурно, но все-таки хуже, чѣмъ въ прошломъ году и даже хуже, чѣмъ въ послѣднее трехлѣтіе" [2]). Въ февралѣ оказывается „товара въ общемъ вдоволь, а въ особенности ивановскихъ ситцевъ, на нѣкоторые сорта которыхъ скупщики даже увеличили скидку", но параллельно снова констатируется, что „продолжающійся лодзинскій локаутъ обезпечиваетъ московскимъ фабрикантамъ свободный сбытъ зимнихъ тканей; „всѣ Морозовы" прибавили 2% на весь прейсъ-курантъ [3]). Въ надеждѣ на усиленный лѣтній сбытъ и въ воспоминаніи о прошлогоднемъ оживленіи вздуваютъ цѣны и ивановскіе фабриканты—въ началѣ апрѣля цѣна на ситецъ поднялась до 14½ к.: „это цѣна еще небывалая въ лѣтописяхъ отечественнаго хлопчатобумажнаго производства,—писала „Торг.-Пр. Газ.",—представляя собою повышеніе противъ цѣнъ, бывшихъ всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, почти на 50% [4]), а противъ 1905 г.—на 3%. Но ивановскимъ фабрикантамъ, какъ и „всѣмъ Морозовымъ", пришлось жестоко разочароваться: лодзинскій локаутъ пришелъ къ концу, а товаръ шелъ плохо. Въ іюнѣ московская торговля оказалась „несомнѣнно хуже соотвѣтствующаго періода прошлаго года: количество сбытаго на 1 августа товара менѣе двухъ послѣднихъ лѣтъ; относительно крупнѣе запасы издѣлій иваново-вознесенскаго района, а запасы ситцевъ высшей доброты московскихъ фабрикъ все же довольно незначительны [5]), т. е. хуже шли именно товары массового потребленія. Нижегородская ярмарка также, вопреки ожиданіямъ, прошла съ мануфактурой вяло. „Недостатка съ мануфактурой не наблюдается, —писала „Торг.-Пр. Газ." [6]),—но если принять во вниманіе, что товаровъ польскаго района на ярмаркѣ

---

[1]) «Торг.-Пр. Газ.» № 5, 1907.
[2]) «Торг.-Пр. Газ.» № 30, 1907.
[3]) «Торг.-Пр. Газ.» № 53, 1907.
[4]) «Торг.-Пр. Газ.» № 85, 1907.
[5]) «Торг.-Пр. Газ.» № 183, 1907.
[6]) «Торг.-Пр. Газ.» № 192, 1907.

почти не было, то придется признать, что, въ общемъ, его было меньше обычнаго и потому спросъ долженъ былъ быть особенно крѣпокъ. Однако, оказывается, что „торговля идетъ не бойко; съ деньгами на мануфактурномъ рынкѣ не такъ свободно, какъ въ соотвѣтствующіе періоды прошлыхъ лѣтъ [1]). По другимъ же болѣе объективнымъ источникамъ оказывается, что „покупатели сверхъ ожиданія выказали чрезвычайную сдержанность и нерѣшительность въ покупкахъ въ самомъ началѣ ярмарки", въ виду чего скупщики, „опасаясь за возможные остатки товаровъ, пошли на уступки, т. е. стали увеличивать обычныя скидки, удлинять сроки кредита и т. д." [2]). Очевидно, на потребительскомъ рынкѣ не все обстояло благополучно, если даже на нижегородской ярмаркѣ, при меньшемъ привозѣ товара, спросъ оставался чрезвычайно слабымъ. И дѣйствительно, отчетъ о московской торговлѣ въ сентябрѣ свидѣтельствуетъ уже о томъ, что „спросъ со стороны провинціи минималенъ, ибо запасы на мѣстахъ имѣются довольно большіе; обстоятельство это оказываетъ неблагопріятное вліяніе и на расплату, которая совершается чрезвычайно туго, не говоря уже объ открытыхъ счетахъ, но даже и по срочнымъ обязательствамъ; большинство векселей приходится волей-неволей переписывать, часть же векселей приходитъ обратно съ протестами" [3]). Чѣмъ дальше, чѣмъ положеніе становилось хуже, и къ концу года сдѣлалось совершенно критическимъ. „За полтора мѣсяца, пишутъ, напримѣръ, въ ноябрѣ изъ Бѣлостока, вояжеры исколесили всю Россію и ни одинъ изъ посѣщенныхъ ими пунктовъ не оправдалъ ихъ надеждъ даже на половину. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ на Волыни и въ Подоліи, имъ не приходилось даже разворачивать коллекцій; въ другихъ мѣстахъ (какъ Харьковъ, Кіевъ, Одесса) покупали крайне неохотно и къ тому же крайне мало. На Волгѣ, вмѣсто новыхъ заказовъ, приходилось принимать обратно товаръ, который остался нераспроданнымъ. Тамъ же (на Волгѣ) попадались мѣста, гдѣ, изъ-за полнаго прекращенія спроса, торговцы-мануфактуристы оставляютъ товаръ невостребованнымъ по полугоду и даже больше" [4]).

Такимъ образомъ, мы видимъ, что оживленіе московскаго района было мимолетнымъ и прекратилось тотчасъ, какъ только окончился лодзинскій локаутъ. Если исключить этотъ незначительный періодъ оживленія, коснувшагося только части одного района, то вообще для московскаго мануфактурнаго района 1907 годъ останется годомъ тяжкаго застоя. Еще хуже обстояло дѣло въ польскомъ районѣ. Послѣ окончанія локаута наступило естественное оживленіе, которое, однако, скоро смѣнилось упадкомъ: въ послѣдней четверти года поступленіе заказовъ начало уменьшаться, изготов-

---

1) Ibid.

2) «Слово», августъ 1907.

3) «Тор.-Пр. Газ.» № 211. 1907.

4) «Торг.-Пр. Газ.» № 270. 1907.

ленные товары стали поступать на заводскіе склады, нѣкоторыя фабрики сократили рабочее время; производительность хлопчатобумажныхъ издѣлій повысилась, по сравненію съ 1906 г., на 27 мил. руб., но осталась ниже нормальной годовой на 10 мил. руб. [1]). Почти $^2/_3$ шерстяныхъ и суконныхъ товаровъ, отправленныхъ на Нижегородскую ярмарку, остались нераспроданными и въ значительной части переотправлены въ Ирбитъ; Покровская ярмарка тоже оказалась для шерстяного производства неблагопріятной. Уже въ августѣ спросъ на шерстяныя ткани уменьшился и большая часть фабрикъ была принуждена сократить рабочее время съ 5 до 4 дней въ недѣлю [2]). Словомъ, и польскій, и московскій районы—первый послѣ локаута, второй послѣ непродолжительнаго оживленія—очутились предъ однимъ и тѣмъ же тупикомъ: для товара не было сбыта, рынокъ угнеталъ своею вялостью. Несомнѣнно, нѣкоторое вліяніе на пониженіе спроса оказали чрезмѣрно возросшія цѣны, совершенно не соотвѣтствовавшія покупательной силѣ населенія, но основная причина застоя оставалась все въ томъ же обнищаніи внутренняго рынка. Къ 1907 г. ничего не измѣнилось по сравненію съ тѣмъ, что было раньше,—не было, поэтому, основаній и къ тому, чтобы улучшилось состояніе мануфактурнаго рынка.

Въ этомъ отношеніи положеніе мануфактурной промышленности не составляло исключенія. „Судостроительство, читаемъ, напр., въ „Сводѣ отчетовъ“ фабричныхъ инспекторовъ относительно Поволжскаго округа, „было чрезвычайно ограничено, такъ какъ и нынѣ значительная часть флота не находитъ себѣ работы, и судовой ремонтъ былъ сокращенъ до предѣла крайней необходимости... Лишь осенью 1907 года механическій и судостроительный заводъ Сормово въ нижегородской губерніи получилъ сравнительно крупный заказъ на 8 желѣзныхъ баржъ, вслѣдствіе чего въ немъ временно было увеличено число рабочихъ въ судостроительномъ и механическомъ цехахъ на 1.109 человѣкъ, остальные же цехи, за исключеніемъ желѣзопередѣлочнаго, за неимѣніемъ заказовъ работали вяло. Такія же крупныя затрудненія испытывали и другіе механическіе заводы, а Усть-Катавскій заводъ въ уфимской губерніи постоянно находился даже подъ угрозой закрытія“ [3]). „Въ Харьковскомъ округѣ, по словамъ „Свода отчетовъ“, обработка металловъ пережила въ 1907 году еще большій кризисъ, чѣмъ въ 1906 г. Помимо прекращенія работъ (машиностроительный заводъ Пастухова, сталелитейный заводъ) многіе крупные заводы едва работали. Тульскій патронный заводъ, имѣвшій въ концѣ 1906 года 7.100 рабочихъ, въ началѣ отчетнаго года имѣлъ ихъ 3.153, въ концѣ же от-

[1]) С. М. Нейманъ. Положеніе промышленности въ Царствѣ Польскомъ въ 1907 г., «Вѣстн. Фин.» № 7, 1908.

[2]) Ibid.

[3]) «Сводъ отчетовъ» за 1907 г., стр. IV.

четнаго—только 1.470. На Брянскомъ заводѣ (орловской губ.) число рабочихъ постепенно сокращалось съ 10.176, бывшихъ въ концѣ 1905 года, до 7.400 въ отчетномъ году. Радицкій вагоностроительный заводъ, постепенно сокращая работу, въ началѣ 1908 г. вовсе временно прекратилъ ее. Постепенное сокращеніе числа рабочихъ происходило также до конца отчетнаго года на Луганскомъ заводѣ Гартмана и Харьковскомъ паровозостроительномъ заводѣ". Желѣзопрокатные заводы Домбровскаго района, за отсутствіемъ казенныхъ заказовъ и полной пріостановкой строительныхъ работъ, стали въ началѣ года, почти полнымъ составомъ рабочихъ, катать желѣзо на складъ. Само собою разумѣется, что одного желанія заводчиковъ было еще недостаточно для того, чтобы спросъ увеличился, и потому „заводы принуждены были сокращать число рабочихъ, пріостановить часть цеховъ и производить убыточную распродажу заводскихъ запасовъ" [1]). Въ этомъ отношеніи особенно чувствительно отражалось на положеніи желѣзодѣлательной промышленности прекращеніе строительства. Отчетъ о состояніи польскихъ рынковъ констатируетъ „сильное сокращеніе въ потребленіи тяжелыхъ профилей, балокъ и кровельнаго желѣза", вызванное „почти полнѣйшимъ пріостановленіемъ каменныхъ построекъ для жилыхъ и фабричныхъ помѣщеній. Металлическія, а въ особенности машиностроительныя и конструкціонныя фабрики работаютъ лишь со дня на день безъ надежды на программныя работы" [2]). Еще въ худшемъ положеніи находились „чугунно-литейные заводы, а въ особенности тѣ изъ нихъ, которые въ своей спеціальности имѣютъ изготовленіе вертикально-литыхъ трубъ, примѣняемыхъ для водопроводныхъ и канализаціонныхъ цѣлей; послѣднія, вслѣдствіе почти полной пріостановки строительныхъ работъ, совершенно не находятъ сбыта". Все это, конечно, дало поводъ заводчикамъ, послѣ нѣкотораго вынужденнаго революціей перерыва, снова начать энергичную аттаку на казну. XXXII съѣздъ горнопромышленниковъ Юга Россіи, засѣдавшій въ концѣ 1907 г., послалъ министру торговли телеграмму, въ которой указывалъ, что „затяжной кризисъ послѣднихъ лѣтъ принимаетъ все болѣе серьезные размѣры и грозитъ дальнѣйшимъ закрытіемъ крупныхъ заводовъ; непосредственными причинами такого положенія являются, съ одной стороны, неопредѣленность работы заводовъ вслѣдствіе отсутствія заранѣе фиксированныхъ и непланомѣрности казенныхъ годовыхъ заказовъ и крайне ослабѣвшей кредитоспособности и платежеспособности рынка, съ другой—повышеніе себѣстоимости производства въ зависимости отъ измѣнившихся условій жизни и особенно отъ непомѣрнаго увеличенія накладныхъ расходовъ, вызываемаго сокращеніемъ производительности". Еще болѣе мрачную кар-

---

[1]) Нейчанъ, Цит. ст. «Вѣстн. Фин.», № 7, 1908.
[2]) «Торг.-Пром. Газ.» № 139, 1907.

тину набросалъ г. Вольскій на совѣщаніи о положеніи металлургической и машиностроительной промышленности, созванномъ, по ходатайству заводчиковъ, въ маѣ 1908 г.: „капиталисты разоряются; вложенныя въ предпріятія деньги теряются; новаго притока капиталовъ быть не можетъ; число рабочихъ сокращается и число лицъ, имѣющихъ средства къ существованію благодаря желѣзной промышленности, все болѣе и болѣе падаетъ“ [1]). А г. Токарскій, отъ имени совѣта съѣздовъ металлозаводчиковъ сѣвернаго и прибалтійскаго районовъ, прямо поставилъ вопросъ о возрожденіи старой политики „воспособленія“: „въ настоящее время внутренній спросъ ничтоженъ. Отсутствіе творчества въ организаціи внутренняго въ странѣ строительства желѣзнодорожнаго, городского и мореходнаго; отсутствіе иниціативы въ дѣлѣ сосредоточенія запасовъ государственной обороны; полное забвеніе вопіющихъ нуждъ сельско-хозяйственной индустріи и, несмотря на все это, допущеніе въ государство иностраннаго фабриката,—все это невольно заставляетъ промышленность предъявить нынѣ къ правительству требованія о возрожденіи политики воспособленія, но только не въ сферѣ производства, а въ области внутренняго потребленія продукта въ самой странѣ“ [2]), т. е., попросту говоря, въ усиленіи таможеннаго покровительства, не допускающаго въ страну иностранныхъ продуктовъ.

При такомъ положеніи вещей нужно отнестись весьма скептически къ увеличившейся въ 1907 г. производительности горнозаводскихъ предпріятій. На таблицѣ, приведенной въ приложеніи къ настоящей статьѣ, видно, что въ 1907 г. увеличились и добыча угля, и выплавка чугуна, и производство годового продукта съ полупродуктомъ. Но это увеличеніе, являясь только нѣкоторымъ скачкомъ послѣ паденія производства въ 1906 г., меньше всего можетъ свидѣтельствовать объ оживленіи горнозаводской промышленности. Рынокъ, за немногими исключеніями, оставался вялымъ. На Харьковскомъ рынкѣ, напр., уже къ началу года выяснилось, что всѣ крупные потребители на весь годъ покрыли свою надобность въ чугунѣ, почему заводы усиленно старались получить мелкіе заказы на литейный чугунъ. Если при такихъ условіяхъ цѣны не испытали значительнаго паденія, то это объясняется исключительно тѣмъ, что заводчики усиленно вывозили чугунъ за границу. Цѣны на сортовое желѣзо въ теченіе всего года безпрерывно понижались. „Не имѣя возможности найти сбыта на своихъ естественныхъ рынкахъ, заводы сильно конкуррировали между собою, при чемъ расположенные менѣе выгодно въ тарифномъ отношеніи вынуждены были къ значительному

---

[1]) Стенограммы совѣщанія о положеніи металлургической и машино-строительной промышленности. Спб. 1908 г., стр. 9.

[2]) Ibid., стр. 11.

пониженію цѣнъ" [1]). На Нижегородскомъ рынкѣ кровельное желѣзо покупалось не для построекъ, а на склады, такъ какъ продавцы, въ виду появленія синдиката „Кровля", стремились обезпечить себя желѣзомъ цѣною ниже синдикатской. Въ неизмѣнно твердомъ настроеніи оставался только каменноугольный рынокъ, такъ какъ нефтяная промышленность все еще продолжала оставаться въ положеніи, далекомъ отъ нормальнаго, и цѣны на нефть стоятъ высокія. Такъ, средняя годовая цѣна на сырую нефть составляла въ 1905 г. 20,1 к., въ 1906 г.—25,8 к., въ 1907 г.—28,2 к., т. е. повысилась въ 1907 г. на 40.3% противъ 1905 г. и на 9,3% противъ 1906 г. Естественно, что при такомъ повышеніи цѣнъ уголь продолжалъ вытѣснять на рынкѣ нефть, чѣмъ и объясняются крѣпкія цѣны на твердое топливо.

Отмѣченный выше усиленный вывозъ въ 1906 г. за границу горнозаводскихъ продуктовъ увеличился въ 1907 г. еще болѣе. Такъ, угля и кокса было вывезено 13.152 т. п. (противъ 5.709 т. п. 1906 г.), чугуна—4.506 т. п. (противъ 1.243 т. п. 1906 г.) и желѣза—4.445 т. п. (противъ 788 т. п. 1906 г.), т. е. по сравненію съ 1906 г. вывозъ угля и кокса увеличился на 56,5%, чугуна на 72,4% и желѣза на 82,2%. Очевидно, промышленники еще въ болѣе широкомъ масштабѣ воспользовались средствомъ, къ которому они прибѣгали и раньше: продуктъ, не находившій сбыта на внутреннемъ рынкѣ, сплавлялся за границу. „Продукты русской металлургіи вывозятся за границу!—восклицалъ органъ южныхъ горнопромышленниковъ.—Въ предѣлахъ нашего отечества, съ его многомилліоннымъ населеніемъ, нѣтъ сбыта ни чугуну, ни болванкамъ, ни желѣзу! И это въ то время, когда деревня наша еще не перестала быть соломенной, когда наши желѣзныя дороги хронически страдаютъ отъ недостатка паровозовъ и вагоновъ, когда въ обиходѣ нашего мужика желѣзо играетъ болѣе чѣмъ скромную роль... Дѣйствительно, въ Россіи нѣтъ того внутренняго рынка, гдѣ могла бы сбывать отечественная металлургія свои продукты" [2]). Эта, въ общемъ, основательная ламентація „Горноз. Листка" должна быть, однако, существенно исправлена въ одномъ отношеніи: продукты вывозились за границу не только потому, что для нихъ не было мѣста на внутреннемъ рынкѣ, но и для того, чтобы, сокративъ предложеніе, удержать цѣны на желательномъ для заводчиковъ уровнѣ. Объ этомъ особенно заботились синдикаты, сыгравшіе такую крупную роль въ удорожаніи продуктовъ горнозаводской промышленности. Синдикатъ „Продомета" продавалъ желѣзныя части для вагоновъ, предназначенныя для вывоза, на 20—30% дешевле, чѣмъ внутри страны [3]). Синдиката „Гвоздь" въ договорѣ съ заводчиками

---

[1]) Отчетъ Горнаго Департамента за 1906 и 1907 г., стр. 346.

[2]) „Горнозав. Листокъ" № 8, 1907 г.

[3]) Л. Б. Кафенгаузъ, Синдикаты въ русской желѣзной промышленности. М. 1910, стр. 144.

оставляетъ за собою „право *обязать* контрагента принять участіе въ операціи вывоза за границу издѣлій соглашенія“, если синдикатъ, „въ зависимости отъ положенія рынковъ сбыта, признаетъ цѣлесообразнымъ и выгоднымъ предпринять вывозъ таковыхъ за границу“. Въ этомъ стремленіи отдѣлаться отъ продукта, не находящаго сбыта внутри страны, и тѣмъ удержать цѣны отъ паденія, заводчики съ готовностью понижали цѣны для заграничныхъ рынковъ. Къ примѣрамъ, только что приведеннымъ, добавимъ, что разница между цѣнами рельсъ на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкѣ достигала 56 копѣекъ, а вагоны вывозились за границу съ значительнымъ убыткомъ, который покрывался прибылью съ внутреннихъ заказовъ [1]). При такой организаціи сбыта едва-ли можно говорить о завоеваніи внѣшняго рынка и въ увеличеніи вывоза увидѣть признаки какого-либо оживленія промышленности. Напротивъ, процессъ этотъ оставался процессомъ болѣзненнымъ, свидѣтельствовавшимъ о скудости внутренняго рынка и застоѣ промышленности.

Мы незамѣтно очутились въ полосѣ застоя, типичной для дореволюціоннаго положенія промышленности. Та же вялость рынка, то же отсутствіе спроса, тѣ же причитанія и домогательства промышленниковъ. Такъ же, какъ въ 1903 г., промышленность оказалась въ тупикѣ, изъ котораго не видно было выхода, если не считать выходомъ требованія промышленниковъ объ усиленіи казенныхъ заказовъ, хотя бы цѣною заключенія займовъ на „производительные расходы“. Все осталось по-старому. Да и не могло не остаться, потому что ничего не измѣнилось въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ протекаетъ промышленная жизнь страны.

Если судить по иноземнымъ образцамъ, то можно было бы ожидать, что вслѣдъ за революціей промышленность наша вступитъ въ полосу дѣятельнаго оживленія. „Часто—читаемъ, напр., у Зомбарта,—первые годы, которые слѣдуютъ за политическими событіями, налагающими оковы на какой-нибудь народъ, являются сами по себѣ эпохой раздольной наживы. Дѣлаются затраты, отъ которыхъ долго отказывались; это оживляетъ рынокъ; большое маховое колесо товарообращенія начинаетъ вращаться, цѣны поднимаются, открывается возможность скорыхъ барышей. Но въ то же время люди начинаютъ особенно тяготѣть къ погонѣ за наживой. Политическіе интересы вытѣсняются чувствомъ удовлетворенія, доставляемымъ матеріальнымъ благополучіемъ; такое чувство, въ свою очередь, рождаетъ желаніе получить въ удѣлъ обильное количество благъ міра сего. Это объясняетъ происхожденіе періодовъ оживленія въ хозяйственной жизни Европы, въ частности же Германіи—періодовъ, наступившихъ за Великой французской революціей, за вой-

---

[1]) Ibid.

нами Наполеона I, за іюльской революціей (для Франціи), за волненіями 1848 г. и, наконецъ, за франко-германской войной (для Германіи) [1]). Зомбартъ соединяетъ здѣсь въ одинъ процессъ оживленіе, которое слѣдуетъ за революціей, съ оживленіемъ, которое можетъ имѣть мѣсто при побѣдѣ контръ-революціонной реакціи. Но, конечно, можно съ полнымъ основаніемъ этотъ процессъ расчленить, и оживленіе одного порядка не соединять съ оживленіемъ другого порядка. Дѣло, вѣдь, не только въ погонѣ за наживой— и въ этомъ отношеніи Зомбартъ нѣсколько переоцѣнилъ силу правильно имъ понятой психологіи буржуа, готоваго, при первой представившейся возможности, почивать на лаврахъ и широко пользоваться благами новой жизни. Погоня за наживой становится осуществимой и расцвѣтаетъ на основахъ и въ мѣру реализованныхъ завоеваній революціи. Въ этомъ смыслѣ дѣйствительный импульсъ къ оживленію промышленность получаетъ только отъ тѣхъ измѣненій въ политическомъ и соціальномъ строѣ, которыя являются результатомъ революціи. Если развитіе производительныхъ силъ задерживалось отсталой политической организаціей государства, если свободной промышленной дѣятельности мѣшала полицейская опека старой власти, если свободный ростъ общественныхъ классовъ тормозился упорной поддержкой привиллегій дворянства и поземельной родовой знати, то революція, разрушая старый укладъ жизни и выдвигая новые соціальные классы, тѣмъ самымъ уничтожаетъ препятствія для роста производительныхъ силъ и открываетъ предъ промышленностью просторъ свободнаго развитія. Наиболѣе рельефно это вліяніе революціи сказалось во Франціи конца XVIII вѣка, когда Великая революція, на ряду съ грандіознымъ переворотомъ въ политическихъ и соціальныхъ отношеніяхъ, дала сильный толчекъ росту національнаго богатства конфискаціей и распродажей церковныхъ земель [2]). Уже въ 1790 г. промышленность Франціи начинаетъ оправляться отъ тяжелаго кризиса предреволюціоннаго и революціоннаго времени, въ рядѣ провинцій замѣчается энергичный ростъ производства, а общая экономическая конъюнктура становится настолько благопріятной, что въ 1791 г. дѣлается возможнымъ единственн крупное за все время революціи стачечное движеніе рабочихъ, имѣвшее цѣлью добиться увеличенія заработной платы [3]). Такой же процессъ прое

---

[1]) В. Зомбартъ. Исторія экономическаго развитія Германіи въ XIX вѣка. Спб. стр. 69.

[2]) «Революцію поддержалъ грандіозный ростъ богатства, и если дѣятельность великихъ ученыхъ и великихъ людей, страсть къ свободѣ и къ наукѣ, духъ смѣлости и изобрѣтательности, возникающей во время великихъ кризисовъ, не мало способствовали этому росту національнаго богатства, то, все-таки, основной и главной причиною послѣдняго была революціонная экспропріація церковныхъ имуществъ». Ж. Жоресъ Учредительное Собраніе. Спб., 1908, стр. 416.

[3]) Е. Тарле. Рабочій классъ во Франціи въ эпоху революціи, стр. 119—120.

мышленнаго подъема можно было наблюдать и въ эпохи, слѣдовавшія за революціями XIX вѣка [1]).

Россія, какъ мы видѣли, составила въ этомъ отношеніи исключеніе. Послѣ революціи наша промышленность не проявила никакихъ признаковъ ни подъема, ни оживленія. Напротивъ, она возвратилась къ тому же состоянію длительнаго застоя, въ какомъ она находилась до революціи. Едва ли нужно подробно доказывать, что такой результатъ находится въ непосредственной зависимости отъ соціально-политическихъ итоговъ революціоннаго движенія. Въ политической области, подъ вліяніемъ революціи, произошли только формальныя измѣненія и при томъ вполнѣ ничтожнаго свойства. Признаніе за народомъ права на участіе въ законодательствѣ свелось къ избирательному закону 3 іюня, а законодательныя права Думы оказались только простымъ придаткомъ къ неограниченному самовластію бюрократіи. Свобода и ея гарантіи, объявленныя въ октябрьскомъ манифестѣ, остались нереализованными и нисколько не помѣшали безудержному проявленію административнаго произвола и усмотрѣнія. Въ послѣднемъ смыслѣ послѣреволюціонная Россія побила всѣ рекорды и едва-ли можетъ найти соперниковъ не только въ прошломъ Европы, но и въ старо-русской исторіи. Диктатура черной сотни и полновластныхъ градоправителей сдѣлали Россію страною „неограниченныхъ возможностей", въ специфическихъ свойствахъ которыхъ ростъ производительныхъ силъ долженъ былъ встрѣтить непреодолимое препятствіе. Столь же ничтожными оказались результаты революціи и въ отношеніи экономическихъ реформъ, которыя способны были бы оказать благотворное вліяніе на положеніе промышленности. Единственная реформа, проведенная въ это время—законъ 9 ноября—пока не оказала, да едва-ли сама по себѣ и окажетъ, сколько-нибудь серьезное воздѣйствіе на оживленіе внутренняго рынка. Разрушеніе общины пока привело только къ болѣе интенсивной пролетаризаціи деревни; среди массы обезземеленныхъ общинниковъ крѣпкіе домохозяева-хуторяне—эта новая опора „новаго" строя—составляютъ ничтожное меньшинство, при чемъ выселеніе на хутора, какъ и скупка надѣльныхъ земель, производится, по преимуществу, крестьянами, и ранѣе принадлежавшими къ болѣе состоятельному элементу деревни. Такимъ

---

[1]) Великія событія міровой исторіи, совершившіяся въ 1848 г., освободили народное хозяйство Германіи отъ состоянія «малокровія», въ которомъ оно находилось въ дореволюціонную эпоху—таково заключеніе Зомбарта. Интересны также данныя, которыя приводитъ Зомбартъ. Такъ, въ Баваріи въ промежутокъ времени отъ 1839 до 1848 г. было основано всего 6 акціонерныхъ компаній съ капиталомъ въ 3,99 м. марокъ,—въ слѣдующемъ десятилѣтіи (съ 1849 по 1858 г.) тамъ же было основано 44 акціонерныхъ компаніи съ капиталомъ свыше 145 м. марокъ; въ Пруссіи съ 1834 по 1851 г. основано было 14 акц. компаній (горнозаводскихъ и плавильныхъ) съ капиталомъ въ 23,2 м. талеровъ,—съ 1852 по 1857 г. основано 59 компаній съ капиталомъ въ 70,6 м. тал. И т. д. (Зомбартъ, цит. соч., стр. 72).

образомъ, земельная реформа, осуществленная бюрократіей, пока ничего не измѣнила въ строѣ нашего внутренняго рынка, который остался, въ общемъ, при той же слабой покупательной способности, въ какой онъ пребывалъ въ дореволюціонное время.

Но если въ соціально-политическомъ строѣ Россіи, въ результатѣ революціи, не произошло сколько-нибудь существенныхъ измѣненій, благопріятныхъ для роста промышленности, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что промышленность, послѣ осложненій, пережитыхъ во время революціи, возвратилась къ разбитому корыту. Не покончивъ съ политическими задачами, революція оставила открытой и основную экономическую проблему: уничтоженіе путъ, связывающихъ свободный ростъ промышленнаго капитализма.

Приведенныя выше слова Зомбарта, какъ мы видѣли, указываютъ, однако, на возможность промышленнаго оживленія и въ періоды, аналогичные наступившему въ Россіи „успокоенію". „Періодъ экономическаго оживленія, говоритъ Зомбартъ въ томъ же мѣстѣ, начался съ того момента, когда, главнымъ образомъ, благодаря государственному перевороту Наполеона III и побѣдѣ реакціи въ Германіи, во внутренней жизни странъ создалась гарантія безмятежнаго стяжанія на многіе годы". И дѣйствительно, эпохи побѣды реакціи и торжества реставраціи нерѣдко сопровождались небывалымъ промышленнымъ оживленіемъ. Въ эти періоды „безмятежному стяжанію" открывается безграничный просторъ и, какъ во Франціи временъ наполеоновскаго переворота, тогда съ гордостью повторяется фраза современника Людовика XI: „кому барышъ, тому и почетъ". Погоня за наживой буржуазіи, наслаждающейся спокойствіемъ страны-кладбища, находитъ сильнаго покровителя въ лицѣ реакціонной власти, которая, расправившись съ демократіей путемъ репрессій и предоставивъ крестьянству расхлебывать земельную реформу, готова открыть золотой мѣшокъ казны для утоленія безграничныхъ аппетитовъ промышленно-торговой буржуазіи. Промышленное оживленіе этихъ эпохъ носитъ, поэтому, характеръ явнаго грюндерства и ажіотажа. Ростутъ какъ грибы акціонерныя компаніи и банки, строются фабрики и желѣзныя дороги, создаются рискованныя и смѣлыя предпріятія. Одни наживаются, другіе гибнутъ, но всѣ лихорадочно тянутся къ золоту, къ наживѣ, къ тому барышу, который даетъ почетъ и обезпечиваетъ возможность дальнѣйшаго безмятежнаго стяжанія. Пятидесятые годы прошлаго столѣтія—годы всяческихъ реставрацій и торжества реакціи—были почти во всѣхъ передовыхъ государствахъ Запада временемъ небывалаго грюндерства. Политическое „успокоеніе" не совпало тогда съ экономическимъ застоемъ.

Замѣчаются ли въ послѣреволюціонной Россіи признаки хотя бы такого рода оживленія? На протяженіи разсмотрѣннаго нами времени — до конца

1907 г.—никакихъ признаковъ оживленія, какъ мы убѣдились, не наблюдалось; не было ихъ и въ послѣдующіе два года, когда торгово-промышленная жизнь продолжала пребывать въ состояніи застоя все болѣе тяжелаго. И только въ 1910 г. появляются признаки, указывающіе на возможность наступленія и у насъ полосы грюндерства. Биржа временами достигаетъ напряженія симптоматическаго ажіотажа; нѣкоторыя промышленныя, банковыя и желѣзнодорожныя бумаги вздуваются до небывалой высоты. Домогательства промышленниковъ объ усиленіи заказовъ и „производительныхъ“ расходахъ, повидимому, также близки къ осуществленію. Правительство щедро поощряетъ частное желѣзнодорожное строительство, обременяя казну, какъ и раньше, гарантіями; параллельно производятся изысканія новыхъ линій, сооруженіе которыхъ проектируется на казенный счетъ. Патріотическая Государственная Дума, спекулирующая на вопросахъ государственной обороны, торопитъ правительство съ возсозданіемъ флота и перевооруженіемъ арміи, при чемъ настойчиво домогается—и съ успѣхомъ, конечно,—чтобы все изготовлялось въ Россіи и изъ русскаго матеріала. Оффиціозная пресса задачами момента выдвигаетъ вопросы хозяйственнаго развитія страны, вокругъ которыхъ, какъ она думаетъ, могутъ объединиться всѣ „государственно-настроенные“ элементы населенія. Все это дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ близкій расцвѣтъ грюндерства. Казенные заказы перельютъ золото изъ кладовыхъ казны въ карманы промышленниковъ, оживутъ зачахшія промышленныя предпріятія, воспрянутъ духомъ биржевые спекулянты и рыцари темной наживы, лозунгомъ времени станетъ безмятежное стяжаніе.

Наступленіе этого счастливаго времени остается, конечно, дѣломъ гадательнымъ. Но не будетъ ничего удивительнаго, если въ обстановкѣ россійской реставраціи будетъ разыгранъ актъ исторіи, напоминающій аналогичную эпоху грюндерства на Западѣ. Во всякомъ случаѣ, такой прогнозъ для ближайшаго времени является наиболѣе вѣроятнымъ. Столь же вѣроятно, что возможная полоса грюндерства не будетъ у насъ продолжительной и скоро завершится еще болѣе грандіознымъ крахомъ, поскольку форсированный подъемъ промышленной дѣятельности столкнется съ соціально-политическими условіями, стоящими на пути нормальнаго роста производительныхъ силъ. О промышленномъ подъемѣ, отвѣчающемъ интересамъ народнаго хозяйства, можетъ быть рѣчь лишь тогда, когда разрѣшены будутъ основные политическіе и экономическіе вопросы нашего времени, поставленные, но не разрѣшенные минувшей революціей.

VI.

Нѣкоторыя измѣненія въ строѣ капиталистическихъ отношеній.

Если промышленная депрессія времени революціи, по силѣ своей, уступаетъ промышленному кризису начала девятисотыхъ годовъ, то и тѣ измѣненія, которыя произошли въ нѣкоторыхъ сторонахъ нашего промышленнаго строя, должны отличаться отъ измѣненій, являющихся обычными результатами промышленнаго кризиса. На-ряду, такъ сказать, съ обычнымъ процессомъ роста промышленнаго капитализма долженъ былъ намѣтиться и процессъ, вызванный исключительнымъ вліяніемъ революціи.

Прежде всего не подлежитъ сомнѣнію, что революціонныя осложненія не ослабили позиціи промышленнаго капитализма. Вытѣсненіе кустарнаго производства фабричнымъ, ручного — машиннымъ продолжалось и въ годы революціи. Можно даже думать, что въ этомъ отношеніи ростъ промышленнаго капитализма совершался болѣе интенсивно, потому, во-первыхъ, что мелкія производства должны были чувствительнѣе реагировать на промышленную депрессію и быстрѣе поддаваться ея разрушительному вліянію, чѣмъ крупное производство, и потому, во-вторыхъ, что періоды оживленія, напр., въ мануфактурной промышленности сопровождались, какъ мы видѣли, ростомъ текстильнаго производства, возникновеніемъ новыхъ фабрикъ—новыхъ враговъ кустарнаго производства. О такомъ именно процессѣ свидѣтельствуютъ тѣ немногіе источники земской статистики, которые продолжаютъ изученіе нашей экономической эволюціи. Такъ, въ костромской губерніи констатируется ростъ фабричныхъ промысловъ. „Въ нашей мѣстности все болѣе развиваются фабрики",—сообщаетъ корреспондентъ земской статистики изъ кинешемскаго уѣзда; „замѣтно очень, что фабричное производство увеличивается и развивается очень хорошо... Уходятъ на фабрики изъ семьи всѣ, начиная съ 15-тилѣтнихъ, остаются старики и малолѣтки",—пишутъ изъ нерехтск. уѣзда [1]). Параллельно съ этимъ отмѣчается паденіе кустарныхъ промысловъ. „Мѣстный промыселъ — тканье холстовъ — падаетъ по случаю фабрикъ" (кинеш. у.). „До устройства фабрикъ занимались на домахъ выработкой деревенскихъ полотенъ и холста, но съ возведеніемъ фабрикъ этотъ заработокъ прекратился" (нерехт. у.). „Развиваются фабрики и падаетъ промыселъ ручного ткачества въ домахъ холста, миткаля, салфетокъ" (кинеш. у.). Аналогичный процессъ наблюдался и въ московской губ. „Въ ткацкомъ промыслѣ ручныя машины вытѣсняются самоткацкими; гдѣ прежде кормилось

---

[1]) Статистическій ежегодникъ костромской губ. за 1908 г., ч. I, стр. 29—30.

пятеро, шестеро, тамъ на самоткацкой машинѣ работаетъ одна" (подольск. у.)[1]). „Ручная выдѣлка гильзъ замѣняется машинной; гдѣ продолжаютъ еще ручнымъ способомъ вставлять мундштуки, цѣны очень понизились" (подольск. у.). „Иконописцы также лишились много работы, такъ какъ теперь пошли образа штампованной работы". Мы уже упоминали выше, что во владимірской губ. возникъ рядъ новыхъ предпріятій, основатели которыхъ раньше большей частью занимались раздачею пряжи для ручного ткачества кустарямъ, а теперь, закрывъ свои раздаточныя конторы, перешли на механическое ткачество. „Вновь открытыя фабрики, —читаемъ въ „Сводѣ отчетовъ" фабричныхъ инспекторовъ,—выстроились въ тѣхъ же районахъ, гдѣ раньше дѣйствовали раздаточныя конторы, и ручные ткачи-кустари создали главный контингентъ рабочихъ этихъ фабрикъ. Обученіе и пріобрѣтеніе навыка къ механическому ткачеству миткалей, требуя не болѣе 4—6 недѣль, не могло служить препятствіемъ къ такому переходу, который, въ виду вдвое большаго заработка механическихъ ткачей по сравненію съ ручными, былъ для нихъ крайне желательнымъ. Съ другой стороны, пользованіе мѣстными рабочими, живущими въ своихъ домахъ и имѣющими подспорье въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ, создавало для новыхъ фабрикантовъ возможность оплачивать трудъ ткача дешевле, чѣмъ платятъ крупныя мануфактуры въ промышленныхъ центрахъ"[2]). Такимъ образомъ, насколько можно видѣть изъ приведенныхъ примѣровъ, ростъ промышленнаго капитализма продолжался и въ годы революціи; кустарные промыслы вытѣснялись фабрикой или перерождались въ фабричное производство, кустари становились фабричными рабочими.

Къ такому же результату мы придемъ, если обратимся къ другой сторонѣ процесса роста промышленнаго капитализма—концентраціи производства. Въ слѣдующей таблицѣ приведены данныя о числѣ рабочихъ по группамъ промышленныхъ предпріятій для 1900 — 1902 г.г. и 1904 — 1908 г.г., такъ что представляется возможнымъ сравнить въ отношеніи концентраціи годы кризиса съ временемъ революціи[3]).

---

[1]) Статистич. ежегодникъ московской губ. за 1907 г.

[2]) Сводъ отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ за 1906 г., стр. IV—V.

[3]) Данныя относятся къ предпріятіямъ, подчиненнымъ надзору фабричной инспекціи, и взяты изъ „Свода отчетовъ" фабричныхъ инспекторовъ. За данныя 1900 г. и 1902 г. приняты данныя о числѣ рабочихъ къ началу 1901 г. и 1903 г., какъ болѣе точныя и относящіяся, въ сущности, къ предыдущему году (см. общее поясненіе въ „Сводѣ" за 1908 г., стр. 2). Такимъ образомъ, данныя первой части таблицы охватываютъ періодъ отъ конца 1901 г. по конецъ 1902 г., т. е. періодъ наибольшаго обостренія промышленнаго кризиса. Данныя 1904 г., 1906 г. и 1908 г. относятся къ концу этихъ годовъ и охватываютъ, такимъ образомъ, время отъ начала революціи до полной ея „ликвидаціи". О пригодности данныхъ „Сводовъ" для выясненія общей картины процесса концентраціи, несмотря на нѣкоторые существенные ихъ недостатки, см., между прочимъ, полемику г. Тугана-Барановскаго съ г. Микулинымъ („Рѣчь" 1909 г.,

Группы предпріятій съ числомъ рабоч.	1	2	3	4	5	6	7	8	9
	Число рабочихъ (въ тыс.)					Увелич. (+) или уменьш. (—) числа рабоч. въ проц.			
	1900	1902	1904	1906	1908	1902 ср. съ 1900	1906 ср. съ 1904	1904 ср. съ 1900	1908 ср. съ 1904
I До 100 чел.	418,7	379,0	362,0	348,5	355,7	— 9,4	— 3,6	— 13,5	— 1,7
II Отъ 100 до 500 ч.	495,2	463,3	465,9	464,7	472,1	— 6,4	— 0,2	— 5,9	+ 1,3
III „ 500 „ 1000 „	272,0	276,4	273,7	286,0	270,0	+ 1,5	+ 4,3	+ 0,6	— 1,3
IV Свыше 1000 ч. . .	525,6	521,5	561,3	623,6	657,2	0,7	+ 9,9	+ 6,3	+ 14,5

Данныя, относящіяся къ 1900—1902 г.г. (графы 1, 2 и 6 таблицы), даютъ картину процесса концентраціи производства, вполнѣ характерную для періода промышленнаго кризиса. Потрясенное, въ основахъ своихъ производство приводитъ къ сокращенію числа рабочихъ почти во всѣхъ группахъ предпріятій; только третья группа даетъ небольшое повышеніе. При этомъ, мелкія и среднія предпріятія, какъ и слѣдовало ожидать, понесли значительно большій уронъ, чѣмъ крупныя предпріятія, а самыя крупныя предпріятія, по числу рабочихъ, дали уменьшеніе сравнительно ничтожное. Въ годы революціи (графы 3, 4 и 7) картина получается существенно иная. Сокращается число рабочихъ только въ мелкихъ и среднихъ предпріятіяхъ, въ крупныхъ, наоборотъ, оно повышается, при чемъ сокращеніе числа рабочихъ остается въ предѣлахъ, значительно уступающихъ времени промышленнаго кризиса начала девятисотыхъ годовъ. Очевидно, въ 1905—1906 г.г. концентраціи протекали въ приблизительно нормальныхъ условіяхъ: крупныя предпріятія поглощали мелкія. Этотъ процессъ выясняется еще болѣе отчетливо, если сравнить четырехлѣтіе до революціи (1900—1904 г.г.) съ послѣдующимъ четырехлѣтіемъ (1904 — 1908 г.г.). Итоги перваго даютъ сильное пониженіе числа рабочихъ для мелкихъ и среднихъ предпріятій и увеличеніе для крупныхъ, съ наибольшимъ увеличеніемъ для самыхъ крупныхъ предпріятій. Промышленный кризисъ, произведя опустошеніе въ промышленности, вмѣстѣ съ тѣмъ, вообще, ослабилъ интенсивность концентраціи. Въ итогахъ второго четырехлѣтія понижательная тенденція явно уступаетъ повышательной, при чемъ вполнѣ рельефно выступаетъ поглощеніе каждой послѣдующей болѣе крупной группой предыдущей, менѣе крупной; вліяніе исключительныхъ условій сказалось въ чрезвычайномъ повышеніи числа рабочихъ въ самыхъ крупныхъ предпріятіяхъ, очевидно, болѣе стойко выдержавшихъ давленіе революціонныхъ затрудненій. Въ общемъ, данныя о концентраціи свидѣтельствуютъ еще разъ, что промышленная депрессія времени

№№ отъ 6 и 20 ноября). Въ нашей таблицѣ изъ данныхъ 1908 г. исключены, для допустимости сравненія съ 1904 г., данныя, относящіяся къ бакинской губерніи, промышленныя предпріятія которой, въ значительнѣйшей части, подчинены надзору фабричной инспекціи только въ 1907 г.

революціи оказалась для промышленности менѣе чувствительной, чѣмъ кризисъ начала девятисотыхъ годовъ, сохранивъ для промышленныхъ предпріятій приблизительно обычныя условія концентраціи и только усиливъ ростъ наиболѣе крупныхъ предпріятій. Если мы обратимся къ относительному значенію отдѣльныхъ группъ предпріятій въ отдѣльные годы, то и здѣсь убѣдимся въ возрастаніи силы крупныхъ предпріятій.

Группы предпріятій съ числомъ рабочихъ.	Проц. отношеніе числа рабочихъ къ итогамъ каждаго года.		
	1900 г.	1904 г.	1908 г.
До 100 чел.	24,4	21,7	20.2
Отъ 100 до 500 чел.	28,2	28,0	26,8
„ 500 „ 1000 „	16,8	16,4	15,3
Свыше 1000 чел. . .	31,7	33,7	37,2

Изъ года въ годъ постепенно уменьшается относительное значеніе всѣхъ группъ предпріятій, кромѣ группы самыхъ крупныхъ, сила которой, напротивъ, увеличивается. Это означаетъ не только неизмѣнно продолжающійся интенсивный процессъ концентраціи, но и указываетъ на исключительно быстрый ростъ крупнаго производства и на все возростающую роль въ нашей промышленности крупнаго капитала.

Если, такимъ образомъ, въ годы революціи продолжался обычный процессъ роста промышленнаго капитализма, то вмѣстѣ съ тѣмъ, подъ вліяніемъ исключительныхъ условій революціоннаго времени, намѣтился болѣе интенсивный ростъ крупнаго производства. Всѣ осложненія политическія и соціальныя, которыя принесла съ собой революція, крупное производство выдержало легче, чѣмъ производства мелкія или среднія; въ то время, какъ послѣднія сокращали число рабочихъ или совершенно ликвидировали дѣла, крупныя предпріятія оказались въ силахъ пережить тяжелыя времена и вышли изъ борьбы даже укрѣпленными. Ихъ значеніе въ общемъ строѣ промышленности стало еще болѣе крупнымъ, чѣмъ было раньше, до революціи. Отсюда—укрѣпленіе позицій крупнаго капитала, какъ основное измѣненіе въ строѣ капиталистическихъ отношеній, явившееся результатомъ революціи. Торжество реакціи дало крупному капиталу возможность реализовать свою возросшую силу для активной борьбы съ рабочими, съ одной стороны, и для порабощенія внутренняго рынка—съ другой.

Мы видѣли, что въ разгаръ революціи рабочимъ удалось добиться лучшихъ условій труда—повысить плату, уменьшить продолжительность рабочаго времени,—какъ удалось имъ также измѣнить многое въ строѣ фабричной жизни. Какъ только обнаружилась непрочность политическихъ завоеваній революціи и побѣда реакціонныхъ силъ, крупный капиталъ повелъ систематическую борьбу съ рабочимъ классомъ. Открытое возвращеніе къ старому, путемъ прямого уменьшенія заработной платы и увеличенія рабочаго

времени было припасено къ тому времени, когда воцарится „успокоеніе“ и нельзя будетъ ожидать никакого сопротивленія со стороны рабочихъ. На первыхъ порахъ крупный капиталъ, чувствуя за собой силу, старался вознаградить себя другимъ путемъ—путемъ усиленія интенсивности труда, выжиманія изъ рабочихъ всей той рабочей силы, на которую они способны. Въ этомъ отношеніи, прежде всего, вводятся техническія усовершенствованія въ производствѣ, къ которымъ до того предприниматели оставались упорно равнодушными, машины начинаютъ примѣняться тамъ, гдѣ раньше довольствовались ручнымъ трудомъ, усиливается ходъ машины, вводится такъ называемая американская система, и т. д. На московской конференціи текстильщиковъ въ докладѣ союза аппретурщиковъ отмѣчалось введеніе во многихъ случаяхъ усовершенствованныхъ машинъ; въ Ивановѣ ускоренъ ходъ ткацкихъ станковъ; въ Кинешмѣ увеличено число оборотовъ машинъ и введены новыя машины; „на фабрикѣ Красильщиковой одинъ рабочій ходитъ теперь за большимъ числомъ станковъ,—чесальныя машины, вырабатывавшія 3 пуда, теперь вырабатываютъ 9 п.“ [1]). „Многія мануфактурныя предпріятія центральнаго района, — читаемъ въ „Торг.-Пр. Газ.“, — въ послѣднее время стремятся къ усовершенствованію производства, устанавливаютъ у себя паровыя турбины“ [2]). Варшавская газета „Наша Жизнь“ произвела въ свое время анкету о причинахъ остраго кризиса въ мѣстной металлообрабатывающей промышленности; опрошенные инженеры, какъ на одну изъ главныхъ причинъ, указали на вздорожаніе рабочихъ рукъ и единственнымъ выходомъ считали „введеніе новѣйшихъ машинъ и вообще поднятіе техники“ [3]). Въ началѣ 1907 г. въ разныхъ печатныхъ заведеніяхъ Петербурга имѣлось въ наличности около 20 наборныхъ машинъ [4]), а въ послѣдующее время число ихъ увеличилось еще больше. „Повышеніе заработной платы на 30—40 проц. на металлургическихъ заводахъ,—писала въ свое время „Торг.-Пр. Газ.“,—заставило промышленниковъ быть болѣе экономными въ распоряженіи рабочей силы и позаботиться прежде всего о повышеніи производительности труда путемъ соотвѣтственнаго усовершенствованія орудій производства“ [5]). Такъ во многихъ отрасляхъ производства промышленники, подгоняемые завоеваніями, которыя сдѣлали рабочіе во время революціи, вынуждены были позаботиться о техническомъ усовершенствованіи производства, хотя, само собою разумѣется, они помышляли не столько о техническомъ прогрессѣ, сколько объ усиленіи интенсивности труда и объ удешевленіи рабочей силы. Поэтому

---

[1]) См. „Рабочій по металлу“ 1907 г., № 18.
[2]) „Торг.-Пр. Газ.“ 1907 г., № 273.
[3]) „Кузнецъ“ 1908, № 8.
[4]) „Торг.-Газ.“ 1907, № 115.
[5]) „Торг.-Пр. Газ.“ 1907, № 132.

тамъ, гдѣ представлялась возможность, они просто усиливали интенсивность труда, прибѣгая къ скрытымъ или явнымъ способамъ болѣе утонченной эксплоатаціи рабочей силы. Въ петербургской, напр., металлообрабатывающей промышленности поденная плата замѣняется почасной, чѣмъ, между прочимъ, у рабочихъ отнималось вознагражденіе за 3 субботнихъ часа; дѣлается цѣлый рядъ попытокъ перейти къ американской системѣ, что сопровождалось рѣзкимъ пониженіемъ цѣнъ на работу; возстанавливаютъ въ широкихъ размѣрахъ сверхурочныя работы, устраиваютъ даже особыя автоматически запирающіяся ворота, которыя захлопываются точно въ положенный для начала работы часъ, и т. д. [1]). Наиболѣе радикально усиленіе интенсивности труда достигается измѣненіемъ въ распредѣленіи рабочаго времени, переходомъ съ односмѣнной на двух- и трехсмѣнную работу; машины, при такомъ порядкѣ, работаютъ безъ перерывовъ круглыя сутки, а изъ рабочихъ каждой смѣны можетъ быть выжата вся ихъ способность къ труду. Насколько существенно измѣнилось за годы революціи распредѣленіе рабочаго времени, видно изъ слѣдующихъ данныхъ, относящихся къ предпріятіямъ по обработкѣ хлопка [2]):

	Число рабочихъ, работавшихъ:		
	1 компл.	2 компл.	3 компл.
1904 г.	144.034	193.434	716
1905 „	141.982	200.387	823
1907 „	134.130	266.583	2.831

Въ 1907 г., по сравненію съ 1904 г., число рабочихъ, занятыхъ однокомплектной работой, уменьшилось на 6,8 проц., занятыхъ двухкомплектной работой увеличилось на 27,4 проц. и работавшихъ тремя комплектами увеличилось въ 4 раза. Въ двухкомплектной работѣ въ 1907 г. участвовали 71 проц. всего числа женщинъ и подростковъ, 65,7 проц. малолѣтнихъ и 58,8 проц. мужчинъ, т. е. для каждой возрастной группы преобладали двухкомплетныя работы, женщины, подростки и дѣти работали по преимуществу двумя комплектами; меньшее число взрослыхъ мужчинъ, занятыхъ двухкомплектной работой, объясняется только тѣмъ, что они, сверхъ того, были заняты въ трехкомплектной работѣ, куда входитъ ночная работа. Такъ предприниматели вознаградили себя за сокращеніе рабочаго дня, добытое рабочими цѣною упорной борьбы; вводя новые комплекты, хотя и съ меньшей продолжительностью рабочаго времени, они добились болѣе напря-

---

[1]) Матеріалы объ экономич. положеніи и профессіон. организаціи петербургск. рабочихъ по металлу. Спб. 1909, стр. 108 и сл.

[2]) Продолжительность рабочаго времени въ предпріятіяхъ по обработкѣ хлопка. „Вѣстн. Фин." 1908, № 40, см. также изданіе отдѣла промышленности „Данныя о продолжительности рабочаго времени въ предпріятіяхъ по обработкѣ хлопка за 1907 г.".

женной работы. Это усиленіе интенсивности работы сказалось, между прочимъ, на увеличенія числа несчастныхъ случаевъ. Какъ разъ въ предпріятіяхъ по обработкѣ хлопка, гдѣ измѣненіе въ распредѣленіи рабочаго времени проявилось наиболѣе ярко, число несчастныхъ случаевъ быстро увеличилось: такъ, на каждую тысячу несчастныхъ случаевъ приходилось на предпріятія по обработкѣ хлопка въ 1904 г. 140,0, въ 1905 г.—155,0, въ 1906 г.—176,3. Точно также и вообще увеличилось число несчастныхъ случаевъ: въ 1904 г. на 1.000 рабочихъ приходилось 28,6 несч. случая, въ 1905 г.—32,0 и въ 1906 г.—36,3 [1]).

Натискъ предпринимателей на рабочихъ не ограничился, однако, усиленіемъ интенсивности работы. На-ряду съ этимъ въ годы революціи намѣтился и другой путь къ возстановленію старыхъ фабричныхъ порядковъ—широкое стремленіе къ замѣнѣ труда мужчинъ трудомъ женщинъ и малолѣтнихъ. Причины такой замѣны весьма просты, и мы находимъ имъ, напр., слѣдующее объясненіе въ „Сводѣ отчетовъ" фабричныхъ инспекторовъ: „явленіе это есть результатъ бывшаго рабочаго движенія: фабриканты всюду, гдѣ только возможно, замѣняютъ мужчинъ женщинами, не только среди взрослыхъ, но и среди подростковъ, считая женскій элементъ на фабрикахъ болѣе спокойнымъ и устойчивымъ, чѣмъ мужской, тѣмъ болѣе, что такая замѣна выгодна еще и тѣмъ, что женскій трудъ оплачивается вообще дешевле мужского" [2]). Такимъ образомъ, замѣна мужчинъ женщинами приводитъ къ двойной выгодѣ: мѣсто безпокойнаго элемента занимаетъ элементъ спокойный и понижается заработная плата. Отчеты фабричныхъ инспекторовъ изъ года въ годъ отмѣчаютъ это измѣненіе въ составѣ рабочихъ на предпріятіяхъ, подчиненныхъ ихъ надзору. Старшій инспекторъ владимірской губ., подводя итоги 1907 г., сообщаетъ: „неизмѣнно ежегодно повторяющееся увеличеніе числа женщинъ наблюдалось съ особой силой и въ отчетномъ году. Въ то время, какъ число мужчинъ, достигавшее въ началѣ года 88.832 чел., увеличилось на 970 чел., т. е. на 0,85 проц., число женщинъ возросло на 7.316, т. е. на 9,25 проц. Усиленіе примѣненія женскаго труда особенно рѣзко выразилось въ бумаготкацкой промышленности, гдѣ женщина-ткачиха вытѣсняетъ мужчину" [3]). Въ московской губ. наблюдалось то же явленіе, при чемъ, какъ и всюду, замѣна мотивировалась тѣмъ, что „замѣненные рабочіе-мужчины были на фабрикѣ самымъ безпокойнымъ элементомъ". „Предпочтеніе фабрикантами труду женщинъ, сообщаютъ въ отчетѣ по владимірской губ. за 1908 г., настолько велико, что есть уже

---

[1]) Къ „Статистикѣ несчастныхъ случаевъ съ рабочими въ промышленныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору фабр. инспекціи" за соотв. годы.

[2]) Сводъ отчетовъ за 1906 г., стр. VII.

[3]) Сводъ отчетовъ за 1907 г., стр. VII.

фабрики, гдѣ женщины, съ одной стороны, исполняютъ обязанности таскальщиковъ тяжестей, съ другой же—занимаютъ мѣста младшихъ конторскихъ служащихъ, пріемщиковъ суровья, товаровъ и т. д.". Въ московской губ. обойная фабрика, гдѣ исключительно работали женщины, ввела отчасти и женскій трудъ, фабрика жестяныхъ коробокъ ввела женскій трудъ въ паяльномъ отдѣленіи и на механическихъ штампахъ [1]). Аналогичныя данныя имѣются о другихъ губерніяхъ и о прочихъ производствахъ, какъ имѣются и данныя объ увеличеніи на фабрикахъ числа подростковъ и малолѣтнихъ [2]). О силѣ этого процесса можно судить по слѣдующей таблицѣ, въ которой приведено увеличеніе или уменьшеніе (въ %) числа рабочихъ мужчинъ и женщинъ по нѣкоторымъ производствамъ въ 1906 г. по сравненію съ 1904 г. [3]).

Группы производствъ.	Мужчинъ.	Женщинъ.
Обработка хлопка	3,3	+ 9,7
„ льна, пеньки и джута .	+ 11,4	+ 15,9
„ дерева	— 3,1	+ 9,4
„ металловъ	+ 3,0	+ 13,2
„ животныхъ прод. . .	— 2,8	+ 12,0
„ пищевыхъ „ . . .	+ 2,4	+ 10,3

Число женщинъ, какъ это видно изъ таблицы, увеличилось во много разъ больше, чѣмъ мужчинъ, и при томъ даже въ такихъ производствахъ (какъ, напр., обработка металловъ), гдѣ трудъ женщины примѣняется рѣдко.

Мы оставляемъ безъ разсмотрѣнія остальные пути, по которымъ предприниматели слѣдуютъ къ возстановленію дореволюціоннаго „равновѣсія" въ отношеніяхъ между трудомъ и капиталомъ, такъ какъ изученіе такого рода измѣненій въ нашу задачу не входитъ. Мы остановились только на нѣкоторыхъ наиболѣе крупныхъ явленіяхъ, свидѣтельствующихъ о тѣхъ результатахъ, къ которымъ привела революція. Экономическая борьба рабочихъ непосредсредственно улучшила условія ихъ работы: повысилась заработная плата, сократилась продолжительность рабочаго времени, существенно измѣнились общіе фабричные порядки. Крупный капиталъ на первыхъ порахъ стремился возмѣстить понесенный имъ уронъ улучшеніемъ техники производства, замѣной старыхъ машинъ усовершенствованными, введеніемъ машинъ тамъ, гдѣ ихъ раньше не было, и т. д.—отсюда несомнѣнный техническій про-

[1]) Сводъ отчетовъ за 1908 г., стр. 12.

[2]) Усиленіе примѣненія дѣтскаго труда падаетъ преимущественно на мелкія ткацкія фабрики, возникшія „на почвѣ домашней ткацкой промышленности (черезъ раздаточныя конторы), искони широко и безпощадно пользовавшейся трудомъ малолѣтнихъ" (Сводъ отчетовъ за 1906 г., стр. 14).

[3]) Составлено по „Статистикѣ несчастныхъ случаевъ" за соотв. годы.

грессъ, которымъ до сихъ поръ и вообще русская промышленность похвалиться не могла. Въ дальнѣйшемъ, поскольку все больше выяснялась побѣда реакціи, капиталъ широко пользуется болѣе простыми, но въ то же время существенно измѣняющими строй промышленности, способами „реванша"— увеличеніемъ интенсивности труда, усиленіемъ эксплоатаціи рабочей силы, замѣной труда мужчины трудомъ женщины, т. е. втягиваніемъ въ капиталистическую обработку новыхъ элементовъ рабочаго населенія. Если техническій прогрессъ можетъ только ускорить ростъ промышленнаго капитализма, то остальныя стороны разсмотрѣннаго процесса создаютъ элементы для обостренія классовой борьбы.

Укрѣпляясь на новыхъ позиціяхъ, крупный капиталъ спѣшитъ собрать свои силы, объединиться въ организаціи, умножающія его вліяніе и силу. Мы наблюдали уже возникновеніе ряда синдикатовъ въ разгаръ промышленнаго кризиса начала девятисотыхъ годовъ. Въ революціонное, и особенно въ послѣреволюціонное время это объединеніе капитала происходитъ еще въ болѣе широкомъ масштабѣ. Причиной тому послужила, какъ всегда при возникновеніи синдикатовъ, промышленная депрессія, но еще въ большей степени здѣсь сказались сознанныя капиталомъ, въ годы революціонной борьбы, сила и значеніе объединенія. Послѣ 1905 г. возникаютъ въ желѣзной промышленности такіе крупные синдикаты, какъ „Кровля", „Продвагонъ", синдикаты рельсопрокатныхъ и паровозостроительныхъ заводовъ, „Продарудъ" и т. д.; послѣ 1905 г. расцвѣлъ и наиболѣе вліятельный синдикатъ „Продомета", такъ какъ съ этого времени къ нему примкнулъ рядъ крупныхъ заводовъ [1]). Одновременно съ чрезвычайной быстротой возникаютъ синдикаты и въ другихъ отрасляхъ производства, такъ что въ короткое время вся наша промышленность покрывается густою сѣтью торгово-промышленныхъ организацій. Помимо только-что названныхъ синдикатовъ или такихъ общеизвѣстныхъ, какъ „Продуголь", „Проволока", соляной, сахарный, спичечный, можно указать длинный рядъ синдикатовъ, охватившихъ въ большей или меньшей степени тѣ или другія производства: стекольный, резиновый, цементный, мѣдный, ниточный, мукомольный, мыловаренный, польскій хлопчатобумажный и пр., и пр. На-ряду съ этими, вполнѣ оформленными синдикатами, имѣются въ безконечномъ числѣ зародыши синдикатовъ, неоформленныя соглашенія и объединенія, особенно широко распространенныя въ продажѣ продуктовъ массоваго потребленія; таковы многочисленные синдикаты мясоторговцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые закрылись, а другіе продолжаютъ существовать (брестскій, виленскій, кіевскій и т. д.), союзъ южныхъ прасоловъ, объединеніе мурманскихъ рыбопромышленниковъ, петербургскихъ тор-

---

[1]) См. Кафенгаузъ, цит. соч.

говцевъ рыбой, кирпичемъ, дровами и т. д. О силѣ всѣхъ этихъ организацій, далеко не призрачной, можно судить по тому, что, напр., синдикатъ „Мѣдь“ объединяетъ 90°/₀ производства, „Продарудъ“ — 80°/₀, „Продамета“—75°/₀, „Продуголь—до 70°/₀, „Кровля“—60°/₀, не говоря уже о такихъ синдикатахъ, какъ распавшійся „Гвоздь“ или сахарный, которые объединяютъ все производство.

Всѣ усилія всѣхъ этихъ разнообразныхъ синдикатовъ направлены къ одной цѣли—къ повышенію цѣнъ на товары, и поставленную себѣ задачу они, общими усиліями, разрѣшили въ совершенствѣ. Мы уже приводили выше общія данныя о повышеніи цѣнъ на товары въ 1905 — 1907 г.г.: если принять за 100 уровень цѣнъ на всѣ товары въ среднемъ за періодъ 1890—1899 г.г., то для 1904 г. показатель цѣнъ повысится до 110,4, для 1905 г.—115,1, для 1906 г.—124,2 и для 1907 г.—130,8, т. е. особенно сильно цѣны поднялись съ 1904 по 1907 г. и, въ частности, съ 1905 г. по 1906 г. По отдѣльнымъ группамъ товаровъ цѣны измѣнялись такимъ образомъ [1]):

	Среднее за 1890--1899	1904	1905	1906	1907
Хлѣбные продукты	100	104,8	114,7	119,8	142,3
Животные „	100	121,7	127,8	137,3	148,4
Прядильные матеріалы . .	100	131,3	125,2	139,4	147,1
Продукты горноз. пром. [2]) .	100	106,9	119,0	137,9	141,8
Масличные продукты [3]) . .	100	97,1	102,5	115,8	109,8
Москательные товары [4]) . .	100	102,7	105,3	112,7	121,0
Бакалейные „ [5]) . .	100	108,4	111,4	106,8	105,1

По отдѣльнымъ группамъ товаровъ, какъ видно изъ этой таблицы, цѣны повышались еще болѣе значительно, чѣмъ въ среднемъ для всѣхъ товаровъ, вмѣстѣ взятыхъ. Что могло послужить причиной такого повышенія? Промышленники, прежде всего, указываютъ на увеличеніе издержекъ производства, на вздорожаніе сырыхъ матеріаловъ и въ особенности на повышеніе заработной платы за годы революціи. Что касается послѣдняго аргумента, то легковѣсность его обнаруживается сама собою, при бѣгломъ даже знакомствѣ съ приведенной таблицей. Допустивъ даже, что повышеніе заработной платы было столь значительно и такъ чувствительно для промышленниковъ, что

---

[1]) См. Ал. Билимовичъ. Подъемъ товарныхъ цѣнъ въ Россіи. Кіевъ, 1909. „Движеніе цѣнъ на товары у насъ и за границей“. Инженеръ С. „Вѣстн. Фин.“, 1908, № 50.

[2]) Сюда входятъ какъ уголь и нефть, такъ и желѣзо, чугунъ, нефть и пр.

[3]) Сюда входятъ сѣмя, масло, жмыхи.

[4]) Сюда входятъ бѣлила, красочные экстракты, поташъ, селитра, сѣра и т. д.

[5]) Сюда входятъ, среди другихъ товаровъ, соль, сахаръ, чай, рисъ.

*

они должны были повысить цѣну товаровъ, мы находимъ объясненіе для подъема цѣнъ только въ 1905 г., когда послѣдовало дѣйствительное повышеніе заработной платы. Но цѣны товаровъ продолжаютъ повышаться и тогда, когда ростъ заработной платы пріостанавливается; онѣ продолжаютъ повышаться даже и тогда, когда заработная плата начинаетъ понижаться. Мы видѣли, съ какой энергіей принялись промышленники за обезвреживаніе экономическихъ завоеваній рабочихъ, а затѣмъ и за возстановленіе дореволюціонныхъ условій фабричной работы; усиленіе интенсивности труда, измѣненія въ продолжительности рабочаго времени, замѣна труда мужчинъ трудомъ женщинъ фактически быстро обезвредили и уменьшеніе рабочаго дня, и повышеніе заработной платы. Очевидно, подъемъ товарныхъ цѣнъ меньше всего связанъ съ экономическими завоеваніями рабочихъ, ибо при такой связи товарныя цѣны должны были пасть уже въ 1906 г., не говоря уже о 1907 г. Ссылка на вздорожаніе сырыхъ матеріаловъ и вообще на увеличеніе себѣ стоимости продукта, при замкнутомъ кругѣ синдикатской круговой поруки, пріобрѣтаетъ нѣкоторую видимость убѣдительности. Если „Продуголь" вздуваетъ цѣны на твердое топливо, то „Продамета" можетъ оправдывать повышеніе цѣны металла повышеніемъ цѣны каменнаго угля. Но если разорвать этотъ кругъ и поставить вопросъ о причинахъ вздорожанія угля, то и отъ ссылки на увеличеніе себѣстоимости останется очень мало. Наиболѣе разительно несоотвѣтствіе между повышеніемъ цѣнъ на фабрикаты и увеличеніемъ цѣны на сырье обнаруживается въ мануфактурной промышленности. Вотъ, напр., цѣны на фабрикаты и сырье въ 1901—03 гг. и 1906 г.[1]):

	1901—3	1906	Повышеніе въ %
Утокъ № $^{36}/_{24}$ . .	16 р. 83 к.	23 р. 50 к.	39,6
Медіо № 34 . .	17 „ 30 „	24 „ — „	38,7
Миткаль 60 ф. . .	— „ 5,4 „	— „ $7^1/_2$ „	32,0
„ 74 „ .	— „ 6.3 „	— „ $8^{15}/_{16}$ „	41,9
„ 80 „ . .	— „ 7,3 „	— „ 10 „	37,0
Хлопокъ среднеаз. .	12 „ 49 „	12 „ 60 „	1,0

Сырой матеріалъ повысился въ цѣнѣ только на 1 проц. въ то время, какъ цѣна издѣлій увеличилась на 32 — 41,9 проц. Очевидно, никакого соотвѣтствія между вздорожаніемъ сырья и вздорожаніемъ фабриката здѣсь нѣтъ. Такое же несоотвѣтствіе можно было бы установить какъ для горнозаводской, такъ и для другихъ отраслей промышленности. Когда промышленники указываютъ, что стоимость оборудованія заводовъ повысилась, а производительность ихъ, за отсутствіемъ спроса, не можетъ быть всецѣло

[1]) В. Шимановскій. Мануфактурный рынокъ въ 1906 г. „Вѣстн. Фин.", 1907 г., № 46).

использована и, что это именно обстоятельство заставляетъ ихъ повышать цѣны, то они правы только отчасти и въ самой небольшой степени. Увеличеніе „издержекъ производства“ въ только-что отмѣченномъ смыслѣ не поддавалось быстрымъ измѣненіямъ и на протяженіи значительнаго періода времени оставалось неизмѣннымъ; между дѣла, цѣны, совершенно независимо отъ спроса, продолжала повышаться. Мы видѣли выше, что въ годы революціи, за рѣдкими исключеніями, рынокъ оставался вялымъ, спросъ—слабымъ, но это не удержало цѣны отъ повышенія: онѣ росли, вопреки тому, что спроса не было, и независимо отъ того, увеличились или нѣтъ „издержки производства“.

Несомнѣнно, что при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находилась торгово-промышленная жизнь страны въ годы революціи, нѣкоторый подъемъ товарныхъ цѣнъ являлся естественнымъ. Перерывы въ производствѣ, сокращавшіе предложеніе, невозможность своевременнаго пополненія товарныхъ складовъ, вынужденная, въ виду народныхъ волненій, оторванность рынковъ, затрудненія въ условіяхъ кредита и осложненія въ денежномъ обращеніи,— все это создавало почву, чрезвычайно благопріятную для подъема товарныхъ цѣнъ, и дѣлало этотъ подъемъ неизбѣжнымъ. Трудно, конечно, сказать, гдѣ кончается вліяніе этихъ исключительныхъ обстоятельствъ и до какого предѣла подъемъ цѣнъ долженъ быть отнесенъ на ихъ счетъ. Но можно положительно утверждать, что безъ воздѣйствія организованнаго капитала этотъ подъемъ не былъ бы столь значительнымъ и такъ продолжителенъ. Подтвержденіе этому можно видѣть какъ въ томъ, что повышеніе цѣнъ продолжалось и тогда, когда вліяніе исключительныхъ условій прекратилось, такъ и въ непосредственномъ вздуваніи цѣнъ синдикатами и прочаго сорта соглашеніями торговцевъ и промышленниковъ. Хроника товарныхъ рынковъ во все время революціи не переставала отмѣчать, что цѣны на синдикатскіе товары стоятъ выше несиндикатскихъ; одного появленія на рынкѣ слуховъ о возникновеніи синдиката достаточно было для того, чтобы цѣны сразу поднялись, такъ какъ складчики спѣшили запастись относительно дешевымъ товаромъ. Съ возникновеніемъ же синдикатовъ цѣны росли безудержно и внѣ какой-либо связи съ состояніемъ производства или положеніемъ рынка. Такъ, синдикатъ „Кровля“ въ приволжскомъ районѣ, гдѣ онъ чувствовалъ себя монополистомъ, сразу поднялъ цѣны на 10—15 проц. въ то время, какъ въ другихъ районахъ, гдѣ требовалось уничтожить конкуррента, цѣны понижались. До возникновенія синдиката „Продуголь“ цѣна на уголь стояла на уровнѣ $6^1/_2$—$7^1/_2$ к.,—синдикатъ поднялъ ее до $8^1/_2$ и даже до 10 к. за пудъ. Прекращеніе дѣятельности синдикатомъ „Гвоздь“ понизило цѣны на 30 проц., а затѣмъ, съ организаціей продажи синдикатомъ „Проволока“, цѣны снова поднялись. Синдикатъ бахмутскихъ солепромышленниковъ поднялъ

цѣны на 200 проц. и т. д. [1]). Нѣтъ положительно ни одной группы производства, гдѣ бы цѣны не были искусственно подняты, благодаря соглашенію предпринимателей въ той или иной формѣ. Неоформленныя соглашенія дѣйствуютъ въ этомъ отношеніи также вѣрно, какъ самые совершенные синдикаты—форма не играла никакой роли, важенъ былъ только самый фактъ соглашенія. Московскіе или ивановскіе мануфактурные фабриканты не объединены въ синдикатъ, но это не помѣшало имъ солидарно повышать цѣны даже и въ тѣ періоды, когда спросъ ослабѣвалъ. Еще менѣе можно говорить объ организованности тѣхъ нижегородскихъ складчиковъ, которые, какъ мы видѣли выше, просто обязались „честнымъ словомъ" не продавать ниже опредѣленной цѣны. Тонъ этой вакханаліи задавалъ организованный капиталъ, но его съ достойнымъ усердіемъ поддерживалъ всякій, кому не было лѣнь.

Въ общемъ хаосѣ дезорганизаціи производства и сбыта капиталъ нашелъ источникъ для укрѣпленія своего вліянія на внутреннемъ рынкѣ, который сталъ его вотчиной. Высокія цѣны не ослабили промышленной депрессіи, не спасли отъ крушенія мелкія предпріятія, которыя въ синдикатъ и соглашенія не входятъ, но сохранили силу за крупными предпріятіями, во много разъ увеличили силу и значеніе крупнаго капитала. Не случайность, поэтому, что именно въ послѣдніе годы промышленники заговорили объ образованіи трестовъ. Крупный капиталъ уже не довольствуется организаціей сбыта, онъ стремится къ дальнѣйшему объединенію и ставитъ на очередь организацію производства. Синдикаты дали ему все, что они могли дать, но стать полновластнымъ властителемъ рынка капиталъ можетъ только послѣ того, какъ онъ объединитъ производство. Нѣкоторыя функціи трестовъ синдикаты выполняли и раньше. Такъ какъ никто изъ участниковъ соглашенія не имѣетъ права продавать помимо синдиката, то заказами центральной конторѣ синдиката и опредѣляется размѣръ производства на каждомъ заводѣ; обладая всѣми данными о производительности заводовъ, синдикаты, кромѣ того, сами опредѣляютъ, сколько и что именно долженъ производить каждый заводъ [2]). Такимъ образомъ, синдикаты получаютъ возможность, помимо сбыта, регулировать также производство, т. е. присваивать себѣ нѣкоторыя функціи трестовъ. Но, конечно, этой рудиментарной формѣ объединенія производства еще далеко до настоящаго треста, и потому промышленники такъ энергично стремятся перейти къ формѣ самой совершенной. Недовѣріе, оказанное на первыхъ порахъ проекту металлургическаго треста въ Гос. Думѣ, печатью и даже правительствомъ, нисколько ихъ не обезкуражило. „Какимъ образомъ

---

[1]) Дальнѣйшія подробности можно найти въ цит. книгѣ г. Кафенгауза и въ анкетѣ о синдикатахъ газеты „Русское Слово".

[2]) Кафенгаузъ, цит. соч., стр. 153.

вы изловите трестъ?—съ нескрываемой ироніей спрашивалъ своихъ противниковъ г. Вольскій на совѣщаніи о положеніи металлургической и машиностроительной промышленности [1]).—Вы изловить его не можете. Мнѣ представляется яснымъ, что, что бы вы ни предпринимали, разъ только въ самой промышленности, среди самихъ промышленниковъ, существуетъ потребность въ этомъ, то, конечно, вы это никакъ не уловите, никакъ эту организацію не прекратите и не искорените". Эти угрозы, сказанныя въ маѣ 1908 г., уже къ серединѣ 1910 г. звучали анахронизмомъ. Промышленникамъ не придется укрываться въ „подпольѣ" и дѣйствовать въ обходъ закона. Можно ожидать, что вслѣдъ за одобреніемъ, заявленнымъ правительствомъ по отношенію къ синдикатамъ, послѣдуетъ признаніе полезности и трестовъ, и фактическая побѣда крупнаго капитала будетъ закрѣплена положительнымъ закономъ.

Въ этомъ объединеніи крупнаго капитала и въ укрѣпленіи его позицій можно видѣть наиболѣе существенное измѣненіе въ строѣ промышленности, явившееся результатомъ революціи. Ростъ промышленнаго капитализма, усиленная концентрація производства, замѣтный техническій прогрессъ, увеличеніе интенсивности труда съ одновременнымъ усиленіемъ эксплоатаціи рабочей силы, чрезвычайный ростъ и вліяніе синдикатовъ и другихъ предпринимательскихъ организацій—таковы главнѣйшіе факты, въ которыхъ проявилось это измѣненіе.

---

[1]) Стенограммы совѣщанія, стр. 218.

Измѣненія въ сферѣ финансовъ и Государственнаго Кредита.

В. МУКОСѢЕВЪ.

Государственное хозяйство.

(Военное и переходное время 1904—1907 гг.).

I.

Начало двадцатаго столѣтія въ области нашего государственнаго хозяйства не ознаменовалось поворотомъ къ лучшему и не принесло съ собой сколько-нибудь замѣтныхъ измѣненій; точно также не изъ этой даты исходитъ то теченіе въ финансахъ страны, которое, видоизмѣняясь и непрерывно наростая, привело, въ концѣ концовъ, государственное хозяйство Россіи къ тяжкому кризису. Пышный расцвѣтъ міровой политики русскаго правительства во второй половинѣ девяностыхъ годовъ и китайская экспедиція, острый застой промышленности 1899—1900 гг. и хроническіе неурожаи только констатировали скорую неизбѣжность этого кризиса, подготовлявшагося въ теченіе предшествовавшихъ десятилѣтій. Блестящая же по внѣшности финансовая система, построенная на не эластичной узко-классовой организаціи налоговъ и эксплоатаціи государственнаго кредита, внутри себя содержала элементы краха, ибо стояла въ неразрѣшимомъ противорѣчіи съ низкимъ уровнемъ народнаго хозяйства и, отягощая податныя силы страны, препятствовала его поступательному развитію. Развалъ этой системы можно было задержать, но нельзя было предотвратить его.

Къ разсматриваемому времени концентрація экономической политики въ рукахъ правительства достигла крайнихъ предѣловъ. Американскій экономистъ Джекобсонъ, чуждый идеямъ „государственнаго соціализма“ и воспитанный на принципахъ хозяйственной свободы, по этому поводу писалъ: „никогда, быть можетъ, въ исторіи человѣчества дѣятельность правительства въ чисто промышленной области не была болѣе широкой и всеобъемлющей, чѣмъ за послѣдній періодъ русской исторіи. Русское правительство съ помощью центральнаго государственнаго банка контролируетъ финансовое положеніе страны: оно владѣетъ и управляетъ двумя третями всей желѣзнодорожной сѣти и семью восьмыми всѣхъ телеграфовъ. Почти одна треть всей земли и двѣ трети лѣсовъ еще въ его непосредственномъ завѣдываніи. Оно владѣетъ наиболѣе цѣнными рудниками и обрабатываетъ на своихъ заводахъ продукты, добытые изъ этихъ рудниковъ. Оно продаетъ всѣ спиртные напитки, потребляемые свыше чѣмъ 120 милліоннымъ населеніемъ, и скупаетъ весь спиртъ, необходимый для народнаго потребленія. Русское государство, какъ было правильно указано, „самый крупный земле-

владѣлецъ, самый крупный капиталистъ, самый крупный строитель желѣзныхъ дорогъ и самый крупный предприниматель во всемъ мірѣ [1]).

Столь значительное сосредоточеніе въ рукахъ правительства важнѣйшихъ хозяйственныхъ отраслей навязывало государственному казначейству чуждыя для него функціи руководящаго органа экономической политики страны. Въ одномъ изъ докладовъ министръ финансовъ Витте писалъ, что „сдержанность (въ расходахъ) имѣетъ свои предѣлы, за которыми отклоненіе предъявляемыхъ требованій о разрѣшеніи расходовъ можетъ угрожать серіозными затрудненіями нормальному развитію гражданской и экономической жизни страны... Въ нашемъ отечествѣ, изобилующемъ разнообразными естественными богатствами для возвышенія своего благосостоянія, финансовая политика не только не должна упускать изъ вниманія нежелательныхъ послѣдствій излишней сдержанности, но, напротивъ, должна поставить своей задачею разумное содѣйствіе экономическимъ успѣхамъ и развитію производительныхъ силъ [2]). Такая активная финансовая политика требовала обширныхъ денежныхъ рессурсовъ, ибо выполненіе ея, поставленное внѣ всякаго общественнаго контроля, въ конечномъ итогѣ опиралось на средства государственнаго казначейства.

Такимъ образомъ, финансовое хозяйство Россіи, не замыкаясь въ опредѣленныхъ границахъ, вмѣщало въ себѣ посторонніе ему элементы, какъ-бы являясь нервомъ экономической жизни страны. Но это расширеніе финансовой власти правительства достигалось при помощи займовъ и путемъ усиленія податныхъ тяготъ, которыя всею своею тяжестью ложились на плечи малоимущей части населенія, представлявшей въ податномъ смыслѣ весьма слабую силу. Подходя къ народно-хозяйственному доходу съ масштабомъ большого измѣренія, правительство подымало налоговыя поступленія, которыя шли на оплату долговъ, на цѣли милитаризма, на постройку стратегическихъ линій, на поддержку дворянъ (дворянскій земельный кредитъ) и крупной буржуазіи (промышленныя ссуды, вывозныя преміи и всякія тарифныя покровительства), не давая взамѣнъ ничего положительнаго, не содѣйствуя повышенію этого дохода. Неизбѣжное при такой финансовой политикѣ ослабленіе податныхъ силъ, принявшее въ первой половинѣ девятисотыхъ годовъ тревожные размѣры и вызвавшее учрежденіе „Комиссіи для обсужденія вопроса объ экономическомъ положеніи населенія центрально-черноземнаго района Европейской Россіи“ и „Особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности“, еще усугублялось „міровой политикой“, въ которой Россія начала играть активнѣйшую роль съ момента вступленія на постъ министра иностранныхъ дѣлъ кн. Лобанова-Ростовскаго. Агрессивное

---

[1]) Departament of Commerce and Labour. *Commercial Russia* in 1904, page 2755.
[2]) *Министерство Финансовъ*, II, 315, 1902.

движеніе на Дальній Востокъ въ концѣ девяностыхъ годовъ, китайскій походъ и занятіе Манчжуріи не прошли даромъ для государственнаго казначейства и ознаменовались цѣлой серіей повышеній налоговыхъ ставокъ [1]).

Въ частности, система вооруженнаго мира, который царилъ въ Европѣ, и положеніе Россіи, какъ міровой державы, въ свою очередь, требовали усиленныхъ тратъ на военное дѣло. Фактъ созыва мирной конференціи (въ 1898 г.), исходившій отъ русскаго царя, неоспоримо доказывалъ чрезмѣрное отягощеніе государственнаго бюджета военными расходами. „Правительственный Вѣстникъ“ тогда заявилъ, что „такіе колоссальные расходы, конечно, не могутъ быть производительными. Они истощаютъ источники доходовъ націи, содѣйствуютъ увеличенію налоговъ, парализуютъ дѣятельность финансовыхъ органовъ и задерживаютъ развитіе общаго благосостоянія“. Существенныхъ послѣдствій для государственнаго бюджета это заявленіе не имѣло. Вопросъ о боевой готовности продолжалъ стоять такъ же остро, какъ и раньше [2]).

Еще за нѣсколько лѣтъ до начала войны съ Японіей въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ практиковалось накопленіе запаснаго фонда, т. е. вопросы *финансовой боевой готовности* не только не *игнорировались*, *но, напротивъ, правительство* стремилось къ ихъ разрѣшенію въ той или иной формѣ. Подобное обстоятельство было тѣсно связано *съ усиленіемъ обложенія* и ростомъ бюджета, ибо суммы указаннаго фонда имѣли налоговое происхожденіе.

Конечно, излишки доходовъ надъ расходами, будучи зачислены въ запасныя средства, въ свободную наличность казначейства, не оказывали на народно-хозяйственную жизнь благотворнаго вліянія и, извлекаемые изъ ея оборота, приносили только вредъ, заставляя праздно лежать многомилліонный капиталъ и ослабляя податныя силы населенія. Съ другой стороны, эта система служила превосходной декораціей для нашихъ финансовъ; при ея помощи замаскировалось налоговое переутомленіе и бюджетные дефициты. Но благодаря запасному фонду, правительство всегда имѣло въ своемъ распоряженіи сотни милліоновъ рублей и ему нестрашны были внезапныя внутреннія и внѣшнія осложненія.

Вышеизложеннымъ не исчерпывается финансовая политика, которой дер-

---

1) *Мигулинъ*, Война и наши финансы, ст. 13—19 и слѣд. Харьковъ. 1905.

2) Вопросъ о финансовой боевой готовности впервые былъ поднятъ при министрѣ Вышнеградскомъ (см. всеподданнѣйшій докладъ о росписи на 1888 г.), который противопоставлялъ финансовую готовность къ войнѣ боевой готовности, запасный военный фондъ вооруженной арміи. При Виттѣ эта идея получила дальнѣйшее развитіе, но не въ такомъ видѣ, какъ она формулировалась Вышнеградскимъ. На-ряду съ накопленіемъ запаснаго фонда былъ увеличенъ численный составъ арміи и флота. Накопленіе запаснаго фонда производилось отчасти изъ займовъ, но главнымъ образомъ изъ излишковъ, получавшихся отъ преуменьшеннаго исчисленія доходовъ.

жалось правительство наканунѣ войны съ Японіей. Ни одно государственное хозяйство въ мірѣ не имѣло столько задачъ, сколько русское. И эта специфическая особенность должна быть для него роковой. Достаточно указать, что за время съ 1893 г. по 1903 г. въ распоряженіе правительства поступило въ общемъ итогѣ 3.043.773.000 рублей, но изъ этой громадной суммы почти ничего не было израсходовано на поднятіе народнаго благосостоянія. Выкупъ и постройка желѣзныхъ дорогъ, стоимость которыхъ къ 1903 г. достигала пяти милліардовъ рублей, взвалили на государство ежегодные расходы, вызываемые покрытіемъ убытковъ по эксплоатаціи: съ 1893 г. по 1903 г. убытки казны отъ желѣзныхъ дорогъ достигли 439,7 милл. рублей. Винная монополія служила интересамъ высокопоставленныхъ винокуровъ, а цѣна на вино, опредѣляемая министромъ финансовъ, становится орудіемъ повышенія государственныхъ доходовъ. Промышленный кризисъ въ концѣ 90-хъ годовъ потребовалъ ссудъ изъ государственнаго банка на 170 милл. руб., которые только задержали агонію ряда предпріятій, дышавшихъ на ладанъ. Неблагопріятные для насъ разсчетные балансы, вызывая отливъ золота за границу, свидѣтельствовали объ угрожающей народному хозяйству опасности [1]).

Купленная дорогой цѣною золотая валюта покоилась на неустойчивомъ базисѣ и для урегулированія денежнаго обращенія правительство прибѣгало къ чисто механическимъ пріемамъ привлеченія золота въ Россію. Заключая для этой цѣли займы и подымая ставки таможеннаго тарифа, оно, однако, ничего не сдѣлало для того, чтобы вызвать естественный притокъ золота путемъ расширенія вывоза продуктовъ той части нашей обрабатывающей и добывающей промышленности, которая могла бы прочно завоевать внѣшній рынокъ, или, по крайней мѣрѣ, успѣшно конкуррировать у себя дома съ привозными товарами.

Итакъ, концентрація экономической политики и сосредоточеніе народныхъ рессурсовъ въ рукахъ правительства, неэластичный доходный бюджетъ, построенный на косвенныхъ налогахъ, введеніе въ кругъ казначейства задачъ, преисполненныхъ величайшей трудности—постройка и эксплоатація желѣзныхъ дорогъ и даже чужихъ—промышленныя ссуды и покровительство дворянскому землевладѣнію, невозможность выполненія этихъ задачъ безъ усиленія государственнаго долга и непрерывнаго увеличенія налоговъ, какъ результатъ крупной задолженности заграницѣ—неблагопріятные изъ года въ годъ разсчетные балансы, которые заставляли опасаться за прочность валюты и которые требовали спеціальныхъ мѣропріятій по привлеченію золота въ страну, агрессивная международная политика, требовавшая большихъ расходовъ на

---

[1]) „.. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ съ 1893 по 1903 г. включительно, страна уплачивала въ среднемъ ежегодно по разсчетнымъ балансамъ 243.200.000 р.". *С. С. Х*, Финансы Россіи, стр. 49, СПБ. 1908.

милитаризмъ и накопленія запаснаго фонда, хроническіе неурожаи, промышленный кризисъ, явное ослабленіе платежныхъ силъ и пониженіе народнохозяйственнаго дохода, — обусловили собой тотъ кризисъ государственнаго хозяйства, который особенно рельефно проявилъ себя въ революціонную эпоху и признаки котораго наблюдались еще до начала русско-японской войны.

Рудольфъ Мартинъ, характеризуя итоги русской финансовой политики за время, предшествовавшее войнѣ, между прочимъ, указывалъ: „Внѣшній блескъ русскихъ финансовъ, которымъ до сихъ поръ правительство ослѣпляло лицъ мало свѣдущихъ, покоился на двухъ причинахъ, а именно: на наплывѣ иностранныхъ капиталовъ и на абсолютизмѣ. Двѣнадцать милліардовъ марокъ (5.556 милліоновъ рублей), которыя иностранныя государства дали взаймы Россіи, и четыре милліарда марокъ (1.852 милліона рублей), которыя иностранцы вложили въ промышленныя предпріятія Россіи, придали бѣдной Россіи богатый видъ. Они дали возможность Россіи ввести золотое обращеніе, платить проценты по долгамъ и вести міровую политику. При конституціонной формѣ правленія, русское государство не было бы въ состояніи провести равновѣсіе бюджета, золотое обращеніе, переходъ желѣзныхъ дорогъ къ государству и правильный платежъ процентовъ по долгамъ. Для такихъ дѣлъ Россія слишкомъ бѣдна. *Только желѣзная рука абсолютизма создала блестящее финансовое положеніе Россіи на счетъ народнаго хозяйства и жизненныхъ силъ народа*“ [1]).

Нижеслѣдующія таблицы даютъ представленіе о ростѣ бюджета и о размѣрахъ свободной наличности въ предшествовавшій указаннымъ событіямъ періодъ [2]).

I. Годы.	Обыкнов. доходы (милл. руб.). Всѣ.	Безъ доходъ. отъ каз. жел. дор. и винн. монополіи.	Возраст. въ % %. Доходовъ.	Населенія.	Всѣхъ доходовъ на душу. Рубли.
1892. . . .	964,7	890,3	—	—	8,2
1893. . . .	1.031,5	946,3	6,29	1,3	8,7
1894. . . .	1.145,4	1.029,3	15,62	2,8	9,5
1895. . . .	1.244,4	1.038,8	16,69	4,2	10,1
1896. . . .	1.368,7	1.047,7	17,68	5,8	10,9
1897. . . .	1.416,4	1.086,1	21,99	7,3	11,2
1898. . . .	1.584,8	1.134,5	27,44	8,8	11,6
1899. . . .	1.673,3	1.215,0	36,48	10,4	12,9
1900. . . .	1.704,1	1.224,5	37,55	11,8	12,9
1901. . . .	1.799,4	1.257,4	41,24	13,3	13,5
1902. . . .	1.905,4	1.286,8	44,65	14,6	14,0
1903. . . .	2.031,8	1.344,6	51,02	16,4	14,7

[1]) *R. Martin*, Die Zunkunft Russlands, S. 128. Lpzg. 1906.

[2]) Данныя для таблицъ взяты: Кашкаровъ, Финансовые итоги послѣдняго десятилѣтія, т. I (1892—1901), стр. 72, Спб. 1903.—*С. С. Х.*, l. c., вѣдомости. — Мигулинъ, Русскій государственный кредитъ, т. III, стр. 1024, 1037. X. 1907.

II

Годы.	Обыкновенные доходы съ остатками отъ заключенныхъ смѣтъ.	Обыкнов. расходы.	Превышеніе доходовъ.		Свободн. наличн. казначейства[1]).	Всѣ обыкновенные и чрезв. расходы.	Тоже на душу. Рубли.
				въ %.			
1892 . . .	979,6	928,0	51,6	5,5	71,9	1.125,4	9,66
1893 . . .	1.054,8	946,5	107,9	11,4	239,5	1.060,5	8,97
1894 . . .	1.163,3	991,2	172,1	17,3	333,4	1.155,1	9,63
1895 . . .	1.276,1	1.137,8	138,2	12,1	273,9	1.520,8	12,48
1896 . . .	1.427,9	1.229,0	198,9	16,2	246,5	1.484,3	11,99
1897 . . .	1.429,3	1.299,6	129,6	10,0	214,7	1.494,5	11,89
1898 . . .	1.596,1	1.358,3	237,8	17,9	134,9	1.772,2	13,87
1899 . . .	1.681,2	1.363,2	217,6	14,8	216,7	1.785,1	13,76
1900 . . .	1.764,1	1.555,4	208,7	13,4	104,9	1.889,2	14,34
1901 . . .	1.834,8	1.664,9	169,9	10,2	268,4	1.874,3	14,02
1902 . . .	1.925,1	1.802,1	122,9	6,8	257,4	2.167,1	15,96
1903 . . .	2.057,3	1.883,0	174,3	9,3	381,3	2.107,8	15,28

Изъ первой таблицы видно, что за двѣнадцатилѣтній періодъ 1892—1903 гг. обыкновенные государственные доходы, за исключеніемъ поступленій отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и прибыли винной монополіи, увеличились на 51,02%, т. е. болѣе, чѣмъ въ три раза по сравненію съ ростомъ населенія, которое за разсматриваемое время возрасло только на 16,4%. Естественно, подобное обстоятельство рѣшающимъ образомъ вліяло на размѣръ платежей, вносимыхъ населеніемъ въ государственное казначейство. Если же взять общую цифру обыкновенныхъ доходовъ (не прибавляя къ ней остатки отъ заключенныхъ смѣтъ), которой характеризуется отношеніе бюджета къ народно-хозяйственному доходу, и раздѣлить ее на цифры населенія, то получимъ поразительные результаты: за указанный періодъ эти платежи поднялись съ 8,2 руб. до 14,7 руб. на душу или на 79,2%, между тѣмъ какъ само населеніе увеличилось на 16,4%, т. е. запросы къ народно-хозяйственному доходу со стороны бюджета необыкновенно повысились, обогнавъ ростъ населенія почти въ пять разъ.

Данныя второй таблицы показываютъ соотношеніе между обыкновенными доходами и расходами. Мы видимъ, что доходы превышали расходы,—этому обстоятельству, главнымъ образомъ, обязано накопленіе свободной наличности. Но, тѣмъ не менѣе, достигнуть прочнаго бюджетнаго равновѣсія не всегда удавалось. Общая сумма обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ часто превышала наличные доходы, которые въ своемъ ростѣ временами отставали

[1]) Къ 1 января.

отъ роста расходовъ. Въ результатѣ—займы [1]). Для сравненія приводимъ сводную таблицу, показывающую всѣ доходы и всѣ расходы (въ милліонахъ рублей):

Годы.	Сумма всѣхъ доходовъ обыкнов. и чрезвычайн.	Сумма всѣхъ расходовъ обыкнов. и чрезвычайн.	Превышеніе (+) или перерасходъ (—).
1893	1.239,8	1.060,5	+ 179,2
1894	1.247,3	1.155,1	+ 92,2
1895	1.443,4	1.520,8	— 77,3
1896	1.474,3	1.484,3	— 10,0
1897	1.472,5	1.494,5	— 22,1
1898	1.689,7	1.772,2	— 82,4
1899	1.869,2	1.785,1	+ 84,1
1900	1.800,7	1.889,2	— 88,4
1901	2.019,1	1.874,3	+ 144,9
1902	2.138,6	2.167,1	— 29,1
1903	2.235,3	2.107,8	+ 127,4
Итого	18.629,7	18.311,3	+ 318,4

Такимъ образомъ, за одиннадцать лѣтъ общій бюджетный дефицитъ былъ шесть разъ, а превышеніе доходовъ надъ расходами пять разъ. Выведенная цифра 318,4 милл. руб. не есть результатъ сбереженій, ибо изъ нея нужно исключить выручку по двумъ 4% внѣшнимъ займамъ 1901—1902 г. въ суммѣ 324, 25 милл. руб., а безъ нея получится даже дефицитъ въ 5,8 милл. руб.

II.

Государственное хозяйство, построенное на принципѣ достаточности, который выражается въ строгомъ соотношеніи доходовъ съ расходами, въ бюджетномъ равновѣсіи, разсчитано на нормальное время. Всякая война, предъявляя къ финансовымъ силамъ страны чрезвычайные запросы, нару-

[1]) Поступленія отъ займовъ за время 1893 -1903 г. составили 1.217,3 милл. руб. при общей суммѣ чрезвычайныхъ поступленій 1.342,8 милл. руб. Чрезвычайныхъ расходовъ за это время было сдѣлано 2.979,3 милл. руб.; изъ нихъ ушло: на желѣзн.-дорожн. дѣло 1.647,4 милл. руб., на улучшеніе и сооруженіе портовъ—17,2 милл. руб., на усиленіе средствъ госуд. банка—42,3 милл. руб., на выкупъ пропинаціи—33,6 милл. руб., на систему госуд. кредита—376,7 милл. руб., въ возвратъ долга госуд. банку—481,6 милл. руб., на военн. надобности—295,9 милл. руб. и на продовольственные расходы—84,7 милл. руб. Недоборы въ чрезвычайныхъ доходахъ пополнялись изъ свободной наличности государственнаго казначейства. Мигулинъ, l. c. 1033.

шаетъ принципъ достаточности и вызываетъ кризисъ государственнаго хозяйства, ибо послѣднее ставится въ зависимость отъ случая и находится во власти всякаго рода критическихъ обстоятельствъ. Поэтому, строго говоря, въ періоды войнъ не можетъ идти рѣчь о нормальныхъ отправленіяхъ государственнаго хозяйства,—чрезвычайныя событія порождаютъ чрезвычайныя мѣры. Но какъ показала англо-бурская война, при эластичной податной системѣ и солидной емкости внутренняго денежнаго рынка государственное хозяйство можетъ безъ особыхъ напряженій вынести бремя войны, не разстраивая народно-хозяйственную жизнь ни бумажными деньгами, ни принудительными займами, ни повышеніемъ налоговъ на необходимое (акцизы) [1]). Въ данномъ случаѣ задача сводится къ тому, чтобы передвинуть центръ тяжести финансоваго кризиса на народное хозяйство. И чѣмъ выше уровень послѣдняго и чѣмъ совершеннѣе податная система, тѣмъ легче онъ воспринимается,—наличность непосредственной связи между народнымъ хозяйствомъ и государственными финансами ослабляетъ остроту государственно-хозяйственнаго кризиса. Но при другихъ условіяхъ, когда народное хозяйство и податная организація находятся на низкомъ уровнѣ, выполненіе данной задачи можетъ пагубно отразиться на народномъ хозяйствѣ, и тогда финансовый кризисъ принимаетъ затяжной, длительный характеръ. Въ отношеніи русскихъ финансовъ послѣдняя война, какъ увидимъ ниже, имѣла въ высшей степени печальные результаты.

За нѣсколько недѣль до начала военныхъ дѣйствій съ Японіею министръ финансовъ, представляя всеподданнѣйшій докладъ по поводу росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1904 г., отмѣтилъ въ немъ, что „...финансы Россіи находятся въ благопріятномъ состояніи: исполненіе росписи истекающаго года (1903) оказывается вполнѣ хорошимъ, свободная наличность достигаетъ крупнаго размѣра, а роспись на 1904 годъ сведена съ соблюденіемъ должнаго равновѣсія между доходами и расходами“.

Несмотря на то, что въ воздухѣ уже пахло порохомъ, тонъ доклада былъ оптимистическій и спеціальныхъ ассигнованій на усиленіе обороны на Дальнемъ Востокѣ въ роспись внесено не было. Правда, кредитъ Россіи стоялъ высоко и свободная наличность выражалась въ крупной цифрѣ, но при условіи, что въ это время въ Японіи была произведена частичная мобилизація—подобный оптимизмъ не находилъ себѣ оправданія. Обыкновенные доходы на 1904 г. были исчислены въ суммѣ 1.980 милл. руб. и превышали обыкновенные расходы (1.966 милл. руб.) на 14 милл. руб.; чрезвычайные расходы на 1904 г. значились въ 212,2 милл. руб., которые предполагалось покрыть излишкомъ обыкновенныхъ доходовъ (14 милл. руб.),

---

1) *W. Hilsenbeck*, Die Deckung d. Kosten des Kriegs in Süd-Afrika von 1899—1902, auf Seite Englands. Stuttgart u. Bel. 1904.

поступленіями отъ вѣчныхъ вкладовъ (2,7 милл. руб.) и изъ свободной наличности (195,8 милл. руб.). Вопросъ же о займѣ, который можно было заключить на благопріятныхъ условіяхъ, ибо 4% рента тогда стояла на уровнѣ 99,50, совершенно не дебатировался,—объ этомъ обстоятельствѣ съ сожалѣніемъ вспоминали три мѣсяца спустя, когда пришлось размѣщать 5% обязательства государственнаго казначейства и когда курсъ ренты упалъ до 88¼.

Война застала наше финансовое вѣдомство, какъ и военное, врасплохъ [1]). Свободная наличность, на которую указывалъ министръ финансовъ въ упомянутомъ докладѣ, въ январѣ 1904 г. достигала 352,4 милл. руб., но такъ какъ изъ этой суммы должны быть покрыты чрезвычайные расходы на 195,8 милл. руб., то наличность казначейства, свободная отъ какихъ-либо обязательствъ, уменьшалась до 156,6 милл. руб. Эта столь незначительная въ условіяхъ военнаго времени величина вызывала необходимость изысканія новыхъ рессурсовъ. Согласно съ Высочайше утвержденнымъ 6 марта 1904 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было сокращено уже разрѣшенныхъ расходовъ на 134,4 милл. руб. Данное сокращеніе коснулось, главнымъ образомъ, росписи 1904 г., изъ которой исключено 115,5 милл. руб.; остальная часть сокращеній падаетъ на счетъ росписей предшествовавшихъ лѣтъ. Важно отмѣтить, что непроизводительные расходы совершенно не пострадали отъ этихъ сокращеній, распространившихся преимущественно на производительную часть расходнаго бюджета. Кромѣ упомянутыхъ сокращеній, Высочайшими указами 19 февраля и 1 апрѣля сдѣлано увеличеніе рессурсовъ казначейства путемъ сокращенія расходовъ на содержаніе Императорскаго Двора на 1 милл. руб. и отсрочки на 10 лѣтъ 2,9 милл. руб., которые казна уплачивала удѣльному вѣдомству взамѣнъ выкупныхъ платежей, поступавшихъ въ ея распоряженіе съ крестьянъ бывшихъ государевыхъ, дворцовыхъ и удѣльныхъ. И далѣе, согласно Высочайшаго указа 19 марта, зачислено въ рессурсы казны свободныхъ остатковъ отъ ассигнованій прошлыхъ лѣтъ 10 милл. руб. Въ результатѣ указанныхъ урѣзокъ роспись на 1904 г. въ части, касающейся расходовъ, измѣнилась и приняла такой видъ (въ милл. руб.):

	Первоначальныя назначенія.	За измѣненіями, послѣдовавшими по случаю войны	±
Расходы обыкновенные . . .	1.966,4	1.909,2	— 53,2
„ чрезвычайные . . .	212,2	153,9	— 68,3
	2.178,6	2.063,1	— 115,5

[1]) Въ правительственномъ сообщеніи по поводу указа 6 марта о сокращеніи расходовъ говорилось: „Начавшаяся, вопреки миролюбивымъ намѣреніямъ Россіи, война не застала, однако, нашу родину врасплохъ въ финансовомъ отношеніи“.

*

Независимо отъ сокращенія расходной части бюджета и другихъ мѣръ, направленныхъ къ усиленію рессурсовъ казначейства, было приступлено къ изысканію средствъ для покрытія военныхъ издержекъ путемъ займовъ. Согласно Высочайшаго указа 29 апрѣля, на парижскомъ рынкѣ былъ произведенъ выпускъ 5% обязательствъ казначейства на нарицательный капиталъ 300 милл. руб. срокомъ на 5 лѣтъ, т. е. 1/14 мая 1909 г. эти обязательства подлежали выкупу по нарицательной цѣнѣ. Выручка отъ этого займа составила 282 милл. руб. или 94,36%, что при оплатѣ интереса изъ 5% и погашенія въ короткій срокъ по номинальной цѣнѣ нужно признать маловыгодной операціей. Несмотря на тревожное положеніе внутренняго денежнаго рынка, онъ не былъ пощаженъ. Высочайшимъ указомъ 30 іюня министру финансовъ предоставлялось право на выпускъ шести серій 3,6% билетовъ государственнаго казначейства по 25 милл. каждая, а всего на 150 милл. руб.; билеты эти выпускались на четырехлѣтній срокъ и принимались во всѣ платежи казначейства и государственнаго банка наравнѣ съ кредитными билетами, т. е. имъ было придано значеніе процентныхъ бумажныхъ денегъ. Серіи прошли туго, онѣ были навязаны частнымъ банкамъ и сберегательнымъ кассамъ, каковое обстоятельство было сопряжено съ комиссіонными расходами по размѣщенію, такъ что вся выручка составила 148,538 милл. руб. (100,038 милл. руб. поступило въ 1904 г. и 48,5 милл. руб. въ 1905 г.) или 99%.

Чрезвычайныя поступленія въ 1904 г. были ограничены указанными операціями. Соотношеніе между доходами и расходами за первый годъ войны получилось такое (въ милл. руб.):

	Доходы.	Расходы.	Превышеніе (+) или перерасходъ (—)
Обыкновенный бюджетъ . . .	2.032,4	1.906,8	+ 125,6
Чрезвычайный „ . . .	388,1	830,8	— 442,7
	2.420,5	2.737,6	— 317,1

Полученный по общему бюджету дефицитъ въ суммѣ 317,1 милл. руб. былъ покрытъ изъ свободной наличности государственнаго казначейства, размѣры которой въ концѣ 1904 г. уменьшились съ 381,3 милл. руб. до 61,8 милл. руб.

Такимъ образомъ, первый годъ войны, стоившій 676,8 милл. руб., прошелъ для русскихъ финансовъ въ общемъ удовлетворительно, и военныя издержки частью были покрыты краткосрочными займами, частью изъ суммъ „запаснаго фонда“—свободной наличности и спеціальными выпусками кредитныхъ билетовъ. Несмотря на жестокія пораженія, которыя терпѣла рус-

ская армія при столкновеніи съ японцами при Ляоянѣ и Шахе, паденіе Портъ-Артура и гибель судовъ дальневосточной эскадры, нашъ государственный кредитъ былъ поколебленъ мало, и довѣріе къ русскому оружію еще окончательно не утратилось: 4% рента къ концу 1904 г. стояла около 92, мнѣніе западно-европейской печати, за исключеніемъ англійской, относительно русскихъ финансовъ было благопріятное и въ близость революціи никто не вѣрилъ.

Роспись на 1905 г., впервые составленная послѣ двадцатипятилѣтняго мирнаго періода, слабо отразила на себѣ условія военнаго времени [1]). Въ докладѣ по поводу росписи министръ финансовъ писалъ: „Безпрепятственное покрытіе въ 1904 г. крупныхъ экстренныхъ расходовъ, благополучное сведеніе росписи на 1905 г., устойчивость денежнаго обращенія, выгодно слагающіяся условія хлѣбной кампаніи при обильномъ урожаѣ и отсутствіе рѣзкихъ затрудненій—свидѣтельствуютъ объ удовлетворительномъ въ экономическомъ отношеніи исходѣ перваго года войны. Тѣмъ не менѣе, воздѣйствіе военнаго времени на хозяйственныя условія государства безспорно. Но безспорно и то, что экономическія силы Россіи велики. Наша родина, не разъ уже выходившая съ честью изъ испытаній военныхъ невзгодъ, и нынѣ, съ помощью Божіею, послѣ совершонныхъ подвиговъ (?!) возвратится къ мирной дѣятельности окрѣпшею и обновленною". Здѣсь отсутствуетъ государственная точка зрѣнія на создавшееся положеніе дѣлъ, и платоническая аппелляція къ великимъ силамъ Россіи и къ Божьей помощи замѣнила предвидѣніе грозныхъ событій, бывшихъ уже у порога.

Указъ 12 декабря 1904 г., направленный къ усовершенствованію государственнаго порядка на основѣ полнаго самодержавія, стоялъ въ связи съ

---

[1]) Напротивъ, въ росписи 1906 г. мы встрѣчаемъ такое заявленіе: „Вызванное войною увеличеніе расходовъ привело къ необходимости повысить нормы нѣкоторыхъ налоговъ и сборовъ. Такъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 31 декабря 1904 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, повышена цѣна на ведро, крѣпостью въ 40°, обыкновеннаго и столоваго вина для Европейской Россіи на 40 коп. и 1 рубль, а для губерній и областей Сибири на 20 к. и 40 коп. Высочайше утвержденнымъ 13 апрѣля 1905 г. мнѣніемъ Госуд. Совѣта постановлено: 1) установить съ окладовъ содержанія и пенсій, превышающихъ 600 руб. въ годъ, дополнительный вычетъ на составленіе пенсіоннаго капитала въ зависимости отъ размѣра окладовъ отъ 1 до 3 к. съ рубля. 2) наслѣдственныя пошлины увеличить на 50%; 3) повысить акцизъ съ солода при пивоваренія, смотря по нормѣ выхода экстракта съ солода, въ среднемъ на 33⅓%, 4) акцизъ съ зажигательныхъ спичекъ увеличить вдвое; 5) акцизъ съ прессованныхъ дрожжей повысить на 10 коп. съ каждаго фунта, поступающаго въ продажу; 6) обложить акцизомъ въ 60 коп. съ пуда всѣ продукты перегонки или химической или всякой иной обработки нефти и освѣтительныя масла, оплачивающіяся акцизомъ въ 50 коп. съ пуда. На основаніи Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта отъ 30 мая возвышены нѣкоторые оклады гербоваго сбора. Наконецъ, согласно заключенію Госуд. Совѣта предложено повысить съ начала 1906 г. нормы обложенія государственнымъ промысловымъ налогомъ".

усиливающимся общественнымъ движеніемъ, которое, однако, сурово не подавлялось въ виду предстоявшаго займа. Заемъ этотъ былъ выпущенъ въ силу указа 15 декабря 1904 г. на нарицательный капиталъ 231,5 милл. руб. = 500 милл. марокъ, изъ $4^1/_2$%, на германскомъ рынкѣ. Синдикатъ банкировъ, взявшій на себя его реализацію, уплатилъ только 209,462 милл. руб. = 452,500 милл. мар., т. е. онъ далъ $90^1/_2$ за 100. Согласно условіямъ, заемъ этотъ долженъ быть краткосрочнымъ, ибо держателямъ предоставлялось право, начиная съ 1911 г., получать нарицательный капиталъ по займу; если же до 1917 г. заемъ не будетъ выкупленъ, то онъ можетъ быть или конвентированъ, или срочно погашенъ ежегодными тиражами. Удержаніе впередъ суммы для оплаты полугодового купона понизило дѣйствительную цѣну займа до $88^1/_4$ за 100. Столь тяжелыя условія заключенія займа, усугубленныя невыгоднымъ для насъ торговымъ договоромъ („дополнительная конвенція къ торговому договору съ Германіей 1894 г."), неоспоримо доказывали, что въ европейскихъ финансовыхъ кругахъ наступило время переоцѣнки русскаго государственнаго кредита. „Кровавое воскресенье" 9 января не вывело начавшуюся революцію изъ береговъ и только породило серьезное недовѣріе за границей къ устойчивости внутренней жизни страны [1]). Хроническія военныя неудачи и нароставшее революціонное движеніе привели къ тому, что выручка по указанному $4^1/_2$% займу 1904 г. осталась за границей въ обезпеченіе разнаго рода платежей какъ настоящихъ, такъ и будущихъ.

Крайне важно отмѣтить, что къ началу 1905 г. билетное обращеніе государственнаго банка возрасло съ 630 милл. руб. въ началѣ 1904 г. до 900 милл. руб. или на 270 милл. руб., при чемъ золотой запасъ увеличился за указанное время съ 1.845,0 милл. руб. до 1.922,3 милл. руб., или на 77,3 милл. руб. Такимъ образомъ, подкрѣпляя золотые запасы государственнаго банка за счетъ займовъ, часть которыхъ *оставалась на текущемъ счету у иностранныхъ банкировъ*, якобы въ обезпеченіе выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, министерство финансовъ усиливало рессурсы казначейства выпусками кредитныхъ билетовъ. Этотъ источникъ министръ финансовъ имѣлъ въ виду ранѣе, когда рѣчь шла по поводу выпуска 5% обязательствъ: „средства на войну,—говорилъ онъ,—могли бы быть найдены въ порядкѣ *позаимствованія* ихъ государственнымъ казначействомъ изъ государственнаго банка на счетъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, обезпеченныхъ наличнымъ золотомъ" [2]). Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что деньги на военные расходы — въ той или иной формѣ — добывались преимущественно

---

[1]) „The Economist", № 3205, „Russia: reform or revolution", а также „Stock markets".

[2]) „Вѣстникъ Финансовъ", 1904 г. № 18.

внутри страны. Къ этимъ источникамъ правительство вынуждено было обратиться снова, такъ какъ весной 1905 года на международномъ денежномъ рынкѣ реализовать новый военный заемъ не представлялось возможнымъ вслѣдствіе отказа французскихъ банкировъ и вообще недовѣрія къ русскимъ финансамъ заграницы. Въ своихъ статьяхъ въ „Times" Люсьенъ Вольфъ писалъ: „Россія двигается прямо по пути къ банкротству. Ея національный счетный балансъ погружаетъ ее съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе въ долги. Ея обязательства по отношенію къ иностранцамъ превышаютъ силы народа, и фактически она ничего не можетъ предъявить имъ. Ея золотой запасъ представляетъ собою колоссальный несгораемый шкафъ г-жи Эмберъ, знаменитые милліоны которой были безразсудно даны ей глупцами для ихъ собственнаго разочарованія въ будущемъ" [1]). Слабыя, въ общемъ, статьи Л. Вольфа о состояніи русскихъ финансовъ, по признанію оффиціальной „Торгово-Промышленной Газеты", произвели заграницей сильное впечатлѣніе [2]). Противъ безпомощнаго положенія (the hopelessnes of the situation) русскихъ финансовъ, о которомъ писалъ Л. Вольфъ, возражалъ Поль Леруа Больё въ „Neue Freie Presse"; статья послѣдняго, написанная въ духѣ розоваго оптимизма, не имѣла успѣха [3]). Благодаря всему этому, за деньгами пришлось обратиться къ внутреннему рынку: указами 12 марта и 29 іюля были произведены два выпуска 5% внутренняго займа на общую сумму 400 милл. руб.; первый выпускъ (200 милл. руб.) далъ 188,4 милл. руб. или 94,2% за 100; второй, реализація котораго совпала съ заключеніемъ мира,—190,4 милл. руб. или 95,2% за 100. Манифестъ 6 августа, который провозгласилъ законосовѣщательную Государственную Думу, не произвелъ сколько-нибудь серьезнаго впечатлѣнія ни внутри страны, ни за границей. Только въ моментъ заключенія мира (17 августа) русскіе фонды испытали значительное повышеніе: государственная 4% рента поднялась съ 85 до 91. Но послѣдовавшія за нимъ крестьянскія волненія парализовали это благотворное вліяніе мира на русскій государственный кредитъ. Оптимистическія заявленія въ „Neue Freie Presse", сдѣланныя парижскимъ агентомъ министерства финансовъ г. Рафаловичемъ, плохо вязались съ фактическимъ положеніемъ дѣла [4]). Вышедшая же въ двадцатыхъ числахъ августа (1905) книга Рудольфа Мартина—„Die Zukunft Russlands und Japans"—произвела необычайный шумъ и ея содержаніе въ теченіе нѣсколькихъ дней облетѣло всѣ части свѣта. Оффиціозная „Norddeutsche Algemeine Zeitung" [5]) тогда же

---

[1]) „The Times", 26 февраля, 1905 г.
[2]) „Т.-П. Г.", № 61, 1905.
[3]) „Вѣстникъ Финансовъ", № 18, 1905.
[4]) „Т.-П. Г.", № 229, 1905.
[5]) „Norddeutsche Alg. Zeit.", отъ 3 сент. 1905.

заявила: „Среди германскихъ капиталистовъ, заинтересованныхъ русскими цѣнностями, возбудило нѣкоторое безпокойство недавно появившаяся книга „Будущность Россіи и Японіи". Такое безпокойство, въ виду содержанія этой книги, можно объяснить только тѣмъ, что авторъ ея д-ръ Рудольфъ Мартинъ—статскій совѣтникъ императорскаго статистическаго вѣдомства и на заглавномъ листѣ выставилъ свой полный титулъ. Само собою понятно, что правительство не имѣетъ никакого отношенія къ книгѣ, на основаніи легкомысленныхъ предпосылокъ, приходящей къ рискованнымъ пророчествамъ относительно судьбы Россіи въ ближайшее десятилѣтіе". Тѣмъ не менѣе, вліяніе книги Мартина было настолько сильное, что, благодаря ей, были совершены многочисленныя продажи русскихъ бумагъ. Министръ финансовъ Коковцовъ нѣсколько разъ бесѣдовалъ съ корреспондентомъ „Standard" и съ представителями „Pester Lloyd" и „Neeus Wiener Tageblatt" объ этой книгѣ, называя ее пустой болтовней.

Само собой понятно, что вскорѣ послѣ появленія книги Мартина заключить военный ликвидаціонный заемъ на сколько-нибудь пріемлемыхъ условіяхъ было весьма трудно. Между тѣмъ заемъ этотъ былъ необходимъ, такъ какъ къ 1 сентября текущій счетъ государственнаго казначейства понизился до 94,8 милл. руб., а къ 1 октября — до 69,4 милл. руб., при параллельномъ сокращеніи золотыхъ запасовъ государственнаго банка до 921,1 милл. руб. и 913,9 милл. руб., возрастаніи золота на текущихъ счетахъ иностранныхъ банкировъ съ 235,9 милл. руб. до 252,2 милл. руб. и усиленіи билетнаго обращенія до 1.038,0 милл. руб. и 1.095,6 милл. руб. Хроническія забастовки рабочихъ, вліявшія на поступленіе нѣкоторыхъ видовъ косвеннаго обложенія (акцизъ съ сахара, табаку и освѣтительныхъ маслъ), тревожное положеніе валюты, препятствовавшее новымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ, серьезное ослабленіе рессурсовъ государственнаго казначейства и не требующіе отлагательства крупные расходы по ликвидаціи войны при отсутствіи надлежащихъ условій для заключенія займа — поставили государственное хозяйство въ невыносимое состояніе. Тѣмъ не менѣе переговоры съ иностранными банкирами относительно займа, перешедшіе уже на почву *спеціальныхъ обезпеченій*, налаживались: 6 октября въ Петербургъ пріѣхали банкиры г. Море изъ Парижа и г. Фишель изъ Берлина [1]). Трудно сказать, въ какую форму могъ бы вылиться этотъ заемъ, если бы онъ былъ заключенъ,—во всякомъ случаѣ это былъ бы первый заемъ въ новѣйшей исторіи Россіи, которая со времени Екатерины II и Павла I не занимала подъ спеціальное обезпеченіе. Такъ низко палъ престижъ самодержавной Россіи, еще недавно стоявшій на недосягаемой высотѣ! Г.г. Фишель и Море прервали переговоры и, не

---

[1]) „Т.-П. Г.", № 224, 1905.

выполнивъ своей миссіи, вынуждены были уѣхать на пароходѣ... Желѣзнодорожная забастовка и всеобщая забастовка въ дни, предшествовавшіе 17 октября, устрашили иностранныхъ банкировъ, лишивъ ихъ послѣдней надежды на прочное положеніе того правительства, которому они собирались дать сотни милліоновъ золота. Будущій историкъ русской революціи отмѣтитъ, какую важную роль сыграло это обстоятельство въ изданіи акта 17 октября.

Манифестъ, возвѣстившій свободы, несмотря на симпатію биржъ и крупной буржуазіи къ гр. Витте, не произвелъ должнаго эффекта, ибо въ искренность этой конституціонной хартіи мало кто вѣрилъ, потому что, съ одной стороны, военное положеніе, хулиганскій терроръ, кровавые ужасы и насилія въ Одессѣ, Томскѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Твери и другихъ городахъ, крупные погромы и безпорядки, пожары отъ артиллерійскаго огня и, съ другой стороны—широкія, неутихающія аграрныя волненія, забастовки желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, почты и массы торгово-промышленныхъ предпріятій—указывали, что хозяйственная и политическая жизнь страны такова, что ни у кого нѣтъ увѣренности за завтрашній день, что никакихъ твердыхъ коммерческихъ разсчетовъ строить нельзя и что правительство въ цѣляхъ самозащиты способствуетъ существующей анархіи. Результатомъ этихъ событій явилась паника на биржахъ и массовый переводъ капиталовъ за границу, осложнившійся еще истребованіями вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ. „Вѣстникъ Финансовъ" писалъ: „Всеобщая забастовка, предшествовавшая манифесту 17 октября, рядъ событій, слѣдовавшихъ за его опубликованіемъ, и, въ особенности, мрачные дни московскаго возстанія постепенно низводятъ курсъ русскихъ фондовъ до уровня, до котораго ни разу они не опускались въ самые тяжелые моменты нашихъ военныхъ неудачъ... Биржа учла въ $1^1/_2$ раза сильнѣе внутреннія затрудненія, чѣмъ военныя пораженія" [1]). „Подъ вліяніемъ внутреннихъ смутъ, обостренныхъ агитаціей революціонеровъ,—указывала тогда оффиціальная „Т.-П. Г.",—отмѣчалось усиленное востребованіе вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ [2]). На-ряду съ

---

1) „Вѣстникъ Финансовъ". № 47, 1907.

2) „Отчетный 1905 г.,—читаемъ мы въ отчетѣ сберегательныхъ кассъ за 1905 годъ,—отмѣченъ небывалымъ отливомъ денежныхъ вкладовъ, результатомъ котораго было уменьшеніе общей ихъ суммы къ концу года на 79,4 милл. руб., а если не считать причисленныхъ по вкладамъ годовыхъ процентовъ (27,0 милл. руб.), то на 106,4 милл. руб." (стр. 1). Начиная съ октября, „подъ вліяніемъ событій нашей внутренней жизни и въ особенности агитаціи, въ кассы начали предъявляться массовыя требованія возврата вкладовъ" (стр. 2). Въ октябрѣ вкладовъ истребовано на сумму 2,5 милл. руб., въ ноябрѣ—на 55,0 милл. руб., въ декабрѣ—на 91,1 милл. р., а всего — на 148,6 милл. руб. Изъ данныхъ отчета усматривается, что абсолютная цифра убыли вкладовъ падаетъ на два района — центрально-промышленный (22,9 милл. руб.) и петербургскій (15,2 милл. руб.). Въ процентномъ же отношеніи денежные вклады болѣе всего уменьшились въ районахъ: прибалтійскомъ (24,8%), петербургскомъ (18,7%), привислянскомъ (16,6%), закавказскомъ (14,5%) и центральн-

этимъ происходило бѣгство за границу людей болѣе состоятельныхъ и отливъ вмѣстѣ съ ними туда русскаго золота... Какими путями добывалось и лилось это золото—всѣмъ хорошо извѣстно, ибо биржа должна была учесть массовыя спѣшныя реализаціи всякихъ цѣнностей чувствительнымъ паденіемъ курсовъ. Люди словно потеряли голову и, не отдавая себѣ яснаго отчета о дѣйствительномъ положеніи вещей, лишившись способности оцѣнивать событія и соразмѣрять силы правительства и революціоннаго движенія, бросились въ водоворотъ реализаціи въ самый неблагопріятный, быть можетъ, моментъ, какой только переживали отечественныя биржи" [1]).

Какъ революція, такъ и контръ-революція въ моменты своихъ проявленій не содѣйствуютъ образованію новыхъ цѣнностей и отдаютъ государственное и народное хозяйство во власть критическихъ обстоятельствъ, гдѣ нѣтъ предвидѣнія и предвѣдѣнія, гдѣ все поставлено въ зависимость отъ слѣпого случая. Въ ноябрѣ и декабрѣ 1905 г. эти критическія обстоятельства безраздѣльно завладѣли русскими финансами. Усиленный отливъ золота за границу и изъ сберегательныхъ кассъ въ народное обращеніе, ослабивъ золотой фондъ государственнаго банка до 818 милл. руб., угрожалъ валютѣ, въ прочность которой уже перестали вѣрить за границей, а паденіе счетовъ государственнаго казначейства до 54 милл. руб. (на 1 декабря) при наличности широкихъ платежей говорило о скоромъ банкротствѣ, т. е. фактическомъ безсиліи ихъ выполнить въ ближайшее время. Казалось, что Россія не избѣгнетъ перспективы бумажныхъ денегъ.

И въ печати и въ обществѣ создалась рѣшительная увѣренность, что финансовый крахъ неминуемъ, что данный кризисъ государственное хозяйство не переживетъ. На этой почвѣ возникла неудачная идея финансоваго бойкота,—извѣстный „манифестъ" Совѣта Рабочихъ Депутатовъ, давшій ей слабое обоснованіе, въ данномъ случаѣ былъ безрезультатенъ [2]). Однако, несмотря на этотъ явный трагизмъ государственнаго хозяйства, краха не произошло. И вотъ почему.

Прежде всего, косвенные налоги, на которыхъ покоится доходная часть обыкновеннаго бюджета, исправно и даже съ избыткомъ—увеличеніе моно-

---

промышленномъ (11,8%). Т. е. наибольшій успѣхъ агитація имѣла въ обѣихъ столицахъ, балтійскихъ губерніяхъ, западномъ краѣ и Закавказьѣ, именно въ тѣхъ районахъ, которые сильнѣе другихъ были охвачены революціоннымъ движеніемъ. Нужно сказать, что истребованіе вкладовъ коснулось всѣхъ категорій вкладчиковъ, за исключеніемъ военныхъ, при чемъ самая крупная категорія „земледѣліе и сельскіе промыслы" осталась почти незатронутой агитаціей (см. стр. 10 и 15). Другими словами, военные и крестьянская масса не внняли призыву „манифеста". Тѣмъ не менѣе для того времени успѣхъ „манифеста" (Совѣта Рабочихъ Депутатовъ), выразившійся въ отливѣ вкладовъ на 148,6 милл. руб., очевидный и по своимъ результатамъ поразительный.

[1]) „Т.-П. Г.", № 279, 1905.

[2]) *М. Фридманъ*, О финансовомъ бойкотѣ. „Полярная Звѣзда", № 12, 1905.

польнаго дохода—питали государственное казначейство [1]). Непосредственное подчиненіе государственнаго банка министру финансовъ давало возможность увеличить билетное обращеніе для правительственныхъ нуждъ, не говоря уже о томъ, что самый фактъ зависимости центральнаго банка страны отъ правительства несравненно увеличивалъ его матеріальныя силы. Большія суммы золота государственнаго банка, находившіяся на текущемъ счетѣ у иностранныхъ банкировъ (свыше 200 милл. руб.), обезпечивали наличные платежи за границей: въ спеціальномъ заявленіи французскаго министра финансовъ Рувье говорилось, что суммъ этихъ хватитъ на оплату процентовъ по внѣшнимъ русскимъ займамъ въ теченіе двухъ—трехъ лѣтъ [2]). Далѣе, въ острый моментъ денежнаго стѣсненія, а именно 9 декабря 1905 г. согласно Высочайше утвержденнаго положенія комитета финансовъ и вопреки Высочайшаго указа 29 августа 1897 г., коимъ регулируется валютное обращеніе, былъ разрѣшенъ выпускъ $5^1/_2$% краткосрочныхъ обязательствъ казначейства на сумму до 400 милл. руб.; обязательства эти подлежали *размѣну на золото* наравнѣ съ кредитными билетами, но съ извѣстнымъ учетомъ, такъ что на государственный банкъ, золотой запасъ котораго (818,4 милл. руб.) былъ недостаточенъ для полнаго обезпеченія кредитныхъ билетовъ (1.124,9 милл. рублей), возложены были чуждыя для него функціи [3]). Разумѣется, это было вопіющимъ нарушеніемъ закона о денежномъ обращеніи, но вѣдь мы знаемъ, что данный законъ, какъ и многіе другіе, не соблюдался! Разъ правительство стало на путь беззаконія, оно не могло сойти съ него, когда рѣчь шла о томъ, что только беззаконіе въ сферѣ финансоваго управленія является единственно спасительнымъ средствомъ. Обращаясь къ вышеупомянутымъ обязательствамъ казначейства, нужно замѣтить, что первая серія ихъ была выпущена въ силу Высочайше утвержденнаго положенія комитета финансовъ отъ 10 апрѣля 1905 г. изъ 5%, на номинальную сумму 150 милл. руб., срокомъ на 8—10 мѣсяцевъ,—выручено же только 142,5 милл. руб. или 94,9% за 100; вторая серія, какъ мы уже говорили, выпущена въ декабрѣ, но не на 400 милл. руб., а только на 20 милл. марокъ или на 9,260 милл. руб., такъ какъ даже Мендельсонъ, у котораго были размѣщены эти обязательства, проявилъ необыкновенную сдержанность въ пріемѣ русскихъ

[1]) Въ 1905 г. обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ поступило болѣе противъ росписи на 47.512.834 руб. или на 2,4%.—Общее среднее косвенныхъ налоговъ за 1895—1904 гг. составляетъ 84,6%, а прямыхъ—15,4%.

[2]) „M. Rouvier and Russland Balances Abroad". *The Economist*, № 3250.

[3]) „Установленіе обязанности учета со стороны государственнаго банка означаетъ не что иное, какъ то, что новые векселя не являются уже болѣе простыми обязательствами государства и безъ спеціальнаго обезпеченія, но что, напротивъ, выпускъ ихъ послѣдовалъ *подъ гарантіей государственнаго банка* и, такимъ образомъ, не исключена возможность *выплаты валюты* владѣльцамъ этихъ обязательствъ изъ золотого запаса государственнаго банка внутри и внѣ страны". *Frankfurter Zeitung*, отъ 26 ноября 1905 г.

бумагъ; реализація этой второй серіи обязательствъ дала 868.264 руб. или 93,77% за 100, т. е. за 8—10 мѣсяцевъ Мендельсонъ взялъ безбожный процентъ—6,23%. Таково было паденіе русскаго государственнаго кредита! И правъ былъ Рудольфъ Мартинъ, когда по этому поводу писалъ: „Врядъ ли какое-либо государство заключало заемъ на болѣе суровыхъ условіяхъ. На эти условія русское правительство не должно было идти, если оно желало само уважать изданный имъ законъ о государственномъ банкѣ" [1]). Данныя обязательства заканчиваютъ особый циклъ кредитныхъ операцій въ 1905 г.

Исполненіе государственной росписи за этотъ годъ представляется въ слѣдующемъ видѣ (въ милл. руб.):

	Доходы.	Расходы.	Превышеніе (+) или перерасходъ (—).
Обыкновенный бюджетъ .	2.043,6	1.925,2	+118,4
Чрезвычайный „ .	946,1	1.279,5	—333,4
	2.989,7	3.204,7	—215,0

Такимъ образомъ, общій бюджетный дефицитъ выразился въ солидной цифрѣ 215,0 милл. руб. Крайне важно отмѣтить, что, несмотря на войну, революцію и контръ-революцію, обыкновенные государственные доходы превысили обыкновенные государственные расходы на 118,4 милл. рублей. Обращаясь къ разъясненію этой загадки, мы видимъ, что въ число доходовъ, давшихъ въ 1905 г. превышеніе, первое мѣсто занимаетъ доходъ отъ казенной продажи питей—83.997.980 р., каковая сумма составляетъ 71,4% общаго итога превышеній; другія статьи дали незначительное приращеніе дохода. Значитъ, бюджетъ вывезла монополія [2]). Фактъ этотъ стоитъ въ

[1]) *R. Martin*, Die Zukunft Russlands. 1906, стр. 115.

[2]) „При назначеніи смѣтныхъ поступленій на 1905 г.,—читаемъ мы въ отчетѣ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1905 г., — предполагалось, что годовое потребленіе вина, въ зависимости отъ недорода хлѣбовъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, а также подъ вліяніемъ военныхъ событій 1908 г., отвлекшихъ изъ внутреннихъ губерній наиболѣе трудоспособную часть населенія, въ мѣстностяхъ Европейской Россіи, гдѣ монополія дѣйствовала болѣе 3 лѣтъ, окажется ниже потребленія 1903 г." (стр. 24). Предположенія эти не оправдались. Въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля 1905 г. говорится слѣдующее: „Общее по имперіи потребленіе достигло въ 1905 г. 75 милл. ведеръ 40% вина, превысивъ потребленіе предыдущаго года (71,2 милл. ведеръ) почти на 4 милл. ведеръ... Отчетныя данныя не позволяютъ объяснить его подъемомъ благосостоянія населенія; напротивъ того, на лицо рядъ отрицательныхъ въ семъ отношеніи показателей: недородъ во многихъ мѣстностяхъ Имперіи настолько значительный, что, въ общемъ, по Имперіи урожай оказался ниже урожая не только 1904 г., но и другихъ, менѣе благопріятныхъ лѣтъ послѣдняго пятилѣтія; застой въ промышленности и торговлѣ, желѣзнодорожныя и другія забастовки, а равно общіе безпорядки въ концѣ 1905 г. и, въ зависимости отъ нихъ, пониженіе въ поступленіи прямыхъ налоговъ" (стр. 18—19). Благодаря повышенію цѣны на вино съ 1 января 1905 г. на 1 рубль „доходъ" монополіи поднялся на 26 милл. руб.

связи съ уменьшеніемъ прямыхъ налоговъ — государственныхъ и земскихъ. Очевидно, сельское населеніе за счетъ неплатежа прямыхъ налоговъ увеличило расходы на водку,—вѣдь въ 1905 г. былъ неурожай, потребовавшій спеціальныхъ ассигнованій на продовольственное дѣло до 40,6 милл. руб. Конечно, на тѣхъ статьяхъ дохода, которыя непосредственно связаны съ народнымъ хозяйствомъ или имущественнымъ положеніемъ налогоплательщика, событія 1905 г. оказали серьезное вліяніе: доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ далъ менѣе противъ смѣтныхъ предположеній на 39,8 милл. руб., сборъ съ пассажировъ и грузовъ—на 2,3 милл. руб., лѣсной доходъ—на 4,9 милл. руб., нефтяной—на 4,1 милл. руб., табачный—на 1,7 милл. руб., сахарный — на 0,5 милл. руб., выкупные платежи — на 21,0 милл. руб., налоги поземельные, съ недвижимыхъ имуществъ и подати—на 6,7 милл. руб., государственный промысловый налогъ — на 6,1 милл. руб. и т. д. [1]). Во всякомъ случаѣ, обыкновенный бюджетъ 1905 г. пострадалъ слабо и именно благодаря упругости главной части доходныхъ источниковъ — косвеннаго обложенія.

Ожидаемаго краха, который объявлялся надежнымъ союзникомъ революціи, не произошло, ибо ея слѣпыя силы въ извѣстномъ смыслѣ мѣшали ему осуществиться: въ наиболѣе уязвимой части бюджета—косвенные налоги, составляющей 85% общаго поступленія государственныхъ доходовъ, вліяніе революціи оказалось ничтожнымъ и даже,—какъ ни странно—благопріятнымъ. Но если краха и не случилось, то финансовый кризисъ, т. е. острое разстройство всѣхъ государственныхъ хозяйственныхъ процессовъ, былъ очевидный. Борьба съ этимъ кризисомъ за возстановленіе нормальнаго бюджетнаго порядка являлась поэтому главнѣйшей задачей правительства. Малѣйшее промедленіе, пустяковая отсрочка могли ухудшить положеніе дѣлъ, внести хаосъ въ бюджетныя предположенія и столкнуть государственное хозяйство съ непрочнаго базиса въ пропасть... Отсюда понятна та лихорадочная дѣятельность, которую проявило правительство для упорядоченія бюджета на 1906 г. и денежнаго обращенія.

Въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ „Standard“ по поводу книги Мартина министръ финансовъ Коковцовъ заявилъ: „Я могу предсказать, что бюджетъ на 1906 г. будетъ блестящій. Я надѣюсь, что всѣ чрезвычайные расходы будутъ покрыты обыкновенными поступленіями“. Это было сказано въ началѣ сентября 1905 г. Въ концѣ декабря новый министръ финансовъ Шиповъ вынужденъ былъ признаться, „что современное положеніе русскихъ финансовъ довольно трудное. Положеніе это, вызванное войною и внутренними безпорядками, однако, временное, и въ будущемъ можно ожидать несомнѣн-

---

[1]) Объяснительная записка къ отчету Государственнаго Контроля за 1905 годъ, стр. 7.

наго улучшенія" [1]). Бюджетъ на 1906 г., составленный со всевозможными ухищреніями, былъ сбалансированъ съ колоссальнымъ дефицитомъ 481,1 милл. руб. Въ эту сумму не вошли платежи по краткосрочнымъ обязательствамъ казначейства апрѣльскаго выпуска 1905 г. на 150 милл. руб., срокъ которымъ истекалъ въ началѣ 1906 г. Такимъ образомъ, дефицитъ на 1906 г. достигалъ цифры 631,1 милл. руб. Этотъ, по выраженію Мартина, „самый большой дефицитъ въ исторіи финансовъ", естественно, связывалъ государственное хозяйство по рукамъ и ногамъ. Положеніе государственнаго банка, къ которому можно было бы обратиться за помощью, теперь, напротивъ, внушало тревогу и требовало наискорѣйшаго изысканія средствъ для подкрѣпленія его золотого фонда, такъ какъ эмиссіонное право было давно уже использовано и кредитные билеты выпускались безъ соотвѣтствующаго золотого обезпеченія: на 1 января 1906 г. золотой фондъ составлялъ 913.5 милл. руб., а если исключить 206,1 милл. руб. золота, находившагося на текущихъ счетахъ иностранныхъ банкировъ въ обезпеченіе разныхъ платежей и, слѣдовательно, *никакого отношенія не имѣвшаго къ выпуску кредитныхъ билетовъ*, то этотъ фондъ уменьшится до 707,4 милл. руб., которымъ обезпечивались выпущенные кредитные билеты на 1.204,6 милл. руб. Государственный банкъ имѣетъ право выпустить кредитныхъ билетовъ на 300 милл. безъ соотвѣтствующаго покрытія рубль на рубль, общая же цифра дозволеннаго уставомъ банка выпуска кредитныхъ билетовъ къ 1 января 1906 г. составляла: 704,4 милл. руб. (золотое обезпеченіе и тратты) + 300 милл. руб. (льготные) = 1.007,4, въ дѣйствительности же было выпущено кредитныхъ билетовъ на 1.204,6 милл. руб. или болѣе на 197,2 милл. руб. Такимъ образомъ, законъ о денежномъ обращеніи былъ нарушенъ. Вслѣдствіе этого на берлинской биржѣ выплата на Петербургъ при паритетѣ 216 марокъ за 100 рублей упала до 213—214,5 мар., а на болѣе продолжительные сроки—на 6 мѣсяцевъ—до 206—207 марокъ, т. е. въ январѣ 1906 г. русскій сторублевый кредитный билетъ стоилъ въ Берлинѣ 99 руб. 8 коп. наличныя, а на іюнь—95 руб. 37 коп. „Причиной такого паденія русскаго бумажнаго рубля,—говоритъ Мартинъ,—было недовѣріе къ прочности русскаго золотого обращенія" [2]). Государственный банкъ, работая на деньги казначейства и сберегательныхъ кассъ, находился въ критическомъ положеніи, такъ какъ самъ вынужденъ былъ придти на помощь сберегательнымъ кассамъ путемъ выдачи спеціальной ссуды подъ процентныя бумаги на сумму 82,4 милл. руб. [3]), между тѣмъ какъ спеціальный текущій счетъ казначейства на 1 января 1906 г. равнялся 103,8 милл. руб., т. е. былъ недостаточенъ для безпрепятственнаго питанія кассы

---

[1]) См. Докладъ о росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1906 г.

[2]) *Martin*, l. c., 161.

[3]) См. Отчетъ сберегательныхъ кассъ за 1905 г., стр. XXXI.

банка, къ которому предъявлялись обширныя требованія со стороны частныхъ кредитныхъ учрежденій подъ вліяніемъ отлива золота за границу и истребованія вкладовъ. Кромѣ того, на золотомъ фондѣ государственнаго банка лежали краткосрочныя обязательства казначейства, выпущенныя въ декабрѣ 1905 г. Даже министръ финансовъ признавалъ, что „такія явленія не могутъ, конечно, не внушать опасеній за наше денежное обращеніе“ [1]).

Непокрытый дефицитъ по росписи на 1905 г., колоссальный дефицитъ по росписи на 1906 г., срочные платежи по краткосрочнымъ обязательствамъ, неотлагательные расходы по ликвидаціи войны, разстройство денежнаго обращенія и крайне пессимистическое отношеніе заграничныхъ финансовыхъ круговъ къ Россіи—поставили государственное хозяйство страны въ болѣе тяжкія условія, чѣмъ оно находилось въ самый разгаръ революціи. Въ началѣ февраля 1906 г. оффиціальное „Русское Государство“ напечатало статью, въ которой говорилось, что правительство весьма озабочено изысканіемъ 600—700 милл. руб., необходимыхъ для покрытія дефицита, „путемъ такой операціи, которая возбуждала бы меньше сомнѣній и наиболѣе соотвѣтствовала бы цѣли, *но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ придется, по всей вѣроятности, прибѣгнуть къ способамъ, болѣе или менѣе крайнимъ*, къ которымъ, впрочемъ, неоднократно прибѣгали и другія страны, находившіяся въ трудныхъ положеніяхъ“ [2]). Этимъ открыто признавалось, что русскій бюджетъ могутъ спасти только *крайнія* мѣры, и что страна находится въ такихъ условіяхъ, при которыхъ нужны героическія усилія для того, чтобы спасти корабль государственныхъ финансовъ отъ угрожающаго ему крушенія.

III.

Заключенію новаго займа, о которомъ писало „Русское Государство“ и который, какъ увидимъ ниже, имѣлъ рѣшающее значеніе въ ближайшихъ судьбахъ государственнаго хозяйства Россіи, предшествовали въ высшей степени важныя событія какъ въ сферѣ финансово-экономической, такъ и политической.

Государственное хозяйство, построенное на принудительномъ началѣ, опирается на народное хозяйство, черпаетъ средства для осуществленія поставленныхъ ему задачъ изъ народно-хозяйственныхъ источниковъ. Естественно, что разстройство этихъ источниковъ, совершающееся подъ вліяніемъ какихъ-нибудь вулканическихъ потрясеній въ экономикѣ страны, имѣетъ тяжкія послѣдствія для государственнаго хозяйства. Въ докладѣ по поводу росписи на 1906 г. министръ финансовъ писалъ: „...можно разсчитывать, что смѣт-

[1]) Цит. по докладу о росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1096 г.
[2]) Цит. Имшулинъ, Настоящее и будущее русскихъ финансовъ, стр. 258. X. 1907.

ныя предположенія оправдаются, *если только происходящая въ Россіи смута прекратится*; продолженіе же смуты можетъ имѣть послѣдствіемъ недоборъ въ нѣкоторыхъ доходныхъ статьяхъ, размѣръ котораго опредѣлить заранѣе невозможно". Говоря иначе, бюджетъ на 1906 г. ставился въ фактическую зависимость отъ тѣхъ условій народнаго хозяйства, которыя преобладали въ немъ въ моментъ составленія проекта бюджетныхъ предположеній.

Первые мѣсяцы 1906 г. показали, что условія эти *измѣнились*. Паника, господствовавшая среди капиталистическихъ круговъ, улеглась и смѣнилась пассивнымъ спокойствіемъ. Прекращеніе желѣзнодорожной и почтово-телеграфной забастовокъ возстановило товаро-обмѣнъ съ заграницей, внесло нѣкоторое успокоеніе въ сферу товарнаго рынка, выравняло цѣны и т. д. Въ области производства также начало замѣчаться сокращеніе забастовокъ и медленный переходъ къ нормальной дѣятельности. Побѣда правительственныхъ войскъ надъ революціонерами въ Москвѣ благопріятно отразилась на биржѣ и подняла расцѣнку русскихъ фондовыхъ бумагъ. Хотя неурожай въ наиболѣе хлѣбородныхъ губерніяхъ толкалъ деревню въ потокъ революціи, но аграрные безпорядки безпощадно подавлялись. Отливъ капиталовъ за границу совершенно прекратился. Высокій учетный процентъ, доходившій до 8—10%, препятствовалъ утоку золота изъ государственнаго банка, улучшая его кассовыя средства; ослабленіе золотого фонда банка теперь вызывалось переводомъ золота за границу для оплаты срочныхъ обязательствъ казначейства, а также необходимостью покрыть излишки импорта, который увеличился въ виду предстоявшаго повышенія таможеннаго тарифа. Обратный приливъ вкладовъ въ частные банки и сберегательныя кассы сократилъ задолженность этихъ учрежденій государственному банку, рѣзко уменьшивъ выдачи послѣдняго, такъ что въ началѣ марта оказалось возможнымъ *изъять изъ обращенія* кредитныхъ билетовъ на 75 милл. рублей. На денежномъ рынкѣ стало свободнѣе, и частный дисконтъ понизился на $^1/_2$ %. Все это, разумѣется, должно было отразиться на поступленіи государственныхъ доходовъ, которые за два первые мѣсяца дали *переборъ на 23,9 милл. рублей*. Столь значительное улучшеніе экономической и финансовой жизни страны, являющееся простой реакціей послѣ двухлѣтняго застоя и кризиса, обусловленныхъ войной и революціей, должно было показать, что въ теченіе ближайшаго времени государственное хозяйство можетъ функціонировать *вполнѣ нормально*. Это обстоятельство, въ свою очередь, явилось опредѣляющимъ моментомъ административной и законодательной дѣятельности правительства.

Въ февралѣ и мартѣ, когда опредѣлились виды на благопріятное поступленіе государственныхъ доходовъ, издается рядъ новеллъ, дѣйствіе которыхъ было непосредственно направлено на подавленіе революціоннаго движенія и про-

тивъ общественныхъ организацій [1]). 7 февраля получило Высоч. утвержденіе мнѣніе Государственнаго Совѣта „Объ измѣненіи правилъ о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ"; 9 февраля—„Объ отвѣтственности за изготовленіе, пріобрѣтеніе, храненіе, ношеніе и сбытъ, безъ надлежащаго разрѣшенія, взрывчатыхъ веществъ и снарядовъ"; 13 февраля—„Объ установленіи уголовной отвѣтственности за распространеніе ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности правительственныхъ установленій и должностныхъ лицъ"; 4 марта—„О временныхъ правилахъ объ обществахъ и союзахъ"; этого же числа—„О временныхъ правилахъ о собраніяхъ"; 18 марта—„Объ измѣненіи и дополненіи временныхъ правилъ о періодической печати" и „О мѣрахъ къ сокращенію времени производства наиболѣе важныхъ уголовныхъ дѣлъ". Вмѣстѣ съ этими актами, носившими характеръ послѣдовательныхъ репрессій, изданы были и другіе: 13 января—„О повышеніи процента по вкладамъ, вносимымъ въ государственныя сберегательныя кассы"; 22 марта—„Объ установленіи отвѣтственности за распространеніе ложныхъ слуховъ о кредитоспособности государственныхъ кредитныхъ установленій" и, кромѣ того, 14 марта—„Объ учрежденіи комитета по землеустроительнымъ дѣламъ и землеустроительныхъ комиссій". Такимъ образомъ, репрессивныя мѣры шли рука объ руку съ мѣрами хозяйственнаго порядка,—и тѣ, и другія имѣли своей непосредственной цѣлью укрѣпленіе правительственной власти, авторитетъ которой среди исполнительныхъ органовъ администраціи не былъ еще поколебленъ настолько, чтобы выполненіе этихъ мѣръ встрѣтило какое-нибудь серьезное затрудненіе. Это весьма облегчало задачу борьбы. *На этой почвѣ* были созданы бюджетныя правила 8 марта и апрѣльскіе основные законы.

Совокупность указанныхъ явленій должна была рѣшительнымъ образомъ измѣнить политическую конъюнктуру. Очевидное улучшеніе экономической жизни давало гарантіи, что государственное хозяйство и денежное обращеніе легко могутъ выйти изъ кризиса, если только нарушенное равновѣсіе въ бюджетѣ будетъ возстановлено, что *притокъ средствъ извнѣ*, за счетъ которыхъ можно покрыть сковывающіе государственное хозяйство дефициты и лежащія на золотомъ фондѣ обязательства казначейства, вполнѣ эмансипируетъ правительство отъ революціи и будущей Государственной Думы. Почерпнувъ энергію для борьбы съ революціей въ наступившемъ улучшеніи народнаго хозяйства, правительство уже не имѣло нужды измѣнять избраннаго имъ пути;—напротивъ, казалось, — жестокими расправами и полицейскимъ устрашеніемъ оно стремилось къ тому, чтобы этотъ процессъ улучшенія совершался возможно скорѣе. Вопросъ же абсолютной экономической цѣлесообразности подобныхъ мѣръ для него не имѣлъ никакого значенія.

---

[1]) См. „Законодательные акты переходнаго времени", изд. 3-е Спб. 1909 г.

Съ другой стороны, цѣнные результаты дало поведеніе русскаго уполномоченнаго на Алжесирасской конференціи, гр. Кассини, который рѣшительнымъ вмѣшательствомъ въ пользу Франціи, т. е. англо-французскаго соглашенія въ дѣлахъ Марокко, опредѣлилъ результаты конференціи не къ выгодѣ Германіи. Корыстный мотивъ этого вмѣшательства былъ очевиденъ, несмотря на робкое извиненіе передъ Германіей. За помощь, оказанную Франціи и отчасти Англіи въ Алжесирассѣ, русское правительство потребовало компенсацій въ формѣ займа, согласіе на который эти державы волей-неволей должны были дать. Такимъ образомъ, исходъ алжесирасской конференціи былъ для русскаго правительства весьма благопріятный; препятствія, мѣшавшія заключенію займа, устранялись, и въ „крайнихъ средствахъ", о которыхъ писало „Русское Государство", никакой нужды уже не существовало.

Весной 1906 г. центръ политической тяжести былъ сосредоточенъ на этомъ займѣ. Мы видѣли, что условія для его заключенія складывались весьма благопріятно, — этимъ въ извѣстной степени предрѣшалась политическая судьба страны на ближайшіе мѣсяцы. Правда, потомъ, когда ходъ событій вполнѣ опредѣлился, стало извѣстнымъ, что французскіе банкиры не хотѣли давать денегъ *безъ согласія* Государственной Думы и требовали, чтобы государственное хозяйство было подчинено народному представительству (that for the future the finances of Russia were to be conducted under the supervision of a representative assembly) [1]), но въ дѣйствительности ничего подобнаго не случилось, такъ какъ давленіе французскаго правительства на банковыя сферы, непопулярность революціи среди западно-европейскихъ капиталистическихъ круговъ и необычайно выгодныя для держателей условія займа—склонили чашку вѣсовъ не въ пользу того мнѣнія, что заемъ долженъ быть заключенъ съ согласія Думы, а въ пользу правительства, которое хотѣло эмансипироваться отъ ея вліянія въ этомъ, крайне важномъ для его существованія, вопросѣ. И Высоч. указомъ 4 апрѣля, т. е. за 23 дня до созыва Государственной Думы, было объявлено о заключеніи этого займа.

Оффиціальный органъ министерства финансовъ тогда же отмѣтилъ: „*До послѣдняго времени существовало лишь одно серьезное затрудненіе*, которое надлежало преодолѣть,—а именно необходимость покрыть *крупный дефицитъ*, вызванный военными расходами. Теперь, *съ заключеніемъ новаго займа, это затрудненіе устраняется* и въ бюджетѣ возстановится равновѣсіе, временно нарушенное войною" [2]). Какъ будто бы новый заемъ былъ лишенъ всякихъ политическихъ тенденцій и его значеніе—чисто бюджетное Проф. Мигулинъ, напротивъ, указываетъ, что политическій факторъ

---

[1]) „The Collapse in Russian Securities", *The Economist*, № 3283.
[2]) „Торгово-Пром. Газета" № 82, 1906 г.

игралъ первостепенную роль: „... правительство гр. Витте,—говоритъ онъ,— собирая Государственную Думу, рѣшило не останавливаться передъ цѣною (займа), лишь бы имѣть въ своемъ распоряженіи необходимыя деньги на случай роспуска этой Думы или несогласія ея дать санкцію на заемъ. *Послѣ* созыва Думы, конечно, о займѣ говорить *безъ* ея согласія было бы безполезно. Все это банкиры прекрасно понимали и поэтому предложили за заемъ цѣну совершенно невѣроятную по состоянію денежнаго рынка и для страны, только что заключившей миръ и вступающей на путь конституціализма. Банковый синдикатъ прямо билъ на спекуляцію по случаю созыва Думы, разсчитывая на огромный подъемъ цѣнъ всѣхъ русскихъ фондовъ“ [1]).

Политическая атмосфера, въ которой созрѣвалъ планъ займа, какъ мы видѣли, мало благопріятствовала тому, чтобы реализація его въ отношеніи государственнаго кредита могла пройти болѣе или менѣе нормально, не уронивъ курсъ фондовъ и не поколебавъ кредитоспособность страны. Синдикатъ, состоявшій изъ французскихъ, англійскихъ, австрійскихъ, голландскихъ и русскихъ банковъ, предложилъ русскому правительству 5% заемъ по цѣнѣ $83^1/_2$ за 100 съ тѣмъ, чтобы онъ былъ погашенъ по нарицательной цѣнѣ въ теченіе 50 лѣтъ (съ 1917 г. по 1956 г.); до 1916 г. заемъ не подлежалъ конверсіи и, какъ предшествовавшіе военные займы, навсегда освобожденъ отъ всякихъ русскихъ налоговъ. Номинальный капиталъ выпуска— 843.750.000 руб., изъ которыхъ $187^1/_2$ милл. руб. должны были дать русскіе банки. Выручка изъ этого займа составила 698.528.814 р. или 82,81% по отношенію къ номинальной суммѣ, т. е. фактически облигаціи займа были реализованы изъ 17,19%—процентъ прямо-таки чудовищный. Вотъ какой дорогой цѣной правительство купило свою независимость отъ народнаго представительства! Низкій реализаціонный курсъ и высокій процентъ оплаты интереса этого займа неминуемо должны были понизить расцѣнку русскихъ фондовыхъ бумагъ, ранѣе выпущенныхъ, доходность которыхъ была ниже займа 1906 г.: по случаю выпуска послѣдняго займа 5% внутренніе займы опустились съ 96 до 94, не говоря уже о 4% рентѣ.

Заключая этотъ заемъ, правительство имѣло въ виду покрыть изъ его выручки дефициты по росписямъ 1905—1906 гг. и краткосрочныя обязательства казначейства, размѣщенныя на германскомъ рынкѣ въ апрѣлѣ 1905 г., которымъ истекъ срокъ въ январѣ 1906 года и которые такимъ образомъ угрожали валютѣ [2]). Непокрытые расходы 1905 г. (215 милл. руб.) опредѣлены въ указѣ 17 марта въ суммѣ всего 180 милл. руб., дефицитъ въ бюджетѣ на 1906 г. равняяся 482 милл. руб. и платежи по обязатель-

---

[1]) *Мигулинъ*, Русскій государственный кредитъ, III, стр. 1184—1185.

[2]) См. отчетъ о засѣданіи Госуд. Совѣта въ № 130 „Т.-П. Г.“ за 1906 г.

ствамъ казначейства составляли 150 милл. руб., а всего 812 милл. руб. Послѣдняя цифра должна была увеличиться благодаря ассигнованіямъ внѣ смѣты: на продовольствіе голодающихъ крестьянъ 80 милл. руб., владѣльцамъ имѣній, пострадавшимъ отъ аграрныхъ безпорядковъ, 8 милл. рублей, вознагражденіе Японіи за содержаніе плѣнныхъ 26 милл. руб. и на непредвидѣнные расходы по ликвидаціи войны около 100 милл. руб. Во всякомъ случаѣ апрѣльскій внѣшній заемъ, давшій 677 милл. руб., *не могъ покрыть* всѣ сверхсмѣтные расходы, дефициты и просроченныя обязательства казначества. Государственная Дума перваго созыва, имѣвшая всего 39 засѣданій, за исключеніемъ ассигнованія 15 милл. руб. на продовольствіе (21 іюня), не успѣла разсмотрѣть бюджетъ, такъ какъ была распущена (8 іюля 1906 г.). *Послѣ* роспуска Думы о новомъ внѣшнемъ займѣ мечтать было невозможно, и для государственнаго хозяйства снова наступили тяжелые дни. Пришлось опять обратиться къ учету краткосрочныхъ обязательствъ казначейства, а также къ размѣщенію рентъ на внутреннемъ рынкѣ. Но и эти мѣры помогали мало, такъ какъ безкредитныхъ расходовъ, обременявшихъ бюджетъ, было много. Въ секретномъ письмѣ г. Коковцова къ предсѣдателю совѣта министровъ (№ 368 отъ 5 сентября 1906 г.), опубликованномъ въ парижскомъ „Le Temps“, говорилось: „Въ 1906 г. мы очутились въ условіяхъ, коихъ уже давно не видали... Я обращалъ вниманіе совѣта (министровъ) и вашего высокопревосходительства на *исключительныя и особенно затруднительныя обстоятельства*, въ какихъ находится государственное казначейство. Эти обстоятельства заставляютъ насъ принимать съ крайнею осторожностью вновь испрашиваемые кредиты. Тѣмъ не менѣе, эти мои настоянія до сихъ поръ не имѣли сколько-нибудь значительнаго успѣха. Многія вѣдомства, въ частности же военное министерство, неизмѣнно продолжаютъ предъявлять все новыя требованія, удовлетвореніе которыхъ ставитъ государственное казначейство *въ безвыходное положеніе*...“ Охарактеризовавъ далѣе бюджетъ на 1906 г., который, по его подсчетамъ, несмотря на размѣщеніе рентъ и избытокъ доходовъ надъ обыкновенными расходами, даетъ „колоссальный дефицитъ въ 155 милл. руб.“, г. Коковцовъ указываетъ, что для покрытія его имѣется одинъ рессурсъ—дальнѣйшее размѣщеніе ренты въ сберегательныхъ кассахъ на 20 милл. руб. максимумъ. „На основаніи вышеуказаннаго, ваше высокопревосходительство, вы можете судить о положеніи нашего государственнаго казначейства. Я не въ состояніи улучшить это положеніе и не располагаю средствами удовлетворить новымъ требованіямъ“. Если расходы не будутъ вновь сокращены, то „въ противномъ случаѣ, я признаю себя безсильнымъ удовлетворить предъявляемымъ требованіямъ. Помимо того, я долженъ признаться въ своемъ безсиліи усвоить себѣ фискальную систему, которая открываетъ кредиты для новыхъ расходовъ, не указывая никакихъ источниковъ для ихъ

покрытія". Указавъ на то, что открытіе безкредитныхъ расходовъ привело къ заключенію „огромнаго внѣшняго займа на тягостныхъ условіяхъ", г. Коковцовъ въ заключеніе говоритъ: „*повтореніе подобной ошибки въ настоящее время было бы безуміемъ*, а кромѣ того, я теперь не усматриваю возможности заключить внѣшній заемъ". Почти то же самое говорится въ другомъ секретномъ докладѣ, опубликованномъ черезъ полтора мѣсяца послѣ этого въ „Königsberger Zeitung".

Такимъ образомъ, апрѣльскій заемъ 1906 г. не вывелъ государственное хозяйство изъ того кризиса, въ которомъ оно очутилось въ концѣ 1905 г. Вліяніе его было огромно въ политическомъ отношеніи, но въ области бюджета—второстепенное. Вышеприведенная записка г. Коковцова констатируетъ, что во второй половинѣ 1906 г., т. е. спустя шесть мѣсяцевъ послѣ заключенія займа, положеніе русскихъ финансовъ не представляло существенной разницы между положеніемъ ихъ до займа, когда органъ графа Витте „Русское Государство" вынужденъ былъ признать, что для упорядоченія бюджета необходимо „прибѣгнуть къ способамъ болѣе или менѣе крайнимъ". Однако, несомнѣнно, что *характеръ* кризиса принялъ другія формы: острый финансовый кризисъ смѣнился затяжнымъ, длительнымъ. Вопросъ заключался не въ томъ, чтобы *срочно* покрыть безкредитные расходы на 800 милл. рублей, а въ томъ, что усилившіеся запросы государственнаго хозяйства къ народному не находили себѣ надлежащаго удовлетворенія и вызывали бюджетный дефицитъ въ сотню милл. руб. Въ первомъ случаѣ *немедленно* нужна была колоссальная сумма въ три четверти милліарда рублей, во второмъ—сокращеніе сверхсмѣтныхъ ассигнованій и небольшой заемъ. Если бы ассигнованія эти стремительно возрастали, то опять создалось бы положеніе, мало чѣмъ отличающееся отъ остраго кризиса. Хроническій кризисъ государственнаго хозяйства въ послѣдующій за апрѣльскимъ займомъ періодъ характеризуется тѣмъ, что наличныя финансовыя силы страны не въ состояніи были выполнить возложенныя на нихъ задачи, что ростъ расходовъ *обгонялъ* ростъ доходовъ, что бюджетнаго равновѣсія не было. Записка г. Коковцова подчеркиваетъ, что дальнѣйшая устойчивость русскихъ финансовъ зависитъ именно отъ сокращенія расходовъ и абсолютнаго устраненія безкредитныхъ ассигнованій.

Народно-хозяйственныя условія, въ которыхъ находились русскіе финансы послѣ заключенія займа, были *болѣе благопріятны*, чѣмъ въ началѣ года. И въ этомъ слѣдуетъ искать причины быстраго улучшенія государственнаго хозяйства, которое *при такихъ условіяхъ* функціонируетъ нормально, не ставя бюджетныя предположенія вверхъ ногами. Конфиденціальная записка г. Коковцова, помѣщенная въ „Königsberger Zeit.", устанавливаетъ, что народное хозяйство, испытавъ на себѣ тяжесть войны, подорвано „возникшими

и до сихъ поръ еще не улегшимися внутренними смутами, *болѣе вредно* отразившимися на хозяйственной жизни страны, чѣмъ даже самая война, что видно, между прочимъ, изъ пониженія курса биржевыхъ цѣнностей, которыя никогда еще не падали такъ низко. Такое положеніе грозитъ тягчайшими осложненіями. *Если смутное время затянется, средствъ не хватитъ даже на покрытіе самыхъ необходимыхъ, совершенно неотложныхъ расходовъ*". Поэтому правительство, прежде всего, стремилось къ подавленію „смуты", ибо репрессіи являлись предпосылкой правильнаго поступленія государственныхъ доходовъ.

Приведемъ нѣсколько фактовъ изъ области ассигновокъ. На засѣданіи государственнаго совѣта 15 апрѣля 1906 г. разрѣшенъ отпускъ $4^1/_2$ милл. рублей „на передвиженіе войскъ соотвѣтственно внутреннимъ потребностямъ имперіи"; въ журналѣ департамента экономіи государственнаго совѣта отъ 8 декабря 1905 г. говорится, что состоялось постановленіе объ ассигнованіи 9.740.775 руб. „на дополнительное содержаніе мобилизованныхъ войскъ для внутренней службы въ Европейской Россіи и на Кавказѣ"; въ томъ же журналѣ отъ 20 декабря совѣтъ подсчитываетъ еще до 23 милл. руб. новыхъ расходовъ, „обусловленныхъ происходящими внутри Имперіи тревожными событіями революціоннаго свойства". Кромѣ этихъ актовъ, нашедшихъ себѣ отраженіе въ цифрахъ государственныхъ расходовъ, былъ мобилизованъ весь аппаратъ устрашенія: страна очутилась на военномъ положеніи, не было губерніи, которая бы не находилась во власти исключительныхъ законовъ и военно-полевыхъ судовъ. Несомнѣнно, эти мѣры стѣсняли экономическую дѣятельность населенія, тяжело отражаясь на поступленіи государственныхъ доходовъ. Однако, въ разсматриваемый періодъ народное хозяйство не только не деградировало, но, напротивъ, обнаружило *явные признаки улучшенія* и прогресса. Уже это одно обстоятельство должно было предрѣшить финансовые результаты кроваваго 1901 года. Не взирая на застой большинства промышленныхъ отраслей и на неурожай во многихъ губерніяхъ, народное хозяйство Россіи вынесло на своихъ плечахъ злокачественныя финансовыя недомоганія, поставивъ государственный бюджетъ на болѣе прочную основу.

Исполненіе государственной росписи за 1906 г. представляется въ слѣдующихъ цифрахъ (милл. руб.):

	Назначено по росписи.			Исполнено.		
	Доходы.	Расходы.	+или —	Доходы.	Расходы.	+или —
Обыкнов. бюджетъ. . .	2.027,[illegible]	2.018,[illegible]	+9,[illegible]	2.288,[illegible]	2.061,[illegible]	+227,[illegible]
Чрезвычайный бюджетъ	2,[illegible]	492,[illegible]	—490,[illegible]	1.134,[illegible]	1.151,[illegible]	—16,[illegible]
Всего. . .	2.029,[illegible]	2,510,[illegible]	—481,[illegible]	3.423,[illegible]	3.212,[illegible]	+211,[illegible]

Обращаясь къ разсмотрѣнію этихъ таблицъ, мы видимъ, что числовыя данныя одной таблицы далеко не совпадаютъ съ данными другой: проектъ росписи имѣлъ *дефицитъ* въ суммѣ 481,1 милл. руб., между тѣмъ какъ выполненіе ея дало *превышеніе* доходовъ на 211,1 милл. руб. Мы уже говорили, что въ 1906 г. государственное хозяйство вступило подъ знакомъ кризиса. Обыкновенные доходы были исчислены въ 2.027,8 милл. руб. и чрезвычайные—въ 2,0 милл. руб.,—вклады въ государственный банкъ на вѣчное время, а всего 2.029,8 милл. руб. Эти источники не покрывали общаго итога расходовъ (2.510,9), такъ что роспись была сбалансирована съ дефицитомъ 481,1 милл. руб. Однако, уже въ первые мѣсяцы дѣйствія бюджета 1906 г., который „составлялся въ концѣ 1905 г. въ самый разгаръ революціонныхъ безпорядковъ [1])", обнаружилось, что поступленіе доходовъ прекрасное и что суммы отсроченныхъ сборовъ срока 1905 г. уплачиваются исправно. Такимъ образомъ, пессимистическія ожиданія, на которыхъ строилась доходная часть бюджета, не оправдались: съ причисленіемъ остатковъ отъ прежнихъ лѣтъ обыкновенные доходы составили 2.288,8 милл. руб. вмѣсто ожидаемыхъ 2.027,8 милл. руб., или *болѣе на 261 милл. руб.* Но какъ обстояло дѣло съ расходами, общая цифра которыхъ все же превышала наличныя средства для ихъ покрытія? Обыкновенные расходы, первоначально исчисленные въ цифрѣ 2.018,0 милл. руб., увеличились на 43,0 милл. руб., какъ результатъ спеціальныхъ ассигнованій, и достигли 2.061,1 милл. руб., которые свободно покрывались обыкновенными доходами (2.288,8 милл. руб.). Чрезвычайные же расходы, кстати сказать, выдѣленные въ особую группу по условному признаку, значились въ росписи въ суммѣ 492,9 милл. руб. и на 490,9 милл. руб. не имѣли никакого покрытія. Расходы эти въ продолженіе года еще увеличились. благодаря дополнительнымъ ассигнованіямъ на уплату краткосрочныхъ обязательствъ казначейства, ликвидацію войны, выдачу ссудъ голодающимъ и проч.—до 1.151,5 милл. руб., или на 658,6 милл. руб. Для покрытія этихъ расходовъ были произведены нижеслѣдующіе займы: 5% апрѣльскій заемъ (704,3 милл. руб.), учетъ новыхъ 5% и 5½% обязательствъ казначейства на германскомъ и парижскомъ рынкахъ (336,8 милл. руб.), а также размѣщеніе въ сберегательныхъ кассахъ 4% ренты (35 милл. руб.), къ этимъ рессурсамъ слѣдуетъ прибавить еще мелкія поступленія (0,8 милл. рубл.), и спеціальные капиталы, обращенные на нужды казны (5,5 милл. руб.). Общій итогъ чрезвычайныхъ поступленій такимъ образомъ достигъ цифры 1.134,9 милл. руб.; а такъ какъ чрезвычайные расходы составляли 1.151,5 милл. руб., то въ чрезвычайномъ бюджетѣ получился перерасходъ на 16,6 милл. руб.

---

[1]) Цит. по отчету „Вѣст. Фин." № 47, 1907 г.

Эта сумма покрывалась изъ излишка 227,7 милл. руб., полученнаго отъ превышенія обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами. Въ результатѣ бюджетъ былъ сведенъ съ превышеніемъ доходовъ 211,1 милл. руб. Если изъ послѣдней цифры исключить 158 милл. руб. неоплаченныхъ расходовъ 1905 г. и 53 милл. руб., на каковую сумму осталось къ началу 1907 г. непогашенныхъ обязательствъ государственнаго казначейства, то окажется, что бюджетные результаты 1906 года получились блестящіе: за покрытіемъ *всѣхъ расходовъ* въ распоряженіи правительства осталась еще свободная отъ какихъ бы то ни было обязательствъ сумма 1 милл. руб.

Столь благопріятное исполненіе росписи 1906 года *произвело потрясающее впечатлѣніе* въ особенности за границей, гдѣ еще не остылъ жаръ критическаго разслѣдованія русскихъ финансовъ. „Никто не приписалъ, конечно, этого успѣха финансовому вѣдомству,—говоритъ по этому поводу проф. Мигулинъ,—всѣмъ хорошо извѣстно, что вѣдомство далеко не на высотѣ, и объ искусствѣ его руководителей говорить вовсе не приходится. Ясно, что результатъ оказался благопріятнымъ, *несмотря* на всѣ ошибки, на неумѣніе финансоваго вѣдомства, ясно, что вся сила въ огромной экономической и финансовой мощи Россіи, обладающей несомнѣнными естественными богатствами,—работающей несмотря на всѣ забастовки и притѣсненія“ [1]) Блестящіе финансовые результаты 1906 г., обусловленные цѣлымъ рядомъ причинъ политико-экономическаго свойства,—о нихъ мы будемъ говорить ниже,—должны были показать, что для предположеній о государственномъ банкротствѣ уже нѣтъ мѣста и что матеріальныя силы правительства настолько велики, что борьба даже за укрѣпленіе *достигнутыхъ* революціей успѣховъ не принесетъ желаемыхъ послѣдствій и только пріуготовитъ путь для реакціи. Сто-трехдневное существованіе Государственной Думы второго созыва и сопутствовавшій ея роспуску государственный переворотъ (актъ 3 іюня) подкрѣпляютъ эти соображенія до полной очевидности.

Временный бюджетъ на 1907 г., составленный на основаніи 116 ст. основныхъ законовъ, ясно обнаружилъ господствовавшія политическія тенденціи, а именно стремительное возрастаніе расходовъ на полицію и тюрьмы; а съ государственно-хозяйственной точки зрѣнія онъ не обладалъ сколько-нибудь цѣнными достоинствами, такъ какъ былъ сбалансированъ съ дефицитомъ въ 240,2 милл. руб. Такимъ образомъ финансовый кризисъ былъ и въ 1907 г., хотя степень его вліянія чувствовалась значительно слабѣе, чѣмъ въ 1906 г. Въ половинѣ января 1907 г. выяснился результатъ выборовъ въ Думу, которая, по всѣмъ даннымъ, обѣщала быть лѣвѣе первой. Это обстоятельство повлекло за собой изданіе Высоч. указа отъ 24 января о

---

[1]) *Мигулинъ*. Настоящее и будущее русскихъ финансовъ, 239.

выпускѣ 4% ренты на нарицательный капиталъ 70 милл. руб. Внесенная въ апрѣлѣ въ законодательныя учрежденія роспись 1907 г. констатировала уменьшеніе упомянутаго дефицита до 186,6 милл. руб. Любопытно отмѣтить, что данная роспись, несмотря на увеличеніе непроизводительныхъ тратъ, все же обнаружила нѣкоторую „экономію" въ области расходнаго бюджета. Разумѣется, финансовый результатъ „экономіи" былъ невеликъ, онъ не могъ имѣть глубокаго значенія для текущаго ординарнаго бюджета, а чрезвычайный еще увеличился на 17,5 милл. руб. „конституціоннымъ закономъ" 31 мая 1907 г., предоставлявшимъ министру внутреннихъ дѣлъ расходовать ихъ на продовольственное дѣло. Послѣ акта 3 іюня правительство опять прибѣгло къ выпуску ренты на 50 милл. руб. Въ силу указа 8 іюня, который разрѣшалъ эту операцію, рѣшено было изъ выручки по размѣщенію ренты покрывать текущіе расходы, удовлетвореніе которыхъ очевидно не могло производиться безпрепятственно. На-ряду съ этимъ была произведена пересрочка краткосрочныхъ обязательствъ казначейства на 50 милл. руб. Вслѣдствіе всякаго рода постановленій расходная часть бюджета увеличилась на 26,3 милл. руб., такъ что, несмотря на использованіе чрезвычайныхъ рессурсовъ, дефицитъ возросъ, т. е. государственно-хозяйственная дѣятельность протекала подъ знакомъ нужды. Она не могла однако парализовать отправленія государственной жизни; для устраненія ея правительство рѣшило повысить обложеніе. Борьба съ финансовымъ кризисомъ, создавшимся на почвѣ ненормальныхъ условій—войны и революціи,—такимъ образомъ переносилась въ плоскость нормальныхъ отношеній государства къ народному хозяйству. Другихъ способовъ, болѣе раціональныхъ, отвѣчающихъ на постановленныя этимъ кризисомъ задачи, у правительства не было, а если они и были, то оно не могло ими воспользоваться, одновременно не измѣняя политикѣ реакціи.

Исполненіе государственной росписи за 1907 г. представляется въ слѣдующихъ цифрахъ (въ милл. руб.).

	Доходы.	Расходы.	±
Обыкнов. бюджетъ . . .	2.373,2	2.195,9	+ 176,3
Чрезвыч. „ . . .	157,6	386,6	— 229,0
Итого .	2.529,8	2.582,5	— 52,7

Несмотря на освобожденіе бюджета отъ огромной массы чрезвычайныхъ расходовъ, фигурировавшихъ въ бюджетахъ 1904, 1905 и 1906 гг., общій бюджетный балансъ 1907 г. далъ дефицитъ 52,7 милл. руб. Съ другой стороны, возрастаніе обыкновенныхъ доходовъ было обогнано ростомъ обыкновенныхъ расходовъ настолько, что для спасенія равновѣсія между этими частями бюджета пришлось втискивать обыкновенныя статьи расхода въ чрезвычайную смѣту, дефицитъ по которой не такъ конфузенъ для министра фи-

нансовъ. Подобная искусственность, совершенно не приличествующая въ бюджетныхъ вопросахъ, разумѣется, не помогла скрыть общаго дефицита 1907 г. И 1908 и 1909 годы ознаменовались тѣмъ же самымъ:

Годы.	Доходы (въ милл. руб.).	+ или — по сравненію съ 1903 г. въ %.	Расходы (въ милл. руб.).	+ или — по сравненію съ 1903 г. въ %.
1903 . . .	2.031,8	—	1.883,0	—
1904 . . .	2.018,3	— 0,7 %	1.906,8	+ 1,3 %
1905 . . .	2.024,5	— 0,4 %	1.925,2	+ 2,3 %
1906 . . .	2.071,7	+ 11,8 %	2.075,8	+ 10,2 %
1907 . . .	2.342,5	+ 15,3 %	2.196,0	+ 16,6 %
1908 . . .	2.417,8	+ 19,0 %	2.387,7	+ 26,8 %
1909 . . .	2.458,7	+ 21,3 %	2.449,5	+ 30,3 %
Средній ежегодный % возрастанія		+ 3,6 %		+ 5,2 %

Такимъ образомъ, несоотвѣтствіе между доходами и расходами очевидное: доходы въ среднемъ возрасли на 3,6%, а расходы на 5,2% или болѣе на 1,6%. Другими словами, правительство жило не по средствамъ. Установленіе бюджетнаго равновѣсія въ послѣдующіе за революціей годы являлось для правительства задачей первостепенной важности. Какъ показываетъ вышеприведенная таблица, до 1910 г. задача эта не разрѣшена. Но во всякомъ случаѣ было бы большимъ оптимизмомъ видѣть здѣсь что-нибудь тревожное,—это не симптомы финансоваго развала, а простая разновидность того, что Лоренцъ фонъ-Штейнъ называетъ дефицитомъ нужды (deficit der Noth) [1]). Для устраненія этого дефицита требуется повышеніе налогового бремени и нѣкоторая сдержанность въ расходахъ. Формально этого правительство достигло въ 1910 г., сбалансировавъ бюджетъ *безъ дефицита*. При такомъ положеніи государственнаго хозяйства, конечно, не можетъ быть рѣчи о возможности въ ближайшемъ будущемъ остраго финансоваго кризиса.

IV.

Прошла война, прошла революція и наступила переходная эпоха. Но вотъ, является вопросъ, какъ отразились военныя неудачи и революціонныя событія на государственномъ хозяйствѣ и какое наслѣдіе они оставили переходному времени? Что пережили за этотъ періодъ Sturm und Drang'а русскіе финансы, бывшіе на службѣ у правительства, которое, при помощи ихъ, вело сперва войну внѣшнюю, а потомъ внутреннюю? Дѣйствительно ли военный

1) *Lorenz v. Stein*, Lehrbuch d. Finanzwiss. I. 29. Lpzg. 1885.

разгромъ Россіи прошелъ безнаказанно для ея финансовыхъ силъ? Дѣйствительно ли революція, взбаламутившая всѣхъ и вся, явилась въ области финансовыхъ отношеній союзникомъ правительства, а не народа, какъ въ этомъ были всѣ увѣрены?

Чтобы отвѣтить на все это, достаточно окинуть бѣглымъ взглядомъ перипетіи, черезъ которыя прошло государственное хозяйство за разсматриваемый періодъ. До начала войны положеніе русскихъ финансовъ было мало удовлетворительное. Промышленный кризисъ въ первой половинѣ девятисотыхъ годовъ, осложненный рядомъ неурожайныхъ лѣтъ, существеннымъ образомъ понизилъ платежеспособность населенія, что, между прочимъ, было признано самимъ правительствомъ. Хищническая финансовая система, ставившая государственному казначейству непосильныя задачи, не могла, конечно, смягчить эффектъ налогового переутомленія и требовала отъ народнаго дохода все большей и большей части. Однако, высокій военный престижъ Россіи и ея огромное вліяніе въ дѣлахъ международной политики поддерживали государственный кредитъ, давая возможность безпрепятственно заключать займы, которые шли на поддержку валюты, на постройку стратегическихъ желѣзныхъ дорогъ и другія непроизводительныя затраты. Сохраненіе части этихъ займовъ въ связи съ накопленіемъ запаснаго фонда изъ налоговыхъ источниковъ позволяло имѣть „свободную наличность казначейства", которая выражала финансовую готовность правительства ко всякимъ неожиданностямъ и въ частности къ войнѣ. Такимъ образомъ, передъ войной русское правительство имѣло хорошій кредитъ, устойчивое денежное обращеніе и большой запасъ свободныхъ денегъ (381 милл. руб.), но въ народномъ хозяйствѣ оно не имѣло твердой базы, ибо двухъ-милліардный бюджетъ опирался на истощенныя платежныя силы.

Начатая на далекихъ поляхъ Манчжуріи война явилась во всѣхъ отношеніяхъ „пробнымъ камнемъ", такъ какъ послѣдовавшія вскорѣ за ея объявленіемъ неудачи поставили государственному хозяйству тяжелыя испытанія. Открытіе военныхъ дѣйствій ознаменовалось не только мобилизаціей войскъ, но и финансовой мобилизаціей. Имѣвшаяся въ запасѣ свободная наличность въ суммѣ 381 милл. руб. позволила на первыхъ порахъ удовлетворить неотложные платежи и расходы, вызываемые военнымъ временемъ. Но крайне неэластичная податная система ставила непреодолимыя преграды для усиленія рессурсовъ казначейства путемъ поднятія обложенія, тѣмъ болѣе, что народное хозяйство, по своему положенію, не могло бы безболѣзненно вынести тѣ чрезвычайные запросы, за счетъ которыхъ можно было бы вести войну, не прибѣгая къ сокращенію текущихъ невоенныхъ расходовъ и не налегая на государственный кредитъ. Въ распоряженіи правительства, слѣдовательно, не было одного огромной важности источника — цвѣтущаго

народнаго хозяйства, на которое въ подобныхъ обстоятельствахъ передвигается вся тяжесть военныхъ расходовъ. Благодаря же высокой кредитоспособности Россіи, эта тяжесть сосредоточилась преимущественно на государственномъ кредитѣ. Если бы кредитъ Россіи стоялъ низко, то при данныхъ нашего неразвитаго народнаго хозяйства война *неизбѣжно* привела бы къ крушенію валюты и къ господству бумажныхъ денегъ, т. е. къ полному разстройству финансовъ и экономической жизни страны. Такимъ образомъ, вызванный войною финансовый кризисъ былъ локализованъ государственнымъ кредитомъ. При достаточныхъ золотыхъ запасахъ,—а они были—подобное обстоятельство давало прочную гарантію финансовой обезпеченности войны, по крайней мѣрѣ, въ теченіе года, пока не выяснятся результаты военнаго единоборства.

Восемнадцать мѣсяцевъ войны вызвали грандіозные расходы. Впослѣдствіи министръ финансовъ Коковцовъ вынужденъ былъ признаться, „...что расходы у насъ были чрезмѣрны, что мы были неэкономны во многихъ случаяхъ... мы издержали $2^1/_2$ милліарда рублей, Японія издержала 1 милліардъ 200 милліоновъ рублей“ [1]). Покрытіе военныхъ расходовъ производилось за счетъ займовъ, поступавшихъ частью для пополненія золотыхъ запасовъ государственнаго банка и изъ суммъ свободной наличности. Однако, то золото, которое получалось отъ займовъ и перечислялось со счета государственнаго казначейства на счетъ банка, во внутрь страны не поступало, а оставалось *за границей* въ обезпеченіе текущихъ платежей, хотя государственный банкъ выпускалъ кредитные билеты, передавая ихъ казначейству, якобы въ обмѣнъ на золото. Подобная политика давала возможность усилить рессурсы казначейства. И, несомнѣнно, часть военныхъ издержекъ покрывалась кредитными билетами, выпущенными безъ *наличнаго* металлическаго обезпеченія, т. е. вопреки закону о денежномъ обращеніи. Послѣдній періодъ войны былъ для русскихъ финансовъ особенно тягостнымъ, такъ какъ систематическія военныя неудачи и тревожное внутреннее политическое положеніе серьезно разстроили государственный кредитъ: лѣтомъ 1905 г. за границей получить деньги на сколько-нибудь пріемлемыхъ условіяхъ было дѣломъ невозможнымъ. Если бы не удалось размѣстить два внутреннихъ займа, то для золотой валюты наступилъ бы конецъ. „Передъ войной,— говоритъ проф. Гельферихъ,—часто русскую валюту третировали какъ карточный домикъ, готовый разсыпаться при первомъ дуновеніи вѣтра, однако, она оказалась настолько солидной и устойчивой, чтобы вынести бури незадачливой и дорогой войны“ [2]). Но, какъ правильно замѣчаетъ по этому

---

[1]) Цит. изъ рѣчи г. Коковцова, произнесенной въ государственномъ совѣтѣ 8 іюня 1909 г. „Т.-П. Г.“ № 130, 1909 г.

[2]) *Helfferich*, Das Geld im russisch-Japanischen Kriege, 179. Berl 1906

поводу проф. Боголѣповъ, „...война и не предъявляла особыхъ претензій къ русской валютѣ, такъ какъ грузъ финансовыхъ расходовъ лежалъ не на государственномъ банкѣ, а на общемъ государственномъ кредитѣ. Кредитоспособность государства, хотя и дорогою цѣною, но спасла русскую валюту, въ значительной мѣрѣ и безъ того обязанную своимъ происхожденіемъ публичному кредиту“ [1]).

Высокая кредитоспособность и отчасти превосходный урожай 1904 г., увеличившій нашъ платежный балансъ съ заграницей, позволили вынести то финансовое напряженіе, которое породила война. Не безъ вліянія на бюджетъ прошло и то, что значительная сумма военныхъ расходовъ тратилась *внутри страны*. Но уже послѣдній періодъ войны, совпавшій съ пониженіемъ кредитоспособности государства, неурожаемъ и бурно проявлявшимся революціоннымъ движеніемъ, ограничивалъ финансовыя возможности ея дальнѣйшаго веденія. Несомнѣнно, при заключеніи портсмутскаго договора финансовый моментъ сыгралъ выдающуюся роль.

При нормальныхъ условіяхъ государственной жизни заключеніе мира должно было поднять государственный кредитъ, ввести бюджетъ въ естественное русло и создать предпосылки для народно-хозяйственнаго подъема. Такъ всегда было, такъ отразился миръ на Японіи, но Россія послѣ прекращенія войны пошла особымъ путемъ, ибо этихъ условій въ ея государственной жизни не было. Послѣ заключенія мира наступила революція, т. е. прекращеніе войны для государственнаго хозяйства знаменовало не переходъ къ нормальнымъ условіямъ, а, напротивъ, переходъ изъ ненормальныхъ, вызванныхъ войною, въ критическія. Благодаря этому, реализовать военный ликвидаціонный заемъ, въ которомъ существовала острая нужда, нельзя было, банкиры денегъ не дали, оставивъ Петербургъ въ неописуемой тревогѣ. Оптимистическія предположенія, на которыхъ было построено изданіе акта 17 октября, не оправдались: актъ этотъ не расположилъ международный денежный рынокъ въ пользу правительства, потому что революція, внося хаосъ въ податной аппаратъ, губитъ государственный кредитъ. И дѣйствительно, „революціонный вулканизмъ“ окончательно скомпрометтировалъ бюджетъ: за ноябрь и декабрь недоборы въ доходахъ составили 87 милл. руб. Занять можно было только небольшія суммы и на короткій срокъ подъ спеціальное обезпеченіе, а положеніе народнаго хозяйства, обнаружившаго было тенденцію къ улучшенію, въ данное время исключало всякія предположенія о помощи съ его стороны. Такимъ образомъ, наступилъ острый кризисъ государственнаго хозяйства и денежнаго обращенія. Подъ знакомъ этого кризиса была составлена роспись на 1906 г.; ея предположенія покоились на признаніи, что если революція продолжится—произой-

[1]) *Боголѣповъ*, l. c., 357.

детъ финансовый крахъ, а если нѣтъ—краха не будетъ. Относительно этого можно сдѣлать нѣсколько заключеній, но безспорно одно—продолжайся революція такъ же интенсивно еще два мѣсяца, какъ въ октябрѣ—декабрѣ, намъ бы не избѣгнуть бумажныхъ денегъ, потому что многомилліонные безкредитные расходы, отягощавшіе бюджетъ, пришлось бы покрывать изъ суммъ государственнаго банка.—другихъ источниковъ не существовало.

Революціонная волна, достигнувъ въ періодъ московскаго вооруженнаго возстанія своей высшей точки, начала по-немногу спадать. Податныя отношенія, въ которыя революція внесла сильное замѣшательство, въ началѣ 1906 г. приняли болѣе или менѣе нормальный характеръ. Народное хозяйство стремилось войти въ естественное русло, ибо за время войны и революціи въ немъ назрѣли силы для реакціи противъ застоя. Финансовый кризисъ, такимъ образомъ, локализовался самъ собою, принимая болѣе узкія границы. Въ данный моментъ государственное хозяйство функціонировало уже относительно исправно, и только острая нужда въ деньгахъ для покрытія произведенныхъ безкредитныхъ расходовъ и для оплаты краткосрочныхъ обязательствъ давила на бюджетъ: нуженъ былъ заемъ немедленно, въ противномъ случаѣ валюта взлетала на воздухъ. Другими словами, передъ правительствомъ стояла альтернатива: перенести грузъ неоплаченныхъ финансовыхъ расходовъ на государственный кредитъ и избавиться отъ краха, или же передать ихъ государственному банку и вызвать крушеніе валюты, и безъ того уже подорванной войной и революціей. Но государственный кредитъ стоялъ низко, заключить заемъ на выгодныхъ условіяхъ было нельзя: страна далеко еще не успокоилась, а близость созыва Думы порождала пессимистическія предположенія о ближайшемъ политическомъ будущемъ Россіи. Съ другой стороны, инстинктъ самосохраненія подсказывалъ правительству, что обращеніе къ государственному банку будетъ для него роковымъ. Выходъ указала сама революція. Ослабленіе революціоннаго движенія, при параллельномъ улучшеніи государственныхъ доходовъ и народнаго хозяйства, внушило правительству счастливую мысль: двинуть на остатки революціи весь аппаратъ репрессій, дабы прочно наладить податныя отношенія и укрѣпить государственный кредитъ. Въ области государственно-хозяйственной эта мѣра дала превосходный результатъ, тѣмъ болѣе что само народное хозяйство какъ бы шло противъ революціи. Оградивъ бюджетъ отъ всякихъ сюрпризовъ, которые ему могла бы преподнесть революція, правительство убѣдилось, что опасность для государственнаго хозяйства со стороны революціи почти миновала, а для того, чтобы ее окончательно ликвидировать, надо спасти денежное обращеніе, разстройство котораго можетъ опять открыть двери революціи. Поэтому рѣшено было перенести неоплаченные расходы на государственный кредитъ и, такимъ обра-

зомъ, вопросъ о займѣ принялъ для правительства гамлетовское значеніе: to by or not to by—that is the question!

Событія въ Алжессирасѣ, приведшія къ новой группировкѣ державъ, явились необходимой предпосылкой для заключенія займа, ибо поднятіе внѣшняго престижа Россіи болѣе содѣйствовало укрѣпленію кредита, чѣмъ всѣ репрессіи взятыя вмѣстѣ. Но желаніе освободиться отъ Думы, стать внѣ ея вліянія въ вопросѣ о займѣ и имѣть деньги на случай ея роспуска—отдавало правительство во власть банкировъ, диктовавшихъ ему свои безбожныя условія. Принеся въ жертву банкирамъ сотню милл. рублей, правительство заняло деньги, которыя, освобождая бюджетъ отъ безкредитныхъ расходовъ, спасли валюту и обезпечили государственное хозяйство отъ остраго кризиса. по крайней мѣрѣ, въ теченіе ближайшихъ мѣсяцевъ. Послѣдующія за роспускомъ первой Думы событія показали, что, хотя этотъ кризисъ существуетъ, но борьба съ нимъ возможна, разъ народное хозяйство находится въ болѣе или менѣе нормальныхъ условіяхъ. Ликвидировавъ неотложные военные расходы перенесеніемъ ихъ на государственный кредитъ, правительство покрывало часть оставшихся неоплаченныхъ расходовъ, путемъ хитроумныхъ комбинацій и опять-таки изъ государственнаго кредита — учетъ и переучетъ краткосрочныхъ обязательствъ казначейства и выпуски рентъ. А такъ какъ поступленіе обыкновенныхъ доходовъ превысило всякія ожиданія, то бюджетъ 1906 г. былъ сбалансированъ съ излишкомъ надъ расходами. Другими словами, отношеніе всѣхъ чрезвычайныхъ расходовъ на государственный кредитъ, покрытіе громадной массы неоплаченныхъ расходовъ займами дало возможность избавиться отъ крупнаго дефицита по чрезвычайному бюджету, неуравновѣшенность котораго ставила государственное хозяйство въ крайне опасное положеніе, а обыкновенные доходы возрасли настолько, что дали огромный переборъ, позволившій погасить оставшіеся въ бюджетѣ безкредитные расходы. Такимъ образомъ, острый бюджетный кризисъ миновалъ. Въ теченіе 1907—1909 гг. государственное хозяйство непрерывно улучшалось, хотя тяжелое наслѣдство войны и революціи давало себя чувствовать. И въ эти годы затяжного финансоваго кризиса, государственный кредитъ неоднократно являлся въ знакомой роли спасителя русскихъ финансовъ. Но, вообще говоря, въ переходный періодъ, вѣрнѣе, въ періодъ реакціи государственное хозяйство находилось уже внѣ опасности.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію причинъ, приведшихъ русскіе финансы къ благопріятнымъ результатамъ, не взирая на недавнюю войну и революцію, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить устойчивость государственнаго кредита, высокую кредитоспособность оффиціальной Россіи. Фактически эта кредитоспособность спасла русскіе финансы отъ многихъ невзгодъ, хотя и причинила первостепенный политическій вредъ: на средства государственнаго

кредита велась война, изъ этихъ же средствъ были покрыты расходы по ликвидаціи войны, государственный кредитъ эмансипировалъ правительство отъ Думы и окрылилъ реакцію, онъ позволилъ возстановить бюджетное равновѣсіе въ послѣреволюціонные годы и т. д. Если бы кредита не было — дальневосточная авантюра, стоившая милліарды рублей, не получила бы осуществленія, она была бы невозможна. Равнымъ образомъ, при отсутствіи кредита правительство силою вещей вынуждено было бы капитулировать передъ Думой, ибо крушеніе валюты, за счетъ которой можно было покрыть неоплаченные многомилліонные расходы, неизбѣжно вызываетъ и крушеніе кредита. Далѣе, актъ 3 іюня былъ бы невозможенъ, если бы имъ ставился на карту государственный кредитъ, но онъ получилъ реализацію, опираясь на сочувствіе кредиторовъ Россіи и т. д. Достаточно просмотрѣть „Le Temps", чтобы убѣдиться въ наличности этого сочувствія. Правда, и во французской печати были попытки создать противовѣсъ русскимъ займамъ, но онѣ такъ же не достигли успѣха, какъ и агитація соціалистовъ [1]). Англійская печать въ отношеніи русскаго государственнаго кредита радикально измѣнила мнѣніе послѣ алжессирьской конференціи; только „Daily News" и „The Economist", упрекавшіе русское правительство въ безчестности (the bad faith), представляли исключеніе. Въ Германіи не было единодушія, да и мнѣніе германской прессы не имѣло цѣны, такъ какъ въ Берлинъ за деньгами не обращались (послѣ $4^1/_2$% займа 1905 г.), а Мендельсонъ, у котораго учитывались краткосрочныя обязательства казначейства, все равно бралъ безбожные проценты.

Движеніе государственнаго долга за разсматриваемый періодъ характеризуется нижеслѣдующими цифрами (въ милл. руб.):

ГОДЫ.	Образовалось долговъ въ теченіе года.	Погашено.	Остатокъ долговъ къ концу года.	Расходы по системѣ государ. кредита.	% отношеніе этихъ расходовъ къ общей суммѣ обыкн. расходовъ безъ казен. операцій.
1903	134,0	126,1	6.651,8	289,7	22,2 %
1904	452,5	22,6	7.081,7	298,7	22,7 %
1905	842,7	83,3	7.841,1	306,9	23,2 %
1906	1.275,1	490,7	8.625,5	356,9	25,0 %
1907	174,7	74,8	8.725,5	374,4	25,0 %
Увеличеніе.	—	—	2.073,7 (31,2 %)	84,7 (29,1 %)	

[1]) «La France et les finances Russes par Un Ami de l'alliance», pp. 17—19. P. 1906 (брош.). Матеріалы по данному вопросу приведены у *Бюльпова*, Финансы, правительство и общественные интересы, 273—275. Спб. 1907.

Такимъ образомъ, съ 1903 г. по 1907 г. государственный долгъ взросъ съ 6.651,8 милл. руб. до 8.725,5 милл. руб., или на 2.073,7 милл. рублей, что въ процентномъ отношеніи составитъ 31,2%. Расходы по системѣ государственнаго кредита также весьма поднялись: въ 1903 г. платежи по займамъ равнялись 289,7 милл. руб., а въ 1907 г. уже 374,4 милл. руб. или болѣе на 84,7 милл. руб. (29,1%), составляя одну четвертую часть всѣхъ государственныхъ расходовъ (безъ валовыхъ расходовъ по казеннымъ операціямъ). Эти цифры, свидѣтельствующія о томъ, что за четыре года государственный долгъ увеличился на 31,2%, а платежи по долгу на 29,1%, также показываютъ, въ какой мѣрѣ производилась эксплоатація государственнаго кредита. Столь неумѣренное пользованіе кредитомъ, который былъ сильно поколебленъ войною и еще сильнѣе революціей, должно было тяжело отразиться на курсѣ русскихъ бумагъ.

Для сравненія беремъ рядъ руководящихъ бумагъ:

	Высшій курсъ		Низшій курсъ въ 1907 г.	Курсовое паденіе по сравненію съ 1905/6 г.	Высшій курсъ въ 1908 г.	Повышеніе курса по сравненію съ 1907 г.
	1904 г.	1905 и 1906 г.				
$2^1/_2$% англійск. консоли	91	$91^{15}/_{16}$	$80^3/_4$	$-11^3/_{16}$	$88^3/_8$	$+7^5/_8$
3% герм. имп. заемъ	$91^1/_8$	$91^1/_4$	80	$-11^1/_4$	$85^1/_2$	$+5^1/_2$
3% франц. рента	$98^3/_4$	100	93	—7	$97^1/_2$	$+4^1/_2$
4% русская госуд. рента	$99^1/_2$	93	69	—24	79	+10

Изъ этой таблички видно, что война не такъ глубоко уронила курсъ 4% ренты, какъ реакція: въ 1907 г., когда Россія вступила на путь „успокоенія", рента упала до 69. Нуженъ былъ годъ дешевыхъ денегъ и общаго курсового подъема, чтобы она поднялась на 10%. При курсовомъ колебаніи бумагъ и общей политической неопредѣленности реализація всякаго займа неизбѣжно влекла за собой крупныя потери, вызывая дальнѣйшее пониженіе курсовыхъ отмѣтокъ: всякій новый заемъ долженъ былъ обладать большей доходностью, чтобы найти себѣ размѣщеніе на рынкѣ, а увеличеніе доходности новой бумаги приводило къ пониженію расцѣнокъ старыхъ до уровня одинаковой доходности. Насколько были велики эти потери, видно изъ нижеслѣдующей таблицы:

Перечень займовъ, заключенныхъ въ 1904—1907 гг.	Номинальная сумма.	Выручка.	% отношеніе выручки къ номинальной суммѣ займа.
5% обязательства казначейства 1904 г.	300.000.000	282.000.000	94,00
3,6% серіи.	150.000.000	150.000.000	100,00
4½% заемъ 1905 г. . . .	231.500.000	209.462.250	90,50
5% „ „ внутр. I .	200.000.000	188.450.000	94,22
5% „ „ „ II .	200.000.000	190.400.000	95,20
5% краткосроч. обязат. } 1905 г.	150.000.000	142.495.536	94,99
5½% „ „ }	9.258.000	8.681.263	93,43
5% заемъ 1906 г.	843.750.000	698.528.814	82,75
5½% краткср. обязат. „	279.005.415	262.575.360	93,93
„ „ „	75.600.000	74.147.250	98,40
4% рента „	50.000.000	35.000.000	70,00
„ „ 1907 г.	120.000.000	85.425.000	71,42
5½% краткср. обязат. „	52.978.905	49.572.381	93,50
Итого. . . .	2.662.092.320	2.376.737.854	89,46

Общая потеря на этихъ займахъ составляетъ колоссальную цифру 285.354.466 рублей или 10,54%. Такой дорогой цѣною производилась эксплоатація государственнаго кредита! И тѣмъ не менѣе, несмотря на эти потери, огромное увеличеніе суммы капитальнаго долга и платежей по нему, государственный кредитъ не былъ разрушенъ: довѣріе къ русскимъ бумагамъ не утратилось ни разу за все время войны, революціи и контръ-революціи. Всякое паническое пониженіе биржевыхъ курсовъ быстро проходило и не могло *прочно* понизить расцѣнки русскихъ фондовъ. Повторяемъ, высокая кредитоспособность оффиціальной Россіи въ буквальномъ смыслѣ *спасла* государственное хозяйство отъ краха, который быстро нарасталъ и развивался на почвѣ революціи.

Переходя къ характеристикѣ народно-хозяйственныхъ условій, на которыя опиралось государственное хозяйство за разсматриваемый періодъ, нужно сказать, что условія эти не могли быть благопріятными, ибо война и революція непосредственно не содѣйствуютъ увеличенію національнаго дохода, понижаютъ общую производительность страны и нарушаютъ процессы обращенія, а это неизбѣжно вызываетъ финансовый кризисъ. Но, съ другой стороны, война влечетъ за собою *огромные расходы* и внутри страны, и за границей, а революція, исходящая изъ экономическихъ предпосылокъ, создаетъ *перераспредѣленіе* національнаго дохода. Какъ увидимъ ниже, явленія эти представляютъ для государственнаго хозяйства чрезвычайно крупное значеніе.

Съ 1904 г. по 1907 г. расходы на войну и ликвидацію ея составили колоссальную цифру 2.282.834.241 руб. [1]),—большая часть этихъ расходовъ была произведена *внутри страны*. Такія траты не могли, конечно, не отразиться на поступленіи государственныхъ доходовъ, тѣмъ болѣе, что средства для этихъ тратъ были получены извнѣ, путемъ, главнымъ образомъ, внѣшнихъ займовъ. Если въ извѣстныхъ случаяхъ выручка отъ займа оставалась за границей, то этимъ предупреждалась отправка золота изъ страны. Хорошій урожай 1904 г., посредственный—1905 г., высокія цѣны на хлѣбъ и внѣшніе займы благопріятно отразились на нашемъ балансѣ, вексельный курсъ держался у точекъ паритета, временами склоняясь въ нашу пользу; золото за границу не уплывало и въ большихъ количествахъ оставалось внутри страны [2]). Значительное увеличеніе денегъ въ дѣловомъ оборотѣ было настолько очевиднымъ, что Нижегородская ярмарка (1906 г.) прошла хорошо именно потому, что былъ сильный приливъ денегъ изъ Манчжуріи и Сибири. Разумѣется, возвращеніе войскъ съ Дальняго Востока увеличило траты населенія: вмѣстѣ съ арміей возвратились и тѣ, кто наживались на войнѣ: послѣ окончанія войны вклады въ банкахъ возрасли и замѣчалась общая тенденція къ спекулятивнымъ начинаніямъ [3]). Рѣзкое увеличеніе денегъ, какъ результатъ огромныхъ военныхъ расходовъ, неизбѣжно должно было вызвать ростъ потребленія товаровъ, въ томъ числѣ и товаровъ, обложенныхъ акцизомъ.

Огромный *расходный* бюджетъ государства, во всякомъ случаѣ, оказалъ сильное вліяніе на поступленіе доходовъ.

Не менѣе сильное вліяніе на поступленіе государственныхъ доходовъ оказала и революція. Изъятіе вкладовъ изъ сберегательныхъ кассъ и банковъ сопровождалось ихъ тратою,—революція не создаетъ новыхъ цѣнностей, а скорѣе способствуетъ истребленію народныхъ сбереженій. По словамъ проф. Мигулина „...значительная часть (140 милл. руб.) этихъ денегъ (вкладовъ) уже обратно въ кассы не вернулась, а была *растрачена*, т. е. поступила въ оборотъ и способствовала росту государственныхъ доходовъ (преимущественно косвенныхъ, особенно питейныхъ). Многочисленные погромы, грабежи, „экспропріаціи" (и карательныя экспедиціи, добавимъ мы отъ себя) и т. д. сопровождались также усиленнымъ разгуломъ, естественно, создавали

---

[1]) Объяснительная записка къ отчету государственнаго контроля за 1907 г. стр. 46.

[2])

	Отпускъ.	Привозъ.	Балансъ.	Чистый урожай хлѣбовъ. Общій сборъ (въ милл. пуд.).	на 1 жител. (пуды).
	Въ милліонахъ рублей.				
1904 г.	1.006,4	651,4	+355,0	3.699,5	28,6
1905 „	1.077,3	635,1	+442,2	3.056,9	23,4
1906 „	1.094,0	800,7	+293,3	2.518,2	18,9
1907 „	1.053,0	847,4	+205,6	2.990,8	22,1

[3]) См. „Вѣстникъ Финансовъ" № 18, 1906.

ростъ государственныхъ доходовъ... Продолжающійся размахъ революціонной волны, сопровождаемый общимъ разгуломъ и тратой сбереженій, не могъ не отразиться на общемъ ростѣ государственныхъ доходовъ отъ косвенныхъ налоговъ. Ликвидація сельско-хозяйственныхъ экономій дала средства для усиленныхъ тратъ нашимъ землевладѣльцамъ, широкія „экспропріаціи" послужили „экспропріаторамъ" также не для цѣлей сбереженія, отмѣна выкупныхъ платежей дала средства крестьянамъ для увеличенія ихъ потребленія... Увеличеніе налоговъ также, конечно, сыграло свою роль въ дѣлѣ роста государственныхъ доходовъ. Общій размахъ, всегда сопровождающій войну и революцію, когда все ставится на карту, самая жизнь, никто не жалѣетъ сбереженій, не дѣлаетъ ихъ, все пускается въ оборотъ, также надо принять во вниманіе" [1])...

Конечно, „разгулъ" и „размахъ", о которыхъ говоритъ проф. Мигулинъ, не исчерпываютъ всей сути вопроса: ими устанавливается вліяніе на бюджетъ только однихъ *отрицательныхъ* моментовъ революціи. Правда, это вліяніе громадно: потребленіе вина за 1906 г. возросло на 10.429,2 тыс. ведеръ, а доходъ винной монополіи увеличился на 84 милл. руб. (въ 1905 г. потребленіе увеличилось на 4,725,5 тысячъ ведеръ, а доходъ — на 68 милл. руб.). Въ отчетѣ объ операціяхъ винной монополіи читаемъ: „рѣзкое непредвидѣнное увеличеніе потребленія питей въ 1906 г., даже въ мѣстностяхъ, постигнутыхъ неурожаемъ, объясняется, главнымъ образомъ, отмѣною половины оклада выкупныхъ платежей, повышеніемъ платы за рабочій трудъ, оказаніемъ правительственной помощи крестьянскому населенію и возвращенію войсковыхъ частей изъ театра военныхъ дѣйствій [2]). Это повышеніе потребленія вина оказало на бюджетъ *исключительное* вліяніе. Конечно, мы не знаемъ, въ какой мѣрѣ этому способствовали погромы и карательныя экспедиціи, но ихъ вліяніе на поступленіе монопольнаго дохода также несомнѣнно.

Еще болѣе благопріятное вліяніе на поступленіе государственныхъ доходовъ оказали *положительные* моменты революціи. Послѣдняя, какъ извѣстно, сопровождалось повышеніемъ заработной платы фабричныхъ и сельско-хозяйственныхъ рабочихъ. Кромѣ того, существовавшія сельско-хозяйственныя отношенія рѣзко измѣнились, благодаря аграрнымъ безпорядкамъ: въ центральныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ цѣна на землю упала отъ 10 до 20% и арендная плата понизилась отъ 10 до 50%,—въ большемъ или меньшемъ масштабѣ то же самое наблюдалось и въ другихъ губерніяхъ [3]).

---

[1] *Мигулинъ*. Настоящее и будущее русскихъ финансовъ, 326—340.

[2]) Отчетъ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1906 г., стр. 24.

[3]) „Аграрное движеніе въ Россіи въ 1905—1906 гг.". Труды И. В. Э. О. 1908 г. № 3, стр. 53.

Экономическая борьба рабочихъ и мелкихъ арендаторовъ въ большинствѣ случаевъ оканчивалась побѣдой надъ капиталистами и помѣщиками, вслѣдствіе чего достатки пролетаріата и крестьянства расширились. Подобное *перераспредѣленіе* народнаго дохода въ пользу малоимущихъ слоевъ населенія должно было неизбѣжно привести къ увеличенію потребленія вообще, и въ частности къ увеличенію потребленія продуктовъ, обложенныхъ акцизомъ. И дѣйствительно, за годы революціи рѣзко поднялось потребленіе сахара, чая, табаку и хлопка. Вліяніе этихъ факторовъ на поступленіе государственныхъ доходовъ громадное и ни въ коѣмъ случаѣ не можетъ быть оспариваемо.

Такимъ образомъ, война и въ особенности революція въ ея положительныхъ и отрицательныхъ проявленіяхъ принесли фиску колоссальныя выгоды. При тѣхъ народно-хозяйственныхъ комбинаціяхъ, которыя сложились въ періодъ революціи и при той системѣ налоговъ, которая опредѣляетъ собою доходный бюджетъ государства, финансовый бойкотъ являлся слишкомъ эфемернымъ орудіемъ борьбы. На вопросъ сотрудника „Le Journal", какъ можетъ отразиться выборгскій манифестъ на поступленіи налоговъ, г. Коковцовъ отвѣтилъ: „Выборгскій манифестъ могъ бы отразиться лишь на поступленіи прямыхъ налоговъ, между тѣмъ какъ въ основу податной системы въ Россіи положены косвенные налоги. Нельзя думать, чтобы народъ, даже, если допустить, что онъ послушается призыва бывшихъ депутатовъ Думы,—отказался отъ употребленія спичекъ или водки. Мы имѣемъ доказательства противоположнаго свойства" [1])... Это заключеніе г. Коковцова можно подтвердить нижеслѣдующими данными о поступленіи доходовъ налогового характера (въ милл. руб.):

	1903	1904	1905	1906	1907	+
Прямые налоги .	135,2	134,9	126,9	163,2	183,3	+ 48,1
Косвенные . . .	811,9	795,3	848,8	1.013,5	995,6	+ 183,7
Пошлины	107,3	104,2	100,0	113,3	122,6	+ 15,3
Выкупные платежи	88,8	81,6	55,4	35,0	0,6	— 88,2
Итого налоговъ .	1.143,2	1.116,0	1.131,1	1.325,0	1.302,1	+ 158,9
Всѣхъ поступленій безъ валовыхъ доходовъ по казеннымъ операціямъ .	1.444,8	1.432,5	1.437,2	1.644,6	1.645,3	+ 200,5

[1]) „Бесѣда представителя *Le Journal* съ нашимъ министромъ финансовъ", Т.-П. Г." № 213, 1906.

За четыре года доходы налогового характера увеличились на 158 милл. руб., при чемъ уменьшеніе выкупныхъ платежей на 88,2 милл. руб. совершенно парализовалось ростомъ косвенныхъ налоговъ, поступленія отъ которыхъ поднялись на 183,7 милл. руб. За указанные годы общій доходный бюджетъ увеличился на 200 милл. руб., такъ что ежегодное возрастаніе составляетъ 50 милл. руб.,—фактъ въ условіяхъ военнаго и революціоннаго времени въ высшей степени замѣчательный. Именно, благодаря кредиту былъ ликвидированъ острый финансовый кризисъ, угрожавшій валютѣ. Затѣмъ, колоссальные военные расходы, большею частью производившіеся внутри страны, въ извѣстной степени питали доходный бюджетъ, ограничивая недоборы, которые дала война. Революція въ своей основѣ была для государственнаго хозяйства факторомъ отрицательнымъ, но поскольку она была побѣждена экономическіе и соціальные результаты были утилизированы фискомъ. Они помогаютъ справляться съ затяжнымъ финансовымъ кризисомъ, наступившимъ послѣ ликвидаціи военныхъ расходовъ и продолжавшимся въ теченіе послѣдующихъ за 1906 г. лѣтъ. Этимъ слѣдуетъ отмѣтить, что повышеніе налоговъ, вызванныхъ ростомъ расходнаго бюджета и отмѣной выкупныхъ платежей, также сыграло замѣтную роль въ увеличеніи доходныхъ статей.

V.

Конституціонная эпоха, въ которую Россія вступила послѣ акта 17 октября, не ознаменовалась переустройствомъ государственнаго хозяйства на новыхъ началахъ и не измѣнила финансоваго положенія страны. Причины этого лежатъ въ общихъ условіяхъ политической жизни русскаго народа и лишь отчасти въ несовершенствахъ дѣйствующаго бюджетнаго права. Оптимистическія ожиданія, предшествовавшія созыву первой Думы, оказались тщетными, а роспускъ ея убѣдилъ въ иллюзорности существованія самого „новаго строя". Государственный переворотъ 3 іюня 1907 г. лишь подвелъ политическіе итоги освободительнаго движенія, и ходомъ вещей надъ русской конституціей водрузился флагъ раффинированнаго самодержавія.

Такимъ образомъ, создавшаяся политическая конъюнктура исключала широкую борьбу народнаго представительства на почвѣ бюджета. Торжество старыхъ теченій, приведшее къ третьей Думѣ, исключало эту борьбу и въ будущемъ, несмотря на массу компрометтирующаго бюджетнаго матеріала и на крайне ограниченныя бюджетныя права Думы. При такихъ условіяхъ воздѣйствіе правительственныхъ учрежденій на государственное хозяйство ничтожно и не можетъ принести должныхъ результатовъ. Другими словами, внѣшнее вліяніе парламентскаго фактора на государственное хозяйство не

настолько велико и значительно, чтобы радикально измѣнить дѣйствующій и во всѣхъ отношеніяхъ вызывающій суровую критику финансовый режимъ.

Переходя къ характеристикѣ нашего бюджетнаго права, слѣдуетъ установить два момента: формальный и матеріальный. Формально утвержденіе бюджета народнымъ представительствомъ есть актъ, исходящій изъ верховной законодательной власти. Отличительный признакъ этого акта заключается въ его характерѣ высшей нормы, и юридическая сила, присущая этой нормѣ, называется силой закона. Говоря иначе, никакое другое волеизъявленіе государственной власти, будь то правительственный актъ или судебное рѣшеніе, не могутъ ни измѣнить, ни отмѣнить бюджета, ставшаго послѣ его утвержденія закономъ. Равнымъ образомъ государственное хозяйство, которое объемлетъ бюджетъ, перестаетъ функціонировать, если бюджетъ не имѣетъ силы закона, т. е. если онъ не утвержденъ народнымъ представительствомъ. Въ томъ, что бюджетъ есть *высшая норма*, содержится объективный признакъ конституціи и конституціоннаго бюджетнаго права. Такъ проф. Лазаревскій, анализируя русское бюджетное законодательство, приходитъ къ нижеслѣдующему заключенію: „Во всякомъ случаѣ,— говоритъ онъ,— первое основное начало конституціоннаго бюджетнаго права, а именно законодательный характеръ бюджета, у насъ установлено вполнѣ ясно. Существующій въ западныхъ государствахъ пріоритетъ нижней палаты въ дѣлахъ бюджетныхъ у насъ утрачиваетъ значеніе въ виду того, что этотъ пріоритетъ установленъ для всѣхъ законопроектовъ, вносимыхъ правительствомъ, и въ этомъ отношеніи у насъ бюджетъ подчиняется только общему правилу“ [1]). Съ чисто формальной точки зрѣнія, наличность бюджетнаго конституціоннаго права у насъ какъ бы не подлежитъ оспариванію. Оно можетъ быть оспариваемо въ одномъ пунктѣ, въ *правѣ отказа въ бюджетѣ*, такъ какъ нельзя допустить, чтобы постоянно существовало гармоническое взаимодѣйствіе правительства съ палатами. Статья 14 бюжетныхъ правилъ 8 марта 1906 г. гласитъ: „Если смѣта не будетъ утверждена къ началу смѣтнаго періода, то остается въ силѣ послѣдняя установленнымъ порядкомъ утвержденная роспись, съ тѣми лишь измѣненіями, какія обусловливаются исполненіемъ послѣдовавшихъ послѣ ея утвержденія узаконеній“. Относительно данной статьи проф. Лазаревскій говоритъ: „это постановленіе дѣлаетъ невозможнымъ у насъ отказъ въ бюджетѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ сущности сводитъ на-нѣтъ всѣ бюджетныя права Думы, ибо неутвержденіе бюджета къ сроку можетъ получиться не только, если Дума откажетъ въ бюджетѣ, или если она задержитъ его разсмотрѣніемъ, но и въ томъ случаѣ,

---

[1]) *Лазаревскій*. Лекціи по русскому государственному праву, т. I, стр. 445, 2 изд. Спб. 1910.

если бюджетъ съ тѣми измѣненіями, которыя Дума въ него внесла, не будетъ утвержденъ Государемъ или вызоветъ возраженія Гос. Совѣта. Такимъ образомъ, если Дума уменьшитъ хотя бы и тѣ кредиты, которые не относятся къ бронированнымъ, то Государь, не утверждая бюджета, можетъ возстановить эти кредиты въ томъ размѣрѣ, въ какомъ они были въ послѣдней смѣтѣ, и это можетъ повториться любое число лѣтъ" [1]). Значитъ, Дума имѣетъ право *только утверждать* бюджетъ, она обладаетъ правомъ лишь положительнаго вотума. Но вѣдь это не есть право. „Нельзя представить себѣ право разрѣшать (т. е. вотировать доходы и расходы) безъ его логическаго противовѣса—права не разрѣшать. Одно безъ другого теряетъ всякую цѣнность, даже всякое значеніе" [2]). Изъ русскаго конституціоннаго бюджетнаго права вынуто то революціонное жало, безъ котораго оно по словамъ Штурма теряетъ „всякое значеніе". Такимъ образомъ, съ формальной стороны бюджетъ и тогда будетъ обладать силой закона, когда онъ будетъ неутвержденъ Думой, т. е. когда будетъ носить характеръ не закона, а правительственнаго акта, самого по себѣ подзаконнаго, не являющагося *высшею* нормой. Въ русской юридической и финансовой литературѣ, вопросъ этотъ въ такой постановкѣ ни разу не возбуждался, но несомнѣнно двухъ рѣшеній его быть не можетъ. *Конституціоннаго бюджетнаго права у насъ нѣтъ*, если въ одно и то же время бюджетъ обладаетъ свойствомъ закона и правительственнаго акта: если бюджетъ утвержденъ Думой—онъ законъ, если не утвержденъ—тоже законъ, хотя его утвержденіе въ данномъ случаѣ исходило не отъ высшей законодательной власти, а отъ правительства, распоряженія котораго подзаконны. Это двухстороннее его содержаніе исключаетъ всякое представленіе о конституціонномъ законѣ. Теорія Лабанда и его послѣдователей, созданная для оправданія политики Бисмарка въ прусскомъ бюджетномъ конфликтѣ 1860 г., сюда не подходитъ, ибо она извращаетъ понятіе конституціонализма, считая бюджетъ конкретнымъ распоряженіемъ, а не закономъ.

Разсмотрѣніе бюджетнаго права Думы съ формальной стороны привело насъ къ отрицательнымъ выводамъ. Не менѣе печальные результаты получаются, когда мы знакомимся съ нимъ со стороны его матеріальнаго содержанія. Бюджетныя правила 8 марта 1906 г., опредѣляющія права палатъ по отношенію къ государственному хозяйству, были изданы въ періодъ паденія революціонной волны и одновременно съ актами крайне репрессивнаго свойства. Отражая на себѣ реакціонныя тенденціи тогдашняго времени, пра-

---

1) Ibid., 448.

2) *Штурмъ*, Бюджетъ, 340. Спб. 1907. Ср. *Фридманъ*, Наше законодательство о бюджетѣ. „Вопросы государственнаго хозяйства и бюджетнаго права", стр. 21, Спб. 1907.

вила эти не могли быть либеральными. Въ противоположность западно-европейскимъ бюджетнымъ конституціямъ, выросшимъ на почвѣ финансовой зависимости короля отъ сословій и подъ давленіемъ общественныхъ силъ, наша бюджетная конституція явилась свободнымъ волеизъявленіемъ короны, ибо въ моментъ ея изданія эхо революціи умолкало. Поэтому она не принесла для государственнаго хозяйства сколько-нибудь цѣлесообразное устройство, отвѣчающее характеру конституціонной страны. Финансово-правовые результаты революціи у насъ получились далеко не тѣ, что на Западѣ, или, напримѣръ, во Франціи послѣ 1873 г. Относительно послѣдней Лабандъ пишетъ: „Ежегодное обсужденіе бюджета, контроль надъ государственными расходами, гласность въ государственномъ отчетѣ, отвѣтственность министровъ за производимые ими расходы,—таковы основныя директивы, которыя законодательство революціи дало въ области финансоваго управленія“ [1]). Этого полнаго бюджетнаго верховенства за русскимъ народнымъ представительствомъ признано не было. Эффектъ октроированнаго бюджетнаго права получился ничтожный, а легальная борьба на его почвѣ заранѣе обрекалась на неуспѣхъ.

Правила 22 мая 1862 г. гласятъ (ст. I, отд. I): „Государственная роспись есть исчисленіе: а) *всѣхъ* предстоящихъ по государству расходовъ и б) источниковъ къ ихъ удовлетворенію...“ [2]). Въ статьѣ 33 пунктъ 6 указа 20 февраля 1906 г. мы читаемъ: „Вѣдѣнію Думы подлежатъ: государственная роспись доходовъ и расходовъ вмѣстѣ съ финансовыми смѣтами министерствъ и главныхъ управленій, равно какъ и денежныя изъ казны ассигнованія, росписью не предусмотрѣнныя,—*на основаніи установленныхъ правилъ*“. Въ этой статьѣ вышеприведенное понятіе росписи уже ограничивается спеціальной оговоркой. Пунктъ I правилъ 8 марта, къ которымъ отсылаетъ ст. 33 указа 20 февраля, рѣшительно ограничиваетъ понятіе росписи, какъ документа, содержащаго въ себѣ совокупныя смѣтныя предположенія о доходахъ и расходахъ: „Проектъ государственной росписи доходовъ и расходовъ разсматривается Государственнымъ Совѣтомъ и Государственною Думою въ общемъ, въ учрежденіяхъ ихъ установленномъ, порядкѣ обсужденія подлежащихъ вѣдѣнію Совѣта и Думы законодательныхъ дѣлъ *съ соблюденіемъ слѣдующихъ правилъ*“ (ст.ст. 2—13). Правила эти говорятъ намъ, что по отношенію къ Думѣ и Совѣту роспись есть нѣчто другое, что понимается подъ росписью правилами 1862 г. Для палатъ она не есть „исчисленіе *всѣхъ* расходовъ и источниковъ къ ихъ удовле-

---

1) *Laband*, Staatsrecht des Deutschen Reiches, 938, B. I., Frbrg. 1895.

2) См. Обзоръ бюджетнаго законодательства Россіи за 1862—1890 годы, стр. 113. Изд. государственной канцеляріи. Спб. 1891.

творенію, а только *части* ихъ, такъ какъ на другую часть наложена броня".

Центральный пунктъ ограниченія бюджетныхъ полномочій палатъ содержится въ статьяхъ 8 и 9 правилъ 8 марта. Статья 8: „При обсужденіи проекта государственной росписи не могутъ быть исключаемы или измѣняемы такіе доходы и расходы, которые внесены въ проектъ росписи на основаніи дѣйствующихъ законовъ, штатовъ росписаній, а также Высочайшихъ повелѣній, въ порядкѣ верховнаго управленія послѣдовавшихъ". Статья 9: „Возникающія въ Государственномъ Совѣтѣ или Государственной Думѣ при обсужденіи проекта государственной росписи предположенія: а) объ измѣненіи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ, росписаній, а также Высочайшихъ повелѣній, на основаніи коихъ внесены въ роспись доходы и расходы, и б) объ ассигнованіи средствъ на новыя, не относящіяся ранѣе на средства казны, потребности,—получаютъ дальнѣйшее движеніе въ порядкѣ, для разсмотрѣнія законодательныхъ дѣлъ установленномъ". Такимъ образомъ, эти статьи считаютъ обязательными для палатъ расходы и доходы, основанные не только на законѣ, но и на „Высочайшихъ повелѣніяхъ, въ порядкѣ верховнаго управленія послѣдовавшихъ"; отмѣнять такіе легальные титулы можно только въ законодательномъ порядкѣ, т. е. бюджетной инициативы у насъ не существуетъ.

Уже статсъ-секретарь Кобеляцкій, авторъ проекта бюджетныхъ правилъ, составленныхъ до манифеста 17 октября и легшихъ въ основу правилъ 8 марта, находилъ, что эти ограниченія не имѣютъ юридическаго основанія [1]). На практикѣ, — писалъ онъ въ своей объяснительной запискѣ, приложенной къ проекту выработанныхъ имъ правилъ,—„возникнутъ, конечно, сомнѣнія относительно того, всякое ли Высочайшее повелѣніе,—независимо отъ порядка, въ коемъ оно издано,—можетъ считаться безспорнымъ оправданіемъ расхода. Это опасеніе тѣмъ болѣе основательно, что въ настоящее время Государственнымъ Совѣтомъ признана необходимость устранить наблюдавшіяся ранѣе отступленія въ порядкѣ изданія законовъ, при чемъ постановлено, что изданіе новыхъ законовъ, не исключая и временныхъ правилъ, имѣющихъ значеніе закона, а также измѣненіе, дополненіе, пріостановленіе дѣйствія, отмѣна и преподаваемое Высочайшею властью изъясненіе истиннаго разума законовъ и означенныхъ правилъ происходитъ не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, установленномъ Основными Государственными законами. Между тѣмъ весьма многіе, при томъ очень крупные и мало популярные расходы (напр. на секретныя надобности по полиціи) имѣютъ основаніемъ для своего производства Высочайшія повелѣнія, испрошенныя все-

---

[1]) См. *Струве*, Къ вопросу о нашемъ бюджетномъ правѣ. „Вопросы государственнаго хозяйства и бюджетнаго права", 309. Спб. 1907.

подданнѣйшими докладами. Независимо отъ сего, въ примѣненіи къ смѣтному дѣлу можно указать на такія Высочайшія повелѣнія, дающія основанія къ испрошенію кредитовъ, которыя послѣдовали по меморіямъ Департамента, т. е. безъ обсужденія въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта. Справедливо ли,—спрашиваетъ статсъ-секретарь Кобеляцкій,—примѣнять къ этимъ узаконеніямъ то же строгое правило, которое ограждаетъ безостановочное примѣненіе *закона въ истинномъ значеніи* этого понятія, или въ отношеніи поименованныхъ кредитовъ могли бы быть допущены нѣкоторыя послабленія, въ смыслѣ расширенія полномочій Думы".

Этого послабленія, какъ мы знаемъ, допущено не было. Статьями 8 и 9 не исчерпываются ограниченія бюджетнаго права. Согласно ст. 7 „назначенія на платежи по государственнымъ долгамъ и по другимъ, принятымъ на себя государствомъ, обязательствамъ не подлежатъ сокращенію". Статья 4 изъемлетъ изъ обсужденія „кредиты на расходы министерства Императорскаго двора съ состоящими въ его вѣдѣніи учрежденіями", если суммы этихъ кредитовъ не превышаютъ ассигнованій на 1906 годъ; „не подлежатъ обсужденію такія измѣненія означенныхъ кредитовъ, которыя обусловливаются постановленіями учрежденія о Императорской фамиліи, соотвѣтственно происшедшимъ въ ней перемѣнамъ". По статьѣ 5 расходы собственной Е. И. В. канцеляріи и канцеляріи по принятію прошеній, а также расходы, не предусмотрѣнные смѣтами на экстренныя въ теченіе года надобности, подлежатъ обсужденію лишь въ той мѣрѣ, въ которой превышаютъ назначеніе по росписи 1906 г. Кромѣ этого, статья 16 допускаетъ производство непредусмотрѣнныхъ росписью неотложныхъ расходовъ внѣ законодательнаго порядка, а „по постановленію Совѣта Министровъ",—если эти расходы военнаго времени или такіе, которые не могутъ быть покрыты изъ фонда на экстренныя надобности или изъ ожидаемыхъ сбереженій. Ст. 118 Основ. Зак. гласитъ: „государственные займы для покрытія какъ смѣтныхъ, такъ сверхсмѣтныхъ расходовъ, разрѣшаются порядкомъ, установленнымъ для утвержденія государственной росписи доходовъ и расходовъ". Однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда заемъ предназначается на расходы военнаго времени, или когда роспись не получила утвержденія палатъ (ст. 116), то займы заключаются въ порядкѣ верховнаго управленія. Въ этомъ же порядкѣ опредѣляются условія займа (черезъ комитетъ финансовъ). Государственная Дума въ бюджетныхъ дѣлахъ ограничена правами Государственнаго Совѣта, имѣющаго одинаковую компетенцію съ Думой (ст. 1). Разногласія между палатами регулируются особыми комиссіями, которыя составляются изъ равнаго числа членовъ отъ Думы и Совѣта. Но если работы этой комиссіи будутъ безрезультатны, то спорный кредитъ вносится въ роспись въ цифрѣ назначенія послѣдней росписи, а если палаты не сходятся только относительно

величины назначенія, принимается цифра, ближайшая къ назначенію послѣдней росписи.

Не вдаваясь въ анализъ вышеприведенныхъ статей, регламентирующихъ дѣйствующее бюджетное право, и устраняя второстепенныя ограниченія бюджетной компетенціи палатъ, замѣтимъ, что эти статьи лишаютъ наши представительныя учрежденія возможности принести государственному хозяйству сколько-нибудь серьезную пользу [1]). Благодаря бронировкѣ, у насъ нѣтъ ни бюджетной инициативы, ни годичности бюджета; она создала то, что вѣдомства получили твердый, неподлежащій никакимъ урѣзкамъ кредитъ на расходы, выплачиваемый казначействомъ кредитъ, который не нуждается въ ежегодныхъ утвержденіяхъ, т. е. бюджетное право, поскольку оно существуетъ, служитъ цѣлямъ правительства, а не цѣлямъ народа, въ интересахъ котораго оно должно было бы быть. Правила 8 марта по словамъ Предсѣдателя бюджетной комиссіи 2-й Думы, „установили бюджетное право только для министровъ", которые его не имѣли, а бюджетныя обязанности по охранѣ этихъ правъ возложили на обѣ законодательныя палаты. Дѣйствительно, бюджетное положеніе вѣдомствъ, съ изданіемъ правилъ 8 марта, значительно улучшилось: ихъ штаты и кредиты на канцеляріи и на административные расходы, зависѣвшіе прежде отъ ежегоднаго утвержденія, превратились въ гарантированный закономъ доходъ, выплачиваемый изъ государственнаго бюджета; прежде Государственный Совѣтъ, разсматривая смѣту, могъ хоть сколько-нибудь вліять своимъ авторитетомъ на улучшеніе росписей; теперь и Государственный Совѣтъ лишенъ прежней свободы обсужденія, ибо ст. 2 правилъ 8-го марта предоставляетъ ему обсужденіе росписи „съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ въ послѣдующихъ статьяхъ отъ 3 до 14 включительно, т. е. ограничиваетъ его такъ же, какъ и Государственную Думу" [2]). Эта убійственная критика нашего „конституціоннаго бюджетнаго права" можетъ быть подкрѣплена цифрами, указывающими размѣры свободныхъ отъ брони кредитовъ по отдѣльнымъ вѣдомствамъ [3]):

Св. Синодъ	. . . . .	1%
Министерство Внутреннихъ Дѣлъ	. . . .	19 „
„ Финансовъ	. . . . .	82 „
„ Путей Сообщенія	. . . . .	99 „
„ Торговли и Промышленности	.	70 „

---

[1]) См. подробный разборъ у *Фридмана*, l. c., *Богольнова*, l. c., 49. *Шмгарева*, „Русская мысль", 1908, VIII—X, *Ясинольскаго*, „Право", 1908.

[2]) *Федоровъ*, Доклады бюджетной комиссіи второй Государственной Думы, 25. Спб., 1907.

[3]) Ibid., 4.

Главное Управленіе Землеустройства . . .	65%
Военное Министерство.	13 „
Морское „	92 „
Государственный Контроль	44 „
Народное Просвѣщеніе	23 „
Министерство Иностранныхъ Дѣлъ	19 „
„ Юстиція	37 „

По словамъ г. Федорова, тѣ смѣты министерствъ, которыя наиболѣе свободны отъ брони—путей сообщенія, финансовъ, морского, торговли и промышленности и управленія землеустройства и земледѣлія — „не поддаются воздѣйствію Думы по самому ихъ существу", такъ какъ весьма прочно связаны съ операціями даннаго министерства. „Однимъ словомъ, — говоритъ онъ, — правила 8 марта и существующій порядокъ составленія смѣтъ созданы такъ, что получается какая-то видимость бюджетнаго права, а на самомъ дѣлѣ Государственная Дума лишена возможности сдѣлать что-нибудь по упорядоченію бюджетнаго хозяйства".

Противопоставимъ этой оцѣнкѣ бюджетныхъ правъ Думы ихъ общее значеніе въ политической жизни конституціонной страны: „Критикой отдѣльныхъ бюджетныхъ предложеній, отказомъ въ требуемыхъ правительствомъ новыхъ кредитахъ, отклоненіемъ требующихъ утвержденія увеличеній бюджета, несогласіемъ на новые источники доходовъ,—Парламентъ можетъ достигнуть большого вліянія съ одной стороны на финансовое хозяйство и управленіе вообще, и на политическое положеніе министерства съ другой" [1]). Ничего подобнаго у насъ быть не можетъ, ибо дѣйствующее бюджетное право является не центральнымъ пунктомъ парламентскихъ полномочій, какъ на Западѣ, а „видимостью..."

Первая Дума и вторая не успѣли за свое кратковременное существованіе разсмотрѣть бюджетъ [2]). Эта работа выпала на долю третьей Думы. Нельзя сказать о плодотворности результатовъ, достигнутыхъ Думой въ бюджетномъ дѣлѣ за первыя двѣ сессіи. Прежде всего самый составъ третьей Думы, избранной на основѣ избирательнаго закона 3 іюня, исключалъ возможность поднять бюджетныя пренія на государственную высоту.

Основная идея, которая одухотворяла Думу во время ея бюджетныхъ работъ, высказана графомъ Дорреромъ въ слѣдующихъ словахъ: „М. Г.! Гораздо важнѣе всѣхъ этихъ юридическихъ и финансо-

---

[1]) *Jellinek*, Budgetrecht. Conrad's Handw. d. Staatswiss.

[2]) «Выборгское воззваніе» никакого вліянія на поступленіе прямыхъ налоговъ не имѣло. См. «Сводъ данныхъ о поступленіи казенныхъ окладныхъ сборовъ по имперіи за 1904—1906 гг., стр. 22—39.

выхъ тонкостей для насъ слѣдующая простая мысль, которая составляетъ наше твердое убѣжденіе: только совмѣстными дѣйствіями, дружными и согласными дѣйствіями законодательнаго учрежденія и правительства и *нечиненіемъ ему препятствій*, хотя бы подъ благовиднымъ предлогомъ расширенія и укрѣпленія правъ Государственной Думы, можетъ быть достигнута наша общая цѣль—благо и величіе родины" (Стеногр. отчетъ, стр. 2150). Результаты думской работы выразились въ скрупулезныхъ размѣрахъ: въ бюджетѣ на 1908 г. доходы увеличены на $2^1/_2$ проц., а расходы сокращены на 0 проц. (l. c., 3550). Разница та, что въ 1908 г. государственное хозяйство *впервые* получило „конституціонный бюджетъ". Новый порядокъ разсмотрѣнія росписи не открылъ эры въ нашихъ финансахъ, такъ какъ кромѣ скромныхъ пожеланій практически никакихъ измѣненій въ бюджетъ внесено не было. Судьба этихъ пожеланій, въ большинствѣ случаевъ, горькая.

Въ роспись внесены 11 милл. руб. на постройку новыхъ броненосцевъ и исключены 163 милл. руб., которые предназначались на обмѣнъ билетовъ государственнаго казначейства,—Государственный Совѣтъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ не согласился съ Думой. Проектъ объ измѣненіи бюджетныхъ правилъ не получилъ движенія. Пожеланія Думы относительно пересмотра условій закупки спирта и сахарной нормировки были признаны не подлежащими удовлетворенію.

Вмѣсто организаціи желѣзнодорожной анкетной комиссіи по желѣзнодорожному дѣлу была учреждена „высшая комиссія" въ порядкѣ верховнаго управленія, ни въ чемъ не отличающаяся отъ всякой другой бюрократической комиссіи и т. д. [1]). Всѣ эти данныя относительно „конституціоннаго" порядка разсмотрѣнія росписи свидѣтельствуютъ о малой продуктивности думскихъ бюджетныхъ работъ независимо отъ компетенціи Думы въ области государственнаго хозяйства. Правда, неудовлетвореніе пожеланій Думы указываетъ на недостаточную авторитетность ея въ бюджетныхъ дѣлахъ, вѣрнѣе, на отсутствіе этой авторитетности. Тѣмъ не менѣе, проектъ отмѣны правилъ 8 марта, которыми Дума руководствуется въ своихъ бюджетныхъ работахъ, несмотря на то, что внесенъ к.-д. черезъ 10 дней послѣ ея открытія, сданъ въ комиссію, гдѣ и лежитъ подъ сукномъ, т. е. руководящее большинство Третьей Думы *не желаетъ* отмѣны стѣснительныхъ правилъ 8 марта. Такъ, на засѣданіи 20 января 1908 г., посвященномъ обсужденію законопроекта объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей этихъ правилъ, октябристъ кн. Тенишевъ заявилъ: „порядокъ, вновь предлагаемый, я считаю и нецѣлесообразнымъ съ

---

1) См. *Мукосѣевъ*, Экономическіе и финансовые результаты 1908 г., «Записки Императорскаго Русскаго Техническаго Общества», 1909 г., I, стр. 37. Сводка всѣхъ пожеланій дана у *Шимарева*, l. c., X.

точки зрѣнія дѣловой и принципіально непріемлемымъ...", — рѣчь шла объ отмѣнѣ ст. 9,—нельзя „отрицательный вотумъ Государственной Думы или совѣта сравнивать (?!) съ положительнымъ ея рѣшеніемъ, подлежащимъ еще утвержденію Верховной Власти". Правые устами депутата Коваленко прямо заявили, что въ такой отмѣнѣ „у насъ нѣтъ широкой нужды". Такимъ образомъ, реакціонное большинство третьей Думы въ принципѣ отвергаетъ всякія попытки расширить вліяніе палатъ на государственное хозяйство. Очевидно, оно считаетъ цѣлесообразнымъ такой порядокъ, при которомъ вся область финансоваго управленія находится внѣ воздѣйствія и контроля правительственныхъ учрежденій.

Оцѣнивая результаты думской работы по разсмотрѣнію бюджета 1908 г., депутатъ Жуковскій сдѣлалъ такое замѣчаніе: „Водружая впервые флагъ народнаго представительства на русскомъ государственномъ бюджетѣ, Государственная Дума, конечно, ставитъ нѣкоторыя вѣхи своей будущей работы, но вѣхи эти поставлены такъ, что опредѣлить теперь, какъ эта работа пойдетъ, едва ли возможно". Было бы однако большимъ оптимизмомъ надѣяться, что эта работа принесетъ въ ближайшемъ будущемъ важныя измѣненія для нашего государственнаго хозяйства. Особенность состава третьей Думы, избирательный законъ 3 іюня, отзвуки контръ-революціи и проч. съ достаточной ясностью говорятъ за направленіе думскихъ работъ вообще и въ частности бюджетной. Отрицая необходимость отмѣны правилъ 8 марта, сознательно суживая свою и безъ того ограниченную компетенцію въ бюджетныхъ вопросахъ, противясь прогрессивнымъ начинаніямъ въ сферѣ финансоваго управленія и контроля, стоя на стражѣ реакціонныхъ началъ въ дѣлахъ податной политики, поощряя милитаристическія тенденціи и патріотическое изувѣрство—Государственная Дума при всѣхъ этихъ качествахъ не можетъ благотворно вліять на государственное хозяйство. Послѣднее по-прежнему продолжаетъ плыть въ старыхъ берегахъ, не мѣняя курса ни влѣво, ни вправо.

Если законодательная дѣятельность въ области нашего государственнаго хозяйства скромна, то и финансовое управленіе, выступающее въ представительныхъ собраніяхъ съ защитой своихъ смѣтъ, не проявило никакого творчества. Все остается по-старому. „На Шипкѣ все спокойно"... Въ Государственномъ Совѣтѣ 8 іюня 1909 г. министръ финансовъ Коковцовъ, между прочимъ, сказалъ: „...правительство всегда стремилось къ достиженію 4 цѣлей: оно стремилось къ поддержанію бюджетнаго равновѣсія, стремилось сохранить незыблемость нашего денежнаго обращенія, стремилось къ возстановленію нашего государственнаго кредита, наконецъ, оно стремилось къ тому, чтобы сколько возможно удовлетворять культурнымъ запросамъ и настойчивымъ требованіямъ государственной жизни, и ему казалось, что этого оно въ мѣру своего умѣнія достигло... Финансоваго разстройства Россіи въ

истинномъ смыслѣ слова нѣтъ. Вы можете, какъ многіе, называть меня неисправимымъ оптимистомъ, можно даже меня обвинить въ финансовомъ дальтонизмѣ, но я всегда буду неустанно твердить одно: финансоваго разстройства въ Россіи нѣтъ".

Какъ у насъ создавалось бюджетное равновѣсіе, мы говорить не будемъ. Денежное обращеніе спасено займами, оплата процентовъ по которымъ возложена на населеніе, —„незыблемость" денежнаго обращенія куплена слишкомъ дорогой цѣной. Улучшеніе государственнаго кредита произошло за счетъ общихъ условій денежнаго рынка; конечно, въ данномъ случаѣ принесли пользу и военно-полевые суды, ибо въ репрессіяхъ биржа видѣла положительный политическій факторъ. Другое дѣло „удовлетвореніе культурныхъ запросовъ и настойчивыхъ требованій государственной жизни". Послѣднія обнаружили такой галопирующій ростъ, что министръ финансовъ въ той же рѣчи признался: „я могу повторить то, что говорилъ раньше: безъ новыхъ налоговъ намъ не обойтись". Въ какомъ направленіи шло удовлетвореніе „требованій государственной жизни", можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ данныхъ. (См. таблицу на стр. 193).

Данныя этой таблицы не свидѣтельствуютъ о сколько-нибудь полномъ удовлетвореніи „культурныхъ запросовъ". Наоборотъ, непроизводительные расходы, показанные въ I группѣ, возрасли съ 1903 по 1907 г. на 16,6 проц., составляя 84 проц. всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ. Производительные расходы, фигурирующіе во II группѣ, дали за это время меньшій процентъ возрастанія—на 10,3 проц.; непроизводительные расходы обогнали въ своемъ ростѣ производительные на 6,3 проц. Замѣчательно, за разсматриваемый періодъ расходы на полицію возрасли на 100,2 проц., а расходы на просвѣщеніе и проч.—на 8,2 проц., т. е. по отношенію именно къ культурнымъ расходамъ траты на полицію увеличились почти въ тринадцать разъ, находясь въ одной пропорціи съ расходами на судъ.

Изъ другихъ расходовъ обращаютъ на себя наибольшее вниманіе расходы на платежи процентовъ и капитала по обязательствамъ государства и расходы на землеустройство. Первые поднялись на 36 проц. (вмѣстѣ съ доплатами крестьянскому банку) и въ 1907 г. уже составляли 29,1 проц. всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ. Вторые, несомнѣнно, отразили на себѣ земельную политику правительства: по размѣру возрастанія (87,0 проц.) они занимаютъ второе мѣсто послѣ расходовъ на полицію. Но для страны, переживающей острый аграрный кризисъ, они не имѣютъ серьезнаго значенія, такъ какъ общая величина ихъ по отношенію ко всему расходному бюджету ничтожна (1,6 проц.).

Нужно сказать, что понятіе „производительнаго расхода", насколько, конечно, оно укладывается въ рамки бюджетной классификаціи, условно.

Обыкновенные государственные расходы по предметамъ назначенія (безъ расходовъ по казеннымъ операціямъ и эмеритурамъ).	1903 г.		1907 г.		Увеличеніе (+) или уменьшеніе (—).	
	Въ милліонахъ руб.	% отношеніе къ итогу.	Въ милліонахъ руб.	% отношеніе къ итогу.	Въ милліонахъ руб.	въ % отношеніи.
I. Расходы общаго управленія	243,4	19,2	284,5	19,6	+ 41,0	+ 16,9
Изъ нихъ: на полицію	32,5	2,5	64,1	4,4	+ 31,6	+100,2
„ судъ	30,2	2,3	32,8	2,2	+ 2,6	+ 8,6
„ тюремную часть . .	15,8	1,2	16,9	1,1	+ 1,1	+ 7,7
Оборона государства	408,1	32,2	415,5	28,5	+ 7,4	+ 1,8
Расходы по обязательствамъ государства .	312 8	20,0	425,7	29,1	+112,8	+ 36,0
Вознагражденіе рентнаго характера . . .	16,6	1,3	16,7	1,1	+ 0,1	+ 1,1
Пенсіонные расходы и аренды	69,1	5,4	82,0	5,6	+ 12,8	+ 18,6
	1.050,0	83,1	1.224,4	84,0	+174,4	+ 16,6
II. Содержаніе духовенства и церковные расходы.	17,1	1,3	17,7	1,1	+ 0,6	+ 3,2
Просвѣщеніе, науки и искусства	79,4	6,3	85,9	5,9	+ 6,5	+ 8,2
Врачебная часть	22,4	1,7	26,0	1,7	+ 3,6	+ 16,2
Торговля и промышленность	4,4	0,3	5,1	0,3	+ 0,6	+ 15,0
Пути сообщенія, кромѣ жел. дорогъ, и торговые порты.	34,3	2,6	27,1	1,8	— 7,1	— 21,0
Землеустройство, переселеніе и сельское хозяйство	12,4	0,9	23,3	1,6	+ 10,8	+ 87,0
Почта, телеграфъ и телефонъ.	36,8	2,9	43,9	3,0	+ 7,1	+ 19,4
	206,8	16,0	228,2	15,1	+ 21,4	+ 10,3
На непредвидѣнныя смѣтами надобности. .	12,1	0,9	10,0	0,6	— 2,1	— 16,6
Итого	1.268,9	100	1.462,6	100	+193,7	+ 15,2

Напр., церковные и просвѣтительные расходы, хотя и содержатъ въ себѣ несомнѣнный признакъ производительнаго расхода, въ нашихъ условіяхъ часто превращаются въ непроизводительные, ибо на учрежденія духовныя и просвѣтительныя въ извѣстной мѣрѣ возложены полицейскія функціи. Такимъ образомъ, выведенныя цифры непроизводительныхъ расходовъ (84 проц.) могутъ увеличиться, примѣрно, до 90 проц.

Вышесказанное въ достаточной степени опровергаетъ заявленіе министра финансовъ, что правительство неусыпно стремится удовлетворить потребности культурнаго характера. Съ другой стороны, признаніе за непроизводительными расходами положительной государственной необходимости, рѣзкая тенденція къ увеличенію этихъ расходовъ въ ущербъ расходамъ производительнымъ оставляютъ наши финансы въ прежнемъ положеніи, какъ они были до войны, если не ухудшаютъ ихъ. Эффектъ такихъ бюджетныхъ порядковъ неизбѣжно одинъ и тотъ же.

Заявленіе министра финансовъ, что „финансоваго разстройства въ Россіи нѣтъ", нѣсколько оптимистично. Оптимистично оно потому, что до настоящаго времени условія государственнаго хозяйства не измѣнились: не говоря уже о необычайномъ хищничествѣ, на государственномъ хозяйствѣ лежитъ рядъ задачъ, разрѣшеніе которыхъ не входитъ въ кругъ его дѣятельности. Объ этомъ мы говорили въ началѣ нашей статьи. Если бы Россія была богата, то наше финансовое будущее не вызывало бы тревоги. Но какъ разъ о богатствѣ говорить не приходится. Переносъ тяжести военныхъ расходовъ на государственный кредитъ, утилизація экономическихъ результатовъ революціи и новые налоги помогли исправить поврежденія русской финансовой системы, и процессъ финансоваго разложенія пріостановился. Правда, этому обстоятельству нѣсколько способствовало то, что увеличеніе тратъ культурнаго характера, вызваннаго революціей, систематически задерживалось: удовлетвореніе получили преимущественно полицейскіе расходы,—даже оборона государства не поощрялась ассигнованіями. Сдержанность въ расходахъ вообще (послѣ 1907 г.), конечно, вещь хорошая, но вѣдь государственное хозяйство строится не на частно-правовомъ принципѣ, а на *принципѣ достаточности*, который является выраженіемъ наличныхъ неотложныхъ государственныхъ задачъ. Въ государственномъ хозяйствѣ, какъ хозяйствѣ принудительномъ, руководящимъ мѣриломъ являются не доходы, а расходы, объективная граница которыхъ лежитъ въ народномъ хозяйствѣ. Отказываясь отъ реформы всего бюджетнаго дѣла и податной организаціи, министръ финансовъ держится частнохозяйственнаго принципа: „Достиженіе у насъ прочнаго бюджетнаго равновѣсія,—говоритъ онъ,—возможно только путемъ увеличенія налоговъ и сокращенія расходовъ" [1]).

[1]) См. Объяснительную записку къ росписи на 1909 г., стр. 56.

Если придерживаться такого правила, то никакихъ финансовыхъ реформъ не нужно. Да и зачѣмъ онѣ? Подобный порядокъ, щадя интересы богатыхъ классовъ, временно удерживаетъ корабль государственнаго хозяйства въ томъ положеніи крена, въ какое его поставила финансовая политика 90-хъ годовъ и дальне-восточная война. Правительство находитъ такое положеніе наиболѣе удобнымъ. Насколько оно устойчиво, — другой вопросъ. Безусловно, общій подъемъ производительныхъ силъ страны и хорошіе урожаи помогутъ протянуть нѣсколько лѣтъ и при нынѣшней финансовой системѣ безъ всякой реформы податнаго и бюджетнаго дѣла. Но возможно, что этого не послѣдуетъ, и тогда повелительная необходимость заставитъ правительство взяться за реформу, если она не будетъ предпочтена эксплоатаціи государственнаго кредита. Въ перспективѣ — острое разстройство государственнаго хозяйства, займы и реформа финансовой системы.

Свою статью мы закончимъ словами проф. И. И. Кауфмана относительно вліянія бумажныхъ денегъ на государственное хозяйство во время войны 1877 г.: „Въ послѣднюю войну наши финансовыя силы весьма наглядно показали, что онѣ вполнѣ заслуживаютъ лучшаго мнѣнія о нихъ, чѣмъ о нихъ были не только враги, но и друзья“ [1]).

Эти слова проф. Кауфмана можно легко примѣнить къ послѣдней войнѣ 1904—1905 гг. и революціи.

В. Мукосѣевъ.

---

[1]) *Кауфманъ*, Кредитные билеты, ихъ упадокъ и возрастаніе, 251. Спб., 1888.

В. МУКОСѢЕВЪ.

Кредитъ, биржа и денежное обращеніе.

I.

Въ концѣ 1903 г. и въ началѣ 1904 г. положеніе денежнаго рынка и биржевой дѣятельности признавалось удовлетворительнымъ. Вліяніе англо-бурской войны, поглотившей милліарды англійскихъ денегъ и ослабившей финансовую мощь соединеннаго королевства, сошло на-нѣтъ. а американскій кризисъ вступилъ въ періодъ ликвидаціи. Въ дѣловой жизни Европы и Америки начали появляться всѣ признаки промышленнаго подъема. Денегъ было много, учетный процентъ стоялъ низко и биржевыя операціи расширялись. Россія также не осталась чужда этому движенію.

Въ 1903 г. наша торговля и промышленность замѣтно оживились и дѣла пошли вверхъ,—было ясно, что кризисъ 1899—1900 г.г. уже утратилъ свою остроту. Это оживленіе, между прочимъ, отразилось на операціяхъ государственнаго банка. Въ 1903 г. его учетъ поднялся на 14 милл. руб. или на 6,6 проц. (съ 209 милл. до 223 милл. руб.), при чемъ переучетъ и спеціальный счетъ подъ векселя—операціи, посредствомъ которыхъ частные банки пополняютъ свою кассовую наличность—сократились на 8 милл. руб. или на 16,3 проц. Сокращеніе затратъ на эти операціи показывало, что наличныя средства денежнаго рынка расширились. И, дѣйствительно, деньги были дешевы: частный дисконтъ доходилъ до $4^1/_2$ проц., а по онкольнымъ счетамъ—до 4 проц. Дешевизна денегъ вызывалась увеличеніемъ текущихъ и конто-коррентныхъ счетовъ въ банкахъ, послѣдовавшихъ благодаря выпуску желѣзнодорожныхъ облигацій, городскихъ займовъ и притоку дешевыхъ заграничныхъ денегъ. Въ области денежнаго обращенія обстоятельства складывались удовлетворительно: золотой фондъ, обезпечивающій валютное обращеніе, достигалъ 901,5 милл. руб. при выпускѣ кредитныхъ рублей на 578,7 милл. Направленіе вексельныхъ курсовъ было благопріятное, и выплаты на С.-Петербургъ временами превышали паритетъ. Въ биржевой дѣятельности господствовала приподнятость духа: фонды держались стойко все время и для дивидендныхъ бумагъ только осенью замѣчалась нѣкоторая реакція [1]).

---

[1]) *Мукосѣевъ*. Промышленный подъемъ или промышленный кризисъ, „Образованіе", IX, 1907.

Таковы были дѣловыя конъюнктуры до начала войны. Въ нашихъ банковыхъ и биржевыхъ сферахъ она была непопулярна, ея не хотѣли. 1904 г. былъ встрѣченъ при оптимистическихъ ожиданіяхъ, несмотря на тревожныя сообщенія съ Дальняго Востока. Первые дни января принесли съ собой горькое разочарованіе, такъ какъ извѣстія эти стали настолько интенсивными, что биржа со дня на день ждала открытія военныхъ дѣйствій. Биржевое собраніе 12 января прошло при крайне подавленномъ настроеніи. Въ послѣдующіе дни обстоятельства къ лучшему не измѣнились. Томительная неизвѣстность относительно ближайшаго будущаго приводила биржу въ отчаяніе. Сколько-нибудь серьезной освѣдомленности о намѣреніяхъ японскаго правительства мы не имѣли, предполагая до послѣдняго момента, что конфликтъ разрѣшится мирнымъ путемъ. 23 января вечеромъ лондонскіе банки и банкирскіе дома получили изъ Foreign Office увѣдомленіе о предстоящемъ разрывѣ дипломатическихъ сношеній между Россіей и Японіей, а до насъ это извѣстіе дошло только 25 января утромъ и, конечно, поразило всѣхъ своей неожиданностью. Биржу охватилъ паническій страхъ. Въ первый день войны, 27 января, биржевое собраніе представляло изъ себя нѣчто невообразимое по своему пессимистическому настроенію. Горькимъ плачемъ и стенаніями огласился биржевой залъ. Трусливая кулисса нещадно экзекутировалась банкирами вмѣстѣ съ остальной биржевой публикой. Въ этотъ день сотни мелкихъ биржевыхъ дѣятелей оказались выброшенными за бортъ биржи. Пониженіе расцѣнокъ носило стихійный характеръ и въ большинствѣ случаевъ было лишено логики и здраваго смысла. Почти то же самое наблюдалось и на заграничныхъ биржахъ. По словамъ „Der Deutsche Oeconomist“, нѣмецкіе спекулянты осаждали тамошнія маклерскія бюро, чтобы какъ можно скорѣе передать свои приказы о продажѣ бумагъ. Во Франціи,—какъ передаетъ „Le Monde Economique“, — въ первые дни войны всѣ группы цѣнностей испытали значительное пониженіе, а въ Англіи, — по словамъ „The Economist'a“,—тяжкое и всеобщее. Вслѣдствіе этого въ Парижѣ были приняты мѣры къ упроченію курса французской ренты, а въ Берлинѣ предполагалось учредить спеціальную комиссію для успокоенія биржи. 29 января министерство финансовъ опубликовало заявленіе относительно биржевой паники. По смыслу этого заявленія, главною причиной паники „является совершенно безпочвенная растерянность держателей бумагъ, эксплоатируемая беззастѣнчивой спекуляціей на пониженіе“. 30 января въ оффиціозѣ министерства финансовъ эта мысль была формулирована съ большой откровенностью: „...во всякой войнѣ приходится считаться не только съ врагами, вооруженными пушками, но и съ врагами биржевыми, сѣющими смуту и панику, оказывая этимъ предательскимъ оружіемъ сильное вліяніе на общественные круги, на настроеніе толпы и нанося этимъ жестокій вредъ госу-

дарственному кредиту". Конечно, это бестактное заявленіе не могло повліять на биржу укрѣпляющимъ образомъ. Однако полученныя послѣ 27 января извѣстія о томъ, что атака на Портъ-Артуръ отбита и что потопленъ одинъ японскій крейсеръ—произвели на биржу успокоительное впечатлѣніе, и въ послѣдующіе дни замѣтно было значительное улучшеніе. Этому способствовало вмѣшательство государственнаго и частныхъ банковъ, выступившихъ покупателями за общій счетъ на нѣкоторыя дивидентныя бумаги, фонды и выигрышные займы.

Начавшаяся война отразилась на банковомъ кредитѣ крайне неблагопріятно. Прежде всего, 30 января государственный банкъ повысилъ дисконтъ на 1%. Этимъ мѣропріятіемъ имѣлось въ виду сжать затраты на коммерческіе активы, такъ какъ государственный банкъ работаетъ на деньги казначейства, къ которому война предъявила обширныя требованія. Деньги эти нужны были правительству на веденіе войны, т. е. свободная наличность, принадлежащая казначейству, могла быть взята со счета банка цѣликомъ, или же оставлена, но новые выпуски кредитныхъ билетовъ, на такую же сумму, зачислялись бы за казначействомъ. Государственный банкъ не могъ, разумѣется, сразу реализовать казначейскіе капиталы, а постепенно, да при томъ и не всѣ. Для этого онъ повысилъ дисконтъ съ цѣлью ослабить требованія на деньги со стороны народнаго хозяйства; во-вторыхъ, не дожидаясь результатовъ этой мѣры, началъ выпускать кредитные билеты, которые передавалъ казначейству.

Такимъ образомъ увеличеніе рессурсовъ казначейства создавалось не только за счетъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ, но и за счетъ сокращенія продуктивныхъ статей актива. Высокій дисконтъ гналъ векселя въ частные банки, а государственный банкъ всецѣло былъ озабоченъ высвобожденіемъ капиталовъ, завязанныхъ въ активныя операціи. Но частные банки также не могли широко развернуть свои активы, ибо переучетъ въ государственномъ банкѣ былъ сжатъ, а дешевые иностранные кредиты обнаружили тенденцію къ неуклонному сокращенію. Нужда въ кредитѣ обнаружилась въ первые мѣсяцы войны. „Изъ разныхъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ, крупныхъ и мелкихъ, — писалъ тогда по этому поводу „Промышленный Міръ"—получаются однородныя извѣстія, рисующія крайнюю сдержанность частныхъ банковъ и даже дисконтеровъ въ учетѣ векселей даже перворазрядныхъ, каковое обстоятельство начинаетъ отражаться весьма неблагопріятно на торговыхъ дѣлахъ... Сокращеніе банковаго кредита надо разсматривать, какъ главное зло, основной недугъ нашей торгово-промышленной жизни въ данную минуту" [1]). Вызванное войною сокращеніе банко-

---

[1]) „Промышленный Міръ", № 11, 1904.

ваго кредита осложнилось несостоятельностями, что только усилило эффектъ денежнаго голода. Благодаря этому хозяйственная жизнь страны испытывала чрезвычайныя затрудненія. „Промышленный Міръ“ тогда же отмѣтилъ, что „съ одной стороны, наши банки сократили свою дѣятельность до минимальныхъ размѣровъ и упорно защищаютъ свои кладовыя отъ поползновенія купечества, съ другой, платежи по обязательствамъ за отпущенный ранѣе товаръ поступаютъ такъ туго и неаккуратно, что производить торговлю при настоящихъ условіяхъ становится съ каждымъ днемъ все труднѣе и труднѣе. При массѣ банкротствъ и просьбахъ объ отсрочкѣ платежей не знаешь, кому теперь можно отпускать товаръ безъ риска“ [1]).

Все вышесказанное можно иллюстрировать цифрами, взятыми изъ балансовъ государственнаго и частныхъ банковъ. Съ 1 января 1904 г. по 1 января 1905 г. учетъ и переучетъ въ государственномъ банкѣ сократился съ 253,0 милл. руб. до 171,2 милл. руб, или на 32%, а спеціальный текущій счетъ подъ векселя упалъ съ 11,9 милл. руб. до 9,1 милл. руб., или на 23,8%. Ушедшіе изъ государственнаго банка векселя не нашли себѣ мѣста въ частныхъ банкахъ, такъ какъ, судя по сводному балансу послѣднихъ, ими учтено векселей на 642,7 милл. руб., противъ 643,7 милл. руб., или менѣе за годъ на 1 милл. руб. Съ другой стороны, наблюдалось расширеніе тѣхъ операцій, которыя обладаютъ наибольшей чувствительностью воспринимать ненормальныя условія рынка. Такъ, затраты по онкольнымъ счетамъ и ссудамъ поднялись въ государственномъ банкѣ на 5%, а въ частныхъ банкахъ—на 4%; протестъ векселей увеличился почти на 50%; вкладная операція поднялась на 8%. Изъ приведенныхъ цифръ видно, какое глубокое вліяніе имѣла война на систему коммерческаго кредита независимо отъ общихъ гнетущихъ условій промышленности и торговли, создавшихся на почвѣ той же войны. Это констатировалъ докладъ совѣта московскаго учетнаго банка за 1904 г., представленный общему собранію акціонеровъ. „Общія тяжелыя условія минувшаго года,—гласитъ докладъ,—вызвавшія застой въ нѣкоторыхъ отрасляхъ торговли и промышленности, а также пониженіе биржевой стоимости большинства бумагъ, не могли не оказать ощутительнаго вліянія на размѣръ и результаты операцій банка. Съ одной стороны, вслѣдствіе затрудненій въ торговыхъ платежахъ, имѣвшихъ мѣсто главнымъ образомъ въ провинціи, пришлось естественно нѣсколько сократить учетъ векселей и соблюдать сугубую осмотрительность и разборчивость въ ссудной операціи; съ другой стороны, наступившая вслѣдъ за открытіемъ военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ дороговизна денегъ, побудившая банкъ временно повысить

---

[1]) Ibid., № 20, 1904.

размѣръ процентовъ, платимыхъ по вкладамъ и текущимъ счетамъ, во второй половинѣ года смѣнилась неожиданнымъ пониженіемъ дисконта и сравнительно слабымъ спросомъ на учетъ". Такимъ образомъ для коммерческаго кредита, предполагающаго въ своемъ основаніи плавные мѣновые процессы и твердые торговые разсчеты, война, какъ мы видѣли, имѣла крайне неблагопріятныя послѣдствія. Деньги вздорожали, учетъ сократился, овкольносуудная операція возросла, вклады и текущіе счета увеличились, протестъ векселей сильно поднялся. Столь серьезныя осложненія въ области кредита не могли, конечно, не повліять на народное хозяйство, печальное положеніе котораго въ данномъ случаѣ усугублялось этимъ разстройствомъ кредитной системы.

Война не предъявила особыхъ требованій къ нашей валютѣ, такъ какъ центръ тяжести военныхъ расходовъ былъ передвинутъ на государственный кредитъ. Свободная наличность государственнаго казначейства позволила на первыхъ порахъ избѣгнуть непосредственнаго обращенія къ кредитнымъ билетамъ. Она въ извѣстномъ смыслѣ сыграла роль запаснаго военнаго фонда, но конечно это не былъ тотъ фондъ, который вполнѣ отвѣчалъ бы идеѣ финансовой готовности къ войнѣ [1]). Значительная часть этихъ денегъ была завязана въ коммерческихъ операціяхъ государственнаго банка, а сколько-нибудь серьезныхъ запасовъ заграничной золотой валюты и иностранныхъ векселей не имѣлось. Чтобы придать относительную эластичность операціямъ государственнаго банка, превратить его въ орудіе войны, пришлось повысить дисконтъ и терпѣть ущербъ отъ неминуемыхъ въ такихъ случаяхъ колебаній вексельныхъ курсовъ. На 1 января 1904 г. текущій счетъ казначейства составлялъ 343,2 милл. руб., а къ началу войны, т. е. по балансу на 1 февраля 1904 г.,— 419,0 милл. рублей. Къ 1 января 1905 года эти суммы сократились до 174,2 милл. руб., или на 245,0 милл. руб., которые и были переданы банкомъ казначейству. Банкъ получилъ эти деньги частью за счетъ сокращенія активныхъ операцій, частью за счетъ расширенія денежнаго обращенія. Къ началу 1904 года кредитныхъ билетовъ было выпущено на 630 милл. руб., а къ 1 января 1905 года ихъ уже было въ обращеніи и въ кассахъ банка на 930 милл. руб., или болѣе на 300 милл. руб. Что кредитные билеты выпускались на нужды мобилизаціи и войны, видно изъ того, что изъ общей суммы выпуска 177 милл. падаютъ на мелкіе билеты, а 123 милл.—на крупные. Война должна была вызвать отливъ золота за границу, несмотря на то, что въ районѣ военныхъ дѣйствій платежи производились кредитными билетами. Болѣе или менѣе значительная часть этихъ билетовъ поступала обратно

---

[1]) *Riesser*, Zur Entwicklungsgeschichte d. deutschen Grossbanken mit besonderer Rücksicht auf die Konzentrationsbestrebungen. 17. Berl. 1906. Zweite Aufl.

въ Россію черезъ Шанхай и Берлинъ и сопровождалась тратой золота и серебра на ихъ покупку. А такъ какъ серебра въ достаточныхъ количествахъ не имѣлось, то на пріобрѣтеніе его приходилось тратить опять-таки золото. На 1 января 1904 г. въ государственномъ банкѣ золотые запасы достигали 901,5 милл. руб., а на 1 января 1905 г.—1.026,0 милл. руб., или болѣе на 124,5 милл. руб. Увеличеніе золота обусловливалось, во-первыхъ, суженіемъ каналовъ денежнаго обращенія внутри страны и, во-вторыхъ, зачисленіемъ за банкомъ того золота, которое поступало по займамъ на счетъ казначейства и подъ которое государственный банкъ выпускалъ кредитные билеты, передавая ихъ казначейству. Подобная операція была сопряжена съ большимъ рискомъ, такъ какъ золото послѣдней категоріи фактически оставалось за границей на текущихъ счетахъ у тамошнихъ банкировъ-корреспондентовъ казначейства въ обезпеченіе различнаго рода иностранныхъ платежей. Выпускать подъ него кредитные билеты государственный банкъ не имѣлъ права, потому что оно не могло служить гарантіей размѣна, оно давало только номинальное обезпеченіе выпущеннымъ кредиткамъ, находясь въ прямомъ противорѣчіи съ указомъ 29 августа 1897 г. Эта непосредственная близость казначейства къ государственному банку внушала серьезныя опасенія за устойчивость валюты. Однако, благопріятный урожай, столь выгодно отразившійся на нашемъ разсчетномъ балансѣ, вліялъ на валюту укрѣпляющимъ образомъ. По даннымъ статистики въ 1904 году Россія уплатила заграницѣ по разсчетному балансу 476 милл. руб. золотомъ, каковая сумма въ условіяхъ войны должна быть признана незначительной, тѣмъ болѣе, что общіе запасы золота въ странѣ на 1 января 1905 г. составляли 1.365,8 милл. руб. противъ 1.079,9 милл. руб. двѣнадцать мѣсяцевъ тому назадъ [1]).

Война не разстроила наше денежное обращеніе, несмотря на рядъ отступленій отъ правилъ эмиссіонной политики, допущенныхъ администраціей банка. Къ началу войны, т. е. по балансу на 1 февраля 1904 г., золотой фондъ, обезпечивающій валютное обращеніе, составлялъ 915,1 милл. руб.; въ моментъ заключенія мира (23-го августа 1905 года) онъ равнялся 1.136,1 милл. руб. или увеличился на 221,0 милл. руб. Выпускъ кредитныхъ билетовъ за это время поднялся съ 598,9 милл. руб. до 936,7 милл. руб. или на 337,8 милл. руб. Другими словами, девятнадцать мѣсяцевъ войны отразились на нашемъ денежномъ обращеніи сравнительно слабо, вызвавъ увеличеніе циркуляціи кредитнаго рубля на 116,9 милл. руб. сверхъ полученнаго банкомъ золота. Нѣкоторую тревогу порождало уменьшеніе текущаго счета казначейства, который къ 1 іюня 1905 г. опустился до 89,5 милл. руб.

---

[1]) *С. С. Х.*, Финансы Россіи въ связи съ экономическимъ положеніемъ ея населенія 172. Спб. 1908. 2-е изд.

(къ 1 февраля 1904 года онъ достигалъ 419 милл. руб.), какъ результатъ отказа заграничныхъ финансовыхъ круговъ размѣстить новый русскій заемъ весной и лѣтомъ 1905 г. Однако, два внутреннихъ 5% займа, выпущенныхъ въ силу Высоч. указовъ 12 марта и 29 іюля 1905 года на общую сумму 400 милл. руб., усилили рессурсы казначейства, и къ 23 августа 1905 года, когда былъ заключенъ миръ, текущій счетъ казначейства поднялся до 143 милл. руб. Это лишній разъ указываетъ на то, что существовала непосредственная зависимость валюты отъ государственнаго кредита. Если бы военные расходы нельзя было покрыть путемъ займовъ, то наше денежное обращеніе пришло бы въ величайшее разстройство. Упуская изъ виду этотъ важный факторъ, Ладонъ въ „Zukunft" и Гельферихъ въ „Marine-Rundschau" пѣли незаслуженные панегирики русской валютѣ. Они указывали, что въ отношеніи „finanzielle Mobilmachung" наше денежное обращеніе блестяще выполнило возложенныя на него войною задачи и обнаружило поразительную устойчивость [1]). Между тѣмъ вся тяжесть „финансовой мобилизаціи" легла не на валюту, а на государственный кредитъ, т. е. война не предъявила къ валютѣ сколько-нибудь серьезныхъ требованій.

Но если для денежнаго обращенія война прошла безъ особенныхъ послѣдствій, то эти послѣдствія сильно проявились на государственномъ кредитѣ. Мы уже говорили, что при первыхъ громахъ войны дѣла на биржѣ пришли въ острое замѣшательство. Для характеристики направленія биржевого курса возьмемъ отмѣтки руководящей бумаги—4% русской государственной ренты. Въ концѣ 1903 г. она стояла на уровнѣ 99½. Слухи о разрывѣ дипломатическихъ сношеній въ первой половинѣ января 1904 г. вызвали пониженіе расцѣнокъ всѣхъ бумагъ и, прежде всего, ренты: 8 января она опустилась до 99, а 16-го до 98. Усилившаяся тревога гнала отмѣтки внизъ: 19 января рента котировалась по 97, 20-го—по 96, 26-го—по 95, а въ первые два дня войны 27-го—по 94 и 28-го—по 93. Въ теченіе ближайшаго времени была замѣтна нѣкоторая устойчивость курса, но гибель адмирала Макарова, отступленіе на Ялу и сраженіе при Чжинь-Чжоу понижаютъ ренту до 88½ (конецъ апрѣля). Тѣмъ не менѣе, начиная съ мая, курсъ улучшился и впредь до второй половины декабря, т. е. до сдачи Портъ-Артура, отмѣтки показывали 91—92. Расцѣнка въ концѣ 1904 г. ухудшилась до 89⅜. Она оставалась на этомъ уровнѣ до начала февраля 1905 г., когда подъ вліяніемъ приказовъ Куропаткина повысилась до 90⅝, но бой у Мукдена опять понизилъ ее до 89⅜ (конецъ февраля). Выпущенный въ мартѣ 5% внутренній заемъ на 200 милл. руб. по 96 за 100 вызвалъ паденіе ренты до 83, како-

---

[1]) См. *Helfferich*, Die finanzielle Seite des Russisch-Iapanischen Krieges. „Marine Rundschau" (v. Okt. 1904), а также его Das Geld im russisch-japanischen Kriege. Berl. 1906.

вая расцѣнка уже прочно закрѣпила понижательную тенденцію для всѣхъ бумагъ капитальнаго рынка. Въ теченіе дальнѣйшихъ мѣсяцевъ рѣзкаго колебанія курсовъ не наблюдалось, и отмѣтки варьировались около 84—85. 16 августа ренту покупали 85, 17-го въ связи съ благопріятными слухами о ходѣ мирныхъ переговоровъ въ Порсмутѣ $88^1/_2$, а 18-го, когда слухи эти подтвердились, курсъ ренты поднялся до 91. Конечно, на этой высотѣ она не могла долго удержаться и на другой день опустилась до 89. Для страны побѣжденной и къ тому же обуреваемой внутренними волненіями такое пониженіе курса было явленіемъ естественнымъ и говорило за то, что биржа еще питаетъ большое довѣріе къ русскому государственному кредиту.

Итакъ, девятнацать мѣсяцевъ кровопролитной войны, стоившей около $2^1/_2$ милліардовъ рублей, не повліяли дурно на наше денежное обращеніе, которое все время было устойчивымъ, несмотря на опасную близость казначейства къ государственному банку. Въ области коммерческаго кредита конъюнктура складывалась крайне неблагопріятно, ибо война повлекла за собой вздорожаніе учета, отливъ дешевыхъ заграничныхъ денегъ и сокращеніе банковскаго кредита, тѣмъ самымъ вызывая многочисленные крахи и банкротства. Для биржевой дѣятельности война принесла колоссальный ущербъ, такъ какъ большинство бумагъ рѣзко опустились въ цѣнѣ, что, при дорогихъ деньгахъ и стѣсненномъ кредитѣ, лишало биржу увѣренности въ возвратѣ понесенныхъ ею потерь.

II.

Подъемъ міровой промышленной конъюнктуры продолжался и въ 1905 г., несмотря на сдерживающее вліяніе русско-японской войны. Заключеніе мира застало европейскую и американскую промышленность въ моментъ проявленія ея первыхъ послѣ кризиса успѣховъ, чему, между прочимъ, благопріятствовали прекрасный урожай хлѣбовъ, хорошій сборъ хлопка и расширеніе экспортной дѣятельности. Съ деньгами было свободно: хотя осенью германскій денежный рынокъ испытывалъ нѣкоторыя затрудненія отъ дороговизны учетныхъ нормъ. На биржѣ обстоятельства складывались удовлетворительно, но съ другой стороны, такія событія, какъ русско-японская война, портсмутскій договоръ, разрывъ между Швеціей и Норвегіей, острые конфликты между Австріей и Венгріей, тревожныя осложненія въ Марокко и революціонное движеніе въ Россіи, не могли, конечно, не вліять на ходъ биржевой дѣятельности съ тѣмъ, чтобы не вызвать пониженія отмѣтокъ бумагъ капитальнаго рынка. А наступленіе высокой промышленной конъюнктуры, увели-

чивая количество игрового матеріала, передвинуло центръ вниманія биржи съ фондовъ на дивидентныя цѣнности. Поэтому разсматриваемое время характеризуется повсемѣстнымъ пониженіемъ расцѣнокъ государственныхъ займовъ и вообще твердопроцентныхъ бумагъ. Отмѣченныя выше тенденціи въ міровой промышленной и биржевой дѣятельности съ наибольшею силою проявили себя въ 1906 г. и въ первой половинѣ 1907 г., т. е. волна промышленнаго оживленія на западѣ и въ Америкѣ подымалась до того времени, когда наступила американская катастрофа (октябрь 1907 г.). А затѣмъ „высокая конъюнктура" смѣнилась депрессіей.

Если, благодаря войнѣ, начавшійся въ 1904 г. заграницей промышленный подъемъ не захватилъ насъ, то окончаніе войны создало условія для воспріятія его въ полной мѣрѣ. И дѣйствительно, съ августа 1905 г. на русскомъ денежномъ рынкѣ начали появляться признаки наступающаго дѣлового оживленія. „Заключеніе портсмутскаго договора и притомъ на такихъ условіяхъ, на которыя трудно было разсчитывать, вызвало надежды на лучшее будущее. Предпріимчивость оживилась. Многія лица, которыя до этого времени не рисковали за что-нибудь взяться, теперь стали входить въ дѣла и для этого брать свои деньги съ текущихъ счетовъ и вкладовъ" [1]).

Изъятіе изъ банковъ части денегъ не внушало опасенія, ибо въ предшествовавшее время застоя ихъ на складахъ накопилось достаточно, такъ что банки отнеслись къ этому благожелательно,—„видно было, что дѣла оживляются, а это сулило прибыли" [2]).

Съ заключеніемъ мира биржа оправилась. Пессимистическія сѣтованія уступили мѣсто розовымъ надеждамъ на скорое улучшеніе торгово-промышленной жизни, и отмѣтки игровыхъ бумагъ стремительно поднялись вверхъ.

Бакинская катастрофа не повліяла на этотъ курсовой подъемъ сколько-нибудь серьезнымъ образомъ. Вводъ на парижскую котировку нѣсколько игровыхъ бумагъ, свобода въ открытіи онкольныхъ кредитовъ, стремленіе повысить расцѣнки до уровня, на которомъ они стояли передъ войной, и слухи о новыхъ грюндерствахъ создавали почву для игры a la hausse. Въ половинѣ сентября, когда отмѣтки поднялись на неестественную высоту, на которой онѣ никакъ не могли удержаться, наступила реакція и въ настроеніи, и въ цѣнахъ.

Денежное обращеніе находилось въ порядкѣ. Къ моменту заключенія мира (23 августа) золотые запасы достигли 1.136,1 милл. руб. при выпускѣ кредитныхъ билетовъ на 936,7 милл. руб., а текущій счетъ казначейства выражался въ солидной цифрѣ 143,0 милл. руб. Однако, потребность въ

---

[1]) „Вѣстникъ Финансовъ", № 18. 1906.
[2]) Ibid.

деньгахъ на ликвидацію войны и на хлѣбную кампанію диктовали государственному банку опредѣленныя условія: покрыть неоплаченные военные расходы за счетъ новаго займа; а для обслуживанія хлѣбной кампаніи увеличить циркуляцію кредитнаго рубля и только въ крайнемъ случаѣ поднять дисконтъ.

Такимъ образомъ, прекращеніе войны отразилось на денежномъ рынкѣ и биржѣ весьма благопріятно: дѣла оживились и настроеніе улучшилось. Положеніе денежнаго обращенія не внушало тревоги, тѣмъ болѣе, что вопросъ о военномъ ликвидаціонномъ займѣ былъ уже предрѣшенъ, т. е. валюта оставалась внѣ вліянія военныхъ расходовъ.

Начавшаяся революція радикально измѣнила положеніе дѣлъ. Прежде всего, пострадала кредитная система, ибо пріостановка всѣхъ народно-хозяйственныхъ процессовъ вызывала неизбѣжный въ такихъ случаяхъ параличъ коммерческой дѣятельности, всѣ операціи строились не на основаніи твердыхъ коммерческихъ расчетовъ, а на основаніи совершенно гадательныхъ и проблематическихъ выкладокъ. Краткосрочный кредитъ, основанный на довѣріи и на устойчивости мѣнового оборота, предполагаетъ нормальные хозяйственные процессы. Революція же сама по себѣ актъ разрушительный, ибо не создаетъ новыхъ цѣнностей, сжимаетъ циркуляцію товаровъ и пріостанавливаетъ накопленіе. Русская революція, кромѣ того, осложнилась погромами ряда усадебъ и городовъ, что только увеличило ея разрушительныя тенденціи. Почтово-телеграфная и желѣзно-дорожная забастовки парализовали банковую дѣятельность, ибо переводы, платежи по векселямъ и ссудамъ, полученія вкладовъ и по чекамъ было крайне затруднено, не говоря уже о томъ, что такія важныя операціи, какъ учетъ векселей и ссуды подъ процентныя бумаги, разрѣшались только первоклассным кліентамъ, у которыхъ имѣлось солидное обезпеченіе. Погромы, въ свою очередь, породили громадное количество протестованныхъ векселей, которыхъ и безъ того было въ изобиліи. А при системѣ конто-коррентныхъ счетовъ и взаимныхъ вексельныхъ обязательствъ протестъ векселей торговцевъ изъ „черты осѣдлости" весьма часто велъ за собой банкротство владимирскихъ и московскихъ фирмъ. Современная экономическая жизнь такъ устроена, что каждое отдѣльное звено ея неразрывно связано съ цѣлымъ. Ударъ, полученный А, передается В, потомъ С и такъ на весь алфавитъ до Z. Изъятіе вкладовъ и массовой переводъ денегъ заграницу уменьшили оборотный капиталъ страны, а между тѣмъ при крайне замедленномъ темпѣ хозяйственной дѣятельности его требовалось больше, чѣмъ въ нормальное время. Въ результатѣ—денежный голодъ и высокія товарныя цѣны.

Такое положеніе дѣлъ заставило государственный банкъ принять на себя всѣ заботы по возстановленію потрясенной кредитной системы. Онъ пришелъ на помощь частнымъ банкамъ, которые къ нему обратились послѣ того, какъ иностранные кредиты были взяты обратно и требованіе на вклады угрожало серьезнымъ ослабленіемъ наличныхъ кассовыхъ средствъ. Государственный банкъ открылъ имъ кредитъ не только въ этихъ предѣлахъ, т. е. въ размѣрѣ истребованныхъ вкладовъ и отозванныхъ заграничныхъ денегъ, но и для поддержки ихъ активныхъ операцій на уровнѣ, отвѣчающемъ потребностямъ рынка. Но это послѣднее обстоятельство осложнялось именно тѣмъ, что ближайшее экономическое будущее рисовалось въ самомъ мрачномъ свѣтѣ, такъ какъ опасность за послѣдствія забастовокъ, погромовъ и несвоевременной доставки товаровъ была велика, т. е. удовлетворить требованія рынка при полномъ его разстройствѣ нельзя было, не рискуя потерять часть выданныхъ денегъ, хотя-бы даже подъ солидное обезпеченіе. Благодаря этому утратилось само понятіе кредитоспособности, что, въ свою очередь, лишило банки объективнаго критерія въ дѣлѣ учета векселей, или выдачи ссуды. Неизбѣжное при такихъ условіяхъ сжатіе коммерческихъ активовъ частными банками имѣло своимъ результатомъ расширеніе ихъ въ государственномъ банкѣ, къ которому, какъ къ единственному прибѣжищу, обратились всѣ, кто имѣлъ право на банковый кредитъ и кто его лишился. Вслѣдствіе этихъ причинъ операціи государственнаго банка необычайно возрасли.

Нижеслѣдующая таблица показываетъ, въ какихъ размѣрахъ совершалась это возрастаніе затратъ на коммерческіе активы государственнаго банка и каково было положеніе частныхъ банковъ въ разсматриваемое время (въ милл. руб.). (См. таблицу на стр. 207).

Легко замѣтить, что между числовыми данными этой таблицы существуетъ прочная связь. Активныя коммерческія операціи государственнаго банка возрастали потому, что вклады и текущіе счета частныхъ банковъ падали и что активы послѣднихъ не могли поэтому удовлетворить серьезныя требованія рынка. Это видно изъ того, что учетная статья расширяется въ государственномъ банкѣ при параллельномъ сжатіи ея въ частныхъ банкахъ. Съ другой стороны, достаточно сопоставить затраты государственнаго банка на спеціальный текущій счетъ обезпеченный векселями съ переучетомъ и перезалогомъ у частныхъ банковъ, чтобы убѣдиться, какое громадное вліяніе на систему кредита оказалъ отливъ вкладовъ. Частные банки даже при уменьшенномъ объемѣ активовъ вынуждены были прибѣгнуть къ переучету и перезалогу, дабы этимъ путемъ пополнить оскудѣніе кассовыхъ средствъ. Подобная мѣра позволила удержать пассивы на уровнѣ уменьшенныхъ требованій по учету и ссудамъ, вѣрнѣе объемъ этихъ послѣднихъ опредѣлялся размѣрами остав-

	На 1-е каждаго мѣсяца.						
	1905 годъ.				1906 годъ.		
	Сент.	Октяб.	Нояб.	Дек.	Янв.	Февр.	Мартъ
I. **Коммерческія операціи государственнаго банка.**							
Учетъ и переучетъ	153,3	156,2	171,4	216,3	269,0	258,4	217,2
On call	125,7	126,8	135,0	172,1	198,1	204,5	190,5
Портфель бумагъ	78,7	72,0	70,0	79,4	77,9	74,4	78,2
Спеціальный текущій счетъ, обезпеченный векселями	13,9	11,7	20,2	60,9	74,6	32,6	25,1
Итого	371,6	366,7	396,6	528,7	619,6	569,9	511,0
Тоже двѣнадцать мѣсяцевъ назадъ	354,7	374,7	358,1	361,9	349,3	338,5	326,3
Болѣе (+), или менѣе (—)	+16,9	—8,0	+38,5	+163,8	+250,3	+231,4	+184,3
II. **Операціи частныхъ коммерческихъ банковъ.**							
Касса и текущ. счета	95,2	87,3	91,5	82,2	96,6	88,8	92,4
Учетъ	657,5	659,5	640,0	620,7	568,1	546,5	535,0
On call и товар. ссуды	420,7	434,5	446,0	451,9	438,7	411,4	405,9
Портфель бумагъ	124,6	115,2	113,5	109,9	104,9	103,4	102,8
Итого по активамъ	1.298,0	1.296,5	1.291,0	1.264,7	1.208,3	1.150,1	1.136,1
Тоже двѣнадцать мѣсяцевъ назадъ	1 231,6	1.242,4	1.254,4	1.242,4	1.259,2	1.276,2	1.282,6
Болѣе (+) или менѣе (—)	+66,4	+54,1	+36,6	+22,3	—51,1	—126,2	—146,5
Вклады и текущ. счета	836,6	833,3	823,7	742,8	698,2	728,5	744,6
Переучетъ и перезалогъ	65,1	64,7	84,9	149,9	163,6	108,3	77,2
Итого по пассивамъ	901,7	898,0	908,6	892,7	861,8	836,8	821,8
Тоже двѣнадцать мѣсяцевъ назадъ	844,6	852,4	857,9	857,8	854,6	882,6	893,1
Болѣе (+) или менѣе (—)	+57,1	+45,6	+50,7	+34,9	+7,2	—45,8	—71,3

шихся вкладовъ и сильно развитаго перезалога и переучета. Спеціальный текущій счетъ подъ векселя и перезалогъ и переучетъ являются показателями денежнаго рынка страны. Мы видѣли, что эти статьи стремительно возрастали, а это иллюстрируетъ острое денежное стѣсненіе, которое по своему характеру и по вліянію на народное хозяйство мало чѣмъ отличалось отъ кризиса. Уже расширеніе затратъ на on call и товарные ссуды при одновременномъ сжатіи другихъ активныхъ статей, или, наоборотъ, противоестественномъ ростѣ ихъ указываетъ на потрясеніе кредита страны.

Что это дѣйствительно было такъ, подтверждается отчетами банковъ. „Заключеніе мира дало толчекъ къ улучшенію положенія (денежнаго рынка),—

говорится въ отчетѣ *Русскаго торгово-промышленнаго банка*,—но наступившія потомъ забастовки и волненія окончательно остановили всю торгово-промышленную жизнь страны за послѣднюю четверть года. Стѣсненіе денежнаго рынка, обычно наступающее въ концѣ года, получило у насъ въ 1905 г. особенно острый характеръ и потребовало отъ банковыхъ учрежденій *чрезвычайнаго сокращенія* ихъ активной дѣятельности и сосредоточенія значительныхъ средствъ для покрытія заграничной задолженности". „Тяжкія событія переживаемыя нашимъ отечествомъ,—читаемъ мы въ отчетѣ *Русскаго для внѣшней торговли банка* за 1905 г.,—не могли не отразиться и на дѣятельности нашего учрежденія, и въ послѣдніе четыре мѣсяца отчетнаго года, подъ вліяніемъ террора, вызвавшаго стремленіе къ переводу капиталовъ заграницу,—вклады и текущіе счета уменьшились, а вслѣдствіе этого и забастовокъ желѣзнодорожныхъ, почтовыхъ и телеграфныхъ, пріостановившихъ торговыя операціи, сократился и учетъ"... Отчетъ *С.-Петербургскаго международнаго коммерческаго банка* за 1905 г. констатируетъ, что „вспыхнувшіе безпорядки и погромы, особенно на югѣ Россіи, не могли не отразиться серьезно на интересахъ всѣхъ вообще торговыхъ классовъ и, въ частности, на интересахъ нѣкоторыхъ кліентовъ банка, что, въ свою очередь, неминуемо должно было отразиться и на количествѣ протестовъ по векселямъ". *Московскій учетный банкъ* подчеркиваетъ въ своемъ отчетѣ за 1905 г. тяжелое положеніе денежнаго рынка въ концѣ года, „когда, послѣ октябрьской желѣзнодорожной забастовки и послѣдовавшей за ней забастовки почты и телеграфа, разразились въ Москвѣ печальныя декабрьскія событія. Подъ вліяніемъ охватившей общество тревоги замѣтно усилился отливъ денегъ съ текущихъ счетовъ и процентныхъ вкладовъ, продолжительный перерывъ почтово-телеграфнаго сообщенія вызвалъ повсемѣстную крайне тягостную пріостановку срочныхъ поступленій и для поддержки необходимой кассовой наличности приходилось прибѣгать къ широкому пользованію кредитомъ въ государственномъ банкѣ въ видѣ переучета векселей и спеціальныхъ текущихъ счетовъ и притомъ по необычайно высокому размѣру процентовъ". „Погромы и разбои съ одной стороны, съ другой—вздорожаніе денегъ и сокращеніе кредитовъ повели къ разоренію многія торговыя фирмы, еще недавно считавшіяся весьма солидными",—жалуется *Тифлисскій коммерческій банкъ*.

Эти выдержки изъ офиціальныхъ документовъ въ достаточной степени опредѣляютъ положеніе коммерческаго кредита въ революціонные мѣсяцы. Положеніе его было чрезвычайно стѣсненное. Оно усиливалось тѣмъ, что взрывъ революціи пришелся въ осенніе мѣсяцы, когда деньги дорожаютъ подъ вліяніемъ требованій сезона и когда иностранные кредиты идутъ въ Россію не охотно. Событія въ Россіи вызвали не только отозваніе этихъ кредитовъ, но и поднятіе дис-

конта въ Германіи, что только усиливало тревогу нашего рынка. Однако, благодаря помощи государственнаго банка паники не произошло, ибо его кассы оказались незапертыми для тѣхъ, кто не имѣлъ возможности получить деньги въ частныхъ банкахъ. Конечно, подобное обстоятельство вызвало неизбѣжное въ такихъ случаяхъ повышеніе учетнаго процента: 8 ноября онъ былъ поднятъ до $6^1/_2$%, а въ декабрѣ въ два пріема былъ снова повышенъ до 8%. Въ частныхъ банкахъ дисконтъ доходилъ до 10—12%. Столь значительная высота учетныхъ нормъ свидѣтельствовала о крайнемъ разстройствѣ денежнаго рынка, ибо такая непомѣрная дороговизна денегъ для нѣкоторыхъ фирмъ, не обладавшихъ собственными оборотными средствами, являлась препятствіемъ къ тому, чтобы пользоваться кредитомъ: 10—12% обладаютъ способностью разорить всякую мало-мальски слабую въ денежномъ отношеніи фирму. Болѣе того, въ нѣкоторыхъ промышленныхъ центрахъ частный дисконтъ достигалъ совершенно ростовщическихъ размѣровъ, а именно 18%, въ томъ числѣ 12% законныхъ плюсъ дамно и плюсъ экстра-куртажъ.

Острота денежнаго стѣсненія начала уменьшаться въ февралѣ, когда истребованные вклады стали обратно поступать въ банки и когда волна забастовокъ спала. Въ апрѣлѣ государственный банкъ понизилъ учетъ до 7%, а частные банки установили нормы на $^1/_2$% ниже государственнаго банка. Въ теченіе дальнѣйшаго времени положеніе кредита непрерывно улучшалось. Конечно, это улучшеніе было относительнымъ, ибо политическая жизнь страны не создавала благопріятныхъ условій для сколько-нибудь свободной и широкой коммерческой дѣятельности. Сдержанность частныхъ банковъ и дисконтеровъ въ учетѣ векселей даже перворазрядныхъ давала себя чувствовать повсемѣстно. Лѣтомъ и осенью 1906 г. отовсюду слышны были жалобы на недостатокъ банковаго кредита. Варшавскія газеты тогда сообщали, что „главной причиной застоя слѣдуетъ считать большой недостатокъ наличныхъ денегъ на денежномъ рынкѣ, отсутствіе довѣрія у торговцевъ, 12% годовой учетъ частными банками и сильное сокращеніе торговли съ внутренними губерніями Россіи. „Въ частности въ Варшавѣ, подъ вліяніемъ военнаго положенія и развивающейся анархіи, „банки начали воздерживаться отъ кредитныхъ операцій, а частные капиталисты, опасаясь кризиса, какъ это было въ 1904 г., спѣшатъ собрать свои капиталы и пересылаютъ ихъ въ заграничные банки". Изъ Ростова на-Дону жаловались, что режимъ военнаго положенія „тяжелымъ кошмаромъ сдавилъ жизнь большого торговаго города... Банки почти на половину уменьшили кредитъ, опасаясь краховъ". Въ докладной запискѣ, представленной совѣтомъ съѣзда горнопромышленниковъ Юга Россіи директору горнаго департамента говорилось, что „заводы несутъ... значительныя финансовыя

жертвы, обусловленныя дороговизной денегъ, стѣсненіемъ кредита". Изъ Одессы писали, что „мѣстный банковый кредитъ весьма стѣсненъ. Одесскія фирмы, въ свою очередь, прекратили кредитъ провинціальнымъ торговцамъ и плохо вслѣдствіе этого торгуютъ, такъ какъ безъ кредита торговля немыслима". Въ Кіевѣ при обслуживаніи сахарной кампаніи „съ деньгами было нѣсколько стѣснительнѣй. Отчасти это находилось въ связи съ низкимъ курсомъ процентныхъ бумагъ, отчасти съ сдержанностью, съ которой петербургскіе банки поддерживали свои здѣшнія отдѣленія... и... перевели въ августѣ (1906) денегъ меньше на три съ половиной милл. руб." Въ Ригѣ, согласно спеціальнаго сообщенія, „больнымъ мѣстомъ промышленности является недостатокъ въ деньгахъ ...требуются значительные и продолжительные кредиты. Несостоятельность какой-нибудь болѣе значительной фирмы можетъ при настоящемъ положеніи дѣлъ вызвать крупныя затрудненія и порядочную заминку во многихъ предпріятіяхъ". Изъ Москвы тогда писали, что тамъ „въ настоящее время банки сократили учетъ векселей". На-ряду съ сжатіемъ банковаго кредита внутри страны замѣчалась сугубая сдержанность въ кредитѣ со стороны иностранныхъ фирмъ, которыя экспортировали свои товары въ Россію. „Намъ извѣстны случаи,—отмѣчала тогда „Т. П. Г.",—когда заграничныя фирмы требуютъ не только деньги аккредитивомъ на банки за выписанные товары, но и требуютъ высылки впередъ обезпеченія обратнаго транспорта, если товаръ почему-либо не будетъ принятъ покупателемъ" [1]).

Сдержанность банковаго кредита находила себѣ оправданіе въ неблагопріятныхъ условіяхъ международнаго денежнаго рынка и въ томъ, что у банковъ не было достаточно матеріала для широкаго развитія продуктивныхъ статей актива. Они вынуждены были повысить процентъ по вкладамъ до 6% (Кіевъ), чтобы за эту дорогую цѣну пріобрѣсти деньги, такъ какъ многіе капиталисты перевели свои капиталы заграницу, довольствуясь $2^1/_2$—$3^1/_2$%. Но, конечно, главная причина этого — тяжелый внутренній политическій кризисъ.

Какъ было уже выше замѣчено, послѣ заключенія мира биржевая дѣятельность значительно улучшилась. Сентябрьское ультимо прошло благополучно, хотя чувствовалось ослабленіе бумагъ капитальнаго рынка и банковой группы. Первые дни октября не ознаменовались измѣненіемъ биржевого фронта, ибо слухи о заключеніи новаго займа, пріѣздъ въ Петербургъ иностранныхъ банкировъ для окончательнаго рѣшенія этого вопроса, извѣстіе о выдачѣ нефтепромышленникамъ долгосрочной ссуды въ 10 милл. руб и по-

[1]) Цит. *Мукосѣевъ*, Кредитъ и революція, „Русск. Экономистъ", № 40. 1906.

вышательная кампанія парижской биржи съ русскими металлургическими цѣнностями парализовали сенсаціонныя политическія сообщенія объ убійствѣ директоровъ заводовъ въ Ригѣ и Екатеринославѣ и о рядѣ забастовокъ въ промышленныхъ центрахъ Россіи. Однако, во второй половинѣ октября положеніе дѣлъ рѣзко измѣнилось въ сторону ухудшенія, главнымъ образомъ съ фондами. Тревожная неопредѣленность политической жизни, забастовки, погромы и военныя положенія заставили биржу скептически отнестись къ манифесту 17 октября. Правда, съ его опубликованіемъ фонды нѣсколько оправились: въ Берлинѣ $4^1/_2$% заемъ поднялся до pari, въ Парижѣ 5% обязательства повысились съ 102,40 до 104, въ Лондонѣ 4% консоли отмѣчались $92^1/_4$, противъ 89. Эта повышательная тенденція долго не удержалась и смѣнилась реакціей, какъ только получились извѣстія о погромахъ, которые ввергли биржу въ неописуемое уныніе. „Состояніе нашего фондового рынка,—отмѣчалъ тогда „Промышленный Міръ",—не поддается описанію. Рента и другія государственныя бумаги не встрѣчаютъ спроса, и съ прекращеніемъ интервенціонныхъ покупокъ со стороны государственнаго банка, курсъ ихъ предоставленъ слѣпой судьбѣ" [1]). Слабо было и съ дивидентными, въ особенности съ банковыми, такъ какъ погромы произошли въ городахъ, гдѣ сосредоточены отдѣленія почти всѣхъ русскихъ банковъ. А пожары, аграрные безпорядки и въ нѣкоторыхъ городахъ обстрѣлъ домовъ артиллерійскимъ огнемъ дурно вліяли на расцѣнку ипотечныхъ и страховыхъ цѣнностей. Разгромъ и разграбленіе промысловъ въ Баку вызывали естественное пониженіе нефтяныхъ бумагъ. Прекращеніе желѣзнодорожнаго движенія влекло за собой паденіе курса желѣзнодорожной группы. Механическія и металлургическія цѣнности, испытывая вліяніе непрекращающихся забастовокъ, шли внизъ. Словомъ пониженіе было общее и глубокое. Иностранныя биржи отнеслись къ упомянутымъ событіямъ весьма пессимистически. Англійская печать, въ лицѣ вліятельнаго „The Economist'a" выразила полное осужденіе политикѣ гр. Витте и предостерегала капиталистовъ отъ подписки на новый заемъ [2]). Французская спеціальная пресса хранила молчаніе, не желая наводить панику на встревоженныхъ держателей русскихъ бумагъ. Подобная паника произошла въ Берлинѣ, гдѣ русскимъ цѣнностямъ угрожало совершенное обезцѣненіе. Въ октябрѣ рента упала до 86 съ $90^1/_2$, а 5% займы до 99 съ 102. Пониженіе фондовъ вызвало естественное пониженіе рынка капитальныхъ бумагъ: въ этомъ мѣсяцѣ $4^1/_2$% закладные листы земельныхъ банковъ опустились до 84 съ $87^1/_2$.

Погромы въ шестидесяти двухъ городахъ, а затѣмъ кронштадтскія событія, объявленіе Польши на военномъ положеніи, вторая забастовка и т. п.

1) „Промышленный Міръ", № 40—41. 1905.
2) „The Disturbances in Russia and the new olan„. The *Economist*, № 3.245.

*

лишили биржу обычнаго равновѣсія. „Бумаги выбрасывались на рынокъ со стремительной быстротой и по какой угодно цѣнѣ. Испугавшіеся за цѣлость своихъ on call'ныхъ счетовъ банкиры и нѣкоторые банки стали экзекутировать своихъ кліентовъ, не внесшихъ доплатъ по ссудамъ, что еще болѣе усиливало панику. Болѣе другихъ кредитныхъ учрежденій усердствовало въ этомъ отношеніи отдѣленіе французскаго банка Credit Lyonnais. Оно немилосердно расправлялось съ своими кліентами и пустило по міру не одинъ десятокъ людей, которые еще наканунѣ 2 ноября располагали своевыми достатками... Credit Lyonnais отказался выдать ссуду, даже самую минимальную, подъ билеты выигрышныхъ займовъ... Если бы примѣру Credit Lyonnais послѣдовали другіе банки, то всѣ обращающіяся на биржѣ бумаги потеряли бы всякую цѣну; наступила бы такая паника, которой не видѣла ни одна биржа въ мірѣ. Къ счастью банки были настолько благоразумны, что не прибѣгли къ крайнимъ мѣрамъ, и это безъ сомнѣнія должно было произвести благопріятное впечатлѣніе на держателей биржевыхъ цѣнностей" [1]). Любопытно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ городахъ, отрѣзанныхъ отъ Петербурга въ силу почтово-телеграфной забастовки, биржевой курсъ опредѣлялся мѣстными конторами и отдѣленіями государственнаго банка. Въ Кіевѣ, напримѣръ, рента спокойно разцѣнивалась по 78—80 руб., тогда какъ петербургская биржа ее котировала по 74 [2]).

Въ ноябрѣ рента понизилась до $74^1/_2$ съ $85^3/_4$, а 5% займы до 93 съ $100^1/_8$. Временное прекращеніе почтово-телеграфной забастовки не принесло успокоенія, такъ какъ событія въ Севастополѣ и резолюціи крестьянскаго союза, дошедшія до заграницы, держали биржу въ состояніи крайней подавленности. Заявленія Рувье 4 декабря въ палатѣ депутатовъ относительно безпочвенности происшедшей въ Парижѣ паники, которая угрожала курсамъ французскихъ рентъ, нѣсколько успокоили биржу. Но массовый отливъ денегъ заграницу, вызывая продажи бумагъ, т. е. не менѣе массовыя реализаціи, естественно лишилъ биржу всякой опоры. Она окончательно потеряла голову, когда началось возстаніе въ Москвѣ. „Торгово-Промышленная Газета" тогда писала: „Люди словно потеряли голову и, не отдавая себѣ яснаго отчета о дѣйствительномъ положеніи вещей, лишившись способности оцѣнивать событія и соразмѣрять силы правительства и революціоннаго движенія, бросались въ водоворотъ реализацій, въ самый неблагопріятный, быть можетъ, моментъ, какой только переживали отечественныя биржи" [3]).

Послѣ подавленія московскаго возстанія курсы русскихъ бумагъ нѣсколько оправились. „Какъ только выяснилось, что возвѣщенная совѣтомъ рабочихъ

---

1) „Русскій экономистъ", № 42—43. 1905.
2) „Вѣстникъ финансовъ", № 18. 1906.
3) „Т.-П.Г", № 279, 1905.

депутатовъ и другими революціонными организаціями забастовка не прошла, биржа стала повышать фондовыя и дивидентныя бумаги въ надеждѣ на то, что расшатанныя многочисленными арестами революціонныя организаціи вынуждены будутъ прекратить свою агитаціонную дѣятельность и слѣдовательно наступитъ столь желанный биржей „миръ“ [1]). И дѣйствительно, отмѣтки подались вверхъ: въ концѣ декабря рента котировалась 80—82, тогда какъ въ началѣ мѣсяца она стояла на уровнѣ 75.

1906 г. былъ неблагопріятенъ для биржевой дѣятельности вообще. „Weltkonjunktur in der industrie—Marasmus an der Boerse“,—говоритъ въ своемъ отчетѣ *Deutsche Bank* за этотъ годъ. Необычайное оживленіе промышленности и дороговизна денегъ, вліяли на курсы капитальныхъ бумагъ, которые совершенно игнорировались биржей. Вздорожаніе кредита заграницей отразилось на мѣстномъ рынкѣ, хотя причины этого вздорожанія различны. Иностранные банкиры давали намъ денегъ въ ограниченномъ количествѣ, а на мѣстномъ рынкѣ денегъ было не много да и тѣ получить было трудно, такъ какъ кредитованіе было сопряжено съ рискомъ. Поэтому учетъ достигалъ у насъ 8—10% даже для вполнѣ солидныхъ обезпеченій. Съ другой стороны, увеличеніе государственной задолженности, благодаря выпуску 5% займа, давило на ранѣе выпущенные фонды, расцѣнка которыхъ естественно должна была упасть. Далѣе, отсутствіе политическаго спокойствія, военныя положенія, многочисленные грабежи и т. п. создавали напряженную атмосферу, исключающую спокойную коммерческую дѣятельность. Наконецъ, къ числу неблагопріятныхъ факторовъ слѣдуетъ отнести неурожай для ряда хлѣбородныхъ губерній, потребовавшій спеціальныхъ ассигнованій на продовольствіе и обсѣмененіе. Совокупность означенныхъ условій вліяла на расцѣнку нашихъ фондовъ понижающимъ образомъ. Первые мѣсяцы 1906 г. рента стояла на уровнѣ 80—79, но подготовка къ новому 5% „апрѣльскому“ займу понизила ее до $75^1/_2$. Затрудненія при размѣщеніи этого займа въ твердыя руки вызвали къ началу іюля дальнѣйшее пониженіе, до $72^1/_2$. Слухи о роспускѣ Думы и роспускъ ея привели къ тому, что 10 іюля рента отмѣчалась по 69, хотя въ ближайшіе за этимъ событіемъ дни расцѣнка улучшилась, но непрерывное увеличеніе государственной задолженности путемъ выпусковъ рентъ, дорогія деньги и плохой результатъ жатвы дурно вліяли на курсъ, такъ что къ началу сентября отмѣтки упали опять до 69. Другія процентныя бумаги, какъ-то: фонды, облигаціи, закладные листы, городскіе займы и проч., неизбѣжно отразили на себѣ это понижательное движеніе ренты, на буксирѣ которой они идутъ. Конечно, тѣ цѣнности, которые цѣликомъ размѣщены заграницей, напримѣръ $4^1/_2$% заемъ (Германія) или 5% обязательства казна-

[1]) „Русскій Экономистъ“, № 44. 1905.

чейства (Франція), остались внѣ этого вліянія,—расцѣнка ихъ опредѣлялась тамошними условіями денежнаго рынка. Начиная съ 20 чиселъ сентября замѣчалось повышеніе, которое затѣмъ сдѣлало дальнѣйшіе успѣхи благодаря снятію съ рынка значительнаго количества фондовъ и передачи ихъ сберегательнымъ кассамъ. Тѣмъ не менѣе, котировки начала 1907 г. показывали $73^1/_2$ или на 7 р. ниже, чѣмъ двѣнадцать мѣсяцевъ тому назадъ. Свирѣпствовавшая реакція не могла не отразиться на направленіи курса. Въ настоящее „ненадежное въ политическомъ отношеніи время,—читаемъ мы въ отчетѣ *Сѣвернаго банка* за 1906 г.,—публика воздерживается отъ помѣщенія своихъ средствъ въ капитальныя, а тѣмъ болѣе въ спекулятивныя цѣнности". Изъ спекулятивныхъ бумагъ повысились: нефтяныя, благодаря высокимъ цѣнамъ на нефть; акціи коммерческихъ банковъ, вслѣдствіе займовъ и высокаго учета; земельныя, какъ результатъ продажи земель крестьянскому банку. Остальныя игровыя бумаги, вродѣ механическихъ, страховыхъ, желѣзнодорожныхъ, не только не получили никакого приращенія курса, но испытали дальнѣйшее пониженіе. Нужно сказать, что пониженіе расцѣнокъ закладныхъ листовъ и облигацій городскихъ кредитныхъ обществъ повлекло за собой повсемѣстную пріостановку строительныхъ работъ, уменьшило выработку предметовъ, относящихся къ оборудованію жилыхъ помѣщеній и производство балокъ, остановило занятія массы строительныхъ рабочихъ и т. д. Такимъ образомъ, въ 1906 г. биржа стояла подъ знакомъ недовѣрія къ прочности политическаго status quo, а давленіе излишней задолженности, разстроенный государственный кредитъ, дорогія деньги, плохой урожай и тяжелое положеніе торгово-промышленной жизни только усугубляли тревогу биржи за устойчивость курса.

Война не оказала на денежное обращеніе сколько-нибудь серьезнаго вліянія. По крайней мѣрѣ, формально никакого нарушенія закона 29 августа не было.

До начала декабря положеніе валюты было удовлетворительнымъ, такъ какъ начавшійся отливъ капиталовъ заграницу и паденіе курса рубля еще не могли оказать на нее серьезнаго воздѣйствія. Вторая половина этого мѣсяца ознаменовалась значительной убылью золота изъ государственнаго банка, что стояло въ непосредственной связи съ массовымъ переводомъ денегъ заграницу. Господствовавшая паника вызвала вздорожаніе иностранной валюты на мѣстномъ рынкѣ, такъ какъ требованія на переводные векселя и чеки, главнымъ образомъ въ маркахъ, необычайно возросли. Благодаря усиліямъ спекуляціи курсъ рубля упалъ, и 100 руб. расцѣнивались въ Берлинѣ вмѣсто 216 мар. только 214 мар. Разница между курсомъ рубля въ Берлинѣ и выплатами въ Петербургѣ дала арбитражерамъ превосходный матеріалъ для игры на эту разницу. Такимъ образомъ явилось опасеніе за прочность нашей валюты, потому что при неблагопріятныхъ вексельныхъ курсахъ автоматическій утокъ золота изъ страны

неизбѣженъ. Это событіе нашло себѣ тенденціозную оцѣнку на страницахъ „Торгово-Промышленной газеты", которая писала, „что биржевая игра и переводъ денегъ заграницу производились въ очень большихъ размѣрахъ и что въ этомъ принимали участіе всѣ классы населенія отъ самыхъ высокопоставленныхъ и титулованныхъ до обыкновенныхъ смертныхъ. Изъ отдѣльныхъ же группъ населенія ближайшее участіе въ этомъ приняли евреи, тотчасъ же послѣ октябрьскихъ еврейскихъ погромовъ. Напуганные василіями, евреи усиленно стали переводить свои капиталы заграницу и затѣмъ, по свойственной этой націи духу спекуляціи, начали опредѣленную игру на пониженіе. Такую же игру вели и нѣкоторыя кредитныя учрежденія и частныя лица... Насколько значительно было движеніе, сознательно или безсознательно направленное къ пониженію, можно судить по тому, что за послѣдніе мѣсяцы ушло золота изъ Россіи приблизительно на *двѣсти милліоновъ рублей*" [1]). Въ отношеніи операцій съ золотомъ 1905 г. поэтому былъ крайне неблагопріятнымъ, изъ ряда выходящимъ годомъ по количеству уплатъ и переводовъ заграницу. По подсчетамъ С. С. Х. „въ 1905 г. страна уплатила по разсчетному балансу золотомъ 1.022,7 милл. руб." [2]), каковая сумма должна быть признана грандіозной.

На 1-е января 1906 г. золотой запасъ государственнаго банка достигалъ 707,4 милл. руб.—самая низшая цифра за разсматриваемое пятилѣтіе,—а суммы заграницей выражались въ 206,1 милл. руб., такъ что общій итогъ составлялъ 913,5 милл. руб.; кредитныхъ билетовъ находилось въ обращеніи на 1.204,6 милл. руб., причемъ текущій счетъ казначейства показывалъ 103,8 милл. руб. Очевидно, отливъ золота заграницу и изъ сберегательныхъ кассъ, которымъ государственный банкъ вынужденъ былъ выдать ссуду въ 82,4 милл. руб., поколебалъ золотой фондъ настолько, что дальнѣйшее его ослабленіе могло погубить валюту. Къ этому нужно добавить, что усиленіе затратъ на коммерческія операціи при незначительныхъ капиталахъ казначейства и огромный грузъ неоплаченныхъ военныхъ расходовъ осложняли положеніе дѣлъ. Кромѣ этого, на золотомъ фондѣ лежали краткосрочныя обязательства казначейства, учтенныя у Мендельсона. Въ теченіе дальнѣйшаго времени обстоятельства не измѣнились къ лучшему и хотя вексельные курсы оправились, но предстоявшее введеніе новаго таможеннаго тарифа, вызвавъ увеличеніе ввоза, увеличило траты золота, которое шло теперь на оплату излишковъ импорта. Къ первому апрѣля количество золота, находившагося въ кассахъ государственнаго банка, въ слиткахъ, монетѣ и ассигновкахъ горныхъ управленій, на текущихъ счетахъ у ино-

---

[1]) «Т.-П. Г.», № 9. 1906.

[2]) *С. С. Х.*, Финансы Россіи, 172. СПБ. 1909.—Данныя С. С. Х. носятъ условный характеръ, такъ какъ онѣ не опираются на твердыя доказательства.

странныхъ банкировъ, а также принадлежащихъ банку тратъ и переводовъ на заграничныя мѣста, за исключеніемъ выданныхъ банкомъ тратъ на своихъ заграничныхъ корреспондентовъ, равнялось 879,4 милл. руб., которые обезпечивали выпущенные въ обращеніе кредитные билеты на 1.149,0 милл. рубл. и 55 милл. основнаго и запаснаго капитала банка, т. е. 1.204,0 милл. руб. Исключая 300 милл. руб., которые по уставу банка могутъ быть выпущены безъ металлическаго обезпеченія, получимъ 904,0 милл. руб. Эта цифра превышала золотой фондъ (879,4 милл. руб.) на 25 милл. руб., т. е. эмиссіонное право банка было нарушено и выпущенные на 25 милл. руб. кредитные билеты не имѣли металлическаго покрытія. Если же изъ суммъ золотого фонда исключить проблематическихъ 135,6 милл. руб. „золота заграницей", то внѣуставный выпускъ кредитнаго рубля поднимется съ 25 милл. руб. до 160,2 милл. руб., каковая цифра составитъ 15,5% общей суммы выпущеннаго въ обращеніе кредитнаго рубля (1.149,0 милл. руб.).

Уставъ о денежномъ обращеніи былъ нарушенъ какъ съ формальной стороны, такъ и съ матеріальной. Валюта еще держалась, ибо нашъ законъ, регулирующій денежное обращеніе и созданный по типу банковскаго акта Роберта Пиля 1844 г., весьма суровъ, требуя большое металлическое обезпеченіе и игнорируя товаро-вексельное покрытіе выпущенныхъ банкнотъ. Система непосредственнаго контингентированія непокрытыхъ звонкою наличностью банковыхъ билетовъ, на которой построены эмиссіонныя операціи государственнаго банка, имѣетъ только одну хорошую сторону, а именно она ограничиваетъ банковый кредитъ отъ спекуляціи, давая возможность съ большей или меньшей точностью установить самый моментъ, съ котораго наступятъ затрудненія въ полученіи кредита. Высокій дисконтъ (8—10%) свидѣтельствовалъ о наступленіи этого момента, а излишне выпущенные кредитные билеты опредѣляли остроту затрудненій. Конечно, 160 милл. руб. кредитныхъ билетовъ не могли серьезно разстроить каналы денежнаго обращенія страны, которая можетъ поглотить ихъ вдвое больше, не вызывая никакого лажа на золото. Пресыщенія кредитными билетами и автоматическаго утока золота изъ обращенія, которые обыкновенно предшествуютъ появленію бумажныхъ денегъ, у насъ не было. Тенденція къ этому замѣчалась, и, несомнѣнно, условія для отмѣны закона 29 августа 1897 г. и для принудительнаго курса рубля складывались весьма благопріятно. Текущій счетъ казначейства непрерывно падалъ, несмотря на уменьшеніе затратъ на коммерческіе активы и обратный притокъ вкладовъ въ сберегательныя кассы. По балансу 16 апрѣля 1906 г. онъ выражался въ ничтожной суммѣ 11,3 милл. руб.; наличный золотой фондъ былъ равенъ 757,5 милл. руб., а „суммы заграницей" упали до 132,3 милл. руб. Вмѣстѣ съ тѣмъ безотлагательно требовалось увеличить рессурсы казначейства для оплаты произве-

денныхъ расходовъ въ сотни милліоновъ рублей. Также необходимо было немедленно увеличить текущіе счета заграницей для оплаты иностранныхъ обязательствъ по займамъ, краткосрочнымъ обязательствамъ и проч. Всѣ эти требованія могли быть удовлетворены только не за счетъ увеличенія циркуляціи кредитнаго рубля, ибо подобная мѣра была-бы для валюты роковой.

Критическій моментъ миновалъ, когда заграничные банкиры дали согласіе на заключеніе 5% займа на парицательную сумму 843 милл. руб.

Для валюты заемъ этотъ имѣлъ рѣшающее значеніе, такъ какъ срочные неоплаченные расходы переносились на государственный кредитъ и для ихъ покрытія уже не требовалось увеличить и безъ того гипертрофированный выпускъ кредитныхъ билетовъ. А кромѣ того, благодаря зачисленію нѣкоторой части выручки займа за иностранными банкирами, удалось возстановить нарушенный эмиссіонный законъ. Къ 23 апрѣля 1906 г. наличный золотой фондъ составлялъ 763,4 милл. руб., а „золото заграницей" равнялось 138,7 милл. руб. всего 902,9 милл. руб. при билетномъ обращеніи 1.131,0 милл. руб. Къ 23 мая этого же года наличный золотой фондъ выражался въ суммѣ 782,2 милл. руб., плюсъ золото заграницей 243,8 милл. руб., всего 1.026,0 милл. руб. при 1.128,8 милл. руб. кредитныхъ билетовъ. Другими словами, спустя мѣсяцъ послѣ заключенія займа общая сумма металлическаго покрытія билетовъ увеличилась на 123,1 милл. руб., причемъ билетное обращеніе сжалось на 2,2 милл. руб., т. е. положеніе валюты улучшилось на 125,3 милл. руб. Если на 23 апрѣля 902,9 милл. руб. золота покрывали 886 милл. руб. кредитокъ (за исключеніемъ 300 милл. льготныхъ и прибавленіемъ капиталовъ банка), то къ 23 мая это отношеніе золота къ кредитнымъ билетамъ весьма улучшилось и составляло 1.026,0 милл. руб. къ 883.8, или 1,16: 1. Принимая во вниманіе, что это улучшеніе валюты произошло за счетъ возрастанія заграничныхъ суммъ сила впечатлѣнія должна уменьшиться. Но съ другой стороны, если бы при всемъ этомъ наличный золотой фондъ не возрасталъ, а билетное обращеніе расширялось, тогда не могло-бы быть рѣчи о реальномъ улучшеніи валюты. Въ томъ и дѣло, что наличный фондъ также увеличился, а циркуляція кредитнаго рубля сжалась. На 1-е іюля 1906 г. этотъ фондъ взросъ до 801,6 милл. руб. (къ 1 апрѣля онъ былъ 743,8 милл. руб.) и золото заграницей увеличилось до 307,7 милл. руб. (къ 1 апрѣля его было 135,6 милл. руб.) = 1.109,3 милл. руб. (къ 1 апрѣля 879,4 милл. руб., между тѣмъ кредитныхъ билетовъ въ обращеніи было 1.117,2 милл. руб. (1.149,0 милл. руб.). Ясно, что по мѣрѣ размѣщенія займа улучшалось и крѣпло денежное обращеніе; къ 1 іюля 1906 г. оно уже настолько оправилось, что банкъ имѣлъ неиспользованное

право на выпускъ кредитокъ на 237,1 милл. руб. (1.117,2 + 55,0—300 = = 872,2; 1.109,3 — 872,2 = 237.1).

Такимъ образомъ въ области денежнаго обращенія наступилъ нормальный порядокъ. Въ теченіи дальнѣйшаго времени ничего особеннаго и тревожнаго не замѣчалось. Нѣкоторое безпокойство вызывало вздорожаніе иностранной валюты и пониженная расцѣнка русскаго рубля, какъ результатъ, съ одной стороны, усиленнаго спроса на иностранные девизы и, съ другой, недовѣрія къ нашей валютѣ. Спросъ на иностранные девизы обусловливался переводами денегъ заграницу, а недовѣріе къ валютѣ объяснялось политическимъ кризисомъ. Тѣмъ не менѣе, ни то, ни другое не могло серьезно угрожать валютѣ, хотя бы уже потому, что у государственнаго банка имѣлись въ большомъ количествѣ тратты на заграничныя мѣста, а при помощи ихъ вексельные курсы легко регулируются.

Несмотря на то, что въ 1906 г. по разсчетному балансу было уплачено 640,3 милл. руб. [1]) общія условія для денежнаго обращенія должны быть признаны тяжелыми. Конецъ тогда характеризовался возрастаніемъ билетнаго обращенія и дорогими деньгами, какъ это было и въ началѣ года. Въ 1907 г. обстоятельства складывались болѣе благопріятно, но тревожное положеніе международнаго денежнаго рынка заставило государственный банкъ держать дисконтъ на высокомъ уровнѣ ($7^1/_2$%), что для народнаго хозяйства принесло замѣтный ущербъ. Курсъ рубля постепенно улучшался и въ октябрѣ (1907) достигъ паритета и выше (217,05 марокъ за 100 руб. при паритетѣ 216 мар.). Одновременно наблюдалось значительное предложеніе иностранной валюты, которой было куплено для заграничныхъ платежей на сумму около 80 милл. руб. Въ 1907 г. уплачено было по разсчетному балансу 535,7 милл. руб. [1]).

III.

Резюмируемъ все вышесказанное. До начала войны положеніе биржевой дѣятельности было удовлетворительнымъ, на денежномъ рынкѣ замѣчалось оживленіе, впервые наступившее послѣ кризиса 1900 г.; денежное обращеніе находилось въ порядкѣ: золотой фондъ превышалъ выпущенные кредитные билеты, а направленіе вексельнаго курса складывалось въ нашу пользу. Наступленіе войны, въ возможность которой наши банковыя и биржевыя сферы не вѣрили, породило на биржѣ панику,—всѣ бумаги испытали значительное пониженіе и затѣмъ колебались въ курсѣ, лишая биржевыхъ дѣятелей твердой увѣренности относительно постоянства биржевой погоды. На денежномъ рынкѣ произошло замѣшательство, деньги вздорожали, иностранные кредиты сократи-

---

[1]) С. С. Х., l. c., 172.

лись, учетъ сжался, ссудныя операціи расширились и протестъ векселей увеличился. Громадное и чисто-отрицательное вліяніе этого фактора на народное хозяйство было очевиднымъ, вызывало жалобы представителей промышленности и торговли на необычайное суженіе банковаго кредита. Государственный банкъ стремился, во-первыхъ, уменьшить затраты на комерческіе активы и расширить рессурсы казначейства; во вторыхъ, увеличить циркуляцію кредитнаго рубля за счетъ извлеченнаго изъ оборота золота и того, которое зачислялось за нимъ изъ выручекъ по займамъ. Сжатіе активовъ, т. е. учета и переучета лишало денежный рынокъ надлежащей опоры и внесло въ кредитныя отношенія крайнюю сдержанность, хотя подобная мѣра давала возможность увеличить казначейскіе капиталы, т. е. средства для веденія войны. Съ другой стороны, благодаря займамъ война не предъявила къ валютѣ особенныхъ требованій,—она предъявила ихъ сугубо къ государственному кредиту. Такимъ образомъ, вліяніе войны сказалось только на денежномъ рынкѣ, извлеченіемъ изъ дѣлового оборота казначейскихъ капиталовъ, что, разумѣется, вызвало повсемѣстную сдержанность въ кредитѣ, тѣмъ болѣе, что иностранныя деньги были отозваны.

Прекращеніе войны создало предпосылки для подъема торгово-промышленной и биржевой дѣятельности. На денежномъ рынкѣ и биржѣ наступило весьма замѣтное оживленіе. Въ положеніи денежнаго обращенія обстоятельства складывались удовлетворительно, такъ какъ новый ликвидаціонный заемъ поглощалъ неоплаченные военные расходы и тѣмъ самымъ освобождалъ валюту отъ финансовыхъ послѣдствій войны.

Наступившая революція поставила все вверхъ ногами. На денежномъ рынкѣ и биржѣ наступила тревога, перешедшая въ панику. Бумаги падали съ каждымъ днемъ все ниже, банки отказывали въ выдачѣ ссудъ даже подъ солидныя цѣнности, покупателей по отмѣткамъ дня не было и биржевая публика потеряла голову. Наступила полоса безудержныхъ стремительныхъ реализацій. Бумаги нещадно экзекутировались, а вырученныя деньги широкой волной шли заграницу, вмѣстѣ съ требованными изъ банковъ вкладами. Погромы, насилія и забастовки почты, телеграфа и желѣзнодорожная парализовали обмѣнъ и пріостановили торговыя операціи. При такомъ положеніи дѣлъ не могло быть рѣчи о нормальныхъ отправленіяхъ банковаго кредита, тѣмъ болѣе, что средства послѣднихъ были серьезно ослаблены изъятіемъ вкладовъ. На помощь пришелъ государственный банкъ, онъ развернулъ активы и, хотя по дорогой цѣнѣ, открылъ частнымъ банкамъ неограниченный кредитъ. Несмотря на громадное количество протестовъ и несостоятельностей, денежнаго кризиса не произошло, онъ былъ предотвращенъ государственнымъ банкомъ. Правда, послѣдній самъ находился въ тяжелыхъ условіяхъ, такъ какъ заемъ, о которомъ говорилось выше, не былъ заключенъ. Валютѣ угрожала опасность съ двухъ сторонъ—отъ государственнаго казначейства и сберегательныхъ кассъ и отъ неблагопріятныхъ

вексельныхъ курсовъ. Однако, курсы скоро оправились, вкладчики снова понесли деньги въ кассы и только тревожное ослабленіе текущаго счета казначейства внушало опасеніе за цѣлость валюты. Но такъ какъ паника на денежномъ рынкѣ постепенно уменьшалась и, слѣдовательно, затраты на коммерческія операціи банка суживались, то казначейство питалось деньгами въ размѣрѣ текущихъ расходовъ. Только неоплаченные расходы продолжали висѣть надъ валютой и для дальнѣйшаго существованія ея былъ необходимъ заемъ. За двѣ недѣли до его заключенія государственный банкъ превысилъ принадлежащее ему эмиссіонное право на выпускъ кредитныхъ билетовъ, т. е. былъ сдѣланъ первый шагъ къ господству бумажныхъ денегъ. Такъ велика была потребность правительства въ деньгахъ. Собственно говоря, начало апрѣля было самымъ критическимъ періодомъ въ исторіи нашего золотого денежнаго обращенія. Извѣстный заемъ въ три четверти милліарда спасъ валюту, хотя это спасеніе куплено было дорогою цѣной.

Въ послѣдующее время, какъ на биржѣ, такъ и на денежномъ рынкѣ возстанавливаются нормальныя отношенія. 1907 г. прошелъ подъ знакомъ довѣрія.

В. Мукосѣевъ.

Международныя отношенія.

МИХАИЛЪ ПАВЛОВИЧЪ.

Внѣшняя политика Россіи отъ Портсмутскаго мира до нашихъ дней.

Русско-японская война кончилась полнымъ военнымъ разгромомъ русской арміи, потерей Портъ-Артура, Манчжуріи, уничтоженіемъ всего русскаго флота и боевыхъ запасовъ, въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ накоплявшихся въ нашихъ крѣпостяхъ и арсеналахъ. Полная военная немощь Россіи, такъ ярко обнаруженная нашими неудачами, полное израсходованіе всякаго рода военныхъ запасовъ, на возстановленіе которыхъ понадобились бы сотни милліоновъ рублей и годы „внутренняго" мира, наконецъ, самый страхъ передъ внутреннимъ врагомъ—все это предопредѣлило дальнѣйшее направленіе внѣшней политики нашего правительства. Поскольку эта политика до войны отличалась своимъ аггрессивнымъ характеромъ и проявлялась въ вызывающемъ отношеніи Россіи одновременно къ самымъ сильнымъ государствамъ, къ Англіи, съ которой у насъ были вѣчные нелады изъ-за Тибета, Афганистана, Персидскаго залива, Китая и проч., къ Соединеннымъ Штатамъ, которымъ мы не хотѣли „открыть двери" для свободной торговли въ Манчжуріи, къ Германіи, противъ которой велась нами ожесточенная дипломатическая война на берегахъ Босфора изъ-за Багдадской желѣзной дороги, наконецъ, даже къ Италіи, которая враждовала противъ насъ изъ-за столь чуждой Россіи Абиссиніи, гдѣ дѣятельно работали нѣкогда русскіе агенты, не говоря уже о постоянныхъ конфликтахъ съ второстепенными государствами, Турціей, Швеціей, Китаемъ и т. д., постольку, наоборотъ, наша внѣшняя политика со времени Портсмутскаго договора сдѣлалась миролюбивой и направленной къ улаженію или устраненію столкновеній съ болѣе или менѣе сильными сосѣдями. „Богъ съ нимъ—съ престижемъ»,—писалъ впослѣдствіи Меньшиковъ, „Что далъ намъ этотъ престижъ? Еврейскіе журналисты спятъ и грезятъ. какъ бы втравить Россію въ европейскую войну, дабы отвлечь армію отъ подавленія смуты. Мы не готовы къ войнѣ и не хотимъ воевать". Въ этихъ словахъ Меньшикова вся программа нашей внѣшней политики со времени Портсмутскаго мира.

I.

Англо-русское соглашеніе и средне-азіатскій вопросъ (Россія въ Средней Азіи).

1) Англо-русская распря.—2) Измѣненія англо-русскихъ отношеній подъ вліяніемъ германской и индусской опасности.—3) Англо-русское соглашеніе 18 авг. 1907 г., его основные пункты и значеніе.—4) Англо-русская политика въ Персіи со времени конвенціи 1907 г.

Первымъ результатомъ русско-японской войны было коренное измѣненіе въ англо-русскихъ отношеніяхъ, и это наложило рѣзкій отпечатокъ на общій характеръ всей международной политики Россіи, начиная съ 1905 г. Подобно двумъ поѣздамъ, мчавшимся на всѣхъ парахъ по одной линіи, но въ противоположномъ направленіи, Англія и Россія въ теченіе послѣдняго столѣтія, въ процессѣ расширенія своихъ территоріальныхъ границъ и развитія своихъ оборонительно-наступательныхъ силъ, неизбѣжно приближались къ моменту рѣшительнаго столкновенія. Въ то время, какъ Россія, завоевавъ постепенно сѣверный и южный Кавказъ, присоединила къ своей территоріи персидскую Армению, затѣмъ Карсъ и Батумъ, овладѣла шагъ за шагомъ Ташкентомъ, Самаркандомъ, правымъ берегомъ Аму-Дарьи, прилегающими Хивинскими землями, Кокандомъ, Ахалтекинскимъ оазисомъ и т. д. и, въ своемъ поступательномъ движеніи къ Персидскому заливу и обѣтованной землѣ Великаго Могола, вынуждена была остановиться на разстояніи болѣе чѣмъ тысячи верстъ отъ индійской границы, Англія, начавъ походное движеніе со средняго теченія Ганга, стала подыматься къ сѣверу, овладѣла бассейномъ могучей рѣки на всемъ его протяженіи и плоскогоріями Инда. Она подчинила себѣ Кашмиръ и, перебросившись черезъ вершины Гималаевъ, утвердила свое владычество въ Маломъ и Среднемъ Тибетѣ, а выдвинувъ передовую позицію на Яркандъ, проникла въ сердце Китайскаго Туркестана. На западѣ, двигаясь впередъ навстрѣчу русскимъ батальонамъ, она уничтожила имперію сейковъ, присоединила Пенджабъ, перешла средній Индъ, овладѣла англійскимъ Афганистаномъ до Сулеймановыхъ горъ и, подчинивъ послѣ трехъ войнъ (1839—1842, 1878, 1879) своему исключительному вліянію Афганистанъ и Белуджистанъ, пришла въ соприкосновеніе съ русскими владѣніями. И уже при первомъ взглядѣ на историческую карту расширенія территоріальныхъ границъ обоихъ государствъ, Россіи—стремившейся по направленію къ Индіи, и Англіи, — форсированнымъ маршемъ двигавшейся впередъ на сѣверъ, какъ будто для того, чтобы дать скорѣе бой своему

противнику и при томъ въ пунктѣ по возможности наиболѣе отдаленномъ отъ индійской границы, создается впечатлѣніе неизбѣжности конфликта между обѣими странами.

И въ сущности вся внѣшняя политика и военная исторія Россіи въ теченіе почти всего минувшаго столѣтія была въ значительной степени исторіей англо-русскаго конфликта. Въ Крымской кампаніи, въ русско-турецкихъ войнахъ 1828 и 1877 гг., въ войнахъ съ Кавказомъ, во всѣхъ средне-азіатскихъ кампаніяхъ, наконецъ, въ послѣдней войнѣ съ Японіей, старая Россія, Россія квасного патріотизма и воинственнаго лозунга „шапками всѣхъ закидаемъ", Россія Невельскихъ, Нессельроде, Черняевыхъ, Скобелевыхъ, Игнатьевыхъ, Алексѣевыхъ и т. д., всегда имѣла передъ собой Англію Джонъ-Буля, имперіалистическую драчливую Англію Пальмерстона, Биконсфильда, Чемберлена, Сесиля Родса, Киплинга, Керзона и пр. въ качествѣ явнаго или тайнаго врага. Особенно быстро и рѣзко стали обостряться англо-русскія отношенія съ момента окончанія войны 1877—78 гг., когда наше правительство, чтобы «сбить спѣсь» съ Англіи и отомстить послѣдней за ея упорное и успѣшное противодѣйствіе осуществленію грандіозныхъ русскихъ плановъ на Ближнемъ Востокѣ, начало усиленное движеніе именно по направленію къ индійской границѣ. Первоначально, это движеніе, послѣдовательные захваты Геокъ-Тепе, Денгли-Тепе, Асхабада, завоеваніе Ахалъ-Текинскаго оазиса, присоединеніе Мерва, Пенде и т. д., всѣ эти территоріальныя завоеванія, ложившіяся тяжкимъ бременемъ на нашъ бюджетъ, понижавшія покупательную силу внутренняго рынка и въ то же время ничуть не расширявшія нашего вывоза, имѣли главной цѣлью созданіе новыхъ опорныхъ базъ для дальнѣйшаго походнаго движенія и угрозой индійскимъ границамъ Англіи заставить послѣднюю войти въ полюбовное соглашеніе съ Россіей по ближне-восточному вопросу. *„Чѣмъ ближе мы будемъ въ Азіи къ Англіи, тѣмъ сговорчивѣе будетъ она по отношенію къ намъ въ Европѣ"* — такова точка зрѣнія, которая проводилась въ цѣломъ рядѣ появившихся въ Россіи книгъ и брошюръ, посвященныхъ индійскому вопросу [1]). Однако, въ случаѣ нежеланія Англіи вступить въ соглашеніе съ Россіей,

---

[1]) См. между прочимъ, *Нотовичъ*. «Гдѣ дорога въ Индію» Москва, 1889. *Соболевъ*. «Возможенъ ли походъ русскихъ въ Индію» Москва, 1901. *Лебедевъ*. „Въ Индію". Спб. 1898. *Тайвъ* „Русскіе на Индію" и т. д. Скобелевъ былъ убѣжденъ въ возможности разрѣшить всѣ наши вѣковые вопросы на Ближнемъ Востокѣ именно путемъ диверсіи въ Индію и только такимъ путемъ. «Безъ серьезной демонстраціи къ Индіи»—писалъ онъ М. Н. Каткову—«по всей вѣроятности, къ сторонѣ Кандагара, немыслимо себѣ представить войны за Балканскій полуостровъ. Предверіемъ театра дѣйствій на случай острыхъ осложненій, какъ въ 1878 г., несомнѣнно, будетъ нынѣ завоеванный край (Туркестанъ. М. П.) въ связи съ исключительнымъ и могущественнымъ нашимъ вліяніемъ въ Персіи». См. *М. Грумевъ*. «Соперничество Россіи и Англіи въ Средней Азіи» Спб. 1909 г., стр. 28.

продусматривалась неизбѣжность присоединенія Индіи къ великой Россійской имперіи. Между тѣмъ, аггрессивное движеніе Россіи въ Средней Азіи въ необычайной степени усиливало тревожное настроеніе въ правящихъ кругахъ Англіи и обостряло въ широкихъ слояхъ населенія чувство вражды къ Россіи. Постепенно отношенія между обоими государствами принимали все болѣе натянутый характеръ, и эта взаимная вражда стала проявляться въ серединѣ 90-хъ годовъ даже на страницахъ многихъ органовъ прогрессивной печати обѣихъ странъ. Въ то время, какъ англійская печать изобиловала джингоистскими статьями и книгами по адресу варварской и «вѣроломной» Россіи, наша пестрѣла угрозами и далеко не лестными эпитетами по адресу „коварнаго Альбіона". Конфликтъ между обѣими странами казался неустранимымъ и, такъ сказать, закономѣрнымъ — и это былъ очень тревожный симптомъ крайне натянутыхъ отношеній между обѣими странами—даже многимъ представителямъ нашей лѣвой, народнической печати. Радикальный русскій публицистъ, извѣстный политикъ г. Южаковъ, доказывалъ неизбѣжность этого конфликта и объяснялъ англо-русскую распрю полною противоположностью типовъ обоихъ государствъ, тѣмъ, что Англія организовала свой государственный, политическій и соціальный строй согласно съ идеалами лендлорда и капиталиста, въ то время какъ Россія организовала его по типу мужика, сообразно съ взглядами и воззрѣніями крестьянина. Примиреніе между обѣими странами казалось Южакову возможнымъ только въ томъ случаѣ, если Англія измѣнитъ свою внутреннюю экономическую организацію въ смыслѣ болѣе справедливаго распредѣленія богатствъ, а въ отношенія къ своимъ колоніямъ внесетъ болѣе правды, дастъ полную автономію и т. д. Безъ этой радикальной трансформаціи помѣщичья Англія, какъ государство рѣзко выраженнаго эксплоататорскаго типа, неизбѣжно обречена встрѣтить передъ собой непримиримаго врага въ лицѣ „мужицкой" крестьянской Россіи [1]). Въ этихъ

---

[1]) «Несомнѣнно поэтому, что покуда Англія свою внутреннюю жизнь, свое богатство и свое могущество строитъ на нынѣшнихъ основахъ, нами выше очерченныхъ, до тѣхъ поръ *война между Россіей и Англіей вполнѣ неизбѣжна и является лишь вопросомъ времени*. Только существенныя внутреннія преобразованія Англіи, политическія (въ смыслѣ напримѣръ равноправной федераціи колоній и метрополіи) и соціальныя (переворотъ въ распредѣленіи покупательной способности различныхъ классовъ) могутъ спасти ее и насъ отъ роковой необходимости борьбы не на жизнь, а на смерть. Такая борьба между лендлордомъ и капиталистомъ съ одной стороны и русскимъ мужикомъ съ другой предписывается всей логикой исторіи обоихъ государствъ». *Н. Южаковъ*. «Англо-русская распря» стр. 106. Это пренебрежительное и враждебное отношеніе къ Англіи объяснялось, въ нѣкоторой степени, господствующими въ то время народническими теоріями. „Для демократа наша Сибирь, въ которой простонародье пользуется благосостояніемъ, гораздо выше Англіи, въ которой большинство народа терпитъ сильную нужду», писалъ еще за долго до того Н. Г. Чернышевскій (см. Ю. М. Стекловъ, Н. Г. Чернышевскій, его жизнь и дѣятельность, стр. 180 Спб. 1909), но понятно, послѣднему не пришло бы въ голову писать о роковой необходимости борьбы не на жизнь, а на смерть между Россіей и Англіей.

странныхъ аргументахъ передового русскаго публициста того времени звучала, какъ нынѣ въ нелѣпыхъ германофобскихъ статьяхъ англійскаго соціалиста Блечфорда, крайне опасная нотка и слышался призывъ къ братоубійственной войнѣ.

Въ 1885 г. послѣ столкновенія отряда Комарова у Кушки съ афганцами, дѣло чуть-было не дошло до вооруженнаго столкновенія между Англіей и Россіей. Но, какъ это часто бываетъ въ международныхъ отношеніяхъ, именно потому, что катастрофа была такъ близка и вопросъ о войнѣ и мирѣ висѣлъ уже на волоскѣ, правительство обѣихъ странъ въ послѣднюю минуту остановилось въ страхѣ передъ опасностью тяжкой и грозной своими послѣдствіями войны, которая истощила бы оба государства и послужила бы лишь на пользу германской дипломатіи, всѣми силами разжигавшей вражду между Англіей и Россіей, ибо, начиная съ 1871 г., міровая гегемонія Германіи покоилась одновременно на англо-русской и англо-французской враждѣ. Договоръ 10 сентября 1885 г. устраняетъ опасность конфликта. 22 іюля 1887 г. подписывается протоколъ о разграничительной линіи между Россіей и Англіей. Съ 1891 по 1895 гг. регулируется памирская граница между Англіей и Россіей; въ то же время по взаимному соглашенію регулируется граница между Белуджистаномъ и Афганистаномъ; постепенно между Россіей и Великобританіей устанавливаются болѣе нормальныя отношенія. Договоры 1885, 1887, 1895 и 1899 гг. замедляютъ русское движеніе къ индійской границѣ и Персидскому заливу, хотя въ то же время даютъ поступательному движенію Россіи толчекъ въ другую сторону, по направленію къ Тихому океану. Захватъ Портъ-Артура въ 1898 г., оккупація Манчжуріи, учрежденіе дальневосточнаго намѣстничества 1905 г. и т. д., все это снова обостряетъ англо-русскія отношенія. Къ опасности на средне-азіатскихъ границахъ присоединилась для Англіи „русская“ опасность на Дальнемъ Востокѣ, откуда грозилъ уже неминуемый ударъ торговому и политическому вліянію Великобританіи въ Китаѣ.

Но то былъ моментъ, когда Англія была занята обширными имперіалистическими планами въ другихъ частяхъ свѣта. Увлеченная своей африканской мечтой, стремясь во что бы то ни стало овладѣть всѣмъ чернымъ континентомъ отъ Капштадта до Александріи, Англія направляетъ всѣ свои силы къ Судану, неожиданно останавливаетъ угрозой немедленной войны Францію у Фашоды и, утвердивъ свое господство на всемъ сѣверо-востокѣ Африки, неожиданно бросается къ югу и начинаетъ войну съ бурами, которую побѣдоносно заканчиваетъ послѣ трехлѣтняго кровопролитія. Въ теченіе всего этого періода Англія даетъ возможность своимъ противникамъ—Германіи въ Турціи и особенно въ Малой Азіи, Россіи—въ Китаѣ, особенно въ сѣвер-

ныхъ областяхъ его и затѣмъ въ Тибетѣ — глубоко пустить корни своего политическаго и экономическаго вліянія.

Въ 1900 г. представитель и экстраординарный посланникъ Тибетскаго Далай-ламы, Джорджіевъ, удостаивается аудіенціи въ С.-Петербургѣ. Въ 1901 г. отправляется въ Тибетъ русская миссія (бурятъ Цибиковъ), которая и остается въ столицѣ запретнаго для иностранцевъ Тибета, въ священной Ляссѣ, въ теченіе всего 1901 г. и подготовляетъ почву для русско-тибетскаго договора. Имѣя основнымъ правиломъ своей внѣшней политики — въ противоположность методамъ бездарной и безтолковой русской дипломатіи, разбрасывающейся всегда въ самыя различныя стороны—сосредоточивать всѣ свои силы въ данный моментъ на одной цѣли, Великобританское правительство позволяетъ Германіи и Россіи опередить Англію на всѣхъ спорныхъ пунктахъ, увѣренное, что въ удобный моментъ оно сумѣетъ загородить дорогу своимъ соперникамъ и отбросить ихъ назадъ. И дѣйствительно, сейчасъ послѣ окончанія бурской войны Англія вступаетъ въ соглашеніе съ Франціей [1]), добивается прекращенія начатыхъ между послѣдней и Германіей переговоровъ по вопросу о совмѣстномъ участіи финансистовъ обѣихъ странъ въ постройкѣ Багдадской желѣзной дороги и, нанеся такимъ образомъ рѣшительный ударъ мечтамъ Вильгельма II, относительно близкаго уже, казалось, осуществленія велико-германскихъ плановъ въ Малой Азіи, становится въ боевую позицію противъ Россіи. Заключивъ 30 января 1902 г. союзъ съ Японіей, Великобританія начинаетъ выбивать Россію изъ всѣхъ занятыхъ послѣдней во время англо-бурской войны позицій въ Персіи, Тибетѣ и сѣверномъ Китаѣ и особымъ языкомъ заговариваетъ съ нашимъ правительствомъ. На представленія русскаго посланника относительно впечатлѣнія, произведеннаго въ Петербургѣ отправкой англійской миссіи въ Лассу (апрѣль 1905 г.), лордъ Лансдоунъ вызывающе отвѣчаетъ, что „онъ съ удивленіемъ слышитъ подобные протесты отъ государства, которое никогда не церемонилось врываться въ территорію сосѣда, разъ только представлялся удобный случай, что если русское правительство имѣетъ основаніе быть въ претензіи на Великобританію въ виду необходимыхъ мѣръ, принятыхъ послѣдней по отношенію къ Тибету, то какимъ же языкомъ должно говорить великобританское правительство по поводу вторженія и захватовъ Россіи въ Персіи, Туркестанѣ и Манчжуріи“. Ясно было, что Англія чувствовала уже за собой могучую силу, которая въ состояніи будетъ сразить сѣвернаго колосса, и считала возможнымъ не церемониться съ послѣднимъ. Этой силой была армія микадо, все могущество которой сумѣла оцѣнить умная англійская дипломатія, воспользовавшаяся Япо-

---

[1]) Пріѣздъ короля Эдуарда и торжественный пріемъ его въ Парижѣ въ 1903 г. знаменуетъ собой поворотный пунктъ въ англо-французскихъ отношеніяхъ.

ніей, какъ ядромъ, чтобы сокрушить твердыню русскаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ и во всей Азіи.

Пользуясь русско-японскими осложненіями и затѣмъ войной между обѣими странами, Англія, стремясь возстановить утраченное вліяніе въ Тибетѣ и взять реваншъ, отправляетъ въ западную Лассу сильную военную экспедицію подъ командой полковника Югусбинда, который 13 декабря 1903 г. переходитъ англо-тибетскую границу, а 3 августа 1904 г.—послѣ необычайно труднаго похода черезъ высочайшія въ мірѣ горныя вершины по крутымъ и обрывистымъ тропинкамъ, по мѣстностямъ, гдѣ невозможно было достать какую-либо провизію, вступаетъ въ Лассу. Далай-лама покидаетъ столицу и спасается въ Монголію. Вмѣстѣ съ нимъ оставляютъ Лассу и представители Россіи, капитанъ Козловъ и бурятъ Джорджіевъ. 7 декабря 1904 г., какъ разъ на другой день послѣ взятія японцами Высокой горы, откуда японская артиллерія могла уже легко уничтожить послѣдніе обломки русской Тихоокеанской эскадры, скрывающейся на рейдѣ въ Портъ-Артурѣ, подписывается англо тибетскій договоръ, который фактически уничтожилъ все вліяніе Россіи въ Тибетѣ и отдавалъ послѣднюю подъ протекторатъ Великобританіи.

Не ограничиваясь экспедиціей въ Тибетъ, Англія принимаетъ мѣры къ возстановленію своего вліянія въ Афганистанѣ и Персіи. Уже 23 января 1902 г. Кранборнъ, выражая въ палатѣ общинъ мнѣніе правящихъ круговъ Англіи, заявляетъ, что Великобританія не откажется ни отъ своихъ правъ, ни отъ своего политическаго вліянія въ Персіи и провинціяхъ, примыкающихъ къ Индійской границѣ. Лѣтомъ того же года Англія, пользуясь столкновеніями между Афганистаномъ и Персіей, посылаетъ для улаженія конфликта спеціальную миссію подъ командой полковника Макъ-Магона, отправившагося на персидско-афганскую границу въ сопровожденіи цѣлаго штаба офицеровъ, многочисленнаго военнаго эскорта и громаднаго обоза (1.500 верблюдовъ). Эта своеобразная третейская комиссія, несущая вѣтку мира на штыкахъ сильнаго экспедиціоннаго отряда, пробыла въ Сеистанѣ 2 года, провела разграничительную линію между Афганистаномъ и Персіей и вернулась обратно послѣ того, какъ достигла своей цѣли, показавъ Россіи, что Англія намѣрена продолжать энергичную политику въ Центральной Азіи, и напомнивъ персамъ, что только одна Великобританія имѣетъ право вмѣшиваться въ ихъ отношенія къ сосѣднимъ съ Индіей странамъ. Въ качествѣ отвѣтной демонстраціи на посѣщеніе береговъ Персидскаго залива русскимъ военнымъ судномъ „Адмиралъ Корниловъ“ [1]), намѣстникъ Индіи, лордъ Керзонъ, сопутствуемый

---

[1]) Плаваніе «Адмирала Корнилова» относится къ февралю 1902 г., къ моменту Коветскаго конфликта, когда Англія обострила изъ-за господства на Персидскомъ заливѣ свои отношенія къ Германіи, Персіи, Турціи. По сообщеніямъ англійскихъ

своей супругой, окруженный блестящей и многочисленной свитой, совершаетъ въ сопровожденіи сильной военной эскадры, состоящей изъ 7 судовъ, путешествіе вдоль побережья Персидскаго залива. Эта внушительная демонстрація (ноябрь 1903) производитъ сильное впечатлѣніе на мусульманскій міръ и показываетъ Россіи, что Англія энергичнѣе, чѣмъ когда-либо, стоитъ на стражѣ Персидскаго залива и что было бы безуміемъ оспаривать у нея господство надъ послѣднимъ [1]).

Возстановивъ такимъ образомъ свой утраченный за время англо-бурской войны престижъ на границахъ Афганистана, въ Персидскомъ заливѣ и въ южныхъ провинціяхъ Персіи, Англія переноситъ центръ своей тяжести въ сѣверную Персію и начинаетъ здѣсь кампанію противъ Россіи. Но такъ какъ русское политическое и экономическое вліяніе въ Тегеранѣ оказывается очень сильнымъ, благодаря въ особенности тяготѣнію шаха къ нашему правительству, поддерживающему старый персидскій режимъ силой казацкой бригады, обученной и руководимой русскими офицерами, и золотомъ, доставленнымъ шаху при посредствѣ займовъ 1897, 1901, 1902 гг., Англія, чтобы подорвать вліяніе противника въ Персіи, пользуется пробуждающимся здѣсь конституціоннымъ движеніемъ и, оказывая энергичную поддержку населенію, борющемуся за свободу, въ необычайной мѣрѣ подымаетъ свой престижъ и въ сѣверной Персіи. Ослабивъ силу шаха и сломивъ этимъ самымъ оружіе русскаго вліянія въ сѣверной Персіи, Англія начинаетъ быстро втягивать и эту область въ сферу своего протектората.

Такимъ образомъ, къ окончанію русско-японской войны Россія оказывается побѣжденной на всѣхъ пунктахъ, гдѣ она до сихъ поръ боролась съ коварнымъ Альбіономъ, потерявшей плоды долголѣтней работы ея безтолковой, одновременно бросавшейся въ разныя стороны дипломатіи. Въ результатѣ столѣтняго анти-русскаго конфликта изъ-за вліянія въ Азіи, Англія выходитъ побѣдительницей, увѣнчанная въ глазахъ азіатскаго міра ореоломъ славы и могущества, озаренная при томъ блескомъ побѣдъ ея союзника, Японіи. Безсмысленная, стоившая столько жизней и денегъ русскому народу, политика устрашенія Англіи путемъ движенія къ индійской границѣ потерпѣла полное фіаско и привела къ обратнымъ результатамъ. Устрашавшій превратился въ устрашеннаго. Заключеніе англо-японскаго союзнаго договора 13 августа 1905 г., предоставившаго въ распоряженіе Великобританіи въ случаѣ атаки ея индійскихъ границъ всю военную силу Японіи, отымаетъ и въ будущемъ возможность давленія со стороны Россіи на Англію путемъ угрозы индійскимъ

газетъ, «Адмиралъ Корниловъ» выгрузилъ десятки тысячъ ружей въ Бендеръ-Аббасъ. (См. *Л. Гальберштадтъ*. Иностранная политика „Русская Мысль" 1906 № 8).

[1]) *Ernest Lemonon*, l'Europe et la politique britannique (1882—1909). Paris, 1910, см. стр. 425.

владѣніямъ послѣдней. Вмѣстѣ съ тѣмъ, теряетъ всякую почву мысль о реваншѣ, о возможности въ близкомъ будущемъ успѣшной войны съ цѣлью отвоеванія потерянныхъ позицій или, по крайней мѣрѣ, возстановленія утраченнаго военнаго престижа. Послѣ этого соглашеніе между Россіей и Англіей становится неизбѣжнымъ. Тяжкія поражения, которыя англійская дипломатія нанесла русской въ Манчжуріи, Тибетѣ, Афганистанѣ, Персіи, на всемъ азіатскомъ континентѣ, лишали всякаго содержанія англо-русскую вражду, такъ сказать, ликвидировали ее. Во внѣшней политикѣ государствъ, подобно тому, какъ это часто наблюдалось во внутренней жизни любой страны, въ классовыхъ конфликтахъ, пораженіе, безсиліе, трусость, вызываютъ у побѣжденной или только чувствующей себя побѣжденной и оробѣвшей стороны стремленіе замѣнить принципъ борьбы съ „вѣковымъ" врагомъ принципомъ сотрудничества съ нимъ, чтобы такимъ образомъ въ единеніи съ вчерашнимъ недругомъ добиться хотя бы частичнаго осуществленія результатовъ, достиженіе которыхъ инымъ путемъ начинаетъ казаться немыслимымъ. Стоя лицомъ къ лицу съ счастливымъ соперникомъ, опирающимся нынѣ, помимо могучаго флота, и на побѣдоносную силу японскихъ штыковъ, занятая внутренней войной, обремененная громаднымъ государственнымъ долгомъ, не имѣя уже возможности не только что-либо выиграть въ Азіи, Россія начинаетъ обнаруживать, какъ это было съ Франціей послѣ Фашоды, желаніе примириться съ непобѣдимымъ врагомъ. Кромѣ того, не удовлетворяясь уже въ виду возросшихъ затрудненій, однимъ союзомъ съ республиканской Франціей, оффиціальная Россія ищетъ матеріальной и моральной поддержки для успѣшнаго продолженія своей традиціонной внутренней политики въ дружественномъ соглашеніи съ правительствомъ самой передовой, свободолюбивой и въ то же время богатѣйшей страны въ Европѣ.

Въ то же время цѣлый рядъ факторовъ толкалъ и Англію къ соглашенію съ Россіей; хотя и союзница Японіи, Англія отнюдь не желала отдать послѣдней въ полное распоряженіе весь Дальній Востокъ. Въ этомъ отношеніи дружественная Россія могла оказать большую поддержку Англіи въ качествѣ серьезнаго противовѣса слишкомъ сильному союзнику послѣдней. И хорошо извѣстно, что уже во время выработки условій Портсмутскаго договора Англія, стоя за спиной Америки, старалась умѣрить аппетиты Японіи и заставить ее заключить миръ съ Россіей [1]).

Сейчасъ же послѣ окончанія русско-японской войны, въ англійской печати стали появляться статьи о безцеремонныхъ дѣйствіяхъ Японіи въ Манчжуріи, о препятствіяхъ, чинимыхъ ввозу англійскихъ товаровъ въ эту часть

---

[1]) *Волонтеръ*. «Русско-японская война». Спб. 1905, см. стр. 11, 12. *Ernest Lemonon*. L'Europe et la politique britannique, стр. 433.

Китая, о „безчестной“ японской конкурренціи, съ одной стороны, и съ другой—статьи объ англо-русской торговлѣ, о громадномъ русскомъ рынкѣ, о необходимости соглашенія съ Россіей. Такимъ образомъ, неожиданно и съ особой силой возобновилась руссофильская кампанія, которую еще въ 1902 г. началъ Calchas на страницахъ „Forthnigtly Review“.

Въ то же самое время съ особой силой стала обнаруживаться для Россіи и Англіи „германская опасность“, угрожавшая обѣимъ странамъ на всемъ азіатскомъ континентѣ и особенно въ Средней Азіи. Еще въ 1895 г. Германія не имѣла никакихъ торговыхъ сношеній съ побережьемъ Персидскаго залива, который Англія считала своимъ владѣніемъ, какъ вдругъ въ 1906 г. пароходы Гамбургско-Американской линіи стали регулярно по одному разу въ мѣсяцъ появляться у береговъ южной Персіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ стали замѣчаться очевидные признаки усиленія германскаго вліянія въ Тегеранѣ и во всей сѣверной и центральной Персіи. Послѣ долгихъ усилій Германія, несмотря на противодѣйствіе Англіи и Россіи, добилась въ началѣ 1907 г. отъ персидскаго правительства разрѣшенія учредить нѣмецкій банкъ въ Тегеранѣ [1]), стала основывать школы въ Персіи, открыла торговыя отдѣленія въ различныхъ городахъ, начала отправлять въ страну „царя царей“ научныя миссіи для археологическихъ изысканій и т. д. Ясно было, что съ окончаніемъ Багдадской желѣзной дороги, этого кратчайшаго пути къ центру Персіи, приближавшаго Германію къ индійскимъ границамъ Англіи [2]), Германія, утвердившая уже свою гегемонію въ Малой Азіи, въ необычайной степени усилитъ свое вліяніе въ Средней Азіи тѣмъ болѣе, что среди населенія Персіи стало уже наблюдаться тяготѣніе къ Германіи. Находясь на громадномъ разстояніи отъ Персіи, не соприкасаясь съ ней границами, не имѣя возможности завоевать эту страну и поэтому видя въ ея независимости лучшее средство обезпечить сбытъ своимъ товарамъ и создать себѣ новое поприще для выгодныхъ концессій [3]), промышленная Германія, несмотря на свой сравнительно отсталый политическій строй, являлась единственнымъ естественнымъ союзникомъ новой Персіи, заинтересованнымъ въ ея экономическомъ возрожденіи и, особенно, въ

---

[1]) Договоръ объ учрежденіи нѣмецкаго банка въ Тегеранѣ, см. Memorial Diplomatique 1907 p. 306.

[2]) «The Real India» by J. D. Rees см. стр. 161. London, 1908.

[3]) Въ рѣчи, произнесенной въ рейхстагѣ 16 (29) марта 1909 г., канцлеръ Бюловъ такъ формулировалъ германскую точку зрѣнія на персидскій вопросъ: «Наши интересы въ Персіи будутъ лучше всего ограждены, если останутся неприкосновенными независимость и цѣлость Персіи и свобода торговли въ этой странѣ». Стремленія Германіи поддержать дружескія отношенія съ Персіей датируютъ не со вчерашняго дня. Такъ въ торговомъ германо-персидскомъ договорѣ, подписанномъ въ Берлинѣ 6 іюня 1871 г., принцемъ Бисмаркомъ и Мирза Гусейнъ Ханомъ, мы читаемъ (§ XVIII): «Въ случаѣ столкновенія Персіи съ какимъ-либо другимъ государствомъ императорское германское правительство будетъ готово, по желанію правительства Его Величества Шаха, употребить свое вліяніе, чтобы содѣйствовать улаженію конфликта».

ея національной независимости, какъ и въ независимости Турціи, бурскихъ республикъ, Марокко и т. д. Французскій капитанъ Лакостъ, посѣтившій въ 1905 г. съ оффиціальной миссіей Персію, писалъ въ своемъ столько разъ цитировавшемся докладѣ правительству республики, что Германія старается привить персамъ взгляды „Персія для персовъ", и предсказывалъ неизбѣжность англо-русскаго сближенія для борьбы съ общимъ врагомъ [1]). Въ такомъ же духѣ писалъ еще въ 1902 г. извѣстный англійскій изслѣдователь, майоръ Sykes [2]).

И по отношенію къ настоящему моменту для всякаго, посвященнаго въ персидскія дѣла, не составляетъ тайны выдающаяся роль Германіи въ успѣхѣ персидскаго революціоннаго движенія. Именно нѣмецкимъ оружіемъ, доставленнымъ съ большими трудностями изъ Берлина, были вооружены бахтіары и персидскіе революціонеры, взявшіе приступомъ Тегеранъ. Когда незадолго передъ тѣмъ представители персидской миссіи, объѣхавшей Европу, Раимъ Заде и д-ръ Мирза-Абдулла посѣтили Берлинъ, ихъ пригласилъ къ себѣ товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ фонъ-Штемрихъ [3]) и послѣ продолжительнаго конфиденціальнаго разговора сказалъ имъ: „Вамъ незачѣмъ путешествовать въ Англію и Францію. У васъ есть мечи и ружья. Отправляйтесь на родину. Будьте мужественны. Англіи и Россіи не будетъ позволено остаться въ Персіи". Однако, отсталый политическій режимъ мѣшаетъ Германіи развернуть ту политику, на которую ея правящіе классы противъ своей воли толкаются гигантскимъ ростомъ производительныхъ силъ Германіи, неудержимо расширяющимися потребностями ея міровой индустріи, политику, которая могла бы сдѣлать Германію непобѣдимымъ соперникомъ Россіи, Франціи и, особенно, Англіи въ Персіи, Марокко, Афганистанѣ, Египтѣ, повсюду, гдѣ пробуждающееся къ новой жизни мусульманство стремится къ политической и національной независимости, совпадающей съ интересами Германіи.

Съ другой стороны, Англія поддерживала конституціонное движеніе въ Персіи лишь до той поры, пока нужно было оказать противодѣйствіе русскому вліянію при дворѣ шаха, но въ это же время Англія всѣми силами подавляла освободительное движеніе въ южныхъ провинціяхъ, прилегающихъ къ индійской границѣ, и оказывала въ этихъ областяхъ всяческую помощь персидскимъ сатрапамъ, боровшимся противъ новыхъ идей [4]). Ростъ революціоннаго движенія среди 300 милліоннаго населенія Индіи еще болѣе, чѣмъ страхъ пе-

---

[1]) „La Russie et la Grande Bretagne en Asie centrale" par le commandant H. de Lacoste, Comité de l'Asie française. Novembre 1907, см. стр. 435—465. Краткое резюме доклада въ русской прессѣ см. «Рѣчь» 1907 № 282.

[2]) Mayor Sykes „Ten Thousand miles in Persia» London, 1902.

[3]) Былъ незадолго передъ тѣмъ нѣмецкимъ посланникомъ въ Тегеранѣ и много содѣйствовалъ росту германскаго вліянія въ Персіи.

[4]) Eugène Aubin, La Perse d'aujourd'hui, Paris, 1908, см. стр. 204, 227 и т. д.

редъ Германіей, толкаетъ Англію къ сближенію съ Россіей [1]). Именно опасеніе, что торжество революціи во всей Персіи дастъ сильный толчекъ революціонному броженію въ Индіи, заставляетъ англійскую дипломатію круто измѣнить свой курсъ по отношенію къ освободительному движенію въ Персіи.

23 октября 1905 г., всего черезъ 2 мѣсяца послѣ заключенія Портсмутскаго мира, петербургскій корреспондентъ „The Times" телеграфировалъ въ свою газету по поводу аудіенціи, которой удостоился англійскій посланникъ Чарльзъ Гардинъ, что на аудіенціи былъ затронутъ вопросъ о подготовленіи сближенія Англіи съ Россіей [2]). 22 мая 1906 г. берлинскій корреспондентъ той-же газеты телеграфировалъ на основаніи свѣдѣній, добытыхъ имъ въ оффиціальныхъ германскихъ кругахъ, о необходимости скораго заключенія англо-русскаго соглашенія. 24 мая министръ Грей на запросъ въ палатѣ общинъ относительно правильности этихъ слуховъ заявляетъ о „дружескихъ отношеніяхъ" между Россіей и Англіей и о „тенденціи" къ сближенію между обѣими странами. Въ іюнѣ 1907 г. англійское правительство, отвѣчая на замѣчанія англійской демократической печати и нѣкоторыхъ представителей палаты общинъ, рѣшительно заявляетъ, что оно не желаетъ вмѣшиваться *во внутреннія дѣла* Россіи, что послѣднія не имѣютъ никакого отношенія къ переговорамъ, ведущимся между правительствами обѣихъ странъ въ цѣляхъ улаженія спорныхъ вопросовъ, касающихся границъ обоихъ государствъ. 5 іюля Эдвардъ Грей, отвѣчая на нападки представителей „Labour party" по поводу предполагавшагося визита англійской эскадры въ русскихъ водахъ, заявляетъ: „Англійская эскадра не будетъ считаться съ внутреннимъ положеніемъ въ Россіи; она отправляется, чтобы засвидѣтельствовать уваженіе царю, вождю русской націи, въ дружескомъ настроеніи къ нынѣшнему русскому правительству, но этотъ визитъ будетъ также визитомъ русскому народу". Однако, внутреннія осложненія въ Россіи помѣшали англійской эскадрѣ совершить проектируемое путешествіе въ цѣляхъ визита одновременно русскому правительству и русскому народу. Это не могло ослабить дружескихъ отношеній между правительствами обѣихъ странъ.

18 (31) августа 1907 г. былъ подписанъ въ Петербургѣ англо-русскій договоръ. Означенное соглашеніе регулируетъ англо-русскія отношенія въ Персіи, Афганистанѣ, Тибетѣ. Положеніе Англіи въ Персидскомъ заливѣ опредѣляется въ приложенномъ къ тексту конвенціи письмѣ британскаго ми-

---

[1]) См. объ этомъ статьи въ «The Indian Sociologiste» 1909 № 12 и въ «Соврем. Мірѣ» 1909 №№ 2 и 9.

[2]) По распространенной во французскихъ дипломатическихъ кругахъ версіи впервые вопросъ объ англо-русскомъ сближеніи былъ затронутъ въ сентябрѣ 1901 г. на свиданіи императора Николая II съ президентомъ Лубэ въ Компьенѣ, при чемъ Лубэ указалъ на всѣ благодѣтельныя послѣдствія такого сближенія.

нистра иностранныхъ дѣлъ Грея англійскому посланнику въ Петербургѣ сэру Никольсону.

По вопросу о Тибетѣ обѣ высокія договаривающіяся стороны обязуются: I) уважать территоріальную цѣлость Тибета и воздерживаться отъ всякаго посягательства въ его внутреннее управленіе... II) сноситься съ Тибетомъ только черезъ посредство китайскаго правительства... IV) не домогаться или пріобрѣтать ни за свой собственный счетъ, ни въ пользу подданныхъ никакихъ концессій желѣзнодорожныхъ, дорожныхъ, телеграфныхъ и горныхъ, ни другихъ правъ въ Тибетѣ.—По вопросу о *научныхъ* экспедиціяхъ въ Тибетѣ оба правительства обязуются не допускать въ Тибетъ какой-либо научной экспедиціи и находятъ нужнымъ побудить китайское правительство принять на себя подобное же обязательство [1]).

По вопросу объ Афганистанѣ „Россійское императорское правительство объявляетъ, что оно признаетъ Афганистанъ находящимся *внѣ сферы русскаго вліянія*; и оно обязуется пользоваться для всѣхъ своихъ политическихъ сношеній съ Афганистаномъ посредствомъ правительства его британскаго величества“; оно обязуется также не посылать никакихъ агентовъ въ Афганистанъ. Оба правительства „принимаютъ по отношенію къ Афганистану принципъ торговаго равноправія“, конечно, только для обѣихъ договаривающихся сторонъ (§ IV).

Изъ изученія пунктовъ договора, касающихся Афганистана и Тибета, явствуетъ, что Англія и Россія уговариваются сохранить statu quo въ этихъ странахъ, отгородить ихъ китайской стѣной отъ всякаго чуждаго политическаго, экономическаго и умственнаго вліянія, особенно со стороны третьей державы, чтобы, такимъ образомъ, помѣшать пробужденію новой жизни въ этихъ отсталыхъ странахъ, прилегающихъ къ границамъ Индіи.

Но центральная часть конвенціи относится къ вопросу о Персіи. Персидскій вопросъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій сильно волновалъ правящіе круги Англіи. Выдающіеся англійскіе публицисты и государственные

---

1) Китайское правительство, дѣйствительно, не отправляло само и не допускало поскольку отъ него зависѣло, никакой научной экспедиціи въ Тибетъ, чего такъ боялась осторожная англо-русская дипломатія, опасаясь, какъ бы подъ видомъ нѣмецкихъ археологовъ, ботаниковъ и лингвистовъ не проникли въ Тибетъ носители германскаго „Drang nach Osten“, но зато китайское правительство къ изумленію Англіи и Россіи неожиданно отправило въ февралѣ 1910 г. въ заповѣдную страну уже не скромную научную экспедицію, а двухъ-тысячную армію, вооруженную пушками и пулеметами и обученную нѣмецкими и японскими инструкторами. Начавъ такимъ образомъ внушительныя военныя операціи въ томъ самомъ Тибетѣ, изъ-за протектората надъ которымъ только недавно боролись между собой Россія и Англія, ставъ, бряцая оружіемъ на границахъ областей, которыя обѣ эти державы считали своими владѣніями, Китай этимъ самимъ положилъ начало новой эрѣ въ исторіи Азіи вообще и средне-азіатскаго вопроса въ особенности.

дѣятели посвятили этому вопросу цѣлый рядъ капитальныхъ трудовъ [1]). Борьба „противъ русскаго вліянія въ Персіи", этой дорогѣ на Индію, считалась основнымъ принципомъ великобританской политики въ средней Азіи. Съ этой точки зрѣнія конвенція явилась неожиданностью даже для многихъ англійскихъ публицистовъ и государственныхъ дѣятелей, какъ представляющая собой актъ отреченія отъ традиціонныхъ принциповъ англійской внѣшней политики.

Конвенція устанавливаетъ три сферы вліянія въ Персіи: сѣверную, нейтральную и южную. Сѣверная Персія, наиболѣе богатая и промышленная, со столицей Тегераномъ, городами Рештомъ, Тавризомъ, Казвиномъ, Испаганью и т. д.—центрами революціоннаго движенія, признается входящей въ сферу русскаго вліянія. По отношенію къ этой области „Великобританія обязуется не домогаться для себя самой и не поддерживать въ пользу британскихъ подданныхъ, равно какъ и въ пользу подданныхъ третьихъ державъ, какихъ-либо концессій политическаго или торговаго свойства, какъ-то: концессіи желѣзнодорожныя, дорожныя, банковскія, телеграфныя, транспортныя, страховыя и т. д." и „не противиться ни прямо, ни косвенно требованіямъ концессій въ этой области, поддерживаемыхъ россійскимъ правительствомъ" (§ I). Россія, съ своей стороны, даетъ такое же обязательство по отношенію къ области, лежащей по ту сторону линіи, идущей отъ Афганской границы черезъ Газинъ, Биржанъ, Керманъ и оканчивающейся въ Бендеръ-Аббасѣ. Эта бѣдная область, лишенная всякаго экономическаго и торговаго значенія, признается входящей въ сферу британскаго вліянія. Наконецъ, территорія, лежащая между русской и англійской сферами вліянія, признается нейтральной [2]).

8 октября персидскій меджилисъ протестуетъ противъ этой конвенціи, какъ оскорбительной для національнаго достоинства страны и противорѣчащей признанію ея независимости. Меджилисъ собирается на тайное засѣданіе и обсуждаетъ вопросъ о мѣрахъ къ защитѣ цѣлости и независимости страны [3]).

---

1) „England and Russia in the East" by gener. Hemy *Rawlinson*. London, 1875; „Persia and the Persian question" 2 vol. by *Curson*. London 1892 г. „The struggle for Persia" by *Donald Stuart*. London 1902. „Persia revisited" by *Gordon*. London 1896. „The Persian problem" by *H. S. Whigham*. 1903. „The middle eastern question" by *V. Chiro*, 1903 и т. д.

2) Текстъ англо-русскаго договора 18 (31) авг. 1907 см. „Le Memorial diplomatique" 1907, № 39; также „Вѣстникъ Европы" 1907, № 10, стр. 835--840.

3) Объ отношеніи персидской прессы и общества къ англо-русскому соглашенію см. интересную статью знаменитаго профессора Эдварса Брауна: *Edward G. Browne* „The Persian view of the anglo-russian agreement" Albany Review, Decembre 1907; его же „The Persian constitutionalists" London, 1909. Любопытно, что „синія книги", считающіяся образцомъ объективности и правдивости, ни словомъ не упоминаютъ о протестѣ меджилиса и персидскаго общества противъ англо-русскаго соглашенія. Болѣе подробно о тенденціозномъ освѣщеніи англо-русской политики въ Персіи англійскими

Указаніе на то, что каждое изъ договаривающихся правительствъ имѣетъ, по причинамъ географическаго и экономическаго свойства, соціальный интересъ въ поддержаніи мира и порядка въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Персіи, смежныхъ или сосѣднихъ съ русской границей, съ одной стороны, и съ границами Афганистана и Белуджистана, съ другой — ясно обнаруживаетъ намѣреніе Англіи и Россіи вмѣшиваться во внутреннія дѣла Персіи. Затѣмъ, весь тонъ и содержаніе конвенціи говоритъ о намѣреніи договаривающихся сторонъ прямымъ и косвеннымъ путемъ оказать противодѣйствіе третьей державѣ, которая попыталась бы поднять производительныя силы Персіи и дать толчокъ ея экономическому и политическому возрожденію.

Конвенція вызвала глубокое возмущеніе со стороны той части англійской промышленной буржуазіи, которая была заинтересована въ развитіи англо-персидской торговли, ибо она обозначала полное уничтоженіе англійскаго торговаго вліянія во всей сѣверной Персіи и въ значительной части остальной [1]). Всѣ 6 сѣверныхъ торговыхъ дорогъ, по которымъ шли русскіе товары, остались за Россіей, изъ трехъ важнѣйшихъ англійскихъ дорогъ одна цѣликомъ перешла въ сферу русскаго вліянія, головные же пункты двухъ другихъ включены въ русскую зону. Неудивительно, что на засѣданіи общинъ 14 февраля 1908 г. предсѣдатель „спеціальнаго наблюдательнаго комитета по персидскимъ дѣламъ", извѣстный депутатъ Линчъ, столь содѣйствовавшій экономическому развитію нѣкоторыхъ областей Персіи учрежденіемъ пароходныхъ линій и проведеніемъ знаменитой дороги черезъ горныя вершины бахтіаровъ, такъ рѣзко критиковалъ англо-русскую конвенцію [2]) и заявилъ, что онъ лично никогда не началъ бы своихъ предпріятій въ Персіи, если бы могъ предвидѣть, какой характеръ будетъ имѣть англо-русское соглашеніе.

Спрашивается, въ чьихъ интересахъ, по чьей иниціативѣ была выработана и принята эта конвенція, безсмысленная съ точки зрѣнія англійской

оффиціальными книгами, именно „Синей книгой" (Cd 4733) и Бѣлой книгой (Cd 4581) см. нашу статью: *Michel Pavlovitch* „La Revolution persane et l'entente anglo-russe". „Les Documents du progrès". Fevrier 1910.

1) См. нашу статью „Новая Персія и ея противники". Современный Міръ 1909, № 2, стр. 71, 72. Вопросъ о томъ серьезномъ ударѣ, который англо-русская конвенція нанесла англо-персидской торговлѣ и промышленности, заинтересованной въ средне-азіатскомъ рынкѣ, разбирается въ обстоятельной статьѣ полковника Yate „The anglo-russian convention" by colonel Yate („The imperial and asiatic quarterly Review", January 1908). Многіе другіе англійскіе журналы и газеты посвятили рѣзкія критическія статьи англо-русской конвенціи (The Scotman, the Outlook etc.), доказывая, что возрожденная Персія могла бы явиться немаловажнымъ рынкомъ для англійской промышленности, и что эта конвенція скомпрометтировала навсегда благопріятные результаты, которые англійская индустрія и торговля могли ожидать отъ введенія европейскихъ порядковъ и конституціоннаго режима въ странѣ „царя царей".

2) Текстъ этой рѣчи и комментаріи къ ней см. статью Линча „The anglo-russian convention" by H. F. B. Lynch. Asiatic Quarterly Review 1908, April.

торговли, вредная и съ точки зрѣнія русской промышленной буржуазіи, ибо это соглашеніе обозначало водвореніе анархіи въ странѣ, мирное развитіе которой могло бы дѣйствительно дать громадный толчекъ росту русскаго вывоза въ Персію, быстро расширявшагося въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій и значительно опередившаго импортъ другихъ странъ въ Персію?

Изъ имѣющихся въ нашихъ рукахъ оффиціальныхъ документовъ явствуетъ,—что не было замѣчено ни въ европейской, ни въ персидской литературѣ,—что идея раздѣленія Персіи на три зоны съ предоставленіемъ сѣверной, наиболѣе богатой и промышленной—Россіи, а южной—пустынной [1])—Англіи, принадлежитъ индійскому правительству. Такъ, въ обстоятельномъ докладѣ, отправленномъ еще за 9 лѣтъ до заключенія англо-русской конвенціи 1907 г., именно 21 сентября 1899 г. отъ имени правительства Индіи (за подписью Керзона и другихъ), государственному секретарю по индійскимъ дѣламъ, лорду Гамильтону, указывается, что по отношенію къ Индіи могутъ быть предложены двѣ политики: политика возрожденія Персіи путемъ введенія реформъ, реорганизаціи ея администраціи и финансовъ, развитія ея естественныхъ богатствъ при совмѣстномъ содѣйствіи Англіи и Россіи—каковая политика признается непріемлемой по причинамъ, не требующимъ объясненій. Правительство Индіи признаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ раздѣленіе Персіи на зоны вліянія между Россіей и Англіей и даетъ схему соглашенія (agreement), которая цѣликомъ и легла въ основу конвенціи 1907 г. И если въ 1899 г. англо-индійская бюрократическая идея раздѣла Персіи на двѣ сферы вліянія между Англіей и Россіей казалась лондонскому правительству нецѣлесообразной или преждевременной, въ 1907 г., вмѣстѣ съ усиленіемъ революціоннаго движенія въ Индіи и внезапно выросшей германской опасностью, соглашеніе съ Россіей на означенной базѣ являлось уже вполнѣ

1) Желаніе превратить области, лежащія къ сѣверу отъ индійской границы, въ пустыни, составляетъ, очевидно, завѣтную мечту многихъ представителей англо-индійской бюрократіи и является одной изъ наиболѣе характерныхъ тенденцій Великобританской политики по отношенію къ средней Азіи. Когда въ 1903 г. полковникъ Макъ-Магонъ по порученію правительства Индіи произвелъ изслѣдованіе Сенстана и Белуджистана, онъ въ результатѣ своихъ двухъ-лѣтнихъ работъ (1903—1905) по изученію упомянутыхъ областей представилъ по начальству рапортъ, въ которомъ настойчиво указывалъ на необходимость открытія древняго канала Таракунъ, каковая операція, по словамъ бравого полковника, вызвала бы засуху въ Сенстанѣ и окончательную гибель этой области, что разъ навсегда устранило бы возможность нашествія на Индію съ сѣвера, со стороны ли Россіи, возрожденной Персіи или, наконецъ, утвердившейся въ Малой Азіи, какъ на опорной базѣ, Германіи. Чтобы сохранить въ своихъ рукахъ гигантскій 300-милліонный рынокъ, страну Голконды, куда англійскіе лэндлорды отправляютъ своихъ непристроившихся на родинѣ сыновъ черпать золото пригоршнями на счетъ умирающихъ съ голоду индусовъ, правящіе классы Англіи не прочь пожертвовать малымъ и отдать на потокъ и разграбленіе, обречь засухѣ Тибетъ, Афганистанъ и Персію.

умѣстнымъ и даже необходимымъ шагомъ внутренней и внѣшней имперской политики.

Такимъ образомъ, ясна позорная роль, выпавшая на долю Россіи, навязанная русскому народу нашей дипломатіей въ интересахъ охраны порядка въ Индіи, и въ благодарность за финансовую и моральную поддержку, оказываемую оффиціальной Великобританіей нашему „конституціонному" режиму въ борьбѣ съ внутренними и внѣшними осложненіями. Не желая возбудить противъ себя общественное мнѣніе Англіи, стремясь, по скольку возможно, сохранить на своей сторонѣ симпатіи персидскаго народа и не уронить своего престижа въ Европѣ и Азіи въ качествѣ передового защитника конституціонныхъ идей и представительнаго режима, великобританское правительство возлагаетъ задачу подавленія освободительнаго движенія въ Персіи на Россію, выступающую, такимъ образомъ, въ роли Великобританскаго „мавра", которому, послѣ успѣшнаго выполненія взятой имъ на себя позорной миссіи, то же самое англійское правительство не постѣняется сказать правду въ дипломатическихъ выраженіяхъ: „мавръ сдѣлалъ свое дѣло, мавръ можетъ уйти".

При объективномъ изученіи вопроса очевидно, что англо-русская конвенція, опубликованная именно въ тотъ моментъ, когда Персія добилась, наконецъ, конституціи и народнаго представительства, преслѣдовала по отношенію къ этой странѣ — помимо другихъ мотивовъ — тѣ же цѣли, какія уже относительно Турціи легли годомъ позже въ основу пресловутаго австро-болгарскаго соглашенія 1908 г., выразившагося въ одновременныхъ актахъ аннексіи Босніи и Герцеговины и провозглашенія болгарской независимости именно въ критическій моментъ перехода Оттоманской имперіи отъ стараго режима къ новому. Англо-русская конвенція 1907 г. и австро-болгарское соглашеніе 1908 г. представляютъ съ этой точки зрѣнія явленія одного и того же порядка. Опубликованіе англо-русской конвенціи, обозначавшее фактически уничтоженіе персидской независимости и учрежденіе англо-русскаго протектората надъ Персіей, сильно встревожило сознательные слои персидскаго общества [1]) и внесло сильное смятеніе во внутреннюю жизнь страны, обостривъ чувство неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Повсюду усиливается анархія, реакція подымаетъ голову [2]), и шахъ съ особой энергіей начинаетъ готовиться къ рѣ-

---

[1]) „A brief narrative of recent events in Persia" by Edward g. Browne см. стр. 27, London 1909

[2]) Уже скоро послѣ опубликованія англо-русской конвенціи была сдѣлана первая дерзкая попытка реакціоннаго coup d'etat, при чемъ толпа персидскихъ черносотенцевъ обстрѣливала зданіе парламента (Декабрь 1907), но была отбита волонтерами, выступившими на защиту меджлиса.

[3]) См. объ этомъ интересную брошюру профессора Браупа: *For private circulation only* The responsibility of the Russian governement for the Chaos now existing in Persia

шительному выступленію, ведя въ то же время систематическую подпольную войну противъ новыхъ учрежденій.

11 (24) іюня 1908 г. начальникъ персидской казачьей бригады полковникъ Ляховъ, дѣйствуя по плану, выработанному имъ совмѣстно съ русскимъ посланникомъ въ Тегеранѣ Гартвигомъ, главой персидскихъ реакціонеровъ, эмиромъ Багадуромъ Джанкомъ, и съ одобренія командующаго войсками кавказскаго военнаго округа подвергъ бомбардировкѣ персидскій меджилисъ. Многіе народные представители были убиты или казнены (мирза Ибрагимъ, мирза Ханъ, Мутакалиминъ и друг.), другіе подверглись пыткамъ и брошены въ тюрьмы, третьи изгнаны или бѣжали сами. Немало волонтеровъ (tufangdars) погибло при защитѣ меджилиса. Часть конституціоналистовъ скрылась въ англійскомъ посольствѣ, которое, не рискуя окончательно скомпрометтировать себя въ глазахъ населенія, на этотъ разъ дало пріютъ бѣглецамъ, но впослѣдствіи стало закрывать двери передъ персидскими революціонерами [1]). Много домовъ въ Тегеранѣ подверглось разграбленію [2]), было отдано въ добычу казакамъ и черни. Доблестный Ляховъ въ награду за свои заслуги былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Тегерана и въ странѣ введено осадное положеніе. Шахъ торжествовалъ. Но скоро въ цѣломъ рядѣ городовъ снова вспыхнуло революціонное движеніе, которое приняло особенно грозные размѣры въ Тавризѣ, гдѣ конституціоналисты, руководимые Сатаръ-ханомъ и Бакиръ-ханомъ, послѣ цѣлаго ряда уличныхъ боевъ и баррикадныхъ сраженій изгнали изъ города банды вооруженныхъ роялистовъ и, захвативъ въ свои руки правительственный арсеналъ съ 20.000 ружей, тремя горными орудіями, нѣсколькими мортирами и старыми пушками, заряжающимися съ дула, объявили правительству шаха, что сложатъ оружіе только послѣ возстановленія конституціи, созыва меджилиса и удаленія изъ страны чужеземныхъ бандитовъ, убивающихъ народныхъ представителей. Такъ началась осада и геройская оборона Тавриза. Громадная армія, состоящая изъ 25.000 полудикихъ горцевъ и попросту разбойниковъ, сбѣжавшихся съ разныхъ концовъ Персіи исключительно ради добычи, которая ожидала ихъ въ случаѣ взятія города, милостью шаха отданнаго заранѣе на потокъ и разграбленіе побѣдителямъ [3]), окружила Тавризъ со всѣхъ сторонъ, отрѣ-

---

by E. G. Browne. Кембриджъ 1909. Означенная брошюрка предназначалась исключительно для частнаго обращенія и разослана Браупомъ нѣкоторымъ общественнымъ дѣятелямъ и личнымъ знакомымъ.

[1]) См. Blue Book Cd 4581. (№№ 194, 199, 201, 202, 205 и др.). Persia № 1. 1909.

[2]) См. Синія книги о Персіи Cd. 4581 (№ 133 и друг.). Persia № 1. 1909.

[3]) Въ своемъ знаменитомъ приказѣ отряду, направлявшемуся подъ командой русскихъ офицеровъ для дѣйствій противъ мятежнаго Тавриза, неустрашимый Ляховъ, выразивъ свое глубокое сожалѣніе по поводу того, что „политическія обстоятельства"

зала его отъ внѣшняго міра и послѣ цѣлаго ряда бомбардировокъ сдѣлала нѣсколько попытокъ взять городъ приступомъ. Но всѣ эти атаки были отбиты, при чемъ каждый разъ въ рукахъ геройскихъ защитниковъ оставались въ качествѣ военныхъ трофеевъ, отнятыхъ у непріятеля, десятки ружей, а иногда и пушки. Однако, въ результатѣ долговременной осады и постепеннаго истощенія припасовъ положеніе Тавриза становилось все болѣе и болѣе критическимъ. Являлось опасеніе, что городъ будетъ или взятъ силой или вынужденъ изъ-за голода сдаться на милость шаха. Такой результатъ могъ бы увеличить силу шаха въ странѣ и упрочить его власть. Но, очевидно, что, въ виду измѣнившейся конъюнктуры и обнаружившейся во многихъ случаяхъ несговорчивости шаха, чрезмѣрное усиленіе его престижа и могущества не соотвѣтствовало планамъ высокихъ договаривающихся сторонъ. 20 апрѣля 1909 г. представители Россіи и Англіи г. Саблинъ и сэръ Барклай потребовали немедленной аудіенціи у шаха и заявили послѣднему о необходимости временно прекратить военныя дѣйствія противъ Тавриза, чтобы дать возможность ввезти провіантъ въ осажденный городъ и спасти отъ лишеній голода какъ членовъ русской и англійской миссіи въ Тавризѣ и всѣхъ иностранныхъ подданныхъ, такъ и вообще всѣхъ жителей города, не принимающихъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ (habitants non combattants de la ville)[1]). На заявленіе шаха, что онъ уже 9-й мѣсяцъ осаждаетъ Тавризъ, что для успѣшнаго окончанія начатыхъ имъ операцій ему необходимо отрѣзать всякій подвозъ провіанта къ городу, что даже самое кратковременное перемиріе сдѣлаетъ невозможнымъ успѣшное окончаніе осады и, наконецъ, что онъ не знаетъ, почему члены и англійскаго и русскаго консульствъ и иностранные подданные не покидаютъ Тавризъ, англійскій посланникъ рѣшительно заявилъ, что все это побочные вопросы, и потребовалъ совмѣстно съ представителемъ Россіи немедленнаго объявленія перемирія[2]). Шаху пришлось подчиниться и дать перемиріе на 6 дней (20—36 апрѣля). Но одновременно съ этими благодѣтельными мѣрами для спасенія осажденнаго города, англійскій и русскій

мѣшаютъ ему принять личное участіе въ славномъ дѣлѣ, подбодрялъ тегеранскихъ казаковъ тѣмъ, что они все-таки отправляются подъ командой русскаго офицера, и раззадоривалъ ихъ аппетиты богатствами Тавриза. Возмущенный тѣмъ, что „нѣкоторые изъ казаковъ, потерявъ честь и совѣсть, убѣжали, чтобы не ѣхать въ Тавризъ" Ляховъ доказывалъ своимъ доблестнымъ воинамъ, что у нихъ нѣтъ другого выбора, какъ „со щитомъ или на щитѣ", ибо если они не уничтожатъ конституціи, то конституція ихъ упразднитъ. Въ заключеніе Ляховъ обѣщаетъ казакамъ за удачное искорененіе конституціи осыпать ихъ „орденами, денежными подарками и монаршими милостями и при томъ не только персидскими, но и русскими". См. передовицу въ „Рѣчи" отъ 30 окт. 1908.

1) См. циркулярную ноту вашего правительства всѣмъ иностраннымъ державамъ отъ 23 апр. 1909.

2) См. обстоятельную телеграмму за № 282 отъ 20 апр. 1909 въ Бѣлой книгѣ. Persia № 2. (1909) Cd 4733, стр. 122.

представители, уничтожая одной рукой то, что сдѣлано другой, начинаютъ бить тревогу по поводу опасности, якобы угрожающей русскому и англійскому генеральнымъ консульствамъ со стороны тавризскихъ націоналистовъ, собирающихся де взять приступомъ консульства и убить одного изъ консуловъ [1]). Такого же рода тревожныя телеграммы о намѣреніяхъ тавризскихъ фидаевъ день за днемъ публикуются во всей англійской прессѣ. Наконецъ, къ радости многихъ англичанъ, 10 (23) апрѣля кавказскій намѣстникъ получаетъ приказъ двинуть въ Тавризъ 5.000-й отрядъ. Въ нотѣ, редактированной совмѣстно съ великобританскимъ правительствомъ, наше правительство указываетъ на опасность, угрожающую европейскому населенію Тавриза, и заявляетъ о своемъ твердомъ рѣшеніи силой оружія защитить мирныхъ жителей. „Какъ только порядокъ будетъ возстановленъ въ Тавризѣ и жизни и имуществу представителей консульствъ, русскихъ и иностранныхъ подданныхъ не будетъ грозить никакой опасности, русскій отрядъ будетъ отозванъ",—гласитъ правительственное сообщеніе. 24 апрѣля русскій отрядъ подъ командой Снарскаго выступаетъ въ походъ и идетъ форсированнымъ маршемъ въ Тавризъ для ввоза провіанта въ осажденный городъ и спасенія англійскаго и русскаго консульствъ, подданныхъ обѣихъ странъ и всѣхъ остальныхъ иностранцевъ отъ ужасной смерти подъ кинжалами и пулями тавризскихъ революціонеровъ и „черни, обезумѣвшей подъ вліяніемъ голода и лишеній долговременной осады" [2]). 17 (30) апрѣля авангардъ отряда Снарскаго послѣ семидневнаго похода вступаетъ въ Тавризъ, къ крайнему недоумѣнію и недовольству жителей города. 19 апрѣля энджуменъ обращается къ русскому консулу съ просьбой сообщить ему, для какой цѣли прибыли русскія войска. Русскій и англійскій консулы за общей подписью отвѣчаютъ, что русскія войска прибыли временно для открытія дорогъ къ Тавризу, для обезопасенія русскихъ и другихъ иностранныхъ подданныхъ и для защиты города отъ грабежей въ случаѣ взятія его шахскими войсками. Главныя силы русскаго отряда располагаются лагеремъ за городомъ. Шахскимъ войскамъ приходится снять осаду и удалиться. Тавризъ попадаетъ изъ огня въ полымя. 17 (30) мая Саттаръ-ханъ, Багиръ-ханъ и Таки-Заде, встревоженные безцеремонными дѣйствіями непрошенныхъ спасителей въ „освобожденномъ" городѣ [3]), скрываются въ турецкомъ консульствѣ, послѣ того, какъ двери англійскаго закрываются передъ

---

[1]) См. телеграммы за №№ 246 и 282 (приложеніе). Бѣлая книга. Persia № 2, стр. 110, 123.

[2]) „The populace of that town, driven to desperation by starvation"... Бѣлая книга. Persia № 2. (1909), см. стр. 110.

[3]) О насиліяхъ русскихъ войскъ въ Тавризѣ, обезоруженіи ими націоналистовъ съ цѣлью помѣшать походу послѣднихъ на Тегеранъ, вторженіи русскихъ солдатъ въ гаремы и проч. см. письмо за подписью Брауна, Линга и др. въ The Times 13 іюля 1909; см. также жалобу азейрбаджанскаго муниципальнаго совѣта въ палату общинъ на дѣйствія русскихъ войскъ въ Персіи. The Times 14 July 1909.

ними [1]). Скоро число конституціоналистовъ, ищущихъ спасенія отъ незванныхъ гостей подъ защитой турецкаго флага, возрастаетъ въ необычайныхъ размѣрахъ [2]).

Между тѣмъ революціонныя силы въ странѣ не дремали. Въ виду того, что къ внутренней опасности, реакціоннымъ дѣйствіямъ шаха и его камарильи присоединилась опасность внѣшняя, съ очевидностью для всѣхъ грозившая окончательно уничтожить національную независимость и свободу страны, персидскіе революціонеры удвоили энергію и рѣшили поставить все на карту. Вскорѣ въ печать стали проникать слухи о движеніи революціонныхъ отрядовъ изъ Решта и Казвина и перешедшихъ на сторону конституціи бахтіаровъ на Тегеранъ. Одновременно съ этими извѣстіями въ оффиціальной и оффиціозной русской и англійской печати стали проскальзывать сообщенія объ опасности, угрожающей европейцамъ въ случаѣ взятія Тегерана конституціонными войсками. Скоро The Times, The Daily Telegraph, The Daily Mail и т. д., въ Англіи, „Новое Время" и т. д. въ Россіи запестрѣли тревожными телеграммами отъ своихъ корреспондентовъ насчетъ неизбѣжности рѣзни въ Тегеранѣ и истребленія европейцевъ. Тщетно представители спеціальной персидской миссіи, пріѣхавшіе въ Англію для агитаціи въ пользу персидскаго конституціоннаго движенія, соціалдемократы д-ръ Мирза-Абдулла и тегеранскій купецъ Раим-Заде пытались разъяснить виднымъ представителямъ англійскаго общественнаго мнѣнія, редакторамъ вліятельныхъ газетъ и нѣкоторымъ государственнымъ дѣятелямъ истинный смыслъ бахтіарскаго движенія [3]). Ихъ увѣщанія остаются гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Движеніе бахтіаровъ по-прежнему комментируется словно какое-то гунское нашествіе, грозящее окончательно уничтожить всѣ плоды цивилизаторской дѣятельности европейскихъ государствъ въ Персіи, и чѣмъ ближе подходятъ конституціонныя войска къ воротамъ Тегерана, тѣмъ болѣе сгущаются краски, изображающія всѣ мрачныя послѣдствія вторженія революціонной арміи въ столицу славной своей древней цивилизаціей страны. Напуганный быстрымъ движеніемъ конституціонныхъ отрядовъ, опасаясь рѣшительнаго разгрома партіи реакціи, русскій посланникъ выѣзжаетъ нѣсколько разъ совмѣстно съ англійскимъ

[1]) См. телеграмму въ The Times отъ 30 мая 1909.

[2]) Изъ всей англійской прессы только „Manchester Guardian" и „Daily News", да одна, двѣ соціалистическія газеты протестовали противъ движенія русскихъ войскъ въ Персію, какъ рѣзко противорѣчащаго принципу невмѣшательства во внутреннія персидскія дѣла, принятому и Россіей и Англіей, и рѣзко осуждали дѣйствія русскаго отряда въ Тавризѣ.

[3]) Авторъ этихъ строкъ сопровождалъ персидскихъ делегатовъ въ ихъ странствіяхъ по Лондону. Повсюду на указанія относительно истинной цѣли бахтіарскаго похода получался одинъ и тотъ же отвѣтъ: „къ сожалѣнію, мы имѣемъ другія свѣдѣнія".

представителемъ навстрѣчу предводителямъ революціонной арміи и убѣждаетъ ихъ остановить наступательное движеніе своихъ войскъ, грозясь въ противномъ случаѣ гнѣвомъ Великобританіи, серьезными осложненіями и возможностью занятія Тегерана русскими войсками, перешедшими уже, по соглашенію между правительствами обѣихъ странъ, персидскую границу и идущими по пятамъ революціонной арміи на разстояніи нѣсколькихъ дней пути [1]). Дѣйствительно, 6-го іюля изъ Энзели выступаетъ 2.000 русскій отрядъ изъ трехъ родовъ оружія и форсированнымъ маршемъ идетъ къ Тегерану для соединенія съ казачьей бригадой Ляхова и защиты шаха. Въ палатѣ общинъ депутатъ Линчъ энергично протестуетъ противъ такого вмѣшательства англійскаго и русскаго правительствъ во внутреннія дѣла Персіи въ пользу реакціи и во вредъ конституціонному движенію въ странѣ, но всѣ эти протесты не производятъ никакого впечатлѣнія на палату и послѣдняя одобряетъ образъ дѣйствій Грея. Англійскій и русскій представители продолжаютъ съ удвоенной энергіей угрожать вождямъ конституціонной арміи гнѣвомъ своихъ правительствъ въ случаѣ дальнѣйшаго упорства и настаиваютъ на немедленной пріостановкѣ наступательнаго движенія къ Тегерану съ явной цѣлью дать возможность русскому отряду опередить революціонныя войска и вступить въ столицу прежде, чѣмъ послѣднія успѣютъ взять ее съ бою. Но вожди революціонной арміи, поощряемые въ этомъ рѣшеніи телеграммами своихъ друзей изъ Лондона, именно д-ра Измаила хана, Шейх-Ассана, нѣкоторыхъ му-

---

[1]) „Вождь бахтіаровъ Сардаръ-Азадъ"—послѣ нѣсколькихъ саркастическихъ замѣчаній по поводу теоріи „Персія для персовъ" The Times въ передовой статьѣ отъ 2 іюля 1909 г.—„получилъ внушительное предупрежденіе отъ генеральныхъ консуловъ обѣихъ державъ, что его образъ дѣйствій (наступленіе на Тегеранъ) возмущаетъ Россію и Англію и можетъ повесть къ разгрому персидской конституціи, якобы дорогой сердцу Сардаръ-Азада (to defeat the cause of constitutional liberty which he professes have to heart). Шахъ далъ все, что могъ. Онъ окончательно возстановилъ конституцію, даровалъ всеобщую амнистію и подписалъ избирательный законъ, носящій, какъ телеграфировалъ британскій посланникъ въ Тегеранѣ министру Грею, въ высшей степени демократическій характеръ (a most democratic character"). И въ такомъ возмутительномъ и лживомъ тонѣ писали о демократическомъ характерѣ шахской конституціи, о якобы всеобщей амнистіи, о разбойничьихъ планахъ конституціонныхъ отрядовъ и о великой цивилизаторской дѣятельности казачьихъ войскъ десятки наиболѣе вліятельныхъ англійскихъ газетъ. Болѣе того: лицемѣрная политика Грея по отношенію къ Персіи встрѣтила сочувствіе не только со стороны всей англійской печати (за исключеніемъ, понятно, соціалистической прессы и нѣсколькихъ демократическихъ органовъ, какъ Daily News, Manchester Guardian), но и была оффиціально одобрена на послѣднемъ конгрессѣ либеральной партіи въ Саутпортѣ, гдѣ присутствовало 1.500 делегатовъ, привѣтствовавшихъ единодушными аплодисментами заявленіе предсѣдателя конгресса, указавшаго съ глубокимъ удовлетвореніемъ, что „въ тотъ моментъ, когда возникла персидская опасность, во главѣ британскаго правительства, къ счастью, оказался такой человѣкъ, какъ сэръ Эдвардъ Грей, къ которому съ глубокимъ уваженіемъ и довѣріемъ относится вся страна и весь цивилизованный міръ". (The Manchester Guardian, 2 July 1909).

жественныхъ англійскихъ депутатовъ и общественныхъ дѣятелей и другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ персидскому движенію, форсированнымъ маршемъ идутъ впередъ, не обращая вниманія ни на угрозы, ни на увѣщанія великобританскаго и русскаго посланниковъ.

Быстрое и одновременное вступленіе революціонныхъ отрядовъ въ Тегеранъ, выполненное съ замѣчательномъ искусствомъ, неожиданное овладѣніе всѣмъ городомъ послѣ ряда военныхъ маневровъ и трехдневныхъ сраженій 13, 14, 15 іюля, внезапная сговорчивость Ляхова, этого тегеранскаго Стесселя, беззавѣтно храбраго противъ безоружныхъ корреспондентовъ, что не помѣшало ему однако сдаться революціоннымъ отрядамъ, несмотря на то, что казачья бригада имѣла полную возможность продержаться еще нѣсколько дней и тѣмъ дать желанный предлогъ русскимъ войскамъ продолжать наступательное движеніе къ Тегерану — все это какъ будто сразу измѣнило положеніе вещей въ пользу персидскихъ конституціоналистовъ, въ рукахъ которыхъ очутилось центральное правительство и столица страны. Но въ этотъ моментъ англійское и русское правительства, которыя только недавно такъ ревниво будто бы пеклись о введеніи конституціоннаго режима въ Персіи [1]), рѣшительно взяли подъ свое покровительство шаха. Поставивъ почетный караулъ и сильную стражу изъ русскихъ казаковъ и англійскихъ сипаевъ у воротъ нашего посольства, въ которомъ подъ прикрытіе русскаго и англійскаго флаговъ укрылся шахъ, оба правительства взялись за энергичную защиту притязаній свергнутаго тиранна, отказавшагося удалиться изъ предѣловъ раззоренной имъ же страны, пока ему не будетъ обѣщана громадная, крайне обременительная для финансовъ страны пожизненная рента. Стремясь въ данномъ случаѣ къ единственной цѣли—создать всевозможныя затрудненія конституціонной Персіи и поставить новое тегеранское правительство въ зависимость отъ себя, англо-русская дипломатія вынуждаетъ истощенную долгой внутренней войной страну взять на себя обязательство выплатить всѣ частные долги экс-шаха (болѣе 10 милл. фр.) и назначить послѣднему пожизненную пенсію въ 100 тысячъ томановъ (500.000 франковъ). Понятно, что, находясь въ крайне стѣсненномъ финансовомъ положеніи, новое правительство Персіи фатально оказывается вынужденнымъ прибѣгнуть къ заключенію займа у русскаго и англійскаго правительствъ и, такимъ образомъ, теряетъ свободу дѣйствій [2]).

---

[1]) См. Persia № 2. (1909) № 177, стр. 193 etc.

[2]) Русское и англійское правительства согласились дать извѣстную сумму—пять милліоновъ рублей—конституціонному правительству, но подъ условіемъ, чтобы въ сѣверную Персію были приглашены русскіе инструктора для жандармеріи. Это предложеніе встрѣтило сильное сопротивленіе со стороны персовъ, изъ которыхъ многіе открыто заявляли: „Мы скорѣе умремъ, чѣмъ допустимъ, чтобы у насъ опять хозяйничали русскіе инструкторы". По этому поводу, The Times, выступая на защиту англо-

Понятно, что и при новомъ конституціонномъ режимѣ русскія войска продолжали оставаться въ Персіи, возбуждая своимъ присутствіемъ и беззаконными дѣйствіями сильную тревогу въ населеніи за будущность страны. Это настроеніе выразилось и въ тронной рѣчи, прочитанной при открытіи меджилиса 2 ноября: „Мы твердо надѣемся—гласитъ эта часть тронной рѣчи—что тревога и печаль, охватившія населеніе Персіи вслѣдствіе присутствія на персидской территоріи иностраннаго войска, въ самомъ скоромъ времени исчезнутъ, благодаря дружественнымъ переговорамъ, къ коимъ приступлено, а также благодаря даннымъ намъ категорическимъ обѣщаніямъ и тѣмъ хорошимъ результатамъ, кои мы въ этомъ отношеніи уже увидѣли“ [1].

Такъ въ теченіе долгаго періода два чужеземныхъ правительства не переставали терзать несчастную Персію, вмѣшиваясь въ ея внутреннюю жизнь, поддерживая всѣми силами анархію и безпорядокъ въ странѣ и мѣшая развитію послѣдней, при чемъ одно изъ этихъ чужеземныхъ правительствъ, отчасти подчиняясь своимъ собственнымъ влеченіямъ, отчасти дѣйствуя въ угоду своему „другу“, совершаетъ дѣло, за которое правительство самой передовой и свободолюбивой страны въ Европѣ не рѣшило бы само взяться изъ стыда и страха передъ своимъ собственнымъ народомъ и общественнымъ мнѣніемъ цивилизованнаго міра.

Въ условіяхъ современной международной обстановки русская политика въ Персіи, гдѣ наше правительство беретъ на себя роль азіатскаго жандарма, въ угоду, между прочимъ, той группѣ великобританскихъ дѣльцовъ, интересы которыхъ такъ ярко представляетъ пресловутая палата лордовъ, стремящаяся въ числѣ другихъ задачъ къ сохраненію во что бы то ни стало деспотическаго режима въ Индіи и борьбѣ съ освободительнымъ движеніемъ

русскихъ предложеній, цинично замѣчаетъ, что вопросъ не въ томъ, готовы ли персы умереть вмѣстѣ съ русскими инструкторами, а въ томъ, можетъ ли Персія жить безъ послѣднихъ, потому что безъ инструкторовъ значитъ—безъ денегъ. „*Русскіе инструкторы и деньги предлагаются вмѣстѣ, а отказъ отъ инструкторовъ есть отказъ отъ денегъ*“. Здѣсь солидарность нѣкоторыхъ слоевъ англійской націи, представителемъ которыхъ является The Times, съ ляховской политикой въ Персіи, выражена какъ нельзя ярче.

1) Эта рѣчь вызвала сердитую отповѣдь со стороны „Новаго Времени“: „Персидское правительство умѣетъ сочинять тронныя рѣчи—иронически замѣчаетъ редакція почтенной газеты—но совершенно безсильно охранять не только общій порядокъ, но даже безопасность иностранныхъ дипломатическихъ представителей... Прибытіе русскихъ войскъ встрѣчено мирнымъ населеніемъ съ признательностью и благословеніями, а вовсе не съ печалью и тревогой!.. Мы можемъ понять тронную рѣчь только какъ проявленіе враждебныхъ чувствъ персидскаго правительства къ Россіи и отмѣтить для будущаго“. Съ какой признательностью и благословеніями встрѣчаетъ прибытіе русскихъ войскъ персидское населеніе, видно хотя бы изъ тѣхъ горячихъ протестовъ, которые недавно вызвала отправка русскаго отряда въ Карадашъ, гдѣ передъ тѣмъ свирѣпствовалъ Рахимъ ханъ со своей бандой.

въ прилегающихъ къ этой области странахъ—такая политика является однимъ изъ безумнѣйшихъ актовъ нашего новаго курса, авантюрой, грозящей намъ въ конечномъ счетѣ бо́льшими осложненіями, чѣмъ былыя манчжурскія увлеченія. Занятая въ области внѣшней политики, главнымъ образомъ, борьбой съ персидскимъ конституціоннымъ движеніемъ, борьбой, ведущейся ради своекорыстныхъ интересовъ кучки русскихъ бюрократовъ, всей высшей англо-индусской бюрократіи и нѣкоторой части великобританской финансовой биржевой и земельной плутократіи, не имѣя возможности удѣлить должнаго вниманія тому, что происходитъ нынѣ въ Срединной имперіи, на Дальнемъ Востокѣ вообще и сибирскихъ окраинахъ въ частности, гдѣ китайское и японское нашествіе повсюду вытѣсняетъ русское вліяніе и грозитъ экономическимъ завоеваніемъ значительной части Сибири, оффиціальная Россія создаетъ себѣ врага въ возрождающейся, несмотря на всѣ препятствія, Персіи, толкаетъ Турцію, не могущую примириться съ хозяйничаньемъ русскихъ войскъ въ пограничной странѣ, въ объятія тройственнаго союза и обезсиливаетъ себя по отношенію къ болѣе сильнымъ противникамъ въ Европѣ и Азіи.

Англо-русское соглашеніе далеко не оправдало тѣхъ розовыхъ надеждъ, которыя возлагала на него наша бюрократія. Съ финансовой точки зрѣнія Англія оказалась не особенно подходящимъ помѣщеніемъ для русскихъ займовъ, ибо міровая англійская промышленность, пустившая свои корни въ Индіи, Австраліи, Канадѣ, Китаѣ, Турціи, Египтѣ и т. д., сама нуждается въ свободныхъ капиталахъ, и потому Великобританія не можетъ подобно Франціи превращать безпрерывно прибавочную стоимость въ государственныя русскія, испанскія, турецкія, сербскія и др. бумаги. Однако, несомнѣнно все-таки, что соглашеніе съ Англіею содѣйствовало подъему курса русскихъ цѣнностей на международной биржѣ и тѣмъ въ нѣкоторой, хотя и незначительной, степени улучшило финансовое положеніе Россіи.

Англо-русское соглашеніе не могло, конечно, содѣйствовать усиленію нашего дипломатическаго вліянія передъ правительствами другихъ странъ, подъему нашего престижа въ области внѣшней политики, ибо оно не могло уравновѣсить нашего военнаго разгрома на поляхъ Манчжуріи, не могло никого заставить забыть о Мукденѣ и Цусимѣ. Это соглашеніе, поэтому, не предотвратило нашего пораженія на Балканахъ въ столкновеніи съ „гнилой“, „разлагающейся“, „близкой къ распаденію“ Австріей, не пріостановило безпрерывнаго отступленія Россіи передъ Японіей, не помѣшало неудержимому развертыванію и скрытому военно-походному движенію Срединной имперіи, начинающей все грознѣе и грознѣе бряцать на границахъ Россіи своимъ новымъ усовершенствованнымъ оружіемъ, частью выписаннымъ изъ-за границы, частью изготовленнымъ на китайскихъ же заводахъ подъ присмотромъ японскихъ и нѣмецкихъ инструкторовъ.

Но если англо-русское соглашеніе очень мало дало нашей бюрократіи въ финансовомъ и дипломатическомъ отношеніяхъ, зато оно все-таки оказало и продолжаетъ оказывать серьезное содѣйствіе старому порядку въ его борьбѣ съ революціоннымъ русскимъ движеніемъ. Русское освободительное движеніе проиграло уже потому, что вмѣстѣ съ полюбовнымъ англо-русскимъ соглашеніемъ по вопросу о раздѣлѣ Средней Азіи настроеніе либеральныхъ круговъ Англіи и руководимыхъ ими народныхъ массъ рѣзко измѣнилось въ пользу нашей бюрократіи, противъ нашей оппозиціи. Отнынѣ русская бюрократія получила со стороны англійскаго общественнаго мнѣнія carte blanche для свободнаго дѣйствія въ предѣлахъ имперіи сообразно съ взглядами и желаніями нашихъ черносотенныхъ круговъ. Подобно тому какъ это уже съ давнихъ поръ сдѣлалось закономъ во Франціи, какъ это начинаетъ создаваться и въ Италіи, вся англійская пресса, за исключеніемъ двухъ, трехъ газетъ крайне-демократическаго и соціалистическаго лагеря, рѣшительно перешли со всѣмъ своимъ оружіемъ и богажомъ на сторону русскихъ правящихъ круговъ, и послѣдніе получили новаго могучаго союзника и моральную поддержку съ той стороны, откуда до сихъ поръ имѣли однѣ лишь непріятности. Эта помощь со стороны пятой великой державы-прессы — не могла, конечно, не явиться серьезнымъ оружіемъ въ рукахъ нашего правительства въ борьбѣ съ „крамолой“.

Со стороны цѣлей, которыя англо-русская дипломатія поставила себѣ по отношенію къ Азіи, соглашеніе обѣихъ державъ можетъ быть охарактеризовано, какъ одно изъ самыхъ мрачныхъ явленій международной политики послѣднихъ десятилѣтій. Въ основѣ этого мирнаго договора лежатъ по отношенію къ пробуждающемуся Востоку въ значительной мѣрѣ тѣ же мотивы, которые нѣкогда уже по отношенію къ самой Европѣ вызвали пресловутый Священный Союзъ, стремившійся къ защитѣ „вѣчныхъ началъ нравственности и порядка“, иначе говоря—къ безпощадной войнѣ съ проявленіями въ какой бы то ни было формѣ свободной мысли и особенно оппозиціоннаго настроенія въ народныхъ массахъ на всемъ европейскомъ континентѣ до Пиренейскаго полуострова включительно. Однако нельзя не видѣть, что съ этой стороны англо-русское соглашеніе, несмотря на свой временный успѣхъ, является безусловно мертворожденнымъ дѣтищемъ великобританской дипломатіи, что Россіи и Англіи не удастся помѣшать возрожденію Персіи, пробужденію Афганистана, горныя племена котораго, взбудораженныя подвигами бахтіаровъ, начинаютъ проявлять признаки настроенія, крайне опаснаго для эгоистическихъ плановъ правительствъ обѣихъ странъ, проникновенію новыхъ вліяній въ священный Тибетъ, наконецъ, паденію деспотическаго режима въ Индіи,—однимъ словомъ, не удастся грознымъ окрикомъ „остановись, солнце!“ помѣшать расцвѣту новой жизни въ этихъ отсталыхъ до сихъ поръ странахъ и пріобщенію ихъ къ веля-

кому культурно-политическому движенію, подъ знакомъ котораго развивается нынѣ весь Ближній и Дальній Востокъ.

II.

Россія на Дальнемъ Востокѣ.

А. Россія и Японія.

1) Русско-японская рыболовная конвенція 15 (28) іюля 1907 г. и договоръ о торговлѣ и мореплаваніи.—2) Желѣзнодорожная конвенція и японско-русское соглашеніе о пограничной станціи Куанъ-Ченъ-Тзы.—3) Крушеніе русскаго политическаго и экономическаго вліянія на Дальнемъ Востокѣ.

Подобно тому, какъ нѣкогда севастопольскій разгромъ положилъ конецъ притязаніямъ Россіи на гегемонію въ Европѣ, Портсмутскій миръ покончилъ съ безсмысленными азіатскими мечтаніями о господствѣ на Тихомъ океанѣ, о постепенномъ захватѣ Китая и прочими фантазіями, въ погонѣ за которыми ежегодно тратились сотни милліоновъ рублей. Но не только пришлось отказаться отъ несбыточныхъ мечтаній, оказалось еще нужнымъ, въ виду необходимости напречь всѣ государственныя силы для борьбы со смутой и внутреннимъ врагомъ, сдѣлать—помимо возвращенія побѣдителю, согласно условіямъ Портсмутскаго мира, половины Сахалина, Портъ-Артура съ Дальнимъ и всѣмъ Ляодунскимъ полуостровомъ и цѣннаго подарка въ видѣ 1.200 километровъ построенной на русскія деньги восточно-азіатской дороги—очень важныя уступки японскимъ притязаніямъ по отношенію къ дальневосточнымъ областямъ, оставшимся за Россіей и возбуждавшимъ аппетиты японской буржуазіи. „Какъ извѣстно, Портсмутскій договоръ имѣлъ во многихъ отношеніяхъ въ сущности прелиминарный характеръ; по нѣкоторымъ важнѣйшимъ вопросамъ въ немъ были намѣчены лишь общія основанія будущихъ спеціальныхъ соглашеній между Россіей и Японіей, а именно торговаго трактата, рыболовной конвенціи и конвенціи о соединеніи желѣзнодорожныхъ линій“ [1]). Понятно, что вся совокупность договорныхъ правъ, формулированныхъ въ соглашеніи 15 іюля 1907 г. и опредѣлявшихъ положеніе обоихъ государствъ въ Азіи вообще и по отношенію къ рыболовной конвенціи на *русской* территоріи въ частности, неизбѣжно должна была носить характеръ, болѣе благопріятный для побѣдителя, чѣмъ для побѣжденнаго, но амплитуда тѣхъ уступокъ, которыя Россія оказалась

---

[1]) См. заявленіе министра иностранныхъ дѣлъ въ засѣданіи Думы 27 февраля, 1908 г.

вынужденной сдѣлать Японія черезъ 2 года послѣ заключенія Портсмутскаго мира, опредѣлялась, конечно, прежде всего тѣмъ положеніемъ „усиленной“ или „чрезвычайной“ охраны, въ которомъ находилась Россія въ 1907 г.

Переговоры о спеціальныхъ соглашеніяхъ съ Японіей начались сейчасъ же послѣ подписанія Портсмутскаго договора, но подвигались впередъ очень медленно. Начиная съ декабря 1905 г. до конца 1907 г. въ европейской печати нѣсколько разъ распространялись извѣстія о новыхъ треніяхъ между Россіей и Японіей въ связи съ переговорами о чрезвычайныхъ требованіяхъ японскаго правительства, о шовинистическомъ настроеніи всего японскаго общества, мобилизаціи арміи, возможности прекращенія переговоровъ между обѣими странами и т. п. Но благодаря энергичному посредничеству англійскаго и французскаго правительствъ недоразумѣнія, въ концѣ концовъ, были улажены, 1 (13) іюня 1907 г. была подписана конвенція относительно эксплоатаціи восточно-китайской и южно-манчжурской желѣзныхъ дорогъ [1]) и протоколъ относительно русскаго и японскаго вокзаловъ на станціи Куанъ-Ченъ-Тзы. 15 (28) іюля была подписана русско-японская рыболовная конвенція и торговый договоръ, а 17 (30) іюля соглашеніе общаго политическаго свойства, которое по русской оффиціальной формулировкѣ имѣло цѣлью „упрочить мирныя и добрососѣдскія отношенія, столь счастливо [2]) возстановившіяся между Россіей и Японіей“.

Русская печать какъ консервативнаго, такъ и либеральнаго лагеря [3]), отмѣтила уже въ свое время, что Россія уступила японцамъ больше, чѣмъ обязана была по Портсмутскому трактату, и предоставила имъ въ высшей степени цѣнныя льготы и преимущества по торговлѣ и судоходству безъ соотвѣтствующихъ для Россіи компенсацій. Такъ § 11 Портсмутскаго договора гласитъ: „Россія обязуется войти въ соглашеніе съ Японіей по вопросу о предоставленіи японскимъ подданнымъ правъ рыболовства вдоль русскаго побережья морей Японскаго, Охотскаго и Берингова. Само собой разумѣется, что это обязательство не будетъ нарушать правъ, уже принадлежащихъ

---

[1]) Эксплоатація желѣзно-дорожной вѣтви отъ Портъ-Артура и Дальняго до Мукдена и Іентая передана японскимъ правительствомъ южно-манчжурской желѣзнодорожной компаніи съ капиталомъ въ 200 милліоновъ іенъ. „Japan Mail“ 18 Mai 1907.

[2]) Это выраженіе „счастливо“ вызвало недоумѣніе въ нашей печати. („В. Европы“ 1907, № 9), ибо если это соглашеніе имѣло счастливые результаты для опредѣленныхъ слоевъ японскаго народа, далеко не столь благопріятными оказались эти послѣдствія для нашихъ окраинъ.

[3]) См. „Рѣчь“, сент. 1907, статьи Бранчанинова о торговомъ договорѣ съ Японіей, „Новое Время“ (іюль 1907) ст. о русско-японской рыболовной конвенціи, далѣе „Вѣстникъ Европы“ 1907, № 9, „Вѣстникъ Рыбопромышленности“ и т. д. Въ иностранной литературѣ см. *Paul Labb:* Les accords russo-japonais. Bulletin du comité de l'Asie française. Octobre, 1907. Очень интересныя статьи о русско-японскомъ договорѣ о торговлѣ и мореплаваніи см. „Japan Mail“ за іюль, августъ, сентябрь и октябрь, 1907.

русскимъ подданнымъ и иностраннымъ въ этой области". Вотъ эта-то статья Портсмутскаго договора, формулированная всего въ нѣсколькихъ строчкахъ, и послужила основаніемъ для пресловутой русско-японской рыболовной конвенціи, по поводу которой было пролито столько чернилъ и высказано столько угрозъ въ желтой японской прессѣ. Конвенція предоставила японцамъ право ловить, собирать и обрабатывать всякаго рода рыбу и продукты моря, кромѣ котиковъ и морскихъ бобровъ, вдоль побережья морей Японскаго, Охотскаго и Берингова на спеціально предназначенныхъ для этой цѣли участкахъ, расположенныхъ, какъ на берегу, такъ и на морѣ. Участки эти должны сдаваться въ аренду съ публичныхъ торговъ безъ всякаго различія между японскими и русскими подданными, будь то на долгій срокъ, будь то на короткій. Россійское императорское правительство обязалось не взимать никакихъ пошлинъ съ рыбы и продуктовъ моря, выловленныхъ или собранныхъ въ Приморской и Амурской областяхъ, независимо отъ того, будутъ ли эти рыбы и продукты моря обработаны или не обработаны, разъ они будутъ предназначены для вывоза въ Японію. Собственно говоря, по буквѣ Портсмутскаго договора японцы имѣли право заниматься лишь „рыболовствомъ" (pecherie) [1]) вдоль русскаго побережья, однако, по рыболовной конвенціи они получили право промысла не только рыбъ, но и млекопитающихъ, китовъ, кашелотовъ, устрицъ, черепахъ, морской капусты и вообще всѣхъ продуктовъ моря [2]). Далѣе, имъ предоставлено по конвенціи право не только ловить, но и приготовлять рыбу, стало быть, устраивать на русскомъ берегу собственныя рыбообдѣлочныя заведенія, засольни, коптильни, сушильни, мѣста для ремонта судовъ и т. д., иначе говоря, въ сущности, право воздвигать на русскомъ берегу цѣлые поселки и города съ сплошнымъ японскимъ населеніемъ. Японцы, кромѣ того, получили неограниченное право ловли рыбы и, вообще, продуктовъ моря не только въ прибрежныхъ водахъ, но и въ бухтахъ, заливахъ и лиманахъ нашихъ тихоокеанскихъ владѣній [3]). Но помимо этихъ существенныхъ льготъ, все значеніе которыхъ

---

[1]) „La Russie s'engage à s'entedre avec le Japon pour accorder aux sujets japonais les droits de pecherie le long des côtes des possessions russes dans les mers du Japon d'Okhotsk et de Behring".

[2]) „Условлено, что выраженіе „рыба и продукты моря", употребленное въ рыболовной конвенціи и въ приложенномъ къ ней протоколѣ, будетъ понимаемо въ смыслѣ всѣхъ видовъ рыбы, животныхъ, растеній и другихъ продуктовъ моря за исключеніемъ котиковъ и морскихъ бобровъ". Русско-японская рыболовная конвенція. Протоколъ, статья 13.

[3]) О бухтахъ (inlets), являющихся предметомъ исключенія, упомянутаго въ ст. 1 рыболовной конвенціи, см. протоколъ ст. 1. Японцы потребовали и добились, чтобы терминъ inlet былъ истолкованъ какъ бухта широкая и глубокая, что для нихъ было очень выгодно. Изъ списка 43 бухтъ, являющихся предметомъ исключенія для японской рыболовной дѣятельности, были изъяты семь, при томъ наиболѣе удобныя. По вопросу о рыбной ловлѣ въ Амурскомъ лиманѣ японцы пріобрѣли право кратко-

слишкомъ очевидно, наше правительство, въ своей уступчивости японскимъ притязаніямъ, обязалось не предоставлять за все время дѣйствія рыболовной конвенціи правъ на рыбную ловлю переселенцамъ или туземнымъ племенамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже будутъ открыты рыболовные участки. (Изъ протокола рыболовной конвенціи, ст. 4).

Рыболовная конвенція представляетъ собой для Японіи фактъ колоссальной экономической важности, равносильной по своему значенію безвозмездному полученію Японіей съ Россіи ежегоднаго подарка, цѣнность котораго не поддается пока даже исчисленію. Русское побережье Тихаго океана въ необычайной степени богато всѣми видами рыбы, млекопитающихъ морскихъ животныхъ, растеній и т. д., особенно различными родами сельди, лососевыхъ [1]), осетровыхъ, китовидныхъ и т. д. Японія—страна бѣдная по природнымъ богатствамъ. Она живетъ культурой индиго и въ особенности риса и шелковицы. Японцы питаются различными видами семги (лосось), сельдь же употребляется, какъ предметъ удобренія. Нѣкогда японцы удобряли свои поля стручками китайскихъ и корейскихъ бобовъ. Удобреніе сельдью стоитъ въ пять разъ дороже, чѣмъ удобреніе стручками бобовъ, но за то химическое могущество рыбнаго удобренія въ десять разъ превышаетъ дѣйствіе растительнаго удобренія. Такимъ образомъ, вопросъ о свободѣ рыболовства на русскомъ побережьѣ представляетъ собой для Японіи вопросъ жизни и смерти. Ясно, что, ставъ одной ногой на русской территоріи, японцы не успокоятся, пока фактически не завладѣютъ нашимъ тихоокеанскимъ побережьемъ. Казалось, что наше правительство, дѣлая столь важныя уступки японцамъ, сумѣетъ добиться какихъ-либо компенсацій для Россіи. Но, увы, всѣ компенсаціи со стороны Японіи сводятся къ слѣдующему пункту, этому заключительному аккорду русско-японскаго договора: „Японское правительство не будетъ взимать не только ввозныхъ пошлинъ, упомянутыхъ въ статьѣ XII, но и никакихъ пошлинъ, налоговъ или сборовъ, подъ какимъ бы то ни было наименованіемъ, на рыбу и продукты моря, выловленные или собранные въ русскихъ водахъ Приморской и Амурской областей и ввозимые въ Японію, независимо отъ того, будутъ ли эти рыбы и продукты моря обработаны или нѣтъ". Однимъ словомъ, Японія великодушно отказывается налагать пошлину на продукты первой необходимости, безъ которыхъ она жить не можетъ, при томъ на продукты, выловленные, какъ правило, японскими же рыбаками. Такимъ образомъ, озна-

---

срочной аренды рыболовныхъ участковъ, расположенныхъ на разстояніи отъ $^1/_2$ до 1 версты отъ участковъ русскихъ; при этомъ и японскіе предприниматели получили право нанимать японскихъ рабочихъ.

1) Общая добыча однихъ только только лососевыхъ на русскомъ тихоокеанскомъ побережьи исчисляется приблизительно 35.000.000 рыбъ въ 1907 г. см. „Пріамурье", Москва. 1909, стр. 263.

ченная компенсація оказывается очень выгодной для населенія Японіи, но ея значеніе для русскаго населенія нашего Тихо-океанскаго побережья сводится къ минимуму.

Уже при первыхъ извѣстіяхъ о содержаніи русско-японской рыболовной конвенціи можно было предвидѣть, что осуществленіе ея поведетъ въ самомъ ближайшемъ времени къ японизаціи всего нашего Тихо-океанскаго побережья,—перспектива, которая будто бы такъ страшила нашихъ руссификаторовъ. Но необходимость пріобрѣсть полную свободу дѣйствій внутри страны естественно толкала нашихъ патріотовъ къ сговорчивости по отношенію къ внѣшнему врагу и къ такимъ уступкамъ, которыя отнюдь не вытекали изъ буквы и духа Портсмутскаго договора. Прежде всего нужно было исполнить Аннибалову клятву подавить смуту, а потомъ только можно было бы подумать о защитѣ жизненныхъ интересовъ государства [1]) противъ притязаній со стороны „внѣшнихъ враговъ".

„Договоръ о торговлѣ и мореплаваніи", уравнявшій права русскихъ и японскихъ подданныхъ безъ уравненія гражданскихъ правъ и политическаго режима нашей дальне-восточной окраины съ режимомъ, господствующимъ въ культурной и конституціонной Японіи, естественно могъ только усугубить серьезность положенія, созданнаго рыболовной конвенціей во всемъ Амурскомъ и Уссурійскомъ краѣ, на Камчаткѣ и вообще вдоль всего русскаго побережья Тихаго океана. Завершеніе японизаціи этого края, сдѣлавшей гигантскіе успѣхи за истекшіе два года, представляетъ собой лишь вопросъ времени [2]).

Японо-русское соглашеніе о пограничной станціи Куанъ-Ченъ-Тзы 15 (28) іюля 1907 г. закончило циклъ главныхъ конвенцій, вытекавшихъ изъ Портсмутскаго договора. И въ этомъ вопросѣ наше правительство сдѣлало такую уступку японскимъ притязаніямъ, на которую Японія не имѣла никакихъ правъ по духу и буквѣ мирнаго договора. Въ моментъ подписанія послѣдняго упомянутая станція находилась въ русскихъ, а не въ японскихъ рукахъ. По статьѣ VI Портсмутскаго договора японцамъ уступленъ

---

[1]) О значеніи рыбныхъ промысловъ для русскаго населенія нашего Тихо-океанскаго побережья см. между прочимъ „Пріамурье", Москва, 1909, стр. 226—265.

[2]) „Въ мѣстахъ, открытыхъ для японскаго лова, русскимъ промышленникамъ, повидимому, придется оставить поле дѣйствія, потому что конкурренція съ японцами, располагающими болѣе дешевымъ трудомъ и имѣющими собственный рынокъ сбыта, едва-ли окажется имъ по силамъ. Въ будущемъ это обстоятельство можетъ имѣть и болѣе важныя послѣдствія, такъ какъ возможно, что амурскимъ рыбопромышленникамъ придется столкнуться съ конкурренціей японцевъ и на міровомъ рынкѣ. „Пріамурье", стр. 258. Въ общемъ, современное положеніе русской рыболовной промышленности на Дальнемъ Востокѣ вполнѣ оправдало пессимистическія предсказанія Paul Labbé насчетъ неизбѣжныхъ результатовъ русско-японской рыболовной конвенціи, см. „Bulletin du comité de l'Asie française", Octobre, 1907.

участокъ Восточно-Китайской желѣзной дороги въ Манчжуріи отъ Портъ-Артура до Куанъ-Ченъ-Тзы. Объ уступкѣ Портъ-Артура имѣется въ договорѣ спеціальная статья (V), что же касается Куанъ-Ченъ-Тзы, то, подписывая Портсмутскій договоръ, Витте предполагалъ, что уступается только дорога до этой станціи, а вовсе не сама станція [1]). Однако, и въ этомъ пунктѣ Россіи волей-неволей пришлось уступить японскимъ притязаніямъ. Упомянутая станція была признана принадлежащей по договору японцамъ, кои и перепродали ее обратно русскимъ уполномоченнымъ за полмилліона рублей. На эти деньги, полученныя отъ продажи жалкихъ станціонныхъ лачугъ Куанъ-Ченъ-Тзы, японцы и выстроили на той же станціи новый уже прекрасно оборудованный вокзалъ. Соглашеніе 15 (28) іюля, подтвердившее прелиминарный договоръ 13 іюня [2]), урегулировало вопросъ о соединеніи японской и русской вѣтвей Манчжурской желѣзной дороги. Было обусловлено, что узкоколейная Южно-Манчжурская желѣзная дорога будетъ продолжена отъ Шантунга—своего прежняго конечнаго пункта—именно до Куанъ-Ченъ-Тзы. русская же ширококолейная Восточно-Китайская желѣзная дорога будетъ продолжена до новаго вокзала, который японцы выстроили на русскія деньги въ Куанъ-Ченъ-Тзы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по этому соглашенію угольныя копи, находящіяся въ районѣ упомянутой станціи и считавшіяся собственностью русской Восточно-Китайской желѣзной дороги, перешли въ руки японцевъ, что, конечно, равносильно было уплатѣ новой контрибуціи въ пользу послѣднихъ.

Недавнее японо-китайское соглашеніе по вопросу объ Антунгъ-Мукденской желѣзной дорогѣ является какъ бы похоронной пѣснью, послѣднимъ гвоздемъ, вбитымъ рукой исторической Немезиды въ гробъ, гдѣ покоятся великіе планы Безобразовыхъ, Алексѣевыхъ, Бирилевыхъ о господствѣ надъ Тихимъ океаномъ, о захватѣ Кореи, Іессо, о владычествѣ надъ многомилліоннымъ Китаемъ, къ которому протягивались уже цѣпкія руки не только нашихъ, но и всѣхъ европейскихъ и американскихъ хищниковъ. Немного воды утекло съ той поры, а новые пришельцы уже окончательно утвердились на обильно орошенной кровью бѣдныхъ японскихъ и русскихъ солдатъ территоріи и проложили двѣ великія желѣзнодорожныя линіи вдоль пути, по которому черезъ трупы „своихъ“ и „чужихъ“ побѣдно прошли легіоны микадо. Обѣ эти стальныя шпаги, рукоятки которыхъ покоятся въ крѣпкихъ японскихъ рукахъ въ Антунгѣ и Портъ-Артурѣ, а остріе упирается въ одну точку—Мукденъ, врѣзываются въ сердце Манчжуріи и даютъ Японіи громадное стратегическое преимущество въ войнѣ съ сѣвер-

---

1) См. свидѣтельство А. Н. Бранчанинова. „Рѣчь“, 1908. № 5.
2) Japan Mail, 1 Juin, 1907.

нымъ или южнымъ соперникомъ, а въ случаѣ нужды, и на оба фронта. Отъ грандіознаго военнаго и бюрократическаго аппарата, созданнаго съ цѣлью утвержденія нашей гегемоніи на Дальнемъ Востокѣ и Тихо-океанскомъ побережьи, ничего не осталось, кромѣ громадныхъ расходовъ, оплаченныхъ пока лишь кровью и жизнью сотенъ тысячъ ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ. Болѣе того, въ то время, какъ Портъ-Артуръ съ Ляодунскимъ полуостровомъ и вся южная вѣтвь выстроенной на русскія деньги Китайско-Восточной Манчжурской дороги превратилась лишь въ неприступную твердыню, глядящую зіяющими дулами своихъ орудій одновременно и на Пекинъ, и на Иркутскъ, сѣверная вѣтвь той же дороги, которую лучше всего нужно было бы, и какъ можно скорѣе, продать Китайцамъ, дастъ лишь дефицитъ [1]) и попыпѣ, ложась тяжкимъ бременемъ на нашъ бюджетъ. Являясь крайне слабымъ орудіемъ колонизаціи дальневосточной окраины русскимъ элементомъ, эта вѣтвь служитъ, наоборотъ, могучимъ проводникомъ всерастущаго вліянія желтой расы на нашей территоріи, пособникомъ побѣдоноснаго движенія нашихъ сосѣдей къ центральнымъ областямъ Восточной Сибири. Только немедленное введеніе на этихъ окраинахъ широкаго мѣстнаго самоуправленія, подъемъ культуры и народнаго образованія, полная свобода артельнаго, кооперативнаго и профессіональнаго рабочаго движенія, далѣе привлеченіе опытнаго и предпріимчиваго въ торговыхъ дѣлахъ населенія Россіи къ экономической войнѣ за русское вліяніе на Дальнемъ Востокѣ могло бы остановить неудержимое при данныхъ условіяхъ движеніе китайскаго и японскаго капитала на дальневосточныя окраины [2]) и экономическое завоеваніе этихъ областей желтымъ элементомъ, якобы столь страшное нашимъ патріотамъ.

---

[1]) Въ общемъ, на территорію, по которой проходитъ эта злополучная дорога, было израсходовано около полутора милліардовъ рублей. Эти затраты неокончились и продолжаются до сихъ поръ; ежегодно на нужды К. В. ж. дороги русское казначейство выплачиваетъ до 26.000.000 рублей и при этомъ нужно помнить, что эти расходы никогда не окупятся. *Чѣмъ больше будетъ затрачено этихъ денегъ, чѣмъ лучше будетъ оборудована дорога, тѣмъ больше выгодъ Китаю, такъ какъ черезъ 80 лѣтъ по концессіонному договору дорога и все принадлежащее ей имущество должны быть отданы Китаю безвозмездно.* (Изъ рѣчи, произнесенной министромъ финансовъ Коковцовымъ въ Харбинѣ, на собраніи главныхъ желѣзнодорожныхъ служащихъ 12 окт. 1909).

[2]) Для борьбы съ желтой иммиграціей наши оффиціальные мудрецы не придумали ничего другого, кромѣ обложенія китайскихъ переселенцевъ 5 рублевымъ сборомъ. Не говоря уже о томъ, что эта мѣра совершенно безполезна въ борьбѣ съ желтой опасностью и что дальнѣйшія репрессіи по отношенію къ иностранцамъ являются непримѣнимыми въ виду условій Портсмутскаго договора, обязавшаго насъ предоставить иностраннымъ подданнымъ пользоваться тѣми правами на Дальнемъ Востокѣ, какими они пользовались дотолѣ, очевидно, что экономическое завоеваніе русской окраины совершается не этими невзыскательными пришельцами, которые, наоборотъ, берутся за такія тяжкія работы по „оттаптыванію земли" и т. д., каковыя оказываются не подъ силу и не по вкусу сибирскому крестьянину, пользующемуся непритязательностью желтолицаго труженика, охотно идущаго въ кабалу ко всякому покупаю-

Б. Россія и Китай.

1) Русско-китайское отношеніе 1907 г.—2) Вопросъ о русской юрисдикціи въ полосѣ отчужденія Восточно-Китайской желѣзной дороги и обостреніе русско-китайскихъ отношеній.

2 (15) апрѣля 1907 г. истекалъ 18-ти мѣсячный промежутокъ, опредѣленный Портсмутскимъ договоромъ для эвакуаціи Манчжуріи. 8 апр. эвакуація была закончена, осталась только желѣзно-дорожная стража. За русскими, какъ и за японцами, было сохранено право содержать въ Манчжуріи военную стражу, по 15 человѣкъ на одинъ километръ желѣзнодорожнаго пути; такимъ образомъ число русскихъ военныхъ силъ не могло превышать 27.000 человѣкъ, а японскихъ—14.500.

Въ іюлѣ 1907 г. было заключено *русско-китайское соглашеніе* относительно Манчжурской желѣзной дороги, основные пункты котораго заключаются въ слѣдующемъ. По обѣимъ сторонамъ дороги была учреждена свободная зона, шириной въ 100 китайскихъ ли; товары, провозимые по желѣзной дорогѣ, платятъ $^2/_3$ пошлины; въ Харбинѣ площадь около вокзала, обнимающая окружность, имѣющую радіусъ въ 24 ли, объявлена свободной зоной, въ 16 станціяхъ радіусъ свободной окружности опредѣленъ въ 10 ли. Конвенція заключена въ видѣ опыта на одинъ годъ. Но всѣ эти конвенціи не могли уже имѣть для Россіи того значенія, какое имѣли въ прежнія времена всѣ наши договоры съ Китаемъ, дававшіе возможность нашему правительству все дальше и дальше проникать на территорію Срединной имперіи и утверждать здѣсь господство русскаго штыка и казацкой нагайки на мѣсто архаическихъ китайскихъ бамбуковыхъ палокъ.

Естественнымъ послѣдствіемъ разгрома русскихъ военныхъ силъ на поляхъ Манчжуріи явилось паденіе прежняго русскаго престижа въ Пекинѣ, основывавшагося исключительно на страхѣ китайскаго правительства передъ мнимой силой русской арміи и уваженія къ священнымъ основамъ русскаго государственнаго строя. „Противъ Россіи мы ничего не имѣемъ“ говорилъ одинъ изъ вождей черносотеннаго боксерскаго движенія Жонъ-лу, а съ ея помощью мы можемъ вызвать на бой весь міръ“. И нигдѣ упадокъ русскаго престижа не сказался такъ сильно, какъ въ столицѣ Китая. Отнынѣ бюрократія Срединной имперіи считается уже прежде всего съ Германіей, Англіей, Франціей, Америкой и особенно Японіей, ибо дорога въ Пекинъ лежитъ нынѣ черезъ Портъ-Артуръ, и если Японская Формоза можетъ отрѣзать

щему его услуги; это завоеваніе русской области совершается японскимъ капиталомъ, который со времени отмѣны porto-franco въ Пріамурьѣ, начинаетъ понемногу эмигрировать на русскую территорію и подчинить ее своему вліянію.

путь къ Пекину съ юга, Японо-Манчжурская желѣзная дорога грозно протягивается, какъ осадная параллель, вдоль сѣверо-восточнаго фронта. Но именно поэтому въ нѣкоторыхъ органахъ китайской прессы все чаще и чаще высказывается мысль о необходимости экономическаго и политическаго сближенія съ Россіей, соприкасающейся съ китайской границей на протяженіи тысячъ километровъ, но понятно съ новой, нарождающейся Россіей, а не съ старой, оставившей по себѣ въ сердцахъ китайцевъ много тяжкихъ воспоминаній, благодаря всякаго рода звѣрствамъ, въ родѣ Благовѣщенскаго потопленія, примѣненія истязаній и жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, не говоря уже о простыхъ смертныхъ, даже къ китайскимъ мандаринамъ за отказъ уступить тому или другому русскому чиновнику облюбованный послѣднимъ земельный участокъ, законно принадлежащій данному мандарину, и т. п. [1]). И нынѣшняя политика русскаго правительства лишь усиливаетъ недовѣріе китайцевъ къ Россіи и грозитъ ей серьезными послѣдствіями на Дальнемъ Востокѣ.

Особенно роковое вліяніе на русско-китайскія отношенія имѣлъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ пресловутый вопросъ о русской юрисдикціи въ полосѣ отчужденія Сѣверо-Манчжурской желѣзной дороги, т. е. на линіи Харбинъ—Хайларъ. По русско-китайской конвенціи 1896 г., Россіи, собственно обществу Восточно-Китайской желѣзной дороги, было предоставлено „абсолютное и исключительное право“ осуществлять административную власть надъ русскими и иностранными подданными въ полосѣ отчужденія Восточно-Китайской желѣзной дороги, при чемъ границы этого абсолютнаго и исключительнаго права не были твердо установлены и, въ зависимости отъ той или другой политической и международной конъюнктуры, характеризовались большей или меньшей растяжимостью. Конечно, это обстоятельство могло имѣть громадное значеніе въ дѣлѣ осуществленія грандіозныхъ плановъ постепеннаго превращенія Манчжуріи въ Желто-Россію и потому какъ нельзя лучше соотвѣтствовало захватной политикѣ нашихъ дально-восточныхъ авантюристовъ, но Портсмутскій миръ отнялъ всякую юридическую базу у этихъ притязаній и свелъ къ нулю значеніе русско-китайской конвенціи 1896 г., создавъ почву для превращенія арендпаго и административнаго права общества В.-К. ж. д. въ простую желѣзно-дорожную концессію, отличающуюся отъ другихъ европейскихъ концессій только правомъ Россіи содержать воинскую охрану на линіи дороги. По третьей статьѣ Портсмутскаго договора Россія и Японія обязались возвратить въ исключительное управленіе Китая *вполнѣ и во всемъ объемѣ* (entierly and completely) всѣ части Манчжуріи—за исключеніемъ

---

[1]) „Наша „культурная“ дѣятельность въ Китаѣ (по оффиціальнымъ документамъ)“. „Рѣчь“, 1908, № 2.

Портъ-Артура и Ляодунскаго полуострова—при чемъ „Россійское императорское правительство объявляетъ, что оно не обладаетъ въ Манчжуріи земельными преимуществами либо преференціальными или исключительными концессіями, могущими затронуть верховныя права Китая или несовмѣстимыя съ принципомъ равноправности".

Но въ томъ-то и дѣло, что русская юрисдикція въ полосѣ отчужденія Восточно Китайской желѣзной дороги затрагиваетъ, съ одной стороны, верховныя права Китая, а съ другой, противорѣчитъ принципу равноправности, ибо она ставитъ Россію на китайской территоріи въ исключительно привилегированное положеніе сравнительно съ другими европейскими государствами, и потому нельзя было не ждать, что даже самое осторожное пользованіе правами и преимуществами, вырванными у Китая въ 1896 г., когда Срединная имперія была безконечно слаба, а Россія, наоборотъ, пользовалась общепризнаннымъ престижемъ всемогущества и непобѣдимости, вмѣстѣ съ паденіемъ этого престижа вызоветъ неизбѣжно серьезныя тренія между Россіей, съ одной стороны, возрождающимся и осмѣлѣвшимъ Китаемъ и прочими, заинтересованными въ манчжурскомъ вопросѣ, государствами,—съ другой.

Упомянутая выше третья статья Портсмутскаго договора была истолкована многими правительствами, какъ возвращеніе подъ власть Китая не только частей Манчжуріи, занятыхъ по случаю войны, но и полосы отчужденія Восточно-Китайской желѣзной дороги. Починъ былъ сдѣланъ Соединенными Штатами, назначившими въ 1906 г. въ Харбинъ американскаго консула, который получилъ *exequatur* отъ китайскаго правительства, а не отъ русскихъ властей. Въ слѣдующемъ 1907 г. примѣру Соединенныхъ Штатовъ послѣдовали Японія, учредившая, съ согласія Китая, генеральное консульство въ Харбинѣ, Бельгія, Франція, Германія, Англія, пославшія въ Харбинъ вице-консуловъ съ китайскими exequatur. Наконецъ, само русское правительство назначило въ Харбинъ нашего вице-консула (кн. Мещерскій), а скоро послѣ того и генеральнаго консула (генералъ Хорватъ). Этимъ самымъ наше правительство признало Харбинъ китайской территоріей, управляемой китайскими властями, представлять передъ которыми Россію и были, очевидно, назначены князь Мещерскій и генералъ Хорватъ, и этимъ самымъ какъ бы санкціонировалась самой Россіей та статья Портсмутскаго договора, которая гласитъ, что во всѣхъ частяхъ Манчжуріи, за исключеніемъ Портъ-Артура съ Ляодунскимъ полуостровомъ, возстановляется вполнѣ и во всемъ объемѣ исключительно китайская администрація. Однако, отсутствіе послѣдовательности въ этомъ отношеніи вызвало для Россіи цѣлый рядъ непріятныхъ осложненій съ другими странами.

Первый серьезный конфликтъ съ Китаемъ возникъ въ началѣ 1908 г.,

когда правленіе Русско-Китайской дороги, опираясь на ст. VI желѣзнодорожной конвенціи 1896 г., предприняло крупную административную реформу въ предѣлахъ полосы отчужденія и рѣшило ввести новую муниципальную систему въ трехъ пунктахъ: въ Харбинѣ, Хайларѣ и поселкѣ при станціи Манчжурія. Однако, уже первый шагъ къ введенію этой реформы вызвалъ рѣшительный протестъ со стороны намѣстника Манчжуріи, который отвергъ въ основѣ какія бы то ни было права Россіи на администрацію въ полосѣ отчужденія, а затѣмъ и центральнаго китайскаго правительства, немедленно протестовавшаго въ оффиціальной нотѣ, адресованной представителямъ иностранныхъ державъ въ Пекинѣ, противъ незаконныхъ дѣйствій Россіи. Такъ возникъ *харбинъ-хайларскій инцидентъ* 1908 г., надѣлавшій въ свое время много шуму въ китайской и международной прессѣ. Американскій консулъ въ Харбинѣ, въ свою очередь, протестовалъ противъ русской юрисдикціи въ полосѣ отчужденія, и его протестъ былъ поддержанъ государственнымъ секретаремъ Соединенныхъ Штатовъ Рутомъ. Это было очень важно, такъ какъ представляло собой опасный для Россіи прецедентъ. И, дѣйствительно, уже въ слѣдующемъ году, хотя по другому поводу, международная пресса снова запестрѣла статьями подъ заголовкомъ „*Харбинскій инцидентъ*". Теперь дѣло шло уже о столкновеніи между германскимъ консуломъ въ Харбинѣ и русской судебной властью по дѣлу нѣмецкаго товарищества пивовареннаго завода „Харбинъ", при чемъ обнаружилось, что какъ частные германскіе подданные, проживающіе въ Манчжуріи, такъ и оффиціальные представители германскаго правительства рѣшительно не признаютъ юрисдикціи мѣстнаго русскаго суда и правъ мѣстной русской администраціи [1]).

Эти инциденты вызвали сильное волненіе въ правящихъ кругахъ Японіи, ибо послѣдняя имѣетъ столько же правъ на Южную Манчжурію, сколько

---

[1]) Какъ только были опубликованы первыя телеграммы о томъ, что русская судебная власть „осмѣлилась" нарушить экстерриторіальность германскихъ подданныхъ въ Китаѣ и сдѣлала попытку приступить къ аукціонной продажѣ имущества нѣмецкаго завода „Харбинъ", причемъ германскій консулъ, защищая интересы своихъ согражданъ, поднялъ германскій флагъ надъ воротами завода и будто бы смертельно ранилъ въ порывѣ патріотическаго негодованія русскаго пристава, почти вся нѣмецкая печать разразилась угрозами по адресу Россіи. О тонѣ нѣмецкой прессы можно судить хотя бы по слѣдующему образцу изъ уравновѣшенной и спокойной обыкновенно, Berliner Tageblatt: „Безполезно обсуждать мотивы, которые могутъ привести русскіе, чтобы оправдать ихъ скандальный образъ дѣйствій. Русскіе все еще считаютъ себя хозяевами въ Манчжуріи. Остается только принять самыя суровыя мѣры, чтобы защитить въ этой области интересы международной торговли". Можно думать, что пресловутое скандальное дѣло „Ангальтъ" о наложеніи ареста на русскія государственныя деньги, находящіяся въ Берлинѣ, въ виду отказа Россіи уплатить долгъ въ 3½ милл. марокъ, присужденный въ пользу авантюриста Хельфельда мѣстнымъ германскимъ судомъ въ Кіао-Чау, явилось отместкой со стороны германскихъ властей за дерзкую попытку наложить арестъ на имущество нѣмецкаго завода по рѣшенію какого-то русскаго окружнаго суда въ Харбинѣ.

Россія на Сѣверную. Вчерашніе враги находятся въ одинаковомъ положеніи по отношенію къ Китаю, С.-Амер. Соед. Штатамъ и другимъ заинтересованнымъ державамъ.

И это обстоятельство, на-ряду со страхомъ оффиціальной Россіи передъ военной силой Японіи, неспособностью нашей бюрократіи окончательно отказаться отъ продолженія дальневосточной авантюры и желаніемъ сохранить какой бы то ни было цѣной жалкіе, хотя и дорого стоющіе русскому народу, остатки былого величія на маньчжурской территоріи, толкаютъ патріотическую Русь къ военному союзу со страной Микадо, противоестественному союзу, въ которомъ Россіи придется играть роль Италіи, бросившейся въ объятія Австріи столько же изъ-за желанія сохранить свое вліяніе въ Тунисѣ и вообще Сѣверной Африкѣ, поскольку и изъ страха передъ военной силой Австріи и стремленія обезоружить послѣднюю лицемѣрной дружбой съ ней на жизнь и на смерть.

III.

Россія на Балканахъ.

1) Русско-австрійское соглашеніе 1897 г. — 2) Мюрцштегское соглашеніе 1903 г. — 3) Балканская политика Россіи отъ Портсмутскаго мира до нашихъ дней.

Послѣ того, какъ въ результатѣ русско-турецкой войны съ ея безчисленными жертвами, деньгами и людьми и тяжелымъ наслѣдіемъ, оставленнымъ ею въ нашемъ финансовомъ хозяйствѣ, нашей бюрократіи не удалось, благодаря черной неблагодарности, обнаруженной нашими славянскими „братушками", превратить Болгарію въ Дунайскую губернію и создать здѣсь опорную базу для дальнѣйшаго наступательнаго движенія на Константинополь, пріостановленнаго въ 1878 г., русское правительство круто измѣнило политику по отношенію къ балканскимъ единовѣрцамъ и поставило своей задачей рѣшительную борьбу съ стремленіями славянскихъ народностей къ независимости и освобожденію отъ Турціи. Филиппопольскій переворотъ въ сентябрѣ 1885 г.—соединеніе бывшей Восточной Румеліи съ Болгарскимъ княжествомъ, совершившійся при тайномъ содѣйствіи великобританской дипломатіи, возбудилъ глубокое негодованіе въ русскихъ оффиціальныхъ кругахъ, увидѣвшихъ въ этомъ актѣ злыя козни „англичанки", стремящейся созданіемъ осложненій на Ближнемъ Востокѣ отвлечь вниманіе Россіи отъ Персидскаго залива и индійскихъ границъ, и знаменовалъ крутой поворотъ въ позиціи и балканской политикѣ обѣихъ державъ: Англіи, повернувшей фронтъ и ставшей на сторону балканскихъ народностей противъ Турціи, и Россіи, поднявшейся на

защиту священныхъ правъ султана противъ нашихъ неблагодарныхъ братушекъ. Извѣстно, что въ октябрѣ 1895 г. уже не Россія, а Англія выступила съ проектомъ раздѣла Оттоманской имперіи [1]).

Сильное антирусское движеніе въ Болгаріи, въ значительной мѣрѣ вызванное интригами нашихъ дипломатовъ и преступными дѣйствіями въ княжествѣ русскихъ агентовъ-провокаторовъ [2]), приведшее къ пресловутой стамбуловщинѣ (1886—1895), которая при всѣхъ своихъ ошибкахъ и преступленіяхъ означала естественный, хотя и выразившійся въ уродливой формѣ, вызовъ, брошенный молодымъ, пробуждающимся къ новой жизни, народомъ старой Россіи и ея агрессивнымъ планамъ на Балканахъ; далѣе возмутительное поведеніе нашей дипломатіи въ періодъ армянскихъ погромовъ и страшной армянской рѣзни, когда на улицахъ Трапезунда, Битлиса, Діарбекира, Цезареи и въ самомъ Константинополѣ (авг. 1896 г.) въ двухъ шагахъ отъ европейскихъ посольствъ, подъ ножами и ятаганами оффиціальныхъ убійцъ падали преслѣдуемые, какъ дикіе звѣри, армяне, при чемъ погибло около 300.000 жертвъ, и Россія помѣшала Англіи заступиться за послѣднихъ, мотивируя свой безчеловѣчный образъ дѣйствій нежеланіемъ, чтобы изъ Арменіи создалась 2-ая Болгарія (another Bulgaria) [3]), цѣлый рядъ другихъ фактовъ — все это ярко иллюстрируетъ новый курсъ русской политики по отношенію къ турецкимъ христіанамъ. Вмѣстѣ съ этимъ рѣзко проявляется тенденція къ сближенію съ антиславянской Австріей „въ силу общихъ симпатій къ консервативнымъ и аристократическимъ началамъ“ [4]). Балканская политика Россіи начинаетъ руководиться не столько *славянскими*, сколько *консервативными* принципами, при чемъ, очевидно, примѣненіе революціонныхъ методовъ борьбы — военные заговоры (сверженіе съ престола князя Александра Баттенбергскаго въ 1886 г., дѣло маіора Паницы 1890 г.), динамитныя бомбы и организація террористическихъ покушеній (подготовленіе убійства князя Фердинанда Болгарскаго 1888)—допускается лишь постольку, поскольку сіе можетъ вести къ торжеству консервативныхъ принциповъ и побѣдоносной борьбѣ съ болгарскими мечтаніями о независимости, о „демокра-

---

[1]) *Victor Berard.* La Revolution turque, p. 296. Paris, 1909.

[2]) См. *Leonow*, Geheime Documente per Russichen Orient Politik, 1881—1890. Berlin, 1893. Переводъ книги, напечатанной въ Софіи, въ типографіи бывшаго органа болгарскаго правительства „Свобода“. Предисловіе къ этой книгѣ написано болгарскимъ президентомъ палаты Петковымъ, а фактическимъ издателемъ ея былъ тогдашній министръ президентъ Стамбуловъ. Нѣкоторые документы изъ означенной книги цитировались, между прочимъ, въ рѣчи депутата Покровскаго на засѣданіи Думы 13 дек. 1908 г.

[3]) Заявленіе русскаго министра иностранныхъ дѣлъ кн. Лобанова-Ростовскаго англійскому послу въ Петербургѣ по поводу проекта автономіи Арменіи.

[4]) Выраженіе Н. А. Комарова, занимавшаго недавно отвѣтственный постъ въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ: см. его статью. *Komaroff.* L'Autriche Hongrie et la Russie devant la question d'Orient, Le Correspondant, 1905, 25 sept.

тическомъ" режимѣ, о „Болгаріи для болгаръ", однимъ словомъ, къ сохраненію statu quo, противъ котораго нѣкогда боролась Россія.

Первое соглашеніе между Россіей и Австріей послѣ русско-турецкой войны 1877—1878 гг. было заключено въ 1897 г. Это соглашеніе явилось результатомъ стремленій правительствъ обѣихъ странъ помѣшать Франціи и Англіи нарушить священныя права султана и поколебать statu quo на Балканахъ. Македонское возстаніе 1896 г., волненія на Критѣ, страшная армянская рѣзня вызвали взрывъ общественнаго негодованія въ Европѣ. Въ Парижѣ, Брюсселѣ, Лондонѣ были организованы грандіозные митинги, гдѣ представители всѣхъ слоевъ общества и самыхъ различныхъ партій, начиная отъ соціалистической и кончая консервативными, разоблачали всѣ ужасы турецкаго режима и звѣрства краснаго султана; англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Салисбюри на банкетѣ лордъ-мэра 10 ноября 1896 г., ссылаясь на библію, угрожалъ султану гнѣвомъ Всевышняго и предвѣщалъ близкую гибель Оттоманской имперіи. Но репрессіи по отношенію къ султану не входили ни въ планы Австріи и стоявшей за ней Германіи, ни тѣмъ болѣе въ планы Россіи. Во время своего пребыванія въ Парижѣ русскій министръ Шишкинъ заявилъ французскому министру Ганото, что „всякая мѣра понужденія по отношенію къ Турціи крайне непріятна".

То былъ періодъ, когда Россія, очертя голову, мчалась по направленію къ свободному выходу на Тихомъ океанѣ. Въ ноябрѣ 1897 г. на совѣтѣ министровъ, состоявшемся подъ предсѣдательствомъ Государя, рѣшается вопросъ о занятіи Портъ-Артура [1]). Прежде чѣмъ отправиться въ такое продолжительное путешествіе, нужно было принять нѣкоторыя предосторожности по отношенію къ ближайшимъ сосѣдямъ. Заключеніе австро-русскаго соглашенія послѣ свиданія императора Франца-Іосифа съ Императоромъ Николаемъ II въ Петербургѣ давало возможность надѣяться на сохраненіе порядка и спокойствія на Балканахъ, пока Россія покончитъ свои дѣла на Дальнемъ Востокѣ. По характерному выраженію Милюкова въ его отвѣтной рѣчи Извольскому на засѣданіи Государственной Думы 4 апрѣля 1908 г.: „Въ 1897 г. мы положили тяжелый камень на Балканы, чтобы удержать тамъ все на мертвой точкѣ, въ положеніи неизмѣнномъ и неприкосновенномъ до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ имѣть вновь свободы и досуга заняться Балканами" [2]). Петербургское и вѣнское правительства даютъ понять urbi et orbi, что они не потерпятъ никакого вмѣшательства извнѣ въ турецкія дѣла,

---

[1]) „Общественное движеніе въ Россіи въ началѣ XX вѣка", томъ II, стр. 11.

[2]) Еще болѣе рѣзко характеризуетъ значеніе австро-русскаго соглашенія Викторъ Бераръ: „Австро-русское соглашеніе тяготѣло съ 1896 г. надъ балканскими государствами въ интересахъ „охраны statu quo и общаго мира", иначе говоря въ интере-

никакого бунта внутри. 29 апрѣля 1897 г. правительства Черногоріи, Сербіи и Болгаріи получаютъ предостереженіе, что оба императора, встрѣтившись въ Петербургѣ, твердо рѣшили сохранить всѣми зависящими отъ нихъ средствами statu quo на Балканахъ и общій миръ.

Между тѣмъ, скоро послѣ того имперіалистическая Англія, представитель которой съ такимъ гнѣвомъ бичевалъ султана и говорилъ о грозной десницѣ, карающей за несправедливости даже высшихъ міра сего, отправляется въ походъ противъ маленькихъ бурскихъ республикъ. Такимъ образомъ, въ теченіе трехъ лѣтъ никто не мѣшаетъ Россіи и Австріи блюсти за сохраненіемъ порядка на Балканахъ. Но вотъ кончается южно-африканская война. Англія, пролившая потоки христіанской крови въ плоскогоріяхъ и равнинахъ Трансвааля, испытываетъ жгучее желаніе возстановить свою честь какимъ-нибудь блестящимъ актомъ гуманности по отношенію не къ индусамъ, конечно, а къ угнетеннымъ христіанамъ Оттоманской имперіи. Бывшая нѣкогда другомъ Турціи, пока послѣдняя имѣла сильнаго врага въ лицѣ Россіи и видѣла своего спасителя въ Великобританіи, воинствующая Англія, подобно отвергнутому ревнивцу, становится злѣйшимъ врагомъ Оттоманской имперіи съ того момента, какъ прекрасная турчанка пріобрѣтаетъ расположеніе Россіи и обзаводится вѣрнымъ другомъ въ лицѣ Вильгельма II. Такимъ образомъ, великобританское правительство, съ одной стороны, выступаетъ въ ореолѣ защитника всѣхъ оскорбленныхъ и угнетенныхъ и искусно отвлекаетъ такимъ образомъ шумной агитаціей по поводу ужасовъ въ Македоніи, Конго и т. д. вниманіе идеалистически настроенныхъ народныхъ массъ Англіи отъ индусскихъ голодовокъ и всякаго рода иныхъ домашнихъ неустройствъ, съ другой, бросая перчатку Турціи, создаетъ помѣхи покровительницѣ послѣдней — Германіи. Выступленіе Англіи только заставляетъ Россію и Австрію сблизиться еще тѣснѣе. Между тѣмъ, балканскій костеръ разгорается. Македонія находится въ состояніи полной анархіи. Ожидается всеобщее возстаніе. Англійское и французское правительства настаиваютъ на необходимости морской демонстраціи передъ Салониками, чтобы такимъ образомъ заставить султана пойти на уступки. Но, какъ сообщаетъ французскій посланникъ въ Петербургѣ правительству республики (21 авг. 1903 г.):

сахъ турецкаго грабежа и Абдулъ-Гамидовой рѣзни. Отъ 1896 г. по 1902, ничто не могло оказать противодѣйствія этой тираніи". *Victor Berard*. „La Revolution turque", p. 245. Но, конечно, наиболѣе суровую критику встрѣтило австро-русское соглашеніе на страницахъ балканской и въ особенности, македонской прессы, которая характеризовала австро-русскую политику на Балканахъ, какъ „безстыдное и своекольное дѣленіе всего Балканскаго полуострова на сферы вліянія", какъ политику „усерднаго содѣйствія цареградскому палачу въ его разбойничьихъ дѣйствіяхъ". См. „Гласъ на македонскій таенъ революционенъ комитетъ" Юлій, 1898.

„русское правительство не желаетъ какимъ бы то ни было образомъ поощрять иллюзіи болгарскаго населенія княжества и Македоніи“ [1]). Въ виду такого отношенія къ болгарскимъ козням, графъ Ламсдорфъ въ бесѣдѣ съ французскимъ посланникомъ 14 (27) августа 1903 г. выражалъ пожеланіе, чтобы увѣщанія были направлены по адресу не Турціи, а Болгаріи: „дабы снова рекомендовать Болгаріи не нарушать спокойствія и предупредить ее лишній разъ, что она не найдетъ поддержки, если навлечетъ на себя гнѣвъ Турціи“ [2]).

9 (22) окт. 1903 г. послѣ такъ называемаго Мюрцштегскаго соглашенія [3]), Австрія и Россія, желая отнять у Англіи поводъ вмѣшиваться въ турецкія дѣла, торжественно заявляютъ о своемъ рѣшеніи взять на себя какъ „на державъ, наиболѣе заинтересованныхъ“, заботу о проведеніи реформъ въ Македоніи и сообщаютъ турецкому правительству свой проектъ такъ называемаго улучшеннаго statu quo (statu quo amelioré [4]). Но эта

---

[1]) „Русская политика въ Турціи—писалъ французскій посланникъ—остается неизмѣнной, покоясь на принципахъ: сохраненіе statu quo и недопущеніе вооруженнаго вмѣшательства... Что касается отправки судовъ въ Салоники, русское правительство желало бы устраненія этой демонстраціи, ибо оно рѣшительно не желаетъ какимъ бы то ни было дѣйствіемъ поощрять иллюзію болгарскаго населенія княжества и Македоніи. Но если державы считаютъ демонстрацію необходимой въ интересахъ ихъ подданныхъ, петербургскій кабинетъ не желаетъ взять на себя отвѣтственность за сопротивленіе такой мѣрѣ. Однако, русское правительство не приметъ участія въ этой демонстраціи и отзоветъ какъ можно скорѣе суда, находящіяся въ Иніадѣ“. Livre Jaune. Macedoine № 21. M-r Bompard à M. Delcassé.

[2]) „Le comte Lamsdorf m'a entretenu aujourd'hiu d'une demarche concertée entre toutes les puissances, qu'il suggère de faire à Sofia pour recommander de nouveau le calme à la Bulgarie et la prevenir une fois de plus qu'elle ne serait pas soutenue, si elle s'attirait la colère de la Turquie“. Livre Jaune. Macedoine, 1903 - 1905. № 23.

[3]) Текстъ соглашенія см. Livre Jaune. Macedoine. № 40. Annexe (Décisions arrêtées à Mürzsteg).

[4]) Мюрцштегское соглашеніе доводитъ враждебное настроеніе македонскихъ революціонеровъ по отношенію къ Россіи до крайняго предѣла. „Россія была до сихъ поръ величайшимъ препятствіемъ къ разрѣшенію македонскаго вопроса“ писалъ 20 дек. 1902 „Le Mouvement macedonien“, органъ Бориса Сарафова. Это убѣжденіе, правильное или нѣтъ, въ данномъ случаѣ неважно—замѣчаетъ Cheradam—вызвало у македонскихъ сербовъ и болгаръ глубокую ненависть по отношенію ко всему русскому, о чемъ къ сожалѣнію мало думаютъ въ Петербургѣ и Москвѣ“. (André Cheradam. La Question d'Orient p. 379). Точку зрѣнія русской дипломатіи на македонскій вопросъ очень ясно формулировалъ русскій посланникъ въ Вѣнѣ графъ Каницъ въ бесѣдѣ 23 марта 1904 г. съ извѣстнымъ французскимъ писателемъ Гастономъ де Рутье: „Автономія Македоніи—сказалъ Каницъ—несбыточная мечта, которой могутъ увлекаться лишь фантазеры или люди, имѣющіе задній мысли. Автономія Македоніи обозначала бы присоединеніе ея черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или лѣтъ къ Болгаріи. Россія этого никогда не позволитъ. Болгарія не будетъ обладать всей Македоніей, не сдѣлается всемогущимъ государствомъ на Балканахъ. Этого никогда не будетъ, ибо это противорѣчило бы традиціонной политикѣ Россіи... Въ Македоніи Россія должна стремиться къ сохраненію равновѣсія между болгарами, греками, сербами и кутцовалахами“. *Gaston Routier de Beaulieu*. „La Macedoine et les puissances“ (L'enquete du Petit Parisien), Paris, 1904. p. 354.

программа не только не вносить спокойствія въ Македонію, наоборотъ, она доводитъ смуту и внутреннюю войну въ этой части Балканскаго полуострова до крайняго предѣла. 3-й пунктъ этой программы по возстановленію спокойствія въ Македоніи обѣщаетъ „добиться отъ турецкаго правительства территоріальнаго измѣненія административныхъ единицъ съ цѣлью болѣе правильной группировки различныхъ національностей"; этотъ пунктъ по своему вліянію на обостреніе македонской смуты былъ равносиленъ искрѣ, брошенной въ пороховой складъ. Отнынѣ между различными національностями Македоніи, болгарами, сербами, греками, начинается безпощадная война не на жизнь, а на смерть. Вооруженныя греческія банды, руководимыя греческими офицерами, врываются въ болгарскія деревни, убиваютъ лицъ мужского пола, насилуютъ женщинъ, не щадятъ и дѣтей и стремятся вообще истребить въ Македоніи представителей другой христіанской національности прежде всего болгарской, чтобы въ случаѣ территоріальнаго расчлененія Македоніи обезпечить своей національности большую добычу. Такимъ же образомъ дѣйствуютъ по отношенію къ болгарамъ и сербы. Болгарскіе „комитаджи" не остаются, конечно, въ долгу передъ своими братушками и единовѣрцами, и македонская рѣзня принимаетъ съ благословенія султана и при помощи его башибузуковъ все болѣе и болѣе ужасающіе размѣры, проявляясь порой въ самыхъ дикихъ формахъ. Сегодня какая-нибудь болгарская банда подвергаетъ пыткѣ попавшагося ей въ руки грека, скальпируетъ его живымъ, выкалываетъ ему глаза, отрѣзаетъ языкъ (деревня Селино), на-завтра греческая банда врывается на фабрику, гдѣ работаютъ болгарскіе пролетаріи, и убиваетъ всѣхъ, кто не успѣваетъ спастись, при чемъ не оказывается пощады 14-лѣтнимъ подросткамъ (Салоники) [1]). Къ такимъ благодѣтельнымъ результатамъ приводитъ австро-русское попеченіе о славянскихъ единовѣрцахъ и пресловутый III пунктъ Мюрцштегской программы.

Между тѣмъ скоро Россія начинаетъ войну съ Японіей и, по горло занятая въ Манчжуріи, передаетъ всю заботу о защитѣ славянскихъ братушекъ въ Турціи добросердечной австрійской дипломатіи. Въ теченіе войны съ Японіей Россія болѣе, чѣмъ когда-либо, настаиваетъ на сохраненіи statu quo на Балканахъ и противится расширенію реформъ въ Македоніи. 1 февр. 1905 г. фран-

---

[1]) О македонскомъ вопросѣ и македонскихъ ужасахъ см. Livre Jaune (affaires de Macedoine) 1902, 1903 и т. д. *Brailsdorf*, *H. N.* Macedonie, London, 1906. *Noe Buxton*. „Europe and the Turks" London, 1907. *Engelhardt*, ministre. „La question macedoinienne", Paris, 1906. *M. Paillarès*, Imbroglio macedonien. Paris, 1907. *Victor Berard*, Pro Macedonia, 1904. Le brigandage en Macedoine. D'apres un Rapport Confidentiel adressé au Gouvernement bulgare, Paris, 1908. Turcs et Grecs contre Bulgares en Macedoine. Paris, 1904. Fin d'année rouge (Documents sur les band's grecques) Sofia, 1906. Уставъ на македонскиятъ таенъ революционенъ комитетъ. *René Pinon* „L'Europe et l'Empire Ottoman". Paris, 1909, см. гл. III—VI.

цузскій посланникъ Бомпаръ доноситъ Делькассе: „Графъ Ламсдорфъ поручилъ мнѣ увѣдомить васъ, что онъ раздѣляетъ точку зрѣнія австрійскаго кабинета по вопросу о реформахъ въ Македоніи. Онъ полагаетъ, что всякій проектъ расширенія мюрцштегской программы является въ настоящій моментъ неумѣстнымъ" [1])... Войдя во вкусъ единоличнаго попеченія о благѣ турецкихъ христіанъ, пользуясь ослабленіемъ Россіи, опираясь на союзъ съ Германіей и тайную поддержку Франціи, въ благодарность за политику Австріи въ Алжесирасѣ, предоставившей Габсбургамъ полную свободу дѣйствій на Балканахъ [2]), послѣдняя начинаетъ болѣе энергичную политику на полуостровѣ. И хотя въ октябрѣ 1907 г. Австрія и Россія снова выступаютъ съ *совмѣстной* нотой къ правительствамъ болгарскому, сербскому и греческому, порицая кровавую борьбу національностей въ Македоніи и даютъ новое толкованіе пресловутому III-му пункту [3]), угрожая своимъ гнѣвомъ бунтовщикамъ и смутьянамъ, но уже становится очевиднымъ, что Австрія начинаетъ играть доминирующую роль въ балканскомъ вопросѣ, предоставивъ Россіи лишь скромную роль помощника въ дѣлѣ осуществленія великодержавныхъ плановъ австрійской дипломатіи.

Въ октябрѣ 1906 г. въ Австріи пало министерство Голуховскаго. Мѣсто послѣдняго занялъ баронъ Эренталь, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ.

---

[1]) M-r Bompard, ambassadeur de la Republique française à S-t Petersbourg à M. Delcassé. Livre Jaune. Affaires de Macedoine, 1903—1905, см. № 107.

[2]) Рѣзкій поворотъ въ политикѣ Франціи по отношенію къ турецкимъ христіанамъ начинается со времени министерства Клемансо, при которомъ пресловутый французскій посланникъ въ Константинополѣ Констанъ, вѣрный другъ Абдулъ-Гамида, получаетъ, наконецъ, полную свободу дѣйствій. Французское правительство совершенно перестаетъ интересоваться участью турецкихъ христіанъ и особенно армянъ, въ защиту которыхъ Клемансо нѣкогда издавалъ „Pro Armenia" и съ лихорадочной энергіей, стараясь не отстать отъ Германіи, начинаетъ добиваться скорѣйшаго осуществленія тѣхъ и другихъ финансовыхъ комбинацій. „Неудобно безпокоить султана разговорами объ Арменіи или Македоніи—иронически замѣчаетъ Викторъ Бераръ—когда рѣчь идетъ о набережныхъ, угольныхъ копяхъ, маякахъ". „La Revolution turque", p. 313,237,151.

[3]) Оба правительства, признавъ наличность безмѣрнаго зла, которое неправильное толкованіе III пункта Мюрцштегской программы принесло населенію Македоніи въ теченіе четырехъ лѣтъ, заявляютъ, что они противопоставляютъ насильственной національзаціи, практикуемой бандами, слѣдующіе принципы: 1) Согласно самому тексту III пункта Мюрцштегской программы, измѣненія въ территоріальномъ распредѣленіи національныхъ единицъ въ Македоніи могутъ быть рекомендованы Высокой Портѣ лишь послѣ констатированія факта полнаго успокоенія страны и окончательнаго исчезновенія бандъ. 2) Упомянутый III пунктъ ложно толкуется, поскольку обѣимъ державамъ приписывается намѣреніе рекомендовать Турціи дѣленіе Македоніи на національныя сферы. Австрія и Россія никогда не имѣли подобнаго намѣренія. Въ подходящій моментъ онѣ предложатъ Портѣ только второстепенныя измѣненія въ разграниченіи страны, съ цѣлью сдѣлать административное управленіе болѣе легкимъ. 3) Это раздѣленіе страны по округамъ, имѣющееся въ виду правительствами обѣихъ странъ,—каковъ бы ни былъ его характеръ,—ни въ коемъ случаѣ не будетъ находиться въ зависимости отъ тѣхъ такъ называемыхъ національныхъ измѣненій, какія могутъ явиться результатомъ дѣятельности террористическихъ бандъ.

Эта перемѣна должна была имѣть великія международныя послѣдствія. Эренталь рѣшилъ выступить въ роли великаго государственнаго человѣка и доказать всему міру, что Австрія, о близкомъ якобы распаденіи и дѣлежѣ наслѣдства которой толковали многіе слишкомъ увлекающіеся публицисты [1]), достаточно сильна, наоборотъ, чтобы навязать свою волю Европѣ и осуществить великіе планы австрійскаго Drang nach Osten. Международное положеніе,—военный разгромъ Россіи и ухаживанія Франціи, которая дружбой съ Габсбургами старается ослабить опасность со стороны Гогенцоллерновъ,—какъ нельзя болѣе благопріятствовало великодержавнымъ австрійскимъ планамъ. 1-го мая 1907 г. Эренталь отправляется въ Берлинъ и проводитъ тамъ нѣсколько дней въ таинственныхъ переговорахъ съ германскими дипломатами. Въ іюнѣ того же года Италія возобновляетъ на 6 лѣтъ союзный договоръ съ Австріей и Германіей. 15 іюля Эренталь встрѣчается съ итальянскимъ министромъ Титтони въ Дезіо, а 22 августа Титтони дѣлаетъ отвѣтный визитъ Эренталю въ Сёммерингѣ. 12 (25) сентября состоялось свиданіе между Извольскимъ и Эренталемъ въ Вѣнѣ. Вся европейская оффиціозная печать подчеркиваетъ важность этихъ свиданій. Многія газеты указываютъ, что главнымъ предметомъ обсужденія во время этихъ переговоровъ явился балканскій вопросъ, относительно котораго заинтересованныя стороны пришли де къ полному и дружелюбному соглашенію. Однако, ясно, что всѣ эти сообщенія основываются на однѣхъ лишь догадкахъ. Скоро тайна разоблачается и истинная сущность переговоровъ между Извольскимъ, Эренталемъ и Титтони становится извѣстной всѣмъ.

Послѣ цѣлаго года предварительныхъ работъ и ощупываній почвы Эренталь неожиданно для непосвященныхъ въ январѣ 1908 г. въ рѣчи, произведшей громовое впечатлѣніе на всю Европу, заявилъ о рѣшительномъ намѣреніи Австріи соединить свои боснійскія желѣзныя дороги съ турецкими желѣзными дорогами, останавливающимися у Митровицы [2]). Чтобы осуще-

---

[1]) Особенно краснорѣчиво писалъ о роковой судьбѣ Австріи извѣстный французскій писатель Шерадамъ, см. его книгу: *André Cheradam* „L'Europe et la question d'Autriche au seuil du XX siecle" 3-me edition. 1901, prix 10 fr. Книга эта произвела сенсацію и Шерадамъ выпустилъ ее въ 1902 г., въ сокращенномъ изложеніи для широкихъ массъ см. Andre Cheradam „L'Allemagne, la France et la Question d'Autriche" Paris, 1902, prix 3 fr. 50. Вообще вопросъ о судьбахъ Австріи вызвалъ обширную литературу на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Создались даже особыя теоріи насчетъ будущаго Австріи: theorie de la *dislocation* (dissolution) de l'Autriche Hongrie—теорія разложенія Австріи—и theorie du *partage* de l'Autriche Hongrie—теорія раздѣла. Объ этихъ теоретическихъ построеніяхъ см. между прочимъ *René Henry* „Questions d'Autriche Hongrie et Question d'Orient", Paris, 1904.

[2]) Проектъ Санджакской дороги Сараево-Митровица выработанъ австро-венгерскимъ министерствомъ еще въ окт. 1900 г. Тогда же одинъ слухъ объ этомъ проектѣ вызвалъ сильную тревогу въ европейской печати и уже въ 1901 г. *Charles Loiseau* въ своемъ капитальномъ произведеніи: L'equilibre adriatique (L'Italie et la question d'Orient), Paris, 1901, подробно изслѣдовалъ вопросъ о военно-стратегическомъ зна-

ствить этотъ великій планъ, нужно было построить короткую желѣзнодорожную вѣтку всего въ 110 километровъ черезъ Новобазарскій санджакъ, занятый австрійскими войсками. Такимъ образомъ, одна желѣзнодорожная линія соединила бы Берлинъ, Вѣну, Салоники. По увѣренію Эренталя, эта дорога должна была имѣть исключительно экономическое значеніе. Она имѣла цѣлью открыть путь австрійскимъ товарамъ въ Индію и Египетъ. „Когда боснійская вѣтвь—увѣрялъ Эренталь—будетъ соединена съ оттоманской, наши товары направятся прямо въ Эгейское и Средиземное море. Съ другой стороны, есть надежда добиться въ самомъ скоромъ времени соединенія греческихъ и турецкихъ желѣзныхъ дорогъ, и такимъ образомъ Вѣна, Будапештъ, Сераево, Аѳины и Пирей будутъ соединены прямымъ сообщеніемъ, что создастъ кратчайшій путь между Центральной Европой, Египтомъ и Индіей“ [1]). Однако, эта рѣчь никого не обманула. Ясно было, что дѣло тутъ не только въ вопросѣ о сбытѣ австрійскихъ товаровъ, о мирныхъ интересахъ торговли и промышленности, на которые такъ часто и порой такъ лицемѣрно любятъ ссылаться государственные дѣятели даже въ томъ случаѣ, когда ими замышляются завоевательные планы, идущіе въ разрѣзъ съ желаніями и дѣйствительными интересами торгово-промышленныхъ классовъ своей страны. Естественный и кратчайшій путь изъ Австріи къ Эгейскому и Средиземному морямъ идетъ черезъ Сербію и пролегаетъ по равнинѣ, а не черезъ Новобазарскій санджакъ, по гористой мѣстности съ бѣднымъ и малокультурнымъ населеніемъ. Но все значеніе новой дороги должно было заключаться именно въ томъ, что она протягивалась, какъ грозная осадная параллель, вдоль западнаго фронта Сербіи и восточнаго—Черногоріи и врѣзывалась затѣмъ острымъ и могучимъ клиномъ въ разслабленное, распадающееся тѣло Европейской Турціи. Эта крошечная вѣтвь окончательно закрѣпляла господство Австріи въ Босно-Герцеговинѣ и Новобазарскомъ санджакѣ, сдавливала Черногорію и Сербію каждую въ отдѣльности полукольцомъ австрійскихъ штыковъ, укрѣпляла и усиливала доминирующее вліяніе Австріи въ Македоніи, а соединеніемъ греко-турецкой линіи въ Лариссѣ, давая возможность правительству дуалистической имперіи черезъ голову балканскихъ славянъ протянуть руку ихъ непримиримому врагу—Греціи, въ конечномъ счетѣ утверждала гегемонію Австріи въ Европейской Турціи, отдавая азіатскую въ распоряженіи Германіи.

Рѣчь Эренталя и обнаруженные ею планы имперіалистическихъ круговъ

чевіи этой дороги и опасностяхъ, которыми она грозитъ независимости балканскихъ народностей и сохраненію европейскаго равновѣсія. (См. гл. V. Les chemins de fer du Balcan occidental). О Санджакской желѣзной дорогѣ см. также очень интересную статью Милюкова: „Санджакская желѣзная дорога и приготовленія Австріи“. „Рѣчь“, 27 сент. 1908.

[1]) René Pinon. „L'Europe et l'Empire Ottoman“, p. 263.

Австріи вызвали сильное волненіе въ европейской прессѣ, особенно англійской, французской, итальянской и русской. „Новое Время“, „Русь“, „Слово“, Биржевыя Вѣдомости“, „Рѣчь“, „С.-Пет. Вѣдомости“ обрушились гнѣвными статьями по адресу лицемѣрнаго австрійскаго правительства, обвиняя его въ нарушеніи условій Мюрцштегскаго соглашенія и предсказывая неизбѣжный разрывъ между Австріей и Россіей. Русская пресса, равно какъ англійская и французская, доказывали, что проведеніе желѣзной дороги черезъ Новобазарскій санджакъ есть лишь первый шагъ по пути не только экономическаго, но и политическаго завладѣнія Македоніей вплоть до береговъ Эгейскаго моря, что выступленіе барона Эренталя съ его пресловутымъ проектомъ знаменуетъ собой конецъ соглашенія съ Россіей, такъ какъ имъ несомнѣнно нарушается statu quo на Балканахъ.—Въ виду кампаніи, поднятой прессой, баронъ Эренталь заявилъ, что онъ заранѣе предупредилъ о своихъ желѣзнодорожныхъ планахъ на Балканахъ Италію, Германію и *Россію* и не встрѣтилъ возраженія со стороны этихъ государствъ. Съ большимъ нетерпѣніемъ многіе ждали отвѣта Извольскаго на это неожиданное заявленіе Эренталя. 4 апр. 1908 г. Извольскій на засѣданіи Государственной думы выступилъ съ подробной рѣчью о политикѣ Россіи на ближнемъ востокѣ, при чемъ рѣшительно заявилъ, что онъ „безъ всякаго колебанія отказался вступить на тотъ путь“, на который его толкали многіе, именно „выступить съ протестомъ противъ фактической постройки Санджакской жел. дороги“. „Въ XX вѣкѣ—заявилъ министръ—вообще безразсудно и безплодно противиться расширенію чьихъ бы то ни было желѣзнодорожныхъ сообщеній и экономическихъ интересовъ“... „Нельзя оспаривать у Австро-Венгріи постройки Санджакской желѣзной дороги; у нея можно оспаривать только монополію желѣзныхъ дорогъ на Балканскомъ полуостровѣ“.

Чтобы отнять эту монополію у Австріи, Извольскій предложилъ проектъ перекрестной Дунайско-Адріатической желѣзной дороги, пресловутый проектъ, который подвергся серьезной и основательной критикѣ на столбцахъ русской и европейской прессы, зато, какъ „съ особымъ удовольствіемъ“ и лицемѣрной наивностью отмѣтилъ Извольскій, встрѣтилъ сочувствіе въ правящихъ кругахъ Австріи. Въ сочувствіи послѣднихъ желѣзнодорожныхъ проектамъ Извольскаго не было ничего удивительнаго. Проведеніе Дунайско-Адріатической желѣзной дороги черезъ высокія горы, непроходимыя болота и глубокія рѣки, которыхъ нельзя было бы избѣжать, вызвавъ необходимость въ сложныхъ и дорогостоющихъ работахъ по постройкѣ мостовъ, туннелей и т. д., стоило бы громадной суммы денегъ и при какихъ бы то ни было комбинаціяхъ давало бы ежегодно колоссальный дефицитъ, такъ что проектъ Извольскаго отнюдь не отымалъ монополію желѣзныхъ дорогъ Австріи на Балканахъ, а наоборотъ лишь закрѣплялъ ее.

Однако, торжество австро-германскихъ плановъ на Балканахъ сильно взволновало правящіе круги Англіи. Уже въ 1905 г. лордъ Лэнсдоунъ, излагая взглядъ великобританскаго правительства на македонскій вопросъ, заявилъ въ верхней палатѣ, что мандатъ возстановить порядокъ въ трехъ вилайетахъ былъ данъ Австріи и Россіи не на безконечный срокъ, и что насталъ моментъ, когда и другія державы могутъ возвысить свой голосъ по поводу балканскихъ дѣлъ [1]). Тогда же Россія и Австрія, забѣгая впередъ, чтобы этимъ отнять у Англіи поводъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, предложили проектъ морской демостраціи противъ султана, каковая съ участіемъ пяти державъ, за исключеніемъ Германіи, и состоялась въ Митиленѣ 27 октября. Теперь, съ момента охлажденія австро-русскихъ отношеній, Англія съ удвоенной энергіей берется за балканскія дѣла и прежде всего ищетъ соглашенія съ Россіей на этой почвѣ. Въ теченіе апрѣля мѣсяца ведутся оживленные переговоры между Англіей и Россіей. Несмотря на сильные протесты въ парламентѣ и многихъ органахъ прессы, настаивающихъ на томъ, чтобы свиданіе носило чисто семейный характеръ, король Эдуардъ рѣшаетъ предпринять поѣздку въ Ревель для торжественнаго оффиціальнаго свиданія съ русскимъ императоромъ и соглашенія по вопросамъ международной политики. Результатомъ свиданія явилось дальнѣйшее укрѣпленіе англо-русской дружбы и полное соглашеніе по персидскому и македонскому вопросу. Такъ какъ усиленіе австро-германскаго вліянія въ Турціи могло повлечь за собой полную гегемонію этихъ государствъ въ Оттоманской имперіи, англійское правительство рѣшило содѣйствовать расчлененію Турціи, чтобы такимъ образомъ вырвать хоть часть изъ рукъ австро-германскаго синдиката. Съ этой цѣлью по настоянію великобританскаго правительства и былъ предложенъ пресловутый англо-русскій проектъ реформъ, который долженъ былъ въ конечномъ счетѣ повести къ отдѣленію Македоніи отъ Турціи и образованію изъ нея самостоятельной области,—передового форпоста Англіи противъ австро-германскаго Drang nach Osten [2]).

Но ревельское свиданіе сыграло роль великаго историческаго событія и оказало совершенно неожиданно для русскаго и англійскаго правительствъ грандіозное вліяніе на судьбы Оттоманской имперіи. Союзъ между Россіей и Англіей, двумя государствами, историческая вражда которыхъ была въ глазахъ многихъ мусульманъ главной причиной сохраненія до сего времени Оттоманской имперіи, сильно взволновалъ сознательные круги турецкаго об-

---

[1]) См. Livre Jaune. Affaires de Macedoine, 1903—1905, p. 170 и 143 (№ 128, 109).

[2]) Англія выступила съ проектомъ назначенія въ Македоніи генералъ-губернатора „независимаго и несмѣняемаго". Понятно къ какимъ послѣдствіямъ для Оттоманской имперіи повело бы осуществленіе этого проекта. Русское правительство не рѣшилось идти такъ далеко за Англіей, и послѣдняя согласилась оставить Хильми-пашу въ его должности „генералъ-инспектора", отказалась, по настоянію Россіи, отъ требованія о сокращеніи турецкихъ войскъ въ Македоніи и т. д.

щества, услышавшаго въ звонѣ заздравныхъ кубковъ въ Ревелѣ погребальную пѣснь надъ Оттоманской имперіей. По словамъ многихъ историковъ турецкой революціи, главный герой ея, Энверъ-бей, при извѣстіи о ревельскомъ свиданіи и англо-русскомъ проектѣ реформъ три ночи подрядъ не могъ сомкнуть глазъ отъ волненія и горькихъ думъ о будущей судьбѣ дорогого отечества. Легендарный эпизодъ или историческій фактъ, какъ бы то ни было, младотурецкая партія рѣшила не откладывать дѣла въ долгій ящикъ и подняла знамя возстанія противъ стараго режима. Торжество младотурецкаго движенія, провозглашеніе турецкой конституціи вызвали необычайный взрывъ восторга во многихъ европейскихъ странахъ, особенно въ Англіи. Великобританское правительство рѣшило оказать возможное содѣйствіе новому режиму, видя въ созданіи самостоятельной и сильной Турціи могучій ударъ германскимъ планамъ на берегахъ Босфора и въ Малой Азіи. Бурныя волны младотурецкаго движенія сорвали съ якоря, лишили всякой базы англо-русскіе проекты македонскихъ реформъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ разбили устои, на которыхъ покоилось доминирующее вліяніе Вильгельма II въ Турціи. И это была лучшая компенсація, которой только могло желать англійское правительство. Но именно по тому, что торжество турецкой конституціи разбивало иллюзіи многихъ европейскихъ правительствъ насчетъ близкой кончины больного человѣка, передъ Турціей, освободившейся отъ англійскихъ интригъ, неожиданно обнаружилась новая опасность. Пробужденіе національнаго чувства и революціоннаго настроенія во всѣхъ провинціяхъ имперіи и особенно въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ мусульманское населеніе съ неописуемымъ энтузіазмомъ привѣтствовало провозглашеніе конституціи въ Константинополѣ и при кликахъ: „Да здравствуетъ турецкая Боснія, долой Австрію“ [1]) демонстрировала въ пользу объединенія съ остальной Турціей, далѣе пансербская агитація, наконецъ, сознаніе, что усиленіе Оттоманской имперіи разбиваетъ всѣ новые завоевательные планы и разсчеты на турецкое наслѣдство и заставляетъ опасаться за сохраненіе захваченной уже насчетъ Турціи добычи—все это побудило правящіе круги Австріи по соглашенію съ Болгаріей и послѣ предварительныхъ переговоровъ съ Россіей отважиться съ поразительнымъ цинизмомъ на рѣшительный шагъ, пользуясь переходнымъ состояніемъ, которое переживала Турція.

1 (14) сентября русскій министръ иностранныхъ дѣлъ прибылъ въ Вѣну. 2 (15) сентября Извольскій поѣхалъ въ Бухлау на свиданіе съ барономъ

---

[1]) „Une année de la politique exterieure“ par *Rene Moulin* et Serge de Chessin. Paris, 1909, см. стр. 250. Объясняя цѣлесообразность и необходимость для Австро-Венгріи аннексіи Босніи и Герцеговины венгерскій министръ Векерле указалъ на ростъ революціоннаго движенія въ этихъ провинціяхъ: „Мы не могли—заявилъ президентъ венгерскаго совѣта—смотрѣть сложа руки на развитіе движенія, которое вызвала турецкая революція въ оккупированныхъ нами областяхъ“. Matin 26 Novembre 1908.

Эренталемъ. Въ теченіе 2-хъ дней между русскимъ и австрійскимъ министрами ведутся какіе-то переговоры. Вся европейская пресса старается проникнуть въ тайну этихъ интригъ, но въ теченіе нѣкотораго времени все остается покрытымъ завѣсой непроницаемости. Однако, уже черезъ двѣ недѣли 17 (30) сентября англійскія газеты печатаютъ извѣстіе о томъ, что на свиданіи въ Бухлау былъ рѣшенъ вопросъ объ окончательномъ присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австріи. И дѣйствительно, въ настоящее время установлено, что во время переговоровъ шла рѣчь именно о Босніи и Герцеговинѣ, и Извольскій съ Эренталемъ столковались насчетъ согласованнаго образа дѣйствій. 20 сентября (3 октября) графъ Кевенвюллеръ, австрійскій посланникъ при французскомъ правительствѣ, увѣдомилъ президента Французской республики объ аннексіи оккупированныхъ провинцій, а черезъ два дня,—по возвращеніи принца Фердинанда изъ Будапешта послѣ свиданія съ Францемъ-Іосифомъ,—болгарское правительство, которое незадолго передъ тѣмъ, воспользовавшись забастовкой турецкихъ рабочихъ на Румелійской желѣзной дорогѣ, заняло эту линію болгарскими штейкбрехерами и солдатами и объявило эту дорогу окончательной собственностью княжества, провозгласило Болгарію независимымъ государствомъ, а Фердинанда—царемъ болгаръ. 24 сентября (7 октября) въ Будапештѣ и Вѣнѣ публикуется рядъ актовъ, касающихся окончательнаго присоединенія Босніи и Герцеговины, и въ тотъ же день австро-венгерскій посолъ при Высочайшемъ дворѣ графъ Берхтольдъ сообщаетъ Императорскому русскому правительству циркулярную депешу отъ барона Эренталя о рѣшеніи Вѣнскаго кабинета „возвратить себѣ полную свободу дѣйствій относительно Босніи и Герцеговины". И такъ въ тотъ моментъ, когда Турція переживала критическій періодъ своего существованія и новому правительству приходилось напрягать всѣ свои силы, чтобы урегулировать внутреннее положеніе вещей, Оттоманская имперія была неожиданно атакована извнѣ. Несомнѣнно, что у австрійскаго и болгарскаго правительствъ, опиравшихся на поддержку русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, имѣлись болѣе широкіе планы, чѣмъ присоединеніе оккупированныхъ провинцій съ одной стороны, захватъ Румелійской дороги и провозглашеніе Болгарскаго царства съ другой. Вѣдь, одинъ изъ болгарскихъ министровъ открыто заявлялъ, что онъ де не понимаетъ поведенія Сербіи: если послѣдняя чѣмъ нибудь недовольна, пусть беретъ то, что у нея подъ рукой, намекая на необходимость занятія Сербіей турецкой территоріи. Такимъ образомъ, была ясна цѣль тѣхъ, кто открылъ „восточный кризисъ"—противоставить возрождающейся Турціи эгоистическіе интересы враждебныхъ ей христіанскихъ государствъ Балканскаго полуострова, вызвать конфликтъ между христіанскимъ и мусульманскимъ населеніемъ внутри самой Турціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы окончательно подорвать курсъ турецкихъ бумагъ на международной биржѣ, ухудшить финансовое положеніе Турціи и ускорить крушеніе революціи, болгарская и австрійская пресса распространяютъ завѣдомо ложныя извѣстія о всеобщемъ возстаніи въ Албаніи, о неминуемомъ отдѣленіи Крита, Самоса, о большихъ сраженіяхъ между турецкими войсками и сильными отрядами возставшихъ арабовъ, о кровавыхъ армянскихъ и еврейскихъ погромахъ въ Малой Азіи, наконецъ, о мобилизаціи грозной болгарской арміи, рвущейся въ бой и способной черезъ нѣсколько дней побѣдоноснаго похода очутиться подъ стѣнами Константинополя, и вообще рисуетъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ внутреннее и внѣшнее положеніе Оттоманской имперіи, предсказывая неминуемый разгромъ младотурецкой партіи и возстановленіе стараго режима на развалинахъ Турціи.

Австро-болгарскія интриги, поддерживаемыя втайнѣ Извольскимъ [1]), вызвали бурю негодованія въ Лондонѣ. Англійская печать единодушно и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ протестуетъ противъ „скандальнаго“ и „циничнаго“ нарушенія Берлинскаго договора. Въ такомъ же тонѣ комментируетъ фактъ „аннексіи“ вся русская печать, которая при этомъ подвергаетъ суровой критикѣ политику нашего правительства въ данномъ вопросѣ. Всѣ попытки Извольскаго доказать свое непричастіе къ австро-венгерскимъ планамъ терпятъ полное фіаско. 8 октября „Le Temps“ печатаетъ со словъ Извольскаго оффиціальное изложеніе политики русскаго правительства. Русскій министръ признаетъ, что баронъ Эренталь предупредилъ его о готовящейся аннексіи Босніи и Герцеговины, по поводу чего онъ, Извольскій, высказалъ де свое неодобреніе плану Эренталя, прибавивъ, однако, что нарушеніе Австріей условій Берлинскаго договора не можетъ служить casus belli между Россіей и Австріей. Высказавшись затѣмъ въ томъ смыслѣ, что уступка Австріей Новобазарскаго санджака Турціи составляетъ достаточную компенсацію для послѣдней, равно какъ для маленькихъ балканскихъ государствъ, видѣвшихъ въ оккупаціи санджака австрійскими войсками вѣчную

---

[1]) Если прежде можно было строить лишь одни гипотезы насчетъ мотивовъ, побудившихъ русскую дипломатію принять ревностное участіе въ этихъ интригахъ, то въ настоящее время послѣ правительственнаго отвѣта на статью, напечатанную въ ноябрской книгѣ „Fortinghtly Review“ и интересной полемики между „Рѣчью“ и „Новымъ Временемъ“ по вопросу о политикѣ Извольскаго на Балканахъ, можно считать установленнымъ что нашъ предусмотрительный министръ уже въ секретномъ мемуарѣ, адресованномъ 19 іюня 1908 г. вѣнскому кабинету, пытался учесть результаты „различныхъ случайностей“: насильственной смерти султана и перемѣны династіи въ Турціи, измѣненія режима или даже расчлененія Оттоманской имперіи и заранѣе дѣлалъ совмѣстно съ Эренталемъ пробудившуюся къ новой жизни Турцію, какъ онъ это сдѣлалъ совмѣстно съ Англіей по отношенію къ конституціонной Персіи.

угрозу ихъ независимости. Извольскій въ заключеніе высказался о необходимости компенсацій и для другихъ государствъ. Такимъ образомъ, политика Извольскаго вполнѣ выяснилась. Вначалѣ русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, зная о подготовляющейся аннексіи Босніи и Герцеговины и провозглашеніи одновременно болгарской независимости, не заикается о надвигающихся событіяхъ при свиданіи съ англійскимъ и французскимъ министрами иностранныхъ дѣлъ [1]), боясь противодѣйствія этимъ планамъ со стороны „союзнаго" и „дружественнаго" Россіи государствъ и разсчитывая, что неожиданные „выпады" австрійскаго и болгарскаго правительствъ возбудятъ шовинистическое настроеніе въ мусульманскомъ населеніи Турціи, подымутъ шансы реакціи въ сосѣднемъ государствѣ и, запутавъ до крайности балканскій узелъ, развяжутъ руки Россіи и дадутъ ей возможность добиться пересмотра Парижскаго трактата и Берлинскаго договора относительно Босфора. Дарданеллъ и т. п. Затѣмъ, когда, съ одной стороны, эти надежды оказываются разбитыми благодаря рѣшительному противодѣйствію Франціи и особенно Англіи, не желающихъ допустить расчлененія Оттоманской имперіи, а съ другой—планы нашихъ дипломатовъ подвергаются основательной критикѣ на страницахъ русской же прессы, доказывающей, что Россія ничего не можетъ выиграть отъ открытія Дарданеллъ для свободнаго прохода своихъ военныхъ судовъ [2]), наше правительство начинаетъ подстрекать Сербію противъ Австріи. Наша дипломатія выступаетъ съ проектомъ конференціи о пересмотрѣ условій Берлинскаго договора и навязываетъ сербамъ роковую мысль о „территоріальной компенсаціи". Между тѣмъ, во всѣхъ внѣшнихъ злоключеніяхъ Сербіи виновна прежде всего оффиціальная Россія, расплачи-

---

1) Многіе французскіе и англійскіе дипломаты никакъ не могли допустить первоначально мысль о возможности такого коварства со стороны Извольскаго; „хотѣлось вѣрить"—писалъ недавно Бераръ—„что Извольскій самъ былъ жертвой вѣнскаго вѣроломства; можно ли вообразить, говорили многіе, чтобы Извольскій, этотъ основатель, духовникъ, чуть ли не мученикъ Тройственнаго соглашенія, былъ бы посвященъ въ секретные замыслы Австріи и скрылъ ихъ отъ насъ, его Парижскихъ друзей, и отъ своихъ друзей въ Лондонѣ". („Souci National" par Victor Berard. Revue de Paris 1910 № 3). Однако ларчикъ просто открывается. Суть въ томъ, что Извольскій собирался потолковать въ Парижѣ и Лондонѣ о займѣ въ 1 милліардъ 200 милліоновъ. Онъ понималъ, что одинъ лишь слухъ о планахъ Австріи и грозящихъ международныхъ осложненіяхъ вызоветъ панику на биржѣ и во всякомъ случаѣ помѣшаетъ осуществленію нашихъ проектовъ о новомъ займѣ. Поэтому-то онъ и рѣшилъ скрыть замыслы Австріи отъ своихъ союзниковъ и друзей, разсчитывая заключить заемъ прежде, чѣмъ тучи покажутся на горизонтѣ, а потомъ подумать и о „компенсаціяхъ".

2) См. очень дѣльныя статьи въ „Новомъ Времени" („Дарданеллы" „Международная конференція и проливы") отъ 4, 16 октября 1908, затѣмъ въ „Русскомъ Словѣ" 26 сент. (Гнилыя компенсаціи). Вообще же по вопросу о Дарданеллахъ см. работу *С. Горячкова* „Босфоръ и Дарданеллы" (Изслѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ Государственномъ и С.-Петербургскомъ Главныхъ архивахъ). Спб. 1907, стр. 355.

вавшаяся всегда небольшими славянскими государствами, какъ мелкой, размѣнной монетой при своихъ счетахъ съ европейскими державами. Еще въ 1877 г., когда на свиданіи въ Рейхштадтѣ Андраши изложилъ представителю Россіи ту же точку зрѣнія на босно-герцеговинскій вопросъ, которую недавно защищалъ Эренталь, Россія своей подписью санкціонировала требованія Австріи, купивъ этимъ нейтралитетъ послѣдней въ войнѣ за славянскихъ братушекъ [1]). И на свиданіи въ Бухау Извольскій далъ carte blanche Эренталю по отношенію къ Босніи и Герцеговинѣ очевидно въ интересахъ тѣхъ же братушекъ. Болѣе того, какъ писала „Рѣчь“: „А. П. Извольскій самъ *первый и добровольно* предложилъ Австріи еще 6 іюня 1908 г. присоединить Боснію подъ условіемъ открытія проливовъ. Онъ ѣхалъ въ Бухлау съ *„заранѣе составленнымъ рѣшеніемъ“* [2]). Какъ бы то ни было, если нынѣ и неизвѣстно пока точное содержаніе документа, подписаннаго Извольскимъ, однако мы видѣли, что какъ только нашъ ми-

---

[1]) Какъ извѣстно, на засѣданіи Государственной думы Извольскій, критикуя тѣхъ, кто требовалъ отъ него „рѣзкаго протеста противъ присоединенія Босніи и Герцеговины“, заявилъ, что русскій министръ не „можетъ дѣйствовать въ этомъ вопросѣ внѣ *всякой зависимости отъ политической преемственности и отъ предыдущихъ обязательствъ*“. Оффиціозная австрійская пресса разъяснила сущность этихъ обязательствъ. „Neues Pester Journal“ 27 дек. 1908 г. заявилъ, что на свиданіи 1877 г. въ Рейхштадтѣ между императорами Францемъ Іосифомъ и Александромъ II было принято слѣдующее соглашеніе: въ случаѣ, если Черногорія и Сербія выйдутъ побѣдителями изъ конфликта съ Турціей, Австрія получитъ свободу дѣйствій для овладѣнія Босніей и Герцеговиной въ вознагражденіе за нейтралитетъ въ русско-турецкой войнѣ. Въ 1877 г. графъ Андраши и русскій посланникъ Новиковъ подписали тайное соглашеніе въ Будапештѣ, ратификованное ихъ государями, по которому въ случаѣ территоріальныхъ измѣненій въ Турціи, которыя сдѣлаютъ послѣднюю неспособной умиротворить Боснійскій и Герцеговинскій вилайеты и *защищать ихъ противъ Сербіи и Черногоріи*, Австрія имѣетъ право овладѣть этими вилайетами, за исключеніемъ санджака, о которомъ будетъ особое соглашеніе позже. Наконецъ, спеціальный протоколъ, подписанный въ Берлинѣ 13 іюля 1878 г. между Андраши и Горчаковымъ, установилъ по отношенію къ обѣимъ сторонамъ значеніе Берлинскаго договора; этотъ протоколъ гласитъ, что Россія не будетъ дѣлать никакихъ возраженій, если Австро-Венгрія замѣнитъ Турцію въ санджакѣ и „окончательно займетъ эту территорію, какъ остатокъ Босніи и Герцеговины“; въ свою очередь, Австрія обязуется дипломатически поддерживать Россію Neue Freie Presse 28 дек. 1908 г. прибавилъ, что союзный договоръ трехъ императоровъ въ 1881 г., срокъ которому долженъ былъ истечь черезъ три года, давалъ Австріи право аннексировать оккупированныя провинціи. Эти секретные австро-русскіе договоры, содержаніе которыхъ разоблачается теперь съ большей или меньшей точностью, уже сами по себѣ проливаютъ свѣтъ на сущность той „политической преемственности и предыдущихъ обязательствъ“, о которыхъ говорилъ Извольскій.

[2]) „Рѣчь“ 23 сент. 1909. „Годовщина аннексіи“. Подробнѣе о всѣхъ этихъ дипломатическихъ мѣрахъ см. столь нашумѣвшую статью въ Fortinghtly Review, ноябрь 1909. M-r *Isvolsky and count von Aehrenthal: A Rectification* by Vox Alterae Partis. Эта статья является отвѣтомъ на статью, помѣщенную въ сентябрской книжкѣ того же журнала: Baron Aerenthal M-r Isvolsky: Diplomatic Enigmas“ и являющуюся защитительной статьей въ пользу Извольскаго и русской политики на Ближнемъ Востокѣ. Обѣ статьи, несомнѣнно, написаны лицами, очень близкими къ министрамъ, въ защиту которыхъ эти статьи напечатаны.

нистръ пытался изобразить изъ себя человѣка, якобы недовольнаго политикой Эренталя, послѣдній, прибѣгая къ дипломатитическому шантажу, нагибался къ своему портфелю и дѣлалъ видъ, будто онъ хочетъ вынуть оттуда какую-то бумажку. И этого жеста было достаточно, чтобы заставить „сѣвернаго медвѣдя" неуклюже поплясать на дипломатическомъ канатѣ. И этого достаточно для насъ, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что Россія вторично поставила свою подпись на купчей о закрѣпленіи аннексированныхъ провинцій за Австріей. Къ несчастью, сербскіе правящіе круги оказались настолько недальновидными, что поддались на удочку провокацій и начали борьбу, которая чуть было не кончилась для нихъ полной катастрофой. Когда въ январѣ 1908 г. Эренталь выступилъ съ своимъ знаменитымъ проектомъ Новобазарской желѣзной дороги, которая должна была окончательно отдѣлить Сербію отъ Черногоріи и пройти, какъ осадная параллель, вдоль западнаго фронта Сербіи и открыть Австріи дорогу на Салоники,—русское правительство, которому, какъ установлено, было *заранѣе* сообщено Австріей объ этомъ проектѣ, выступило какъ бы въ противодѣйствіе австрійскимъ планамъ съ проектомъ Дунайско-Адріатической желѣзной дороги, которая, въ свою очередь, должна была пройти вдоль Балканскаго полуострова, но уже съ востока на западъ и перерѣзать австрійскую линію какъ разъ въ срединѣ, у знаменитаго въ сербской исторіи Коссово. Этимъ проектомъ оффиціальная Россія какъ бы говорила Сербіи и всему славянству: „братья славяне, въ тотъ моментъ, когда вамъ у Коссово снова придется дать великую битву врагамъ славянства, идущимъ уже не съ юга, а съ сѣвера, святая Русь, какъ одинъ человѣкъ, станетъ рядомъ съ вами на томъ самомъ бранномъ полѣ, гдѣ лежатъ ваши геройскіе предки, чтобы общими усиліями дать отпоръ надвигающемуся германизму". И славяне повѣрили этимъ сказкамъ и обѣщаніямъ нашей дипломатіи отстаивать территоріальныя компенсаціи для Сербіи. 15 октября наслѣдникъ сербскаго престола королевичъ Георгій прибылъ въ Петербургъ. Во всей русской прессѣ начинается сильная агитація въ пользу несчастной Сербіи, очутившейся вмѣстѣ съ австрійской аннексіей Босніи и Герцеговины и отторженіемъ отъ Адріатическаго моря въ глухо-заколоченномъ гробу. Увѣренная въ поддержкѣ Россіи и другихъ европейскихъ государствъ, маленькая Сербія бросила вызовъ могучему сопернику.

Но когда насталъ роковой часъ, и Австрія, мобилизовавъ цѣлыхъ пять корпусовъ, потребовала отъ Сербіи, во-первыхъ, немедленнаго разоруженія и распущенія резервистовъ, во-вторыхъ, удаленія четъ съ боснійской границы, въ третьихъ, формальнаго отказа отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла Босніи и Герцеговины, которыя являются „частями австро-венгерской имперіи", въ четвертыхъ прямого заявленія, что Сербія намѣрена поддерживать добрососѣдскія отношенія съ Австріей, однимъ словомъ, полной и безу-

словной сдачи на милость вѣнскаго правительства безъ какого бы то ни было посредничества постороннихъ державъ, именно въ этотъ роковой моментъ, когда рѣшались судьбы маленькой славянской страны, оффиціальная Россія явилась на rendez-vous въ Коссово только для того, чтобы, подобно сербскому измѣннику, воеводѣ Вуку Бранковичу, перейти на сторону врага со всѣмъ своимъ оружіемъ.

Не предупредивъ даже Франціи и Германіи о готовящемся шагѣ, не считаясь съ тѣмъ затруднительнымъ положеніемъ, въ которое оно ставило правительства и дипломатію этихъ странъ, связанныхъ съ Россіей дружбой и договорными отношеніями, наше правительство 25 марта—немедленно послѣ того, какъ Австрія, не довольствуясь уступчивостью Сербіи, заявившей, что она отрекается отъ требованій территоріальныхъ компенсацій и передаетъ свою судьбу въ руки державъ, подписавшихъ Берлинскій договоръ, готовилась уже вручить бѣлградскому правительству ультиматумъ,—неожиданно заявило, что оно оффиціально признаетъ аннексію Босніи и Герцеговины и предоставляетъ Сербію своей собственной судьбѣ. А незадолго передъ тѣмъ само же русское правительство побудило Сербію отречься отъ внушенной ей русскими же дипломатами идеи „территоріальныхъ компенсацій". Такъ снова классическимъ coup de Sarnac кончилась трагическая для Сербіи исторія, въ которой русской дипломатіи пришлось лишній разъ сыграть традиціонную роль, а сербскому народу лишній разъ выполнить свою великую миссію служить удобной размѣнной монетой при сведеніи русскихъ счетовъ съ Австро-Венгріей.

Поспѣшное признаніе Россіей аннексіи Босніи и Герцеговины вызвало сильное возбужденіе противъ русскаго правительства во всей демократической печати Англіи, во многихъ органахъ ея консервативной прессы и глубокое недоумѣніе и негодованіе въ Россіи. Міровому престижу Россіи, ея вліянію въ Сербіи и на Балканскомъ полуостровѣ нанесенъ былъ жестокій, во многихъ отношеніяхъ непоправимый ударъ. Русская дипломатія стремилась въ данномъ случаѣ къ обостренію вопроса о Босніи и Герцеговинѣ отнюдь не въ интересахъ Сербіи, а только для того, чтобы добиться созыва конференціи, на которой, какъ это было до сихъ поръ на всѣхъ международныхъ конференціяхъ, гдѣ участь маленькихъ государствъ рѣшалась хищными сосѣдями, можно было бы подбросить хворосту подъ балканскій костеръ, поставить вопросъ о „компенсаціяхъ", о Критѣ, объ Албаніи, о проливахъ и, въ концѣ концовъ, продать Боснію и Герцеговину съ Сербіей на придачу на выгодныхъ условіяхъ „австріяку".

Планы русской дипломатіи были слишкомъ очевидны, чтобы ей удалось обмануть кого-нибудь, кромѣ несчастной Сербіи, гдѣ крики отчаянія заглушили голосъ разсудка. При первыхъ же извѣстіяхъ о предложенной

Извольскимъ программѣ будущей конференціи, о всѣхъ этихъ „компенсаціяхъ“ особенно встревожилась, и не безъ основанія, Турція. Первоначально глубоко возмущенная актомъ Эренталя, оффиціально протестовавшая противъ нарушенія Берлинскаго договора, объявившая и проведшая съ такой изумительной настойчивостью и выдержкой экономическій бойкотъ противъ Австріи, Турція при первыхъ же извѣстіяхъ о программѣ Извольскаго отказывается отъ идеи конференціи, на созывѣ которой она сама же незадолго передъ тѣмъ настаивала; боясь потерять и то, что у нея осталось, Турція начинаетъ обнаруживать стремленіе примириться съ Австріей, чтобы, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ послѣдней найти союзника въ моментъ опасности. 14 (27) февраля подписывается соглашеніе, по которому Турція уступаетъ Австріи Боснію и Герцеговину и получаетъ обратно Новобазарскій санджакъ и 54 милліона кронъ въ видѣ вознагражденія за недвижимое имущество оттоманскаго правительства въ оккупированныхъ провинціяхъ [1]). Такимъ образомъ, благодаря притязаніямъ Извольскаго добиться „компенсацій“ для всѣхъ государствъ [2]), ограбленная Турція, справедливо опасаясь, что всѣ компенсаціи могутъ совершиться лишь за ея счетъ, бросается въ объятія Австріи, которая, захватывая Боснію и Герцеговину, все-таки возвращаетъ Новобазарскій санджакъ, а Сербія, по винѣ Россіи, теряетъ въ лицѣ Турціи своего единственнаго, естественнаго при данныхъ условіяхъ союзника, оставшись одна лицомъ къ лицу со своими слабыми силами передъ могучимъ противникомъ.

Но нужно признать въ интересахъ справедливости, что если Сербія очутилась въ безвыходномъ положеніи и является съ точки зрѣнія многихъ славянскихъ публицистовъ „конченной страной“, вина за этотъ роковой для сербскихъ патріотовъ исходъ падаетъ не только на русскую дипломатію, но и на ту часть нашей оппозиціонной печати, которая, выхвативъ изъ рукъ реакціи націоналистическое знамя, ея единственный психологическій рессурсъ, возбуждала въ сербскомъ народѣ несбыточныя надежды, поддерживая иллюзіи о помощи Россіи. Вмѣсто того, чтобы рѣшительно и категорически заявить сербамъ: „Оставь надежду всякъ сюда входящій!.. рабская Россія не можетъ помочь ни одному порабощенному народу“, многіе органы русской печати писали въ такомъ духѣ, какъ будто сербы не должны отказаться отъ надежды на помощь Россіи и тѣмъ самымъ толкнули маленькую страну на рискованный поединокъ съ могучимъ сосѣдомъ.

Февраль 1910 г.

Мих. Павлôвичъ.

---

1) Полный текстъ австро-турецкаго договора см. „Р. Богатство“, 1909 № 3. „Политика“ Южакова.

2) См. упомянутое выше интервью съ Извольскимъ. Le Temps, 8 Octobre 1908.

Общая политика правительства и измѣненія въ государственной организаціи въ періодъ 1905—1907 г.г.

Ф. ДАНЪ.

Общая политика правительства и измѣненія въ государственной организаціи въ періодъ 1905—1907 г.г.

I.

9 января—6 августа 1905 г.

Съ 9 января 1905 года начинается новая полоса въ исторіи русской общественности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, русскаго государственнаго строя и русской государственной власти.

Что, несмотря на всѣ предшествующіе предреволюціонные симптомы, день 9 января въ его историческомъ значеніи былъ неожиданностью для государственной власти,—это не подлежитъ сомнѣнію. Но до сихъ поръ не имѣется достаточно безспорныхъ данныхъ, чтобы съ точностью установить роль, которую играла политика правительства или отдѣльныхъ его представителей въ цѣпи событій, предшествовавшихъ дню 9 января и подготовившихъ его.

Несомнѣннымъ можно считать слѣдующее: движеніе развивалось подъ непосредственнымъ руководствомъ легализованной рабочей организаціи, созданной при содѣйствіи и покровительствѣ высшихъ чиновъ полиціи и администраціи (петербургскій градоначальникъ, генералъ Фуллонъ, и мин. вн. дѣлъ В. К. Плеве). Въ самый ходъ движенія власти почти не вмѣшивались,—и при томъ не только тогда, когда оно по внѣшности носило экономическій характеръ, но и тогда, когда на многолюдныхъ рабочихъ собраніяхъ начали раздаваться политическія рѣчи и стала зрѣть мысль о шествіи къ Зимнему Дворцу. И въ рѣзкомъ контрастѣ съ этою политикою невмѣшательства стоитъ безпощадная расправа съ манифестантами въ самый день „кроваваго воскресенья".

Правительственное сообщеніе объясняетъ невмѣшательство полиціи и общей администраціи въ бурно разгоравшееся движеніе слѣдующимъ образомъ: „Въ виду того, что стачка не была соединена съ нарушеніемъ порядка, никакихъ репрессивныхъ мѣръ властями предпринимаемо не было, и со времени ея возникновенія не было произведено ни одного ареста и обыска въ рабочей средѣ". Недостаточность этого объясненія очевидна. Во-первыхъ, правительственное сообщеніе говоритъ лишь о „репрессивныхъ" мѣрахъ; этимъ

во всякомъ случаѣ не объясняется полная пассивность властей, выразившаяся въ непринятіи какихъ бы то ни было мѣръ, хотя бы въ видѣ предупрежденія рабочихъ объ отношеніи правительства къ затѣваемымъ ими шагамъ. Во-вторыхъ, вся административная практика этого времени исключаетъ всякую мысль о томъ, чтобы не только всеобщая стачка сама по себѣ, но и лихорадочно возбужденные, многотысячные митинги во всѣхъ рабочихъ кварталахъ дѣйствительно не казались властямъ „нарушеніемъ порядка". Наконецъ, никакихъ мѣръ, ни репрессивныхъ, ни предупредительныхъ, не было принято и тогда, когда, по изложенію правительственнаго сообщенія, общество фабричныхъ и заводскихъ рабочихъ съ Гапономъ во главѣ „съ утра 8 января перешло къ пропагандѣ явно революціонной", и началось „подстрекательство подпольныхъ революціонныхъ кружковъ" [1]). Депутаціи общественныхъ дѣятелей (К. Арсеньевъ, Г. Гессенъ, М. Горькій и др.), которую впослѣдствіи старались изобразить зародышемъ намѣченнаго уже „временнаго правительства", предсѣдатель комитета министровъ, С. Ю. Витте отвѣтилъ указаніемъ на свое безсиліе что-либо сдѣлать, а товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующій полиціею, генералъ Рыдзевскій,—совѣтомъ убѣждать рабочихъ не ходить ко дворцу. Но само министерство и въ этотъ день 8 января не сочло нужнымъ довести этотъ свой совѣтъ до свѣдѣнія жителей столицы, и единственной принятой властями притомъ секретной мѣрой было стратегическое раздѣленіе Петербурга на военные участки.

Точно также недостаточно опредѣленно и объясненіе, даваемое правительственнымъ сообщеніемъ обрушившейся на манифестантовъ жестокой репрессіи: „Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между ними (рабочими) и войсками, вслѣдствіе упорнаго сопротивленія толпы подчиниться требованіямъ разойтись, а иногда даже нападенія на войска, произошли кровопролитныя столкновенія". Но случаевъ „нападенія на войска" невооруженныхъ рабочихъ не было и вообщеніе не указываетъ ихъ; не было и „столкновеній", если не считать такъ называемыхъ „баррикадъ" изъ телеграфныхъ столбовъ на Васильевскомъ островѣ, построенныхъ, однако, уже послѣ главныхъ разстрѣловъ и защищавшихся кучкой рабочихъ, вооруженныхъ холоднымъ оружіемъ и парой револьверовъ.

Сопротивленіе же толпы „подчиниться требованіямъ разойтись", конечно, могло быть преодолѣно другими средствами, чѣмъ залпы, унесшіе сотни людей въ могилу и переполнившіе больницы ранеными.

Такимъ образомъ, правительственное сообщеніе по поводу дня 9 января оставляетъ совершенно безъ освѣщенія поведеніе властей въ разыгрывавшихся

---

[1]) Въ дѣйствительности, переходъ къ политической пропагандѣ, вмѣшательство революціонныхъ организацій, какъ и мысль о петиціи и пр. относятся не къ 8 января, какъ это утверждаетъ правительств. сообщеніе, а къ 5—7.

событіяхъ. Можно лишь предполагать, что пассивность властей вплоть до самаго дня 9 января обусловливалась самыми различными мотивами. Значительную роль сыграла тутъ, несомнѣнно, общая внутренняя слабость и неувѣренность правительства, расшатаннаго ударами войны и напоромъ общественнаго движенія.

Дѣйствовала и связанная съ этимъ сознаніемъ внутренней слабости режима нерѣшительность и колебанія отдѣльныхъ представителей его, ихъ боязнь встать въ слишкомъ рѣзкое противорѣчіе съ общественнымъ движеніемъ, которому, быть можетъ, вскорѣ суждено окончательное торжество [1]).

Но, кромѣ этихъ элементовъ нерѣшительности и неустойчивости, въ опредѣленіи политики властей по отношенію къ январьскому движенію, играли роль и другіе. Какъ извѣстно, самому возникновенію и развитію „гапоновскаго" общества администрація оказывала содѣйствіе въ разсчетѣ отвлечь такимъ образомъ рабочихъ отъ участія въ политическомъ движеніи. Естественно было теперь, въ эпоху кризиса и подъема движенія либеральныхъ слоевъ имущаго общества, попытаться воспользоваться для противодѣйствія этому движенію результатами этой политики „отвлеченія", или, по крайней мѣрѣ, пассивнымъ отношеніемъ къ разбушевавшейся рабочей стихіи дать ей возможность произвести запугивающее и „отрезвляющее" воздѣйствіе на либеральные общественные верхи. Поступать такимъ образомъ значило, въ концѣ концовъ, лишь продолжать идти по тому руслу, которое было уже— хотя пока еще лишь очень легкими чертами—намѣчено такъ называемыми „патріотическими" манифестаціями, еврейскими погромами, избіеніями земскихъ служащихъ, учащихся и т. д.

Уровень развитія и общее настроеніе широкихъ рабочихъ массъ, казалось, позволяли считать небезнадежными такого рода разсчеты. Если внимательно присмотрѣться даже къ окончательному идейно-политическому продукту движенія—знаменитой петиціи, то и въ ней можно безъ труда замѣтить сочетаніе двухъ противорѣчивыхъ элементовъ: широкія политическія соціально-экономическія требованія, съ одной стороны, наивная вѣра и патріархальный складъ мышленія и чувствъ, съ другой. Въ текстѣ петиціи отразилось дѣйствительное состояніе петербургскаго рабочаго класса въ ту эпоху: сравнительно тонкій слой передовыхъ рабочихъ съ развитымъ классовымъ *созна-*

---

[1]) Въ этомъ смыслѣ характерныя свѣдѣнія о визитѣ Гапона 6 января министру юстиціи Н. Муравьеву. Гапонъ предлагалъ министру сыграть историческую роль, взявъ на себя передачу петиціи по назначенію. Министръ лишь послѣ долгаго колебанія отказался отъ предложенія своего собесѣдника, которому, между прочимъ, еще до начала бесѣды гарантировалъ безопасность отъ ареста. 20 января Н. В. Муравьевъ былъ назначенъ посломъ въ Италію, а мѣсто министра юстиціи занялъ С. С. Манухинъ.

міемъ, опирающійся въ своихъ требованіяхъ на темныя широкія массы, въ которыхъ лишь начинаетъ говорить стихія классоваго *инстинкта* и на всей психологіи которыхъ еще лежитъ тяжелая печать стараго патріархально-крѣпостническаго уклада.

Историческая обстановка, въ которой протекало январьское движеніе 1905 года, опрокинула всѣ разсчеты на использованіе съ реакціонными цѣлями разбушевавшейся рабочей стихіи, находившейся, какъ казалось вначалѣ, подъ безраздѣльнымъ вліяніемъ такой политически двусмысленной организаціи, какъ гапоновская. Ударъ войны, экономическій кризисъ, просачивающіяся въ низы вліянія либеральной „весны" и лихорадочная соціалдемократическая агитація, опиравшаяся на десятилѣтіе предшествующей работы,—все это позволило передовому слою рабочихъ политически овладѣть массовой стихіей, сдѣлать январьское движеніе исходной точкой сознательной политической борьбы рабочаго класса и придать событіямъ характеръ не угрозы по адресу умѣренно-либеральнаго движенія верховъ, а, наоборотъ,—фактора, вливающаго и въ это движеніе новыя силы, толкающаго и его далеко за предѣлы, достигнутые до тѣхъ поръ.

При той лихорадочной быстротѣ, съ какою протекали событія, вся эта эволюція совершилась въ нѣсколько дней, и когда она была замѣчена,—было уже поздно принимать предупредительныя мѣры, пришлось считаться съ наличностью мощнаго, массоваго движенія, написавшаго на своемъ знамени политическія требованія демократіи. Пассивное laisser faire смѣнилось паническимъ страхомъ и полною растерянностью, приведшею, въ концѣ концовъ, къ расправѣ, ни съ какой точки зрѣнія не вызывавшейся обстоятельствами. Такъ именно описывалъ настроеніе высшей бюрократіи въ это время одинъ „бывшій министръ [1]): „Правительство проявило въ этомъ случаѣ невѣроятную слабость. Я достовѣрно знаю, что оно не приняло никакихъ мѣръ, не сдѣлало рѣшительно ничего... Въ послѣднюю же минуту, совсѣмъ потерявъ голову, обратились къ содѣйствію арміи".

Но именно эти дѣйствія „послѣдней минуты" привели къ окончательному закрѣпленію за движеніемъ того соціально-политическаго характера, который оно начало пріобрѣтать въ недолгіе дни бурной агитаціи, сдѣлали достигнутую имъ ступень развитія прочнымъ пріобрѣтеніемъ петербургскаго рабочаго движенія и способствовали перекидыванію его на всю Россію, придавъ ему въ то же время смыслъ движенія общенаціональнаго, вовлекающаго въ свой круговоротъ и непролетарскіе слои населенія.

Правительство сразу очутилось въ еще гораздо болѣе затруднительномъ положеніи, чѣмъ было раньше. Къ движенію либеральныхъ общественныхъ

---

[1]) „Echo de Paris". Цит. по „Освобожденію" 1905 г. № 65.

верховъ присоединялось движеніе широкихъ народныхъ массъ, существенно видоизмѣнявшее все политическое положеніе. Продолженіе политики „весны“, разсчитанной, главнымъ образомъ, на умиротвореніе имущаго общества, стало невозможнымъ, разъ приходилось ввести въ разсчеты такой новый и мощный факторъ, какъ движеніе рабочихъ милліоновъ [1]). Приходилось искать новыхъ путей.

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было новое усиленіе репрессій. До 9-го января, въ видѣ уступки либеральному общественному мнѣнію, было временно уничтожено генералъ-губернаторство въ Москвѣ и занимавшій постъ московскаго ген.-губернатора Вел. Князь Сергій Александровичъ оставленъ лишь командующимъ войсками московскаго округа (1 янв. 1905). Теперь главные дѣятели этого генералъ-губернаторства, Д. Ф. Треповъ и А. Г. Булыгинъ, были назначены на самые отвѣтственные и руководящіе посты. А. Булыгинъ занялъ мѣсто уволеннаго кн. Святополка-Мирскаго, и Д. Треповъ—петербургскаго генералъ-губернатора,—должность, учрежденная 11 января.

Эти назначенія знаменовали собою оффиціальную ликвидацію „весны“ и измѣненіе административной практики въ смыслѣ перехода отъ доброжелательнаго „довѣрія“ къ явной враждебности и угрозамъ по адресу все разгоравшагося общественнаго движенія.

Но, независимо отъ измѣненія административной практики, приходилось подумать, прежде всего, объ успокоеніи рабочихъ. Сейчасъ же послѣ январьскихъ событій было расклеено объявленіе, подписанное министромъ финансовъ, В. Коковцовымъ, и петерб. ген.-губ., Д. Треповымъ, и обращенное къ рабочимъ. Объявленіе констатируетъ, что событія начались предъявленіемъ рабочими „ряда требованій, касающихся взаимныхъ отношеній между ними и фабрикантами“. Политическій же характеръ былъ приданъ волненіямъ „злонамѣренными лицами“, которыя „не остановились передъ затрудненіями, переживаемыми нашею Родиною въ тяжелое военное время“ [2]). Убѣждая рабочихъ „возвратиться къ своему обычному труду“, объявленіе напоминало имъ, что „Его Величество еще столь недавно повелѣть соизволилъ, по личному Своему произволенію, приступить къ разработкѣ вопроса о страхованіи

---

[1]) По подсчетамъ „Искръ“, въ однѣхъ только послѣ-январьскихъ забастовкахъ участвовало свыше милліона лицъ.

[2]) Этотъ мотивъ подробнѣе и опредѣленнѣе развилъ Святѣйшій Синодъ въ своемъ „посланіи“, посвященномъ январьскимъ событіямъ: „Всего прискорбнѣе, что происшедшіе безпорядки вызваны подкупами со стороны враговъ Россіи... Значительныя средства присланы ими, дабы отвлеченіемъ рабочихъ отъ труда помѣшать своевременной посылкѣ на Дальній Востокъ морскихъ и сухопутныхъ силъ и затруднить снабженіе дѣйствующей арміи весьма необходимыми для нея припасами“. Это „посланіе“ дало толчокъ широкому распространенію басни о присланныхъ будто бы японцами 18 мил. рублей.

рабочихъ", что „этою мѣрою не исчерпываются заботы Государя Императора о благѣ рабочихъ и что одновременно съ симъ, съ соизволенія Его Императорскаго Величества, министерство финансовъ готово приступить къ разработкѣ закона о дальнѣйшемъ сокращеніи рабочаго времени и такихъ мѣръ, которыя дали бы рабочему люду законные способы обсуждать и заявлять о своихъ нуждахъ".

Такимъ образомъ, первыми мѣрами, которыя правительство предлагало рабочимъ, были, на-ряду со страхованіемъ отъ увѣчья и болѣзней, законъ о сокращеніи рабочаго дня и извѣстный просторъ для рабочихъ организацій. Но этими обѣщаніями, выполненіе которыхъ, во всякомъ случаѣ, казалось рабочимъ дѣломъ будущаго, ограничиться было невозможно въ виду все ширившагося броженія въ рабочей средѣ. Необходимо было принять рядъ экстренныхъ мѣръ, которыя бы немедленно показали рабочимъ, что правительство заботится о нихъ, и въ то же время попытаться отнять у этихъ мѣръ характеръ уступокъ, слишкомъ явно вынужденныхъ напоромъ массоваго движенія и потому поощряющихъ къ продолженію и усиленію его.

19 января Д. Треповымъ были собраны въ Зимнемъ Дворцѣ 34 рабочихъ съ разныхъ петербургскихъ фабрикъ и заводовъ. Эти рабочіе были приняты Государемъ, высказавшимъ, между прочимъ, свое убѣжденіе, что въ январьскомъ движеніи рабочіе „дали себя вовлечь въ заблужденіе и обманъ измѣнниками и врагами нашей родины", но въ то же время заявившимъ: „Я вѣрю въ честныя чувства рабочихъ людей и въ непоколебимую преданность ихъ Мнѣ, а потому прощаю имъ вину ихъ".

Этими словами для правительства открывалась возможность приступить къ удовлетворенію нѣкоторыхъ требованій рабочихъ. Высочайшимъ повелѣніемъ 29 января 1905 г. была образована, подъ предсѣдательствомъ члена Гос. Совѣта, сенатора Шидловскаго, особая комиссія „для безотлагательнаго выясненія причинъ недовольства рабочихъ въ гор. С.-Петербургѣ и его пригородахъ и изысканія мѣръ къ устраненію таковыхъ въ будущемъ". Кромѣ представителей вѣдомствъ, въ комиссію должны были входить „представители промышленниковъ, по ихъ выбору, и рабочихъ, по избранію самихъ рабочихъ". Порядокъ этихъ выборовъ предоставлялось установить предсѣдателю комиссіи, которымъ и была выработана особая инструкція на этотъ счетъ. По этой инструкціи промышленники выбираютъ 15 представителей на общемъ собраніи всѣхъ владѣльцевъ промышленныхъ заведеній, имѣющихъ не менѣе 100 рабочихъ. Представители же рабочихъ (въ общемъ числѣ 54) избираются на слѣдующихъ основаніяхъ: рабочіе заведеній, имѣющихъ 100—500 рабочихъ, избираютъ одного выборщика; 500 — 1.000 — двухъ, а затѣмъ по одному на каждые новые 500. Выборщиками могутъ быть только мужчины не моложе 25 лѣтъ отъ роду, работавшіе въ томъ же

заведенія не менѣе 1 года. Всѣ выборщики группируются по 9 группамъ производствъ, при чемъ каждая группа особо, но въ одинъ и тотъ же день, выбираетъ положенное по росписанію число представителей (отъ 2 въ группахъ взрывчатыхъ веществъ и химической до 17—въ металлической).

Однако, въ назначенный для выборовъ день—18 февраля—выборщики устроили неразрѣшенное имъ общее собраніе всѣхъ группъ и, ссылаясь на фактъ ареста нѣсколькихъ выборщиковъ петерб. ген.-губернаторомъ, выработали на немъ заявленіе, въ которомъ требовали гарантій свободы и неприкосновенности своихъ представителей. Послѣ отвѣта предсѣдателя комиссіи, Шидловскаго, заявившаго, что многіе изъ предъявленныхъ рабочими требованій „не могутъ подлежать удовлетворенію, такъ какъ выходятъ изъ предѣловъ возложенной на комиссію задачи",—7 группъ изъ 9 отказались отъ производства выборовъ.

20 февраля дѣятельность комиссіи Шидловскаго была объявлена прекратившеюся, и въ тотъ же день учреждена новая комиссія по рабочему вопросу подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ Коковцова. Составъ комиссіи былъ чисто бюрократическій, при чемъ, однако, предсѣдателю было предоставлено „привлекать къ участію въ занятіяхъ ея лицъ, извѣстныхъ своими научными или литературными трудами по разработкѣ рабочаго вопроса и при томъ практически знакомыхъ съ постановкою его въ Россіи". Что касается представительства отъ рабочихъ, то комитетъ министровъ находилъ, что „установленіе по сему предмету нынѣ же какихъ-либо опредѣленныхъ и неизмѣнныхъ правилъ, долженствующихъ обнять собою всю совокупность разнообразныхъ отношеній многомилліоннаго состава рабочаго класса, несходныхъ между собою по мѣстнымъ особенностямъ и условіямъ различныхъ производствъ, — представлялось бы едва-ли практичнымъ". Поэтому предсѣдателю комиссіи была предоставлена въ этомъ отношеніи полная свобода дѣйствій, и лишь возложена на него обязанность „принимать въ соображеніе объясненія промышленниковъ и рабочихъ, которыя могутъ поступать въ комиссію, сообразно основанному на ходѣ работъ усмотрѣнію комиссіи и ея предсѣдателя, въ изустной или письменной формѣ".

Какъ видно изъ соображеній комитета министровъ, которыя легли въ основу повелѣнія объ образованіи Коковцовской комиссіи, правительствомъ руководило мнѣніе, что „въ настоящее время наиболѣе необходимы мѣры, содѣйствующія скорѣйшему успокоенію фабрично-заводскаго населенія". Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ всталъ на ту точку зрѣнія, что взглядъ, будто въ Россіи не существуетъ рабочаго вопроса въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ существуетъ на Западѣ, слѣдуетъ признать ошибочнымъ. Отсюда—необходимость въ попыткахъ успокоенія рабочихъ слѣдовать по пути, уже проторенному западно-европейскими правительствами, особенно германскимъ, которому,

благодаря дѣятельности Бисмарка, настоявшаго на изданіи законовъ о государственномъ страхованіи рабочихъ, союзахъ, стачкахъ и т. д., удалось, по мнѣнію комитета министровъ, „взять рабочее движеніе въ свои руки".

Эта курьезная характеристика отношенія между рабочимъ движеніемъ и государственною властью въ странѣ наиболѣе сильнаго развитія соціал-демократіи нужна была комитету министровъ для того, чтобы, закрывая глаза на политическую проблему, такъ остро выдвинутую именно рабочимъ движеніемъ, мотивировать свое желаніе перейти къ практикѣ „государственнаго соціализма" на нѣмецкій ладъ, какъ исчерпывающаго средства для успокоенія рабочихъ.

Новой комиссіи было поручено „безотлагательно выработать въ этомъ направленіи рядъ законопроектовъ: а) объ организаціяхъ для обсужденія и разрѣшенія возникающихъ въ промышленныхъ заведеніяхъ на почвѣ договора найма вопросовъ, а также для улучшенія фабрично-заводскаго быта рабочихъ; б) о возможности дальнѣйшаго, сравнительно съ закономъ 2 іюня 1897 г., сокращенія рабочаго времени; в) объ измѣненіи дѣйствующихъ постановленій о стачкахъ и забастовкахъ; и г) объ обезпеченіи рабочимъ больничной помощи, а равно и другихъ вопросовъ, кои могутъ выясниться при обсужденіи вышеозначенныхъ мѣръ и, въ ряду нихъ, вопроса объ объемѣ правъ и обязанностей фабричной инспекціи".

Кромѣ того, комитетъ министровъ сдѣлалъ еще 2 принципіально важныхъ постановленія. Первое должно было еще разъ рѣшить тяжбу между двумя министерствами—внутреннихъ дѣлъ и финансовъ—о томъ, кому изъ нихъ принадлежитъ руководящее вліяніе въ направленіи рабочей политики. На этотъ разъ комитетъ рѣшилъ вопросъ въ пользу министерства финансовъ, исходя изъ двухъ соображеній: во-первыхъ, что м-во внутр. дѣлъ, „будучи вѣдомствомъ, по ближайшей своей задачѣ преслѣдующимъ цѣли охраны порядка, очевидно, направило бы прежде всего къ ней же и дѣятельность фабричной инспекціи"; во-вторыхъ, что руководить успѣшно направленіемъ рабочей политики можетъ лишь министерство, „которое вѣдаетъ торгово-промышленную политику государства и которое близко знаетъ бытовыя, техническія и экономическія условія фабрично-заводскаго дѣла" [1]). Въ это положеніе было, впрочемъ, тутъ же внесено весьма существенное ограниченіе сохраненіемъ въ силѣ В. п. 30 мая 1903 г. о подчиненіи фабричнаго надзора на мѣстахъ общему руководству губернаторовъ.

Вторымъ постановленіемъ было, что „опредѣленіе отношеній между фабрично-заводскими промышленниками и рабочими должно быть производимо

---

[1]) Съ учрежденіемъ министерства торговли и промышленности (27 окт. 1905 г.) рабочій вопросъ перешелъ въ его вѣдѣніе и разрабатывается въ особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ министра.

не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, вслѣдствіе чего никакія организаціи сихъ отношеній, не предусмотрѣнныя въ законѣ, не должны быть допускаемы". Это было признаніемъ банкротства всѣхъ разновидностей зубатовской политики, послѣднимъ опытомъ которой было покровительство созданію гапоновскаго общества [1]). Въ то же время это было какъ бы гарантіей отъ административнаго вмѣшательства, даваемой правительствомъ промышленникамъ.

А такая гарантія была тѣмъ болѣе нужна, что, потерпѣвъ въ комиссіи Шидловскаго неудачу въ попыткѣ столковаться съ самими рабочими, правительство теперь, въ лицѣ Коковцовской комиссіи, обращалось къ промышленникамъ въ надеждѣ, что они помогутъ ему успокоить рабочій классъ рядомъ благодѣтельныхъ экономическихъ реформъ, проводимыхъ сверху, безъ содѣйствія самихъ рабочихъ. Но промышленники не обнаруживали ни малѣйшаго желанія брать издержки этихъ успокоительныхъ попытокъ на свой счетъ. Какъ въ своихъ многочисленныхъ запискахъ этой эпохи, такъ и въ комиссіи они упорно отстаивали ту точку зрѣнія, что причины рабочихъ волненій—политическія, а не экономическія, и что для ихъ успокоенія необходимо не улучшеніе ихъ экономическаго положенія, а политическія реформы. При такихъ условіяхъ работа комиссіи не подвигалась ни на шагъ впередъ, а гибель эскадры Рождественскаго въ маѣ 1905 года дала промышленникамъ желанный и въ то же время весьма эффектный поводъ заявить, что, въ виду такихъ волнующихъ всѣхъ гражданъ событій, они чувствуютъ себя не въ состояніи спокойно продолжать занятія и потому покидаютъ комиссію.

Не болѣе удачны были и работы другой комиссіи подъ предсѣдательствомъ тов. мин. фин. В. Н. Тимирязева, образованной еще 17 января 1905 г. для разработки вопроса объ обѣщанномъ указомъ 12 дек. 1904 г. „государственномъ страхованіи утратившихъ трудоспособность рабочихъ и служащихъ [2]) на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ". Въ эту комиссію, кромѣ представителей различныхъ вѣдомствъ, были также введены 58 делегатовъ отъ различныхъ торгово-промышленныхъ организацій и учрежденій и

---

[1]) Обсуждая январьскія событія, комитетъ министровъ (особый журналъ 28—31 янв. 1905 г.), между прочимъ, признавъ: „случившееся несчастіе непоправимо. Но тѣмъ больше значеніе долженъ имѣть опытъ, полученный столь тяжкой цѣной, и послѣдствія его должны быть достаточны, чтобы навсегда покончить съ мыслью о возможности вмѣшательства полицейской власти въ сферу экономическихъ отношеній. (Цит. по И. Х. Озерову. Политика по рабочему вопросу въ Россіи за послѣдніе годы. Москва 1906, стр. 238).

[2]) Въ указѣ 12 дек. говорилось лишь о „рабочихъ". „Служащіе" прибавленъ В. утв. пол. ком. мин. 17 янв. 1905 г. За то указъ говорилъ о страхованіи, какъ одной изъ „мѣръ по обезпеченію участи рабочихъ" вообще, а В. у. п. к. м. лишь о страхованіи „утратившихъ трудоспособность", чѣмъ заранѣе исключалась изъ круга страхованія безработица.

10 делегатовъ отъ обществъ взаимнаго страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ—рижскаго, иваново-вознесенскаго, одесскаго, кіевскаго и петербургскаго. Но этой комиссіи такъ и не пришлось ни разу собраться въ общемъ засѣданіи, и все дѣло ограничилось выработкой въ министерствѣ нѣкоторыхъ основныхъ положеній страхованія на случай болѣзни, несчастныхъ случаевъ и инвалидности, которыя были впослѣдствіи использованы при выработкѣ законопроектовъ для внесенія въ Гос. Думу.

Такимъ образомъ, судорожныя попытки наскоро принятыми мѣрами повліять на дальнѣйшій ходъ рабочаго движенія потерпѣли рѣшительное фіаско. Онѣ не только оказались не въ силахъ воздвигнуть плотину, которая задержала бы развитіе политическаго кризиса, но скорѣе, наоборотъ, лишь подливали масла въ огонь, показавъ наглядно рабочимъ невозможность разсчитывать на сколько-нибудь серьезныя завоеванія при сохраненіи стараго режима, а промышленникамъ — желаніе этого режима спастись за ихъ счетъ, и толкали такимъ образомъ и тѣхъ, и другихъ на путь политическихъ требованій и политической борьбы.

Изъ всѣхъ пышныхъ проектовъ мѣропріятій по рабочему вопросу не вышло ничего, и единственными актами правительства за время съ января по августъ 1905 г. остались „Временныя правила о выборныхъ отъ рабочихъ въ мастерскихъ и паровозныхъ депо казенныхъ ж. д.“ (8 февр. 1905), распространившія на эту категорію рабочихъ правила о выборѣ рабочихъ старостъ (законъ 10 іюня 1903 г.), а также состоявшаяся 15 апрѣля отмѣна двухъ циркуляровъ о преслѣдованіи бастующихъ рабочихъ: знаменитаго циркуляра мин. вн. дѣлъ губернаторамъ отъ 12 августа 1897 года [1]) и однороднаго циркуляра фабричнымъ инспекторамъ (8 апр. 1897), обязывавшаго ихъ принимать всѣ мѣры къ побужденію забастовавшихъ рабочихъ вновь становиться на работу. Отмѣна этихъ циркуляровъ означала отступленіе правительства передъ напоромъ безчисленныхъ стачекъ, охватившихъ всю Россію. Рабочіе фактически завоевывали себѣ право стачки, не гарантированное имъ закономъ. Это и было единственнымъ дѣйствительнымъ результатомъ разсматриваемаго періода, когда всѣ усилія государственной власти были направлены именно на изысканіе мѣръ, которыя бы, если не уничтожили, то довели до минимума стачечное движеніе рабочихъ, такъ наглядно показавшее въ январьскіе дни всю свою опасность для старой государственности.

* * *

---

[1]) Объ этомъ циркулярѣ см. въ 1-ой части настоящей работы (Общ. движ. т. I, стр. 451).

На-ряду съ этими безплодными хлопотами вокругъ рабочаго вопроса, правительство усиленно занялось проектами осуществленія реформъ, обѣщанныхъ *указомъ 12 декабря 1904 года.* Закрывая глаза на все ближе и ближе надвигавшійся ураганъ, оно дѣлало отчаянныя усилія положить предѣлъ политическому кризису путемъ постепеннаго самореформированія съ сохраненіемъ въ неприкосновенности традиціоннаго государственнаго строя. Если „великія реформы“ 60-хъ годовъ характеризуются стремленіемъ прикрыть „либеральною“ формою старое абсолютистское содержаніе, то теперь, наоборотъ, всѣ усилія направляются на то, чтобы въ старыя формы абсолютистской государственности вмѣстить новое „либеральное“ содержаніе, соотвѣтствующее уровню требованій усложнившихся соціально-экономическихъ отношеній.

Какъ мы уже говорили въ I томѣ настоящаго изданія, въ основу указа 12 дек. была положена та тенденція правительственной политики предреволюціонной эпохи, выразителемъ которой являлось преимущественно министерство финансовъ и которая сводилась къ стремленію приспособить абсолютистскую государственную машину къ потребностямъ капиталистическаго развитія страны. Въ своей совокупности проектированныя за данный періодъ реформы и даютъ какъ бы цѣлостную програму такого приспособленія,— програму, которая никогда не была, да и не могла быть осуществлена въ законченномъ видѣ и которая, являясь лебединою пѣснью „стараго режима“, свидѣтельствуетъ въ гораздо большей степени объ остротѣ противорѣчій, раздиравшихъ этотъ режимъ, чѣмъ о возможности для него своими внутренними силами преодолѣть эти противорѣчія.

Въ то же время, являясь „послѣднимъ словомъ“ старой, полицейско-бюрократической государственности, эта программа служитъ ей платформой во всѣхъ тѣхъ дальнѣйшихъ перипетіяхъ, на которыя осудила ее исторія. И впослѣдствіи, при всѣхъ внѣшнихъ измѣненіяхъ государственныхъ формъ, мы увидимъ, что старая государственность хватается въ попыткахъ самосохраненія и приспособленія къ измѣнившимся условіямъ, все за ту же програму, формулированную ею въ послѣдніе дни ея предреволюціоннаго существованія, и все такъ же тщетно пытается, опираясь на эту програму, обойти раздирающія ее внутреннія противорѣчія.

Мы уже упоминали о тимирязевской комиссіи, на которую была возложена задача подготовить проведеніе въ жизнь одного изъ пунктовъ указа 12 декабря—государственнаго *страхованія рабочихъ.* Теперь намъ предстоитъ разсмотрѣть работы и предположенія правительства по проведенію въ жизнь остальныхъ пунктовъ указа.

Самымъ важнымъ изъ этихъ пунктовъ былъ *крестьянскій вопросъ.* Какъ мы указывали уже въ I томѣ, въ постановкѣ, приданной этому во-

просу указомъ 12 дек., торжествовали тенденціи превращенія крестьянъ въ „полноправныхъ, свободныхъ сельскихъ обывателей“ и къ „объединенію законовъ о крестьянахъ съ общимъ законодательствомъ Имперіи“,—тенденціи, защищавшіяся „особымъ совѣщаніемъ“ подъ предсѣдательствомъ Витте въ противоположность тенденціямъ опиравшейся на „губернскія совѣщанія“ такъ наз. „редакціонной комиссіи“ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, настаивавшей на сохраненіи и закрѣпленіи сословной обособленности и безправія крестьянства и неприкосновенности общиннаго строя.

Въ указанномъ 12 декабря духѣ и возобновило свои занятія „особое совѣщаніе о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности“. Оно начало съ проектовъ реформированія крестьянскаго управленія и суда. Смыслъ реформированія сводился къ тому, чтобы подготовить превращеніе общины въ чисто-хозяйственный добровольный союзъ съ лишеніемъ органовъ правительственной власти права вмѣшиваться во внутренніе распорядки этого союза и съ сохраненіемъ за ними лишь права надзора за законностью производимыхъ союзомъ дѣйствій. Что же касается суда, то въ области гражданскихъ отношеній, не касающихся надѣльнаго имущества, а также въ уголовныхъ дѣлахъ проектировалось подчинить крестьянъ дѣйствію общихъ законовъ. Положеніе 19 февраля, поскольку оно касается надѣльныхъ имуществъ, а также дополнительные законы, изданные по этому вопросу (правила о семейныхъ раздѣлахъ, о передѣлахъ, о неотчуждаемости надѣловъ и т. д.), должны были подвергнуться пересмотру въ смыслѣ объединенія законовъ о крестьянахъ съ общимъ законодательствомъ. Господство „обычая“ признавалось лишь въ особыхъ случаяхъ, которые должны быть спеціально оговорены въ законѣ. Волостные суды предлагалось уничтожить, такъ какъ „никакія мѣры по улучшенію такого суда не могутъ измѣнить его недостатковъ“. Этотъ волостной судъ долженъ быть замѣненъ „судомъ общимъ для всѣхъ сословій, свѣдущимъ въ техникѣ судебнаго дѣла, независимымъ отъ администраціи и входящимъ въ составъ судебнаго управленія“. Органы такого суда предполагались въ троякомъ видѣ: 1) выборный коллегіальный судъ, съ соотвѣтственнымъ образовательнымъ цензомъ для предсѣдателя и пониженнымъ для прочихъ членовъ; или 2) единоличный выборный судъ съ соотвѣтственнымъ образовательнымъ цензомъ; или 3) при невозможности, по мѣстнымъ условіямъ, организовать выборный судъ,—коронный судья съ соотвѣтственнымъ образовательнымъ цензомъ. Наконецъ, проектировалось устройство въ отдѣльныхъ поселкахъ „безсословныхъ судовъ третейскаго типа для разрѣшенія, по обоюдному желанію тяжущихся сторонъ, маловажныхъ гражданскихъ дѣлъ“.

Эта реформа сословно-крестьянскаго управленія связывалась неизбѣжно съ преобразованіемъ общихъ мѣстныхъ учрежденій, въ вѣдѣніе которыхъ должны были перейти дѣла, выдѣляемыя изъ компетенціи существующаго

крестьянскаго общественнаго управленія. Первымъ шагомъ въ этомъ преобразованіи намѣчалось созданіе мелкой земской единицы—въ видѣ ли болѣе мелкаго, чѣмъ уѣздъ, территоріальнаго участка, въ видѣ ли поселковаго общества, обнимающаго всѣхъ постоянныхъ жителей даннаго населеннаго пункта (или нѣсколькихъ сосѣднихъ) и надѣленнаго функціями простѣйшаго городского самоуправленія; въ видѣ ли, наконецъ, сочетанія этихъ двухъ типовъ. Измѣненію подлежало и распредѣленіе административно-полицейскихъ функцій, при чемъ и тутъ открывалась возможность троякаго исхода: передача всѣхъ дѣлъ исключительно органамъ правительственной власти, или—исключительно мелкимъ земскимъ организаціямъ, или же, наконецъ, распредѣленіе этихъ дѣлъ между тѣми и другими. Во всякомъ случаѣ должно было прекратиться замѣщеніе низшихъ исполнительныхъ должностей въ порядкѣ натуральной повинности.

Покончивъ съ управленіемъ и судомъ, совѣщаніе приступило къ вопросамъ крестьянскаго землепользованія, но въ это время, подъ вліяніемъ начавшихся раннею весною крестьянскихъ безпорядковъ, правительственная политика по крестьянскому вопросу испытала новый зигзагъ. Не то, чтобы снова коренным образомъ измѣнилось направленіе этой политики въ смыслѣ возврата къ старымъ тенденціямъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Послѣ 9 января и всѣхъ связанныхъ съ нимъ событій этотъ возвратъ былъ невозможенъ, и бывшій противникъ С. Витте — И. Л. Горемыкинъ, теперь, въ засѣданіяхъ „особаго совѣщанія", голосовалъ вмѣстѣ съ большинствомъ за основныя черты программы Витте противъ незначительнаго меньшинства бюрократовъ и крупныхъ землевладѣльцевъ (гр. Шереметевъ, кн. Щербатовъ, Стишинскій, Хвостовъ, Лобко).

Но крестьянскіе безпорядки въ насыщенной электричествомъ послѣянварьской атмосферѣ внушали опасливое отношеніе вообще къ какимъ бы то ни было болѣе широкимъ мѣропріятіямъ въ такой щекотливой области, какъ крестьянскій вопросъ. Казалось, лучше не трогать этой опасной области, ограничиваясь самымъ необходимымъ и употребляя всѣ усилія для возможно болѣе быстраго подавленія безпорядковъ. Полицейскія соображенія еще разъ брали верхъ надъ политическими.

30 марта „особое совѣщаніе" было внезапно упразднено. Въ тотъ же день, рескриптомъ на имя И. Л. Горемыкина, было учреждено новое „особое совѣщаніе" подъ его предсѣдательствомъ — на этотъ разъ „о мѣрахъ къ укрѣпленію крестьянскаго землевладѣнія". Въ самомъ названіи новаго «совѣщанія» было уже отмѣчено суженіе его задачъ по сравненію съ Виттевскимъ совѣщаніемъ «о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности». И, дѣйствительно, рескриптомъ намѣчались крайне ограниченныя задачи новаго совѣщанія: изысканіе „практическихъ путей" для „непосредственнаго упро-

ченія земельнаго строя крестьянъ" при „непремѣнномъ условіи охраненія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ"; „мѣры къ предоставленію крестьянамъ удобнѣйшихъ способовъ пользованія отведенными имъ надѣльными землями"; поощреніе переселенія и покупокъ земли при содѣйствіи крестьянскаго банка; и, наконецъ, завершеніе отграниченія надѣльныхъ земель отъ земель прочихъ владѣльцевъ, — опять-таки „дабы тѣмъ самымъ вящшимъ образомъ утвердить въ народномъ сознаніи убѣжденіе въ неприкосновенности всякой частной собственности".

Какъ видно изъ донесеній губернаторовъ, чиновъ полиціи и жандармеріи, правительство было вполнѣ освѣдомлено не только о цѣляхъ, которыя ставило себѣ крестьянское движеніе, но и о тѣхъ причинахъ, которыя его непосредственно вызывали и коренились какъ въ тяжести бремени, наложеннаго на крестьянскія плечи государственнымъ хозяйствомъ, такъ и въ отношеніяхъ между крестьянами и помѣщиками. Общій кризисъ лишь усиливалъ противорѣчія пореформеннаго крестьянскаго хозяйства и повышалъ до невыносимости гнетъ помѣщичьяго хозяйства надъ деревней. „У помѣщиковъ какое-то озвѣрѣлое чувство къ крестьянамъ",—доносилъ, напр., начальникъ витебскаго губернскаго жандармскаго управленія шефу жандармовъ [1]), описывая усиленіе самыхъ разнообразныхъ формъ эксплоатаціи крестьянъ помѣщиками.

Но земельное дворянство играло слишкомъ видную роль въ механизмѣ „стараго режима", чтобы правительство могло, ради скорѣйшаго успокоенія крестьянъ, прибѣгнуть по отношенію къ нему къ мѣрамъ, однороднымъ съ тѣми, которыя оно пыталось, хотя и безуспѣшно, примѣнить по отношенію къ промышленникамъ; передъ лицомъ напиравшей на дворянскую земельную собственность крестьянской стихіи отступали на задній планъ всѣ другія соображенія, клались подъ сукно болѣе или менѣе продуманные политическіе планы и выдвигалась, подчиняя себѣ все остальное, задача „охраненія частнаго землевладѣнія отъ всякихъ на него посягательствъ". Тѣмъ самымъ дѣлались первые шаги для подчиненія всей государственной машины интересамъ земельнаго дворянства, которое до тѣхъ поръ, какъ мы указывали въ I томѣ, само должно было служить интересамъ этой машины и могло разсчитывать на удовлетвореніе своихъ интересовъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это совпадало или не шло въ разрѣзъ съ интересами государственной власти. Правда, эта мѣра была достаточно велика. Но притязанія дворянства должны были останавливаться передъ политическими интересами старой государственной власти. Теперь эта власть дѣлала первые шаги по пути, который дол-

---

[1]) Рапортъ отъ 13 марта 1905 г. См. Матеріалы къ исторіи русской контрреволюціи, стр. XXXVII.

женъ былъ привести ее къ подчиненію всей своей политики воздѣйствію земельнаго дворянства, начавшаго быстро поворачивать отъ политическаго фрондерства къ политическому консерватизму и реакціонности.

Указъ 5 апрѣля 1905 г. „о дарованіи сельскому населенію имперіи облегченій по уплатѣ продовольственныхъ и по обсѣмененію полей долговъ“ не могъ оказать сколько-нибудь замѣтнаго вліянія на ходъ движенія въ деревнѣ. При всѣхъ разсрочкахъ, пересрочкахъ и частичныхъ сложеніяхъ долговъ, крестьянскіе платежи и недоимки росли такъ неудержимо, что новыя податныя льготы не давали крестьянамъ сколько-нибудь существеннаго облегченія.

Зато сильное впечатлѣніе — и при томъ въ смыслѣ, совершенно обратномъ, чѣмъ желательный правительству,—произвелъ другой указъ (10 апр. 1905), изданный опять-таки „въ цѣляхъ вящшаго развитія въ народномъ сознаніи твердаго убѣжденія въ неприкосновенности частной собственности“. Этимъ указомъ въ уѣздахъ, гдѣ произошли безпорядки, были образованы дворянско-бюрократическія комиссіи, на которыя были возложены слѣдующія задачи: 1) выясненіе лицъ, участвовавшихъ въ крестьянскихъ безпорядкахъ, и 2) исчисленіе понесенныхъ помѣщиками убытковъ „съ обращеніемъ взысканія на все безъ изъятія движимое и недвижимое имущество всѣхъ членовъ сельскихъ и селенныхъ обществъ, участвовавшихъ въ скопищахъ крестьянъ, коими произведены разгромы и грабежи“. Наконецъ, тѣмъ же указомъ предусматривались и ссуды изъ казны помѣщикамъ. Такимъ образомъ, въ ту самую эпоху, когда правительство пришло къ сознанію необходимости превратить крестьянъ въ „полноправныхъ, свободныхъ сельскихъ обывателей“, заботы о неприкосновенности помѣщичьей собственности привели его къ созданію спеціальнаго уголовнаго закона для крестьянъ, къ возстановленію недавно отмѣненной круговой поруки, къ распространенію ея на такого рода имущество, котораго она никогда не касалась, и къ примѣненію ея къ такого рода дѣламъ, которыя никогда подъ ея дѣйствіе не подводились [1]). Этотъ, въ полномъ смыслѣ слова „исключительный“, законъ, направленный противъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ, долженъ былъ производить тѣмъ большее агитаціонное дѣйствіе, что былъ изданъ въ эпоху безчисленныхъ избіеній, грабежей и погромовъ, въ которыхъ пострадавшіе не только не получали вознагражденія въ экстраординарномъ порядкѣ, но и далеко не пользовались обычной защитой центральнаго и мѣстнаго административно-полицейскаго персонала.

---

1) Прецедентъ былъ созданъ лишь въ связи съ крестьянскими безпорядками въ полтавской и харьковской губерніяхъ въ 1902 г., но это было до отмѣны круговой поруки.

6 мая 1905 г. министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ было преобразовано въ „главное управленіе землеустройства и земледѣлія". Изъ состава прежняго министерства были выдѣлены и переданы въ мин. фин. всѣ установленія по горной части [1]). За то въ вѣдѣніе управленія перешли изъ министерства вн. дѣлъ переселенческое управленіе и всѣ дѣла по землеустройству и землепользованію инородцевъ и различныхъ сельскихъ обывателей, а также дѣла объ отграниченіи крестьянскихъ надѣльныхъ земель. Наказъ новому управленію по вопросамъ крестьянскаго землевладѣнія, какъ и инструкцію крестьянскому банку было поручено выработать упомянутому уже горемыкинскому „особому совѣщанію". Т. о. новому главному управленію съ самаго начала было отведено очень подчиненное положеніе. Его роль еще больше суживалась тѣмъ, что одновременно „для общаго руководства дѣлами о земельномъ устройствѣ крестьянъ" былъ учрежденъ „комитетъ по земельнымъ дѣламъ", подъ предсѣдательствомъ лица, назначаемаго Высочайшею Властью. Главноуправляющій землеустройствомъ и земледѣліемъ входилъ въ этотъ комитетъ лишь на правахъ рядового члена вмѣстѣ съ министрами Двора, внутр. дѣлъ, финансовъ и юстиціи, госуд. контролеромъ и другими членами, назначаемыми Высочайшею Властью.

Работа всѣхъ этихъ учрежденій не подвигалась ни на шагъ впередъ. Непрекращающіеся удары войны, питавшіе все разростающееся народное движеніе, непрерывно напоминали, однако, о необходимости какихъ-либо общихъ, политическихъ мѣръ, которыя позволили бы правительству выйти изъ того порочнаго круга, въ которомъ оно очутилось. Послѣ Цусимы снова вспомнили о планѣ Виттевскаго „особаго совѣщанія", и Высоч. повелѣніемъ 24 мая 1905 г. журналы этого совѣщанія было поручено принять во вниманіе комитету министровъ, министрамъ внутр. дѣлъ и юстиціи, а также горемыкинскому „совѣщанію", какъ содержащіе „полезный матеріалъ". Но это не могло вывести правительственную политику изъ сѣти тѣхъ противорѣчій, въ которыхъ она запуталась. Горемыкинское совѣщаніе распубликовало было циркуляръ о созывѣ выборныхъ отъ крестьянскаго населенія „для доставленія совѣщанію отвѣтовъ и объясненій", но эти выборные никогда созваны не были. Въ концѣ концовъ, вся дѣятельность этого совѣщанія исчерпалась составленіемъ проектовъ упомянутыхъ выше наказа и инструкціи, которые къ тому же дальнѣйшаго движенія не получили.

Остается еще упомянуть, что 14 іюля 1905 года были возстановлены операціи крестьянскаго банка, сильно ограниченныя 26 марта 1904 года по случаю войны и вызванныхъ ею крупныхъ расходовъ [2]), а 6 іюня 1905 г.—

---

[1]) Только поземельное устройство горнозаводскаго населенія оставлено въ рукахъ новаго главнаго управленія.

[2]) Операціи Дворянскаго банка были возстановлены В. п. 1 декабря 1906 г.

распространены на казенныя земли Европ. Россіи правила 6 іюня 1904 г. о переселенцахъ.

Мы уже упоминали, что проекты реформъ крестьянскаго самоуправленія неизбѣжно предполагали соотвѣтствующія видоизмѣненія и въ строѣ всего *мѣстнаго самоуправленія*. Однако, обсуждая соотвѣтствующій пунктъ указа 12 дек., комитетъ министровъ рѣшилъ воздержаться отъ высказыванія по существу предполагаемой земско-городской реформы, въ виду того, что составленіе законопроектовъ или основныхъ положеній этой реформы „потребовало бы значительнаго времени и вызвало бы соотвѣтствующую задержку въ осуществленіи предначертаній указа". Исходя вообще изъ признанія того факта, что „центральныя учрежденія не вполнѣ освѣдомлены непосредственно о всѣхъ подробностяхъ мѣстной жизни" (примѣромъ чего могутъ служить неудачные уставы о ветеринарно-полицейскихъ мѣрахъ), комитетъ рѣшилъ привлечь къ обсужденію вопроса „мѣстныхъ людей", которымъ и предоставить выработать проекты реформы на основаніи матеріаловъ, собранныхъ министерствомъ внутр. дѣлъ. Передача вопроса на мѣста—въ земскія собранія и городскія думы—была отвергнута опять-таки потому, что это „было бы равносильно отсрочкѣ осуществленія Высочайшей Воли на отдаленное время". Въ виду всѣхъ этихъ соображеній Выс. ук. пол. ком. мин. 4 февр. 1905 г. было рѣшено образовать два особыхъ совѣщанія—земское и городское—съ выборными отъ губернскихъ и уѣздныхъ собраній и отъ думъ городовъ, насчитывавшихъ по переписи 1897 года не менѣе 50.000 жителей [1]). Затѣмъ комитетъ призналъ, что законъ 1903 года о завѣдываніи земскимъ хозяйствомъ въ 9 западныхъ губерніяхъ „не вполнѣ удовлетворителенъ" и при томъ противорѣчитъ указу 12 дек., „будучи основанъ на крайнемъ недовѣріи къ благонадежности мѣстныхъ землевладѣльцевъ польскаго происхожденія и на стремленіи устранить ихъ отъ службы по выборамъ". Поэтому мин. вн. дѣлъ было поручено разработать вопросъ о примѣненіи имѣющаго быть выработаннымъ общаго положенія и къ упомянутымъ 9 губерніямъ.

Однако, и эти проекты постигла общая судьба всего реформаторскаго прожектерства этого періода: особыя совѣщанія, придуманныя для ускоренія реформы, вовсе не были созваны, матеріалы не собирались, вопросъ о земскомъ самоуправленіи на окраинахъ не подвигался ни на шагъ впередъ. Вся дѣятельность правительства по данному вопросу исчерпалась за разсматриваемый періодъ двумя рескриптами: на имя иркутскаго ген.-губ. Кутайсова (3 апр.) съ порученіемъ разработать вопросъ о введеніи земскихъ учрежденій въ генералъ-губернаторствѣ, а также губерніяхъ тобольской и том-

---

[1]) Кромѣ того должны были послать уполномоченныхъ 5 городовъ съ упрощеннымъ управленіемъ по указанію предсѣдателя совѣщанія по соглашенію съ мин. вн. дѣлъ.

ской, и на имя варшавскаго ген.-губ. К. К. Максимовича (14 марта) съ однороднымъ порученіемъ по отношенію „губерній Привислинскаго края". Въ числѣ причинъ, тормозящихъ реформы, въ послѣднемъ рескриптѣ указывались „чрезмѣрныя притязанія" нѣкоторыхъ круговъ польскаго общества „относительно примѣненія государственнаго языка", которому повсемѣстно должно быть „обезпечено подобающее высокое значеніе, безъ излишняго однако и несправедливаго стѣсненія языковъ мѣстныхъ". Практическихъ результатовъ и эти рескрипты не имѣли.

Вопросъ о мѣстномъ самоуправленіи на окраинахъ и о мѣстныхъ языкахъ былъ связанъ съ другимъ вопросомъ, также поставленнымъ на очередь указомъ 12 декабря,—вопросомъ о расширеніи правъ неравноправныхъ *инородцевъ и уроженцевъ отдѣльныхъ мѣстностей*. Первою мѣрою, принятою въ этой области, была отмѣна запрещенія издавать книги Св. Писанія на малороссійскомъ языкѣ (25 февр.) [1]):

Польскій вопросъ обсуждался комитетомъ министровъ особо для 9 западныхъ губерній и особо для „губерній Царства Польскаго": Въ первомъ случаѣ комитетъ исходилъ въ своихъ разсужденіяхъ изъ противорѣчивыхъ положеній. Съ одной стороны, онъ призналъ, что западныя губерніи—край „издревле русскій", что „основная цѣль политики въ 9 западныхъ губерніяхъ должна остаться неизмѣнною и состоять въ усиленіи русскаго преобладанія", и отсюда дѣлался выводъ, что „донынѣ сохранила свое значеніе" задача—„воспрепятствовать усиленію землевладѣнія польскихъ помѣщиковъ" и что „русскому языку, какъ государственному, должно быть и впредь попрежнему обезпечено господствующее положеніе". Но передъ комитетомъ вставали и другія соображенія. Опасность „польскаго мятежа" исчезла, „но зато существующій строй имѣетъ здѣсь (въ западныхъ губерніяхъ) другого врага—распространеніе вредныхъ ученій, стремящихся къ соціальному уравненію лицъ всѣхъ сословій и къ крайней демократіи". Въ виду этого роста соціализма комитету представляется важнымъ уничтоженіе тѣхъ ограниченій, которыя препятствовали мѣстнымъ крестьянамъ покупать землю. Правительство должно оказывать „содѣйствіе увеличенію класса мелкаго и средняго землевладѣнія, который вездѣ принадлежитъ къ самымъ консервативнымъ элементамъ и является оплотомъ противъ распространенія противогосударственныхъ и противообщественныхъ элементовъ" [2]). Но для борьбы съ соціализмомъ важны и польскіе помѣщики, ибо „какъ землевладѣльцы—

---

[1]) В. у. 21 янв. 1905 пол. ком. мин. (о печати) предполагало, м. пр., пересмотръ общихъ правилъ объ ограниченіяхъ печатанія книгъ на малороссійскомъ языкѣ.

[2]) Въ качествѣ дополнительнаго аргумента приводится то соображеніе, что покупка земли крестьянами повыситъ цѣны на землю „какъ польскихъ, такъ и русскихъ имѣній".

польскіе помѣщики принадлежатъ къ числу лицъ наиболѣе консервативныхъ и склонныхъ защищать существующій строй. Поэтому необходимо устранить причины, возбуждающія ихъ неудовольствіе и поддерживающія рознь съ русскими". Отсюда—стремленіе построить окраинное законодательство такъ, чтобы оно „вызывало чувства любви и уваженія подчиненныхъ народовъ къ господствующему" и тѣмъ могло „устранить или хотя бы значительно ослабить племенную рознь и недовольство".

Всѣ эти противорѣчивыя соображенія привели въ концѣ концовъ комитетъ министровъ къ рѣшенію не уничтожить, но лишь смягчить тѣ ограниченія, которыя существовали въ западныхъ губерніяхъ для лицъ польскаго происхожденія (или, что на практикѣ считалось равнозначущимъ,—римско-католическаго вѣроисповѣданія) въ отношеніи землевладѣнія и школы. В. у. 1 мая 1905 г. пол. ком. мин. и указомъ отъ того же числа и былъ проведенъ рядъ такихъ мѣропріятій въ смыслѣ смягченія исключительныхъ антипольскихъ законовъ въ 9 западныхъ губерніяхъ. Наиболѣе существенныя изъ этихъ мѣропріятій слѣдующія: 1) отмѣна ограниченій по покупкѣ земли крестьянами; 2) предоставленіе всѣмъ лицамъ польскаго происхожденія права аренды, покупки и т. д. земельныхъ имуществъ отъ лицъ польскаго же происхожденія; 3) порученіе министру вн. дѣлъ разработать вопросъ о возстановленіи дворянскихъ выборовъ въ западныхъ губерніяхъ; 4) допущеніе преподаванія польскаго и литовскаго языковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ большинство учащихся принадлежитъ къ польской или литовской народности. Затѣмъ повелѣно было министрамъ отмѣнить не позднѣе, чѣмъ черезъ 6 мѣсяцевъ, всѣ административныя распоряженія, стѣсняющія употребленіе мѣстныхъ языковъ и не основанныя прямо на законѣ.

Для губерній Царства Польскаго предположенныя реформы имѣли еще болѣе скромный характеръ. Силу закона (В. у. 6 іюня 1905 г. пол. к. мин.) получили лишь нѣкоторыя льготы по преподаванію и употребленію польскаго языка въ школѣ (Законъ Божій) и употребленію его во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ гминнаго управленія и частныхъ обществъ [1]). Въ видѣ порученій министрамъ выработать соотвѣтствующія предположенія остались другія намѣченныя комитетомъ реформы, какъ отмѣна административныхъ распоряженій, запрещающихъ употребленіе польскаго языка учащимся во внѣурочное время и обязывающихъ частныя учебныя заведенія вести преподаваніе на русскомъ языкѣ; разрѣшеніе вести первоначальное обученіе ариѳметикѣ на польскомъ языкѣ; замѣщеніе должностей по крестьянскому управленію лицами, знающими русскій и польскій языкъ, съ тѣмъ, чтобы къ 1 янв. 1910 года всѣ эти должности были замѣнены такими лицами;

[1]) Эти льготы не были распространены на „мѣстности съ сплошнымъ русскимъ или литовскимъ населеніемъ въ восточныхъ частяхъ люблинской, сѣдлецкой, ломжинской и сувалкской губерній".

введеніе земскихъ и городскихъ учрежденій; разрѣшеніе пріобрѣтенія казенныхъ земель польскими крестьянами; судебная реформа и, въ частности, открытіе варшавскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ.

Иначе отнесся комитетъ министровъ къ дворянству прибалтійскому. Здѣсь, въ *Прибалтійскомъ краѣ*, предшествующая политика „русификаціи", старавшаяся демагогически использовать антагонизмъ эстонскаго и латышскаго крестьянства къ нѣмецкому дворянству, не привела къ желательнымъ для правительства результатамъ. Именно въ крестьянствѣ этого края революція нашла себѣ сильную опору. Комитетъ министровъ призналъ крушеніе „русификаторской" политики и въ своихъ разсужденіяхъ исходилъ изъ мысли, что „высшіе и образованные классы прибалтійской окраины, наравнѣ съ лучшими людьми коренныхъ областей Россіи, всегда принадлежали къ числу лицъ, по убѣжденіямъ приверженныхъ твердой законной власти и государственному порядку. Въ крестьянскомъ населеніи помянутые классы стремились путемъ школы внѣдрить чувства вѣрноподданнической преданности Императору, уваженіе къ религіи и необходимость поддержанія существующаго строя". В. у. 18 іюня полож. к. мин. было разрѣшено употребленіе мѣстныхъ языковъ въ школахъ Прибалтійскаго края, и кромѣ того было проектировано: 1) пересмотрѣть всѣ вообще положенія объ учебныхъ заведеніяхъ въ этомъ краѣ; 2) разрѣшить лифляндскому дворянству основать гимназію съ преподаваніемъ на нѣмецкомъ языкѣ; 3) разрѣшить частныя учебныя заведенія съ преподаваніемъ на мѣстныхъ языкахъ.

Тѣмъ же пол. ком. мин. было проектировано допущеніе первоначальнаго обученія на мѣстныхъ языкахъ иноплеменныхъ *народностей восточныхъ губерній* (татары, киргизы, калмыки, черемисы, чуваши, мордва и т. д.). Проектировалась также отмѣна ст. 3779 уст. учебн. учр., по которой только христіане могутъ получать званіе домашнихъ учителей, и рядъ спеціальныхъ льготъ магометанскому духовенству и учительскому персоналу, равно какъ усиленіе выборнаго начала въ волостномъ управленіи степныхъ областей.

Совершенно неразрѣшимымъ оказался для старой государственной власти *еврейскій вопросъ*, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, сосредоточился весь государственный „націонализмъ" стараго режима. Комитетъ министровъ призналъ себя безсильнымъ намѣтить линію поведенія правительства въ этомъ вопросѣ. Съ одной стороны, для него было ясно, что, „если стать на точку зрѣнія исключительно государственную (правительственную)" то едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что въ государствѣ, имѣющемъ въ своемъ составѣ гражданъ многихъ, различныхъ національностей, не должно бы быть допускаемо существеннаго ограниченія правъ лицъ одной только національности, поэтому правильное разрѣшеніе еврейскаго вопроса, съ указанной точки зрѣнія, заключалось бы въ уравненіи евреевъ въ пра-

вахъ съ прочимъ населеніемъ Имперіи". Но тутъ вставали передъ комитетомъ „общественно-расовыя стороны вопроса", подъ которыми подразумѣвалось, въ сущности, не что иное, какъ та сложная цѣпь интересовъ и психологическихъ наслоеній, которая связывается съ еврейскимъ безправіемъ [1]). Комитетъ министровъ такъ и не нашелъ выхода изъ этого противорѣчія и аппеллировалъ къ будущему собранію выборныхъ отъ населенія, возвѣщенному рескриптомъ 18 февраля. Въ такой аппелляціи ком. мин. видѣлъ еще и ту выгоду, что „правительство избавится отъ нареканія какъ со стороны евреевъ, такъ и со стороны прочаго населенія". Въ этомъ смыслѣ и было формулировано Выс. утвержденное 8 іюня 1905 положеніе ком. мин., не предложившее ни одной конкретной мѣры въ отношеніи евреевъ и ограничившееся признаніемъ необходимости особаго внѣвѣдомственнаго совѣщанія для собиранія матеріаловъ по еврейскому вопросу. Законодательство же по этому вопросу за разсматриваемый періодъ ограничилось В. у. 16 іюня мнѣніемъ Гос. Совѣта о порядкѣ приведенія въ исполненіе указа 11 авг. 1904 года о правѣ жительства евреевъ.

Чтобы закончить обзоръ правительственной законодательной дѣятельности по національному и окраинному вопросамъ, надо еще упомянуть состоявшійся 4 авг. указъ о возвращеніи *армянской* церкви недвижимыхъ имуществъ, отобранныхъ у нея по В. у. положеніемъ ком. мин. отъ 26 марта 1898 и 12 іюня 1903 г., а также 2 важныхъ мѣры по отношенію къ *Финляндіи*, означавшія рѣшительное отступленіе правительства съ „руссификаторскихъ позицій": 16 марта было пріостановлено примѣненіе изданнаго 29 іюня (12 іюля) 1901 г. устава о воинской повинности въ Финляндіи и отмѣнено временное постановленіе отъ 1-го (14-го) августа 1902 года о порядкѣ удаленія отъ службы должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства.

Въ области *вѣроисповѣднаго вопроса* правительство обнаружило на первыхъ порахъ наибольшую рѣшимость провести въ жизнь нѣкоторыя мѣропріятія освободительнаго характера. В. у. 11 февраля пол. ком. министровъ было рѣшено отмѣнить и впредь не допускать никакихъ административныхъ распоряженій, стѣсняющихъ свободу вѣроисповѣданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено не допускать впредь и отмѣнить всѣ мѣры по дѣламъ религіознаго свойства, принятыя на основаніи усиленной охраны. Оберъ-прокурору Синода было поручено войти съ докладомъ о помилованіи лицъ, подвергнутыхъ безъ суда наказаніямъ за „религіозныя заблужденія и вытекающіе изъ оныхъ поступки". Въ силу этого 26 февраля были возвращены изъ Сибири 72 сектанта, высланные по Выс. повелѣнію 5 авг. 1896 г.

---

[1]) См. объ этомъ въ 1-ой части настоящей работы: т. I, стр. 444—445.

за отказъ отбывать воинскую повинность, а самое повелѣніе отмѣнено. Въ тотъ же день были освобождены отъ различныхъ наказаній въ общей сложности 390 лицъ (въ томъ числѣ 142 греко-уніата, высланныхъ изъ Царства Польскаго во внутреннія губерніи). Циркуляромъ 19 февр. отмѣнены административныя мѣры и мѣры на основаніи усиленной охраны, примѣненныя къ дѣламъ религіознаго свойства; въ силу этого циркуляра мѣстными властями освобождено еще 672 лица. Помилованы еще 192 греко-уніата, высланные на основаніи особыхъ полномочій главныхъ начальниковъ Царства Польскаго. Отмѣнены правила объ административныхъ репрессіяхъ по отношенію къ армяно-грегоріанскимъ священникамъ. Наконецъ, 2 марта 278 духоборовъ освобождены отъ наказаній, наложенныхъ на нихъ Выс. пов. 30 апр. 1897 г., и помилованы еще 4 сектанта.

Но уже менѣе послѣдовательнымъ оказался комитетъ министровъ, когда ему пришлось столкнуться съ вопросомъ о вѣротерпимости въ полномъ объемѣ. Съ одной стороны, онъ исходилъ изъ соображенія, что „убѣжденія совѣсти каждаго человѣка не подлежатъ контролю со стороны государства до тѣхъ поръ, пока они не выразились въ какомъ-либо неправомѣрномъ дѣяніи"; что, благодаря преслѣдованіямъ за религіозныя убѣжденія, получалось положеніе, при которомъ „служители Церкви привлекались къ дѣятельности, не соотвѣтствующей призванію ихъ и носимому ими сану" [1]); что затрудненія въ совершеніи актовъ гражданскаго состоянія, вызываемыя отсутствіемъ вѣротерпимости, разрушаютъ семью и тѣмъ создаютъ „благодарную почву для зарожденія всякаго рода смуты и беззаконія". Но, съ другой стороны, стремленіе сохранить „господствующее" положеніе православной церкви заставляло комитетъ не доводить до конца принципъ вѣротерпимости даже по отношенію къ старообрядцамъ и проектировать созданіе особаго совѣщанія для обсужденія тѣхъ мѣръ (въ особенности по отношенію къ „публичному оказательству" старообрядчества и сектантства), которыя позволяли бы сочетать провозглашенный принципъ свободы религіи съ сохраненіемъ особыхъ привилегій за православною церковью. По отношенію къ нехристіанскимъ вѣроисповѣданіямъ комитетъ обнаружилъ еще большую непослѣдовательность. Въ разрѣзъ съ высказаннымъ имъ общимъ сужденіемъ, онъ призналъ, что „прямое разрѣшеніе въ законѣ принятія православными нехристіанскихъ вѣроисповѣ-

---

[1]) Для характеристики настроенія высшаго духовенства въ эту эпоху нужно отмѣтить, что приглашенный въ засѣданіе комитета петерб. митрополитъ Антоній развѣлялъ эти соображенія, заявляя, что „церковь не можетъ желать насильственнаго въ ней удержанія" отпадающихъ отъ нея, что „обязанность требовать преслѣдованія въ уголовномъ порядкѣ преступленій и проступковъ противъ вѣры противорѣчитъ положеннымъ въ основу православной церкви началамъ мира и христіанской любви", и что поэтому въ высшей степени желательно освобожденіе церкви отъ этой „нравственно-тягостной" обязанности.

даній не соотвѣтствовало бы глубокому сознанію истинности началъ, лежащихъ въ основѣ вѣры Христовой". Поэтому—переходъ изъ православія въ магометанскую или еврейскую религіи „не долженъ вызывать какихъ-либо репрессивныхъ мѣръ противъ отпавшаго, но для него останутся въ силѣ всѣ невыгодныя относительно актовъ гражданскаго состоянія послѣдствія".

Эти положенія комитета министровъ были утверждены 17 апрѣля 1905 г. и въ тотъ же день изданъ соотвѣтствующій указъ. Наиболѣе существенныя постановленія этого указа заключались: 1) въ признаніи права отпаденія отъ православія во всякое другое христіанское вѣроисповѣданіе; 2) раздѣленіи вѣроученій, объединенныхъ раньше подъ названіемъ „расколъ", на 3 группы: а) старообрядчество [1]), б) сектантство и в) послѣдователи изувѣрныхъ ученій, самая принадлежность къ коимъ наказуема въ уголовномъ порядкѣ; 3) предоставленіи первымъ двумъ группамъ свободы частнаго и публичнаго богослуженія, постройки и ремонта церквей (съ существенными, однако, ограниченіями во всѣхъ этихъ случаяхъ); 4) распечатаніи всѣхъ закрытыхъ въ административномъ или судебномъ порядкѣ молитвенныхъ домовъ; 5) постановленіи о преподаваніи Закона Божія инославныхъ христіанскихъ исповѣданій на природномъ языкѣ учащихся и при томъ духовными лицами (лишь при отсутствіи ихъ—свѣтскими учителями) подлежащаго исповѣданія.

Затѣмъ указъ предписывалъ пересмотръ положеній, касающихся религіознаго быта мусульманъ, а также ламаитовъ (бурятъ и киргизъ), которыхъ впредь запрещено именовать оффиціально идолопоклонниками или язычниками Рескриптомъ 18 мая 1905 г. было образовано подъ предсѣдательствомъ гр. А. П. Игнатьева особое внѣвѣдомственное совѣщаніе, которому и была поручена дальнѣйшая разработка мѣръ, вытекающихъ изъ указа 17 апрѣля. 16 іюня старообрядцамъ и сектантамъ было разрѣшено имѣть особыя кладбища, а 25 іюня изданъ указъ „объ облегченіи участи лицъ, пострадавшихъ (по суду) за религіозныя преступленія". Этимъ указомъ однимъ изъ лицъ, осужденныхъ или привлеченныхъ къ суду по дѣламъ религіознаго свойства, давалась полная амнистія, другимъ (по дѣламъ, обложеннымъ особенно тяжелою карою—каторгою, ссылкой на поселеніе, исправительнымъ арестантскимъ отдѣленіемъ и пр.)—лишь сокращеніе сроковъ отбыванія наказаній и нѣкоторыя другія облегченія.

По вопросу о *положеніи печати* комитетъ министровъ намѣтилъ лишь самыя скромныя измѣненія. Высочайшимъ указомъ 21 января 1905 г. положеніе комитета министровъ давало печати лишь слѣдующія сколько-нибудь существенныя облегченія: 1) отмѣну права министерства внутреннихъ дѣлъ воспрещать печатаніе объявленій; 2) отмѣну обязательства отпечатывать пол-

---

[1]) Оффиціальное употребленіе термина „раскольникъ" воспрещено указомъ.

ностью изданія, освобожденныя отъ предварительной цензуры (и разбирать шрифтъ) еще до представленія въ цензурный комитетъ; 3) отмѣну разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ при переходѣ изданія отъ одного лица къ другому; 4) ограниченіе запрещенія розничной продажи лишь улицами и публичными мѣстами. Всѣ эти мѣры оставляли совершенно незатронутымъ общее положеніе печати, ея зависимость отъ администраціи, цензуру, систему предостереженій и запрещеній и пр. и пр. Для составленія проекта новаго устава о печати было образовано особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ директора Публичной библіотеки Д. Ѳ. Кобеко, съ назначеніемъ въ число его членовъ, кромѣ сенаторовъ и академиковъ (въ томъ числѣ Ключевскаго, Кони и Арсеньева), также нѣкоторыхъ редакторовъ и издателей: Стасюлевича, князя Мещерскаго, Пихно и Суворина, и съ правомъ приглашенія, по усмотрѣнію предсѣдателя, свѣдущихъ лицъ.

Не дожидаясь, однако, завершенія работъ этой комиссіи, правительство, подъ давленіемъ фактически завоевываемой печатью свободы, вынуждено было пойти нѣсколько дальше, чѣмъ это было намѣчено полож. ком. мин. 23 мая 1905 г. были изданы правила, отнимавшія у совѣщанія 4 министровъ (внутр. дѣлъ, нар. просв., юстиціи и об.-прокур. св. синода), право своею властью прекращать періодическія изданія. Отмѣнено было также право мин-ва внутр. дѣлъ пріостанавливать періодическія изданія съ предвар. цензурою на срокъ до 8 мѣсяцевъ.

Редакторамъ изданій, временно пріостановленныхъ послѣ троекратнаго предостереженія, разрѣшено на время пріостановки выдавать подписчикамъ изданія, выпускаемыя другими лицами.

Наконецъ, вопросъ о прекращеніи изданія предоставлено рѣшать сенату, а за мин. вн. дѣлъ оставлено право пріостанавливать изданія (хотя бы безъ предварительныхъ предостереженій) лишь до рѣшенія сената.

Что касается *судебнаго вѣдомства*, то министерство юстиціи находило, что для выполненія указа 12 декабря необходимо: 1) совершенное упраздненіе или коренное преобразованіе волостного суда; 2) передача судебной власти земскихъ (или крестьянскихъ) начальниковъ органамъ общей юстиціи; 3) учрежденіе должности уѣздныхъ единоличныхъ судей и введенія ихъ въ общую систему судебной организаціи; 4) отмѣна карательныхъ полномочій администраціи; 5) распространеніе начала судебной несмѣняемости на судей всѣхъ ранговъ и во всѣхъ мѣстностяхъ; 6) устраненіе всѣхъ проявленій зависимости суда отъ администраціи; 7) улучшеніе матеріальнаго положенія чиновъ судебнаго вѣдомства. 24 іюня было Высочайше утверждено полож. комитета министровъ въ указанномъ духѣ, и министру юстиціи повелѣно „незамедлительно" разработать соотвѣтствующія мѣропріятія по надлежащему оглашенію съ мин. вн. дѣлъ. Въ дѣйствительности же по судебной части

за это время были приняты лишь двѣ мелкихъ мѣры: отмѣна права Кавказскаго Намѣстника распоряжаться вмѣсто министра юстиціи опредѣленіемъ, увольненіемъ, перемѣщеніемъ и т. д. чиновъ судебнаго вѣдомства на Кавказѣ (13 іюля), и не имѣющія существеннаго значенія измѣненія и дополненія закона 7 іюня 1904 г. о порядкѣ производства по дѣламъ о преступныхъ дѣяніяхъ государственныхъ (Высочайше утвержд. мн. Государ. Совѣта, 16 іюня 1905 г.).

Проекты судебной реформы стояли въ связи съ другимъ вопросомъ, которому указъ 12 декабря придавалъ первостепенное значеніе: вопросомъ объ „охраненіи полной силы закона". Этотъ вопросъ о *законности* комитетъ министровъ подраздѣлилъ на три: 1) недопущеніе отступленій въ порядкѣ изданія законовъ; 2) о снабженіи должною властью и средствами воздѣйствія органовъ, призываемыхъ къ охраненію силы закона, и 3) объ отвѣтственности должностныхъ лицъ. Высочайше утв. 17 января 1905 г. пол. комитета мин. и послѣдующими Выс. утвержд. 6 іюня 1905 г. мнѣніемъ Госуд. Совѣта вопросы эти были рѣшены слѣдующимъ образомъ. Изданіе новыхъ законовъ (не исключая и временныхъ), измѣненіе, дополненіе, пріостановленіе дѣйствія, отмѣна и толкованіе законовъ должны были происходить впредь не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ, установленномъ основными законами. Отмѣнялось, такимъ образомъ, законодательство путемъ непосредственныхъ докладовъ министровъ Верховной Власти. Такимъ путемъ впредь должны были издаваться лишь Высочайшія повелѣнія въ порядкѣ верховнаго управленія. О всякихъ экстренныхъ мѣрахъ, вызванныхъ чрезвычайными обстоятельствами, и даже о тѣхъ, которыя утверждены Верховною Властью въ порядкѣ верховнаго управленія, министры обязывались доносить сенату, а въ случаѣ необходимости продлить ихъ на срокъ болѣе 6 мѣсяцевъ, проводить законодательнымъ порядкомъ.

Измѣнились и самыя полномочія сената. Еще рескриптомъ 22 января статсъ-секретарю А. А. Сабурову было поручено предсѣдательствованіе въ особомъ совѣщаніи, созванномъ для реформы сената. Но совѣщаніе это оказалось безсильнымъ. Упомянутымъ выше мнѣніемъ Государственнаго Совѣта было положено, что „на обязанность правительствующаго сената возлагается не разрѣшать обнародованія законодательныхъ постановленій, если порядокъ ихъ изданія не соотвѣтствуетъ правиламъ основныхъ государственныхъ законовъ". Этимъ и предполагалось разрѣшить вопросъ о надзорѣ за „охраною силы законовъ".

Наконецъ, рѣшеніе вопроса объ отвѣтственности должностныхъ лицъ свелось къ порученію министру юстиціи выработать, а Гос. Совѣту—„безотлагательно" разсмотрѣть соотвѣтствующіе законопроекты. Но до этого дѣло не дошло.

Не подвинулось оно дальше учрежденія особаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ гр. А. П. Игнатьева (Выс. у. 10 февр. пол. ком. мин. и рескриптъ 13 февр.) и въ вопросѣ первостепенной важности для всей системы государственнаго управленія въ Россіи—вопросѣ объ *исключительныхъ положеніяхъ*. Обсуждая этотъ вопросъ, комитетъ мин. констатировалъ, прежде всего, крайнюю распространенность дѣйствія этихъ положеній, изданныхъ вначалѣ въ видѣ временной мѣры на 3 года. Къ концу 1903 г. подъ ихъ дѣйствіемъ находился районъ въ 850 тыс. квадр. верстъ съ населеніемъ свыше 30 милл. душъ, а, кромѣ того, дѣйствіе нѣкоторыхъ статей этого положенія (аресты и обыски по подозрѣнію, утвержденіе и увольненіе служащихъ по земскимъ, городскимъ и судебно-мировымъ учрежденіямъ, передача политическихъ дѣлъ на разсмотрѣніе военныхъ судовъ) распространено на всю имперію. Обозрѣвая результаты такого примѣненія исключительныхъ положеній, комитетъ призналъ, что цѣли—„искорененія крамолы"—онѣ не достигли. Въ частности, тов. мин. вн. дѣлъ, И. Н. Дурново, ссылаясь на свою практику по департаменту полиціи, указалъ на „зависимость отъ личныхъ взглядовъ" того или другого администратора количества практикуемыхъ арестовъ и высылокъ, на широко распространенное примѣненіе исключительныхъ законовъ „не только къ лицамъ, политически неблагонадежнымъ, но и вообще къ обывателямъ", на „глухое раздраженіе", поддерживаемое въ обществѣ этою практикою. А предсѣдатель комитета министровъ, С. Ю. Витте, подчеркивалъ недѣйствительность исключительныхъ положеній, пока остаются въ силѣ причины, вызывающія броженіе, и въ числѣ такихъ причинъ выдвигалъ на первый планъ — бѣдственное положеніе рабочихъ, реакціонный университетскій уставъ и еврейское безправіе.

Заключеніе комитета министровъ сводилось къ тому, что необходимо пересмотрѣть исключительныя положенія съ тѣмъ, чтобы введеніе ихъ и особенно „стѣсненіе правъ частныхъ лицъ" допускалось „только въ случаяхъ, дѣйствительно угрожающихъ государственной безопасности". Т. о. объ отмѣнѣ исключительныхъ положеній не было и рѣчи. Но, какъ мы уже упоминали, ни шага не было сдѣлано и въ направленіи хотя бы того смягченія произвола, которое было намѣчено комитетомъ министровъ. Игнатьевское совѣщаніе, получившее порученіе „беззамедлительно" составить соотвѣтствующій законопроектъ, послѣ нѣсколькихъ засѣданій перестало подавать признаки жизни. А 25 іюня Выс. утвержденнымъ положеніемъ того же комитета министровъ „положеніе о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія" было продлено, „въ видѣ временной мѣры", до завершенія пересмотра, „но во всякомъ случаѣ на срокъ не далѣе одного года". И только, какъ бы въ утѣшеніе публикѣ, въ томъ же положеніи ком. мин. сообщалось, что мин. вн. дѣлъ ходатайствовалъ о продленіи не

на годъ, а на три года. Съ тѣхъ поръ эта формула „не далѣе одного года“ повторялась уже столько разъ, что и министръ вн. дѣлъ оказался въ своемъ ходатайствѣ слишкомъ большимъ оптимистомъ.

* * *

Таковы были законодательные акты и предположенія правительства и попытки намѣтить планъ самореформированія государственнаго строя подъ ударами неудачной войны и прямымъ натискомъ враждебныхъ ему силъ. Уже при самой выработкѣ плана совершенно ясно обнаруживалось безсиліе этого строя кореннымъ образомъ разрѣшить хоть одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ признавали необходимымъ для дальнѣйшаго существованія старой государственности сами же ея представители. Правительство, рѣшивъ приступить къ разностороннимъ реформамъ, въ каждой изъ нихъ останавливалось на полдорогѣ. Но и намѣченныя полуреформы не получали осуществленія. И, наоборотъ, какъ мы видѣли, желаніе немедленно реагировать на тѣ или другія проявленія общественнаго и народнаго движенія нерѣдко вызывало изданіе законодательныхъ актовъ, стоявшихъ въ полномъ противорѣчіи съ только что намѣченнымъ планомъ реформъ.

Это безсиліе государственной власти обнаружилось и въ такомъ вопросѣ, который самымъ непосредственнымъ образомъ задѣвалъ ея интересы и, казалось бы, больше, чѣмъ какой-либо другой, могъ вызвать правительство на рѣшительные и энергичные шаги. Мы говоримъ объ организаціи войны. И въ этой области все ограничилось мѣрами, чисто бюрократическаго характера. Рескриптомъ 5 мая на имя вел. кн. Николая Николаевича было образовано особое совѣщаніе для выработки положенія о совѣтѣ государственной обороны, а 8 іюня утверждено самое положеніе, въ которое, впрочемъ, уже 28 іюня были внесены нѣкоторыя измѣненія. Указомъ 8 іюня былъ упраздненъ особый комитетъ Дальняго Востока, а Выс. повелѣніемъ 21 іюня—различнаго рода учрежденія, состоявшія при намѣстникѣ на Дальнемъ Востокѣ, при чемъ вопросъ о замѣщеніи самой должности намѣстника оставленъ открытымъ. Наконецъ, Выс. п. 20 и 25 іюня была учреждена должность начальника генеральнаго штаба, непосредственно подчиненнаго Верховной Власти, и сформировано соотвѣтствующее управленіе. Этимъ и ограничились реформы въ области организаціи войны, которыя, разумѣется, не могли оказать сколько-нибудь существеннаго вліянія на ходъ ея.

Понятно, почему, не подвигая ни на шагъ впередъ дѣло дѣйствительнаго приспособленія государственнаго строя къ требованіямъ сложившихся подъ его покровомъ соціальныхъ силъ, всѣ эти реформаторскіе проекты, слухи, распространяемые о нихъ, противорѣчивыя мѣры, принимаемыя правительствомъ, и т. п., подхватываемые возбужденною общественною средою,

воспринимались ею какъ доказательство не мнимой силы стараго режима къ самореформированію, а несомнѣннаго безсилія его противостоять тому натиску, которому онъ подвергался со всѣхъ сторонъ. Попытки намѣтить планъ реформъ лишь раздражали своимъ явнымъ безплодіемъ и служили новымъ элементомъ, питавшимъ общественное движеніе.

Даже тѣ общественные круги, которые готовы были бы удовлетвориться тою скромною и непослѣдовательною программою, которую намѣтило правительство во исполненіе указа 12 декабря 1904 г., даже они не могли рѣшиться прочно связать себя съ правительственною политикою: не только фактически принимавшіяся законодательныя мѣры, но, еще больше, вся практика *управленія* громко свидѣтельствовала о томъ, что даже эту скромную програму реформъ старый порядокъ выполнить не въ силахъ. Въ слишкомъ кричащемъ противорѣчіи съ этою программою стояла вся практика государственной власти этого времени.

Это противорѣчіе тѣмъ острѣе давало себя знать, что 18 февраля правительство вынуждено было сдѣлать общественному движенію уступку, имѣвшую огромное принципіальное значеніе. Въ этотъ день рескриптомъ на имя мин. вн. дѣлъ А. Г. Булыгина было возвѣщено о намѣреніи „привлекать достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній“. Такъ какъ въ рескриптѣ одновременно говорилось о „непремѣнномъ сохраненіи незыблемости основныхъ законовъ имперіи“ и привлеченіи къ „совмѣстной работѣ“ съ правительствомъ „зрѣлыхъ“ силъ общественныхъ, то было ясно, что рѣчь идетъ о созданіи законосовѣщательнаго учрежденія съ ограниченнымъ представительствомъ. При всей своей скромности эта программа, несомнѣнно, отвѣчала пожеланіямъ, высказывавшимся еще недавно огромнымъ большинствомъ земствъ и дворянскихъ собраній и нашедшимъ себѣ выраженіе въ мнѣніяхъ меньшинства ноябрьскаго земскаго съѣзда. Такимъ образомъ правительство могло разсчитывать оторвать отъ общественнаго движенія опредѣленные землевладѣльческіе круги.

Въ этомъ отношеніи, быть можетъ, еще большее значеніе, чѣмъ рескриптъ, имѣлъ послѣдовавшій въ тотъ же день указъ правительствующему сенату. Указомъ этимъ на совѣтъ министровъ возлагалось „разсмотрѣніе и обсужденіе поступающихъ на имя Наше отъ частныхъ лицъ и учрежденій видовъ и предположеній по вопросамъ, касающимся усовершенствованія государственнаго благоустройства и улучшенія народнаго благосостоянія“. Этотъ указъ, которымъ поспѣшили широко воспользоваться и земства, и думы, и общественныя организаціи, былъ толкуемъ какъ прямое обращеніе правительства къ населенію за содѣйствіемъ и въ этомъ смыслѣ служилъ какъ бы

доказательствомъ искренности намѣреній государственной власти и безповоротности принятыхъ ею рѣшеній.

Болѣе того. Эти рѣшенія были дважды торжественно подтверждены. Одинъ разъ — въ видѣ отвѣта на сомнѣнія, высказанныя представителями промышленности, покидавшими Коковцовскую комиссію по рабочему вопросу. 26 мая министръ финансовъ, по порученію Государя Императора, увѣдомилъ предсѣдателя московскаго биржевого общества, Крестовникова, что „скорѣйшее осуществленіе Высочайшей воли, изъясненной въ рескриптѣ 18 февраля, составляетъ предметъ особыхъ заботъ Его Величества", и что совѣту министровъ повелѣно немедленно приступить къ разсмотрѣнію вопроса о созывѣ выборныхъ. Еще болѣе торжественно было подтверждено намѣреніе правительства созвать выборныхъ въ отвѣтѣ Государя извѣстной земско-городской депутаціи 6 іюня: „Отбросьте ваши сомнѣнія. Моя воля — воля Царская созывать выборныхъ отъ народа—непреклонна. Привлеченіе ихъ къ работѣ государственной будетъ выполнено правильно. Я каждый день слѣжу и стою за этимъ дѣломъ" [1]).

И, однако всѣмъ доступная дѣйствительность въ сильнѣйшей степени питала сомнѣнія даже въ тѣхъ общественныхъ кругахъ, которые готовы были бы удовлетвориться правительственною программою, если бы можно было разсчитывать на ея дѣйствительное, быстрое и послѣдовательное выполненіе.

Уже самый день опубликованія рескрипта 18 февраля далъ достаточно характерныя указанія. Рескриптъ былъ опубликованъ. Но еще утромъ того же самаго дня появился извѣстный манифестъ, въ которомъ о созывѣ выборныхъ не было ни слова, но который, наоборотъ, клеймилъ „ослѣпленныхъ гордынею злоумышленныхъ вождей мятежнаго движенія" и призывалъ всѣхъ чиновниковъ „усугубить бдительность по охранѣ закона, порядка и безопасности", а „благомыслящихъ людей всѣхъ сословій и состояній" — „соединиться... во святомъ и великомъ подвигѣ одолѣнія упорнаго врага внѣшняго, въ искорененіи въ землѣ нашей крамолы и въ разумномъ противодѣйствіи смутѣ внутренней". Самая форма манифеста, въ противоположность указу и рескрипту, благодаря прочтенію его во всѣхъ церквахъ, обезпечивала этому акту государственной власти несравненно болѣе широкое

---

[1]) 18 іюня была принята еще одна депутація, состоявшая изъ петербургскаго (графъ В. В. Гудовичъ) и московскаго (князь П. Н. Трубецкой) предводителей дворянства. Депутація эта поднесла записку, выработанную на совѣщаніи 26 губ. предв. дворянства. Записка, исходя, главнымъ образомъ, изъ опасностей аграрнаго движенія и неспособности „приказныхъ" справиться съ „преступной дѣятельностью мятежниковъ", апеллировала къ „совершенно добровольному, выпужденному сердцемъ и одобренному разумомъ союзу царя и старшаго сословія, слитаго со всею землицой", и въ *этомъ* духѣ поддерживала заявленія депутаціи 6 іюня. Предводителямъ дворянства было отвѣчено указаніемъ на скорое осуществленіе обширныхъ реформъ.

распространеніе и толковалась, какъ аппелляція къ „низамъ“, особенно мелкогородскимъ и крестьянскимъ. противъ движенія „верховъ“ и городскихъ рабочихъ, вынужденной уступкой которому являлся рескриптъ.

Но и дальше накоплялись симптомы, вызывавшіе сомнѣнія въ намѣреніяхъ правительства. За депутаціей 6 іюня была принята (21 іюня) другая депутація, во главѣ которой стояли графы Шереметевъ, А. Бобринскій. Дорреръ и другіе дворяне, не примкнувшіе къ земскому движенію и, хотя не оспаривавшіе самой мысли о созывѣ выборныхъ, но настаивавшіе, прежде всего, на сохраненіи самодержавія и сословнаго строя. Милостивый отвѣтъ полученный этой депутаціей, подчеркнувшей свой антагонизмъ къ депутаціи 6 іюня, ослабилъ тѣ надежды, которыя возбудилъ въ умѣренно-либеральныхъ кругахъ отвѣтъ, полученный послѣднею.

Попытки широко использовать указъ 18 февраля также немедленно наткнулись на препятствія. Правительственное сообщеніе (16 марта) объявляло, что, „для ускоренія дѣла“, министръ вн. дѣлъ призналъ необходимымъ чтобы „особое совѣщаніе“ приступило къ выработкѣ положенія о созывѣ выборныхъ „независимо отъ собиранія матеріала“. Это было равносильно объявленію, что всѣ мнѣнія, записки, резолюціи и проч. и проч. во вниманіе приняты не будутъ. Намѣреніе правительства игнорировать мнѣнія не только общественныхъ организацій, но и органовъ земскаго и городского самоуправленія, биржевыхъ обществъ и т. п., сказалось и въ томъ, что ни одно изъ многочисленныхъ ходатайствъ различныхъ учрежденій о допущеніи представителей ихъ къ работамъ Булыгинской комиссіи фактически не было удовлетворено.

Но и съ формальной стороны использованіе указа 18 февраля наталкивалось на затрудненія. Въ утвержденной 1 апрѣля „меморіи совѣта министровъ“ правительство высказало свое неудовольствіе „распространительнымъ толкованіемъ указа 18 февраля“. Предложеніе мин. фин. Коковцова объ изданіи новаго указа, разъясняющаго указъ 18 февраля „въ смыслѣ предоставленія означенныхъ въ ономъ правъ частнымъ обществамъ лишь въ предѣлахъ круга ихъ законной дѣятельности“.—было отвергнуто изъ опасенія, что такой новый указъ „произведетъ тягостное впечатлѣніе на населеніе“. Но, по существу дѣла, совѣтъ министровъ всталъ именно на точку зрѣнія Коковцова, пытаясь истолковать указъ 18 февраля такъ, что онъ „предоставляетъ населенію новыя широкія полномочія собственно о *подачѣ* заявленій правительству, но отнюдь не даетъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ какихъ-либо другихъ, ранѣе не принадлежавшихъ имъ, *правъ*“. Расходясь съ мин. фин. въ избраніи пути для достиженія такого ограничительнаго толкованія указа, совѣтъ министровъ полагалъ, что все дѣло въ „недостаточно энергичномъ, смѣломъ пользованіи властями предоставленными имъ закономъ правами“ и, б. м., въ „несовершенствѣ или неполнотѣ нынѣ дѣйствующихъ указаній“. Министру юстиціи было пору-

чено имѣть въ виду эти сообщенія „въ руководствѣ текущею дѣятельностью судебныхъ чиновъ“, а мин. вн. дѣлъ издало 12 апрѣля циркуляръ, имѣвшій цѣлью внушить администраціи „энергію и смѣлость“. Въ этомъ циркулярѣ разъяснялось, что не допускается „разсмотрѣніе вопросовъ, по содержанію своему не соотвѣтствующихъ предуказаннымъ съ высоты престола преобразованіямъ“, а обсужденіе политическихъ вопросовъ въ собраніяхъ разрѣшается лишь въ томъ случаѣ, „если не будетъ усмотрѣна опасность возможныхъ вслѣдствіе сего нарушеній общей тишины и спокойствія“.

Циркуляръ этотъ еще больше поощрилъ усердіе мѣстныхъ властей, и до него употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы помѣшать принятію политическихъ резолюцій не только въ частныхъ собраніяхъ, но и въ земскихъ и городскихъ. Эти усилія оставались безрезультатными. И мѣстная, и центральная администрація были не въ состояніи сопротивляться напору общественнаго движенія. Но тѣмъ больше эти усилія подчеркивали и неискренность дѣлаемыхъ уступокъ, и безсиліе правительства. Мѣшая однимъ общественнымъ кругамъ связать свою судьбу съ судьбою правительства, они поощряли другіе слои къ усиленію атаки на него, изолируя его и оставляя ему единственную опору въ лицѣ реакціонныхъ слоевъ дворянства и того „черносотеннаго“ движенія, которое начало въ эту эпоху складываться при содѣйствіи этого дворянства [1]).

Но дворянское содѣйствіе въ эту пору было еще сравнительно мало замѣтно и не носило организованнаго характера. Тѣмъ очевиднѣе за то было для жертвъ и свидѣтелей черносотеннаго движенія, выливавшагося въ избіенія и погромы, какъ „инородцевъ“, такъ и интеллигенціи, прямое участіе и руководящая роль мѣстнаго административнаго персонала и, особенно, полиціи. Февральскія избіенія въ Баку, Курскѣ, Казани, Псковѣ, Москвѣ, Тамбовѣ, Уральскѣ и др. мѣстахъ, апрѣльскіе погромы евреевъ въ Житомирѣ и мелкихъ мѣстечкахъ, іюльскія избіенія въ Нижнемъ-Новгородѣ, Балашовѣ, Екатеринославѣ, снова въ Баку и т. д.—вездѣ и всюду наблюдалась одна и та же картина прямого подстрекательства громилъ чинами мѣстной администраціи или, по крайней мѣрѣ, столь пассивнаго отношенія послѣдней и войскъ къ избіеніямъ евреевъ, земскихъ служащихъ, врачей, учителей, учащихся и т. д., что оно было равносильно поощренію и попустительству. Въ рядѣ оффиціальныхъ заявленій отъ имени департамента полиціи и отдѣльныхъ губернаторовъ правительство пыталось опровергнуть эту связь его мѣстныхъ агентовъ съ черносотеннымъ движеніемъ и даже утверждать, какъ это сдѣлалъ по поводу Балашовскаго избіенія земскихъ врачей саратовскій губернаторъ П. А. Столыпинъ въ своемъ письмѣ пред-

[1]) Объ этомъ движеніи см. въ нашей статьѣ „Политическая эволюція и пр.“ во II томѣ настоящаго изданія.

сѣдателю земской управы, что именно „имъ, полиціи и казакамъ, г.г. земскіе служащіе обязаны своею сохранностью“. Но всѣ такого рода оффиціальныя попытки, противорѣчившія всѣмъ доступнымъ фактамъ, не только не мѣняли всеобщаго убѣжденія въ причастности мѣстной администраціи и полиціи къ черносотенному движенію, но еще служили въ глазахъ задѣтыхъ этимъ движеніемъ общественныхъ круговъ доказательствомъ того, что эти дѣйствія мѣстныхъ чиновъ прикрываются и поощряются центральною властью. Такіе инциденты, какъ опубликованіе „правительственнаго сообщенія“ по поводу житомирскаго погрома съ рядомъ фактическихъ данныхъ, взваливавшихъ всю вину на евреевъ, а впослѣдствіи категорически опровергнутыхъ мѣстною губернскою властью, лишь усиливали это впечатлѣніе.

Оно пріобрѣло характеръ увѣренности, когда, сейчасъ же послѣ Цусимскаго пораженія, Д. Ф. Треповъ былъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдущимъ полиціею (24 мая). Указомъ 23 мая этому товарищу были присвоены во всемъ, касающемся полиціи, ея правъ и обязанностей, права министра. Это означало, въ сущности, выдѣленіе полицейской части изъ вѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ, а при всесиліи полиціи въ это время и подчиненіи полицейскимъ видамъ всѣхъ другихъ соображеній, означало настоящую диктатуру даннаго товарища министра надъ всѣмъ правительственнымъ механизмомъ.

Такъ именно и было понято новое назначеніе Д. Ф. Трепова,—прежде всего, тѣми именно общественными кругами, которыхъ правительство могло бы привлечь къ себѣ своей оффиціальной программой. Либеральные земцы, земская интеллигенція, люди либеральныхъ профессій, въ первую голову, почувствовали на самихъ себѣ и на своихъ дѣтяхъ начинающіеся ужасы черносотеннаго движенія. Это движеніе чувствовало себя еще слишкомъ слабымъ, чтобы обрушиться въ городахъ на рабочее населеніе. Оно шло по линіи наименьшаго сопротивленія и изливало свою ненависть на земцевъ и людей интеллигентныхъ профессій, тѣмъ болѣе, что въ этомъ именно направленіи легче всего было демагогически использовать антагонизмъ городскихъ низовъ къ „барину“. Потребность въ самообороне толкала умѣренно либеральные круги въ оппозицію, заставляла ихъ искать поддержки у революціонныхъ организацій, вызывала сплоченіе противоправительственныхъ силъ тамъ, гдѣ правительственная программа могла внести расколъ.

Уже возстановленіе московскаго генералъ-губернаторства (указъ 12 апр.) было понято умѣренно-либеральнымъ обществомъ, какъ актъ, направленный противъ его стремленій. Но и вообще въ то самое время, какъ въ комитетѣ министровъ разрабатывался рядъ вопросовъ, связанныхъ съ расширеніемъ правъ земскаго и городского самоуправленія и съ привлеченіемъ дѣятелей этого самоуправленія къ участію въ разработкѣ политическихъ вопро-

совъ, практика администраціи по отношенію къ органамъ мѣстнаго самоуправленія оставалась пропитанною тѣмъ же полицейскимъ духомъ, что и раньше. Такъ, въ январѣ 1905 г. тульскимъ губернаторомъ Шлиппе была уволена безъ прошенія вся губернская земская управа. О рядѣ конфликтовъ земствъ и городскихъ думъ съ администраціей на почвѣ использованія указа 18 февраля мы уже говорили. Съ новымъ назначеніемъ Д. Ф. Трепова попытка задавить либеральное движеніе приняла еще болѣе систематическій и настойчивый характеръ. И то, что эти попытки неизмѣнно оканчивались неудачею, лишь питало въ либеральныхъ кругахъ сознаніе своей силы и безсилія правительства. Такъ, Д. Ф. Треповъ пытался запретить майскій съѣздъ земцевъ, но съѣздъ этотъ не только состоялся, но и выбралъ извѣстную депутацію, которая была принята. Также безуспѣшны оказались и попытки запретить засѣданіе петербургской городской думы для выбора депутаціи и цѣлый рядъ другихъ подобныхъ шаговъ. Циркуляръ 18 іюля, въ которомъ, послѣ неудачной попытки помѣшать созыву новаго земскаго съѣзда, іюльскаго, Треповъ объявлялъ рѣшительную войну земскому движенію и предписывалъ всѣмъ чинамъ полиціи ни въ какомъ случаѣ не допускать выполненія рѣшенія этого съѣзда о пропагандѣ принятыхъ имъ резолюцій среди населенія, увѣнчалъ этотъ походъ противъ земскаго либерализма [1]).

Не болѣе удачна была и борьба Трепова съ движеніемъ интеллигенціи. Препятствія, которыя начала чинить полиція интеллигентскимъ собраніямъ, то обходились (собраніе журналистовъ на пароходѣ и инженеровъ въ Сестрорѣцкѣ, демонстрація въ Павловскѣ), то просто игнорировались, подливая масла въ огонь и дискредитируя правительство. Не рѣшаясь напасть на выроставшіе, какъ грибы, интеллигентскіе „союзы“ прямо, полиція прибѣгала къ обходнымъ путямъ, какъ, напр., къ попыткамъ давленія на содержателей гостиницъ и ресторановъ, гдѣ устраивались собранія. Такъ было, напр., съ съѣздомъ „союза инженеровъ“, который Треповъ резолюціей 26 іюня приказалъ „разбить“. Или же власти просто мирились съ совершившимся фактомъ, удовлетворяясь, какъ это, напр., сдѣлалъ пермскій губернаторъ по отношенію къ собраніямъ мѣстнаго отдѣла союза инженеровъ, заявленіемъ, что будутъ считать всѣ такого рода собранія „впредь до какихъ-либо разъясненій лишенными законнаго основанія“. Разумѣется, все это лишь ставило органы власти въ смѣшное положеніе и внушало противникамъ ея увѣренность въ близости побѣды. Попытки же администраціи выполнить свою угрозу и при-

1) Для характеристики разложенія, начавшаго уже въ эту пору охватывать государственный механизмъ, любопытно отмѣтить, что, одновременно съ грознымъ циркуляромъ Трепова и помимо Трепова, былъ командированъ къ участникамъ закончившагося іюльскаго съѣзда сенаторъ Постовскій съ особымъ порученіемъ, состоявшимъ въ попыткѣ возстановить „хорошія отношенія“ между правительствомъ и земцами. См. „Освобожденіе“, №№ 76 и 78/79.

влечь лицъ, нарушающихъ ея приказанія, къ суду вышли еще неудачнѣе. На привлеченіе къ суду отдѣльныхъ членовъ союзовъ—сначала адвокатовъ, потомъ инженеровъ и другихъ—вся масса членовъ этихъ союзовъ реагировала заявленіями о своемъ соучастіи въ преступленіи, вмѣняемомъ въ вину отдѣльнымъ, наудачу выхваченнымъ, лицамъ. И такъ какъ въ эту эпоху „союзы" охватывали почти всю совокупность людей интеллигентскихъ профессій, то передъ перспективой посадить на скамью подсудимыхъ всю русскую адвокатуру, или всѣхъ русскихъ инженеровъ и т. д. правительство вынуждено было отступить и превращать свою угрозу въ пустой жестъ.

Борьба съ интеллигенціей, тѣсно соприкасавшейся съ либеральнымъ обществомъ, дополнялась тою политикою, которую вело министерство народнаго просвѣщенія подъ руководствомъ генерала Глазова. Въ виду широко распространившейся студенческой забастовки было образовано подъ предсѣдательствомъ Витте совѣщаніе министровъ и предсѣдателей департаментовъ гос. совѣта для выработки мѣръ борьбы съ этимъ явленіемъ. В. у. 16 апрѣля мнѣніе госуд. совѣта, явившееся плодомъ работъ этого совѣщанія, намѣтило мѣры чисто репрессивнаго характера: закрытіе общежитій, столовыхъ и т. п.; угроза закрытіемъ учебныхъ заведеній съ увольненіемъ всѣхъ студентовъ и профессоровъ и т. д. [1]). Какъ извѣстно, эти мѣры не возымѣли желаемаго дѣйствія. Правительство вынуждено было уступить. 10 іюня было образовано подъ предсѣдательствомъ мин. нар. просв. совѣщаніе для пересмотра университетскаго устава, а 27 августа высшимъ учебнымъ заведеніямъ была дана автономія, вводившая выборное начало въ управленіе ими и предоставлявшая имъ возможность болѣе самостоятельно регулировать свою внутреннюю жизнь.

Это благопріятное для либеральнаго общества окончательное рѣшеніе университетскаго вопроса не мѣшало, конечно, всей политикѣ мин. нар. прос. оказывать самое раздражающее вліяніе какъ разъ на умѣренные общественные круги. И это—тѣмъ болѣе, что, благодаря избіенію гимназистовъ и гимназистокъ въ разныхъ городахъ (Курскъ, Псковъ и др.) и переносу броженія въ средне-учебныя заведенія, очень острое значеніе пріобрѣла и политика министерства по отношенію къ средней школѣ. Не довѣряя педагогическому персоналу этой школы, не надѣясь на него даже въ смыслѣ огражденія дѣтей отъ насилій черносотенцевъ и полиціи, родителя, даже самые

---

[1]) Мотивы, игравшіе роль въ политикѣ мин. нар. просвѣщ., видны, напр., изъ письма варш. ген.-губ. К. Максимовича министру нар. просв. отъ 21 марта (Осв. № 69—70). Предлагая, по совѣщаніи съ попеч. уч. окр. Шварцемъ, закрыть высшія уч. заведенія и исключить студентовъ, ген.-губ. поясняетъ: „осуществленіе этой мѣры дастъ мнѣ возможность немедленно же выслать изъ Варшавы, по мѣсту приписки, до 1.200 студентовъ, числящихся постоянными жителями иногороднихъ мѣстностей, и принять болѣе радикальныя мѣры относительно остальныхъ".

умѣренные, невольно толкались къ попыткамъ самостоятельнаго вмѣшательства въ ходъ учебной и воспитательной жизни. Министерство ставило препятствіе этому вмѣшательству родителей, не допускало совмѣстныхъ собраній ихъ съ учащимися (цирк. 4 мая), воспрещало педагогическимъ совѣтамъ принятіе политическихъ резолюцій, грозило учителямъ карами за образованіе союзовъ (цирк. 21 іюня) и т. д. и т. д.

Вотъ—цѣлый рядъ правительственныхъ мѣръ и распоряженій, которыми непосредственно вносилось раздраженіе въ либеральные круги общества и сѣялось справедливое сомнѣніе въ искренности реформаторскихъ намѣреній. Но—это еще не все. Наблюдая въ цѣломъ рядѣ случаевъ солидарность между чинами администраціи и черносотеннымъ движеніемъ, либеральное общество естественно переносило эту солидарность и на всѣ проявленія этого движенія. А между тѣмъ оно въ эту эпоху начало угрожать либеральнымъ землевладѣльцамъ и съ такой стороны, съ которой трудно было ожидать. Мы видѣли, съ какою суровостью расправлялось правительство съ крестьянскими волненіями. Эта суровость не помѣшала тому, чтобы въ то же самое время велась на почвѣ крестьянскаго недовольства демагогическая черносотенная агитація, имѣвшая цѣлью натравить крестьянина на либеральнаго „барина". Въ газетахъ этого времени то и дѣло появляются извѣстія о „патріотическихъ" рѣчахъ священника, послужившихъ послѣднимъ толчкомъ къ аграрнымъ безпорядкамъ (напр., въ аткарскомъ у. сарат. губ.), то о какихъ то прасолахъ, появившихся на сельскихъ базарахъ съ призывомъ „бить студентовъ и баръ" (напр., въ дмитровскомъ уѣздѣ курской губ.), то о прокламаціяхъ „православнаго русскаго комитета", призывающихъ къ избіенію „поляковъ и жидовъ" и въ награду обѣщающихъ крестьянамъ землю [1]). Всѣ такого рода явленія, какъ и избіенія въ городахъ, іюльскій пожаръ одесскаго порта, рѣзня и пожаръ въ Баку и т. д., разумѣется, не подкрѣпляли, а уничтожали усилія, дѣлаемыя правительствомъ для сближенія съ умѣренными общественными слоями, и все больше и больше изолировали государственную власть. Революціонное движеніе народныхъ массъ пока лишь въ слабой степени развернуло свою сторону, обращенную противъ имущихъ классовъ. А попытки демагогически использовать и раздуть эту именно сторону для борьбы съ политическими притязаніями имущихъ классовъ заставляли послѣдніе напрягать усилія, чтобы, наоборотъ, направить народное движеніе въ политическое русло, обратить его противъ правительства.

---

[1]) Вотъ, напр., выписка изъ одной такой прокламаціи: „Царь секретно сказалъ если бы избавиться отъ поляковъ и жидовъ, то всю землю роздалъ бы между крестьянъ". (См. „Право" за 1905 г., № 10, стр. 730. Письмо прис. пов. Гольдовскаго).

Это было тѣмъ легче, что, при всемъ показномъ народолюбіи и реформаторскомъ прожектерствѣ, народныя массы на каждомъ шагу своей дѣйствительной борьбы наталкивались на жесточайшія репрессіи правительства. Мы упоминали уже объ этомъ по отношенію къ крестьянскому движенію. Еще въ большей мѣрѣ пришлось испытать это на себѣ рабочему классу. Въ то самое время, когда созывались комиссіи, обсуждалось рабочее законодательство, проектировалось провозглашеніе права стачекъ и т. п.,—въ это самое время происходили массовые разстрѣлы бастующихъ рабочихъ (Варшава, Рига и др.— въ январѣ, Баку—въ февралѣ, Варшава, Лодзь, Калишъ—въ апрѣлѣ, Лодзь, Одесса, Тифлисъ—въ іюнѣ, Новороссійскъ—въ іюлѣ, Баку—въ августѣ и т. д. и т. д.). Въ это же самое время формулируемыя рабочими требованія права стачекъ объявлялись „не подлежащими разсмотрѣнію", газетамъ воспрещались сборы на безработныхъ, по адресу стачечниковъ раздавались угрозы военнымъ судомъ и дѣлались попытки сломить забастовку призывомъ рабочихъ, состоящихъ въ запасѣ, внѣ очереди на дѣйствительную военную службу.

Національный гнетъ не прекращался [1]). Окраины постепенно оказались почти всѣ на военномъ положеніи. А для Кавказа, гдѣ революція дѣлала особенно быстрыя завоеванія, было возстановлено намѣстничество (указъ 26 февр.). По вступленіи въ должность намѣстника, графъ И. И. Воронцовъ-Дашковъ оффиціально объявилъ, что имъ будутъ собраны совѣщанія представителей населенія для обсужденія мѣръ для прекращенія разбоевъ и составленія предположеній о судебной и земской реформѣ, о размежеваніи земель и разселеніи малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ. Кромѣ того, намѣстникъ обѣщалъ пересмотръ вопроса объ имуществахъ армянской церкви. Какъ извѣстно, послѣднее обѣщаніе было выполнено, въ остальномъ же власть намѣстника была направлена почти исключительно на борьбу съ народными движеніями. Для этой цѣли сначала (указомъ 3 мая) была усилена власть намѣстника и его независимость отъ министровъ, а затѣмъ (указъ 22 мая) учреждена должность завѣдывающаго полиціею на Кавказѣ, получившаго права помощника намѣстника. Рѣзня армянъ на Кавказѣ, аналогичная по обстановкѣ еврейскимъ погромамъ на западѣ и югѣ, придала въ глазахъ населенія этой окраины всей кавказской политикѣ смыслъ, весьма далекій отъ задачъ умиротворенія.

Вѣротерпимость и послѣ указа 17 апрѣля на практикѣ оказывалась почти не существующею. На отсутствіе ея указывали, напр., губернскіе предводители дворянства въ своей запискѣ, поданной на аудіенціи 18 іюня. Примѣромъ административной практики въ этомъ вопросѣ можетъ служить хотя бы объявленіе варшавскаго генералъ-губернатора (20 мая). Въ этомъ

[1]) Маленькій, но характерный примѣръ представляетъ циркуляръ варш. ген.-губ. (17 іюня), подтверждавшій запрещеніе носить польскій „національный костюмъ".

объявленіи ген.-губ. говорилъ, что ему „съ горестнымъ чувствомъ приходится замѣчать, какъ нѣкоторыми людьми, или по заблужденію, или вслѣдствіе злой воли, великая Царская милость толкуется совершенно превратно". „Превратное толкованіе" заключалось въ отпаденіи отъ православія и попыткахъ склонять и другихъ къ такому же отпаденію въ римско-католическую вѣру. Ген.-губ. заявлялъ, что „право свободно распространять свое вѣроученіе" принадлежитъ лишь православной церкви и воспрещается, подъ страхомъ уголовной кары, лицамъ другихъ исповѣданій. Одновременно ген.-губ. освѣдомлялъ православное населеніе, что „православные монастыри, церкви и святыя иконы Царь православный и впредь никому не отдастъ". Это было равносильно утвержденію, что полякамъ не будетъ возвращено отобранное у нихъ въ разное время церковное имущество.

Не повезло и „законности". Именно послѣ указа 12 декабря и послѣ утвержденнаго въ серединѣ января мнѣнія комитета министровъ, цѣлый рядъ важнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ былъ принятъ внѣ законнаго порядка, т. е. помимо государственнаго совѣта. Сюда относятся, напр. отмѣна моск. ген.-губернаторства (1 янв.); учрежденіе петербургскаго ген.-губернаторства (11 янв.); упраздненіе Виттевскаго „особаго совѣщанія" (30 марта); репрессивныя мѣры противъ крестьянскихъ безпорядковъ (10 апр.); расширеніе правъ кавказск. намѣстника (3 мая); опредѣленіе правъ тов. мин. вн. д., завѣдующаго полиціей (21 мая); учрежденіе комитета по земельнымъ дѣламъ и образованіе главнаго управленія землеустройства (6 мая): учрежденіе должности завѣдующаго полиціей на Кавказѣ (22 мая); положеніе о совѣтѣ госуд. обороны (8 іюня); учрежденіе должности начальника генеральнаго штаба (20 іюня) и т. д. и т. д.

Само собою разумѣется, въ данной обстановкѣ не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы сенатъ воспользовался своимъ правомъ отказать въ распубликованіи этихъ мѣръ, принятыхъ внѣ законнаго порядка. Наоборотъ. И сенатъ, и судъ, несмотря на всѣ проекты усиленія ихъ „независимости", своими противорѣчивыми толкованіями и своей измѣнчивой практикой—то мягкой, то суровой, примѣнительно къ господствовавшимъ „вѣяніямъ",—слишкомъ очевидно обнаруживали свою все возраставшую зависимость отъ общаго направленія правительственной политики [1]).

А этой политикѣ некогда было думать сейчасъ о правильной постановкѣ суда. Вопреки всѣмъ разговорамъ о „законности", упорядоченія „усиленной охраны" и т. д., она шла въ борьбѣ съ общественнымъ движе-

---

[1]) Мелкимъ, но характернымъ показателемъ состоянія суда служитъ нашумѣвшій эпизодъ, происшедшій 21 іюля въ петербургской судебной палатѣ, гдѣ предсѣдатель т. с. Гредингеръ, вмѣсто резолюціи по одному дѣлу, прочиталъ, по ошибкѣ вполнѣ готовую резолюцію по другому дѣлу, еще не слушавшемуся.

ніемъ на проломъ [1]). Началась эра военныхъ судовъ и смертныхъ казней [2]). Все чаще стали раздаваться со стороны начальствующихъ лицъ предписанія войскамъ „дѣйствовать оружіемъ безъ малѣйшихъ снисхожденій [3]). Циркуляръ Д. Ф. Трепова (28 іюня) возводилъ эту безпощадность въ систему, внушая чинамъ полиціи, что „примѣненіе ими оружія при обдуманной оцѣнкѣ этой мѣры отнюдь не можетъ быть имъ вмѣняемо въ служебную вину, которая, наоборотъ, будетъ усмотрѣна въ уступчивомъ отношеніи къ нарушителямъ порядка". Исключительныя положенія, вопреки всѣмъ разсужденіямъ комитета министровъ, распространялись съ угрожающею быстротою, и при томъ не только при наличности „безпорядковъ", но и (напр. въ севастопольскомъ и николаевскомъ градоначальствахъ) „для *предупрежденія возможности возникновенія* безпорядковъ". Съ января по августъ положеніе объ усиленной охранѣ и военное положеніе введено въ цѣломъ рядѣ мѣстностей [4]).

Само собою понятно, что и печать не осталась внѣ этого града репрессій [5]). А рядъ циркуляровъ стремился ограничить кругъ вопросовъ, обсуждаемыхъ въ печати. Такъ, циркуляромъ главн. упр. по дѣламъ печати отъ 23 апр. было запрещено въ теченіе 3 мѣсяцевъ оглашать или обсуждать извѣстія, касающіяся земскаго съѣзда; 5 мая—въ теченіе 6 мѣсяцевъ обсуждать Выс. приказъ о капитанѣ Кладо; 23 мая—писать о предстоящемъ съѣздѣ земскихъ и городскихъ дѣятелей; 25 мая приказано представлять

---

[1]) Каково было на практикѣ отношеніе къ законности, суду, уничтоженію административнаго произвола и пр., показываетъ, напр., слѣдующая выписка изъ циркуляра (29 іюля 1905 г.) саратовскаго губернатора, П. А. Столыпина, по поводу балашовскаго избіенія: „если *не будутъ* достаточно изобличены *судебною властью* участники погрома, то во всякомъ случаѣ я подвергну административному взысканію лицъ, *изобличенныхъ полиціею*".

[2]) 17 казней за январь—августъ.

[3]) Объявленіе варш. ген.-губ. (14 мая).

[4]) Вотъ ихъ списокъ: усилен. охрана: константиноградскій, переяславскій и лубенскій уѣзды полтавской губ.; Бѣлостокъ (31 дек. 1904); одновременно предоставлены исключительныя права администраціи въ Саратовѣ, саратовской губ., Полтавѣ и Кременчугѣ съ уѣздами, Могилевѣ, Гомелѣ, Минскѣ, Юрьевѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и томской губ.; Мелитополь (22 янв.); губ.: калишская, сѣдлецкая, радомская (26 янв.); Варшава, Лодзь и губ. варшавск. и петроковская (10 февр.); Кутаисъ и 3 уѣзда кутаисск. губ. (13 ф.); губ. люблинская, сувалкская, полоцкая, ломжинская и кѣлецкая (15 ф.); Эривань (25 ф.); Лифляндія и Курляндія (14 марта); витебская губ (16 м.); Вильна, Гродно, Сморгонь (20 апр.); 3 уѣзда тифлисск. губ. (10 мая); таврическая губ. (11 мая); Уфа (13 мая); Новороссійскъ (25 іюля); военное положеніе: 3 уѣзда кутаисской губ. и 1 уѣздъ батумской области (21 февр.); Баку и бакинская губ. (25 ф.); Лодзь и лодзинскій уѣздъ (11 іюня); Одесса и одесскій уѣздъ (15 іюня); Эривань, Севастополь, Николаевъ, Ѳеодосія, Тифлисъ и тифлисская губ., Иваново-Вознесенскъ (16 іюня).

[5]) Различныя репрессіи (воспрещеніе розничной продажи, пріостановка, предостереженія и пр.) постигли за январь—іюль слѣдующія столичныя изданія: Русскія Вѣдомости, Русь, Вечерняя Почта, Русское Слово, Слово, Новости, Наша Жизнь, Наши Дни, Сынъ Отечества, Русская Мысль. Усчитать репрессіи, обрушивавшіяся на провинціальныя изданія, мы не имѣемъ возможности.

всѣ замѣтки и статьи, касающіяся стачекъ и безпорядковъ, на разрѣшеніе полиціи; 26 мая запрещено дѣлать извлеченія изъ изданнаго на правахъ рукописи сборника документовъ по переговорамъ съ Японіею въ 1903—1904 гг. Затѣмъ было запрещено сообщать свѣдѣнія о „неразрѣшенныхъ правительствомъ всякаго рода съѣздахъ, союзахъ и собраніяхъ", а также о „внутренней жизни отдѣльныхъ войсковыхъ, сухопутныхъ и морскихъ частей" (цирк. 12 іюня). 4 іюля былъ изданъ общій циркуляръ, которымъ имѣлось въ виду лишить печать права обсуждать соціальные, политическіе и тактическіе (споръ о бойкотѣ Думы) вопросы. Наконецъ, 27 іюля было запрещено газетамъ дѣлать сборы въ пользу стачечниковъ.

Печать совершенно игнорировала большую часть этихъ распоряженій. Волнующіе факты, потрясающія извѣстія напирали со всѣхъ сторонъ, заполняли столбцы газетъ, разнося повсемѣстно возбужденіе. Число читателей періодической прессы возросло необычайно. То, что недоговаривала легальная печать, договаривала подпольная и зарубежная, распространявшаяся въ огромномъ количествѣ. Политическіе памфлеты, брошюры, каррикатуры встрѣчали небывалый спросъ. Политическія собранія множились, ихъ резолюціи принимали все болѣе радикальный характеръ, общественныя организаціи росли, какъ грибы.

Всему этому бурному потоку противостояло правительство, обнаружившее уже и неувѣренность въ себѣ, и неискренность въ реформаторскихъ проектахъ, и растерянность при каждомъ новомъ ударѣ. А эти удары шли не только извнѣ, но и изнутри устойчивость государственнаго механизма подрывалась разлагавшими его процессами. Волненія въ сухопутныхъ войскахъ, среди новобранцевъ и запасныхъ возстанія во флотѣ (броненосецъ „Потемкинъ", волненія въ Либавѣ и Кронштадтѣ) порождали настоящую панику. Попытки бороться съ броженіемъ въ войскахъ усиленнымъ распространеніемъ реакціонной литературы [1]) достигали обратныхъ результатовъ, обостряя интересы къ политическимъ вопросамъ. Строгія карательныя мѣры (см., напр., рескриптъ 25 іюня на имя морского министра А. А. Бирилева) также не помогали охранѣ арміи и флота отъ политическаго возбужденія, вливавшагося въ нихъ изъ окружающей среды. Административный персоналъ также обнаруживалъ колебанія, подобныя тѣмъ, которыя можно было констатировать на самыхъ верхахъ бюрократической лѣстницы при началѣ массоваго движенія—въ январѣ 1905 года. Въ то время, какъ одна часть этого персонала все тѣснѣе связывалась съ черносотеннымъ движеніемъ, ослабляя такимъ путемъ свою зависимость отъ непосредственнаго начальства, другая—подъ впечатлѣніемъ успѣховъ общественнаго движе-

[1]) Примѣръ такихъ попытокъ даетъ, напр., „Приказъ по 159 пѣхотн. Гурійскому полку 19 янв. 1905 г." (Осв. № 68): „предписываю гг. офицерамъ, назначеннымъ для производства чтенія въ батальонахъ, прочитать и разъяснить нижнимъ чинамъ помѣщенную въ № 7—14 газеты „Свѣтъ" статью: „Японцы—создатели забастовки".

нія и явнаго безсилія правительства не чувствовала особеннаго желанія быть слишкомъ усердной въ выполненіи возложенныхъ на нее репрессивныхъ обязанностей. Такъ, напр., еще въ январѣ саратовская полиція отказывается насильственно разгонять митинги, а высшіе чины ея даже демонстративно подаютъ въ отставку. Избіеніе учащихся въ Курскѣ (12 февр.) даетъ поводъ приставамъ екатеринославской полиціи выразить свое порицаніе приставамъ курскимъ и т. д. и т. д.

Единственною ставкою правительства остаются крайне проблематичные успѣхи въ военныхъ дѣйствіяхъ. Миръ послѣ ряда неудачъ представляется невозможнымъ. Еще 15 іюля на телеграммѣ оренбургскаго духовенства кладется резолюція: „Русскіе люди могутъ положиться на Меня.—Я никогда не заключу позорнаго или недостойнаго великой Россіи мира". Но пораженіе слѣдуетъ за пораженіемъ. Эскадра Рождественскаго—послѣдняя иллюзорная надежда—гибнетъ. Смѣна главнокомандующаго ничего въ положеніи дѣлъ не мѣняетъ. Приходится, при посредничествѣ президента Сѣв.-Американскихъ штатовъ, идти навстрѣчу Портсмутскому миру (23 авг.), условія котораго наносятъ тяжелый ударъ національному самолюбію и означаютъ отреченіе отъ задачи—утвердить свое господство на водахъ Тихаго океана, которая была возвѣщена, какъ цѣль войны. Манифестъ 6 августа о созывѣ Государственной Думы долженъ былъ смягчить тяжесть этого удара, успокоить общественное движеніе и облегчить его примиреніе съ крушеніемъ военнаго могущества Имперіи.

II.

6 августа—27 октября 1905 г.

Гибель эскадры Рождественскаго — послѣдней отчаянной ставки въ войнѣ—вызвала настоящую панику въ правящихъ сферахъ. Какъ видно изъ „меморіи совѣта министровъ" по дѣлу о Госуд. Думѣ, въ связи съ Цусимой явилась даже мысль о немедленномъ созывѣ выборныхъ („Земскаго собора") для рѣшенія вопроса о продленіи или прекращеніи войны и для обсужденія другихъ вопросовъ „какъ законодательства, такъ и высшаго управленія". Былъ уже составленъ и рядъ проектовъ Высочайшихъ указовъ и манифестовъ въ этомъ смыслѣ. Эта мысль была оставлена лишь въ виду „возможности попытки самовольнаго продленія ими (выборными) своихъ полномочій и занятій внѣ всякаго контроля правительства, ихъ собравшаго".

Но за то была ускорена выработка порученнаго мин. вн. дѣлъ А. Г. Булыгину проекта народнаго представительства и уже 23 мая, минуя предположенное ранѣе „совѣщаніе“, проектъ поступилъ въ совѣтъ министровъ.

Плодомъ работъ совѣта министровъ, внесшаго, въ общемъ, лишь второстепенныя измѣненія въ первоначальный булыгинскій проектъ, явились „*Учрежденіе Государственной Думы*“ и „Положеніе о выборахъ въ Гос. Думу“, изданныя при особомъ манифестѣ 6 августа 1905 года Этимъ манифестомъ было создано „особое законосовѣщательное установленіе, коему предоставляется предварительная разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и разсмотрѣніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ“.

Составителями „Учрежденія Государственной Думы“ руководило несомнѣнное желаніе поступиться, какъ можно меньше, правами старой государственной власти въ пользу новаго, выборнаго элемента ея. Сила этого желанія умѣрялась лишь натискомъ общественнаго движенія, заставлявшаго опасаться „всѣхъ излишнихъ поводовъ къ конфликтамъ съ правительствомъ“. Этого рода соображенія заставили, между прочимъ, отказаться и отъ возникавшей было мысли—не создавать особаго представительнаго установленія а ввести выборныхъ въ составъ Государственнаго Совѣта. Булыгинъ находилъ опаснымъ „неуклонное утвержденіе Верховной Властью мнѣній меньшинства“ (назначеннаго) Гос. Совѣта въ случаѣ разномыслія этого меньшинства съ выборнымъ большинствомъ, находилъ опаснымъ—при возможномъ стремленіи выборныхъ „вступить въ борьбу съ правительствомъ на почвѣ политическихъ правъ“,—допустить ихъ „столкновеніе не съ другимъ законосовѣщательнымъ учрежденіемъ, а непосредственно съ Верховною Властью“. Отсюда—предпочтительность особаго представительнаго органа съ сохраненіемъ Госуд. Совѣта въ видѣ буффера.

Но въ опредѣленіи *компетенціи* этого органа, какъ уже сказано, руководящимъ принципомъ было желаніе дать ему возможно меньше правъ и ввести возможно незамѣтнѣе въ общую систему существовавшихъ бюрократическихъ учрежденій. То опредѣленіе функцій Государственной Думы, которое дано въ манифестѣ 6 августа, было шире дѣйствительнаго объема ихъ. Такъ, изъ числа *законодательныхъ дѣлъ* въ вѣдѣніе Думы были отнесены лишь дѣла, входящія въ компетенцію Государственнаго Совѣта (съ исключеніемъ подлежащихъ вѣдѣнію Г. С. дѣлъ административнаго и судебнаго характера). Къ дѣламъ же несомнѣнно законодательнаго характера, но проводимымъ по дѣйствующему законодательству въ особомъ порядкѣ, Дума доступа не получила. Важнѣйшимъ изъ этихъ изъятій было исключеніе изъ вѣдѣнія Думы законодательныхъ дѣлъ по военному и морскому вѣдомствамъ.

Внѣ ея вѣдѣнія оставлено также направленіе внѣшней политики, объявленіе войны и заключеніе мира [1]).

Въ высшей степени существенныя ограниченія были внесены въ права Думы по вопросамъ *финансоваго и хозяйственнаго свойства*. За нею было оставлено право разсмотрѣнія государственной росписи, но возможность вліянія ея на роспись сведена до минимума, чѣмъ старая государственная власть отнимала у Думы одно изъ самыхъ острыхъ орудій парламентской борьбы. Мы вернемся къ этому ограниченію бюджетныхъ правъ Думы ниже, когда будемъ разсматривать фиксировавшія его правила 8 марта 1906 года. Здѣсь же отмѣтимъ, что цѣлый рядъ дѣлъ финансоваго и экономическаго характера былъ прямо исключенъ изъ сферы компетенціи Думы. Сюда относятся: 1) такъ называемыя чрезвычайныя финансовыя мѣры; 2) порядокъ и условія совершенія займовъ; 3) отчеты Государственнаго Банка (въ виду „неудобства столь широкаго и гласнаго обсужденія существа государственныхъ кредитныхъ операцій"); 4) принудительное отчужденіе имуществъ и временное занятіе ихъ для государственной и общественной пользы; 5) правительственныя гарантіи, пособія и льготы при постройкѣ частныхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п.

Всю организацію Думы и *порядокъ ея работъ* предполагалось построить по чисто бюрократическому образцу. Подобно Гос. Совѣту, и Дума дѣлилась на *„отдѣлы"*, завѣдующіе каждый своимъ спеціальнымъ кругомъ вопросовъ [2]), и *общее собраніе*, куда должны были вноситься работы, подготовленныя отдѣлами. „Заключенія" общаго собранія Думы должны были передаваться въ Гос. Совѣтъ, и оттуда, вмѣстѣ съ „заключеніемъ" и „меморіей" Совѣта, идти на усмотрѣніе Верховной Власти, которой и принадлежало окончательное рѣшеніе вопроса. Исключеніе было сдѣлано лишь для законопроектовъ, отвергнутыхъ большинствомъ $^2/_3$ голосовъ въ общихъ собраніяхъ и Думы, и Государственнаго Совѣта. Такіе законопроекты возвращались для переработки внесшему ихъ министру. Въ случаѣ разногласія между общими собраніями Думы и Совѣта послѣднему предоставлялось также

---

[1]) Въ сущности, ст. 33 Положенія 6 августа была формулирована такъ, что допускала и толкованіе въ смыслѣ полной свободы правительства вносить или не вносить тѣ или другія дѣла на обсужденіе Думы. Такъ, напр., п. а.) этой статьи, перечисляющей предметы, которые подлежатъ „вѣдѣнію Гос. Думы", изложенъ такъ: „предметы, требующіе изданія законовъ и штатовъ" и т. д. Между тѣмъ, напр., соотвѣтствующій пунктъ Учрежденія Гос. Сов., откуда эта статья заимствована, говоритъ: „есть предметы, требующіе" и т. д. (Учр. Г. С. 1892 г. ст. 31, п. 1).

[2]) По словамъ объяснительной записки Булыгина дѣленіе на „отдѣлы" имѣло, м. пр., въ виду, чтобы „всѣ члены Думы приставлялись къ отвѣтственному и производительному труду, чѣмъ устранялась бы... возможность образованія... нежелательнаго разряда членовъ, ограничивающихъ свою дѣятельность политиканствомъ и произнесеніемъ рѣчей по общимъ вопросамъ".

право, до передачи дѣла на разсмотрѣніе Верховной Власти, образовать согласительную комиссію изъ равнаго числа членовъ Думы и Совѣта, подъ предсѣдательствомъ предсѣдателя послѣдняго или одного изъ его департаментовъ.

Но были предусмотрѣны и такіе случаи, когда правительство могло обойтись и *вовсе безъ заключенія Думы*. Такой случай наступалъ, во 1) если Государь обратитъ вниманіе на медленность разсмотрѣнія Думою внесеннаго въ нее дѣла и она не окончитъ этого дѣла въ срокъ, назначаемый Гос. Совѣтомъ; во 2) когда, послѣ отмѣны засѣданія за неявкою надлежащаго числа членовъ [1]), дѣло не будетъ разсмотрѣно въ теченіе ближайшихъ двухъ недѣль.

Первоначальный булыгинскій проектъ предусматривалъ возможность образованія при „отдѣлахъ" Думы „постоянныхъ и временныхъ *комиссій*" (ст. 11). При этомъ предполагалось, что „въ засѣданіяхъ отдѣловъ Г. Д. и комиссій, при нихъ образуемыхъ, могутъ быть приглашаемы предсѣдателями отдѣловъ, для представленія объясненій, лица, кои знаніями и опытомъ своимъ могутъ быть полезны" (ст. 13). Совѣтъ министровъ нашелъ „осторожнымъ исключить правила о допущеніи въ отдѣлы Думы постороннихъ лицъ для представленія объясненій", исходя, между прочимъ, изъ того, что такимъ допущеніемъ „легко могъ бы извратиться самый характеръ засѣданій отдѣловъ Думы". Въ результатѣ въ Учрежденіе 6 августа соотвѣтственныя статьи булыгинскаго проекта не вошли, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло и упоминаніе о правѣ Думы или ея отдѣловъ образовывать комиссіи.

Право *законодательной инициативы* Думы было сужено изъятіемъ изъ него „началъ государственнаго устройства, установленныхъ законами основными", и сведено до минимума сложною бюрократическою процедурою. Въ порядкѣ инициативы могли вноситься—за подписью 30 членовъ—не разработанные законопроекты, а лишь „основныя положенія", сопровождаемыя „объяснительною запискою". Эти „положенія" должны были поступать сначала въ соотвѣтствующій отдѣлъ, потомъ—въ общее собраніе Государственной Думы, при чемъ о днѣ слушанія въ отдѣлѣ надлежащіе министры должны быть увѣдомлены не позднѣе, чѣмъ за мѣсяцъ. Въ случаѣ согласія министра съ мнѣніемъ Думы о желательности того или иного законопроекта, ему предоставлялась выработка его. При несогласіи же дѣло получало дальнѣйшій ходъ (черезъ Гос. Совѣтъ и Верховную Власть) лишь при томъ условіи, что за желательность высказалось не менѣе $^2/_3$ членовъ общаго собранія Думы. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, если на то послѣдовало Высочайшее повелѣніе, разработка законопроекта поручалась опять таки министру.

---

1) Quorum былъ установленъ для общаго собранія—$^1/_3$ всего числа членовъ, для отдѣловъ—$^1/_2$.

Не менѣе ограничено было и *право запросовъ*, предоставленное Думѣ. Запросы объ общей политикѣ правительства или отдѣльныхъ вѣдомствъ исключались правиломъ (ст. 58), по которому въ заявленіяхъ, подписанныхъ не менѣе, чѣмъ 30 членами, должно было содержаться точное указаніе, „въ чемъ усматривается нарушеніе закона и какого именно". Для отвѣта министрамъ предоставлялся мѣсячный срокъ, но они могли и отказаться отъ отвѣта, извѣстивъ Думу о причинахъ, лишающихъ ихъ возможности сообщить требуемыя свѣдѣнія и разъясненія. До Верховной Власти (черезъ Г. С.) дѣло должно было восходить лишь въ томъ случаѣ, если Дума большинствомъ $^2/_3$ голосовъ не признаетъ возможнымъ удовлетвориться объясненіями министра.

Бюрократическій характеръ задуманнаго учрежденія, превращавшій его какъ бы въ выборную „комиссію свѣдущихъ людей" при правительствѣ, былъ подчеркнутъ въ проектѣ Булыгина тѣмъ, что *предсѣдатели* какъ общаго собранія, такъ и отдѣловъ назначались Высочайшей Властью изъ числа членовъ Думы, а предсѣдатель общаго собранія, какъ это было установлено указомъ 27 авг. для предсѣдателя Государственнаго Совѣта, входилъ въ совѣтъ и комитетъ министровъ. При разсмотрѣніи проекта совѣтъ министровъ нашелъ,—не пояснивъ въ своей „меморіи" мотивовъ этого мнѣнія,—„что необходимости въ присутствованіи предсѣдателя Думы въ комитетѣ министровъ не настоитъ". Изъ соображеній же о возможныхъ конфликтахъ Верховной Власти съ Думою, совѣтъ министровъ призналъ нужнымъ измѣнить предположеніе Булыгина, предоставивъ Думѣ избирать одного кандидата въ предсѣдатели общаго собранія, который и представлялся бы на утвержденіе. Въ изданномъ 6 авг. учрежденіи Г. Д. утвержденіе Верховною Властью вообще было отмѣнено. Выборными же сдѣланы и предсѣдатели отдѣловъ.

Предусмотрѣно составленіе стенографическихъ *отчетовъ*, но *публикѣ* доступъ на засѣданія Думы и ея отдѣловъ воспрещенъ. На общее собраніе допускаются, съ разрѣшенія предсѣдателя, представители печати. Но по рѣшенію общаго собранія, по распоряженію Предсѣдателя или по требованію министровъ могутъ назначаться закрытыя засѣданія, отчеты которыхъ не оглашаются.

Избирается Дума *на 5 лѣтъ*, но Императорскимъ указомъ можетъ быть распущена и до срока, причемъ тѣмъ же указомъ назначаются новые выборы. Продолжительность ежегодныхъ сессій Думы и перерывы въ нихъ также опредѣляются указами.

Члены Думы при вступленіи даютъ присягу и пользуются полною свободою сужденій и мнѣній „по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію Думы". Они могутъ подвергаться лишенію или ограниченію свободы „не иначе, какъ

по распоряженію судебной власти", и не подлежать личному задержанію за долги. Они выбывают изъ состава Думы въ случаѣ утраты ценза, утраты русскаго подданства, поступленія на дѣйствительную военную службу, назначенія на гражданскую штатную должность, а также въ цѣломъ рядѣ случаевъ по положенію о выборахъ, лишающихъ права принимать въ нихъ участіе. Привлеченіе къ слѣдствію или суду по ряду преступленій, а также объявленіе несостоятельности (до опредѣленія ея свойства) влечетъ за собою временное устраненіе члена Думы отъ участія въ ея собраніи. При этомъ какъ исключеніе, такъ и временное устраненіе членовъ Думы, по учр. 6 авг., было поставлено въ зависимость не отъ согласія Думы, а отъ Сената. „За преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей", члены Думы должны были привлекаться къ отвѣтственности въ порядкѣ, установленномъ для членовъ Гос. Совѣта [1]). Во время занятія Думы членамъ ея было положено суточное вознагражденіе (10 р.), а также разъ въ годъ путевыя издержки по проѣзду отъ мѣста жительства до Петербурга и обратно.

Подробности *внутренняго распорядка* въ Думѣ предоставлено было регулировать самой Думѣ наказомъ, „издаваемымъ ею" и лишь „публикуемымъ во всеобщее свѣдѣніе" Сенатомъ. Впослѣдствіи это правило, какъ извѣстно, было истолковано въ смыслѣ права Сената входить въ обсужденіе думскаго наказа по существу съ точки зрѣнія его законности.

Таково было устройство Думы, предметы ея вѣдѣнія и права ея членовъ: выборная комиссія съ крайне неопредѣленнымъ и ограниченнымъ правомъ совѣщательнаго голоса и съ единственной дѣйствительной привилегіей ея членовъ въ видѣ освобожденія отъ административныхъ наказаній. Но значеніе Думы въ ту эпоху обостренной политической борьбы, когда былъ возвѣщенъ ея созывъ, обусловливалось не писаннымъ учрежденіемъ ея. Хотя въ своихъ оффиціальныхъ „соображеніяхъ" мин. вн. дѣлъ и считалъ „крайне преувеличеннымъ" „опасеніе, что избранныя отъ населенія лица склонны будутъ выходить изъ предѣловъ своихъ полномочій и стремиться къ расширенію своихъ правъ въ направленіи, несоотвѣтствующемъ историческимъ основаніямъ нашего государственнаго строя"; хотя онъ и полагалъ, что „подобнаго рода стремленія вообще не свойственны русскому національному характеру"; и хотя его мнѣніе на этотъ счетъ раздѣлялось и высказавшимся въ оффиціальной „меморіи" боль-

1) Порядокъ этотъ (Учр. Г. С. изд. 1901 г., ст. 105—113) сводится, въ общихъ чертахъ, къ тому, что удостоенныя Высочайшаго уваженія жалобы и донесенія поступаютъ въ Деп. гражд. и духовныхъ дѣлъ, который если признаетъ нужнымъ, поручаетъ производство предварительнаго слѣдствія одному изъ сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ по Выс. назначенію, съ возложеніемъ на мин. юстиціи прокурорскихъ обязанностей. Послѣ слѣдствія Деп. гражд. и дух. дѣлъ постановляетъ о прекращеніи дѣла, преданіи суду или наложеніи взысканія безъ суда, при чемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ требуется утвержденіе постановленія Верховною Властью.

шинствомъ совѣта министровъ;—но на самомъ дѣлѣ правительство, конечно, прекрасно сознавало, что въ эту эпоху „захватнаго права" представительное учрежденіе даже такого типа, какъ Дума, можетъ послужить сильнымъ опорнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ политическихъ „домогательствъ" тѣхъ слоевъ населенія, которые получатъ къ нему доступъ.

Отсюда—первостепенная важность вопроса о томъ, кому именно будетъ открытъ этотъ доступъ, вопроса объ *избирательномъ правѣ*. Какъ замѣчала меморія совѣта министровъ, „основанія выборовъ предрѣшатъ самое направленіе дѣятельности этихъ (избранныхъ) лицъ и свойство ихъ отношеній къ упадающей на нихъ трудной задачѣ". Съ этой именно точки зрѣнія бюрократія положила необычайно много труда и проявила большое искусство въ составленіи „положенія о выборахъ въ Г. Д.", которое по своей искусственности, сложности и, въ то же время, по систематическому и настойчивому стремленію къ устраненію отъ представительства наиболѣе недовольныхъ слоевъ населенія,—мало знаетъ себѣ равныхъ [1]).

Всеобщее и пр. избирательное право, выдвинутое, какъ лозунгъ, соціалистическими партіями и начавшее становиться почти обязательною составною частью резолюцій либеральныхъ и демократическихъ банкетовъ, организацій, съѣздовъ и органовъ самоуправленія, было, разумѣется, отвергнуто съ самаго начала, такъ какъ при этомъ „въ лучшемъ случаѣ, при условіи устраненія случайностей и постороннихъ вліяній, составъ избранныхъ населеніемъ членовъ Г. Д. слагался бы, по всей вѣроятности, преимущественно изъ лицъ низшихъ слоевъ населенія, совершенно неподготовленныхъ къ этому дѣлу".

Вообще стремленіе избѣжать „излишняго расширенія круга избирателей" проходитъ красною нитью черезъ всѣ разсужденія министра внутреннихъ дѣлъ и совѣта министровъ. Въ частности, совершенно устранены отъ участія въ выборахъ были *рабочіе*. Совѣтъ министровъ понималъ, что „если при исполненіи предначертаній рескрипта 18 февраля фабрично-заводское населеніе окажется изъ дѣйствія его изъятымъ, то съ вѣроятностью можно ожидать обостренія рабочаго вопроса"; онъ помнилъ, что „уже неоднократно

---

[1]) 6-го августа было учреждено особое совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ графа Сольскаго для разсмотрѣнія дополнительныхъ правилъ; 1) о порядкѣ разсмотрѣнія финансовыхъ смѣтъ, 2) о приведеніи въ дѣйствіе положенія о выборахъ въ Думу и 3) о распространеніи этого положенія на окраины. Плодомъ работъ этого совѣщанія явились по первому пункту правила 8 марта 1906 г., по второму—правила 18 сент. 1905 г., по третьему—рядъ правилъ, вводившихъ положеніе 6 августа съ болѣе или менѣе существенными видоизмѣненіями: въ Царствѣ Польскомъ (11 окт. 1905), тобольской, тамбовской, иркутской и енисейской губерніяхъ (20 окт.) на Кавказѣ (2 февр. 1906), въ областяхъ акмолинской, семипалатинской, уральской, тургайской (22 февр.), въ мѣстностяхъ, занятыхъ кочевыми инородцами въ астрах. и ставроп. губ. (25 марта), въ областяхъ амурской, приморской, забайкальской, якутской, семирѣченской, закаспійской, самаркандской, сыр.-дарьинской, ферганской и для православнаго населенія сѣдлецкой и люблинской губерній (22 апрѣля).

бывали весьма неудобные примѣры проявленія этой инициативы („по назрѣвшимъ вопросамъ") не сверху, какъ бы то слѣдовало, а снизу". И все же, не желая допустить рабочихъ къ участію въ выборахъ, совѣт. мин. отговаривался тѣмъ, что „получить избирательныя права онъ („классъ фабрично-заводскихъ рабочихъ") могъ бы лишь при выборахъ всеобщихъ, примѣнить которые представляется у насъ совершенно невозможнымъ", и еще тѣмъ, что нѣтъ „рабочихъ организацій", которыя могли бы сдѣлать возможнымъ участіе рабочихъ въ выборахъ и безъ всеобщаго избирательнаго права. Наконецъ, совѣтъ пришелъ къ заключенію, что „и при дѣйствіи порядка выборовъ на началѣ ценза, рабочему населенію вообще не преграждается доступъ къ избирательному праву постольку, поскольку оно не потеряло связи съ сельскимъ населеніемъ". Въ качествѣ членовъ сельскихъ обществъ, „рабочіе, въ случаѣ своего на то желанія, не только будутъ имѣть доступъ къ выборамъ, но и могутъ быть выбранными въ составъ Думы". Цѣна этого „права" для рабочихъ была опредѣлена самимъ совѣтомъ министровъ, отмѣтившимъ, что имъ „будутъ пользоваться только тѣ изъ нихъ, которые будутъ имѣть возможность отлучиться отъ фабрики, потерявъ соотвѣтственный заработокъ, и произвести соотвѣтствующіе расходы по передвиженію къ мѣсту выборовъ и обратно"...

Къ *крестьянству* у правительства въ эту пору было совершенно иное отношеніе. Аграрныя волненія, правда, уже разливались довольно широкою волною. Но цѣли, которыя они себѣ непосредственно ставили, носили чисто экономическій и мѣстный характеръ. Политически крестьянство было индифферентно, а старыя традиціи въ немъ были такъ живучи, что именно въ эту эпоху дѣлаются попытки подвинуть аграрное движеніе крестьянъ въ демагогически - „патріотическомъ" направленіи, пользуясь ненавистью крестьянъ къ „барамъ" и натравливая ихъ на городскую либеральную и демократическую интеллигенцію, а подчасъ и на городскихъ рабочихъ. Естественно, что мин вн. дѣлъ въ своихъ „соображеніяхъ" разсчитывалъ, между прочимъ, на „надежность этого сословія въ политическомъ отношеніи", и что это мнѣніе его раздѣлялось и всѣмъ совѣтомъ министровъ. Такимъ образомъ, у правительства не было никакихъ основаній лишать крестьянъ самаго широкаго участія въ выборахъ. Въ качествѣ *избирателей* крестьяне представлялись ему самымъ желательнымъ элементомъ.

Нѣсколько иначе стоялъ вопросъ, когда правительство задумывалось надъ ролью крестьянъ въ качествѣ *избранныхъ*, въ качествѣ членовъ Думы. При всей политической „надежности" крестьянъ было слишкомъ очевидно, что, войдя въ значительномъ числѣ въ Г. Д. или составляя въ ней большинство, крестьянскіе депутаты поставятъ очень остро земельный вопросъ. И хотя бюрократія безъ особеннаго огорченія смотрѣла на запугивающее

дѣйствіе аграрнаго движенія на либеральныхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, но такая острая постановка земельнаго вопроса была чревата слишкомъ опасными послѣдствіями, чтобы можно было съ легкимъ сердцемъ помириться съ нею.

Лишь два члена совѣта министровъ (генералы Лобко и Глазовъ) мужественно шли навстрѣчу этой опасности, полагаясь на „свойственную крестьянскому сословію стойкость взглядовъ". Остальные же 18 членовъ находили, что „строй и условія дѣятельности Г. Д. должны исключать всякое основаніе для принятія мѣръ къ искусственному привлеченію въ среду ея крестьянъ въ особо значительномъ числѣ". Не исключена опасность, что въ дѣлахъ законодательнаго, финансоваго и экономическаго свойства крестьянскіе депутаты будутъ „руководствоваться или общими впечатлѣніями, или тѣми взглядами и мыслями, которые имъ будутъ подсказаны со стороны". А „при такихъ условіяхъ присутствіе большого количества крестьянъ въ Думѣ не принесетъ пользы для дѣла, а при случаѣ можетъ даже причинить правительству и не малыя затрудненія". Поэтому—хотя крестьянскимъ „интересамъ должно быть отведено надлежащее мѣсто, но *выражены и поддержаны они могутъ быть и не непремѣнно крестьянами*".

Исходя изъ этихъ соображеній, совѣтъ министровъ отвергъ предложеніе Лобко и Глазова, чтобы каждый изъ трехъ разрядовъ избирателей (частные землевладѣльцы, городскіе избиратели и крестьяне), которые, какъ увидимъ ниже, были установлены положеніемъ о выборахъ, выбиралъ членовъ Думы исключительно изъ своей среды. Отверженіе этого предложенія шло, несомнѣнно, въ разрѣзъ съ общимъ правиломъ, по которому на всѣхъ остальныхъ стадіяхъ многостепенныхъ выборовъ былъ проведенъ принципъ—„ограниченія выборовъ кругомъ лицъ, имѣющихъ право на участіе въ соотвѣтствующемъ съѣздѣ или собраніи". Но это правило было продиктовано особыми соображеніями. Какъ говоритъ „меморія" совѣта министровъ, „отсутствіе его расширило бы предѣлы избирательной агитаціи и весьма часто приводило бы выборы къ непредвидѣннымъ результатамъ".

Но неувѣренность правительства въ тѣхъ общественныхъ силахъ, на которыя оно могло разсчитывать, была такъ велика, что, несмотря на все желаніе „имѣть ясное представленіе о вѣроятномъ составѣ, взглядахъ и настроеніи того представительства интересовъ населенія, которое призывается къ жизни", приходилось идти въ этомъ вопросѣ ощупью. И послѣ новыхъ колебаній въ положеніе 6 августа вошло, вопреки мнѣнію совѣта министровъ, компромиссное правило: одного члена Думы крестьянскимъ выборщикамъ каждой губерніи предоставлялось выбирать изъ своей среды.

То же самое опасеніе чрезмѣрнаго представительства крестьянъ послужило одной изъ причинъ отказа отъ выборовъ по сословіямъ, т. к. при такихъ выборахъ пришлось бы или примириться съ такимъ представительствомъ

или прибѣгнуть при распредѣленіи числа представителей между крестьянствомъ и дворянствомъ къ такой „поправкѣ“, которая, какъ указывалъ мин. вн. дѣлъ, „окажется искусственной и не будетъ внушать къ себѣ довѣрія, тѣмъ болѣе, что поправка, для дѣйствительности ея, должна бы выразиться въ сокращеніи крестьянскаго и увеличеніи дворянскаго представительства въ десятки разъ по сравненію съ дѣйствительнымъ соотношеніемъ численности этихъ сословій“.

При разсмотрѣніи установленнаго положеніемъ 6 августа избирательнаго права нетрудно замѣтить, что правительство останавливалось не столько передъ неравномѣрностью представительства крестьянъ и дворянъ, сколько передъ *неприкрытостью* этой неравномѣрности при организаціи выборовъ на чисто сословномъ началѣ. Но, кромѣ того, было еще одно соображеніе, которое заставляло отказаться отъ чисто-сословной избирательной системы. Это то обстоятельство, что капиталистическое развитіе или, по выраженію А. Г. Булыгина, „общій всѣмъ народамъ экономическій процессъ давно уже расшаталъ, а во многомъ и уничтожилъ, тѣ сословныя подраздѣленія, которыя начертаны въ законѣ“. Въ особенности же это замѣтно въ городахъ, гдѣ „на дѣлѣ сословный строй не имѣетъ почти никакого значенія и всѣ отношенія, и экономическія, и бытовыя, покоятся на иныхъ совершенно началахъ“. Экономическое развитіе подорвало сословный строй и при упорномъ желаніи строить избирательную систему на сословной основѣ правительству пришлось бы ввести въ кругъ избирателей элементы, для него нежелательные, и, наоборотъ, оставить за бортомъ элементы, въ которыхъ оно разсчитывало найти опору.

Эти соображенія рѣшили судьбу сословной системы и заставили перейти къ системѣ имущественно-*цензовой*. Но это не значитъ, чтобы сословныя подраздѣленія были окончательно сданы въ архивъ. Нѣтъ. Рѣшивъ разбить избирателей на разряды съ цѣлью изолировать одни слои ихъ отъ другихъ, правительство не установило этого подраздѣленія по чисто-имущественному признаку. Оно взяло за основаніе систему земскаго положенія 1864 года, въ которой признаками, опредѣлявшими принадлежность избирателя къ одному изъ трехъ разрядовъ (городскіе избиратели, землевладѣльцы, крестьяне), служили родъ занятій, съ одной стороны, сословность съ другой, и лишь кругъ лицъ, имѣющихъ доступъ къ избирательнымъ урнамъ въ предѣлахъ каждаго разряда, а также подраздѣленіе одного изъ разрядовъ (землевладѣльческаго) опредѣлялись имущественнымъ признакомъ.

Принятіе этой смѣшанной, сословно-цензовой системы мин. вн. дѣлъ мотивировалъ, между прочимъ, симпатіями широкихъ общественныхъ круговъ къ земскому положенію 1864 года, симпатіями, которыми не слѣдо-

вало пренебрегать въ цѣляхъ успокоенія возбужденнаго общественнаго мнѣнія. Въ дѣйствительности же, въ эту эпоху положеніе 1864 года уже перестало играть роль лозунга даже тѣхъ земско-либеральныхъ круговъ, которые выдвинули его въ 90-е годы предыдущаго вѣка. Зато оно давало возможность наиболѣе незамѣтно и въ привычныхъ путяхъ провести избирательную процедуру, изолировать различные слои избирателей другъ отъ друга, постараться разбить общность настроенія ихъ, противоставить выборщиковъ одного разряда выборщикамъ другого, открывая такимъ образомъ возможность разносторонняго воздѣйствія администраціи на комбинацію голосовъ въ губернскомъ избирательномъ собраніи, свести до минимума размахъ и содержаніе избирательной агитаціи и—одно изъ самыхъ важныхъ „преимуществъ“ системы 1864 года—сложною процедурою прикрыть поразительную неравномѣрность избирательныхъ правъ различныхъ слоевъ населенія, допущенныхъ къ участію въ выборахъ, неравномѣрность, открытое констатированіе которой при системѣ чисто-сословныхъ выборовъ показалось совѣту министровъ столь шокирующимъ.

Итакъ, основой избирательной системы по положенію 6 августа было дѣленіе избирателей на 3 разряда, выборщики которыхъ сходятся *въ губернскомъ избирательномъ собраніи*, избирающемъ изъ своей среды депутатовъ въ Думу,—съ тѣмъ, уже упомянутымъ, исключеніемъ, что, прежде всего, крестьянскіе выборщики выбираютъ одного члена Думы изъ своей среды.

Но до губернскаго собранія выборщики разныхъ разрядовъ доходятъ не одинаковымъ путемъ. Выборщики отъ *крестьянъ* выбираются такимъ путемъ: каждый волостной сходъ выбираетъ двухъ уполномоченныхъ, при чемъ „меморія“ совѣта министровъ и положеніе 6 августа спеціально оговаривали, что эти уполномоченные не должны принадлежать къ числу членовъ волостного схода, а лишь—одного изъ сельскихъ обществъ данной волости. Уполномоченные всего уѣзда собираются на уѣздный съѣздъ, который и выбираетъ положенное число выборщиковъ. Т. о. выборы отъ крестьянъ—четырехстепенные: выборы на волостной сходъ, въ уѣздное собраніе, въ губернское собраніе, въ Думу.

Землевладѣльцы раздѣляются на полноцензовыхъ и неполноцензовыхъ. Къ числу первыхъ принадлежатъ: а) лица, владѣющія опредѣленнымъ количествомъ земли, установленнымъ особымъ росписаніемъ для каждаго уѣзда; б) владѣльцы поссессіонныхъ дачъ опредѣленнаго размѣра; в) владѣльцы другого недвижимаго имущества въ уѣздѣ, не составляющаго торгово-промышленнаго заведенія и оцѣненнаго земствомъ въ сумму не ниже 15.000 рублей. Къ неполноцензовымъ—лица, владѣющія не менѣе $^1/_{10}$ указанныхъ категорій полнаго ценза, и священнослужители, владѣющіе церков-

ною землею. Полноцензовые владѣльцы земли и недвижимыхъ имуществъ въ уѣздѣ участвуютъ въ уѣздномъ избирательномъ съѣздѣ землевладѣльцевъ лично, неполноцензовые—черезъ уполномоченныхъ, выбираемыхъ на предварительныхъ съѣздахъ мелкихъ владѣльцевъ пропорціонально числу представленныхъ на этихъ съѣздахъ полныхъ цензовъ. Т. о. для крупныхъ владѣльцевъ выборы—двухстепенные, для мелкихъ—трехстепенные.

Въ съѣздѣ *городскихъ избирателей* участвуютъ лица, владѣющія въ городахъ недвижимою собственностью, стоющею по земской оцѣнкѣ не менѣе 1.500 рублей, и владѣющія въ городѣ или уѣздѣ торговымъ (1 и 2 разряда), промышленнымъ (1—5 разряда) или пароходнымъ (не менѣе 50 рубл. основн. промысл. налога) предпріятіемъ; лица, уплачивающія квартирный налогъ не ниже 10 разряда и, наконецъ, плательщики личнаго промысловаго налога по первому разряду. Для горожанъ выборы, такимъ образомъ, были установлены двухстепенные.

Какъ мы уже говорили, выборщики всѣхъ этихъ разрядовъ сходятся въ губернскомъ избирательномъ собраніи. Исключеніе сдѣлано для обѣихъ столицъ и еще 24 болѣе крупныхъ городовъ, получившихъ право выбирать выборщиковъ (въ столицахъ—160, въ другихъ городахъ—80) въ особое *городское избирательное собраніе*, въ свою очередь выбирающее членовъ Думы (по Петербургу—6, Москвѣ—4, Варшавѣ—2, прочимъ городамъ—1). Давая такую льготу болѣе крупнымъ городамъ совѣтъ министровъ руководился соображеніемъ, что иначе представительство городскихъ интересовъ можетъ быть такъ же поглощено „интересами прочихъ мѣстностей", какъ это наблюдается въ земствѣ. Вначалѣ льготу предполагалось дать только городамъ съ населеніемъ не ниже 100.000. Но затѣмъ, въ виду преобладанія такихъ городовъ на окраинахъ, были добавлены „нѣкоторые чисто русскіе города" съ меньшимъ населеніемъ. Цензъ для участія въ такихъ городскихъ выборахъ одинаковъ съ общимъ цензомъ для городской куріи, за исключеніемъ столицъ, гдѣ цѣнность имущества повышена до 3.000 рублей, а основного промысловаго налога—до 500, и гдѣ только 1-ый разрядъ торговаго и первые три разряда промышленнаго предпріятія даютъ право участія въ выборахъ [1]).

Желаніе усилить представительство „чисто-русскихъ областей" по сравненію съ *окраинами* выразилось не только въ этомъ вопросѣ о городахъ, но было положено въ основу всей избирательной системы: въ то время, какъ для „коренныхъ русскихъ областей" 1 членъ Думы приходился на 250.000 населенія, для окраинъ это число было повышено до 350.000.

---

[1]) Цифры выборщиковъ по разрядамъ, членовъ Думы и т. п. мы дадимъ ниже при разсмотрѣніи закона 11 декабря, окончательно установившаго избирательную систему, по которой были собраны первыя двѣ Думы.

При разсмотрѣніи вопроса объ окраинахъ министромъ вн. дѣлъ былъ возбужденъ и вопросъ о представительствѣ *Финляндіи*. А. Г. Булыгинъ предлагалъ рѣшить этотъ вопросъ такимъ образомъ, чтобы при разсмотрѣніи Думою такъ называемыхъ „общеимперскихъ“ законовъ въ засѣданіяхъ ея имѣло право участвовать опредѣленное число депутатовъ, выбранныхъ сословіями финляндскаго сейма, при чемъ отсутствіе ихъ не должно было мѣшать разсмотрѣнію дѣла. Это порядокъ, однородный тому, который былъ установленъ министр. финансовъ 3 февр. 1899 года для соотвѣтствующихъ засѣданій Гос. Совѣта съ тою разницею, что въ засѣданіяхъ Совѣта должны были участвовать депутаты не отъ финл. сейма, а отъ сената. По обстоятельствамъ времени, совѣтъ министровъ нашелъ, однако, „болѣе осторожнымъ вопросъ объ участіи въ Г. Д. членовъ сейма В. К. Финляндскаго и разсмотрѣніи его финляндскихъ дѣлъ оставить впредь до времени открытымъ“. Манифестъ 6 авг. ограничился упоминаніемъ, что по этому вопросу „будетъ указано особо“. А 11 августа, въ отвѣтъ на петицію сейма, Финляндіи былъ обѣщанъ пересмотръ ряда правилъ, введенныхъ въ „бобриковскую“ эпоху, въ томъ числѣ правилъ 1 авг. 1902 г. объ отвѣтственности должностныхъ лицъ и 26 іюня 1903—о порядкѣ созыва церковныхъ соборовъ, а также возвѣщена разработка законопроектовъ о свободѣ публичныхъ собраній и уничтоженіи жандармеріи въ Финляндіи съ передачей ея функцій финляндскимъ полицейскимъ органамъ.

Сомнѣнія были возбуждены министромъ вн. дѣлъ и по вопросу объ участіи въ выборахъ *евреевъ*. Ссылаясь на недопущеніе евреевъ къ избранію въ земскіе и городскіе гласные, А. Г. Булыгинъ предлагалъ оставить вопросъ объ участіи евреевъ въ выборахъ въ Г. Д. „открытымъ для будущаго времени“ впредь до „пересмотра всѣхъ вообще относящихся до нихъ узаконеній“. Совѣтъ министровъ отвергъ это предложеніе, т. к. полагалъ, что оно „несомнѣнно раздражитъ еще болѣе эту національность, и нынѣ уже, благодаря экономическимъ и правовымъ условіямъ своимъ, находящуюся въ значительной части своей въ состояніи броженія“. Совѣтъ находилъ, что „къ успокоенію ея (евр. національности) надлежитъ стремиться всѣми возможными мѣрами и, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ избѣгать вносить въ среду ея новый горючій матеріалъ“. Предоставленіе же евреямъ одинаковыхъ съ другими національностями избирательныхъ правъ тѣмъ болѣе безопасно, что „съ предположеннымъ гофмейстеромъ Булыгинымъ установленіемъ ценза, отъ участія въ выборахъ будетъ фактически отстранена вся главная масса—его пролетаріатъ“. Эти соображенія были уважены, и никакихъ спеціальныхъ ограниченій для евреевъ положеніемъ 6 авг. установлено не было.

Особое вниманіе было посвящено министромъ внутр. дѣлъ и совѣтомъ министровъ участію въ выборахъ *чиновниковъ* и *военныхъ*. Относительно

первыхъ вопросъ былъ рѣшенъ такимъ образомъ, что они (за исключеніемъ губернаторовъ, вице-губернаторовъ, градоначальниковъ, ихъ помощниковъ и чиновъ полиціи) имѣютъ право быть избирателями, если обладаютъ нужнымъ цензомъ. Въ глазахъ совѣта „русское чиновничество“ было тѣмъ классомъ, который „занимаетъ виднѣйшее по численности мѣсто въ развитой части общества“. И это было, разумѣется, справедливо, поскольку рѣчь шла о цензовомъ „обществѣ“. Но все же права быть членами Думы совѣтъ мин. не рѣшился дать чиновникамъ, занимающимъ штатныя должности, такъ какъ это внесло бы дезорганизацію въ гражданскую службу.

Что касается военныхъ, то нижніе чины, состоящіе на дѣйствительной службѣ, были лишены и активнаго, и пассивнаго избирательнаго права. Иначе былъ рѣшенъ вопросъ объ офицерахъ. С. Витте и Д. Треповъ находили „едва-ли осторожнымъ и во всякомъ случаѣ не соотвѣтствующимъ условіямъ жизни монархическаго государства“ участіе офицерства въ выборахъ. Они находили, что, благодаря предвыборной агитаціи, „допущенные къ выборамъ строевые офицеры пройдутъ цѣлую политическую школу и могутъ попасть въ такую политическую волну, воздѣйствіе которой на нихъ можетъ оказаться отнюдь нежелательнымъ“. Большинство совѣта министровъ раздѣляло высказанные С. Витте и Д. Треповымъ опасенія, но находило „весьма неудобнымъ съ принципіальной точки зрѣнія“ лишать офицерство права, предоставленнаго всему прочему населенію. Поэтому, утѣшаясь знакомымъ уже намъ соображеніемъ, что „значительное большинство офицеровъ, и именно строевыхъ, не обладаетъ намѣченнымъ цензомъ и такимъ образомъ останется внѣ выборовъ“,—совѣтъ предлагалъ признать за офицерствомъ активное избирательное право. Иначе отнесся совѣтъ къ его пассивному избирательному праву. Тутъ совѣтъ былъ единодушенъ въ признаніи, что „воззрѣнія и форма ихъ выраженія, которыя принесутъ съ собою нѣкоторые члены Думы, окажутся въ противорѣчіи съ традиціями, которыя обязательны для лицъ, носящихъ воинскій мундиръ“. Въ виду этого, а также несовмѣстности правъ, предоставленныхъ членамъ Думы, „съ условіями военной субординаціи“, совѣтъ полагалъ пассивнаго избирательнаго права офицеровъ лишить. Положеніе 6 авг. рѣшило, однако, этотъ вопросъ болѣе радикально—въ духѣ Витте и Трепова: „воинскіе чины арміи и флота, состоящіе на дѣйствительной военной службѣ“, были вообще лишены права участія въ выборахъ.

Соображенія о возможномъ суженіи размаха агитаціи и возможно болѣе полномъ устраненіи „наблагонадежнаго“ элемента отъ участія въ выборахъ послужили, несомнѣнно, однимъ изъ видныхъ факторовъ для установленія различныхъ ограниченій. Ими, въ значительной степени, объясняется высокій возрастный цензъ (25 лѣтъ) и устраненіе учащихся въ учебныхъ за-

веденіяхъ [1]), а также формулировка тѣхъ „преступныхъ дѣяній", которые влекутъ за собою лишеніе избирательныхъ правъ. Такъ, по буквальному смыслу ст. 7 этихъ правъ лишаются всѣ привлекаемые по дѣламъ не только уголовнаго, но и политическаго свойства, поскольку они прямо не *оправданы* судомъ.

* * *

При наличныхъ обстоятельствахъ манифестъ 6 августа, вопреки крайнему несовершенству создаваемаго имъ народнаго представительства, пріобрѣталъ характеръ первой принципіальной и серьезной уступки стараго режима общественному движенію. Брешь въ старомъ порядкѣ была пробита,—въ этомъ были согласны всѣ, несмотря на тотчасъ же возгорѣвшіеся тактическіе споры объ отношеніи къ Думѣ.

Но въ своемъ конкретномъ видѣ учрежденіе Г. Д. могло удовлетворить не многихъ. Оно шло, правда, навстрѣчу желаніямъ славянофильски настроенныхъ круговъ умѣреннаго земскаго дворянства (Шиповъ и др.). Но и эти круги не могли съ спокойнымъ удовлетвореніемъ отнестись къ этому продукту бюрократическаго творчества. Все разроставшееся общественное движеніе, втягивавшее въ свой водоворотъ все новые и новые элементы, дѣлало слишкомъ очевиднымъ, что Булыгинская Дума не внесетъ въ страну „успокоенія", а что, наоборотъ, первый принципіальный успѣхъ лишь окрылитъ энергію тѣхъ, кто почувствовалъ себя обдѣленнымъ, и еще болѣе тѣхъ, кто, какъ городской пролетаріатъ и демократическая интеллигенція, являлся главнымъ факторомъ движенія въ данную эпоху и въ то же время совершенно обездоленъ положеніемъ 6 августа. Для этихъ слоевъ Булыгинская Дума была лишь осязательнымъ доказательствомъ возможности сокрушить режимъ, еще недавно стоявшій, казалось, такъ прочно, и не менѣе осязательнымъ доказательствомъ упорнаго нежеланія этого режима удовлетворить самыя насущныя требованія демократическихъ слоевъ населенія. И то, и другое, какъ и плачевный балансъ войны, подведенный въ портсмутскомъ мирномъ договорѣ, въ равной мѣрѣ стимулировало энергію этихъ слоевъ къ продолженію и усиленію своей наступательной борьбы. А это, въ свою очередь, заставляло и высшіе классы общества, разувѣрившіеся въ могуществѣ старой власти и въ ея способности подавить народное движеніе, относиться съ недовѣріемъ къ булыгинскому учрежденію, требовать демократизаціи избирательнаго права и расширенія полномочій Думы. Недовѣріе еще усиливалось сомнѣніемъ насчетъ дѣйствительныхъ намѣреній правительства. Вся практика его агентовъ въ связи съ начавшей принимать серьезные размѣры черносотенной агитаціей, заставляла и умѣренно-либеральное общество опасаться, что въ видѣ Думы для него готовится ловушка.

[1]) Кромѣ упомянутыхъ уже категорій, права участія въ выборахъ были лишены женщины, бродячіе инородцы и иностранные подданные.

Возникало опасеніе, что правительство хочетъ задавить въ Думѣ голосъ либерализма голосомъ реакціонныхъ „лавочниковъ“, какъ казалось однимъ, „мужиковъ“, какъ думали другіе. Сложность и искусственность избирательной системы и полная неувѣренность въ настроеніи мелкаго городского населенія и крестьянства питали эти опасенія.

Правительство само сознавало, что, при данныхъ условіяхъ, его дѣтище имѣетъ мало шансовъ пріобрѣсти симпатіи широкихъ общественныхъ круговъ. Съ характерною для всего этого періода противорѣчивостью, оно одною рукою пыталось дать общественному движенію въ видѣ Гос. Думы „успокоительное“ средство, другою, сознавая всю недостаточность этого средства,—зажать ротъ недовольнымъ и попытаться раздавить силою движеніе, которому оно вынуждено было уступать. Сейчасъ же послѣ 6 августа вся энергія власти сосредоточилась на томъ, чтобы прекратить развитіе политической агитаціи, предотвратить возможность широкой постановки ея въ связи съ избирательной кампаніей, разрушить складывавшіяся политическія организаціи и прекратить проявленія массоваго движенія.

Въ самый день изданія учрежденія Гос. Думы былъ отмѣненъ указъ 18 февраля, дававшій право частнымъ лицамъ и учрежденіямъ формулировать свои политическія пожеланія. Отмѣна указа не остановила потока собраній, съѣздовъ, организацій и политическихъ резолюцій, но дала мѣстной и центральной администраціи поводъ къ непрерывному вмѣшательству въ занятія собраній, съѣздовъ, банкетовъ, вмѣшательству безсильному и потому только раздражавшему и обострявшему проявленія общественнаго протеста.

Правила 18 сентября о примѣненіи и введеніи въ дѣйствіе учрежденія Гос. Думы и положенія о выборахъ, сопровождаемыя указомъ, повелѣвшимъ „приступить безотлагательно къ распоряженіямъ о производствѣ выборовъ“, давали широкій просторъ дѣйствіямъ должностныхъ лицъ по составленію списковъ избирателей, созыву избирательныхъ собраній и съѣздовъ и надзору за ними. Въ то же время эти правила стремились ограничить занятія избирательныхъ собраній и съѣздовъ исключительно избирательной процедурой, запретивъ имъ входить въ какія бы то ни было разсужденія и сдѣлать какія бы то ни было постановленія, не относящіяся до производства выборовъ. „Для совѣщанія о достойныхъ быть избранными лицахъ“ избирателямъ и выборщикамъ предоставлялось созывать въ *городскихъ поселеніяхъ* особыя „подготовительныя собранія“. Но, въ цѣляхъ стѣсненія широты такого „совѣщанія“ на этихъ собраніяхъ получили право присутствовать только избиратели и выборщики даннаго избирательнаго съѣзда или собранія, и о времени и мѣстѣ ихъ долженъ быть извѣщенъ начальникъ мѣстной полиціи не позднѣе, какъ за 24 часа, съ приложеніемъ именныхъ

списковъ устроителей. По требованію чина, назначеннаго начальникомъ полиціи для присутствованія на собраніи, оно должно быть немедленно закрыто.

Циркуляръ мин. вн. дѣлъ отъ 22 сентября обращалъ вниманіе губернаторовъ на необходимость неуклоннаго соблюденія правилъ, стѣсняющихъ агитацію, въ ходѣ крестьянскихъ выборовъ. Онъ напоминалъ имъ, что подвѣдомственные имъ чины, „воздерживаясь отъ всякаго вмѣшательства въ ходъ выборовъ, обязаны, однако, наблюдать и за тѣмъ, чтобы посторонніе лица, участія въ выборахъ не имѣющія, съ своей стороны не вмѣшивались никакими способами въ производство ихъ". Послѣдующая практика показала, насколько трудно провести границу между „наблюденіемъ" и „вмѣшательствомъ" и насколько велика склонность администраціи къ расширительному толкованію рекомендованныхъ ей циркуляромъ „наблюдательныхъ" функцій [1]).

Во всякомъ случаѣ общественные слои, принимавшіе болѣе или менѣе активное участіе въ движеніи, не имѣли основанія довѣрять намѣреніямъ администраціи и руководившаго ею правительства. И отмѣна указа 18-го февраля одновременно съ опубликованіемъ манифеста 6 августа, и все расширявшееся черносотенное, погромное движеніе при явномъ соучастіи мѣстныхъ представителей администраціи и полиціи, и попытка еще больше усилить репрессіи противъ всѣхъ проявленій общественнаго недовольства,— все это, при данныхъ обстоятельствахъ, не столько пугало, сколько питало недовѣріе и раздраженіе. Сентябрьское свиданіе съ германскимъ императоторомъ въ Біоркэ комментировалось, какъ желаніе Германіи вмѣшаться во внутреннія русскія дѣла...

Уже въ самый день опубликованія манифеста 6 августа было введено военное положеніе въ Курляндской губерніи, а черезъ 3 дня—въ Варшавѣ и ея уѣздѣ. Затѣмъ послѣдовалъ Бѣлостокъ съ уѣздомъ (4 сентября) Харьковъ (13 октября) и рядъ исключительныхъ положеній въ различныхъ мѣстностяхъ. Кавказъ былъ прямо переведенъ на военное положеніе, и 26 августа мобилизованы войска кавказскаго военнаго округа. Военные суды начали усиленно работать, участились смертные приговоры, военно-судебная процедура упростилась до послѣдней степени, приводя къ неизбѣжнымъ и частью скоро раскрывавшимся ошибкамъ (дѣло Манковскаго). Командующіе войсками начали широко пользоваться своимъ правомъ не пропускать кассаціонныхъ жалобъ осужденныхъ военнымъ судомъ (бунтъ

[1]) Къ выборамъ относился и циркуляръ мин. вн. дѣлъ отъ 30 сентября. Въ этомъ циркулярѣ указывалось, что положеніе 6 авг. не предусматриваетъ необходимости перевыборовъ волостныхъ сходовъ для выбора уполномоченныхъ, но въ то же время констатировалось, что *право* перевыбора за крестьянскими сельскими обществами сохраняется.

матросовъ въ Либавѣ, бунтъ на „Георгіѣ Побѣдоносцѣ“, дѣло Окрусенъ). Генералъ-губернаторы и командующіе войсками въ своихъ воззваніяхъ и приказахъ все чаще стали грозить населенію примѣненіемъ вооруженной силы. Въ типичномъ для того времени приказѣ по войскамъ варшавскаго военнаго округа ген. Скалонъ упрекалъ, напр., гражданскія власти въ томъ, что онѣ, „вызвавъ войска, не рѣшаются на энергичныя мѣры“. Онъ требовалъ принятія „рѣшительныхъ мѣръ“; эти мѣры „въ каждомъ частномъ случаѣ дадутъ, можетъ быть, лишнія жертвы, но это неизбѣжно“. И приказъ кончался напоминаніемъ, что „боязни отвѣтственности мѣста нѣтъ“.

Пресса, вопреки штрафамъ и репрессіямъ завоевывавшая себѣ все большую свободу, широко разносила и комментировала всѣ такого рода проявленія старой власти. И уже одно то, что ея распоряженія подвергались рѣзкой критикѣ, осмѣивались въ народившейся политической сатирѣ, вызывали протесты и органовъ самоуправленія, и обществъ, и организацій, одно это служило въ глазахъ общества свидѣтельствомъ, что на-лицо имѣется въ гораздо большей степени желаніе правительства подавить общественное движеніе, чѣмъ возможность осуществить это желаніе. Несмотря на всѣ угрозы, кровавыя репрессіи и такіе эпизоды, какъ чудовищная бакинская рѣзня, сопровождавшаяся новымъ пожаромъ нефтяныхъ вышекъ, революціонное и оппозиціонное движеніе все наростало и наростало.

Впрочемъ, собственное поведеніе правительства и его агентовъ свидѣтельствовало о внутренней слабости, нерѣшительности и колебаніяхъ. Регулярная законодательная и правительственная дѣятельность почти пріостановилась. Единственными актами ея за періодъ августъ—октябрь были указъ 1 октября, расширявшій кругъ предметовъ, по которымъ въ частныхъ польскихъ школахъ разрѣшается преподаваніе на польскомъ языкѣ, и наказъ земскимъ начальникамъ, сопровожденный циркуляромъ мин. вн. дѣлъ отъ 31 августа и имѣвшій цѣлью нѣсколько сузить ихъ административный произволъ. Въ общемъ же вся дѣятельность правительства цѣликомъ сосредоточивается на подавленіи „смуты“.

Въ этомъ подавленіи, какъ уже сказано, обнаруживается явная внутренняя слабость правительства. Самые рѣшительные сторонники грозныхъ репрессій не приводятъ своихъ угрозъ въ исполненіе, предпринимаютъ шаги, показывающіе всѣмъ и каждому, какъ они сами боятся выполненія своей собственной программы, шаги, дискредитирующіе правительство и вливающіе бодрость въ души его противниковъ [1]). Запрещенные съѣзды собираются,

[1]) Маленькая, но характерная исторія съ англійскимъ авантюристомъ-журналистомъ, Вилльямомъ Стэдомъ, какъ нельзя лучше подчеркнула эту внутреннюю неувѣренность правительства. На нѣсколько недѣль Стэдъ пріобрѣлъ значеніе человѣка, по слову котораго грозный „диктаторъ“ Треповъ отмѣняетъ приказъ объ арестѣ (П. Н. Милюкова), разрѣшаетъ запрещенные митинги и собранія, обезпечиваетъ пол-

организаціи и не думаютъ закрываться, попытки подвергнуть уголовному преслѣдованію кого-либо изъ ихъ членовъ немедленно вызываютъ сотни заявленій о солидарности съ требованіемъ привлеченія къ суду.

При такихъ условіяхъ, стремясь по-прежнему къ неумолимой репрессіи по отношенію къ движенію низовъ, особенно рабочихъ, правительство пытается изолировать это движеніе отъ движенія другихъ слоевъ общества. Продолжая одного рукою дезорганизовывать и это движеніе, внося повсюду раздраженіе, правительство другою рукою даетъ новыя уступки либеральному обществу, пытаясь привлечь его на свою сторону. Такой уступкой была отмѣна В. пов. 8 янв. 1904 г. о репрессіяхъ по отношенію къ либеральному тверскому земству. Такой уступкой было терпимое отношеніе къ съѣздамъ земскихъ и городскихъ дѣятелей. И, наконецъ, самой важной изъ этихъ уступокъ былъ указъ 27 августа объ *университетской автономіи* [1]).

Указомъ вводилась выборность ректора, его помощника, декановъ и секретарей факультетовъ и предоставленіе университетскимъ совѣтамъ завѣдыванія внутреннимъ распорядкомъ. Правительство шло этимъ навстрѣчу вліятельному профессорскому либерализму, тѣсно связанному въ эту эпоху съ либерализмомъ земскимъ, и въ то же время разсчитывало, успокоивъ студенческую молодежь и водрузивъ знамя академической свободы, повліять на настроеніе и всей демократической интеллигенціи. Но время было не такое, чтобы подобныя мѣры могли вбить клинъ въ освободительное движеніе. Народныя массы, особенно городскія, слишкомъ громко заявляли о себѣ и своей силѣ, только что заключенный миръ слишкомъ громко свидѣтельствовалъ о слабости правительства, чтобы „академическая свобода", въ свое время служившая знамонемъ извѣстной части интеллигенціи, какъ „земское положеніе 1864 г."—знаменемъ извѣстной части земцевъ, могла оторвать отъ движенія сколько-нибудь широкіе слои. Наоборотъ. И въ этой уступкѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, освободительное движеніе нашло новую опору для новыхъ завоеваній.

Съѣхавшееся послѣ каникулъ студенчество, какъ извѣстно, значительнымъ большинствомъ стало на точку зрѣнія, выдвинутую „Искрой", и сочло „автономію" поводомъ для прекращенія уже изжившей себя „забастовки", но лишь затѣмъ, чтобы перейти отъ „обороны къ наступленію". Университеты, защищенные „автономіей" отъ вмѣшательства полиціи, стали первымъ

поту печатанія отчетовъ съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей, ранѣе имъ самимъ не разрѣшеннаго, и пр. и пр. Все это даетъ поводъ къ безконечному потоку насмѣшекъ въ газетахъ, и вся исторія кончается запрещеніемъ газетамъ писать о Стэдѣ и „открытымъ письмомъ" газеты „Сынъ Отечества" къ „мистеру Стэду" съ просьбой „употребить свое вліяніе на русское правительство и добиться для русскихъ газетъ разрѣшенія писать о немъ, г. Стэдѣ".

[1]) Рескриптомъ 17 сент. дѣйствіе этого указа распространено и на всѣ спеціальныя высшія учебныя заведенія.

въ Россіи мѣстомъ, гдѣ смогли открыто собираться *революціонные* митинги и гдѣ могли проходить школу политическаго воспитанія и организаціи широкія массы городского населенія, особенно рабочаго. Вмѣсто предполагавшагося „успокоенія“ отъ прекращенія студенческой забастовки получился колоссальный ростъ революціоннаго броженія; вмѣсто изоляціи демократически-интеллигентскихъ слоевъ отъ пролетарскаго движенія—очаги политической и профессіональной организаціи рабочихъ, прикрываемые на первыхъ порахъ наиболѣе демократическою частью интеллигенціи — студенчествомъ; вмѣсто обезкровленія революціонныхъ партій отвлеченіемъ отъ нихъ игравшаго въ это время столь замѣтную роль студенчества—арена, на которой революціонныя партіи, выйдя изъ подполья, впервые могли открыто развернуть широкую агитацію передъ массами. Повторялись въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ недолгіе дни, предшествовавшіе „кровавому воскресенью“, и какъ бы возстановлялась оборванная тогда нить развитія.

Событія въ университетахъ находили громкій откликъ и за ихъ стѣнами, особенно въ пролетарской средѣ. Попытки кое-какихъ либеральныхъ профессоровъ (напр. въ Москвѣ) прекратить революціонное использованіе университетовъ, кое гдѣ (напр. въ Москвѣ), снова закрывъ высшія учебныя заведенія, не встрѣтили большого сочувствія даже въ ихъ собственной средѣ и не могли имѣть успѣха: движеніе городскихъ низовъ опиралось уже на прочныя „январьскія“ традиціи; въ нѣсколько дней оно такъ выросло, что всестороннимъ напоромъ вырвало университеты изъ „академическихъ“ рукъ, превратившись изъ терпимаго и покровительствуемаго „гостя“ въ ихъ „хозяина“.

Дальнѣйшій ходъ событій извѣстенъ: забастовка московскихъ типографскихъ рабочихъ, гдѣ впервые функціонировалъ представительный органъ рабочихъ—прообразъ будущихъ „совѣтовъ рабочихъ депутатовъ“; „совѣщаніе по пересмотру устава ж.-д. пенсіонныхъ кассъ“, созванное правительствомъ, и самочинное превращеніе его въ „первый делегатскій съѣздъ представителей желѣзныхъ дорогъ“ съ смѣщеніемъ назначеннаго правительствомъ предсѣдателя; начало желѣзно-дорожной забастовки (7 окт.); возникновеніе петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ и, наконецъ, всеобщая забастовка, желѣзнымъ кольцомъ охватившая весь государственный организмъ, пріостановившая его кровообращеніе, перерѣзавшая нервы, связывавшіе центръ съ провинціей и отдѣльныя части провинцій другъ съ другомъ, парализовавшая на время весь административный, военный и полицейскій аппаратъ и въ то же время дававшая новую пищу уже довольно замѣтному броженію въ войскахъ, разочарованныхъ неудачною войною, изнуренныхъ непрерывнымъ подавленіемъ „безпорядковъ“, переполненныхъ людьми, призванными изъ запаса и жаждавшими возвращенія домой...

*

Растерянность правительственныхъ чиновъ и въ центрѣ, и на мѣстахъ была колоссальна. По характеристикѣ, данной въ рапортѣ начальника харьковскаго охраннаго отдѣленія отъ 10 окт., „повсюду и во всемъ, вѣроятнѣе всего изъ страха, уклончивое отношеніе къ предупрежденію проявленій общественной распущенности и разнузданности“ [1]).

Это „уклончивое отношеніе“ сказалось одинаково и въ сношеніяхъ высшихъ властей съ представителями открыто выступившихъ революціонныхъ силъ. Министръ путей сообщенія, кн. Хилковъ, дѣланною наивностью старался отвести отъ себя неудовольствіе явившихся къ нему делегатовъ желѣзно-дорожнаго съѣзда. Онъ заявилъ, что находится „не въ курсѣ дѣла“ и выражалъ „изумленіе“, узнавъ отъ делегатовъ, что въ Россіи существуютъ жандармскіе обыски и аресты, подавленіе забастовокъ вооруженной силой [2]), смертная казнь и т. п. Предсѣдатель комитета министровъ, графъ Витте, обѣщалъ той же депутаціи желѣзнодорожниковъ законъ о свободѣ сходокъ, собраній и митинговъ, „болѣе совершенный, нежели законы по этому вопросу Австріи и Италіи“, полную свободу печати, снятіе военнаго положенія на желѣзныхъ дорогахъ, 8-часовой рабочій день. Рѣшительно непріемлемымъ казалось ему за то учредительное собраніе и всеобщее и пр. избирательное право. Но онъ аппеллировалъ къ делегатамъ, какъ къ рабочимъ, противъ „буржуазіи“, ссылаясь на Америку, гдѣ, благодаря всеобщему избирательному праву, „всю страну держитъ въ рукахъ группа капиталистовъ со своими милліонами, подкупающими голоса“. Онъ умолялъ депутатовъ одуматься и помнить, что при „такихъ обстоятельствахъ можетъ пасть правительство, но вмѣстѣ съ тѣмъ погибнете и вы, лучшія силы народа, и такимъ образомъ сыграете въ руку той же буржуазіи, противъ которой вы боретесь“ [3]). Въ этихъ свиданіяхъ ж.-д. делегаціи съ двумя министрами мелкими чертами, но весьма характерно сказалась и растерянность бюрократіи, и ея изолированность, и ея желаніе спекулировать на соціальные антагонизмы, и готовность всего правящаго персонала, ради минутнаго успѣха, отдѣлить свою судьбу отъ судьбы тѣхъ общественныхъ классовъ, на которые она еще такъ недавно опиралась, и, наконецъ, трусливое стремленіе каждаго отдѣльнаго представителя ея свалить отвѣтственность со своихъ плечъ...

Центромъ разыгрывавшейся драмы, естественно, сталъ Петербургъ. Въ столицу были стянуты войска, а 12 октября всѣ воинскія силы Петербурга были подчинены генералъ-губернатору Трепову. Всѣ усилія сосредоточились на подавленіи собраній или, такъ какъ подавить ихъ совершенно казалось уже

---

[1]) Мат. по ист. р. к.-р. стр. LXVIII.

[2]) „Неужели вы не считаете себя въ правѣ защищаться, когда въ васъ стрѣляютъ?“ спрашивалъ словоохотливый министръ. „Бирж. Вѣд.“. Цитир. по „Праву“ за 1905 г. № 45—46, Прилож., стр. 28

[3]) Тамъ же, стр. 18.

невозможнымъ, на „урегулированіи“ ихъ. Въ тотъ же день 12 октября были изданы *временныя правила о собраніяхъ*. Эти правила [1]) требовали заблаговременнаго извѣщенія начальника мѣстной полиціи о днѣ, часѣ, мѣстѣ и предметахъ занятій собранія съ указаніемъ именъ и адресовъ устроителей и докладчиковъ. Начальнику полиціи предоставлялось право воспрещать собранія, „цѣль и предметъ занятій которыхъ противны закону, или устройство которыхъ угрожаетъ общественнымъ спокойствію и безопасности“. Собранія подъ открытымъ небомъ допущены лишь съ особаго разрѣшенія. Воспрещено посѣщеніе ихъ нижними воинскими чинами, учащимися въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, малолѣтними. Представителю полиціи, присутствующему на собраніи, предоставлено право закрывать его въ случаѣ „противозаконныхъ проявленій“, хотя и перечисленныхъ (напр., отклоненіе отъ предмета занятій, сужденія, возбуждающія вражду одной части населенія противъ другой и т. д.), но въ такихъ растяжимыхъ терминахъ, которые поддавались самому распространительному толкованію. Дѣйствію этихъ правилъ не подлежали „частныя всякого рода собранія“, но лишь въ томъ случаѣ, если приглашеніе на нихъ не совершается „безымянными извѣщеніями или объявленіями въ повременныхъ изданіяхъ“. Это правило о „частныхъ собраніяхъ“ давало легальную возможность созывать при помощи именныхъ повѣстокъ многолюдныя собранія внѣ правилъ 12 октября [2]).

Но сейчасъ правительство объ этомъ не думало. Его занимало непосредственно прекращеніе революціонныхъ собраній въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, обратившихся въ мѣсто непрерывныхъ митинговъ, длившихся съ утра до поздней ночи. 13 октября состоялось постановленіе „особаго совѣщанія министровъ“, которымъ, въ виду изданія указа 12 окт., категорически воспрещались собранія и митинги въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, причемъ, въ нарушеніе указа 27 августа объ университетской автономіи, совѣтамъ учебныхъ заведеній, въ случаѣ неудачи ихъ борьбы съ собраніями, предписывалось „немедленно закрыть учебное заведеніе и о семъ донести“ [3]). Петербургскій генералъ-губернаторъ расклеилъ это постановленіе съ добавленіемъ, что имъ „приняты мѣры къ недопущенію въ зданія учебныхъ заведеній постороннихъ лицъ“, и съ указаніемъ на 3 залы (охтенскій и василе-

---

[1]) Они относились собственно, какъ говорилъ разд. I, лишь къ собраніямъ „по вопросамъ государственнымъ, общественнымъ или экономическимъ“.

[2]) Циркуляръ мин. вн. д. отъ 14 окт. рекомендовалъ губернаторамъ благожелательное толкованіе правилъ 12 окт. и подчеркивалъ, что они примѣнимы только къ собраніямъ *публичнымъ* и притомъ такимъ въ которыхъ обсуждаются именно вопросы общественные, государственные или экономическіе“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, министръ указывалъ, что впредь такого рода собранія, созванныя вопреки правиламъ 12 окт. „не могутъ быть допускаемы“, а въ случаѣ созыва должны быть приняты мѣры „къ немедленному ихъ прекращенію“.

[3]) Пунктъ б § 2 ук. 27 авг., на который ссылалось постановленіе, говоритъ лишь о *правѣ* совѣта „ходатайствовать о пріостановленіи занятій“.

островскій театръ, домъ Нобеля), предоставленные въ распоряженіе градоначальника „въ виду назрѣвшей потребности въ публичныхъ собраніяхъ".

На слѣдующій день, 14 октября, новое объявленіе Д. Ф. Трепова извѣстило населеніе Петербурга, что войскамъ и полиціи дано приказаніе „подавлять немедленно самымъ рѣшительнымъ образомъ" всякую попытку къ „массовымъ безпорядкамъ"; „при оказаніи же со стороны толпы сопротивленія—холостыхъ залповъ не давать и патроновъ не жалѣть".

Но ни этотъ приказъ, ставшій знаменитымъ, ни всѣ другія мѣры не могли задержать бурнаго движенія. Волна грандіознѣйшей всеобщей политической забастовки, когда-либо видѣнной міромъ, прокатилась по всей Россіи и вынесла на гребнѣ своемъ манифестъ 17 октября. Правительство капитулировало, традиціямъ стараго государственнаго строя была нанесена неизлечимая рана...

III.

„Дни свободы".

Стояли желѣзныя дороги, не работали фабрики и заводы, наполовину остановилась торговля, прекратилась жизнь учебныхъ заведеній, бастовали либеральныя профессіи—врачи, адвокаты, аптекаря, учителя, инженеры, бездѣйствовала значительная часть администраціи и магистратуры, легкими, но непрерывными вспышками прорывался огонь, тлѣвшій въ главныхъ сплахъ „стараго режима"—арміи и полиціи,—и старое государственное зданіе заколебалось до основанія. Правительство стояло въ нерѣшительности. Различныя вліянія боролись другъ съ другомъ. Военная диктатура—конституція, въ этихъ предѣлахъ качался правительственный маятникъ, къ нимъ тяготѣли мнѣнія высшаго правительственнаго персонала, группировавшагося вокругъ двухъ центральныхъ фигуръ: Трепова и Витте.

Вопросъ для даннаго момента рѣшили „смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ имперіи": съ ссылки на нихъ начинается манифестъ 17 октября, надеждою на „прекращеніе сей неслыханной смуты" онъ кончается. Обѣщаніе *конституціи*, какъ средства для прекращенія „смуты",—таковъ былъ смыслъ манифеста 17 октября. Что имъ обѣщана конституція и даже, болѣе того, что имъ фактически введенъ конституціонно-монархическій строй, хотя и не отлившійся еще въ форму основного закона,—на этотъ счетъ ни у враговъ новаго порядка, ни у друзей его въ данную минуту, сомнѣнія не было. „Мы убѣждены, что возврата отъ *кон-*

ституціи (курс. н.) назадъ нѣтъ и не должно быть", писало 19 ноября „Новое Время", обсуждая высказанныя французскимъ оффиціозомъ, газетою „Temps", опасенія насчетъ поведенія арміи „въ тотъ день, когда властью завладѣетъ кучка реакціонеровъ". И такой взглядъ на значеніе октябрьскаго манифеста высказывали и высшіе чины администраціи, даже тѣ, которые всѣмъ поведеніемъ своимъ свидѣтельствовали о несочувствіи новому строю. Такъ, въ приказѣ по войскамъ варшавскаго военнаго округа отъ 25 октября варшавскій ген.-губ. Скалонъ характеризовалъ манифестъ 17 октября, какъ „только-что объявленную *конституціонную реформу*" (к. н.) [1]).

Содержаніе манифеста вполнѣ оправдывало такую характеристику. Имъ было обѣщано: 1) „даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ", 2) „привлечь къ участію въ Думѣ... тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ засимъ дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку"; 3) „установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Г. Д., и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій... властей". Кромѣ того манифестъ признавалъ „необходимымъ объединить дѣятельность высшаго правительства".

Объединеніе этой дѣятельности было въ тотъ же день поручено графу Витте, а черезъ день (19 октября) указомъ „о мѣрахъ къ укрѣпленію единства въ дѣятельности министерствъ и главныхъ управленій" былъ созданъ кабинетъ министровъ подъ названіемъ „совѣта". Въ составъ совѣта министровъ вошли „министры и главноуправляющіе отдѣльными частями, принадлежащими къ общему политическому устройству", и общимъ правиломъ стало, что „никакая, имѣющая общее значеніе мѣра управленія не можетъ быть принята главными начальниками вѣдомствъ, помимо совѣта министровъ, а также, что черезъ совѣтъ проходятъ всѣ предположенія, вносимыя въ Г. Думу, и всѣ всеподданнѣйшіе доклады, имѣющіе общее значеніе [2]).

Однако, эта, объединяющая направленіе политики дѣятельность совѣта, была существенно ограничена нѣкоторыми изъятіями. Изъ вѣдѣнія совѣта исключено было замѣщеніе главныхъ должностей высшаго и мѣстнаго управленія по вѣдомству Двора и удѣловъ, по управленію арміею и флотомъ и

---

[1]) „Русскій Инвалидъ". Цит. по „Праву" 1905 г. № 43, с. 3534. Еще во второй половинѣ ноября въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ „Daily Telegraph" („Право", № 48—49, с. 3920) графъ Витте говорилъ о манифестѣ 17 октября, „который ввелъ конституціонные принципы въ управленіе Имперіей".

[2]) Указомъ 14 апр. 1906 г. было разъяснено, что вѣдѣнію совѣта не подлежитъ ревизіонная дѣятельность государственнаго контролера.

по дипломатической части. Дѣла, касающіяся Двора и удѣловъ, государственной обороны и внѣшней политики, вносятся въ совѣтъ только по Высочайшему повелѣнію, или желанію начальниковъ этихъ вѣдомствъ, или, наконецъ, поскольку эти дѣла касаются другихъ вѣдомствъ. При отсутствіи *единогласія* въ совѣтѣ, вопросъ о дальнѣйшемъ направленіи дѣла переносится на усмотрѣніе Верховной власти. Наконецъ, временно былъ оставленъ и комитетъ министровъ, т. е. учрежденіе, въ которомъ, на-ряду съ министрами, засѣдали особы императорской фамиліи и предсѣдатели общаго собранія и департаментовъ гос. совѣта, и которое имѣло такимъ образомъ возможность проводить мѣры, нисколько не согласованныя съ политикою „объединеннаго" кабинета [1]).

Программой дѣятельности новаго кабинета долженъ былъ служить докладъ Витте, „принятый къ руководству" и въ своей принципіальной части положенный въ основу манифеста 17 октября, съ однимъ, впрочемъ, характернымъ исключеніемъ: манифестъ умалчивалъ объ упомянутомъ въ докладѣ „уравненіи передъ закономъ всѣхъ подданныхъ, независимо отъ вѣроисповѣданія и національности". „Реформаторскія" мысли доклада исходили изъ признанія, что „Россія переросла форму существующаго строя" и „стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы". Эта „основа" должна была быть создана работой „объединеннаго" правительства, программой котораго должно быть „осуществленіе мѣръ, предрѣшенныхъ указомъ 12 декабря" (1904 г.).

Такимъ образомъ, очевидно, на-лицо были признаки, которые позволяли говорить о новомъ, грядущемъ строѣ, какъ о конституціонномъ. Но, съ другой стороны, конституція не была октроирована въ видѣ „основного закона", точно опредѣляющаго компетенцію органовъ государственной власти и ясно формулирующаго права гражданъ или границы этихъ правъ. Она не была матеріально воплощена хотя бы въ видѣ немедленной отмѣны цѣлаго ряда законоположеній и пріемовъ управленія, выражавшихъ созданную предыдущимъ развитіемъ русскаго государственнаго строя гипертрофію бюрократическаго всевластія. Самое слово „конституція" не было упомянуто ни въ манифестѣ, ни въ докладѣ Витте, ограничивавшемся характеристикой новаго строя, какъ „правового на основѣ гражданской свободы". И, наоборотъ, манифестъ 17 октября сохранялъ за носителемъ Верховной власти имѣющій вполнѣ опредѣленное политическое значеніе титулъ „самодержца". Никакія оптимическія толкованія либеральной печати, которыми она старалась ослабить значеніе сохраненія стараго титула и умолчаніе о конституціи,

---

[1]) Комитетъ министровъ былъ упраздненъ лишь наканунѣ съѣзда 1-ой Думы— указомъ 23 апр. 1906 г.

не могли скрыть того факта, что вопросъ былъ въ дѣйствительности не въ словахъ, а въ существѣ дѣла.

Существо же это заключалось въ томъ, что манифестомъ 17 октября была создана не конституція, а лишь конституціонная форма, и вопросъ о содержаніи, которымъ эта форма будетъ наполнена, оставался открытымъ. Это значило, что манифестъ 17 октября создавалъ не прочный компромиссъ между „старымъ порядкомъ" и общественнымъ движеніемъ, или отдѣльными элементами его, а лишь новую почву, на которой отнынѣ предстояло вести борьбу: общественному движенію—за выдвинутыя имъ цѣли, старой власти—за самосохраненіе. Въ завоеваніи этой новой почвы заключалась огромная принципіальная побѣда общественнаго движенія и пораженіе старой власти. Общественное движеніе получило въ свои руки новыя орудія борьбы, ему стали доступны новые методы организаціи, обороны и наступленія. Позиція старой власти утратила былую цѣльность, стала противорѣчивой, вынуждающей къ такимъ пріемомъ, которые стояли въ коренномъ противорѣчіи съ самымъ основами того режима, сохраненію котораго они должны были служить. Но самая борьба между „старымъ порядкомъ" и общественнымъ движеніемъ не только не была закончена 17 октября, а, наоборотъ, начиная съ этого дня, развернулась во всей силѣ. Наступалъ періодъ, когда старые законы, силою обстоятельствъ, переставали дѣйствовать, а новые еще не были созданы; когда всякая власть, всякое правовое положеніе, всякое учрежденіе были поставлены подъ сомнѣніе; когда каждый конкретный публично-правовой вопросъ рѣшался открытымъ измѣреніемъ силъ борющихся сторонъ примѣнительно къ условіямъ мѣста и времени.

Создалось положеніе, характеризованное Совѣтомъ Рабочихъ Депутатовъ въ передовицѣ его „Извѣстій":

„Дана свобода собраній, но собранія оцѣпляются войсками. Дана свобода слова, но цензура осталась неприкосновенной. Дана свобода науки, но университеты заняты войсками. Дана неприкосновенность личности, но тюрьмы переполнены заключенными. Данъ Витте, но оставленъ Треповъ. Дана конституція, но оставлено самодержавіе. Все дано и ничего не дано".

Какъ мы уже видѣли, дѣло обстояло дѣйствительно такъ, что было дано „все", ибо содержаніе, которое могли вмѣстить новыя формы государственной жизни было ограничено только силами напиравшаго на нихъ общественнаго движенія. А, съ другой стороны, дѣйствительно не было дано „ничего"—ни одной прочной нормы, ни одного рѣшительнаго и безповоротнаго акта, который на дѣлѣ демонстрировалъ бы и фиксировалъ переломъ въ государственнымъ строѣ.

Дѣйствительно прочнымъ былъ поворотъ лишь въ области *соціальной* программы старой власти въ томъ смыслѣ, что отнынѣ окончательно торже-

ствуетъ формулированная въ духѣ былыхъ тенденцій министерства финансовъ программа соціальнаго переустройства. Эта программа, положенная въ основу манифеста 12 декабря 1904 года, означала признаніе неизбѣжности капиталистическаго, буржуазнаго развитія Россіи во всѣхъ сферахъ хозяйства, отказъ отъ попытки путемъ закрѣпленія принудительно-общинныхъ порядковъ въ деревнѣ, возрожденія сословной организаціи и т. п. сохранить „патріархальный", до-капиталистическій соціальный укладъ. Тѣ двѣ тенденціи, о которыхъ мы говорили въ I томѣ, сглаживаются, и уже въ послѣяварьскихъ совѣщаніяхъ комитета министровъ, какъ мы констатировали, въ такомъ, напр., капитальномъ вопросѣ, какъ крестьянскій, прежніе „противники" одинаково сходятся на точкѣ зрѣнія необходимости крестьянскаго „раскрѣпощенія". Поворотъ этотъ, конечно, не былъ выраженіемъ продуманнаго убѣжденія, измѣнившаго взгляды всего правительственнаго персонала. Онъ совершался эмпирически, благодаря тому, что въ своихъ стремленіяхъ и планахъ, направленныхъ къ тому, чтобы укрѣпить свои собственныя позиціи или разстроить позиціи врага, бюрократія не находила другихъ средствъ кромѣ тѣхъ, которыя опирались на капиталистическое развитіе страны и, въ свою очередь, толкали это развитіе впередъ.

Къ этой эмпирически констатированной неизбѣжности буржуазнаго соціальнаго развитія приспособляютъ съ этихъ поръ свою программу всѣ силы „стараго режима": не только государственная власть, но и отсталое, пропитанное крѣпостническими вожделѣніями земельное дворянство, бывшее ранѣе главной опорой и орудіемъ закрѣпленія самобытныхъ соціальныхъ устоевъ. Соціальной устойчивости этого дворянства ясно вскрывшаяся неизбѣжность „обуржуазиванія" соціальныхъ отношеній во всей Россіи, въ томъ числѣ и деревенской, наноситъ неизлечимый ударъ, ощущаемый особенно остро благодаря пожару аграрнаго движенія, непосредственно направленнаго противъ помѣщиковъ. Крѣпостническое дворянство теряетъ всякую надежду на *увѣковѣченіе* своего экономическаго господства путемъ закрѣпленія старыхъ соціальныхъ отношеній; оно можетъ мечтать лишь о *продленіи* этого господства путемъ эксплоатаціи тѣхъ противорѣчій, посреди которыхъ совершается ихъ эволюція. Оно не можетъ уже думать о *предотвращеніи* своей ликвидаціи, какъ сословія, экономически господствующаго надъ деревней; его заботы сосредоточиваются на томъ, чтобы сдѣлать эту ликвидацію наиболѣе для себя *выгодной*. Выбиваемое изъ старыхъ *соціальныхъ* позицій, оно съ тѣмъ большимъ жаромъ бросается на позиціи *политическія*, становится во главѣ реакціонныхъ силъ, стремится подчинить себѣ, пользуясь ея ослабленіемъ, ту государственную власть, которая раньше сама заставляла его служить себѣ и пустить въ ходъ весь матеріальный и принудительный аппаратъ государства для огражденія своихъ интересовъ.

Но, если совершенно ясенъ былъ совершившійся въ январьско-октябрьскіе дни поворотъ въ соціальной программѣ старой власти, то этого отнюдь нельзя было сказать объ ея *политической* программѣ. „Данъ Витте, но оставленъ Треповъ"—это было вовсе не тождественно съ „дана конституція, но оставлено самодержавіе". Витте такъ же мало былъ олицетвореніемъ „конституціи", какъ Треповъ—„самодержавія", хотя либеральное общественное мнѣніе и хотѣло видѣть въ нихъ такое олицетвореніе. На самомъ дѣлѣ въ фигурахъ Витте и Трепова воплощались въ данный моментъ лишь двѣ тенденціи одного и того же „стараго режима", два метода дѣйствій, одинаково направленныхъ къ самообороне этого режима, къ сохраненію за собою максимума силы и власти и, по возможности, къ отобранію назадъ тѣхъ завоеваній, которыя были сдѣланы общественнымъ движеніемъ. И когда, 10 ноября, была упразднена должность тов. мин. вн. дѣлъ, завѣдующаго полиціей, было уничтожено петербургское генералъ-губернаторство, и сошелъ съ оффиціальной политической сцены Д. Ф. Треповъ, назначенный дворцовымъ комендантомъ, по существу дѣла ничто въ намѣченныхъ двухъ тенденціяхъ не измѣнилось. Та тенденція, представителемъ которой былъ Д. Ф. Треповъ,—методъ репрессіи и военной мобилизаціи всѣхъ наличныхъ контръ-революціонныхъ силъ [1]),—скрылась за кулисы оффиціальной государственности, нашла себѣ средоточіе въ такъ наз. „звѣздной палатѣ", создала себѣ изъ того же самаго административнаго и жандармскаго персонала какъ бы параллельную, тайную государственную организацію, конкуррирующую съ другой явной организаціей, во главѣ которой стоялъ Витте — представитель метода „реформъ", разсчитанныхъ, по словамъ его доклада, на „благоразумное большинство общества", на отрывъ этого „благоразумнаго" общества отъ всего общественнаго движенія въ цѣломъ съ цѣлью ослабленія этого послѣдняго.

Эти двѣ тенденціи до извѣстной степени были продолженіемъ тѣхъ тенденцій, которыя можно было наблюдать въ правительственной политикѣ дореволюціоннаго времени, поскольку, въ силу упомянутыхъ выше причинъ, одна изъ нихъ—репрессивная—находила все большую и большую опору въ дворянствѣ, а другая—„реформаторская"—опиралась на соціальное буржуазное развитіе и была разсчитана на сочувствіе буржуазныхъ и обуржуазивающихся классовъ общества. Поскольку эти двѣ тенденціи воплощались въ различныхъ бюрократическихъ фигурахъ, онѣ неизбѣжно порождали конкурренцію между ихъ носителями, интриги, соперничество, все то, что, на поверхностный взглядъ, создавало видимость политической „борьбы" въ пра-

[1]) Въ отвѣтъ на письмо тульскаго губернатора (1 сент. 1905) о невозможности для администраціи неодинаково относиться къ разрѣшенію собраній и организацій разныхъ направленій, Д. Треповымъ была положена резолюція: „Сего взгляда не раздѣляю. Правительство обязано поддерживать друзей и не поощрять враговъ правительства". „Матеріалы" и пр. стр. LXXVII.

вительственныхъ верхахъ. Въ дѣйствительности, за вычетомъ столкновеній различныхъ бюрократическихъ котерій, на-лицо были лишь два метода борьбы старой власти за самосохраненіе, не только направленные къ единой цѣли, но и строго согласованные другъ съ другомъ. Въ лицѣ министерства Витте—Дурново эта согласованность была подчеркнута даже персональной унеей. Еще громче говорила о ней послѣдовательность фактовъ, выражавшихъ направленіе правительственной политики.

Въ самый день объявленія манифеста была разстрѣлена въ Петербургѣ мирная манифестація (уголъ Гороховой ул. и Загороднаго проспекта), а затѣмъ немедленно начались погромы и избіенія, направленные противъ евреевъ, интеллигенціи и „забастовщиковъ" вообще и прокатившіеся кровавою волною по всей Россіи, главнымъ образомъ,—по югу, юго-западу, центру, Поволжью и востоку [1]), оставляя на своемъ пути тысячи труповъ, десятки тысячъ раненыхъ, избитыхъ, поруганныхъ и разоренныхъ людей, пепелища и развалины.

Ужасающіе размѣры приняли погромъ въ Овидіополѣ, Каларашѣ (60 убитыхъ, 80 тяжело раненыхъ), Елисаветградѣ (10 убитыхъ, болѣе 100 раненыхъ), Кишиневѣ (60 уб., около 200 ран.), Оршѣ (болѣе 40 убит.), Ростовѣ на Д. (176 уб., 500 ран.), Минскѣ (болѣе 100 уб. и 400 тяж. ран.), Кіевѣ (ок. 150 уб. и 300 ран.) и особенно въ Томскѣ (ок. 1150 убитыхъ и сгорѣвшихъ и 76 тяж. ран.) и Одессѣ (болѣе 1000 убит. и 5000 ран.). Общее же число убитыхъ, по подсчетамъ В. Обнинскаго, равно 3500—4000, а раненыхъ и изувѣченныхъ—болѣе 10.000.

Въ другомъ мѣстѣ [2]) мы старались выяснить, на какіе общественные слои опиралась эта погромная политика. Но во всякомъ случаѣ участіе мѣстныхъ представителей администраціи и полиціи въ подготовкѣ, органи-

---

1) Вотъ приблизительно полный списокъ городовъ и мѣстечекъ, гдѣ происходили въ октябрьскіе дни болѣе или менѣе серьезные черносотенные погромы: Одесса, Кіевъ Кременчугъ, Ростовъ на Д., Томскъ, Орша, Кишиневъ, Саратовъ, Ѳеодосія, Казань, Минскъ, Ярославль, Калуга, Тула, Тверь, Владиміръ, Кострома, Новгородъ, Пенза Архангельскъ, Тифлисъ, Баку, Джебраилъ, Аккерманъ, Александровскъ (Екатер.) Ананьевъ, Арзамасъ, Байрамча (Бесс.), Балта, Бирзула, Богополь, Брянскъ, Бѣл.-Церковь, Вел. Луки, Вел. Устюгъ, Винница, Воронежъ, Вязьма, Гадячъ, Геническъ, Голта, Горовскъ, Елисаветградъ, Екатеринославъ, Жмеринка, Затишье, Зельцъ Зыпка (Черн.), Золотоноша, Иваново-Вознесенскъ, Измаилъ, Каларашъ (Бесс.), Каменецъ-Подольскъ, Клинцы, Климовичи, Козелецъ, Кролевецъ, Курскъ, Крюковъ (посадъ), Лозовая, Павловка (Екат.), Луганскъ, Макаровка, Маріуполь, Малин, Миронолъ, Могилевъ-Подольскъ, Николаевъ, Новгородъ-Сѣверскъ, Новогеоргіевскъ, Новозыбковъ, Новомосковскъ, Новопетровка, Новочеркасскъ, Носовичи, Нѣжинъ, Обухово, Овидіополь, Орелъ, Раздѣльная, Ромны, Рыбинскъ, Рязань, Рѣпка (Черн.), Рѣчица (Минск.), Соднезо (Черниг.), Семеновка (Черн.), Симферополь, Стародубъ, Страшены (Бесс.), Суражъ, Тирасполь, Учени, Умань, Фестеровка, Херсонъ, Челябинскъ, Черниговъ, Чучелены, Юзовка (по „Праву"). Отдѣльныя черносотенныя избіенія и грабежи происходили и въ другихъ городахъ.

2) См. т. II настоящаго изданія, ст. „Очеркъ политической эволюціи и т. д.".

заціи и руководствѣ погромами было несомнѣннымъ для всѣхъ очевидцевъ. Оно было констатировано и назначенными въ началѣ ноября, подъ вліяніемъ возбужденнаго общественнаго мнѣнія, ревизіями, порученными сенаторамъ Кузьминскому и Турау. Въ результатѣ этихъ ревизій былъ возбужденъ вопросъ о преданіи суду цѣлаго ряда высшихъ должностныхъ лицъ—губернаторовъ (Курловъ), градоначальниковъ (Нейдгардтъ, Коцебу), полицеймейстеровъ (Цихоцкій) и т. д.

Но за этой мѣстной организаціей погромнаго дѣла ясно видѣлась направляющая ее рука центральной организаціи. Для послѣдующаго періода (послѣ 17 октября) существованіе такой организаціи, нити которой сходились въ департаментѣ полиціи, доказано неопровержимыми документами: рапортомъ завѣдующаго особымъ отдѣломъ департамента полиціи Макарова (15 февр. 1905), письмомъ бывшаго директора деп. полиціи А. А. Лопухина министру вн. д. П. А. Столыпину и рѣчью бывш. тов. мин. внутр. дѣлъ кн. Урусова (зас. Г. Д. 8 іюня 1906 г.). Документальныя данныя устанавливали наличность особой организаціи въ нѣдрахъ департамента полиціи, отдѣленной отъ общей организаціи департамента и состоящей въ непосредственномъ завѣдываніи Рачковскаго. Эти же данныя указывали на Д. Ф. Трепова, какъ на лицо, въ рукахъ котораго находилось главное направленіе дѣломъ, разрѣшеніе къ печатанію черносотенныхъ прокламацій, печатавшихся въ тайной типографіи, помѣщавшейся въ самомъ домѣ департамента полиціи и т. п.

Наличность такой организаціи послѣ октябрьскихъ дней дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ существованіе ея и въ предъ-октябрьскіе дни, объясняющое то единообразіе, съ которымъ повсюду инсценировались погромы. Авторъ оффиціальной записки, поданной въ ноябрѣ 1905 года С. Ю. Витте [1]), такимъ образомъ описываетъ это подозрительное единообразіе: „толпа патріотическихъ манифестантовъ шла съ портретомъ Е. И. В., въ нее стрѣлялъ какой-нибудь еврей, и толпа разъярялась и кидалась громить и убивать евреевъ, при чемъ власти въ теченіе 1, 2 или 3 дней оказывались безсильными, а затѣмъ, чаще всего, безъ выстрѣла, разгоняли погромщиковъ и водворяли порядокъ. Населеніе указывало прежде всего на странность того, что все происходило такъ однообразно: всюду толпа шла съ портретомъ Е. И. В., чего прежде никогда не дѣлалось, всюду находился такой еврей, который въ него стрѣлялъ, и опять-таки всюду этотъ выстрѣлъ имѣлъ одинаковыя послѣдствія, вплоть до безсилія властей подавить погромы, которые производились, однако, очень небольшой кучкой людей" [2]). Все, что могло сказать „правительственное сооб-

1) См. Матеріалы по исторіи и пр. стр. LXXVI.

2) Въ запискѣ, поданной С. Ю. Витте сейчасъ же послѣ октябрьской погромной волны (см. „Наша Жизнь", ноябрь, ст. „Реакціонные заговорщики"), горнопромышленникъ Ф. А. Львовъ опредѣленно указывалъ наличность такой центральной органи-

щеніе", опубликованное въ отвѣтъ на „обращаемыя къ правительству заявленія по поводу происходящихъ безпорядковъ" съ „безпрестанно повторяющимися" указаніями „на искусственное возбужденіе или поддержку ихъ администраціей", заключалось въ „категорическомъ объявленіи, что со стороны *центральныхъ учрежденій* (курсивъ нашъ) всѣ распоряженія клонились лишь къ одной цѣли—поддержанію спокойствія и порядка"...

Репрессивная политика имѣла цѣлью не только подавить непосредственно втянутыя въ революціонное движеніе массы, но и запугать ужасами кровавой анархіи то „благоразумное большинство общества", на которое была разсчитана политика „реформъ", сдѣлать его болѣе податливымъ и уступчивымъ. Упомянутое уже правительственное сообщеніе ссылалось на то, что „опасность дальнѣйшаго возбужденія народныхъ страстей" должна быть „для всѣхъ одинаково очевидна", и говорило, что при отсутствіи въ самомъ населеніи „уваженія къ жизни, собственности и личнымъ правамъ другихъ и повиновенія законности и порядку" „гражданская свобода, дарованная въ принципѣ, можетъ остаться внѣ всякаго житейскаго примѣненія" [1]). И въ числѣ обстоятельствъ, которыя „создаютъ положеніе вещей, неблагопріятное для введенія реформъ", сообщеніе указывало не только на враждебныя отношенія крайнихъ политическихъ партій, но и на „безучастіе умѣренныхъ, которое проявилось при обращеніи правительства къ активной ихъ поддержкѣ".

Призывами къ „обществу" наполнены всѣ многочисленныя правительственныя сообщенія этого періода. „Если большинство общества сочтетъ своею обязанностью придти на помощь правительству, то въ положеніи вещей немедленно произойдетъ улучшеніе, въ противномъ случаѣ, на правительство не должна упадать отвѣтственность за могущія произойти тягостныя послѣдствія" (20 окт.). Этотъ лейтъ-мотивъ „сообщеній" дополняется другимъ: „правительство еще разъ обращается ко всѣмъ прерывавшимъ обычныя свои занятія и работу съ призывомъ овладѣть собою, успокоиться и приняться за правильный трудъ"; „правительство не можетъ не обратить вниманія, въ интересахъ общаго спокойствія и безопасности, на необходимость для всѣхъ избѣгать всякихъ вызывающихъ дѣйствій и поступковъ, могущихъ обострять положеніе".

заціи, возникшей подъ названіемъ „Боевой дружины" еще до октября, руководимой называемыми имъ поименно видными лицами правительственнаго персонала и имѣвшей сначала цѣлью организаціей контръ-революціонныхъ погромовъ *предупредить* готовившуюся забастовку. Но забастовка разразилась раньше, чѣмъ предполагалось, а организація сыграла свою роль въ октябрьскихъ погромахъ.

[1]) Эту же мысль еще болѣе опредѣленно повторилъ Витте въ упомянутой уже бесѣдѣ съ корр. „Daily Telegraph": „Безъ нравственнаго содѣйствія общества правительству анархія будетъ продолжаться. . . . и тогда возможно, что въ видѣ подготовительной мѣры принципы, положенные въ основу манифеста, будутъ отмѣнены или дѣйствіе ихъ будетъ пріостановлено" („Право", № 48—49, с. 3922).

Но обстоятельства были не таковы, чтобы такого рода обращеніями можно было побѣдить „безучастіе умѣренныхъ“. Съ одной стороны, не прошло еще опьяненіе побѣды и не успѣли еще достаточно вскрыться глубокіе антагонизмы, зрѣвшіе въ нѣдрахъ „освободительной“ арміи. Съ другой стороны слишкомъ свѣжо было воспоминаніе о военномъ разгромѣ, слишкомъ глубоко недовѣріе къ намѣреніямъ правительства и слишкомъ очевидно его желаніе сохранить всю „полноту власти“ въ своихъ рукахъ. При такихъ обстоятельствахъ погромные методы борьбы съ революціей оказали на умѣренные слои общества какъ разъ обратное дѣйствіе. Въ насыщенной электричествомъ атмосферѣ именно умѣреннымъ слоямъ внушали крайнее опасеніе и стремленіе использовать въ контръ-революціонныхъ цѣляхъ темные соціальные инстинкты низовъ городского населенія, и связанная съ этимъ использованіемъ разнузданность административнаго и полицейскаго произвола. Несочувствіе огромнаго большинства мѣстнаго правительственнаго персонала новымъ порядкамъ было очевидно. Очевидна была и невозможность для центральной правительственной власти въ лицѣ Витте справиться съ этимъ несочувствіемъ, или смѣнить мѣстный персоналъ. За этой невозможностью видѣлось явное нежеланіе,—ибо не было сдѣлано ни одного рѣшительнаго акта, не было отмѣнено ни одного исключительнаго положенія, не было смѣщено ни одно изъ должностныхъ лицъ, ненавистныхъ населенію, а въ своихъ сообщеніяхъ правительство настойчиво повторяло, что „сразу измѣнить всѣ порядки государственной жизни Россіи немыслимо ни для кого“.

Дѣло было, однако, не въ измѣненіи „сразу“. Члены организаціоннаго бюро земскихъ и городскихъ дѣятелей, вызванные гр. Витте, представили ему 20 октября програму, признаніе которой считали въ тотъ моментъ необходимымъ для оказанія поддержки правительству. Эта программа гласила: учредительное собраніе, всеобщее и пр. избирательное право, немедленное осуществленіе свободъ, возвѣщенныхъ въ манифестѣ, и полная политическая амнистія. Гр. Витте отвѣчалъ, что сходится со своими собесѣдниками „по вопросу о конечныхъ цѣляхъ предстоящаго преобразованія“, но расходится съ ними „въ методахъ ихъ осуществленія“. Онъ требовалъ „довѣрія общества къ искренности намѣреній правительства и возможности для этого послѣдняго пользоваться содѣйствіемъ отдѣльныхъ лицъ изъ общества“.

Какъ мы уже говорили, обстоятельства дѣлали невозможнымъ оказать правительству это довѣріе въ кредитъ даже для умѣренныхъ слоевъ общества. Попытка Витте привлечь въ составъ своего кабинета „общественныхъ дѣятелей“ въ лицѣ Д. Шипова, кн. Е. Трубецкого и А. Гучкова окончилась неудачею. Впрочемъ, самая попытка предложенія портфелей одновременно славянофильствующему стороннику законосовѣщательной, высокоцензовой Думы, члену только что образовавшейся и принявшей радикальную полити-

ческую программу к.-д. партіи и провозвѣстнику воинствующаго либеральнаго націонализма свидѣтельствовала о нежеланіи правительства Витте связать себя опредѣленной программой дѣйствій и внушала мысль не столько о намѣреніи старой власти вступить на новый путь, сколько объ ея желаніи скомпрометтировать различные элементы общественнаго движенія двусмысленнымъ сотрудничествомъ съ бюрократіею.

Графу Витте пришлось отказаться отъ своего намѣренія ввести въ министерство „общественныхъ дѣятелей" и составить первое министерство изъ чиновниковъ, менѣе компрометтированныхъ въ дѣйствіяхъ правительства за послѣднее время (Тимирязевъ, И. Шиповъ, Немѣшаевъ, Философовъ, Кутлеръ и др.).—за исключеніемъ П. Н. Дурново, вступленіе котораго въ управленіе министерствомъ внутр. дѣлъ служило свидѣтельствомъ, что репрессивныя мѣры входятъ органическою составною частью въ политику новаго кабинета.

Но еще до образованія министерства были проведены нѣкоторыя мѣры въ видѣ уступки общественному движенію. Сюда относится, прежде всего, *амнистія* (21 окт.) по политическимъ дѣламъ. Амнистія была неполною, она лишь смягчала участь, но оставляла въ заключеніи и ссылкѣ обширныя категоріи революціонеровъ и потому не удовлетворила демократически настроенные элементы. Но она снимала всѣ кары, наложенныя въ административномъ порядкѣ, освобождала значительную часть лицъ, приговоренныхъ за политическія дѣла по суду, и открывала двери политическимъ эмигрантамъ. Составъ политическихъ ссыльныхъ, заключенныхъ и эмигрантовъ въ это время былъ таковъ, что, благодаря амнистіи, въ активно-дѣйствующіе ряды возвращались, главнымъ образомъ, соціалисты, а это вело, въ свою очередь, къ колоссальному усиленію пропагандистской, агитаціонной и организаціонной работы въ средѣ пролетаріата и крестьянства.

Слѣдующей мѣрой, имѣвшей крупное принципіальное и практическое значеніе, былъ манифестъ 22 окт. (4 ноября) о *Финляндіи*. Манифестъ признавалъ „заслуживающими вниманія и подлежащими осуществленію" „мѣры къ возстановленію закономѣрнаго порядка въ краѣ", указанныя въ петиціи финляндскаго сейма отъ 31 декабря 1904 года. Ссылаясь на „установленныя основными законами права финскаго народа", манифестъ отмѣнялъ всѣ мѣры, принятыя, начиная съ 1899 года, въ разрѣзъ съ этими законами. Одновременно Высочайшимъ повелѣніемъ созывался на 7 (20) декабря 1905 года чрезвычайный сеймъ для обсужденія финансовыхъ мѣропріятій, выработки „проекта новаго основного закона о народномъ представительствѣ въ Финляндіи на началахъ всеобщаго и равнаго избирательнаго права, съ установленіемъ отвѣтственности мѣстныхъ правительственныхъ органовъ передъ народными представителями края", и разсмотрѣнія „проекта основныхъ за-

коноположеній, въ частности о свободѣ печати, собраній и союзовъ", составленіе котораго было поручено сенату. Такимъ образомъ, угрожаемое общественнымъ движеніемъ внутри Россіи, и стремясь обезпечить себя съ тылу, правительство уступало по всѣмъ пунктамъ бурнымъ требованіямъ финскаго народа [1]). Вопреки своимъ намѣреніямъ, оно создавало этимъ новую базу для русскаго общественнаго движенія, которое въ ближайшій періодъ всесторонне использовало финляндскую свободу въ интересахъ выполненія своихъ задачъ.

27 октября было учреждено *министерство торговли и промышленности*, въ составъ котораго было включено главное управленіе торговаго мореплаванія и портовъ и въ вѣдѣніе котораго были переданы изъ министерствъ внутр. дѣлъ и финансовъ дѣла (за исключеніемъ налоговыхъ и финансовыхъ), касающіяся „областей торговаго, промышленнаго и въ особенности рабочаго законодательства" [2]). Учрежденіемъ новаго министерства правительство преслѣдовало цѣль—дать особое представительство интересамъ торгово-промышленнаго класса. Но, поскольку оставалась нетронутой старая организація государственной власти и безотвѣтственность ея передъ народнымъ представительствомъ, новое министерство не могло пріобрѣсти сколько-нибудь самостоятельнаго, независимаго отъ полицейски-бюрократическихъ вліяній характера и потому не могло получить и существеннаго значенія для широкихъ слоевъ капиталистической буржуазіи. Что же касается привилегированныхъ магнатовъ капитала, то для нихъ министерство финансовъ, направляющее кредитно-ссудную политику государственнаго банка и таможенную политику, а вскорѣ вернувшее въ свое вѣдѣніе и тарифную политику, продолжало имѣть, при указанныхъ условіяхъ, гораздо болѣе важное значеніе, чѣмъ новорожденное министерство торговли и промышленности.

Еще меньше значенія могло имѣть это министерство для рабочихъ,

---

[1]) Оффиціальный взглядъ на государственно-правовое положеніе Финляндіи въ это время виденъ, м. пр., изъ слѣдующихъ словъ „правительственнаго сообщенія", направленнаго противъ требованія автономіи Польши: „Примѣръ Финляндіи, на который ссылаются сторонники движенія,—неподходящій. В. К. Финляндское въ географическомъ и политическомъ отношеніи не имѣетъ ничего общаго съ Ц. Польскимъ. Дарованныя нынѣ Финляндіи права уже принадлежали ей въ недавнемъ прошломъ, и возвращеніе ихъ согласовалось съ началами, провозглашенными въ манифестѣ 17 октября". Раньше сообщеніе разъясняетъ, что „общій характеръ ея (автономіи) клонится къ полному административному и законодательному обособленію отъ имперіи" (Право, № 43, с. 3532). Въ тронной рѣчи при открытіи чрезвычайнаго сейма (9 дек.) было выражено убѣжденіе, что всеобщее и равное избирательное право „возвыситъ, противъ настоящаго, значеніе дѣятельности сейма въ жизни народа".

[2]) Штаты новаго министерства рѣшено было представить „на уваженіе законодательныхъ учрежденій". В. п. 19 ноября 1905 г. была намѣчена организація новаго министерства, а указомъ 29 марта 1906 г. возвращены въ вѣдѣніе мин. фин. совѣтъ по тарифнымъ дѣламъ, тарифный комитетъ и департаментъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ.

Въ извѣстной своей ноябрьской телеграммѣ къ „братцамъ-рабочимъ“ графъ Витте указывалъ на образованіе новаго министерства, „которое должно установить справедливыя отношенія между рабочими и предпринимателями“ и можетъ служить залогомъ, что „все возможное будетъ для васъ (рабочихъ) сдѣлано“. Язвительный скептицизмъ, съ которымъ рабочіе встрѣтили это обращеніе, нашелъ себѣ полное подтвержденіе въ послѣдующей дѣятельности министерства торговли и промышленности, и это учрежденіе, образованное. по словамъ телеграммы графа Витте, для того, чтобы „обратить особое вниманіе на рабочій вопросъ“, никакой роли въ уменьшеніи враждебности рабочихъ къ правительству ни впослѣдствіи, ни въ данный моментъ, что представлялось особенно важнымъ, не сыграло.

А между тѣмъ ходъ событій развертывался такъ, что только въ лицѣ *рабочаго класса* правительство встрѣтило въ данную минуту упорнаго и дальновиднаго противника, быть можетъ и преувеличивавшаго свои силы, но во всякомъ случаѣ правильно понявшаго положеніе и вытекавшія изъ него проблемы. Главной изъ этихъ проблемъ былъ вопросъ о государственной власти, оставшейся въ рукахъ стараго бюрократическаго персонала, что ставило на карту всѣ сдѣланныя завоеванія. Въ лицѣ совѣтовъ рабочихъ депутатовъ пролетаріатъ создалъ себѣ, сначала въ столицахъ, затѣмъ и въ крупныхъ провинціальныхъ центрахъ, опорные пункты для обороны уже сдѣланныхъ пріобрѣтеній и дальнѣйшаго наступленія на старый порядокъ и поставилъ себѣ главной очередной задачей, на-ряду съ организаціей своихъ собственныхъ силъ и усиленіемъ своего вліянія на непролетарскіе слои города,—вовлеченіе въ борьбу новыхъ силъ—арміи и крестьянства.

Очутившись лицомъ къ лицу съ такимъ рѣшительнымъ противникомъ, ослабленное и дезорганизованное правительство вынуждено было дѣйствовать на первыхъ порахъ съ величайшею осторожностью. Не нападая на него прямо, оно старалось какъ бы окружить его со всѣхъ сторонъ, вырвавъ у рабочаго движенія изъ-подъ ногъ почву, опираясь на которую оно могло вести рѣшительную политику, раздавить тѣ силы, на которыя оно разсчитывало въ своемъ наступленіи, изолировать пролетаріатъ отъ его бывшихъ и возможныхъ союзниковъ.

Броженіе въ *арміи* и флотѣ достигло въ это время значительныхъ размѣровъ и непрерывно питалось броженіемъ окружающей среды и недовольствомъ и дезорганизованностью войскъ, возвращавшихся съ Дальняго Востока послѣ неудачной войны. Начался рядъ солдатскихъ и матросскихъ бунтовъ, выливавшихся въ настоящія возстанія (Кронштадтъ, Кіевъ, Севастополь, Сибирь и т. д.). Правительство употребляло всѣ усилія, чтобы раздавить эти возстанія и безпощаднымъ наказаніемъ участниковъ и руководителей ихъ положить конецъ столь опасному для него броженію.

Но, по указаннымъ уже выше причинамъ, для рабочаго движенія армія начала въ это время пріобрѣтать особенно важное значеніе, и первая же попытка правительства сурово расправиться съ возставшими кронштадтскими матросами вызвала со стороны петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ объявленіе новой всероссійской политической забастовки. Требованіе отмѣны предполагавшагося военно-полевого суда надъ возставшими матросами было сплетено съ требованіемъ отмѣны военнаго положенія въ Польшѣ, объявленнаго уже 10 дней спустя послѣ манифеста 17 октября. Оба требованія забастовки были, въ концѣ концовъ, удовлетворены, но въ этой первой попыткѣ, вмѣсто обѣщаннаго „стремленія къ устраненію *исключительныхъ законоположеній*", расширить сферу ихъ примѣненія рабочіе не безъ основанія увидѣли первый открытый шагъ назадъ отъ октябрьскихъ обѣщаній, означавшій стремленіе правительства вернуться на старые, только-что торжественно покинутые пути. И дѣйствительно: 28 октября было введено военное положеніе въ Польшѣ и въ Кронштадтѣ, 29-го—была введена усиленная охрана въ районѣ аграрныхъ безпорядковъ, 5-го ноября—районъ дѣйствія этой охраны еще больше расширенъ, 21-го ноября объявлено военное положеніе въ Кіевѣ, 22-го въ Лифляндской губерніи, 4-го декабря—въ Сувалкской, а затѣмъ всѣ виды исключительныхъ положеній съ необычайною быстротою начали распространяться чуть не на всю Россію.

Возвращаясь къ усиленію практики исключительныхъ положеній, правительство не даромъ начинало введеніе ихъ съ земледѣльческихъ районовъ, гдѣ оно вообще могло встрѣтить меньше сопротивленія, и съ Польши. Идя въ первомъ случаѣ навстрѣчу помѣщикамъ, оно въ послѣднемъ разсчитывало не только на непосредственное дѣйствіе военнаго положенія, но и на то впечатлѣніе, которое должна была произвести анти-польская политика на извѣстные слои дворянства и крупной буржуазіи, начавшіе склоняться къ воинствующему націонализму. Спекулируя на этотъ націонализмъ, рядъ правительственныхъ сообщеній въ самыхъ преувеличенныхъ краскахъ рисовалъ опасность неминуемаго „отложенія" Польши отъ Россіи въ случаѣ, если своевременно не будетъ подавлено стремленіе поляковъ къ автономіи. Правительство выступало, такимъ образомъ, въ роли защитника „русскаго дѣла". Опровергая распространившіеся въ обществѣ „слухи, что мѣра, принятая по отношенію Царства Польскаго, внушена правительству настояніемъ сосѣдней державы", и правительственныя сообщенія, и генералъ-губернаторъ Скалонъ въ своихъ объявленіяхъ одинаково подчеркивали желаніе при рѣшеніи польскаго вопроса „выслушать предварительно голосъ по этому дѣлу русскаго народа" въ лицѣ Государственной Думы.

Эта спекуляція на *націоналистическія чувства*, за которыми скры-

*

вался сложный комплексъ интересовъ и настроеній [1]), до извѣстной степени удалась, особенно по отношенію къ опредѣленному слою крупной буржуазіи. Если правительству въ данный моментъ еще не удалось даже и этотъ слой привлечь окончательно на свою сторону—чему мѣшало отсутствіе вѣры въ силу старой власти и ея готовность провести хотя и умѣренную, но дѣйствительно конституціонную реформу—то ему нетрудно было использовать въ своихъ интересахъ тотъ поворотъ въ настроеніи *капиталистической буржуазіи*—отъ дружественнаго нейтралитета по отношенію къ революціонному движенію черезъ выжидательное отношеніе къ нейтралитету враждебному,—который происходилъ въ это время подъ вліяніемъ развертывавшихся противорѣчій революціи. Правительство, съ своей стороны, дѣлало все возможное, чтобы ускорить этотъ поворотъ. Оно воспользовалось съ этою цѣлью сплетеніемъ экономическихъ и политическихъ требованій въ движеніи рабочаго класса и, раздувая значеніе первыхъ, взяло на себя иниціативу грандіознаго ноябрьскаго локаута. Казенные заводы первыми закрыли свои ворота передъ рабочими и, подъ видомъ борьбы съ „чрезмѣрными" экономическими притязаніями рабочихъ, открыли войну, главною задачею которой было убить политическое движеніе пролетаріата. Капиталистическая буржуазія охотно пошла по указанному казенными заводами пути, имѣя въ виду экономическія выгоды, но попутно служа службу и политическимъ интересамъ старой власти.

Тамъ, гдѣ локауты не могли играть существенной роли, на настроеніе крупной буржуазіи по отношенію къ правительству оказывали вліяніе и факторы другого порядка, какъ, напр., 20 милліонная ссуда, выданная изъ средствъ государственнаго казначейства бакинскимъ нефтепромышленникамъ (11 ноября).

Въ связи съ поворотомъ настроенія капиталистической буржуазіи и отчасти въ зависимости отъ него совершался и поворотъ въ настроеніи части *либеральной и демократической интеллигенціи*, также использованный въ своихъ цѣляхъ правительствомъ Витте. Интеллигенція эта играла весьма важную роль въ октябрьскомъ движеніи, такъ что даже, по мнѣнію петербургскаго охраннаго отдѣленія, „въ октябрьскую забастовку Совѣтъ Рабочихъ Депутатовъ серьезнаго значенія не имѣлъ, и руководителемъ забастовки несомнѣнно былъ Союзъ союзовъ, по иниціативѣ котораго и возникла стачка" [2]). Охранное отдѣленіе было право, поскольку быстрый и рѣшительный успѣхъ октябрьскаго движенія былъ въ значительной мѣрѣ обусловленъ участіемъ этого слоя интеллигенціи, выполняющаго организатор-

---

[1]) См. объ этомъ въ моей статьѣ во 2-омъ т. настоящ. изданія: „Очеркъ полит. эволюціи и т. д.".

[2]) Исторія С. Р. Д., стр. 160.

скія функціи въ капиталистическомъ хозяйствѣ и государственной жизни и имѣющаго возможность, благодаря своему соціальному положенію, играть роль посредствующаго звена между движеніемъ народныхъ массъ и движеніемъ имущихъ верховъ общества. Но сила представляемаго этими пластами интеллигенціи „общественнаго мнѣнія", значеніе ихъ резолюцій, протестовъ, постановленій и т. д. опиралась цѣликомъ на наличность массоваго движенія. Это упускало изъ виду охранное отдѣленіе, упускала и опьяненная побѣдою либерально-демократическая интеллигенція. Отражая—хотя и въ переработанномъ по-своему видѣ—мнѣнія и настроенія имущихъ слоевъ общества, эта интеллигенція начала мало по малу отворачиваться отъ рабочаго движенія народныхъ массъ, обольщая себя возможностью одною силою „общественнаго мнѣнія" рѣшить перѣшенныя еще задачи, и обрушивалась на дѣятельность совѣтовъ рабочихъ депутатовъ и соціалистическихъ партій съ укорами въ „безуміи", въ потворствѣ „анархіи" и т. д. и т. д.

Правительство очень умѣло воспользовалось этимъ колебаніемъ въ настроеніи либерально-демократическаго общества. Въ правительственныхъ сообщеніяхъ все настойчивѣе начинаютъ звучать указанія на то, что „созидательной работѣ" по проведенію въ жизнь манифеста 17 октября мѣшаетъ именно продолжающееся движеніе, вынуждающее правительство „сосредоточивать вниманіе свое главнѣйшимъ образомъ на поддерживаніи внѣшняго порядка и устраненіи всякаго рода насилій"; что бѣда заключается не въ томъ, что тѣ или другія лица „примыкаютъ въ своихъ программахъ къ партіямъ соціалистовъ-революціонеровъ и соціалъ-демократовъ", а въ томъ, что „многія изъ этихъ лицъ, по ихъ тактикѣ, близко подходятъ къ анархистамъ" и увлекаютъ на анархическій путь рабочее движеніе.

Между тѣмъ, по мѣрѣ отворачиванія либерально-демократическаго общества отъ народнаго движенія, это общество явно обезсиливается и вмѣстѣ съ тѣмъ, по существу дѣла, отношеніе къ нему правительства становится все болѣе и болѣе неуступчивымъ. Рабочее движеніе и рабочія организаціи пользуются на первыхъ порахъ гораздо большею свободою дѣйствій, чѣмъ собранія и организаціи либерально-демократическія. Бастующіе желѣзнодорожники получаютъ обѣщаніе „рѣшительныхъ и безотлагательныхъ мѣръ къ улучшенію быта низшихъ служащихъ дорогъ" (телегр. мин. пут. сообщ. отъ 22 окт.). Совѣты рабочихъ депутатовъ собираются безпрепятственно, своими постановленіями ограждаютъ свободу печати, сносятся непосредственно съ премьеръ-министромъ и петербургскимъ градоначальникомъ, принимаютъ просьбы горожанъ, дворниковъ, полицейскихъ, солдатъ, крестьянъ, обращающихся къ нимъ за помощью, становятся въ глазахъ всего населенія единственною силою, обезпечивающей пользованіе возвѣщенными свободами.

Наоборотъ, собранія и организаціи либерально-демократическія подвер-

гаются мало по малу различнымъ стѣсненіямъ и ограниченіямъ, ихъ протесты оставляются безъ вниманія. Существенно мѣнялось и отношеніе правительства къ либерализму, представленному большинствомъ земскихъ съѣздовъ. Если раньше гр. Витте хлопоталъ о привлеченіи въ свой кабинетъ „общественныхъ дѣятелей", просилъ съѣздъ о поддержкѣ и увѣрялъ, что раздѣляетъ программу съѣзда, расходясь съ ними лишь въ способахъ осуществленія этой программы, то теперь отношеніе его къ нимъ было другое. Въ отвѣтъ на заявленіе депутаціи ноябрьскаго *земскаго съѣзда* (И. Петрункевичъ, С. Муромцевъ, Д. Кокошкинъ) о всеобщемъ и пр. избирательномъ правѣ, гражданскихъ свободахъ и отмѣнѣ исключительныхъ законовъ, какъ непремѣнномъ условіи поддержки правительства со стороны земскаго либерализма, гр. Витте письменно отвѣтилъ, что вопросъ—не въ „условіяхъ поддержки", а въ томъ, чтобы „общественныя группы совершенно ясно давали себѣ отчетъ въ тѣхъ послѣдствіяхъ, къ какимъ можетъ привести отечество наше нежеланіе ихъ по тѣмъ или инымъ причинамъ содѣйствовать государственной власти". По существу же вопросовъ объ избирательномъ правѣ и исключительныхъ положеніяхъ отвѣтъ былъ сухо-отрицательный.

Было очевидно, что заигрыванью съ земскимъ либерализмомъ пришелъ конецъ. Сама депутація („Наша Жизнь", 23 ноября) вынесла впечатлѣніе, что графъ Витте намѣренъ повернуть въ сторону реакціи, а публицисты либерализма (П. Струве), недавно жаловавшіеся на „хозяйственную дезорганизацію страны" народнымъ движеніемъ, забили тревогу по поводу намѣренія правительства „улизнуть отъ всеобщаго избирательнаго права", „усмирить желѣзной рукой рабочихъ и интеллигентовъ" и вступить въ „торгъ за спиной націи" съ реакціоннымъ дворянствомъ. Но, и начавъ понимать положеніе, либерализмъ не имѣлъ мужества сдѣлать соотвѣтствующихъ выводовъ и къ тому же былъ обезсиленъ, какъ тѣмъ, что старая помѣщичья дворянская почва, подъ вліяніемъ аграрнаго движенія, уходила у него изъ-подъ ногъ, а новой онъ еще не успѣлъ обрѣсти, такъ и тѣмъ, что самъ преждевременно отмежевалъ себя отъ движенія народныхъ низовъ. Одного противника правительству удалось, такимъ образомъ, скинуть со счетовъ. Въ противовѣсъ либеральнымъ земскимъ съѣздамъ и съ очевиднымъ намѣреніемъ подчеркнуть ихъ безсиліе, Витте обратился (7 дек.) съ письмами ко всѣмъ предсѣдателямъ губернскихъ земскихъ собраній, предлагая имъ намѣтить лицъ, къ которымъ правительство могло бы обращаться въ случаѣ надобности за содѣйствіемъ по нѣкоторымъ вопросамъ. Практическихъ результатовъ это обращеніе не имѣло и въ январѣ слѣдующаго года было отмѣнено.

Въ высшей степени важное значеніе для всей правительственной политики пріобрѣлъ въ это время, благодаря аграрному движенію, *крестьян-*

скій вопросъ. На крестьянскія волненія правительство реагировало, прежде всего, репрессіей, введеніемъ усиленной охраны и командировкой въ районы особенно сильнаго движенія генералъ-адъютантовъ „въ видахъ водворенія общественнаго порядка и спокойствія". Но однѣми репрессіями ограничиться было невозможно. Крестьянское движеніе не носило еще, правда, ясно выраженнаго политическаго характера, но въ атмосферѣ обостреннаго общественнаго движенія оно легко могло пріобрѣсти такой характеръ; въ то же время расширяло свои экономическія цѣли вплоть до конфискаціи помѣщичьихъ земель. Было необходимо принять мѣры, которыя хоть нѣсколько успокоили бы крестьянъ и внесли раздѣленіе въ крестьянскую среду.

Въ правительственныхъ сферахъ возникаютъ въ это время различные проекты по крестьянскому вопросу и особое вниманіе привлекаетъ записка проф. М., рекомендовавшаго организацію выкупа крестьянами государственныхъ и удѣльныхъ земель и принудительное отчужденіе для этой цѣли половины земель помѣщичьихъ. Паника въ это время была такъ сильна, что именно тѣ элементы бюрократіи, которые наиболѣе послѣдовательно отстаивали прерогативы старой власти (Д. Ф. Треповъ и командированные въ мѣста аграрныхъ безпорядковъ генералъ-адъютанты) высказывались за этотъ проектъ [1]).

Совѣтъ министровъ, не отвергая проекта въ принципѣ, рѣшилъ, однако, что до созыва Думы принимать такія радикальныя мѣры невозможно. Но событія не ждали и что-нибудь сдѣлать, чтобы показать крестьянамъ заботливость о нихъ правительства, было необходимо. Манифестомъ 3-го ноября, сопровожденнымъ двумя указами, были приняты слѣдующія мѣры: 1) выкупные платежи съ бывшихъ государственныхъ, помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ были съ 1-го января 1906 года уменьшены на половину, а съ 1-го января 1907 года взиманіе ихъ должно было вовсе прекратиться. Какъ поясняло правительственное сообщеніе, это означало, что „крестьяне дѣлаются полными собственниками своихъ надѣловъ, и, такимъ образомъ, отпадаютъ всѣ ограниченія, установленныя положеніемъ о выкупѣ". 2) Второю мѣрою было предоставленіе крестьянскому банку права для „содѣйствія къ увеличенію площади землевладѣнія малоземельныхъ крестьянъ" реализовать свои свидѣтельства, т. е. пользоваться кредитомъ для покупки земель за свой счетъ, между тѣмъ какъ раньше онъ прибѣгалъ къ кредиту только для выдачи ссудъ покупщикамъ. При этомъ банку было разрѣшено выдавать покупщикамъ земли, въ извѣстныхъ случаяхъ, ссуду въ размѣрѣ полной оцѣнки земли.

Министръ финансовъ обратился ко всѣмъ уѣзднымъ земствамъ съ пред-

---

[1]) См. К. Изъ исторіи крестьянскаго вопроса. «Вѣстникъ Европы», апрѣль и май 1909 г.

ложеніемъ образовать уѣздныя комиссіи для содѣйствія банку въ покупкѣ земли и перепродажѣ ея малоземельнымъ крестьянамъ, а правительственное сообщеніе поясняло, что „расширеніе операцій крестьянскаго банка должно быть разсматриваемо, какъ приступъ къ первенствующему по своему значенію среди другихъ государственныхъ задачъ дѣлу землеустройства крестьянъ“. и „отъ народныхъ избранниковъ, въ средѣ коихъ будутъ и крестьяне, наилучшіе истолкователи своихъ нуждъ, должно зависѣть опредѣленіе наиболѣе соотвѣтствующихъ въ данномъ случаѣ мѣропріятій“.

Очевидно, во всякомъ случаѣ, что въ эту пору въ правительственной средѣ возникала мысль о неизбѣжности принятія болѣе или менѣе существенныхъ мѣръ въ области крестьянскаго вопроса. Настроеніе это не шло въ разрѣзъ съ тяготѣніемъ правительства ко все болѣе и болѣе тѣсному сближенію съ быстро реакціонизировавшимся *землевладѣльческимъ дворянствомъ*. Паника, вызванная бурнымъ ростомъ аграрнаго движенія, охватила и дворянскіе круги. Мысль о скорѣйшей и выгоднѣйшей продажѣ земли, которой угрожала крестьянская конфискація, начинала казаться заманчивой, и расширеніе операцій крестьянскаго банка по покупкѣ земель за свой счетъ шло, въ дѣйствительности, навстрѣчу не столько желаніямъ крестьянъ, надѣявшихся въ это время получить землю даромъ, сколько требованіямъ напуганныхъ помѣщиковъ [1]). Такимъ образомъ и землеустроительной политикой своею правительство Витте такъ же шло навстрѣчу требованіямъ помѣстнаго дворянства, какъ и распространеніемъ усиленной охраны на районы аграрнаго движенія и всѣми видами репрессій. А В. у. 6-го декабря 1905 г. меморіей совѣта министровъ губернаторамъ было предоставлено собственною властью разрѣшать землевладѣльцамъ образовывать и содержать на свои средства пѣшую и конную полицейскую стражу.

Правительство сближается съ реакціоннымъ землевладѣніемъ, а само землевладѣніе въ это время идетъ къ сближенію съ черносотенно-демагогическими организаціями. Ноябрьскій съѣздъ „союза землевладѣльцевъ“ вступаетъ въ сношенія съ „союзомъ русскаго народа“, который, какъ и другія черносотенныя организаціи, подпадаетъ цѣликомъ подъ политическое руководство дворянства и становится вмѣстѣ съ тѣмъ однимъ изъ главнѣйшихъ орудій государственной власти. Реакціонное дворянство становится постепенно главнымъ направителемъ и вдохновителемъ правительственной политики. Оно ждетъ только окончательнаго пораженія общественнаго движенія, чтобы выступить открыто въ роли политическаго гегемона, и толкаетъ къ ускоренію

---

[1]) По словамъ П. Струве („Наша Жизнь“, 25 ноября 1905 г. ст. „Торгъ за спиной націи“), существовалъ даже планъ—принять въ казну на выгодныхъ для помѣщиковъ условіяхъ ихъ просроченныя задолженныя имѣнія и образовать изъ нихъ фондъ для надѣленія землею малоземельныхъ крестьянъ.

развязки. Пока же оно пользуется всякимъ случаемъ для демонстрированія своихъ реакціонныхъ вожделѣній. Депутація тульскаго губернскаго земства съ гр. В. Бобринскимъ во главѣ (24 ноября) настаиваетъ на томъ, чтобы выборы въ Думу были произведены по положенію 6-го августа. Соединенная депутація „союза землевладѣльцевъ" и „союза русскаго народа" (1 декабря) идетъ еще дальше. Адресъ „союза землевладѣльцевъ" жалуется на то, что „манифестъ 17 октября возбудилъ сомнѣніе относительно неприкосновенности исконной русской самодержавной неограниченной власти", и настаиваетъ на томъ, чтобы были призваны „иные исполнители монаршей воли", такъ какъ министерство Витте безсильно и ищетъ опоры въ элементахъ, враждебныхъ самодержавію. Адресъ нападаетъ на крестьянское и рабочее движеніе, требуетъ „неусыпнаго надзора, безпощадной кары злоумышленниковъ", строгой власти надъ сельскимъ населеніемъ и „запрещенія, подъ страхомъ строжайшей кары, по законамъ военнаго времени, всеобщихъ забастовокъ". Адресъ „союза русскаго народа", въ свою очередь, игнорируя Государственную Думу, настаиваетъ на созывѣ сословнаго „Земскаго Собора" и при томъ только изъ среды „коренного по вѣрѣ и происхожденію русскаго народа". Оба адреса усиленно подчеркиваютъ при этомъ свое убѣжденіе въ неприкосновенности неограниченнаго самодержавія.

Используя въ своихъ цѣляхъ отхожденіе либерально-демократическихъ элементовъ отъ революціонной арміи и опираясь на организацію контръ-революціонныхъ силъ подъ политическимъ руководствомъ дворянства, правительство начинаетъ постепенно сжимать кольцо, которымъ оно окружило пролетаріатъ, и готовиться къ рѣшительной битвѣ. Разумѣется, и эта подготовка, какъ и вся намѣченная нами тактика правительства въ эту эпоху, не совершается непрерывно и неуклонно. Каждое новое военное возстаніе, каждая новая всеобщая забастовка или угроза его, каждое новое крупное событіе революціоннаго движенія, какъ, напр., почтово-телеграфная забастовка, каждая новая вспышка аграрнаго движенія и т. п. вносятъ разстройство въ ряды неувѣренной въ своихъ силахъ бюрократіи, заставляютъ ее колебаться, уступать, торговаться, идти зигзагами, искать обходныхъ путей, откладывать намѣченныя уже мѣры и т. п. [1]). Но, въ общемъ, тенденція къ мобилизаціи всѣхъ контръ-революціонныхъ силъ и принятію подготовительныхъ мѣръ для окончательной битвы проходитъ красною нитью сквозь всю дѣятельность правительства, и въ его активѣ за это время можно указать не болѣе двухъ мѣръ, имѣющихъ сколько-нибудь „либеральный" поли-

[1]) Такъ, напр., передъ угрозой новой ж. д. забастовки правительство отмѣнило смертную казнь инженеру Соколову въ Кушкѣ (22 ноября), гдѣ ген. Прасоловъ объявилъ осадное положеніе. Примѣръ растерянности агентовъ правительства дѣлаетъ сочувствіе, выраженное иркутскимъ ген.-губ. гр. Кутайсовымъ требованіямъ забастовавшихъ почтово-телегр. чиновниковъ. Кутайсовъ былъ уволенъ въ 24 часа.

тическій характеръ. Это: увеличеніе 133 мѣстечками списка поселеній, доступныхъ свободному жительству евреевъ въ чертѣ осѣдлости (24 ноября) и состоявшаяся 2-го декабря отмѣна правилъ 15-го мая 1890 года объ особомъ порядкѣ надзора и составленія каталоговъ для безплатныхъ народныхъ читаленъ. Быть можетъ, сюда же слѣдуетъ отнести образованіе представительнаго совѣщательнаго органа отъ населенія (по 2 депутата отъ дворянства, губернскихъ городовъ и крестьянъ каждой губерніи) при прибалтійскомъ генералъ-губернаторѣ, должность котораго была учреждена 28-го ноября. Наконецъ, можно упомянуть упраздненіе Шлиссельбургской государственной тюрьмы (8-го декабря).

Большинство же мѣръ, принятыхъ кабинетомъ Витте за это время, носитъ совершенно иной характеръ. 2 ноября, въ связи съ образовавшимся почтово-телеграфнымъ союзомъ, совѣтъ министровъ постановилъ, что чиновники „не могутъ образовывать союзовъ, касающихся ихъ служебной дѣятельности“ [1]). 24 ноября генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ было предоставлено право издавать обязательныя постановленія о храненіи и продажѣ огнестрѣльнаго оружія и запрещенъ провозъ такого оружія, безъ разрѣшенія мин. вн. дѣлъ, изъ Финляндіи или изъ-за границы. Въ тотъ же день были изданы „временныя правила о повременныхъ изданіяхъ“. Правила эти, содержавшія рядъ крайне растяжимыхъ по своему смыслу параграфовъ и предоставлявшія очень широкій просторъ усмотрѣнію администраціи, были, при данныхъ условіяхъ, намордникомъ для прессы, которая за „дни свободы“ пользовалась почти полнымъ просторомъ. Они, правда, отмѣняли предварительную цензуру [2]), но, благодаря извѣстному постановленію совѣта рабочихъ депутатовъ и союза рабочихъ печатнаго дѣла, цензурныя путы, по крайней мѣрѣ — въ крупныхъ центрахъ, были уже давно порваны. За то, въ силу временныхъ правилъ, надъ печатью повисъ дамокловъ мечъ конфискацій и привлеченій къ суду, которыя, какъ показываетъ незаконченная еще серія процессовъ этого рода, дѣлали положеніе печати крайне неопредѣленнымъ и зависящимъ болѣе отъ усмотрѣнія правительства, чѣмъ отъ твердыхъ нормъ закона.

Слѣдующей мѣрой былъ указъ 29 ноября, предоставлявшій генералъ-губернаторамъ, губернаторамъ и градоначальникамъ, въ случаѣ перерыва желѣзнодорожнаго, почтоваго и телеграфнаго сообщенія, право собственною властью объявлять подвѣдомственныя имъ мѣстности на положеніи усиленной или чрезвычайной охраны. Почти одновременно (2 декабря) были изданы „временныя правила“ („впредь до изданія общаго о стачкахъ за-

---

[1]) Это постановленіе и послѣдовавшія за нимъ репрессіи дали толчокъ объявленію почтово-телеграфной забастовки.

[2]) Она была сохранена для объявленій и изданій, выходящихъ „внѣ городовъ“.

кона"), устанавливавшія суровыя наказанія (отъ 2 мѣсяцевъ тюрьмы до 4-хъ-лѣтняго заключенія въ крѣпости съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ) за участіе, организацію и возбужденіе къ забастовкамъ „въ предпріятіяхъ, имѣющихъ общественное или государственное значеніе, а равно въ учрежденіяхъ правительственныхъ". Тѣми же правилами устанавливалось вознагражденіе для служащихъ въ правительственныхъ установленіяхъ или на желѣзныхъ дорогахъ, которые пострадаютъ отъ насилій, произведенныхъ надъ ними за противодѣйствіе забастовкѣ или отказъ отъ участія въ ней.

Въ своей карательной части новыя правила представляли собою настоящій исключительный законъ противъ всего пролетаріата вообще, такъ какъ подъ дѣйствіе правилъ (§ I, п. 1) подводились всѣ предпріятія, „прекращеніе или пріостановленіе которыхъ угрожаетъ безопасности государства или создаетъ возможность общественнаго бѣдствія",—выраженія, въ высшей степени неопредѣленныя и крайне растяжимыя.

Готовясь къ усиленнымъ репрессіямъ, правительство приняло рядъ мѣръ для усиленія работоспособности и направленія въ опредѣленную сторону судебной части. 12 ноября было разрѣшено возлагать обязанности слѣдователей на членовъ суда. 18 ноября совѣтомъ министровъ было постановлено принять рядъ мѣръ для ускоренія и усиленія судебной репрессіи по отношенію къ „имѣющимъ нынѣ особую важность государственнымъ преступленіямъ, аграрнымъ посягательствамъ, проступкамъ печати и т. п.". Результатомъ этого постановленія были два циркуляра министра юстиціи къ прокурорамъ (25 ноября) и предсѣдателямъ судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ (27 ноября), призывавшіе судебныхъ чиновъ къ оказанію „дружной, энергичной и самой широкой поддержки" дѣйствіямъ правительственной власти „по возстановленію въ государствѣ внутренняго порядка и прекращенію волненій и смутъ".

Необходимость усиленной дѣятельности судебныхъ мѣстъ мотивировалась тѣмъ, что „Государь Императоръ, 18 сего ноября, въ совѣтѣ министровъ, Высочайше соизволилъ признать, что исполненіе всемилостивѣйшаго манифеста отъ 17-го минувшаго октября вызываетъ значительное уменьшеніе области примѣненія административныхъ взысканій". Но и министерство внутреннихъ дѣлъ, въ вѣдѣніи котораго остались „административныя взысканія", проявляло усиленную подготовительную дѣятельность, которая, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, далеко не вполнѣ стала достояніемъ гласности. Но и то, что стало извѣстнымъ печати, а, главное, дѣйствія министерства внутреннихъ дѣлъ показывали, что правительство усиленно готовится къ борьбѣ. Воспользовавшись поворотомъ въ настроеніи либерально-демократическаго общества, прямою враждебностью общественному движенію однихъ, пассивностью и безволіемъ другихъ, опираясь на реакціонныя силы, сплo-

тившіяся подъ руководствомъ дворянства, стянувъ свои собственныя силы и изолировавъ, насколько было возможно, пролетаріатъ, правительство явно старалось ускорить развязку.

22 ноября въ Москвѣ было арестовано бюро почтово-телеграфнаго союза, а 29—предсѣдатель петербургскаго совѣта рабочихъ депутатовъ. Это былъ пробный шаръ, а 2-го декабря въ газетахъ появилась достовѣрная почтово-телеграфными чиновниками копія циркуляра, разосланнаго губернаторами начальникамъ полиціи, такого содержанія: „Препровождая копію предложенія г. министра внутреннихъ дѣлъ, предлагаю выяснить немедленно всѣхъ главарей, подстрекателей и руководителей политическаго и аграрнаго противоправительственнаго движенія и другихъ лицъ въ видѣ делегатовъ, затѣмъ арестовать ихъ для заключенія въ мѣстную тюрьму для поступленія съ ними согласно указаніямъ г. министра внутреннихъ дѣлъ" [1]). 3 декабря петербургскій совѣтъ рабочихъ депутатовъ былъ арестованъ въ полномъ составѣ, а на слѣдующій день появилось правительственное сообщеніе, не оставлявшее уже никакихъ сомнѣній насчетъ намѣреній и тактики бюрократіи. Сообщеніе въ крайне рѣзкой формѣ нападало на революціонныя партіи, обвиняя ихъ въ „анархической" тактикѣ по отношенію къ правительству и „громадвѣйшей части общества и населенія страны" и въ томъ, что они своей „крайней нетерпимостью и яростной злобою къ противникамъ терроризуютъ общество" и такимъ образомъ мѣшаютъ ему пользоваться „свободою слова, печати и собраній, т. е. тѣми именно благами, защитниками которыхъ они якобы выступаютъ". Намекнувъ на неизбѣжность „кровавой расправы населенія" съ революціонерами, сообщеніе кончалось указаніемъ, что, если принятыя мѣры (правила о печати, забастовкахъ, усиленіе судебной репрессіи) окажутся недѣйствительными, „то, несомнѣнно, явится необходимость принятія совершенно исключительныхъ мѣръ противъ лицъ, не оставляющихъ своихъ преступныхъ замысловъ".

Положеніе было ясно. „Дни свободы", періодъ неопредѣленности, колебаній, захватнаго права, приходили къ концу. Рабочему классу, въ двухмѣсячной борьбѣ отстаивавшему октябрьскія завоеванія и теперь оставшемуся одинокимъ на своемъ посту, не оставалось другого исхода, какъ принять бой въ надеждѣ втянуть въ него другіе классы населенія, или, по крайней мѣрѣ, отстоять то, что еще возможно было спасти. Онъ его принялъ. 6-го декабря была объявлена 3-я политическая забастовка, вылившаяся во многихъ мѣстахъ въ открытое возстаніе. Движеніе было подавлено огнемъ и мечемъ...

---

[1]) Въ тотъ же день 2-го дек. были закрыты соціалистическія и другія газеты, напечатавшія манифестъ сов. раб. деп. объ изъятіи вкладовъ изъ госуд. сберегат. кассъ.

IV.

Передъ Думой.

Декабрьская забастовка окончилась неудачею. Подавленіе московскаго возстанія нанесло ей послѣдній ударъ. Въ самомъ ходѣ этой третьей всероссійской забастовки вскрылось существенное измѣненіе состава освободительной арміи, обусловливавшее ея слабость и являвшееся источникомъ ея пораженія: враждебность значительной части капиталистической буржуазіи по отношенію къ новому фазису движенія, исчезновеніе земскаго либерализма, отхожденіе или, въ лучшемъ случаѣ, пассивное сочувствіе широкихъ интеллигентскихъ слоевъ, и невозможность для движенія найти въ данный моментъ новую прочную опору въ мелко-городскомъ и крестьянскомъ населеніи вслѣдствіе недостаточной политической зрѣлости этого населенія. Это новое сочетаніе общественныхъ силъ, лежавшее въ основѣ неудачи декабрьскаго движенія, дѣлало его пораженіе—пораженіемъ, ликвидаціей цѣлой полосы революціоннаго развитія.

Разумѣется, это глубокое значеніе декабрьскихъ событій стало ясно не сразу, какъ не сразу сталъ очевиденъ даже чисто физическій разгромъ движенія. Еще долго спустя послѣ Москвы мѣстныя возстанія, волненія въ войскахъ, аграрное движеніе, забастовки и пр. и пр. бороздятъ поверхность страны, и только съ роспускомъ первой Думы разбушевавшаяся стихія постепенно входитъ въ берега и начинается царство видимаго „успокоенія". Но, во всякомъ случаѣ, уже въ декабрѣ измѣненіе общественной атмосферы давало достаточно чувствовать себя, чтобы позволить всѣмъ элементамъ контръ-революціи и реакціи, съ помѣстнымъ дворянствомъ во главѣ, выйти наружу, а правительству—гораздо болѣе открыто, опредѣленно и настойчиво проводить тѣ тенденціи, которыя намѣтились уже въ предшествующій періодъ.

На первый планъ выдвинулась *карательная и репрессивная* дѣятельность, преслѣдовавшая цѣль истребленія элементовъ, непосредственно участвовавшихъ въ движеніи, и устрашенія всѣхъ, еще не вполнѣ втянутыхъ въ движеніе или занимавшихъ по отношенію къ нему выжидательное положеніе. Наступало царство тѣхъ „совершенно исключительныхъ мѣръ", которыми правительство грозило революціонерамъ и которыя, въ дѣйствительности, главною своею тяжестью упали на плечи не революціонныхъ организацій, въ самой организованности своей находившихъ пути и средства для ухода „за предѣлы досягаемости" (выраженіе адмирала Дубасова), а беззащитныхъ широкихъ слоевъ населенія.

Безпощадное подавленіе московскаго возстанія, въ своей жестокости далеко переходившее за предѣлы, необходимые, съ точки зрѣнія самихъ побѣдителей, въ интересахъ водворенія „порядка", положило начало систематическимъ мѣрамъ устрашенія. За подавленіемъ возстанія послѣдовала извѣстная *карательная экспедиція* Семеновскаго полка по линіи Московско-Казанской ж. дороги, подъ начальствомъ полковника Римана. Въ основу дѣятельности экспедиціи легъ приказъ командира полка Мина [1]), велѣвшаго отряду „отыскать главарей" „по указанію станового пристава князя Вадбольскаго и жандармскаго подполковника Смирницкаго" и давшаго экспедиціи „общія указанія: арестованныхъ не имѣть и дѣйствовать безпощадно". Отрядъ дѣйствовалъ согласно инструкціи и вернулся въ Москву безъ арестованныхъ, но оставивъ на своемъ пути до 150 труповъ [2]). Дѣятельность московскаго отряда послужила образцомъ для такихъ же карательныхъ экспедицій, дѣйствовавшихъ въ Прибалтійскомъ краѣ [3]), по линіи Сибирской ж. д., на Кавказѣ, и постепенно ставшихъ обычнымъ явленіемъ по всей Россіи, — главнымъ образомъ, въ мѣстахъ аграрныхъ безпорядковъ. Подсчитать число жертвъ карательныхъ экспедицій и размѣры раззоренія, вызваннаго сожженіемъ домовъ и усадебъ, разрушеніемъ хозяйственнаго инвентаря и т. д., невозможно. Но и эти жертвы, и это раззореніе должны быть огромны.

Методы дѣйствій карательныхъ экспедицій въ видѣ немедленнаго и безпощаднаго пусканія въ ходъ оружія [4]) и *смертныхъ казней* безъ суда получаютъ въ этотъ періодъ весьма широкое распространеніе и прямо рекомендуются министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. П. Н. Дурново разсылаетъ циркуляръ вродѣ нижеслѣдующаго: „Сегодня въ мѣстности Кагарлыкъ, Кіевской губерніи, въ имѣніи Черткова арестованъ агитаторъ. Толпа съ угрозами требуетъ немедленнаго его освобожденія. Мѣстная вооруженная сила недостаточна. Въ виду этого настойчиво предлагаю какъ въ данномъ случаѣ, такъ и во всѣхъ подобныхъ, приказать немедленно истребить силою оружія бунтовщиковъ, а въ случаѣ сопротивленія—сжигать ихъ жилища. Въ настоящую минуту необходимо разъ навсегда искоренить самоуправство. Аресты теперь не достигаютъ цѣли; судить сотни и тысячи людей невозможно. Нынѣ единственно необходимо, чтобы войска проникались вышеизложенными ука-

---

[1]) Приказъ отъ 15 дек. 1905 г. за № 349. См. „Право" за 1906 г. № 5, с. 430.

[2]) В. Владиміровъ. Карательная экспедиція. М. 1906, с. 61.

[3]) По подсчетамъ В. Обнинскаго („Полгода и т. д.", с. 172) за 2 мѣсяца (янв.—февр.) въ Прибалтійскомъ краѣ было убито 749 чел. и нѣсколько сотъ прогнано сквозь строй; сотни усадебъ были сожжены.

[4]) Въ видѣ примѣра приводимъ выписку изъ приказа по 7 Донскому казачьему полку въ г. Николаевѣ отъ 19 янв. 1906 г.: „. . . 3) Внушить всѣмъ казакамъ, что въ случаѣ появленія красныхъ флаговъ или демонстрацій—рубить шашками или же еще лучше сейчасъ же спѣшить нѣсколько человѣкъ и обстрѣлять". „Право" 1906 г., № 8, с. 707.

заніями" [1]). Однородныя распоряженія отдаютъ и мѣстныя власти. Омскій генералъ-губернаторъ Сухотинъ заявляетъ, что „необходимо раздавить крамолу дѣйствіемъ оружія такъ, чтобы не оставалось пищи ни для военныхъ, ни для гражданскихъ судовъ"; командующій войсками одесскаго военнаго округа, генералъ Каульбарсъ, пишетъ въ своемъ проектѣ, что дѣла о лицахъ, обвиняемыхъ въ храненіи, пріобрѣтеніи или употребленіи оружія и взрывчатыхъ веществъ, будутъ всѣми временными генералъ-губернаторами округа и комендантомъ севастопольской крѣпости разрѣшаться „въ административномъ порядкѣ съ примѣненіемъ смертной казни" [2]); кременчугскій генералъ-губернаторъ объявляетъ, что „будутъ разстрѣливаемы безъ суда, какъ бунтовщики, виновные въ смѣщеніи законныхъ властей", а за участіе въ аграрныхъ волненіяхъ „будутъ сжигаться усадьбы и хозяйства"; такое же постановленіе дѣлаетъ митавскій генералъ-губернаторъ Бекманъ, начальникъ карательной экспедиціи по линіи Сибирской ж. д., генералъ Ренненкампфъ, грозитъ, въ случаѣ покушенія на жизнь кого-либо изъ сопровождающихъ его лицъ, „разстрѣлять всѣхъ арестованныхъ, находящихся при эшелонахъ и содержащихся въ тюрьмахъ, какъ заложники", и т. д. и т. д. [3]). Къ крестьянамъ обращаются спеціальныя увѣщанія съ угрозами „подавленія оружіемъ безъ всякой пощады", „обстрѣла артиллерійскимъ огнемъ, что вызоветъ разрушеніе домовъ и пожаръ", и т. п. [4]).

На-ряду съ смертною казнью безъ суда широкое распространеніе получаетъ казнь по суду въ силу передачи все возрастающаго количества дѣлъ въ военный и даже военно-полевой судъ [5]). А укореняющаяся практика недопущенія кассаціонныхъ жалобъ еще больше увеличиваетъ число смертныхъ приговоровъ, приводимыхъ немедленно въ исполненіе [6]).

Поскольку для того нужны были формальныя основанія, передача

---

[1]) Пр. 1906 г., № 9, с. 823.

[2]) Этотъ приказъ отданъ 28 янв., а уже наканунѣ командиръ черноморскаго флота, адм. Чухнинъ, велѣлъ немедленно разстрѣлять во дворѣ своего дома покушавшуюся на его жизнь Екатерину Измайловичъ.

[3]) См. „Право" за 1906 г. №№ 4, 5, 6, 7, 9, 10.

[4]) См. „Право" за 1906 г. №№ 3 и 4—воззванія херсонскаго и екатеринославскаго генералъ-губернаторовъ.

[5]) Такъ, бакинское жандармское управленіе предписало „арестовывать подстрекателей къ забастовкамъ и агитаторовъ и предавать ихъ военно-полевому суду" („Право" 1906, № 5, с. 454). Точно также полк. Нейгебауеръ, начальникъ закавказской ж. д., телеграммой отъ 20 янв. предлагаетъ „въ случаѣ предъявленія скопомъ какихъ-либо требованій со стороны служащихъ, мастеровыхъ и рабочихъ, арестовывать зачинщиковъ для преданія ихъ военно-полевому суду" (П. 1906, № 4, с. 368).

[6]) Недопущеніе кассаціи по дѣлу возстанія на „Очаковѣ" (приказъ 24 янв.) и послужило, между прочимъ, поводомъ для покушенія Е. Измайловичъ на жизнь адмирала Чухнина. По подсчету (далеко не полныхъ) свѣдѣній изъ агентскихъ телеграммъ съ 1 декабря 1905 по 31 марта 1906 совершено 585 казней (Обнинскій, l. c., с. 46).

различнаго рода дѣлъ на разсмотрѣніе военныхъ судовъ облегчалась непрерывнымъ расширеніемъ района *исключительныхъ положеній*. Къ 1 марта 1906 года на такомъ положеніи находилось уже 60 губерній и областей (30 цѣликомъ и 30 частями) или около 69% всѣхъ губерній и областей. Усиленная охрана была введена въ 26 губерніяхъ и областяхъ (8 цѣликомъ и 18 частями), чрезвычайная въ 15 (5 и 10), военное положеніе—въ 39 (17 и 22) [1]). Наконецъ, и въ случаѣ снятія или смягченія исключительныхъ положеній за губернаторами обыкновенно сохранялись чрезвычайныя полномочія.

Аресты и обыски, заключеніе въ *тюрьму и ссылка*, какъ по судебнымъ приговорамъ, такъ и въ административномъ порядкѣ, преслѣдованіе печати (конфискація, штрафы, привлеченіе къ суду, временная пріостановка и закрытіе навсегда) приняли грандіозные размѣры. Точныхъ данныхъ получить невозможно, но нѣкоторыя цифры даютъ достаточное представленіе о размѣрахъ этого вида репрессіи. Такъ, къ февралю 1906, по показанію мин. вн. дѣлъ П. Н. Дурново, было арестовано 24.000 человѣкъ, не считая тѣхъ, которые были арестованы на основаніи исключительныхъ положеній губернаторскою властью; съ присоединеніемъ послѣдней категоріи число арестованныхъ пришлось бы, по меньшей мѣрѣ, удвоить [2]). Тюрьмы буквально ломились отъ заключенныхъ. Такъ, по свѣдѣніямъ главн. тюр. управленія, въ иркутской тюрьмѣ къ 20 марта на 500 мѣстъ числилось 1.212 заключенныхъ, въ саратовской на 460—1.068, харьковской на 371—748, митавской на 361—525 и т. д. и т. д. По даннымъ правительственнаго сообщенія [3]) подъ стражею въ видѣ административнаго наказанія находилось къ 1 мая 2.627 чел. и кромѣ того 3.351 привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ къ дознаніямъ; число административно высланныхъ составляло съ конца октября 1905 по конецъ апрѣля 1906—6.825 ч. [4]).

---

[1]) Дальнѣйшій ростъ исключительнаго положенія виденъ изъ слѣд. цифръ, относящихся къ сентябрю 1906 г. Всего на искл. положеніи—66 губ. и обл. (38 цѣл. и 28 частями), т. е. около 74¼ общ. числа. Усил. охр.—34 (13 и 21), чрезвычайная—8 (2 и 6), военное положеніе—25 (16 и 9). Населеніе охваченнаго исключительными положеніями района превышало 98 милліоновъ. Значеніе уменьшенія числа мѣстностей, находившихся на военномъ положеніи, совершенно уничтожилось дѣйствіемъ введеннаго къ этому времени въ дѣйствіе закона о военно-полевомъ судѣ.

[2]) Приблизительное представленіе о колебаніяхъ числа арестовъ по мѣсяцамъ даютъ слѣдующія цифры для 15.000 арестовъ, подсчитанныхъ В. Обнинскимъ (l. c., стр. 70) по агентскимъ телеграммамъ: октябрь — 450, ноябрь—780, декабрь—1.620, январь—7.460, февраль—2.490, мартъ—1.400.

[3]) См. „Право" 1906 г., № 20, с. 1819.

[4]) Независимо отъ полноты этихъ свѣдѣній прав. сообщенія, нужно имѣть въ виду, что всѣ эти цифры относятся лишь къ репрессіямъ, налагаемымъ центральною властью. Сюда не входятъ также случаи заключенія и ссылки въ судебномъ порядкѣ.

Всѣ эти виды репрессіи падали на всѣ слои населенія, участвовавшіе въ октябрьско-декабрьскомъ движеніи. На эшафотахъ, на каторгѣ, въ тюрьмѣ и ссылкѣ появилась пестрая толпа, въ которой примелькавшіяся уже фигуры рабочаго и профессіональнаго революціонера смѣшивались съ рядовыми крестьянами, мелкими служащими, приказчиками, солдатами и всякой служащей и неслужащей интеллигенціей. Но, какъ для рабочихъ—локауты, а для крестьянъ—карательныя экспедиціи, такъ для всего служащаго на казенной, желѣзнодорожной, земской или городской службѣ люда контръ-революція пустила въ ходъ и специфическое средство, обрушившееся на десятки тысячъ жертвъ: массовыя увольненія врачей, инженеровъ, техниковъ, учителей, чиновниковъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ и т. д. и т. д. создали многочисленные кадры раззоренныхъ, бездомныхъ и затравленныхъ людей. Въ этой травлѣ контръ-революція не останавливалась ни передъ какими „исключительными мѣрами“ вплоть до увольненія и высылки „несмѣняемаго“ предсѣдателя томскаго окружнаго суда Витте по телеграфному приказанію генерала Ренненкампфа (4 янв.).

Относительно *чиновниковъ* 16 дек. 1905 г. совѣтъ министровъ заявилъ: „правительство не потерпитъ болѣе на службѣ чиновниковъ, оказывающихъ противодѣйствіе его видамъ и не повинующихся законной власти“, а 11 янв. 1906 г., признавъ, что „принадлежность служащихъ въ правительственныхъ установленіяхъ къ той или иной партіи есть дѣло личнаго убѣжденія каждаго“, въ то же время постановилъ, что при этомъ, само собою разумѣется, „участіе въ партіяхъ, стремящихся къ разрушенію существующаго государственнаго строя, недопустимо“. При неопредѣленности „строя“, о которомъ шла рѣчь, это постановленіе означало запрещеніе чиновникамъ участвовать во всѣхъ партіяхъ, не отвѣчающихъ „видамъ правительства“. Позже (прав. сообщеніе 18 ноября 1906 года) скобки неопредѣленнаго выраженія постановленія совѣта министровъ были раскрыты, и къ числу партій, участіе въ которыхъ воспрещено чиновникамъ, отнесены всѣ партіи, которыя „обнаруживаютъ стремленіе къ борьбѣ съ правительствомъ“.

Еще категоричнѣе были мѣры, принятыя по отношенію къ *военнослужащимъ*. В. у. 16 дек. 1905 г. постановленіемъ совѣта министровъ [1]), циркуляромъ главнаго штаба отъ 31 янв. 1906 г. и приказами по морскому вѣдомству 19 дек 1905 г. и 22 янв. 1906 [2]) военно-служащимъ и гражданскимъ чинамъ военнаго и морского вѣдомства было, подъ страхомъ исключенія со службы—независимо отъ уголовнаго преслѣдованія,—воспрещено принимать участіе въ какихъ бы то ни было политическихъ обществахъ,

[1]) Это постановленіе было впослѣдствіи дополнено В. у. 8 окт. 1906 г. постановленіемъ военнаго совѣта.

[2]) Дополненъ приказомъ 7 дек. 1906 г.

союзахъ, партіяхъ, собраніяхъ и т. п. 7 марта 1906 г. былъ установленъ упрощенный порядокъ производства дѣлъ по обвиненію военно-служащихъ въ государственныхъ преступленіяхъ. Это было началомъ ряда мѣръ, имѣвшихъ цѣлью ускорить и усилить репрессію за политическія преступленія военныхъ и изданныхъ уже въ послѣдующій періодъ. Такъ, сюда относятся: правила 1 мая 1906 г. о верховномъ военно-уголовномъ судѣ и подсудности высшихъ чиновъ военнаго управленія; Выс. повелѣнія 11 іюня 1906 г. объ усиленіи уголовной отвѣтственности служащихъ въ арміи и флотѣ за государственныя преступленія; В. п. 18 августа 1906 г. о порядкѣ замѣны для военно-служащихъ заключенія въ крѣпости или тюрьмѣ воинскими наказаніями и В. п. того же дня о назначеніи строжайшаго наказанія (вплоть до 6 лѣтъ каторги) за упорное уклоненіе отъ исполненія воинской повинности или воинскихъ обязанностей.

Подавивъ наиболѣе яркія проявленія революціоннаго движенія, правительство торопилось закрѣпить за собою рядъ *„исключительныхъ“ законодательныхъ мѣръ* для непосредственнаго искорененія „крамолы“. Такія мѣры сыплятся градомъ за разсматриваемый періодъ. 14 дек. 1905 года были изданы правила о чрезвычайной охранѣ на ж. д., предоставлявшія министру путей сообщенія или начальникамъ отдѣльныхъ дорогъ объявлять ихъ на военномъ положеніи съ предоставленіемъ диктаторскихъ полномочій комитету, состоящему изъ начальника дороги, завѣдующаго передвиженіемъ войскъ и начальника жандармскаго управленія, и широкимъ примѣненіемъ военнаго суда съ обязательнымъ назначеніемъ смертной казни за извѣстный разрядъ преступленій. 29 дек., въ цѣляхъ ускоренія судебной репрессіи, были усилены штаты судебнаго вѣдомства, что влекло за собою ежегодное увеличеніе расходовъ на 1.786.150 рубл. 1 января 1906 г. были установлены пособія для дѣтей воинскихъ чиновъ, пострадавшихъ при исполненіи служебныхъ обязанностей въ мирное время. 10 янв. приняты на счетъ казны расходы по высылкѣ лицъ по сельскимъ приговорамъ въ виду „массоваго характера аграрныхъ безпорядковъ“. 31 янв. увеличенъ на 158.593 р. ежегодно кредитъ на содержаніе фабрично-заводской полиціи. 7 февраля утверждены новыя правила о призывѣ войскъ для содѣйствія гражданскимъ властямъ. Эти правила узаконяли уже описанную нами выше практику, и главное значеніе ихъ характеризовано въ мнѣніи Гос. Совѣта словами: „стрѣльба вверхъ и холостыми патронами воспрещается“. 9 февр. были усилены наказанія за изготовленіе, пріобрѣтеніе и храненіе взрывчатыхъ веществъ. 13 февр. была установлена уголовная отвѣтственность „за распространеніе ложныхъ свѣдѣній о дѣятельности правительственныхъ установленій и должностныхъ лицъ“. Одновременно къ числу дѣяній, возбужденіе къ которымъ путемъ печати наказуемо тюрьмою, отнесена „вражда между

отдѣльными частями или классами населенія, между сословіями, или между хозяевами и рабочими". 18 марта утверждены мѣры „къ сокращенію времени производства" политическихъ дѣлъ. 22 апрѣля установлено наказаніе тюрьмою съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ „за распространеніе ложныхъ слуховъ о кредитоспособности государственныхъ кредитныхъ установленій". Въ тотъ же день были изданы законы о преобразованіи верховнаго уголовнаго суда и о пособіяхъ дѣтямъ полицейскихъ и жандармовъ, пострадавшихъ или погибшихъ при безпорядкахъ и покушеніяхъ.

Такова была обстановка, въ которой подготовлялись выборы въ Государственную Думу по новому закону 11 дек.

Избирательный законъ 11 декабря, изданный въ самый разгаръ „смуты", а подготовлявшійся въ бурные „дни свободы", носилъ на себѣ печать того времени, когда возникъ, и означалъ, главнымъ образомъ, расширеніе избирательныхъ правъ тѣхъ именно слоевъ, которые особенно бурно проявляли себя въ этотъ періодъ,—рабочихъ, интеллигенціи и мелкаго торгово-промышленнаго населенія. Всеобщее и пр. избирательное право встрѣчало рѣшительный отпоръ со стороны правительства, хотя въ пользу его высказались даже приглашенные на засѣданіе совѣта министровъ „общественные дѣятели" такого типа, какъ А. Гучковъ или Д. Шиповъ. Правительственное сообщеніе, опубликованное одновременно съ закономъ 11 дек., ссылалось, для объясненія нежеланія ввести всеобщее и пр. избирательное право, на то обстоятельство, что „проведеніе въ жизнь этого начала, за силою Высочайшихъ предуказаній, возвѣщенныхъ въ манифестѣ 17 октября 1905 г., предоставлено Гос. Думѣ.". Дѣйствительная же причина, какъ видно изъ того же прав. сообщенія, заключалась въ опасеніи „отрѣшиться всецѣло отъ тѣхъ началъ, кои до сихъ поръ неизмѣнно полагались въ Россіи въ основаніе всякаго рода общественныхъ и сословныхъ выборовъ". Уничтоженіе имущественныхъ и сословныхъ перегородокъ, особенно же перегородокъ, отдѣляющихъ крестьянство отъ другихъ слоевъ населенія, и утрата возможности искусной комбинаціей выборщиковъ отъ отдѣльныхъ группъ заранѣе предрѣшать до извѣстной степени исходъ выборовъ,—вотъ что заставляло правительство упорно бороться противъ требованія всеобщаго и пр. избирательнаго права и всѣми силами отстаивать куріальную систему положенія 6 августа.

Эту систему *законъ 11 дек.* оставилъ неизмѣнною. Онъ лишь прибавилъ къ существовавшимъ раньше куріямъ новую—рабочую, сильно расширилъ составъ избирателей городской куріи и нѣсколько раздвинулъ рамки куріи землевладѣльческой. Что касается *куріи крестьянской*, то относительно нея законъ 11 дек. ограничился положительнымъ установленіемъ права

*

крестьянъ производить передъ началомъ избирательной процедуры новое назначеніе выборныхъ на волостные сходы.

По *землевладѣльческой куріи* измѣненія заключались въ введеніи въ составъ участниковъ съѣздовъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ управляющихъ и арендаторовъ полноцензовыхъ имѣній, а въ составъ предварительныхъ съѣздовъ для выбора уполномоченныхъ—всѣхъ владѣльцевъ недвижимаго имущества въ уѣздѣ (хотя бы менѣе $^1/_{10}$ ценза) и представителей владѣющихъ землею церквей и молитвенныхъ домовъ всѣхъ вѣроисповѣданій.

Самыя большія измѣненія испытала *городская курія*, въ составъ которой были введены всѣ жители городовъ и городскихъ поселеній, владѣющіе недвижимымъ имуществомъ, обложеннымъ государственнымъ налогомъ, городскими или земскими сборами, или занимающіе не менѣе года отдѣльную квартиру на свое имя, а также всѣ жители городскихъ поселеній и уѣзда, выбирающіе промысловыя свидѣтельства, уплачивающіе квартирный налогъ или личный промысловый налогъ, получающіе содержаніе или пенсію (за исключеніемъ низшихъ служителей и рабочихъ) на государственной, земской, городской, сословной или желѣзнодорожной службѣ. По вычисленіямъ А. Е. Лосицкаго [1])—весьма, впрочемъ, приблизительнымъ—въ городской куріи по закону 6 авг. числилось около 230.000 избирателей, а по закону 11 дек.—около 2.700.000. Какъ ни мало точны эти цифры, онѣ даютъ достаточно ясное представленіе о колоссальномъ увеличеніи числа избирателей городской куріи.

Въ выборахъ по *рабочей куріи* получили право участія [2]) лишь рабочіе предпріятій, насчитывающихъ не менѣе 50 рабочихъ-мужчинъ [3]). Рабочіе такихъ заведеній выбираютъ уполномоченныхъ: въ заведеніяхъ съ 50—1.999 рабочими-мужчинами—1 уполномоченнаго, 2.000—2.999—двухъ, 3.000—3.999—трехъ и т. д., по 1 уполномоченному на каждую новую полную тысячу. Уполномоченными могутъ быть избраны лишь рабочіе не моложе 25 лѣтъ и работающіе не менѣе 6 мѣсяцевъ въ томъ предпріятіи, въ которомъ производятся выборы. Уполномоченные эти выбираютъ изъ своей среды на общемъ собраніи по городу или губерніи положенное число выборщиковъ въ соотвѣтствующее (городское или губернское) избирательное собраніе.

Число выборщиковъ отъ другихъ курій, несмотря на огромное увеличеніе числа городскихъ избирателей, было оставлено такимъ же, какимъ было

---

1) „Избир. система Госуд. Думы". Спб. Стр. 20.

2) Въ 47 губерніяхъ и 19 городахъ съ отдѣльнымъ представительствомъ.

3) Вскорѣ послѣдовало разъясненіе министерства финансовъ, что рабочіе конокъ и трамваевъ, скотобоенъ, телефонныхъ станцій, пароходныхъ предпріятій, булочныхъ и т. п. въ рабочую курію не входятъ, т. к. въ законѣ говорится лишь о предпріятіяхъ фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, а также ж. д. мастерскихъ.

по закону 6 авг.,—что, разумѣется, означало значительное усиленіе удѣльнаго вѣса землевладѣльческихъ и крестьянскихъ голосовъ. Что касается числа выборщиковъ отъ рабочихъ, то оно было крайне ничтожно: отъ 35 для Московской губерніи и города Москвы [1]) до 1 (Архангельская, Полтавская, Таврическая и др. губерніи). Общее число выборщиковъ отъ рабочихъ равнялось 237, а съ присоединеніемъ впослѣдствіи рабочей куріи на Кавказѣ— 246. Такимъ образомъ рабочіе выборщики совершенно тонули въ числѣ выборщиковъ другихъ курій [2]). О распредѣленіи выборщиковъ (въ 61 губ.) по куріямъ даютъ представленіе слѣдующія приблизительныя цифры, приводимыя А. Лосицкимъ [3]):

Курія.	Населеніе.	Выборщики.
Землевлад. .	4 мил.	2.231
Городская . .	11 „	1.535
Крестьянская .	78 „	2.726
Рабочая	21 „	236

Т. о. одинъ выборщикъ приходится на душъ населенія (приблизительно):

Землевлад. курія	2.000
Городская	7.000
Крестьянская	30.000
Рабочая	90.000 [4]).

Цифры эти достаточно ярко иллюстрируютъ соціальный характеръ избирательнаго права по закону 11 декабря. Но для правильнаго пониманія

---

[1]) Распредѣленіе выборщиковъ между городами съ отдѣльнымъ представительствомъ и губерніей предоставлено производить губернскимъ комиссіямъ о выборахъ.

[2]) Правительственное сообщеніе указывало, какъ на нѣкотораго рода компенсацію, на „двойное участіе въ выборахъ" рабочихъ, являющихся въ то же время крестьянами-домохозяевами. Какъ мы видѣли, „меморія" совѣта министровъ о положеніи 6 августа вполнѣ опредѣленно считала фиктивнымъ это „право" рабочихъ участвовать въ выборахъ по крестьянской куріи. А впослѣдствіи, какъ увидимъ ниже, сенатъ (передъ выборами во 2-ю Думу) именно недопустимостью „двойного участія въ выборахъ" мотивировалъ лишеніе рабочихъ избирательныхъ правъ въ качествѣ квартиронанимателей.

[3]) Мы вносимъ въ эти цифры нѣкоторую поправку, вычитая изъ цифръ для городской куріи (14 мил. населенія и 3.455 выборщиковъ) входящія въ нихъ цифры, относящіяся къ 22 городамъ съ отдѣльнымъ представительствомъ (цит. брош., стр. 13, около 6 мил. нас. и 1.920 выб.). Это необходимо сдѣлать, такъ какъ соотношеніе между числами депутатовъ, выборщиковъ и населенія въ этихъ городахъ было установлено на совершенно особыхъ основаніяхъ. Т. к. въ числѣ 6 мил. населенія этихъ городовъ не менѣе половины составляетъ населеніе пролетарскаго характера, отнесённое Лосицкимъ къ рабочей куріи, то изъ цифры населенія, охватываемаго „городской" куріею, придется вычесть 3 мил. Несомнѣнныя неточности не лишаютъ этихъ цифръ характера вѣрной *иллюстраціи*.

[4]) А. Е. Лосицкій. цит. бр., стр. 31.

политической мысли, руководившей правительствомъ при выработкѣ новаго закона, надо помнить, что рѣшающей избирательной инстанціей (оставляя въ сторонѣ города съ отдѣльнымъ представительствомъ) является губернское избирательное собраніе. Для исхода выборовъ важно, въ послѣднемъ счетѣ, соотношеніе числа выборщиковъ на этомъ собраніи. Соотношеніе же это (въ 51 губ. и обл. „коренной" Европ. Россіи и губ. Томской и Тобольской) было таково: при общемъ числѣ 6.156 выборщиковъ на долю землевладѣльцевъ приходилось 1.946, крестьянъ — 2.659, горожанъ — 1.372, рабочихъ — 159. Союзъ землевладѣльцевъ и крестьянъ (имѣвшихъ, какъ помнимъ, въ каждой губерніи право на избраніе депутата изъ своей среды) долженъ былъ, по мысли правительства, рѣшать судьбу выборовъ во всѣхъ губерніяхъ. Какъ извѣстно, на самомъ дѣлѣ этого не вышло. Правительство ошиблось въ разсчетѣ какъ на настроеніе крестьянъ, такъ и на союзъ ихъ съ помѣщиками. Исходъ выборовъ почти повсюду опредѣлился союзомъ крестьянскихъ выборщиковъ съ городскими и рабочими.

Кромѣ измѣненія избирательнаго права законъ 11 дек. вносилъ существенныя улучшенія и въ постановку предвыборныхъ собраній. Главнымъ изъ этихъ улучшеній было право участія въ собраніяхъ всѣхъ избирателей данной куріи, а не только отдѣльныхъ участковъ и лишеніе полиціи права воспрещать такія собранія и посылать своего представителя на собранія выборщиковъ (но не избирателей).

Законъ 11 декабря былъ послѣднимъ, запоздалымъ политическимъ завоеваніемъ общественнаго движенія, и дальнѣйшая законодательная дѣятельность въ политической области сводится къ медленному и осторожному вначалѣ, быстрому и рѣшительному впослѣдствіи, пересмотру политическаго законодательства „дней свободы" въ реакціонномъ духѣ.

Административная практика забѣгаетъ въ этомъ отношеніи далеко впередъ. Особенно на мѣстахъ она даетъ себя знать въ видѣ все усиливающагося произвола властей, возвращающихся къ старымъ привычкамъ административнаго усмотрѣнія съ тою разницею, что бурлящая общественная атмосфера, открытыя и рѣзкія столкновенія администраціи съ одними слоями населенія и все болѣе тѣсная связь ея съ другими, придаютъ произволу и усмотрѣнію особенно яркій и размашистый характеръ. Произволъ мѣстной власти даетъ себя въ высшей степени сильно знать и на всей предвыборной и выборной процедурѣ, особенно—по отношенію къ крестьянамъ.

Къ ходу выборовъ не осталась равнодушной и центральная власть. Лишь только послѣдовалъ (12 февраля) указъ о созывѣ Думы на 27 апрѣля [1]), мин. вн. дѣлъ разослалъ (13 февр.) циркулярную телеграмму губернато-

[1]) При этомъ было отмѣнено правило о повсемѣстномъ производствѣ выборовъ въ одинъ и тотъ же день.

рамъ съ предложеніемъ „не стѣснять свободу сужденій крестьянскихъ сходовъ“ относительно „производства выборовъ въ Думу и программъ дѣятельности ихъ представителей въ Г. Д.“. Но эта телеграмма дополнялась „инструкціей земскимъ начальникамъ“ [1]). Кромѣ „частныхъ собесѣдованій“ съ крестьянами для выясненія имъ „всей неосновательности программъ, клонящихся къ измѣненію основного государственнаго строя“, на земскихъ начальниковъ возлагался цѣлый рядъ порученій, которыя они должны были выполнять негласно, „черезъ довѣренныхъ людей“: наблюденіе за тѣмъ, чтобы „не имѣли мѣста насилія со стороны различныхъ противоправительственныхъ партій, какъ-то: соціалдемократовъ, соціалистовъ-революціонеровъ, конституціоналистовъ-демократовъ и имъ подобныхъ“, удаленіе „безпокойнаго элемента“ въ видѣ „ораторовъ, которые обольщали бы крестьянъ несбыточными надеждами на даровое надѣленіе частновладѣльческими земельными участками“; удаленіе „какъ лицъ въ нетрезвомъ состояніи, такъ и крикуновъ“; недопущеніе „лицъ, зарекомендовавшихъ себя со стороны неблагонадежности“ путемъ предварительнаго вывѣшиванія списковъ такихъ „неблагонадежныхъ“ и предупрежденія выборщиковъ, что такія лица „кандидатами быть не могутъ“ и, въ случаѣ избранія ихъ, выборы будутъ признаны недѣйствительными. При попыткахъ обратить выборныя собранія въ комитеты для раздѣла помѣщичьихъ земель, земскимъ начальникамъ рекомендовалось немедленное обращеніе къ содѣйствію военной силы для ареста членовъ такихъ комитетовъ.

Этотъ циркуляръ П. Н. Дурново является лишь однимъ изъ образчиковъ тѣхъ указаній, которыя давало въ ходѣ выборовъ своимъ агентамъ министерство внутр. дѣлъ.

* * *

Какъ мы уже говорили, законъ 11 декабря былъ послѣднимъ отзвукомъ политическихъ успѣховъ наступательнаго общественнаго движенія. Вынужденное созвать обѣщанную Гос. Думу, правительство энергично используетъ остающееся до ея созыва время, чтобы, на-ряду съ описанными уже нами репрессивными мѣрами и опираясь на нихъ, укрѣпить свои позиціи, собрать вокругъ себя контръ-революціонныя силы, попытаться внести раздробленіе въ общественное движеніе и спѣшнымъ законодательствомъ предрѣшить до созыва Думы всѣ основные конституціонные и гражданскіе правовые вопросы.

Въ напуганномъ аграрнымъ движеніемъ и быстро реакціонизировавшемся *землевладѣльческомъ дворянствѣ* старая власть нашла себѣ, прежде всего, опору. Но поколебленная и расшатанная неудачною войною и бурнымъ

[1]) См. «Право», 1906 г., № 9, с. 792.

общественнымъ движеніемъ, эта власть была слишкомъ слаба, чтобы подчинить, какъ это бывало раньше, своимъ интересамъ движеніе дворянства. Наоборотъ. Она вынуждена была сама подчиниться ему, и съ этихъ поръ дворянство становится все больше и больше дѣйствительнымъ господ ствующимъ положенія. Оно беретъ на себя роль организатора и политическаго руководителя всѣхъ контръ-революціонныхъ „черносотенныхъ" силъ, объединяетъ и мобилизуетъ ихъ на защиту—одновременно—и стараго порядка, и дворянскихъ интересовъ.

Навстрѣчу непосредственнымъ матеріальнымъ интересамъ помѣщиковъ шли два закона—15 марта и 15 апрѣля. По первому ассигновывалось 8.000.000 р. для выдачи пособій владѣльцамъ имѣній, пострадавшихъ отъ погрома. Хотя эти пособія формально считались ссудою, но уплата % % и погашенія по этимъ ссудамъ отсрочивались до января 1910 года. Вторымъ закономъ были чрезвычайно усилены наказанія за стачки с.-х. рабочихъ и участіе въ сообществахъ, ставящихъ своею цѣлью руководство экономическою борьбою рабочихъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ (до 4 лѣтъ крѣпости съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ)... Еще болѣе тяжкія наказанія были назначены за дѣйствія (и при томъ даже такія, какъ „угрозы"), связанныя съ ходомъ стачки (отъ тюрьмы и арестантскихъ отдѣленій до 8 лѣтъ каторги).

Но эти мѣры носили частный характеръ. Гораздо знаменательнѣе было то обстоятельство, что земельное дворянство начало опредѣлять все направленіе *общей политики правительства*. Резолюція январьскаго съѣзда предводителей дворянства въ Москвѣ [1]) излагаетъ, въ сущности, программу всей послѣдующей правительственной дѣятельности. Трудно найти въ этой дѣятельности сколько-нибудь существенные элементы, которые не являлись бы воплощеніемъ и развитіемъ этой землевладѣльческо-дворянской программы. Однѣ изъ мѣръ, рекомендованныхъ дворянствомъ, раньше, другія—позже, нѣкоторыя—лишь въ наши дни, но всѣ онѣ такъ или иначе или были проведены, или проводятся въ жизнь.

Во главу угла дворяне поставили принятіе „твердыхъ мѣръ для подавленія революціоннаго движенія", устраненіе „гибельной неустойчивости, которая существуетъ въ высшемъ правительствѣ", согласованіе дѣйствій административныхъ и судебныхъ властей въ борьбѣ съ „преступленіями государственнаго характера". Эти мѣры, какъ и усиленіе на мѣстѣ правительственной власти и „настойчивое преслѣдованіе всякаго возбужденія къ насилію", энергичное и быстрое подавленіе забастовокъ и т. п., должны были составить тотъ фонъ, на основѣ котораго слѣдовало осуществлять дво-

---

[1]) „Право" 1906 г. № 4. с. 330.

рянскую программу. И, какъ мы видѣли выше, всѣ эти пожеланія дворянства были выполнены въ ближайшіе же дни.

Самая программа настаивала на скорѣйшемъ созывѣ Думы (по возможности не позже 15 апрѣля), немедленномъ объявленіи срока созыва „отъ имени Его Величества“ [1]) и „огражденіи твердой властью свободы выборовъ“. Послѣднее пожеланіе вызывалось опасеніемъ насильственныхъ дѣйствій со стороны бойкотировавшихъ выборы революціонныхъ организацій. Самое же требованіе скорѣйшаго созыва Думы показываетъ, что дворянство вполнѣ раздѣляло иллюзорныя надежды правительства на составъ Думы, которая должна была выйти изъ выборовъ по закону 11 декабря [2]).

Но, требуя созыва Думы, предводители дворянства настаивали на томъ, чтобы уже сейчасъ, не дожидаясь созыва, была исправлена ошибка, заключавшаяся въ томъ, что манифесты 17 апрѣля (о вѣротерпимости) и 17 октября, „возвѣстивъ свободы, не опредѣлили границъ ихъ и не указали, на какихъ законахъ или временныхъ правилахъ должна идти жизнь въ государствѣ до созыва Думы“.

Главная же часть программы была посвящена двумъ вопросамъ: окраинно-національному и аграрному. Основнымъ принципомъ окраинно-національной программы дворянства было главенство „гражданскихъ и религіозныхъ интересовъ русскаго населенія“, „русскаго государственнаго языка и православной вѣры“. Для окраины допускалось лишь (съ „огражденіемъ интересовъ русскаго населенія“) „самоуправленіе въ хозяйственномъ отношеніи“. При этомъ во всѣхъ случаяхъ „интересы отдѣльныхъ народностей“ должны уступить „общегосударственнымъ интересамъ Россійской Имперіи“. Такова была первая формулировка той программы воинствующаго націонализма, которой суждено было впослѣдствіи получить такое широкое осуществленіе.

Въ основу аграрной программы былъ положенъ „принципъ неприкосновенности частной собственности“ [3]). Мѣры же, рекомендованныя дворянствомъ, заключались: 1) въ расширеніи переселеній; 2) обязательномъ отмежеваніи и разграниченіи крестьянскихъ надѣловъ и содѣйствіи уничтоженію чрезполосности и сервитутовъ; 3) облегченіи свободнаго перехода отъ общиннаго владѣнія къ подворному и хуторскому съ предоставленіемъ крестьянамъ права залога надѣловъ и продажи ихъ крестьянскому банку. Для выполненія этихъ задачъ предлагалась реформа крестьянскаго банка въ смыслѣ

---

[1]) Это пожеланіе было выполнено указомъ 12 февр., назначившимъ срокомъ созыва Думы—27 апрѣля.

[2]) Какъ извѣстно, и въ основаніи бойкотистской тактики лежало представленіе о неизбѣжной реакціонности Думы.

[3]) Исходя изъ указанныхъ выше представленій о вѣроятномъ характерѣ Думы, предводители дворянства требовали постановки „коренного разрѣшенія аграрнаго вопроса въ первую очередь въ Гос. Думѣ“.

болѣе активнаго содѣйствія покупкамъ земли крестьянами, покупки ея за свой собственный счетъ и пониженія платежей по ссудамъ въ крестьянскомъ банкѣ до уровня платежей въ дворянскомъ. Наконецъ, дворяне настаивали на предоставленіи государственныхъ и удѣльныхъ [1]) земель для отвода крестьянамъ за уплату по оцѣнкѣ.

Какъ видимъ, подъ вліяніемъ событій и измѣнившейся обстановки, дворянство круто поворачивало отъ традиціонной политики закрѣпленія общины и вообще „патріархальности" въ имущественномъ строѣ крестьянства къ его хозяйственному раскрѣпощенію, конечно, облекая это раскрѣпощеніе въ своеобразныя формы и пытаясь построить на немъ сохраненіе и даже усиленіе политической закрѣпощенности. Во всякомъ случаѣ, черезъ всю новую аграрную программу дворянства красною нитью проходитъ мысль о фиксированіи и индивидуализаціи крестьянской собственности, съ одной стороны, наиболѣе выгодной продажѣ собственной своей земли или части ея, — съ другой. „Принудительное отчужденіе" встрѣчаетъ со стороны дворянства яростное противодѣйствіе не потому, что оно грозитъ уменьшить площадь дворянскаго землевладѣнія, а потому, что, фиксируя оцѣнку земли, достигаетъ этого уменьшенія способомъ, который дворянство считаетъ для себя маловыгоднымъ.

Правительство въ своей *аграрной политикѣ* идетъ цѣликомъ навстрѣчу желаніямъ дворянъ. Проекты аграрной реформы, связанные съ „принудительнымъ отчужденіемъ", окончательно сдаются въ архивъ. Правительственныя комиссіи намѣчаютъ планы, легшіе впослѣдствіи въ основу знаменитаго указа 9 ноября 1906 г. о выдѣлѣ изъ общины [2]). Но правительство не спѣшило придать этимъ планамъ форму закона. Оно, какъ и дворянство, разсчитывало на возможность проведенія намѣченной программы черезъ Думу и, только убѣдившись въ противномъ, начинаетъ, послѣ роспуска 1-й Думы, проводить ее въ жизнь на свой страхъ въ порядкѣ „чрезвычайнаго" законодательства.

Въ разсматриваемый же періодъ были изданы лишь 2 закона. Первый изъ нихъ—указъ 4-го марта 1906 г.—имѣлъ цѣлью „облегченіе покупки крестьянами земель" съ помощью крестьянскаго банка „при непремѣнномъ сохраненіи законныхъ правъ частныхъ владѣльцевъ". Для выполненія этой задачи учреждались, подъ предсѣдательствомъ уѣздныхъ пред-

---

[1]) 21 предводитель протестовали противъ отчужденія удѣльныхъ земель, считая ихъ частными, а 3 высказались противъ возбужденія такого вопроса на съѣздѣ.

[2]) По свидѣтельству гр. Витте (въ рѣчи, сказанной въ Г. С. при обсужденіи указа 9 ноября) „отцомъ указа" былъ В. І. Гурко (впослѣдствіи—тов. мин. вн. дѣлъ, а затѣмъ — секретарь съѣздовъ объединеннаго дворянства), выработавшій его въ началѣ 1906 г., когда онъ управлялъ земскимъ отдѣломъ мин. вн. д. Проектъ Гурко былъ внесенъ министерствомъ Витте въ до-реформенный Гос. Совѣтъ, который, однако, рѣшилъ отложить вопросъ до Думы.

водителей дворянства и губернатора, губернскія и уѣздныя *землеустроительныя комиссіи* изъ чиновниковъ и ничтожнаго числа представителей земства и крестьянъ (3). Во главѣ этихъ комиссій былъ поставленъ „комитетъ по землеустроительнымъ дѣламъ“ при гл. упр. землеустр. и земледѣл., составленный изъ представителей разныхъ вѣдомствъ. Комитетъ по земельнымъ дѣламъ (6-го мая 1905 г.) былъ упраздненъ. Законъ 21-го марта 1906 г. видоизмѣнялъ основанія выдачи ссудъ изъ дворянскаго и крестьянскаго банковъ. Прекращалась выдача ссудъ наличными деньгами и создавался рядъ льготныхъ правилъ, которыя должны были идти на пользу продавцамъ земли.

Такъ, подъ видомъ именныхъ обязательствъ, имъ предоставлено было получать по нормальной цѣнѣ бумаги, приносящія не 5, а 6% дохода, съ покрытіемъ убытковъ по этой операціи за счетъ государственнаго казначейства. Запрещеніе продавать такія обязательства могло быть обойдено самыми различными способами, а разница между курсовою и нарицательною цѣною была крупнымъ подаркомъ продающимъ землю помѣщикамъ.

Этими двумя мѣрами законодательная дѣятельность правительства по аграрному вопросу и исчерпалась до конца апрѣля. И только, когда ходъ выборовъ опрокинулъ всѣ разсчеты на предполагавшійся составъ Думы, въ самый послѣдній день передъ ея открытіемъ (26 апрѣля) былъ утвержденъ рядъ мелкихъ, но имѣвшихъ существенное значеніе законовъ. Такъ, въ этотъ день былъ ассигнованъ кредитъ въ 1.000.000 руб. на землеустроительныя комиссіи и 80.000 руб. для содѣйствія обращающимся къ ихъ помощи крестьянамъ [1]); были установлены правила о переводѣ крестьянскимъ банкомъ на себя ипотечныхъ долговъ, лежащихъ на покупаемыхъ имъ земляхъ; были изданы правила, облегчавшія переселеніе вообще и, въ частности, въ Алтайскій округъ. Наконецъ, въ этотъ же день былъ существенно измѣненъ драконовскій исключительный законъ 10 апрѣля 1905 г. противъ крестьянъ, участвовавшихъ въ аграрныхъ безпорядкахъ; привлеченіе крестьянъ къ имущественной отвѣтственности должно было впредь производиться въ судебномъ порядкѣ, а самыя взысканія обращаться не на всѣхъ членовъ сельскихъ обществъ, а лишь на „участниковъ погромовъ и грабежей“, и не на „все безъ изъятія движимое и недвижимое имущество“, а лишь на то, на которое по закону „распространяется отвѣтственность за частные долги“.

Точно также небогата за данный періодъ и законодательная дѣятельность правительства въ области *національно-окраинныхъ* и *вѣроисповѣдныхъ* вопросовъ. Но и эта дѣятельность, въ значительной степени,

---

[1]) Крестьяне, разсчитывавшіе въ это время на то, что Дума надѣлитъ ихъ землею, очень неохотно прибѣгали къ покупкѣ земли.

является еще отголоскомъ „либеральной“ программы, намѣченной во исполненіе указа 12 дек. 1904 г. Новыя рѣзко-націоналистическія ноты только еще начинаютъ прорываться въ законодательствѣ, значительно отстающемъ въ этомъ отношеніи отъ административной практики. 26 декабря 1905 былъ утвержденъ рядъ мѣръ, снимавшихъ значительную часть мелкихъ, но тѣмъ болѣе раздражающихъ стѣсненій съ дѣятельности римско-католическаго духовенства: ему была предоставлена большая самостоятельность въ замѣщеніи духовныхъ должностей и регулированіи отлучекъ духовенства; было отмѣнено упраздненіе и закрытіе римско-катол. монастырей; отмѣнены были запрещеніе крестныхъ ходовъ и религіозныхъ процессій, стѣсненія постановки крестовъ и т. п. Въ тотъ же день 26 дек. были отмѣнены ограниченія по занятію биржевыхъ должностей (маклеровъ и т. п.) лицами не-христіанскихъ вѣроисповѣданій. 11 апрѣля полякамъ было разрѣшено пріобрѣтать землю въ тѣхъ селеніяхъ Западнаго края, которыя вводятся наново въ списокъ мѣстъ, открытыхъ для жительства евреевъ. Болѣе непримиримо держалось правительство въ вопросѣ о языкѣ. Закономъ 27 марта была установлена обязательность употребленія русскаго языка въ частныхъ обществахъ Зап. края не только при сношеніяхъ ихъ съ администраціей, но и во внутреннемъ дѣлопроизводствѣ. А законъ 19 апр., хотя и разрѣшалъ употребленіе мѣстныхъ языковъ въ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края, содержимыхъ исключительно на частныя средства, но обязательнымъ условіемъ пріобрѣтенія правъ по образованію ставилъ сдачу экзаменовъ на русскомъ языкѣ.

Какъ видно изъ изложенныхъ нами въ другомъ мѣстѣ соображеній комитета министровъ, подъ вліяніемъ событій, и высшая іерархія православной церкви склонялась къ освобожденію ея отъ нѣкоторыхъ обязанностей чистополицейскаго характера. Стремленіе низшаго православнаго духовенства къ церковной автономіи и освобожденію отъ служебнаго положенія по отношенію къ государственной власти, выливавшееся въ это время въ требованіе созыва *церковнаго собора*, нашло себѣ откликъ и въ высшей іерархіи. Она тоже добивалась созыва собора—конечно, иначе представляя себѣ составъ его и ставя ему другія задачи—видя въ такомъ соборѣ средство высвободиться изъ-подъ властной опеки бюрократіи, дѣйствовавшей черезъ посредство синодскаго оберъ-прокурора. Отзвукомъ этого движенія духовенства явился Выс. рескриптъ 27 дек. 1905 г. на имя петерб. митрополита. Рескриптъ указывалъ, что лишь „тяжелыя обстоятельства на Дальнемъ Востокѣ“ не дали возможности еще весною выполнить желаніе церковной власти въ лицѣ Святѣйшаго Синода“ о созывѣ „чрезвычайнаго всероссійскаго помѣстнаго собора“. Теперь митрополитамъ петербургскому, московскому и кіевскому предлагалось „опредѣлить время созванія этого, и тѣми

вѣрными сынами церкви ожидаемаго, собора". Выс. повелѣніемъ 16 янв. 1906 г. было утверждено синодское опредѣленіе объ образованіи, подъ предсѣдательствомъ петербургскаго митрополита, особаго предсоборнаго присутствія. Однако, на этомъ дѣло и остановилось. Съ паденіемъ общественнаго движенія исчезла единственная опора для стремленія духовенства къ высвобожденію изъ подчиненія государственной власти—ослабленіе бюрократіи.

Главная энергія государственной власти въ этотъ періодъ была обращена на созданіе тѣхъ „границъ" свободы, о которыхъ говорили предводители дворянства, и укрѣпленіе, до созыва Думы, своихъ политическихъ позицій [1]). Видную роль въ этой работѣ, дававшей „задній ходъ" государственной машинѣ, сыгралъ, доживавшій послѣдніе дни, дореформенный Государственный Совѣтъ, концентрировавшій въ себѣ какъ бы чистую мысль спасшейся отъ крушенія бюрократіи и неоднократно поправлявшій продиктованныя непосредственнымъ участіемъ въ борьбѣ „увлеченія" даже такого министерства, какъ министерство Витте-Дурново.

Начало „ограничительному" законодательству было положено временными *правилами 4 марта объ обществахъ и союзахъ*. Формально эти правила создавали возможность явочнаго открытія обществъ и союзовъ [2]). Для открытія ихъ требуется лишь подача опредѣленныхъ заявленій на имя подлежащей власти (губернатора или градоначальника). Отсутствіе протеста со стороны этой власти въ теченіе 2 недѣль позволяетъ обществу открыть свои дѣйствія. Общества, желающія пользоваться правами юридическаго лица, подаютъ на регистрацію свой уставъ, содержащій рядъ свѣдѣній, перечисленныхъ въ „правилахъ". И опять неопротестованіе этого устава въ теченіе мѣсячнаго срока дѣлаетъ общество законно существующимъ.

Но этой формально-правовой оболочкѣ совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительное существо созданной правилами 4 марта „свободы обществъ

---

[1]) Внѣ этой сферы законодательной дѣятельности заслуживаютъ вниманія слѣдующія мѣры: закрытіе комитета сибирской ж. д. (15 дек.) и окончившей свои занятія комиссіи по составленію гражданскаго уложенія (4 янв.); попытки принять мѣры для „возсозданія боевого флота", ограничившіяся, однако, измѣненіями организаціи морского министерства (указъ 9 янв. и рескриптъ 24 апр.); преобразованіе высшаго военнаго управленія Сибири (17 марта); образованіе при совѣтѣ гос. обороны „аттестаціонной комиссіи" для оцѣнки производимыхъ въ генеральскіе чины (6 апр.); податныя льготы для семействъ лицъ, пострадавшихъ на войнѣ (26 дек. 1905); введеніе суда присяжныхъ въ губ. Ставропольской и Черноморской и области Кубанской (13 февр.); облегченіе участи сахалинскихъ ссыльныхъ, вынужденныхъ бѣжать во время войны (18 марта) и оффиціальное прекращеніе ссылки на Сахалинъ (10 апр.). Важною мѣрою было сокращеніе срока дѣйствительной службы въ пѣхотѣ и пѣшей артиллеріи до 3 лѣтъ, въ войскахъ прочихъ родовъ оружія—до 4 и во флотѣ—до 5 (рескрипты 7 марта и В. у. 26 апрѣля мнѣніе Г. С.).

[2]) Ст. 2: „Общества и союзы могутъ быть образуемы безъ испрошенія на то разрѣшенія правительственной власти, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ нижеслѣдующихъ статьяхъ".

и союзовъ" [1]). Министерскій проектъ предлагалъ вручить надзоръ за образованіемъ и дѣятельностью обществъ и союзовъ судебнымъ учрежденіямъ. Гос. Совѣтъ рѣшительно возсталъ противъ этого. Онъ призналъ недостаточнымъ предположеніе министерскаго проекта о воспрещеніи обществъ, преслѣдующихъ „цѣли, противныя нравственности или предусмотрѣнныя уголовнымъ закономъ", и настоялъ на дополненіи соотвѣтствующей статьи запрещеніемъ также и тѣхъ обществъ, которыя преслѣдуютъ „цѣли, угрожающія общественному спокойствію или безопасности". Исходя изъ такой постановки вопроса, Гос. Совѣтъ указалъ, что „нравственность есть понятіе условное", и предусмотрѣть „всѣ виды безнравственности" закономъ невозможно; что, съ точки зрѣнія политической и „дѣятельность общества, не отступающаго отъ устава, можетъ оказаться вредной": что законъ „не предусматриваетъ всѣхъ тѣхъ проявленій преступной дѣятельности обществъ, кои нежелательны и недопустимы съ точки зрѣнія охраненія государственнаго порядка и обезпеченія общественной безопасности" [2]); что, вообще, „отношеніе правительственной власти къ политическимъ обществамъ должно опредѣляться въ зависимости отъ условій времени и мѣста". Такимъ образомъ, Гос. Совѣтъ открыто провозгласилъ то, что въ проектѣ министерства Витте-Дурново лишь подразумѣвалось: что матеріальное право ассоціацій допускается лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это считаетъ умѣстнымъ и допустимымъ административная власть. Послѣдовательнымъ выводомъ отсюда была передача всего надзора за открытіемъ и запрещеніемъ обществъ, съ полнымъ устраненіемъ судебныхъ учрежденій, въ руки „органовъ административной юстиціи". Такіе органы и были созданы, по иниціативѣ Гос. Совѣта, въ видѣ „губернскихъ по дѣламъ объ обществахъ присутствій" подъ предсѣдательствомъ губернатора [3]) въ составѣ, одинаковомъ съ губернскими по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствіями и съ аппелляціонною инстанціей въ видѣ 1-го Департамента Сената.

Рядъ частныхъ ограниченій дополнялъ это основное ограниченіе, сводившее юридическія гарантіи свободы ассоціацій къ нулю. Такъ изъ-подъ дѣйствія правилъ 4 марта были изъяты религіозныя общества; были воспре-

---

[1]) Отмѣтимъ, что, по принятой „правилами" терминологіи, „общество" — это соединеніе нѣсколькихъ лицъ, преслѣдующихъ опредѣленную цѣль, не состоящую въ полученіи прибыли, а „союзъ"—соединеніе нѣсколькихъ обществъ.

[2]) Г. С. ссылался, между прочимъ, на то, что, несмотря на существованіе ст. 102, 118 и 125 уг. улож., „такія общества, какъ возникшіе за послѣднее время разнаго рода союзы съ политическими цѣлями, хотя они и успѣли проявить особо вредное и опасное для государства направленіе, не могли бы, на основаніи дѣйствующихъ карательныхъ постановленій, быть привлечены къ уголовной отвѣтственности.

[3]) Для городовъ Петербурга, Москвы, Одессы, Кронштадта, Николаева, Керчи, Севастополя и Ростова на Д.—„городскихъ по д. объ общ. присутствій" подъ предсѣдательствомъ градоначальника.

щены политическія общества, управляемыя учрежденіями или лицами, находящимися за границею; общества, имѣющія отдѣленія, и также союзы были обязаны регистрировать уставъ, а мин. вн. д. получилъ право закрывать ихъ во всякое время по своему усмотрѣнію; для служащихъ на казенной, ж. д. и телефонной службѣ образованіе обществъ поставлено въ зависимость отъ разрѣшенія начальства, а образованіе союзовъ вообще запрещено. Наоборотъ, женщины получили право участія во всякихъ обществахъ, въ томъ числѣ и политическихъ, т. к. Г. С. видѣлъ въ нихъ „элементъ, сдерживающій политическія страсти мужской части населенія". Всѣ уже существующія общества и союзы были обязаны въ 3-недѣльный срокъ выполнить правила 4 марта.

Особый отдѣлъ правилъ былъ посвященъ *профессіональнымъ обществамъ*. Мотивы изданія закона о профессіональныхъ организаціяхъ изложены въ соображеніяхъ Г. С.: такъ какъ „среди лицъ, занятыхъ въ торговыхъ и промышленныхъ предпріятіяхъ, особенно же между фабричными рабочими, стремленіе къ образованію общественныхъ организацій стало за послѣднее время фактомъ, съ которымъ нельзя не считаться", то правительство и Г. С. сочли нужнымъ открыть двери легальности именно *профессіональнымъ* организаціямъ, чтобы „ослабить для нихъ (рабочихъ) соблазнъ уклоненія въ сторону политики". Экономическія организаціи въ качествѣ противоядія организаціямъ политическимъ—такова была правительственная мысль, построенная на замѣченной м-вомъ вн. д. „сильной перемѣнѣ въ настроеніи рабочихъ массъ за послѣдніе мѣсяцы". Но въ то же время министерство постаралось—а Г. С. еще усилилъ это стараніе—сдѣлать все возможное, чтобы лишить эти экономическія организаціи рабочихъ классоваго и боевого характера.

Уже формально правила о профессіональныхъ обществахъ отнесены одинаково и къ рабочимъ, и къ предпринимателямъ [1]). Первоначальная формулировка проекта—„проф. о-ва имѣютъ цѣлью преслѣдованіе и защиту экономическихъ интересовъ и улучшеніе условій труда своихъ членовъ"—была признана Г. С-омъ неудовлетворительною, п. ч. она „предполагаетъ какъ бы боевое отношеніе" къ этимъ интересамъ, а между тѣмъ „цѣль проф. обществъ должна заключаться въ мирномъ разграниченіи сталкивающихся интересовъ труда и капитала и въ возможномъ ихъ согласованіи". Въ силу этихъ соображеній въ окончательномъ текстѣ закона цѣлью профессіон. о-въ указано „выясненіе и согласованіе экономическихъ интересовъ" и „улучшеніе условій труда своихъ членовъ", а въ перечисленіи отдѣльныхъ функцій предположенныя „выработка нормальныхъ таксъ и опредѣленіе другихъ нормальныхъ

[1]) Г. С. оговорилъ, между прочимъ, что „образованіе, на основаніи правилъ, предпринимательскихъ синдикатовъ терпимо быть не можетъ".

условій труда" замѣнены „выясненіемъ вопросовъ о размѣрѣ заработной платы и другихъ условіяхъ труда". Въ такомъ же духѣ были исправлены и всѣ другія выраженія министерскаго проекта.

Профессіональныя общества были подчинены всѣмъ общимъ постановленіямъ правилъ 4 марта, но съ обязательной регистраціей устава и съ весьма существенными ограниченіями. Такъ, по настоянію Г. С., профессіональнымъ обществамъ вовсе запрещено образовывать союзы, а отдѣленіямъ ихъ—имѣть особыя отъ общества правленія; они приравнены къ политическимъ обществамъ въ смыслѣ запрещенія управляться учрежденіями или лицами, находящимися за границею, — т. е. имъ запрещено вступать въ международныя профессіональныя организаціи и т. д.

Но мало того. Гос. Совѣтъ нашелъ, что предоставленіе рабочимъ права профессіональной организаціи „знаменуетъ собою переходъ отъ системы регламентаціи отношеній работодателей къ рабочимъ и административной надъ ними опеки на новый путь, открывающій фабрикантамъ и рабочимъ возможность свободной и въ то же время законодательной самодѣятельности въ составѣ особыхъ профессіональныхъ обществъ". Подъ этимъ предлогомъ Г. С. призналъ „необходимость соотвѣтственныхъ измѣненій дѣйствующаго фабричнаго законодательства", а именно: „значительнаго суженія предѣловъ предоставленныхъ фабричной инспекціи полномочій"; отмѣны обязательства фабриканта выдавать рабочему двухнедѣльный заработокъ при нарушеніи договора во время стачки; назначенія наказанія для лицъ, „подстрекающихъ" или принуждающихъ „насиліемъ или угрозами" рабочихъ къ стачкѣ, но въ то же время не являющихся участниками ни стачки, ни „сообщества", ставящаго себѣ цѣлью возбужденіе къ стачкѣ. Министерство Витте заявило Г. Совѣту, что разрабатываетъ всѣ указанныя мѣры.

Въ тотъ же день 4 марта былъ изданъ указъ о временныхъ правилахъ о *собраніяхъ*. Изданіе новыхъ правилъ мотивировалось необходимостью „согласовать" временныя правила о собраніяхъ 12 окт. 1905 года „съ началами гражданской свободы", возвѣщенными манифестомъ 17 окт. На самомъ дѣлѣ новыя временныя правила означали значительный шагъ назадъ по сравненію съ старыми и особенно по сравненію съ тѣмъ либеральнымъ толкованіемъ, какое давали этимъ старымъ правиламъ министерскіе циркуляры.

Само собою понятно, что требованія „общественнаго спокойствія и безопасности" остались въ рукахъ полиціи той формулой, которая давала возможность поставить разрѣшеніе, воспрещеніе или закрытіе собраній въ полную зависимость отъ административнаго усмотрѣнія. Но, въ отличіе отъ старыхъ правилъ, новыя давали точное опредѣленіе того, что слѣдуетъ считать собра-

ніями публичными, подчиненными надзору полиціи [1]). Такими собраніями должны были впредь считаться всѣ собранія, „доступныя неопредѣленному числу лицъ, или хотя бы опредѣленному числу лицъ, но лично неизвѣстныхъ устроителямъ собранія“, а также всѣ собранія, устраиваемыя въ театрахъ, концертныхъ залахъ, зданіяхъ общественныхъ и сословныхъ учрежденій и въ помѣщеніяхъ, „спеціально для публичныхъ собраній приспособленныхъ“. Воспрещены собранія въ гостиницахъ, ресторанахъ, трактирахъ и т. п. Собранія подъ открытымъ небомъ поставлены въ зависимость отъ разрѣшенія мѣстной власти. Запрещены собранія на извѣстномъ разстояніи отъ мѣстопребыванія Императора или мѣста засѣданій Г. С. и Г. Д. во время ихъ сессій и т. д. и т. д.

Были изданы также новыя временныя правила о періодической (18 марта) и неперіодической (26 апрѣля) *печати*. Изданіе этихъ правилъ, какъ говоритъ указъ 18 марта, было вызвано тѣмъ, что существовавшія уже правила (въ томъ числѣ правила 24 ноября 1905 г.), „какъ опытъ ихъ примѣненія свидѣтельствуетъ, оказываются недостаточны для борьбы съ нарушеніями предписанныхъ требованій“. Новые законы о печати, несмотря на формальное уничтоженіе (или, вѣрнѣе, переименованіе въ „комитеты по дѣламъ печати“) цензурныхъ комитетовъ, означали новыя стѣсненія для періодической и неперіодической прессы и фактически во многихъ случаяхъ возстанавливали предварительную — до выхода въ свѣтъ—цензуру.

Манифестъ 20 февраля возвѣстилъ объ изданіи новаго *учрежденія Государственной Думы и Государственнаго Совѣта* примѣнительно къ обѣщаніямъ манифеста 17 октября. Основныя положенія манифеста были таковы: Гос. Совѣту предоставляются въ дѣлахъ законодательства равныя съ Гос. Думою права; со времени созыва Г. С. и Г. Д. „законъ не можетъ воспріять силы безъ одобренія Совѣта и Думы“; Совѣтъ и Дума созываются ежегодно; въ промежуткахъ сессій, „если чрезвычайныя обстоятельства вызовутъ необходимость“, могутъ издаваться законодательныя мѣры путемъ указовъ. Но мѣры эти не могутъ вносить измѣненія ни въ основные законы, ни въ учрежденія Г. С. и Г. Д., ни въ постановленія о выборахъ въ С. или Д., и дѣйствіе ихъ прекращается, если онѣ не будутъ внесены въ Думу въ теченіе 2 мѣсяцевъ по возобновленіи ея засѣданій или будутъ отвергнуты Думою или Совѣтомъ.

Главное значеніе манифеста 20 февраля состояло въ томъ, что онъ создавалъ и уравнивалъ въ правахъ съ Думою новое законодательное учрежденіе— *Государственный Совѣтъ*. Мы видѣли, какую роль игралъ Г. С. въ эту

---

[1]) Г. С. высказалъ въ своихъ соображеніяхъ, что отсутствіе такого опредѣленія въ правилахъ 12 окт. «давало поводъ лицамъ недобросовѣстнымъ и злонамѣреннымъ устраивать, въ обходъ закона, многолюдныя и крайне опасныя по своимъ послѣдствіямъ собранія».

переходную эпоху. Постановленія 20 февраля, вошедшія въ новое учрежденіе Г. С. (24 апр.), сохранили за нимъ эту роль, ибо не только клали въ основу выборовъ въ Г. С. сословно-корпоративную и высоко-цензовую систему, но и самый составъ этой „верхней палаты" дѣлали выборнымъ лишь наполовину. Другая половина членовъ Г. С., какъ и президіумъ его, должны были назначаться Высочайшей властью. Т. е. лишь въ очень малой степени былъ ослабленъ сановно-бюрократическій характеръ Совѣта. Выборная половина Совѣта должна была составляться изъ 6 представителей духовенства (3—чернаго и 3—бѣлаго), избираемыхъ синодомъ, членовъ отъ губернскихъ земствъ (по одному отъ каждаго), 18 членовъ отъ дворянства, выбираемыхъ съѣздомъ выборщиковъ отъ губернскихъ и областныхъ дворянскихъ обществъ (по 2 отъ каждаго) [1]), 6 членовъ, выбираемыхъ выборщиками (по 3) отъ академіи наукъ и университетовъ, 12 членовъ отъ промышленности и торговли (по 6), выбираемыхъ выборщиками отъ различныхъ торгово-промышленныхъ и биржевыхъ комитетовъ. Члены Г. С. выбираются на 9 лѣтъ и составъ ихъ обновляется по третямъ разъ въ 3 года. Минимальный возрастъ—40 лѣтъ.

Въ *учрежденіе Г. Д.* были внесены, въ силу манифеста 20 февр., нѣкоторыя измѣненія по сравненію съ учрежденіемъ 6 авг. 1905 г. Такъ, въ 1-ой же статьѣ было вычеркнуто опредѣленіе функцій Думы, какъ „предварительной разработки" законодательныхъ предположеній (что подчеркивало ея совѣщательный характеръ), но въ то же время оставлена двусмысленная формула—„обсужденіе законодательныхъ предположеній". Въ ст. 3 введено новое правило: въ указѣ о досрочномъ роспускѣ Думы должны быть не только назначены новые выборы въ Думу, но и указано время ея созыва. Раздѣленіе на отдѣлы стало необязательнымъ для Думъ, что уменьшало бюрократическій характеръ учрежденій. Лишеніе свободы членовъ Думы поставлено въ зависимость отъ „предварительнаго разрѣшенія" самой Думы. Ей же, а не сенату, какъ это было по положенію 6 авг., предоставлено рѣшать вопросъ о выбытіи или временномъ устраненіи членовъ Думы отъ участія въ собраніяхъ. Исключеніе сдѣлано для случаевъ привлеченія членовъ Думы къ отвѣтственности „за преступныя дѣянія, совершенныя при исполненіи или по поводу исполненія обязанностей, лежащихъ

---

[1]) Депутація екатеринославскаго дворянства (1 марта) ходатайствовала объ увеличеніи числа членовъ отъ дворянства. Ей было отказано изъ опасенія „справедливаго недовольства другихъ сословій, какъ, напр., торгово-промышленнаго класса, который тоже ходатайствуетъ объ увеличеніи числа представителей". Кромѣ того, депутаціи было указано, что на 34 земскихъ мѣста вѣроятно „будутъ избраны въ большинствѣ дворяне".

на нихъ по сему званію" [1]), или „задержаніи при самомъ совершеніи преступнаго дѣянія, или на слѣдующій день". Должности министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями признаны совмѣстимыми съ званіемъ членовъ Думы,—что, въ принципѣ, давало возможность образованія думскаго министерства. Думѣ было предоставлено право законодательнаго почина не только въ смыслѣ побужденія министровъ выработать опредѣленный законопроектъ, но и въ видѣ права Думы выработать его силами собственныхъ комиссій въ случаѣ отказа министерства взять эту выработку на себя. Кромѣ запросовъ о незакономѣрныхъ дѣйствіяхъ Дума получила право требовать отъ министровъ „разъясненій" (ст. 40), касающихся разсматриваемыхъ ею дѣлъ. Но за министрами сохранено право отказаться отъ дачи разъясненій, разъ предметъ думскаго вопроса „по соображеніямъ государственнаго порядка не подлежитъ оглашенію". Верховной власти представляются лишь тѣ законопроекты, которые приняты большинствомъ Г. Д. и Г. С. Всѣ другіе законопроекты считаются отклоненными и дальнѣйшаго движенія не получаютъ. Въ согласительныхъ комиссіяхъ предсѣдательствуетъ не предс. Г. С. или предс. одного изъ его департаментовъ (какъ это было по положенію 6 авг.), а одинъ изъ ея членовъ по ея выбору. По постановленію той палаты, въ которой находится законопроектъ, онъ можетъ быть, въ случаѣ разногласій, вмѣсто передачи въ соглас. комиссію, возвращенъ въ другую палату. Наконецъ, засѣданія Думы и Совѣта сдѣланы публичными [2]). За этими измѣненіями учрежденіе 6 авг. осталось въ силѣ со всѣми тѣми, умалявшими значеніе народнаго представительства чертами, о которыхъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ [3]).

Но рѣшающую роль въ смыслѣ такого умаленія предназначены были играть правила 8 марта о порядкѣ разсмотрѣнія *государственной росписи*. Этими правилами часть кредитовъ была вовсе изъята изъ вѣдѣнія Думы, часть—и при томъ громаднѣйшая—была ограждена отъ исключенія или измѣненія, „забронирована", какъ говорили впослѣдствіи, и лишь малая и при томъ несущественная часть предоставлена свободному усмотрѣнію народнаго представительства. Исключены изъ вѣдѣнія Думы въ суммахъ, не превышающихъ смѣтныя назначенія на 1906 годъ, кредиты на расходы министерства Двора, собственной Е. В. канцеляріи и канцеляріи по принятію

---

[1]) Въ этомъ случаѣ на нихъ распространяются правила, установленныя для привлеченія къ суду высшихъ гос. чиновъ.

[2]) Правила о допущеніи постороннихъ лицъ въ помѣщенія Думы и Совѣта утверждены 17 апр. Этими же правилами создана особая „охрана Таврическаго дворца", подчиненная мин. вн. дѣлъ. 20 апр. утверждены штаты этой охраны.

[3]) Опасеніе такъ наз. „активнаго" бойкота, о которомъ въ то время говорила часть революціонныхъ организацій, вызвало изданіе правилъ 8 марта „объ огражденіи свободы и правильности" выборовъ къ Г. Д. и Г. С., „а также безпрепятственной дѣятельности сихъ установленій".

прошеній, а также на расходы на „экстренныя въ теченіе года надобности“ (10-милліонный фондъ). Кромѣ того обсужденію Думы не подлежатъ кредиты, обусловленные постановленіями учрежденій объ Импер. Фамиліи, и не могутъ быть сокращены назначенія на платежи по государственнымъ долгамъ и по другимъ принятымъ на себя государствомъ обязательствамъ. Послѣднее постановленіе имѣло громадное значеніе, т. к. правительство, учреждая особый „*комитетъ финансовъ*“ (ук. 28 марта), категорически разъяснило, что вѣдѣнію Думы подлежитъ лишь разрѣшеніе вопросовъ о необходимости займовъ. Время же заключенія займа и его условія—рынокъ заключенія займа, его характеръ, срокъ, размѣръ процентовъ, эмиссіонная цѣна, способъ реализаціи и т. д.—все это осталось въ исключительномъ вѣдѣніи правительства. Точно такъ же были изъяты изъ компетенціи Думы выкупъ, конверсіи и консолидаціи займовъ, вопросы денежнаго обращенія и вообще дѣла кредитной политики. Наконецъ, какъ помнимъ, Дума была устранена и отъ рѣшенія вопросовъ о правительственныхъ гарантіяхъ частному желѣзно-дорожному строительству [1]).

„Забронированная“ часть росписи состоитъ въ доходахъ и расходахъ, внесенныхъ въ проектъ росписи на основаніи дѣйствующихъ законовъ, положеній, штатовъ, росписаній, а также Высочайшихъ повелѣній въ порядкѣ верховнаго управленія. Эти доходы и расходы не могутъ быть ни измѣняемы, ни исключаемы, какъ не могутъ быть измѣнены или исключены въ бюджетномъ порядкѣ тѣ законы, положенія и пр., на которыхъ основаны кредиты. Ихъ измѣненіе или отмѣна, какъ и ассигнованіе средствъ на новыя потребности, не относившіяся ранѣе на счетъ казны, могутъ совершаться лишь въ порядкѣ законодательномъ, т. е. въ томъ сложномъ и обезсиливающемъ Думу порядкѣ, о которомъ мы говорили выше.

Въ результатѣ дѣйствительныя бюджетныя права Думы распространяются лишь на незначительную часть бюджета. Да и значеніе этихъ бюджетныхъ правъ умаляется тѣмъ, что дѣло идетъ, главнымъ образомъ, о доходахъ и расходахъ хозяйственно-операціонныхъ (винная монополія, эксплоатація казенныхъ желѣзныхъ дорогъ и т. п.). Бюджетныхъ правъ, какъ орудія воплощенія своей политической воли, Дума почти лишена [2]). Она можетъ

[1]) Ст. 118 основныхъ законовъ дополнила правила о займахъ въ томъ отношеніи, что предоставила Верховной Власти самое разрѣшеніе займовъ въ случаѣ неутвержденія росписи къ началу смѣтнаго періода, а также займовъ, предназначаемыхъ на военныя надобности.

[2]) Въ соображеніяхъ м. вн. д. Булыгина къ проекту учрежденія Г. Д. ничтожность бюджетныхъ правъ Думы признается совершенно открыто „за исключеніемъ условныхъ кредитовъ... всѣ остальныя расходныя статьи нашей госуд. росписи въ сущности уже предопредѣлены, однѣ—какъ по предмету, такъ и по размѣру расхода, другія (хозяйственно-операціонные расходы)—по крайней мѣрѣ по предмету назначенія... Обсужденіе росписи въ Г. Д. и Г. С. приметъ, по преимуществу, характеръ выясненія нѣкоторыхъ спорныхъ вопросовъ и сомнѣній по немногимъ смѣтнымъ назначеніямъ“.

пользоваться ими, какъ оружіемъ въ острой борьбѣ съ правительствомъ, лишь отвергая всю роспись цѣликомъ, или отдѣльныя части ея.

Но значеніе такого отверженія сводится къ аппелляціи Думы къ общественнымъ силамъ, стоящимъ внѣ ея и обладающимъ вліяніемъ на бюджетъ въ качествѣ плательщиковъ налоговъ или кредиторовъ. Непосредственное же практическое значеніе отказа Думы поставить свою подпись подъ росписью парализовано другими постановленіями правилъ 8 марта. Такъ, при разногласіи Думы и Г. С., не устраненномъ „согласительною" комиссіею, въ роспись вносится кредитъ въ цифрѣ назначенія послѣдней, утвержденной въ законномъ порядкѣ росписи. Если роспись не утверждена къ началу смѣтнаго періода, въ силу входитъ также послѣдняя роспись, кредиты по которой открываются каждый мѣсяцъ въ размѣрѣ $^1/_{12}$. Чрезвычайные кредиты на потребности военнаго времени и военныя приготовленія открываются внѣ всякой зависимости отъ Думы. И, наконецъ, правительство оставило за собою право производить „неотложные" расходы и безъ вѣдома Думы, внося въ нее соотвѣтствующія представленія лишь впослѣдствіи, а въ дѣлахъ, „требующихъ тайны",—лишь „по минованіи необходимости въ сохраненіи тайны".

Всѣ перечисленныя выше временныя правила и новыя узаконенія о Думѣ и Госуд. Совѣтѣ, постепенно сжимавшія какъ бы желѣзнымъ кольцомъ развернувшіяся въ „дни свободы" общественныя силы, были сведены воедино и закрѣплены „*основными государственными законами*", спѣшно изданными 23 апрѣля—за 3 дня до съѣзда 1-ой Г. Д. Въ эти основные законы вошла бо́льшая часть тѣхъ ограничительныхъ нормъ и толкованій, которыя были созданы послѣ 17 октября, и т. к. починъ въ измѣненіи основныхъ законовъ былъ оставленъ исключительно за Верховною Властью, учредительныя функціи Думы, возможность для нея путемъ законодательства повліять на форму государственнаго строя, призваннаго смѣнить старый порядокъ, была сведена до minimum'а.

Между тѣмъ сами основные законы тщательно избѣгали характеризовать юридическую природу новаго государственнаго строя. Изъ нихъ была устранена характеристика Верховной Власти, какъ власти „неограниченной". Рядъ статей, несомнѣнно, придавалъ „основнымъ законамъ" формальный характеръ конституціоннаго акта [1]). Но, съ другой стороны, фиксированіе цѣлаго

[1]) Ст. 7: „Государь Императоръ осуществляетъ законодательную власть въ единеніи съ Г. С. и Г. Д."; ст. 11: „Государь Императоръ, въ порядкѣ верховнаго управленія, издаетъ, въ соотвѣтствіи съ законами, указы и т. д."; ст. 92: „законодательныя постановленія не подлежатъ обнародованію (сенатомъ), если порядокъ ихъ изданія не соотвѣтствуетъ положеніямъ сихъ основныхъ законовъ"; ст. 87, по которой мѣры, принимаемыя безъ Думы въ силу „чрезвычайныхъ обстоятельствъ", теряютъ силу безъ ея утвержденія и не могутъ касаться ни основныхъ законовъ, ни учрежденія Г. Д. и Г. С., ни избирательнаго права и т. п.

ряда частныхъ ограниченій правъ (напр. бюджетныхъ) народнаго представительства въ основныхъ законахъ, оставленіе за Верховною Властью исключительнаго права распоряженія цѣлыми отраслями государственнаго хозяйства и политики [1]) и сохраненіе за нею титула „самодержавная" дѣлали юридическое значеніе основныхъ законовъ двусмысленнымъ. А сопровождавшій изданіе основныхъ законовъ указъ характеризовалъ значеніе акта, какъ установленіе „новыхъ путей, по которымъ будетъ проявляться самодержавная власть Всероссійскихъ Монарховъ въ дѣлахъ законодательства".

Въ этой формулировкѣ указа передъ нами первый оффиціальный намекъ на ту теорію „обновленнаго строя"—самодержавнаго, лишь осуществляющаго самодержавіе въ „новыхъ путяхъ",—и потому свободнаго въ измѣненіи этихъ „путей",—которой суждено было играть такую важную роль въ послѣдующихъ конституціонныхъ спорахъ и конфликтахъ. Практически-политически эта формулировка означала въ данное время сохраненіе открытыми дверей, ведущихъ народъ къ старому, до-октябрьскому режиму. Возможность дѣйствительнаго возврата зависѣла отъ результатовъ борьбы общественныхъ силъ на новой государственно-правовой почвѣ.

Мы уже говорили, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, эти результаты трудно было усчитать заранѣе. Пожаръ аграрныхъ волненій, забастовокъ, военныхъ возстаній далеко еще не улегся. Правительству, правда, удавалось подавлять всѣ открытыя вспышки народнаго и общественнаго движенія. Но, подавивъ однѣ, оно наталкивалось на другія, которымъ не предвидѣлось еще скораго конца [2]). Правда, удалось реализовать еще до созыва Думы столь нужный 600 - милліонный заемъ (указъ 17 марта). Но самая реализація его, въ виду настроенія европейскихъ биржевыхъ круговъ и ихъ недовѣрія къ подточенному военными неудачами и общественнымъ движеніемъ старому порядку, требовала крайней осторожности и постепенности въ поворотѣ назадъ. Наконецъ, какъ мы уже говорили, правительство, разсчитывавшее, между прочимъ, на политическій консерватизмъ крестьянства, въ

---

[1]) Сюда относятся: власть управленія, починъ пересмотра въ Думѣ и Г. С. основныхъ законовъ, внѣшняя политика, объявленіе войны и заключеніе мира, договоры съ иностранными государствами, верховное начальствованіе надъ всѣми вооруженными силами, устройство арміи и флота, объявленіе мѣстности на военномъ или исключительномъ положеніи, монетное дѣло, назначеніе и увольненіе министровъ и т. д. и т. д.

[2]) Еще въ концѣ февраля правительство считалось съ возможностью новой забастовки, и П. Н. Дурново разослалъ слѣдующую циркулярную телеграмму губернаторамъ и градоначальникамъ: „Получены свѣдѣнія изъ Москвы, что въ мартѣ затѣвается опять забастовка. Усильте наблюденія и всѣми мѣрами препятствуйте революціонерамъ возбуждать народъ къ безпорядкамъ. Освобожденіе арестованныхъ производите съ крайнею осторожностью" („Наша Жизнь". Цит. по „Праву" 1906 г., № 11, с. 1072).

эту эпоху отнюдь еще не окончательно потеряло вѣру въ возможность выйти побѣдителемъ изъ выборной борьбы.

Всѣми этими обстоятельствами и опредѣлился двусмысленный, недоговоренный характеръ какъ всего законодательства данной эпохи, такъ, въ частности, и основныхъ законовъ. Значеніе этого законодательства заключалось не въ созданіи и закрѣпленіи прочнаго и юридически оформленнаго государственнаго строя, а лишь въ созданіи новой почвы, новыхъ формъ и новыхъ орудій для рѣшенія тѣхъ вопросовъ, которые не смогло рѣшить до конца бурное общественное движеніе „дней свободы". Какія общественныя силы выйдутъ побѣдителями изъ этой борьбы, это былъ вопросъ будущаго. Но все же завоеваніе новой арены борьбы означало коренной переломъ въ развитіи не только общественныхъ силъ, но и государственной власти. Общественныя силы впервые получили возможность политически проявлять себя, сплачиваться, группироваться открыто. Государственная власть была выведена изъ той мистической недосягаемости, въ какой она пребывала до тѣхъ поръ. Ей пришлось спуститься на ту же арену, на которой боролись всѣ другія общественныя силы, и такъ же открыто опредѣлять свое отношеніе къ нимъ. Тотъ „надклассовый" характеръ, который ей удалось пріобрѣсти въ извѣстный періодъ развитія, исчезъ безслѣдно. Но точно такъ же исчезла и та изолированность, которая отличала ее въ предреволюціонную эпоху. Степень ея самостоятельности сильно понизилась, и ея дальнѣйшей политикѣ суждено было проходить въ тѣсномъ и открытомъ союзѣ съ одними классами населенія, въ упорной борьбѣ—съ другими.

Мы уже говорили, что первымъ и естественнымъ союзникомъ явилось круто повернувшее вправо земельное дворянство. Оффиціальная дворянская программа этой эпохи носила, сообразно условіямъ времени, переходный характеръ. Но дворянство не скрывало и своихъ дальнѣйшихъ вожделѣній. Оно мобилизовало и организовало подъ своимъ руководствомъ всѣ силы, готовыя сейчасъ встать на пути дальнѣйшимъ завоеваніямъ общественнаго движенія, и, выкинувъ націоналистическое знамя, демагогически использовало въ реакціонныхъ цѣляхъ и соціальные инстинкты отсталыхъ демократическихъ массъ. А бюрократія санкціонировала это своеобразное „чорносотенное" движеніе даже въ самыхъ крайнихъ его проявленіяхъ [1]).

---

[1]) Такъ, когда сенатъ 14 марта разсматривалъ (и рѣшилъ прекратить) дѣла минскаго губ. Курлова и одесскаго градонач. Нейдгарта, обвинявшихся въ попустительствѣ погромамъ, мин. вн. дѣлъ П. Н. Дурново „въ своемъ словѣ высказалъ приблизительно такое мнѣніе, что такія лица, какъ г.г. Курловъ и Нейдгартъ, никогда не могутъ и не должны быть привлекаемы къ судебной отвѣтственности, ибо они въ своихъ дѣйствіяхъ сообразовались съ видами и предположеніями правительства и явились правильными выразителями его желаній" („Рѣчь", цит. по „Праву" 1906 г., № 12, с. 1156.)

Рядъ депутацій формулировалъ пожеланія и политическую программу руководимаго дворянствомъ движенія. Такъ, депутація „союза русскаго народа“ (23 дек.), заявляя о „нетерпѣніи“, съ которымъ союзъ ждетъ созыва Думы, въ то же время высказывала убѣжденіе, что „самодержавіе вполнѣ совмѣстимо съ Г. Думою, какъ оно совмѣстимо съ существованіемъ судебныхъ учрежденій“, и увѣряла, что „всякая попытка захватить или ограничить царскую власть вызоветъ въ народѣ неслыханную, ужасающую смуту“. Кромѣ того депутація высказывалась противъ отобранія крестьянами земли у помѣщиковъ, настаивала на сохраненіи неравноправія евреевъ и обвиняла часть „высшихъ сановниковъ“ въ „потаканіи крамольникамъ“. Депутаціи тамбовскаго, тульскаго (2 февр.) и владимирскаго (9 февр.) дворянства просили и получили увѣреніе въ „неотъемлемости частной земельной собственности“ при предстоящей крестьянской реформѣ. Депутаціи самодержавно-монархической партіи гор. Иваново-Вознесенска (16 февр.) было заявлено, что при непремѣнномъ осуществленіи реформъ, возвѣщенныхъ манифестомъ 17 октября, и неотъемлемости правъ, данныхъ одинаково всему населенію, „самодержавіе остается такимъ, какимъ оно было встарь“.

Таково было положеніе, при которомъ происходили выборы въ первую Госуд. Думу. Администрація не щадила усилій, чтобы направить выборы въ русло, желательное министерству: прямое давленіе, аресты и ссылки намѣченныхъ кандидатовъ, привлеченіе ихъ къ суду по статьямъ, влекущимъ за собою лишеніе избирательныхъ правъ, — все это было пущено въ ходъ. Тѣмъ большею неожиданностью былъ ярко оппозиціонный исходъ выборовъ не только въ городѣ, но и въ деревнѣ. Министерство Витте-Дурново получило отставку (22 апр.). Либеральныя газеты, въ упоеніи избирательными успѣхами, готовы были видѣть въ этой отставкѣ признакъ новой и на этотъ разъ рѣшительной побѣды „избирательныхъ бюллетеней“ надъ „зміемъ“. Опубликованіе основныхъ законовъ черезъ день послѣ отставки Витте-Дурново и образованіе министерства Горемыкина очень скоро показали, что дѣло обстояло совершенно иначе. Въ лицѣ министерства Витте-Дурново сходилъ въ могилу кабинетъ, на „неустойчивость“ котораго жаловалось дворянство и который самыми условіями того времени, когда ему приходилось дѣйствовать, вынужденъ былъ запятнать себя въ глазахъ „патріотовъ“ компромиссами и „неустойчивостью“. Въ лицѣ кабинета Горемыкина выступала бюрократія, не скомпрометтировавшая себя конституціонною фразою и готовая вступить въ систематическую, сначала медленную и осторожную, потомъ все болѣе настойчивую и явную борьбу съ противниками дворянско-бюрократическаго пересмотра созданнаго 17-мъ октября положенія.

(Окончаніе во II ч. тома).